Предисловіе.

Въ первыхъ двухъ главахъ предлагаемыхъ записокъ я излагаю обстоятельства, сопровождавшія мой арестъ въ Германіи и выдачу меня ею Россіи. Если раньше могли существовать какія-либо сомнѣнія по поводу мотивовъ, которыми руководилась въ этомъ случаѣ Германія, то въ настоящее время они болѣе не могутъ уже имѣть мѣста, такъ какъ недавно въ Рейхстагѣ ихъ обстоятельно изложилъ самъ имперскій канцлеръ. Въ своемъ отвѣтѣ на сдѣланную соціаль-демократическимъ депутатомъ Гаасомъ интерпелляцію по поводу арестованныхъ въ Кенигсбергѣ германскихъ гражданъ, обвиненныхъ въ контрабандной перевозкѣ въ Россію русскихъ революціонныхъ изданій, гр. Бюловъ сообщилъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Дейчъ, котораго русское правительство считало нигилистомъ, по требованію Россіи былъ выданъ баденскимъ правительствомъ, а затѣмъ одесскимъ военнымъ судомъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ.

„Для характеристики взглядовъ перваго канцлера служатъ слѣдующія мѣста изъ актовъ иностраннаго министерства, касающіяся дѣла Дейча. Въ сообщеніи, написанномъ, по порученію князя Бисмарка прусскому послу въ Дармштадтѣ, статсъ-секретарь гр. Гацфельдъ говоритъ:

„Позволю себѣ замѣтить, что для нашихъ политическихъ отношеній съ Россіей было-бы полезно, если-бы въ этомъ случаѣ мы удовлетворили справедливое желаніе русскаго правительства относительно выдачи ему опаснаго и закоренѣлаго революціонера, бѣжавшаго изъ русскихъ тюремъ„

„Въ своемъ отношеніи къ баденскому министерству тотъ же статсъ-секретарь сообщаетъ:

„Такъ какъ Дейчъ обвиняется въ Россіи въ уголовномъ преступленіи и такъ какъ, по политическимъ соображеніямъ, слѣдуетъ въ этомъ случаѣ удовлетворить желаніе русскаго правительства, то я надѣюсь, что министерство Великаго герцогства Баденскаго согласится оказать свое содѣйствіе, чтобы арестованный попалъ въ руки русскихъ властей".

„Въ докладѣ, изготовленномъ для Его Величества по поводу этого дѣла, кн. Бисмаркъ говоритъ:

„Въ томъ случаѣ, если требующіеся для выдачи акты не смогутъ быть во время доставлены, русское правительство желаетъ, чтобы изгнаніе названнаго лица было такъ обставлено, чтобы русскія власти могли схватить его на русской территоріи. Его Величество, русскій императоръ, проявляетъ лично большой интересъ, чтобы исполнено было желаніе его правительства. Въ интересахъ укрѣпленія нашихъ отношеній къ Россіи, я позволю себѣ почтительнѣйше указать, что въ высшей степени важно, чтобы съ нашей стороны было все сдѣлано для осуществленія указаннаго желанія".

„Наконецъ, въ собственноручно подписанномъ кн. Бисмаркомъ обращеніи къ баденскому министерству говорится:

„Его Величество, русскій императоръ, придаетъ большое значеніе тому, чтобы этотъ опасный и замѣшанный въ разныхъ преступленіяхъ нигилистъ могъ быть привлеченъ въ Россіи къ отвѣтственности. Исполненіе или, наоборотъ, отклоненіе указаннаго желанія не останется, поэтому, безъ вліянія на чувства, которыя императоръ Александръ питаетъ къ нѣмецкой политикѣ и которыя мы нашей внѣшней политикой неустанно и съ успѣхомъ поддерживали, въ интересахъ мира. По русскому государственному праву личныя убѣжденія и чувства императора являются рѣшающими въ политикѣ великой сосѣдней намъ страны. Въ виду этихъ обстоятельствъ, политическія соображенія требуютъ, чтобы исполнено было желаніе русскаго правительства. Если-же, не смотря на все это, въ выдачѣ будетъ отказано, то иностранное министерство и дипломатія принуждены будутъ отклонить отъ себя отвѣтственность за-

послѣдствія, которыя вызоветъ этотъ отказъ въ отношеніяхъ Германской имперіи и Россіи".

Изъ этихъ государственныхъ актовъ, приведенныхъ столь компетентнымъ лицомъ, какъ теперешній германскій канцлеръ, ясно, что я явился жертвой угодничества кн. Бисмарка предъ Александромъ III. Но печальнѣе всего то, что столь унизительная для Германіи политика не прекращается и до настоящаго момента. По собственному признанію, сдѣланному гр. Бюловымъ въ томъ же засѣданіи рейхстага, „въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ только (!) три русскихъ нигилиста были изгнаны на русскую границу". Но читающій міръ знаетъ значительно больше случаевъ всякаго рода возмутительнаго издѣвательства германскихъ властей, изъ лакейскихъ соображеній, надъ русскими, такъ или иначе попадающимися имъ подъ руку.

Истекшія, со времени выдачи меня 20 слишкомъ лѣтъ, въ этомъ отношеніи не произвели рѣшительно никакого измѣненія въ политикѣ германскаго правительства. Но, полагаю, теперь уже близокъ часъ, когда положенъ будетъ конецъ столь недостойному поведенію этого правительства: происходящее въ настоящее время у насъ революціонное броженіе несомнѣнно закончится паденіемъ самодержавія, и русскій царь перестанетъ играть роль „европейскаго жандарма". Тогда, можно надѣяться, измѣнится также внутренняя и внѣшняя политика Германіи.

Въ настоящемъ изданіи мои записки появляются въ сильно измѣненномъ видѣ, по сравненію съ вышедшими, изданіями ихъ на иностранныхъ языкахъ [1]): между тѣмъ какъ первая часть — до прихода на Кару — здѣсь нѣсколько сокращена, вторая — до выхода изъ тюрьмы, — наоборотъ, значительно дополнена. Кромѣ соображенія о различіи, существующемъ между интересами русскаго и иностраннаго читателя къ тѣмъ или инымъ лицамъ и фактамъ, — причиной сдѣланныхъ мною здѣсь добавленій

[1]) Англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, голландскомъ и польскомъ; печатаются и скоро выйдутъ на италіанскомъ и болгарскомъ яз.

I.

Поѣздка въ Германію. — Изъ революціоннаго прошлаго. — Причина ареста.

Въ началѣ марта 1884 года я изъ Цюриха черезъ Базель поѣхалъ во Фрейбургъ Великаго Герцогства Баденскаго. Оттуда мнѣ необходимо было отправить контрабаднымъ путемъ въ Россію нѣсколько пудовъ разныхъ русскихъ соціалистическихъ изданій, напечатанныхъ въ Швейцаріи и, конечно, запрещенныхъ въ Россіи.

Въ Германіи тогда дѣйствовалъ исключительный законъ противъ соціалистовъ; поэтому, центральный органъ нѣмецкой рабочей партіи, „Der Sozialdemokrat", печатался въ Цюрихѣ и также контрабаднымъ путемъ перевозился въ Германію. Надзоръ на швейцарско-германской границѣ былъ чрезвычайно усиленъ, что крайне затрудняло доставку и въ Россію печатавшихся въ Швейцаріи русскихъ, польскихъ и другихъ произведеній. Поэтому, лица, желавшія отправить такія произведенія въ Россію, должны были сами перевозить ихъ въ своемъ багажѣ черезъ швейцарско-германскую границу до какого-нибудь нѣмецкаго города. То же намѣренъ былъ сдѣлать и я тогда.

Я везъ съ собою въ багажѣ два большихъ ящика; до половины они были заняты книгами, сверху которыхъ, для устраненія подозрѣнія со стороны пограничнаго таможеннаго надзора, въ одномъ лежало мужское, а въ другомъ женское бѣлье и платье, какъ бы принадлежавшія моей женѣ. Для этого, при осмотрѣ вещей въ базельской таможнѣ, присутствовала жена моего друга Аксельрода, пріѣхавшая вмѣстѣ со мною изъ Цюриха. Кромѣ Надежды Аксельродъ, меня провожалъ на вокзалъ знакомый базельскій соціалистъ; онъ объяснилъ мнѣ, какъ, пріѣхавъ въ Германію, нужно отправить дальше привезенныя изданія, такъ какъ всего за нѣсколько дней до моей поѣздки, онъ, по моей рекомендаціи, самъ сопровождалъ одного моего знакомаго, поляка-соціалиста Яблонскаго во Фрейбургъ, откуда они вмѣстѣ отправили куда-то транспортъ польскихъ изданій.

Попрощавшись съ провожавшими меня лицами и узнавши отъ швейцарца-соціалиста названіе дешевой и недалеко отъ вокзала находящейся гостинницы во Фрейбургѣ, я сѣлъ въ первый попавшійся вагонъ 3-го класса.

Было воскресенье, и вагонъ оказался биткомъ набитымъ веселой, празднично настроенной публикой; раздавались пѣсни и крики. Показался кондукторъ, который былъ ужасно грубъ и нахаленъ, какъ это нерѣдко тогда случалось на германскихъ

желѣзныхъ дорогахъ. Увидѣвъ у меня въ зубахъ папиросу, онъ дерзко закричалъ на меня, что это вагонъ для некурящихъ. Я вѣжливо объяснилъ ему, что второпяхъ не замѣтилъ этого и, тутъ же бросивъ папиросу, обѣщалъ не курить, такъ какъ мнѣ недалеко ѣхать. Но онъ грубо потащилъ меня въ другой вагонъ. „Дурная примѣта!“ — помню, мысленно произнесъ я по поводу этого инцидента. На душѣ у меня было неспокойно, тоскливо; что-то ныло, щемило. Къ тому же погода весь день стояла пасмурная; небо было покрыто тучами; шелъ мелкій дождь, а въ такихъ случаяхъ у меня, какъ и у многихъ людей, настроеніе — не изъ веселыхъ.

Поѣздъ тронулся и, погруженный въ грустныя думы, я не замѣтилъ, какъ мы пріѣхали во Фрейбургъ. Было часовъ 7-8 вечера. Выйдши на дебаркадеръ, я обратился къ первому попавшемуся портье съ вопросомъ, кто изъ нихъ изъ „Freiburgerhof“. Оказалось, что вопрошаемый и былъ таковымъ. Я отдалъ ему свой ручной багажъ и квитанцію на полученіе двухъ моихъ ящиковъ. Посмотрѣвъ на обозначенный въ ней вѣсъ, онъ выразилъ удивленіе по поводу его размѣра. Чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе, я спокойно сказалъ, что это у меня много учебныхъ книгъ, такъ какъ я студентъ и пріѣхалъ во Фрейбургъ къ весеннему семестру.

Названная гостинница дѣйствительно оказалась близко отъ вокзала. Занявъ номеръ, я спустился въ ресторанъ поужинать. Когда я проходилъ мимо буфета, за которымъ стоялъ, повидимому, самъ хозяинъ, я замѣтилъ, что приведшій меня съ вокзала служитель о чемъ-то съ нимъ шепгался. Не успѣлъ я докончить ужинъ, какъ ко мнѣ подошла кельнерша съ книгой для записи проѣзжающихъ. У меня былъ съ собою русскій заграничный паспортъ, взятый мною у одного товарища; поэтому, я записался Александромъ Булыгинымъ изъ Москвы.

Послѣ ужина я приказалъ подать себѣ въ номеръ письменныя принадлежности и самъ отправился туда. Но лишь только, очутившись въ номерѣ, я затворилъ за собою дверь, какъ немедленно же раздался въ нее стукъ. На мое „herein!“ вмѣсто прислуги съ заказанными принадлежностями для письма, какъ я ожидалъ, къ большому моему удивленію, на порогѣ показался полицейскій, въ сопровожденіи какого то штатскаго господина.

— Я агентъ тайной полиціи, отрекомендовался мнѣ послѣдній, позвольте осмотрѣть, что у васъ имѣется въ ящикахъ.

Такъ какъ Фрейбургъ находится вблизи швейцарской границы, то полиція, узнавъ отъ портье гостинницы о пріѣздѣ молодого человѣка съ тяжелыми ящиками, могла заподозрить, что въ нихъ имѣются какія-нибудь контрабандныя вещи, а то и того хуже, что я анархистъ и привезъ динамитъ. Сдѣлавъ мысленно такое предположеніе, я постарался, насколько это было

возможно, принять самый спокойный видъ. Начавъ отпирать сундуки, я какъ бы вскользь объяснилъ, что въ нихъ лежатъ вещи моей жены, которая также должна сюда пріѣхать.

Лишь только я открылъ одинъ ящикъ, какъ тотчасъ же оказалось, что мое предположеніе о причинѣ прихода ко мнѣ полиціи было ошибочно: сыщикъ очевидно искалъ не контрабанды и не динамита, а именно книги. Тогда я подумалъ, что у меня ищутъ нѣмецкія соціалъдемократическія изданія. Тѣмъ сильнѣе, поэтому, было мое удивленіе, когда, увидѣвъ одну небольшую въ красной обложкѣ книжку, агентъ воскликнулъ: „вотъ это намъ и нужно!“.

То былъ „Календарь Народной Воли“, книжка, вышедшая за годъ передъ тѣмъ и свободно продававшаяся въ книжныхъ магазинахъ Германіи.

— Теперь я долженъ васъ лично обыскать, заявилъ мнѣ затѣмъ агентъ.

Кромѣ записной книжки, одного письма и бумажника съ нѣсколькими стами марокъ, у меня въ карманахъ было еще съ десятокъ номеровъ цюрихскаго „Sozialdemokrat“а; я захватилъ ихъ передъ отъѣздомъ, чтобы передать ихъ въ Германіи одному русскому знакомому.

— А вотъ это мы и читать можемъ! съ радостью воскликнулъ агентъ, увидѣвъ названіе газеты, теперь я васъ арестую, закончилъ онъ.

— Почему? За что? спросилъ я пораженный.

— Тамъ узнаете, слѣдуйте за мною! грубо возразилъ онъ.

Обыскъ у меня и мой арестъ были произведены въ высшей степени страннымъ образомъ: не соблюдены были даже самыя элементарныя правила и гарантіи неприкосновенности личности: мнѣ не предъявлено было рѣшительно никакой бумажки отъ судьи или какого-либо административнаго учрежденія, не присутствовали никакіе свидѣтели, не составлено было никакого акта о томъ, что у меня было найдено. Мнѣ, напримѣръ, самому пришлось настоять, чтобы полицейскіе при мнѣ сосчитали находившіяся въ отнятомъ ими бумажникѣ деньги, хотя это, конечно, служило плохой гарантіей цѣлости принадлежавшаго мнѣ имущества.

Когда я съ арестовавшими меня лицами спускался съ лѣстницы, по ней въ это время поднималась вверхъ какая-то молодая женщина съ небольшимъ ручнымъ саквояжемъ въ рукѣ. Агентъ спросилъ меня, не моя ли это жена? Хотя я отвѣтилъ отрицательно, но онъ все же попытался задержать ее. Вѣроятно заподозривъ въ немъ ловеласа, молодая женщина съ крикомъ бросилась бѣжать вонъ на улицу. Тогда агентъ приказалъ полицейскому вести меня далѣе, а самъ устремился за убѣгавшей незнакомкой.

Оставшись со мной наединѣ, полицейскій взялъ было меня за руку, желая такимъ образомъ вести меня по улицѣ, но я рѣзко воспротивился этому, заявивъ, что я не совершилъ въ Германіи никакого преступленія, и онъ не вправѣ такъ меня третировать.

Зданіе, въ которое мы съ нимъ затѣмъ пришли, оказалось подслѣдственной тюрьмой. Тамъ меня вновь обыскали, и какой-то служитель, впервые съ момента моего ареста, спросилъ меня объ имени и фамиліи. Въ это время появился тотъ же тайный агентъ, ведя за руку убѣжавшую незнакомку. Она навзрыдъ плакала и кричала, что она ни въ чемъ не повинна, за что ее срамятъ и проч. Въ связи со всѣмъ мною пережитымъ въ первый же часъ моего пріѣзда во Фрейбургъ, сцена эта произвела на меня самое тяжелое впечатлѣніе.

— Что это такое, закричалъ я, за что вы мучаете эту женщину? Повторяю, она не жена моя, и я ее въ первый разъ вижу.

— Ну, это мы сами разберемъ! Не ваше дѣло, кого мы арестуемъ! грубо отвѣтилъ агентъ.

„Однако, совсѣмъ какъ у насъ въ Россіи", мысленно произносилъ я, поднимаясь затѣмъ во второй этажъ, вслѣдъ за шедшимъ впереди меня тюремнымъ надзирателемъ. Вотъ раздалось громыханье отпиравшагося замка, и я очутился въ камерѣ, въ которой, послѣ ухода надзирателя, настала полнѣйшая темнота, такъ какъ ни камеры, ни корридоры въ этой тюрьмѣ ночью вовсе не освѣщались.

Замѣтивъ, гдѣ стоитъ кровать, я въ изнеможеніи бросился на нее, не раздѣваясь. Въ головѣ у меня былъ полнѣйшій хаосъ; мысли путались; я не могъ ничего понять, сообразить. Я чувствовалъ себя сдавленнымъ, пришибленнымъ внезапно свалившимися на меня обстоятельствами. Всю ночь душилъ меня тяжелый кошмаръ; я поминутно просыпался, не будучи въ состояніи сообразить, гдѣ я, что со мною? Когда же, наконецъ, я вспоминалъ все случившееся и отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ немъ, то меня охватывалъ ужасъ. Хотя въ Германіи я не совершилъ никакого преступленія и между нею и Россіей въ то время еще не существовало договора о выдачѣ политическихъ преступниковъ*); но я имѣлъ основаніе опасаться, что нѣмцы не откажутся отправить меня на родину. Чтобы мои опасенія и тревоги стали вполнѣ понятны, я долженъ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, передать здѣсь нѣкоторыя обстоятельства изъ моего прошлаго.

Ровно десять лѣтъ передъ описываемымъ временемъ, — въ 1874 году, — я, будучи 19-тилѣтнимъ юношей, примкнулъ къ

*) Такой договоръ заключенъ осенью 1885 года.

такъ называемому „пропагандистскому“ движенію, которое охватило тогда значительную часть учащейся молодежи въ разныхъ концахъ Россіи. Какъ и у большинства юныхъ пропагандистовъ, во мнѣ говорило, главнымъ образомъ, чувство безграничнаго сострадания къ бѣдственному положенію трудящагося населенія; какъ и другіе, я считалъ своимъ долгомъ, обязательнымъ для каждаго честнаго и послѣдовательнаго человѣка, который любитъ свою родину, по мѣрѣ силъ содѣйствовать освобожденію народа отъ экономическаго гнета, отъ униженія, невѣжества и забитости, въ которыхъ онъ находится. Всегда отзывчивая къ страданіямъ другихъ, тогдашняя молодежь не могла оставаться равнодушной къ угнетенному положенію, въ которомъ находились незадолго передъ тѣмъ освбожденные отъ крѣпостной зависимости крестьяне. Но, чтобы освободить трудящіеся классы отъ матеріальныхъ и всякихъ другихъ лишеній и бѣдствій, пропагандисты находили необходимымъ измѣнить соціальныя условія Россіи; подобно западно-европейскимъ соціалистамъ, они считали нужнымъ уничтожить частную собственность на землю и орудія труда, сдѣлавъ ихъ коллективными. Пропагандисты глубоко вѣрили, что народъ легко пойметъ ихъ идеи и стремленія и охотно къ нимъ присоединится. Эта вѣра до чрезвычайности подняла ихъ духъ, возбудила въ нихъ небывалый энтузіазмъ и способность къ безграничному самопожертвованію. Юноши и молодыя дѣвушки безъ малѣйшихъ колебаній отказывались отъ привилегированнаго своего положенія и предстоявшей каждому изъ нихъ карьеры; они бросали учебныя заведенія, рвали семейныя связи, разставались съ самыми близкими людьми, — все это для того, чтобы отдать себя цѣликомъ, посвятить всѣ свои силы и средства общему дѣлу. Для этого рѣшительно никакія жертвы не казались молодежи сколько-нибудь значительными. Общность взглядовъ, единство цѣли и настроеній связывали всѣхъ пропагандистовъ въ одну тѣсно сплоченную семью. Между ними установились самыя нѣжныя братскія отношенія, въ ихъ средѣ господствовалъ полнѣйшій альтруизмъ, и они готовы были жертвовать всѣмъ другъ за друга. Только въ великія историческія эпохи, во времена подвижничества первыхъ христіанъ и преслѣдуемыхъ сектъ, господствовали между прозелитами подобныя отношенія и настроенія.

Но, какъ и вездѣ это случалось, не у всѣхъ пропагандистовъ указанное настроеніе надолго осталось непоколебимо прочнымъ. Въ ихъ среду также попали нѣкоторые малодушные, а то и прямо низкіе люди, ставшіе впослѣдствіи ренегатами. Такихъ людей было, правда, немного. Но давно извѣстно, что сотни самыхъ искусныхъ тайныхъ и явныхъ правительственныхъ агентовъ не въ состояніи принести сторонникамъ преслѣдуемаго направленія такого громаднаго вреда, какъ одинъ измѣнникъ изъ

ихъ собственной среды. То же, благодаря ренегатамъ, случилось и съ русскими пропагандистами.

Лишь только молодые люди, одѣвшись въ крестьянское платье, чтобы стать ближе къ народу, отправились весной 1874 г. въ разныхъ концахъ Россіи по селамъ и деревнямъ для пропаганды идей соціализма, какъ уже появилось два-три измѣнника, которые предали общее дѣло и выдали правительству массу лицъ. Тогда начались многочисленные обыски и аресты; жандармы хватали праваго и виноватаго; тюрьмы и разныя мѣста заключенія были переполнены; около 1000 человѣкъ было арестовано въ указанномъ году; многіе изъ нихъ, просидѣвъ по нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, кончили жизнь самоубійствомъ, большое число было сошедшихъ съ ума, процентъ заболѣваній и смертности оказался громаднымъ.

Вполнѣ естественно, поэтому, что предатели вызывали къ себѣ со стороны соціалистовъ чувства глубокой ненависти и злобы. Причиненный ими вредъ невольно наталкивалъ многихъ пропагандистовъ на мысль о мести, о необходимости расправы съ ними, чтобы, дѣйствуя устрашающимъ образомъ, удерживать другихъ отъ предательства. Но въ теченіе первыхъ лѣтъ подобные взгляды не выходили изъ области теоріи, такъ какъ пропагандисты были крайне мирными людьми. Только лѣтомъ 1876 г. впервые произведена была попытка подобной расправы. Обстоятельства этого дѣла были слѣдующія.

Въ Елисаветградѣ собрался на время извѣстный тогда на югѣ довольно большой кружокъ „кіевскихъ бунтарей“, въ число членовъ котораго и я входилъ*). Между многими „нелегальными“, составлявшими этотъ кружокъ, было нѣсколько человѣкъ, которыхъ полиція энергично разыскивала, вслѣдствіе оговоровъ, между прочимъ, и Н. Гориновича. Послѣдній, будучи арестованъ въ 1874 году и, по тому времени сильно скомпрометированъ, сталъ вскорѣ выдавать все, что зналъ и, повредивъ такимъ образомъ нѣкоторымъ лицамъ, добился освобожденія изъ тюрьмы. Какъ и другихъ ренегатовъ, его навѣрно также никто не сталъ бы трогать, если бы онъ совершенно оставилъ революціонную среду. Онъ же, по прошествіи двухъ лѣтъ послѣ освобожденія, вновь сталъ пробираться въ нее. Познакомившись какимъ-то путемъ съ неопытными юношами и, конечно, не сообщивъ имъ о своемъ ренегатствѣ, Гориновичъ узналъ отъ нихъ, что въ Елисаветградѣ находится извѣстный кіевскій кружокъ. Тогда онъ, подъ вымышленнымъ именемъ, явился въ этотъ городъ и сталъ разыскивать именно тѣхъ нелегальныхъ, которыхъ онъ же ого-

*) Подробности объ этомъ кружкѣ можно найти въ „Воспоминаніяхъ“ Дебагорія-Мокріевича, хотя, къ сожалѣнію, въ нихъ имѣются нѣкоторыя неточности.

ворилъ. Но Гориновичъ былъ узнанъ нами, и у нѣкоторыхъ изъ насъ естественно явилось подозрѣніе, что онъ пріѣхалъ въ Елисаветградъ съ намѣреніемъ указать полиціи имъ скомпрометированныхъ лицъ. Тогда я съ однимъ товарищемъ рѣшили убить его. Не желая дѣлать этого въ Елисаветградѣ, гдѣ полиція легко могла бы напасть на слѣдъ, мы предложили Гориновичу отправиться съ нами въ Одессу подъ предлогомъ, что тамъ находятся разыскиваемыя имъ лица. Онъ согласился. Не буду распространяться объ этомъ несчастномъ дѣлѣ*). Скажу лишь, что Гориновичъ, страшно изуродованный, остался живъ. Онъ разсказалъ полиціи о всѣхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ покушеніе на его жизнь. Начались энергичные розыски и аресты. Осенью слѣдующаго года я, вмѣстѣ съ другими лицами, былъ арестованъ по такъ называемому „Чигиринскому дѣлу". Но весной 1878 года мнѣ, Стефановичу и Бохановскому удалось бѣжать изъ кіевской тюрьмы.

Между тѣмъ, судъ надъ обвиняемыми по дѣлу о покушеніи на жизнь Гориновича состоялся лишь въ концѣ ноября 1879 г. въ періодъ разгара краснаго и бѣлаго террора. Послѣ цѣлаго ряда террористическихъ фактовъ, направленныхъ противъ разныхъ должностныхъ лицъ, революціонеры въ то время сосредоточили все свое вниманіе на убійствѣ Александра II-го. На террористическіе факты правительство отвѣчало изданіемъ исключительныхъ законовъ, военными судами и казнями лицъ, нерѣдко совершенно непричастныхъ къ этого рода дѣятельности. За нѣсколько дней до начала суда надъ арестованными по дѣлу о покушеніи на Гориновича, когда имъ уже былъ выданъ обвинительный актъ, подводившій ихъ подъ сравнительно незначительныя наказанія, террористами произведенъ былъ девятнадцатаго ноября подъ Москвой взрывъ поѣзда, въ которомъ какъ предполагалось, долженъ былъ ѣхать царь. Свою злость за этотъ фактъ правительство вымещало на пяти обвиняемыхъ по дѣлу о покушеніи на Гориновича. Хотя изъ числа ихъ всего лишь одно лицо принимало участіе въ этомъ дѣлѣ, и всѣ подсудимые были арестованы за 2-3 года до начала террористическаго движенія, а, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не могли являться за него отвѣтственными, но судъ отвѣтилъ на взрывъ поѣзда подъ Москвой жестокимъ приговоромъ надъ совершенно непричастными лицами: Дробязгинъ, Малинка и Майданскій были повѣшены въ Одессѣ 3-го декабря, Костюринъ и Янковскій были приговорены къ каторжнымъ работамъ, а предатель Ѳеодоръ Курицынъ**) оправданъ. Въ случаѣ ареста

*) Интересующійся подробностями можетъ обратиться къ къ Туну „Ист. револ. движ. въ Россіи".

**) Студентъ Харьк. Ветерин. Института Ѳ. Курицынъ былъ арестованъ весной 1877 года въ Одессѣ. Въ тюрьмѣ онъ сталъ

меня ждала тяжелая участь. Но въ началѣ 1880 года я эмигрировалъ за границу, гдѣ оставался на свободѣ до вышеописаннаго происшествія во Фрейбургѣ. Понятно теперь, почему меня такъ страшилъ этотъ арестъ.

Въ Германіи, какъ и во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, существуетъ законъ, въ силу котораго нельзя арестованнаго держать подъ стражей болѣе однихъ сутокъ безъ постановленія судьи. Но, вѣроятно, потому, что я былъ иностранцемъ, меня повели къ судьѣ почти двое сутокъ спустя послѣ ареста. Задавъ обычные вопросы о моемъ имени, званіи и проч., судья объявилъ мнѣ, что, какъ иностранецъ, личность котораго не можетъ быть немедленно удостовѣрена, я долженъ остаться подъ стражей. При этомъ онъ утѣшилъ меня поясненіемъ, что я имѣю право обжаловать его постановленіе, но тутъ же прибавилъ, что это ни къ чему не приведетъ. Поданная мною жалоба дѣйствительно была оставлена безъ послѣдствій.

Такимъ образомъ, и послѣ этого допроса я столь же мало зналъ о причинѣ моего ареста, какъ и до него. Не меньше прежняго я терялся въ догадкахъ; какъ и раньше у меня по этому поводу являлись всевозможныя преположенія. Неопредѣленность положенія вообще тяжела для всякаго человѣка, но она даетъ себя особенно сильно чувствовать лицамъ, заключеннымъ въ тюрьмѣ. Для меня же неизвѣстность становилась просто невыносимой. Только по прошествіи трехъ сутокъ со дня ареста меня впервые повели въ камеру слѣдователя. Послѣ повторенія вновь обычныхъ вопросовъ, онъ спросилъ меня, извѣстна ли мнѣ причина моего ареста? На мой отрицательный отвѣтъ онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее.

За нѣсколько дней до моего пріѣзда, изъ Базеля же пріѣзжали двое — одинъ швейцарецъ и полякъ Яблонскій, которые, такъ же какъ и я, остановились въ гостинницѣ „Freiburgerhof“ и тоже привезли съ собою въ ящикахъ много книгъ. Книги эти они затѣмъ по почтѣ отправили въ Бреславль на адресъ одного

предателемъ, о чемъ никто изъ товарищей не подозрѣвалъ. Онъ не только выдалъ все, что зналъ, но, бесѣдуя съ вновь прибывавшими, узнавалъ о томъ, что дѣлается на волѣ, и немедленно передавалъ узнанное жандармамъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе его предательства, казнены были его сопроцессники, а также многіе другіе — Лизогубъ, Чубаровъ, Давиденко, Гобстъ, Виттенбергъ, еще большее число оговоренныхъ имъ лицъ было отправлено въ каторжныя работы. Впослѣдствіе этотъ господинъ въ качествѣ ветеринарнаго врача, говорятъ, разыгрывалъ изъ себя либерала и при отъѣздѣ изъ Саратова ему были устроены даже торжественныя проводы (см. „Искру“). Въ настоящее время онъ состоитъ главнымъ начальникомъ ветеринарной части въ Туркестанскомъ краѣ.

лица, которое какъ разъ въ тѣ дни было арестовано. Полиція вскрыла пришедшія для него посылки, и въ нихъ оказались многія запрещенныя въ Германіи польскія брошюры, напечатанныя въ Швейцаріи. Такъ какъ на этихъ посылкахъ отправители выставили свои имена и мѣстожительствомъ указали гостинницу „Freiburgerhof“, то брошюры эти были присланы обратно во Фрейбургъ, для возбужденія слѣдствія противъ швейцарца и Яблонскаго. Сообщено было въ эту гостинницу, чтобы, въ случаѣ вторичнаго пріѣзда названныхъ лицъ, было дано знать полиціи. Приведшій меня съ вокзала служащій, узнавъ, что у меня въ ящикахъ имѣется много книгъ, по совѣту съ хозяиномъ, далъ куда слѣдовало знать о моемъ пріѣздѣ, почему ко мнѣ заявились агенты полиціи. Такъ какъ они нашли у меня такую же по внѣшности брошюру, какая находилась въ числѣ арестованныхъ посылокъ съ книгами въ Бреславль, т. е. „Календарь Народной Воли“, да, кромѣ того, у меня оказались номера запрещеннаго въ Германіи „Sozialdemokrat“a, они и арестовали меня. Я, такимъ образомъ, обвинялся въ распространеніи, въ сообществѣ съ другими лицами, запрещенныхъ въ Германіи польскихъ произведеній.

Мнѣ не трудно было опровергнуть это обвиненіе, такъ какъ въ числѣ арестованныхъ у меня брошюръ не было ни одной польской, да и вообще ни одной запрещенной въ Германіи. Что же касается номеровъ „Sozialdemokrat“a, то фактъ нахожденія ихъ въ моихъ карманахъ не являлся преступленіемъ по германскимъ законамъ. Все слѣдствіе по поводу меня сводилось, такимъ образомъ, къ установленію связи между мною и названными лицами, а также къ опредѣленію, не занимался-ли я распространеніемъ запрещенныхъ въ Германіи изданій.

Причиной моего ареста оказывалась простая случайность.

— Если бы вы не заѣхали во „Freiburgerhof“, васъ не арестовали бы, сказалъ въ заключеніе слѣдователь Лайблейнъ.

Послѣ приведеннаго сообщенія, я почувствовалъ значительное облегченіе. „Значитъ не все пропало, подумалъ я, можетъ быть я выйду изъ этой тюрьмы неузнаннымъ“. У меня появилась надежда на быстрое освобожденіе: „только бы не провѣдало русское правительство!“ Подобныя мысли роились у меня въ головѣ, когда слѣдователь, записывавшій мои отвѣты, по какому-то поводу сказалъ, указывая на господина, который сидѣлъ за однимъ съ нимъ столомъ, но нѣсколько по-одаль и сбоку:

— Вотъ это переводчикъ по вашему дѣлу, профессоръ нашего здѣшняго университета...

Я не дослушалъ его словъ. Въ теченіе допроса я уже нѣсколько разъ вскользь поглядывалъ на этого господина, и что-то знакомое, но вмѣстѣ тревожное, представлялось мнѣ въ немъ.

— Можете говорить по-русски, закончилъ слѣдователь, послѣ

чего удалился въ другую комнату, повидимому, по дѣлу

— Вы меня не узнаете? обратился ко мнѣ переводчикъ.

— Профессоръ Тунъ! воскликнулъ я съ изумленіемъ.

— Конечно, развѣ я такъ сильно измѣнился? Скажите, продолжалъ онъ, чѣмъ я могу вамъ помочь?

— Знаете ли вы, кто я въ дѣйствительности? спросилъ я въ отвѣтъ съ тревогой.

— Знаю самую настоящую вашу фамилію. Но чего вы такъ испугались? Вы сильно измѣнились въ лицѣ.

Меня дѣйствительно испугало его сообщеніе, и вотъ почему.

Я познакомился съ профессоромъ Туномъ года за-полтора до описываемаго времени въ Базелѣ, гдѣ я состоялъ вольнослушателемъ философскаго факультета и, между прочимъ, посѣщалъ лекціи политической экономіи и статистики, которыя въ то время читалъ въ мѣстномъ университетѣ проф. Тунъ. Чрезъ посредство одного базельскаго соціалиста, Карла Мора, я, вскорѣ по пріѣздѣ, познакомился также и съ профессоромъ Туномъ, который долгое время принималъ меня просто за легальнаго русскаго студента; я жилъ тамъ подъ фамиліей Николая Криднера. Но при первомъ же моемъ посѣщеніи Туна на дому, онъ сообщилъ мнѣ, что, случайно заинтересовавшись русскимъ революціоннымъ движеніемъ, онъ много перечиталъ сочиненій о немъ и теперь рѣшилъ написать его исторію. Уроженецъ города Аахена, профессоръ Тунъ зналъ довольно хорошо русскій языкъ, такъ какъ, по окончаніи Дерптскаго, тогда нѣмецкаго университета, онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Когда изъ разговоровъ со мною, онъ убѣдился, что мнѣ не безъизвѣстно наше прошлое революціонное движеніе, то предложилъ мнѣ помочь ему въ задуманной имъ работѣ. Я охотно на это согласился, и мы съ нимъ стали очень часто видаться.

Во время нашихъ совмѣстныхъ занятій, а также и внѣ ихъ, я имѣлъ нѣсколько случаевъ замѣтить, что прежде всего проф. Тунъ крайне отрицательно относится къ террористическимъ фактамъ и къ лицамъ, совершившимъ ихъ. По его убѣжденію, такихъ лицъ европейскія правительства должны были-бы выдавать русскому правительству, какъ обыкновенныхъ уголовныхъ преступниковъ. Для меня въ этомъ отношеніи характеренъ былъ слѣдующій случай.

Въ мѣстномъ обществѣ свободомыслящихъ, при громадномъ стеченіи публики, проф. Тунъ читалъ однажды рефератъ подъ заглавіемъ: „Два эпизода изъ русскаго революціоннаго движенія". Эти эпизоды состояли въ разсказѣ объ убійствѣ Александра II и о „Чигиринскомъ дѣлѣ". Говоря о послѣднемъ и подробно описавъ, какъ „Стефановичъ, Бахановскій и Дейчъ бѣжали изъ кіевской тюрьмы", референтъ закончилъ [illegible] „ма-

кіе преступники скрываются за-границей" и выразилъ сожалѣніе, („leider"), что „до сихъ поръ они еще не арестованы".

Послѣ этого реферата у меня былъ продолжительный разговоръ съ нимъ, изъ котораго я вынесъ впечатлѣніе, что, знай проф. Тунъ мою настоящую фамилію, онъ не сталъ бы поддерживать хорошихъ отношеній со мною. Легко поэтому понять, почему я испугался, когда услышалъ, что ему извѣстна моя фамилія.

— Какъ вы ее узнали? спросилъ я съ волненіемъ въ голосѣ.

— Мнѣ сообщилъ ее послѣ вашего отъѣзда изъ Базеля, вашъ же пріятель Карлъ Моръ.

— И зная мою фамилію, вы согласны помочь-мнѣ? изумился я.

— Да. Скажите, что вамъ нужно, я готовъ вамъ помочь!

Я положительно былъ пораженъ. Услышавъ его заявленіе и взглянувъ на него, я болѣе не сомнѣвался, что онъ говоритъ искренно, и я могу на него положиться.

— Если мнѣ не удастся выйти изъ этой тюрьмы ле ально, я попытаюсь бѣжать изъ нея, сказалъ я. Согласны-ли вы помочь мнѣ въ этомъ?

— Хорошо, отвѣтилъ онъ серьезно.

Мое изумленіе все больше росло: тотъ самый нѣмецкій профессоръ, который при мнѣ публично на громадномъ собраніи выразилъ сожалѣніе, что меня русское правительсто до сихъ поръ еще не повѣсило, — теперь самъ вызывается помочь мнѣ въ устройствѣ побѣга изъ фрейбургской тюрьмы! Онъ тутъ же доказалъ мнѣ свою готовность къ этому.

Какъ переводчику, слѣдователь передалъ ему всѣ взятыя у меня книги, письма и проч. Доставъ полученную имъ также записную мою книжку, онъ предложилъ мнѣ вырвать изъ нея могущія меня компрометировать страницы, чѣмъ я охотно и воспользовался, уничтоживъ тѣ, на которыхъ были мною записаны адресса разныхъ лицъ. Убѣдившись, такимъ образомъ, въ его расположеніи ко мнѣ, я предложилъ ему немедленно же отправиться въ Цюрихъ къ моему другу П. Аксельроду, чтобы сообщить ему о моемъ арестѣ и передать необходимыя для моего легальнаго освобожденія порученія. Я также просилъ его переговорить объ устройствѣ моего побѣга, на случай, если станетъ извѣстно, что германское правительство согласно выдать меня Россіи.

Порученіе это проф. Тунъ исполнилъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, и во все дальнѣйшее время моего пребыванія во фрейбургской тюрьмѣ онъ постоянно оказывалъ мнѣ безконечное число услугъ, подвергая даже значительному риску свое общественное положеніе. Онъ устраивалъ тайныя свиданія въ мѣстномъ соборѣ съ моими товарищами, пріѣхавшими во Фрейбургъ, чтобы слѣдить за ходомъ моего дѣла и такъ или иначе

помочь мнѣ: онъ передавалъ имъ отъ меня и обратно письменныя и устныя свѣдѣнія, порученія и проч. Имѣя ко мнѣ постоянный доступъ, въ качествѣ переводчика и въ виду довѣрія, которое къ нему, какъ къ видному мѣстному профессору, питали прокуроръ и слѣдователь, онъ вызывалъ меня въ посѣтительскую комнату, гдѣ мы совершенно безпрепятственно бесѣдовали о разныхъ предметахъ. Во время этихъ посѣщеній я имѣлъ не мало случаевъ убѣдиться въ совершенно искреннемъ его расположеніи ко мнѣ. Соглашаясь помочь мнѣ въ устройствѣ побѣга, онъ, между прочимъ, предлагалъ мнѣ воспользоваться его квартирой, еслибы она для этого понадобилась. Нерѣдко онъ самъ иронизировалъ по поводу своей роли.

— Смотрите, говорилъ онъ со смѣхомъ, я, нѣмецкій профессоръ, превратился въ русскаго революціонера-конспиратора, а мирный баденскій городокъ сталъ очагомъ заговора.

Изъ разговоровъ со слѣдователемъ онъ зналъ, какъ тотъ смотритъ на мое дѣло и въ какомъ оно положеніи, — все это онъ, конечно, немедленно мнѣ передавалъ.

При первомъ же обстоятельномъ допросѣ по существу я изложилъ слѣдователю свое дѣло приблизительно въ такомъ видѣ.

Пріѣхалъ я за-границу легальнымъ съ намѣреніемъ учиться, показывалъ я. Здѣсь я вскорѣ женился; жилъ я въ разныхъ городахъ, въ послѣднее время въ Цюрихѣ, гдѣ осталась моя жена съ ребенкомъ. Нанявъ квартиру во Фрейбургѣ, я намѣревался выписать туда свою семью. Жилъ я литературнымъ трудомъ и уроками. Будучи въ Швейцаріи, я посѣщалъ лекціи въ нѣкоторыхъ университетскихъ городахъ въ качествѣ вольнослушателя*). За границу я пріѣхалъ безъ всякихъ опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій; но здѣсь, благодаря ознакомленію съ нѣмецкой литературой, я сталъ приверженцемъ соціальдемократизма и рѣшилъ, по мѣрѣ моихъ силъ, содѣйствовать распространенію этихъ убѣжденій на моей родинѣ*). Рѣшившись по разнымъ соображеніямъ, переѣхать во Фрейбургъ, я взялъ съ собою русскія соц.-демократ. изданія. Здѣсь, устроивъ семью свою, я намѣревался, въ свободное отъ занятій и лекцій время, отправ-

*) Такія показанія нужно было дать потому, что Булыгинъ, съ паспортомъ котораго я попался, дѣйствительно былъ женатъ, имѣлъ ребенка и посѣщалъ лекціи.

**) По существу, это показаніе было близко къ истинѣ. Приблизительно за годъ до описываемаго времени, лѣтомъ 1883 г., Плехановъ, Засуличъ, Аксальродъ, В. Игнатовъ и я составили, какъ извѣстно, соціальдемократическую группу „Освобожденіе Труда“, цѣлью которой было распространеніе, путемъ переводныхъ и оригинальныхъ произведеній, марксистскихъ идей въ Россіи. Большинство отобранныхъ у меня брошюръ было именно такого характера.

ляться въ разные германскіе города, въ которыхъ имѣется много русской учащейся молодежи, съ тѣмъ, чтобы снабжать ее привезенными мною произведеніями, а также оставлять послѣднія на коммисію въ мѣстныхъ книжныхъ магазинахъ, что являлось вполнѣ осуществимымъ, такъ какъ взятыя у меня брошюры не были запрещены въ Германіи*).

— И вотъ, закончилъ я, въ первый же почти часъ моего пріѣзда въ нѣмецкій „свободный городъ“ („Freiburg“), меня, безъ всякой рѣшительно вины съ моей стороны, безъ малѣйшаго повода, не соблюдая никакихъ гарантій неприкосновенности личности, обыскиваютъ, подвергаютъ униженіямъ и держатъ въ тюрьмѣ. Мало того, при мнѣ же хватаютъ совершенно случайно подвернувшуюся нѣмецкую молодую женщину, и ее также тащатъ въ тюрьму.

Мой разсказъ, помню, произвелъ, повидимому, нѣкоторое впечатлѣніе на слѣдователя. Расхаживая въ волненіи по камерѣ и диктуя своему письмоводителю мои показанія, онъ время отъ времени произносилъ сочувственныя восклицанія, моталъ укоризненно головой, слушая разсказъ о процессѣ ареста меня и молодой нѣмки, а въ одномъ мѣстѣ воскликнулъ: „совсѣмъ какъ у Шекспира: „но платокъ, платокъ!“

Профессоръ Тунъ сообщилъ мнѣ затѣмъ, что слѣдователь безусловно вѣритъ въ искренность моего разсказа и что, по его мнѣнію, держатъ „совершенно невиннаго человѣка“.

Надежда выйти скоро изъ тюрьмы законнымъ образомъ, благодаря этому, росла у меня, но она все же смѣнялась частыми сомнѣніями, и я вновь возвращался къ мысли о побѣгѣ. А въ первые дни, при нѣкоторой помощи извнѣ, его не трудно было устроить.

Во время этихъ колебаній, меня однажды позвали въ посѣтительскую комнату, гдѣ меня встрѣтилъ совершенно незнакомый господинъ. Назвавши свою фамилію, которую теперь не помню, онъ сообщилъ, что онъ — адвокатъ и что мои товарищи пригласили его быть моимъ защитникомъ; онъ прибавилъ при этомъ, что принадлежитъ къ одной со мною соціальдемократической партіи (Parteigenosse), и я могу съ нимъ быть вполнѣ откровеннымъ, такъ какъ мои товарищи ему все разсказали обо мнѣ.

— Вы хотите бѣжать? произнесъ онъ шопотомъ, и, получивъ отъ меня утвердительный отвѣтъ, продолжалъ съ жаромъ: это будетъ крупной ошибкой. Я только что въ камерѣ слѣдователя прочиталъ ваше дѣло. Вы прекрасно его поставили и навѣрно

*) Само собою, думаю, понятно, что это вымышленное объясненіе моего пріѣзда во Фрейбургъ я далъ затѣмъ, чтобы не обнаружить дѣйствительной его цѣли, на тотъ случай, если бы германскія судебныя власти пожелали выдать русскому правительству протоколъ слѣдствія по моему дѣлу.

выйдете отсюда легально. Зачѣмъ подвергать себя риску неудачной, быть можетъ, попыткой? Этимъ только ухудшите свое положеніе. Я говорилъ о васъ со слѣдователемъ: онъ не сомнѣвается въ томъ, что вы невинны и, какъ только придутъ справки изъ Швейцаріи о вашей тамъ жизни, васъ освободятъ изъ тюрьмы.

— Ну, а если одновременно наводятся обо мнѣ справки въ Россіи? возразилъ я.

— Нѣтъ никакихъ основаній предполагать это, заявилъ онъ. Въ чемъ-нибудь проявились-бы такія сношенія. У насъ въ Германіи не русскія вѣдь порядки, не дѣлается все тайно. Слѣдствіе ведется открыто, и мнѣ, заявившему, что я вашъ защитникъ, предоставлено на просмотръ все дѣлопроизводство. Въ бумагахъ былъ бы какой-нибудь намекъ, указаніе на сношенія съ Россіей. У насъ въ судебныхъ дѣлахъ совершенно немыслимо представить себѣ такую сложную конспирацію.

— Но если не судебныя власти, замѣтилъ я, то, можетъ быть, администрація, полиція ведетъ теперь переписку обо мнѣ съ русскимъ правительствомъ?

— Въ Германіи администрація не вмѣшивается въ судебныя дѣла. Васъ арестовали, потому что имѣли основаніе заподозрить въ связи съ лицами, которые совершили преступленіе въ Германіи, но разъ вы будете оправданы, въ чемъ ни я, ни слѣдователь не сомнѣваемся, и изъ Швейцаріи придетъ подтвержденіе сдѣланныхъ вами ссылокъ, то васъ немедленно освободятъ. Вѣрьте мнѣ: я нѣмецкій юристъ и знаю нѣмецкіе законы и нравы, а вы судите на основаніи русскихъ порядковъ, которые совсѣмъ къ намъ не подходятъ.

Хотя внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что нельзя полагаться на нѣмецкую законность, но какъ могъ я рѣшительно настаивать на своихъ опасеніяхъ, когда мнѣ дѣйствительно были совсѣмъ незнакомы мѣстные порядки? Къ тому же, какъ на первыхъ порахъ ни было легко устроить побѣгъ, но онъ все же былъ сопряженъ съ рискомъ и въ благополучномъ его исходѣ никто рѣшительно не могъ быть увѣренъ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, не отказавшись окончательно отъ мысли о побѣгѣ, я согласился отложить время его осуществленія, пока не явятся несомнѣныя данныя, что нѣмцы ведутъ обо мнѣ переговоры съ русскимъ правительствомъ. Имѣя на своей сторонѣ уважаемаго мѣстнаго профессора, который находился въ наилучшихъ отношеніяхъ съ разными фрейбургскими и баденскими властями, казалось, всегда возможно будетъ своевременно узнать всѣ ходы, планы и переговоры, касавшіеся меня.

Но мнѣ еще очень долго пришлось пожить во фрейбургской тюрьмѣ, находясь между надеждой на скорое освобожденіе и опасеніемъ, что меня выдадутъ Россіи. Десятки разъ на день мѣнялись, поэтому, настроенія у меня. Эти постоянные переходы

дѣйствовали на меня самымъ тяжелымъ образомъ. Время тянулось убійственно медленно; дни казались безконечно длинными, хотя я и старался всячески заполнить ихъ. Книги у меня были, ихъ доставляли мнѣ товарищи и проф. Тунъ; письменныя принадлежности разрѣшенно было имѣть въ камерѣ, и я отъ чтенія переходилъ къ нанесенію на бумагѣ своихъ настроеній, впечатлѣній и даже воспоминаній.

Не въ меньшей степени, чѣмъ неопредѣленность положенія и тревога за свое будущее, вліяли на мое настроеніе также опасенія за близкихъ мнѣ лицъ, находившихся на волѣ и за судьбу недавно предъ тѣмъ основанной нами группы „Освобожденіе Труда“. Послѣдняя лишь не за долго предъ тѣмъ организовалась. Группа наша была крайне бѣдна, какъ по численному составу, такъ и матеріальными средствами. Отправляясь въ Германію съ транспортомъ первыхъ нашихъ изданій, я имѣлъ въ виду не только доставить его въ Россію, но также вообще организовать правильную перевозку въ будущемъ. Кромѣ того, у меня было еще нѣсколько предпріятій. Въ Швейцаріи, откуда я уѣхалъ лишь на одну-двѣ недѣли, оставалась масса самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, требовавшихъ наивозможно скораго моего возвращенія. Много работы было и у всѣхъ остальныхъ членовъ группы, и для всѣхъ время было чрезвычайно дорого. А между тѣмъ, не только я оказался надолго оторваннымъ отъ спѣшной работы, но, вслѣдствіе моего ареста, почти всѣ остальные члены группы должны были все оставить и сосредоточить главное свое вниманіе на ходѣ моего дѣла и средствахъ для освобожденія меня изъ тюрьмы, тѣмъ или инымъ способомъ. Сознаніе, что я являюсь невольной причиной пріостановки всѣхъ предпріятій группы „Освобожденіе Труда“, дѣйствовало на меня самымъ удручающимъ образомъ. Уже по одному этому меня разбирало сильнѣйшее нетерпѣніе поскорѣе очутиться на волѣ.

II.

Тюремные порядки. — Надежда на скорое освобожденіе. — По Германіи.

Тюремный режимъ оставлялъ желать многаго. Особенно онъ давалъ себя чувствовать въ первые дни моего ареста, пока я не освоился съ нѣмецкими порядками. Какъ я уже выше упомянулъ, ночью камеры вовсе не освѣщались, и заключеннымъ оставалось лишь предаваться сну; курить также нельзя было, все это изъ предосторожности въ пожарномъ отношеніи, хотя тюрьма была каменная и лишь полы, потолки, двери и рамы были деревянные*).

Отсутствіе свѣта въ камерахъ и запрещеніе курить являлись не только крупнымъ лишеніемъ, но прямо своего рода наказаніемъ для многихъ заключенныхъ. И это наказаніе примѣнялось не къ людямъ, осужденнымъ или совершившимъ какой-либо дисциплинарный проступокъ въ тюрьмѣ, а ко всѣмъ безъ различія подслѣдственнымъ, слѣдовательно, къ лицамъ, виновность которыхъ еще не была доказана.

Обращеніе всякаго рода тюремнаго начальства съ содержавшимися также не отличалось излишней мягкостью. Со мною, напр., въ первые же дни былъ такой случай. Гуляли на дворѣ всѣ, сидѣвшіе на одномъ корридорѣ, одновременно, гуськомъ, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ другъ отъ друга, совершая постоянно одинъ и тотъ же кругъ. Такая однообразная и монотонная прогулка, напоминавшая гоньбу лошади на кордѣ, являлась для нѣкоторыхъ заключенныхъ столь обидной и унизительной, что они совершенно отъ нея отказывались.

Какъ-то разъ, во время прогулки, я увидѣлъ зашедшую во дворъ смѣну военнаго караула. Заинтересовавшись еще незнакомымъ мнѣ процессомъ сдачи поста старымъ караульнымъ новому, я машинально остановился и незамѣтно очутился на шагъ или два внѣ линіи, по которой гуляли заключенные. Вдругъ я почувствовалъ, что меня грубо кто-то схватилъ за руку и насильно повлекъ куда-то по всему двору, произнося при этомъ какія то грубыя восклицанія. Опомнился я, когда очутился въ

*) Впослѣдствіе въ Сибири, мнѣ не разъ вспоминались эти чрезмѣрныя предосторожности нѣмцевъ, когда я видѣлъ, какъ сотни лицъ, осужденныхъ на каторгу и поселеніе, содержатся у насъ въ старыхъ этапахъ и тюрьмахъ, которые все же освѣщаются и заключеннымъ не запрещается курить. Не смотря на это, никто рѣшительно не опасается пожаровъ, которые крайне рѣдко случаются.

камерѣ, куда меня приволокъ надзиратель. Здѣсь онъ сталъ кричать на меня, грозя никогда не пускать на прогулку, если я еще разъ буду такъ себя вести. Долго не могъ я понять, въ чемъ состояло мое преступленіе. Когда же я уразумѣлъ, что оно заключалось только въ томъ, что я *остановился* на одну-двѣ секунды, то меня, въ свою очередь, разобрала злость на грубость фрейбургскаго надзирателя. Помню, сперва я также началъ кричать на него, доказывая, что даже осужденнаго нельзя лишить права пріостановиться на время, къ тому же, если у нѣмцевъ такой невинный актъ, совершенный человѣкомъ, находящимся подъ слѣдствіемъ, считается за проступокъ, то онъ долженъ былъ мнѣ просто объявить объ этомъ, а не тащить насильно, какъ совершившаго тяжкое преступленіе.

Пища, отпускавшаяся заключеннымъ, была крайне ограниченныхъ размѣровъ, и взрослаго человѣка она рѣшительно не могла удовлетворить: кажется, давалось полтора фунта полу-чернаго хлѣба на день, а въ обѣдъ и ужинъ — какіе-то супы или каши; мясо арестованный въ первый мѣсяцъ получалъ всего два раза въ недѣлю, да и то въ крайне микроскопическихъ размѣрахъ. Даже надзиратели признавали, что на такой пищѣ, не имѣя своихъ собственныхъ средствъ, подслѣдственный можетъ жить только впроголодь.

Но камеры, особенно въ верхнемъ этажѣ и выходившія окнами на улицу, куда и меня сперва посадили, были довольно просторны, чисты и свѣтлы. Мебель въ нихъ состояла изъ стола со стуломъ и кровати, на которой находились матрацъ и подушка изъ сѣна и тонкое одѣяло. Въ одномъ изъ угловъ камеры помѣщалась топившаяся изъ корридора кирпичная печь, которая сверху до низу была отгорожена толстой желѣзной рѣшеткой, какъ мнѣ объяснили надзиратели, для предупрежденія побѣга, путемъ взлома печки. На одной изъ стѣнъ висѣла печатная инструкція, угрожавшая заключеннымъ разными дисциплинарными и другими наказаніями за малѣйшія нарушенія указанныхъ въ ней правилъ. Запрещеніями и стѣсненіями арестованнаго была насквозь пропитана эта инструкція. Эти запрещенія, имѣя въ виду удобства тюремной администраціи, дешевизну содержанія заключеннаго и т. п., мало, если не сказать, совершенно не соображались съ чувствами и настроеніями заключеннаго. Подслѣдственный разсматривался не какъ подозрѣвающійся лишь въ совершеніи даннаго преступленія, а какъ бы уже приговоренный къ извѣстнаго рода наказанію. Особенно рельефно бросилось это мнѣ въ глаза по слѣдующему случаю. Однажды меня повели въ нижній корридоръ, гдѣ я увидѣлъ выстроенныхъ въ шеренги арестованныхъ; повидимому, они ждали чего-то. Мнѣ также велѣли стать въ рядъ, но я пожелалъ узнать, въ чемъ дѣло? Послѣ неоднократныхъ повтореній этого вопроса, я, наконецъ, узналъ, что при-

ѣхалъ католическій священникъ и желаетъ видѣть всѣхъ заключенныхъ, каковыхъ по-одиночкѣ къ нему и стали вводить. Услыхавъ это объясненіе, я заявилъ, что, какъ соціалистъ, я не имѣю ничего общаго ни съ католическимъ, ни съ какимъ-либо другимъ священникомъ, а потому прошу отвести меня обратно въ камеру. На это съ грубымъ ироническимъ смѣхомъ отвѣтилъ мнѣ надзиратель:

— Мало-ли чего *вы* не хотите, а вотъ *онъ* хочетъ васъ видѣть, и мы васъ къ нему введемъ!

— Но вы не имѣете никакого права заставлять меня видѣть попа! воскликнулъ я.

Всѣ три находившіеся при этомъ надзирателя прямо фыркали со смѣха, изумляясь странной на ихъ взглядъ претензіи этого, вѣроятно, русскаго дикаря, который, будучи въ нѣмецкой тюрьмѣ, хотя бы и въ подслѣдственной, все же хочетъ имѣть свои желанія, взгляды, убѣжденія. И, въ концѣ концовъ, я дѣйствительно долженъ былъ предстать предъ католическимъ священникомъ, разговоръ съ которымъ, впрочемъ, былъ у меня очень короткій. На его вопросъ о моей религіи, я заявилъ, что, какъ соціаль-демократъ, не придерживаюсь никакой, и онъ, посмотрѣвъ на меня съ грустью и сожалѣніемъ и покачавъ головою, тотчасъ же отпустилъ меня.

Своеобразное вниманіе, которое надзиратели, особенно на первыхъ порахъ, проявляли къ арестованному, также заключало въ себѣ не мало оскорбительнаго. Случалось, сидишь въ камерѣ, погруженный въ чтеніе или за писаніемъ, и вдругъ предъ тобою выростаетъ приставникъ: подкравшись на цыпочкахъ и безъ шума открывъ дверь, онъ являлся, чтобы застигнуть заключеннаго врасплохъ. Меня, такимъ образомъ, надзиратели неоднократно ловили на томъ, что я смотрѣлъ въ окно, — развлеченіе, которое строго возбранялось по инструкціи.

Но особенно характерна была тщательность обысковъ, которые производились у арестантовъ не только во фрейбургской, но и въ другихъ германскихъ тюрьмахъ, въ чемъ впослѣдствіи я имѣлъ случай лично убѣдиться. Мнѣ, напр., прислали однажды съ воли десятокъ апельсиновъ. Но тюремная администрація прежде, чѣмъ ихъ передать, рѣшительно каждый разрѣзала на четыре части, для того, понятно, чтобы убѣдиться, не спрятано-ли внутри ихъ что-либо. Такая подозрительность переходила даже границы здраваго смысла: можно-ли такъ искусно задѣлать апельсинную шелуху, чтобы этого нельзя было замѣтить при наружномъ осмотрѣ? На сколько мнѣ извѣстно, даже русскіе жандармы не стремились проникнуть во внутрь апельсина или яблока, — а ужъ они на что народъ проницательный.

Всѣ эти мелочи, придирки и формальности ужасно раздражали и разстраивали, особенно, повторяю, на первыхъ порахъ. Но,

мало по малу, я самъ началъ привыкать къ нѣмецкимъ тюремнымъ порядкамъ, да и администрація, повидимому, стала снисходительнѣе ко мнѣ. Въ послѣднемъ отношеніи не малую роль играло то, что я былъ иностранцемъ, русскимъ, каковаго тюремные служащіе такого маленькаго города, какъ Фрейбургъ, быть можетъ, видали впервые. Затѣмъ, какъ ни безкорыстенъ всякій нѣмецкій чиновникъ, но въ немъ все же большое расположеніе къ себѣ вызываетъ человѣкъ, матеріально обезпеченый. Тюремные служащіе видѣли, что я не нуждаюсь въ средствахъ, — столъ, напр, я бралъ у старшаго надзирателя Роттъ; у меня было съ собою все, что только нужно и возможно имѣть при себѣ въ тюрьмѣ, — товарищи привозили и присылали мнѣ даже въ излишнемъ количествѣ всякіе вещи и продукты. Наконецъ, въ разговорахъ со служащими, я, отчасти искренно, отчасти умышленно, всегда старался увѣрить ихъ, что меня скоро выпустятъ, такъ какъ я ни въ чемъ неповинный человѣкъ, и они, кажется, вѣрили этому, по крайней мѣрѣ, въ первое время.

Надзирателей было всего трое, считая въ томъ числѣ и старшаго, который вмѣстѣ съ тѣмъ являлся и смотрителемъ тюрьмы. Всѣ они часто заходили ко мнѣ побесѣдовать; распрашивали про Россію и, въ свою очередь, многое мнѣ разсказывали о тюремныхъ и другихъ порядкахъ. Каждый изъ нихъ былъ чрезвычайно доволенъ своимъ положеніемъ, своей службой и получаемымъ жалованіемъ. Послѣднее, дѣйствительно, было довольно значительно и, если память мнѣ не измѣняетъ, достигало 2.000 марокъ, а то и того болѣе въ годъ (около 1.000 руб.).

Особенно часто я бесѣдовалъ съ надзирателемъ, о которомъ выше сообщилъ, что онъ грубо поволокъ меня со двора въ камеру. Прошедши, какъ и остальные два, военную службу, а, слѣдовательно, усвоивши нѣмецкую военную дисциплину, строго примѣнявшуюся и въ тогдашнихъ тюрьмахъ, этотъ надзиратель, подъ внѣшней грубостью и черствостью, скрывалъ довольно доброе сердце. Видя, напр., что у меня остается пища, онъ предложилъ мнѣ передавать ее черезъ него одному изъ тѣхъ моихъ сосѣдей, которые живутъ впроголодь, на одномъ казенномъ; я, конечно, согласился на это. Здоровый, крѣпкій малый, лѣтъ тридцати на видъ, этотъ надзиратель въ поискахъ за лучшимъ, промѣнялъ свое столярное ремесло на профессію тюремщика. Какъ и все рабочее населеніе въ Германіи, онъ прошелъ только начальную школу; но программа ея значительно выше нашей, и по сравненію съ нашими служащими его ранга, онъ являлся чуть не образованнымъ человѣкомъ. Мы съ нимъ толковали о многомъ, не исключая и политики. Въ качествѣ избирателя, онъ вотировалъ за какую-то изъ поддерживавшихъ тогда правительство партій.

Въ началѣ я упомянулъ, что при арестѣ полицейскіе отняли

находившіяся въ моемъ бумажникѣ деньги. На второй или третій день моего заключенія мнѣ предъявленъ былъ довольно странный счетъ, уже уплоченный изъ моихъ денегъ арестовавшими меня лицами, безъ малѣйшаго предварительнаго соглашенія со мною. Хотя въ номерѣ гостиницы я пробылъ всего нѣсколько минутъ, пока полицейскіе осматривали мои вещи, тѣмъ не менѣе хозяину не только было заплачено за сутки, но, сверхъ того, ему же выдано было *за причиненныя безпокойства* три или пять марокъ, — теперь не помню въ точности. Мало того, такъ какъ взятымъ у меня ключемъ полицейскіе не сумѣли сами открыть одного изъ моихъ сундуковъ, то изъ моихъ же денегъ они щедро уплатили слесарю за *взломъ* замка (нѣсколько марокъ).

Прочитавъ этотъ курьезный счетъ, я не возбудилъ никакихъ пререканій по поводу него и лишь про себя посмѣялся: полиція меня же заставила уплатить за мой *арестъ* (безпокойство) и за *взломъ* моего же сундука. Это совершенно то же, какъ если бы осужденнаго на казнь заставляли предварительно уплатить за веревку или топоръ и палачу за его трудъ.

Вскорѣ послѣ ареста меня повели къ фотографу сниматься. Хотя я и боялся, что мою карточку пошлютъ въ Россію, гдѣ меня могли узнать, но нельзя было воспротивиться этому, такъ какъ я не желалъ показать вида, что опасаюсь ея разсылки; къ тому же, для того, чтобы въ Швейцаріи признали меня за Булыгина, нужно было тамъ предъявить мою фотографическую карточку.

Разосланная въ указанныя мною мѣста въ Швейцаріи, карточка эта, на сколько мнѣ извѣстно, была тогда признана за изображающую дѣйствительнаго Булыгина, съ паспортомъ котораго я былъ арестованъ во Фрейбургѣ. Такимъ образомъ, эта часть слѣдствія сошла вполнѣ благополучно. Не менѣе удачно окончилось оно и въ отношеніи подтвержденія моихъ доказательствъ, что я не находился въ связи съ полякомъ Яблонскимъ и швейцарцемъ, а также, что я не распространялъ въ Германіи никакихъ запрещенныхъ произведеній и что всѣ привезенныя мною во Фрейбургъ русскія изданія дозволеннаго характера.

Много недѣль, однако, прошло прежде, чѣмъ получились всѣ нужные отвѣты, справки и разъясненія. Но вотъ, наконецъ, мѣсяца полтора спустя послѣ моего ареста, слѣдователь сообщилъ мнѣ, что мое дѣло будетъ имъ на дняхъ закончено и съ его заключеніемъ объ отсутствіи данныхъ для привлеченія меня къ суду оно перейдетъ къ прокурору. Если послѣдній согласится съ этимъ заключеніемъ, я немедленно буду выпущенъ на волю; если же нѣтъ, — дѣло перейдетъ въ предварительный судъ. Эта инстанція, по мнѣнію слѣдователя, навѣрное уже согласится съ его заключеніемъ, но, допустивъ даже предположеніе, что и она найдетъ основаніе для привлеченія меня къ суду, то, внѣ всякаго

каго сомнѣнія, что послѣдній или прямо оправдаетъ меня или вмѣнитъ мнѣ въ наказаніе сидѣніе въ предварительномъ заключеніи. Вопросъ о моемъ освобожденіи изъ тюрьмы, такимъ образомъ, откладывался всего на нѣсколько дней, и не имѣлъ основаній сомнѣваться, что во всякомъ случаѣ меня скоро освободятъ. Мнѣ хотѣлось вѣрить, что всё такъ и будетъ, какъ сообщалъ мнѣ слѣдователь. Являлись, правда, нѣкоторыя обстоятельства, возбуждавшія сомнѣніе; но извѣстно, когда человѣку хочется чему-либо вѣрить, то всякій отрицательный фактъ онъ объясняетъ въ благопріятномъ для себя смыслѣ. То же было и со мною.

На слѣдующій день послѣ вышеприведеннаго сообщенія слѣдователя меня позвали въ комнату для свиданій. Здѣсь я увидѣлъ жену моего друга — Надежду Аксельродъ и сѣдого старика, оказавшагося прокуроромъ фонъ-Бергъ. Послѣдній сердитымъ, даже угрожающимъ тономъ заявилъ намъ обоимъ, что онъ даетъ намъ свиданіе съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы мы говорили по-нѣмецки и что, при первомъ же произнесенномъ нами по-русски словѣ, онъ насъ его лишитъ. Тонъ и пріемы обращенія этого сердитаго старика вызывали недоумѣніе.

„Чего онъ такъ возстаетъ противъ разговора на русскомъ языкѣ, думалось мнѣ, разъ меня, во всякомъ случаѣ, на дняхъ должны освободить?“ Дѣло мое въ то время было уже у него, и онъ долженъ былъ это знать. Но на такіе тревожные вопросы у меня сейчасъ-же являлись и соотвѣтствующія объясненія: „прокуроръ — сухой нѣмецкій формалистъ; разъ по закону заключенный обязанъ говорить съ являющимся къ нему на свиданія лицами по-нѣмецки, онъ отъ насъ и требуетъ этого“. Суровый тонъ сердитаго прокурора произвелъ такое тяжелое впечатлѣніе на меня и Надежду Аксельродъ, что мы совершенно не знали, о чемъ намъ заговорить; поэтому, обмѣнявшись двумя-тремя незначительными словами, мы вскорѣ попрощались.

Эти дни мнѣ особенно памятны. Чуть-ли не на слѣдующій же день старшій надзиратель Роттъ самымъ любезнымъ тономъ объяснилъ мнѣ, что мнѣ придется перейти въ другую камеру, находящуюся въ нижнемъ этажѣ, такъ какъ верхній, въ которомъ я до тѣхъ поръ помѣщался, будутъ ремонтировать. Онъ какъ-бы извинялся предо мною въ томъ, что приходится безпокоить меня и что новая камера будетъ нѣсколько похуже первой. Перемѣна камеры была для меня нежелательна по многимъ причинамъ, но, главнымъ образомъ, потому что съ нею связывались у меня планы побѣга изъ тюрьмы. Одинъ изъ моихъ товарищей нанялъ себѣ комнату въ домѣ, который находился противъ самой тюрьмы и такъ какъ окно моей камеры выходило на улицу, то мы, путемъ условныхъ сигналовъ, переговаривались объ экстренныхъ обстоятельствахъ. Устроить побѣгъ изъ этой камеры, въ крайнемъ

случаѣ, было также осуществимѣе, чѣмъ изъ находившейся въ первомъ этажѣ. Кромѣ этихъ, такъ сказать, дѣловыхъ соображеній, со старой камерой меня связывала уже и привычка: тамъ у меня накопились воспоминанія не только тяжелаго характера, но и пріятнаго. Въ смыслѣ развлеченія, коротанія безконечно долгихъ въ тюрьмѣ дней камера, выходившая окномъ на площадь, конечно, также была удобнѣе. Въ базарные дни я наблюдалъ за разными сценками, происходившими между покупателями съѣстныхъ продуктовъ и продавцами — крестьянами окрестныхъ деревень; въ другое время предъ моимъ окномъ производилось обученіе солдатъ, и мнѣ, какъ невидавшему раньше нѣмецкую муштровку, любопытно было наблюдать ее. Но особенное удовольствіе доставляло мнѣ, взобравшись на подоконникъ, слѣдить въ сумеркахъ за ребятишками, устраивавшими на той же площади всевозможныя забавы. Ихъ смѣхъ и веселыя игры переносили меня на родину, на югъ Россіи, и вызывали воспоминанія о собственномъ дѣтствѣ.

Со всѣмъ перечисленнымъ пришлось разстаться съ переходомъ въ новую камеру. Она оказалась меньше прежней, невзрачной, темной, съ окномъ во дворъ, и объ устройствѣ побѣга изъ нея нечего было и думать. Но про запасъ оставались у меня еще два-три другихъ плана, хотя ни одинъ изъ нихъ нельзя было признать вполнѣ осуществимымъ. Я утѣшалъ себя тѣмъ, что едва-ли придется прибѣгнуть къ устройству побѣга, такъ какъ меня легально выпустятъ изъ тюрьмы, и я сосчитывалъ, сколько дней остается до наступленія этого счастливаго момента. Въ фактѣ перевода меня въ новую камеру я не увидѣлъ ничего подозрительнаго, такъ какъ вполнѣ повѣрилъ объясненію старшаго надзирателя Ротта. Иначе отнеслись къ этому мои друзья. Не видя меня втеченіе нѣсколькихъ дней на окнѣ, они заподозрили, что меня уже тайкомъ увезли въ Россію и чрезвычайно встревожились.

Однажды меня зовутъ въ посѣтительскую комнату. Лишь только я вошелъ въ нее, какъ съ выраженіемъ радости и со слезами на глазахъ бросилась мнѣ въ объятія г-жа Булыгина. Въ виду того, что я былъ арестованъ подъ видомъ ея мужа, она пріѣхала теперь во Фрейбургъ въ качествѣ моей жены. Даже суровый прокуроръ, присутствовавшій при этой трогательной сценѣ встрѣчи въ тюрьмѣ нѣжно любящихъ другъ друга молодыхъ супруговъ, пришелъ, повидимому, въ умиленіе и не вмѣшался въ дѣло. Но затѣмъ, давъ намъ излить свои чувства, онъ значительно болѣе мягкимъ тономъ, чѣмъ во время свиданія съ Н. Аксельродъ, предложилъ мнѣ также съ „женой“ говорить по нѣмецки. Здороваясь со мною, Булыгина успѣла мнѣ шепнуть, чтобы я настаивалъ на разрѣшеніи говорить съ нею по русски, такъ какъ она имѣетъ переговорить со мною о кон-

спиративныхъ дѣлахъ. Поэтому, въ отвѣтъ на предложеніе прокурора, я обратится къ нему съ просьбой дозволить намъ бесѣдовать на родномъ языкѣ.

— Не могу вамъ этого разрѣшить, отвѣтилъ онъ, вы оба достаточно хорошо говорите по нѣмецки.

— Но согласитесь, возразилъ я, что какъ бы хорошо мы не говорили на чужомъ языкѣ, намъ, какъ супругамъ, пріятнѣе послѣ столькихъ недѣль разлуки, встрѣтившись, наконецъ, въ тюрьмѣ, поговорить о своихъ семейныхъ дѣлахъ и о нашемъ ребенкѣ на родномъ языкѣ. Я не понимаю, продолжалъ я, почему лишать насъ этого удовольствія, когда законъ, представителемъ котораго вы являетесь, отъ этого нисколько не можетъ пострадать.

— Я этого не обязанъ по закону дѣлать, разъ вы оба говорите по нѣмецки, заявилъ сухой старикъ.

— Не по закону, а изъ *гуманности*, обязательной для всѣхъ образованныхъ людей, должны вы намъ разрѣшить говорить на родномъ языкѣ, возразилъ я, подчеркнувъ слово „гуманность".

Послѣ этого довода прокуроръ началъ славаться и согласился, чтобы мы говорили по-русски въ присутствіи профессора Туна, но онъ отказался посылать кого-нибудь за нимъ, такъ какъ, молъ, по закону, онъ не обязанъ этого дѣлать. Не желая обнаружить своего личнаго знакомства съ переводчикомъ, который, какъ я выше упомянулъ, на всякій случай снабдилъ меня своимъ адресомъ, я попросилъ прокурора указать „моей женѣ", гдѣ живетъ профессоръ Тунъ.

— Это она узнаетъ въ моей канцеляріи, сказалъ онъ, удаляясь вмѣстѣ съ Булыгиной; меня же увели въ камеру.

Спустя нѣкоторое время, меня вновь позвали въ посѣтительскую. Тамъ, кромѣ прокурора и Булыгиной, былъ также и профессоръ Тунъ.

Булыгина сообщила, что въ Женевѣ русскіе шпіоны ходятъ по квартирамъ моихъ близкихъ и знакомыхъ и, показывая прислугѣ мою фотографическую карточку, распрашиваютъ, гдѣ я? Друзья, поэтому, предполагаютъ, что русское правительство напало уже на слѣдъ, кто такой Булыгинъ. Поэтому необходимо было теперь же обсудить планъ побѣга на случай согласія со стороны Германіи выдать меня русскому правительству.

Вмѣстѣ съ проф. Туномъ, принимавшимъ живѣйшее участіе въ нашей бесѣдѣ, мы втроемъ стали обсуждать всевозможные планы, но, какъ я уже сказалъ, ни одинъ изъ нихъ не представлялся легко осуществимымъ. Не буду излагать здѣсь, въ чемъ состояли эти планы. Скажу лишь, что роль проф. Туна была въ нихъ довольно большая.

Вспоминая теперь, по прошествіи 19-ти лѣтъ все вышеизложенное, мнѣ самому съ трудомъ вѣрится, чтобы „солидный" мнѣ

мецкій профессоръ, причислявшій себя къ умѣреннымъ катедеръ-соціалистамъ, принималъ такое живое участіе въ судьбѣ русскаго соціалиста, до личнаго знакомства съ которымъ онъ находилъ желательной его поимку.

Прокуроръ фонъ-Бергъ, присутствовавшій при нашей бесѣдѣ, которую мы вели, конечно, по-русски, игралъ довольно смѣшную роль. Видя, что мы всѣ смѣемся, онъ также улыбался, не подозрѣвая, что подчасъ нашъ смѣхъ относился на его же счетъ. Мы, напримѣръ, уславливались съ проф. Туномъ, какъ онъ затѣмъ передастъ содержаніе нашей бесѣды прокурору; при этомъ мы представляли себѣ, какое любопытство, вѣроятно, разбирало этого сухого и тощаго старика, и какъ велика была бы его злость, если бы онъ какимъ нибудь чудомъ могъ узнать, о чемъ мы въ его же присутствіи сговаривались.

Переговоривъ обо всемъ подробно, Булыгина такъ же нѣжно попрощалась со мною, какъ въ началѣ посѣщенія поздоровалась. Передъ уходомъ она, между прочимъ, спросила прокурора, когда, по его мнѣнію, меня освободятъ изъ тюрьмы. Помню, онъ указалъ очень близкій отъ того день, когда долженъ былъ состояться предварительный судъ, но онъ тутъ же, впрочемъ, прибавилъ, что, будучи оправданъ, я перейду въ вѣдѣніе полиціи, которая можетъ меня, какъ иностранца, отправить на любую изъ окружающихъ Германію границъ; онъ, однако, думаетъ, что меня отвезутъ на швейцарскую, какъ наиболѣе близкую.

Я хотѣлъ вѣрить, что такъ именно оно и будетъ, и гналъ отъ себя всякія сомнѣнія и подозрѣнія. Мнѣ, конечно, пріятнѣе было надѣяться на близкое освобожденіе изъ тюрьмы, чѣмъ допускать столь пугавшую меня мысль, что меня выдадутъ Россіи или даже, что меня высадятъ на ея границѣ. Послѣ свиданія съ Булыгиной меня стало разбирать еще большее, чѣмъ прежде, нетерпѣніе скорѣе выйти на волю. Я рисовалъ себѣ освобожденіе изъ тюрьмы, какъ необыкновенное счастье; мнѣ живо представлялась радость друзей и наша совмѣстная затѣмъ энергичная дѣятельность на пользу молодой группы „Освобожденіе Труда“. Чуть не шагъ за шагомъ я опредѣлялъ себѣ, что я буду дѣлать, очутившись на волѣ и какъ наверстаю напрасно потерянныя нѣсколько недѣль. Воображеніе заносило меня далеко впередъ: я вновь жилъ среди близкихъ, былъ занятъ всевозможными дѣлами; настоящее казалось давно прошедшимъ, тяжелымъ сномъ, много разъ подробно разсказаннымъ въ кругу близкихъ и знакомыхъ. Такія чувства долженъ испытывать воинъ, уцѣлѣвшій послѣ перенесенныхъ на войнѣ лишеній и страданій и надѣющійся невредимо возвратиться на родину.

„Сегодня состоится постановленіе о моемъ освобожденіи“,

помню, подумалъ я однажды утромъ въ началѣ мая, и я сталъ соображать, когда мнѣ это объявятъ.

— Къ прокурору! заявилъ приставникъ Роттъ, прервавъ такимъ образомъ, нить моихъ размышленій.

„Должно быть, по поводу моего освобожденія, но какъ однако рано уже состоялось постановленіе“! мысленно соображалъ я, идя вслѣдъ за приставникомъ въ посѣтительскую.

Кромѣ прокурора, за столомъ сидѣлъ его молодой письмоводитель. Передъ обоими лежали какія-то дѣловыя бумаги.

— Сегодня, какъ вамъ извѣстно, обратился ко мнѣ прокуроръ, должно состояться рѣшеніе предварительнаго суда о вашемъ освобожденіи. Но раньше, чѣмъ оно будетъ вамъ объявлено, намъ необходимо знать, дѣйствительно ли ваша фамилія Булыгинъ и изъ Москвы ли вы родомъ, какъ вы показывали?

— Да, я Булыгинъ, отвѣтилъ я.

— Прочтите отношеніе, обратился прокуроръ къ своему письмоводителю.

Тотъ прочиталъ какую-то бумагу, повидимому, полученную изъ Москвы, не помню, изъ какого учрежденія, въ которой заявлялось, что такого Булыгина, какъ я показывалъ, нѣтъ въ названномъ городѣ*).

— Что вы по этому поводу скажете? сухо, съ нескрываемой злобой, спросилъ меня фонъ-Бергъ.

Я чувствовалъ, что сильно измѣнился въ лицѣ; но я скоро собрался съ мыслями. Я понималъ, что наступилъ критическій моментъ, что почва уходитъ изъ подъ моихъ ногъ, что мои опасенія на счетъ тайныхъ сношеній относительно меня между Германіей и Россіей оправдались. Отчасти заранѣе допуская уже такой оборотъ, я нѣсколько былъ подготовленъ къ этому, и на такой случай у меня въ головѣ имѣлся планъ объясненія.

— Выслушайте меня, обратился я къ прокурору, заявляю вамъ, что я Булыгинъ, но признаюсь, что я не изъ Москвы, и всѣ мною данныя показанія на счетъ моей родословной, вымышленны. Къ этому я вынужденъ былъ прибѣгнуть, благодаря всѣмъ тѣмъ пріемамъ, которые по отношенію ко мнѣ примѣнялись здѣсь, во Фрейбургѣ, съ момента моего пріѣзда сюда.

У насъ, въ Россіи практикуются такіе пріемы по отношенію къ лицамъ, заподазриваемымъ въ политическихъ преступленіяхъ. У какого-нибудь молодого человѣка, положимъ, нашли нѣсколько запрещенныхъ нелегальныхъ книжекъ; его арестовываютъ, при этомъ забираютъ и всѣхъ его знакомыхъ, адреса которыхъ у него при обыскѣ нашли; оставляютъ у него на квартирѣ жандармовъ и тайныхъ агентовъ, чтобы они арестовывали всѣхъ

*) Паспортъ Булыгина въ дѣйствительности былъ фальшивый, и настоящая фамилія товарища, который жилъ съ этимъ паспортомъ, была иная.

приходящихъ; безпокоять его семью и родныхъ допросами и вызовами въ разныя полицейскія учрежденія.

Отправляясь изъ демократической Швейцаріи въ конституціонную Германію съ вполнѣ дозволенной въ послѣдней цѣлью, я на первыхъ же шагахъ, по пріѣздѣ сюда, убѣдился, что пріемы, практикующіеся здѣсь, у васъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ иностранцу, ничѣмъ почти не отличаются отъ примѣняющихся въ Россіи ко всѣмъ ея подданнымъ. Я на себѣ испыталъ, что безъ соблюденія какихъ-либо законовъ о гарантіи неприкосновенности личности, у васъ простые, низшіе полицейскіе одни производятъ обыскъ у остановившагося въ номерѣ гостинницы иностранца и, не смотря на то, что онъ не совершилъ ни малѣйшаго преступленія въ Германіи, его арестовываютъ и держатъ въ тюрьмѣ двое сутокъ безъ всякаго допроса. Совершенно такъ же, какъ и въ самодержавной Россіи, у васъ задерживаютъ и тащутъ въ тюрьму молодую нѣмецкую женщину... Видя все это, я не могъ повѣрить заявленіямъ слѣдователя, будто мое дѣло ведется исключительно только судебными учрежденіями, безъ участія полиціи и тайныхъ сношеній съ Россіей. И мои предположенія, какъ теперь подтверждается прочитанной вами мнѣ бумагой, были правильны. Если бы я указалъ слѣдователю свою дѣйствительную родословную, то, какъ теперь оказывается, она сообщена была бы русскимъ властямъ съ увѣдомленіемъ, конечно, о томъ, что я арестованъ здѣсь съ двумя ящиками напечатанныхъ въ Швейцаріи русскихъ соціалистическихъ изданій. Получивъ приказаніе провѣрить мои показанія, полиція того города, откуда я родомъ и гдѣ живутъ мои родители, немедленно явилась бы къ нимъ съ обыскомъ и допросами: у моего брата и сестры, находящихся дома и раздѣляющихъ мои воззрѣнія, могли бы какъ разъ въ тотъ моментъ оказаться какія-нибудь запрещенныя изданія; у нихъ могли бы найти неуничтоженное еще письмо съ адресомъ или застать пришедшаго товарища, и вотъ открылась бы цѣлая сѣть безконечныхъ обысковъ, допросовъ и арестовъ.

— Итакъ вы утверждаете, что вы Булыгинъ, но только не изъ Москвы, замѣтилъ прокуроръ съ едва скрываемой злобной улыбкой, и вы не желаете назвать настоящее мѣсто своего рожденія?

— Нѣтъ, не желаю, по вышеуказаннымъ причинамъ, отвѣтилъ я.

— Прочтите слѣдующую бумагу, обратился прокуроръ вновь къ своему письмоводителю.

„Именующій себя Булыгинымъ и нынѣ задержанный во Фрейбургѣ Великаго Герцогства Баденскаго никто иной, какъ Левъ Дейчъ, который вмѣстѣ съ Яковомъ Стефановичемъ, кромѣ другихъ тяжкихъ преступленій, совершилъ въ маѣ 1876 года поку-

шеніе на жизнь Николая Гориновича, а потому Императорское русское правительство чрезъ своего посланника проситъ правительство Великаго Герцогства Баденскаго о выдачѣ обоихъ названныхъ лицъ. При этомъ оно считаетъ нужнымъ обратить вниманіе германскихъ властей на то, что Левъ Дейчъ неоднократно уже убѣгалъ изъ мѣстъ заключенія, а потому проситъ, какъ при содержаніи его въ Германіи, такъ и при перевозкѣ, усиливать за нимъ надзоръ".

Я почти дословно привелъ эту бумагу, хотя съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ прочли ее, прошло около 20 лѣтъ.

„Все пропало", мысленно произносилъ я, и въ головѣ у меня пробѣгали самыя печальныя картины...

— Что вы скажете по этому поводу? спросилъ прокуроръ, не скрывая злой улыбки.

— Въ томъ, что мнѣ прочли, отвѣтилъ я, для меня нѣтъ ничего неожиданнаго. Я ждалъ подобнаго требованія со стороны русскаго правительства: это обычный его пріемъ въ такихъ случаяхъ. Если случается, что въ какой-нибудь западно-европейской странѣ арестовываютъ мирнаго русскаго соціалиста, то наше правительство обращается съ просьбой о его выдачѣ, не чтобы добиться этого, оно объявляетъ, что задержанный не тотъ, за кого онъ себя выдаетъ, а Дейчъ или кто-нибудь другой, совершившій какой-нибудь террористическій фактъ, хотя бы въ дѣйствительности арестованный не имѣлъ ничего общаго съ названнымъ русскимъ правительствомъ лицомъ. Благодаря такому пріему, былъ, напримѣръ, изъ Румыніи путемъ обмана увезенъ въ Россію одинъ русскій, по фамиліи Кацъ, котораго затѣмъ, безъ суда, административнымъ порядкомъ отправили въ ссылку. То же въ настоящее время желаетъ сдѣлать наше правительство со мною. Наглядымъ доказательствомъ справедливости моихъ словъ можетъ, мнѣ кажется, служить тотъ фактъ, что въ прочитанной мнѣ бумагѣ русское правительство обращается съ просьбой о выдачѣ не только меня, въ качествѣ Дейча, но также и Стефановича, хотя послѣдній давно уже арестованъ въ самой Россіи и осужденъ на каторгу, причемъ объ его участіи въ покушеніи на жизнь Гориновича на судѣ совершенно не упоминалось. Всѣ мои ссылки можетъ подтвердить проф. Тунъ, который знакомъ съ нашими порядками и съ нашимъ революціоннымъ движеніемъ, какъ авторъ извѣстнаго сочиненія о немъ.

Когда, послѣ этого допроса, меня привели въ камеру, я чувствовалъ себя совершенно разбитымъ. Всѣ мои надежды на легальный выходъ изъ тюрьмы были окончательно разбиты. Необходимо было приняться за осуществленіе плана побѣга. Но тотчасъ же оказалось, что онъ неосуществимъ. Вслѣдствіе указанія русскаго правительства, что мною уже „неоднократно

совершены побѣги, — хотя на самомъ дѣлѣ я убѣгалъ только два раза, — тотчасъ послѣ описаннаго допроса къ моей камерѣ былъ приставленъ спеціальный надзиратель, который ни на минуту не отходилъ отъ моей двери и наблюдалъ за всѣмъ моимъ движеніемъ. Другимъ надзирателямъ также, конечно, дана была инструкція строго слѣдить за мною и, чего раньше никогда не бывало, старшій надзиратель Роттъ присутствовалъ какъ при описанномъ, такъ и при слѣдующихъ допросахъ.

Лишь только прошло время обѣда, какъ меня вновь повели къ прокурору. Въ немъ, повидимому, произошла какая-то перемѣна въ мою пользу. Сообщивъ мнѣ, что профессоръ Тунъ подтвердилъ всѣ мои ссылки, онъ заявилъ:

— Очень можетъ быть, что вы не виновны въ томъ преступленіи, о которомъ намъ пишетъ русское правительство, и я охотно готовъ помочь вамъ оправдаться. Имѣйте въ виду, что у насъ въ Германіи роль прокурора не въ томъ, какъ у васъ въ Россіи, чтобы непремѣнно обвинить арестованнаго, а въ томъ, чтобы узнать истину и освободить невинно задержанныхъ. Укажите тѣ средства, которыя могли бы помочь вамъ въ оправданіи: насколько отъ меня будетъ это зависѣть, я постараюсь содѣйствовать вамъ.

Такая перемѣна въ его отношеніи ко мнѣ была, конечно, результатомъ его бесѣды съ проф. Туномъ. Я зналъ, что въ сущности вполнѣ потеряна всякая надежда на легальное освобожденіе. Но, послѣ вышеприведеннаго заявленія прокурора, мнѣ казалось возможнымъ, выгадавъ время, отстрочить моментъ выдачи меня, чтобы попытаться устроить побѣгъ. Поэтому, я попросилъ прокурора доставить мнѣ свиданіе съ моимъ защитникомъ и переводчикомъ, чтобы переговорить съ ними, какъ съ лицами, лучше меня знающими германскіе законы и порядки. Въ доказательство же того, что я не Дейчъ, я сказалъ, что, насколько мнѣ извѣстно, послѣдній живетъ въ Лондонѣ и, если ему будетъ написано, то онъ подтвердитъ это. Я разсчитывалъ, что черезъ защитника или переводчика можно будетъ устроить, чтобы кто-нибудь изъ моихъ товарищей взялъ на себя мою роль.

Исполненіе моихъ просьбъ, по словамъ прокурора, зависѣло теперь отъ баденскаго министра юстиціи, до свѣдѣнія котораго онъ и обѣщалъ ихъ довести. На этомъ закончился второй допросъ.

Но событія шли теперь ускореннымъ темпомъ. Прежде по цѣлымъ недѣлямъ меня не вызывали и, наскучивъ сидѣть въ неизвѣстности, я самъ иногда просилъ, чтобы меня повели къ слѣдователю, у котораго я надѣялся узнать, въ какомъ положеніи мое дѣло. Теперь допросъ шелъ за допросомъ. Утромъ слѣдующаго дня меня вновь позвали къ прокурору. На этотъ

разъ, кромѣ него съ письмоводителемъ и старшаго надзирателя Ротта, неподвижно стоявшаго у дверей, въ камерѣ былъ еще неизвѣстный мнѣ господинъ въ формѣ нашего министерства юстиціи, съ орденомъ въ петлицѣ.

— Здравствуйте, Дейчъ, не узнаете меня? вкрадчивымъ и любезнымъ тономъ заговорилъ незнакомецъ по-русски. Я товарищъ прокурора петербургской судебной палаты Богдановичъ. Помните, мы съ вами видѣлись, когда вы сидѣли въ кіевскомъ древнемъ замкѣ, а я былъ тогда товарищемъ прокурора кіевскаго окружнаго суда.

— Я никогда не имѣлъ удовольствія встрѣчаться съ вами, отвѣтилъ я совершенно искренно, потому что дѣйствительно Богдановича до того не видѣлъ*).

— Да, это Дейчъ, сказалъ Богдановичъ, обращаясь къ фрейбургскому прокурору.

— Это неправда, заявилъ я.

— Но мы скорѣе повѣримъ г-ну Богдановичу, отвѣтилъ фонъ-Бергъ, и вы будете выданы Россіи.

— Этимъ вы доставите только лишній случай русскому правительству послать въ Сибирь невиннаго человѣка..

— Невинныхъ людей у насъ не посылаютъ въ Сибирь! заявилъ Богдановичъ съ апломбомъ.

— Не только въ Сибирь, но и на висѣлицу отправляютъ у насъ вполнѣ невинныхъ людей! воскликнулъ я. Вотъ вы, обратился я къ Богдановичу, говорите, были товарищемъ прокурора въ Кіевѣ, такъ вамъ не только должно быть извѣстно, но, можетъ быть, вы принимали также участіе въ осужденіи на казнь несовершеннолѣтняго юноши, студента Розовскаго, вся вина котораго, какъ констатировалъ даже исключительный военный судъ, состояла лишь въ томъ, что у него нашли прокламацію, и онъ отказался назвать лицо, передавшее ее ему**).

— Розовскаго казнили не за то только, что у него нашли запрещенную прокламацію, а еще и за то, что онъ принадлежалъ къ соціалистической партіи, объяснилъ Богдановичъ фрейбургскому прокурору.

— Видите, обратился и я къ послѣднему, у васъ въ Германіи члены соціалистической партіи засѣдаютъ въ рейхстагѣ и, слѣдовательно, принимаютъ участіе въ общегосударственныхъ дѣлахъ, а, по мнѣнію русскаго прокурора, какъ и всего нашего правительства, даже не доказанное обвиненіе въ принадлежности къ соціалистической партіи уже достаточно для того, чтобы казнить несовершеннолѣтняго студента!

Присутствіе молодого товарища прокурора судебной палаты изъ самаго Петербурга, повидимому, дѣйствовало на фонъ Берга

*) Это недавно убитый уфимскій губернаторъ

**) Казнь его состоялась въ началѣ 1880 г. въ Кіевѣ.

импонирующимъ образомъ. Время отъ времени онъ умильно поглядывалъ на его мундиръ и орденъ и заискивающимъ голосомъ обращался къ нему, стараясь произнести съ трудомъ дававшуюся ему фамилію „Богдановичъ". Вѣроятно затѣмъ, чтобы поддѣлаться подъ вкусъ представителя русской судебной власти, на этотъ разъ фигурировавшей вовсе не въ почетной роли изобличителя арестованнаго, фонъ-Бергъ со злобой сказалъ мнѣ:

— Я вижу, что вы не жалѣете мрачныхъ красокъ для изображенія своего правительства. Но, что бы вы ни говорили и ни взводили на него, вы будете выданы, и я увѣренъ, что съ вами въ Россіи поступлено будетъ по закону.

— О, конечно, конечно! заторопился подтвердить Богдановичъ.

Меня увели въ камеру. Не буду изображать, что я испытывалъ въ эти дни — думаю, каждый самъ пойметъ это, поставивъ себя на моемъ мѣстѣ. Я зналъ, что потеряна почти всякая надежда на освобожденіе какимъ бы то ни было способомъ; но я не могъ помириться съ этой мыслью и все еще въ воображеніи строилъ планы побѣга, хотя въ то же время ясно видѣлъ всю его проблематичность. Переговоры о выдачѣ меня, предполагалъ я, вѣроятно, все же затянутся на нѣкоторое время и, авось, еще удастся что-нибудь придумать. Я принялся, поэтому, писать большое конспиративное письмо черезъ профессора Тупа. Но не успѣлъ я его окончить, какъ дня черезъ два или три послѣ того, какъ Богдановичъ меня уличилъ, вновь повели меня къ прокурору, несмотря на то, что, какъ помню, это было въ воскресенье.

— Состоялось постановленіе нашего правительства о выдачѣ васъ, объявилъ онъ мнѣ, но съ тѣмъ условіемъ, что васъ должны судить обыкновеннымъ судомъ и только за одно участіе въ покушеніи на убійство Гориновича. Въ просьбѣ о разрѣшеніи свиданія съ защитникомъ и переводчикомъ вамъ отказано.

Прочитавъ приведенное постановленіе баденскаго правительства, фонъ-Бергъ сообщилъ, что меня повезутъ въ Россію въ тотъ же день. Передъ тѣмъ, какъ уйти, я замѣтилъ ему, что въ Россіи меня навѣрно будутъ судить исключительнымъ, военнымъ судомъ, а не обыкновеннымъ гражданскимъ.

— Нѣтъ, этого не будетъ, потому что это было бы тогда нарушеніемъ нашихъ правъ! воскликнулъ онъ.

Вернувшись въ камеру, я сталъ готовиться къ отъѣзду. Это была не легкая задача. Не смотря на производившіеся тщательные осмотры предметовъ, которые друзья присылали мнѣ съ воли, у меня, на случай устройства побѣга были при себѣ въ камерѣ англійскія пилки для распиливанія желѣзныхъ рѣшетокъ, ножницы для того, чтобы остричь бороду, а также въ бумажкахъ русскія и германскія деньги. Съ этими вещами нужно было какъ-нибудь устроиться. Не предполагая, чтобы въ пред-

стоявшемъ пути мнѣ возможно было воспользоваться вилками, я ихъ поломалъ и незамѣтно бросилъ въ ватерклозетъ. Остальныя вещи я рѣшилъ припрятать такъ, чтобы, въ случаѣ стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ, я могъ воспользоваться ими въ пути по Германіи или по Россіи. Надзиратель, приставленный къ моимъ дверямъ, не спускалъ съ меня глазъ, тѣмъ не менѣе мнѣ удалось зашить въ своемъ платьѣ указанныя вещи такъ, чтобы ихъ не нашли при предстоявшихъ обыскахъ и чтобы легко было мнѣ достать ихъ въ случаѣ надобности. Всѣ эти приготовленія были лишь надеждой утопающаго, который хватается за соломинку. Я отлично понималъ, что съ меня теперь не будутъ уже спускать глазъ и что всякая надежда на спасеніе въ близкомъ будущемъ пропала окончательно. Но въ такихъ положеніяхъ даже совершенно безполезныя занятія вносятъ нѣкоторое облегченіе въ состояніе заключеннаго. А настроеніе у меня было самое безотрадное. Я зналъ, что меня ждетъ впереди, я рисовалъ себѣ пребываніе въ тюрьмѣ втеченіе многихъ лѣтъ, при полной оторванности отъ жизни и какой-либо дѣятельности, и эта именно перспектива всего болѣе пугала меня. Мнѣ тогда представлялась болѣе привлекательной смертная казнь, чѣмъ растянутая на продолжительное время медленная смерть.

Наступилъ вечеръ, и меня въ закрытой каретѣ, въ сопровожденіи трехъ полицейскихъ, одѣтыхъ въ штатскомъ, повезли куда-то со всевозможными предосторожностями. Карета подъѣхала къ полотну желѣзной дороги, гдѣ, въ сторонѣ отъ вокзала, стоялъ отдѣльный вагонъ, оказавшійся товарнымъ. Въ него меня и посадили; туда же сѣли привезшіе меня изъ тюрьмы полицейскіе. Когда этотъ вагонъ прицѣпили къ поѣзду, замѣтно было какое-то волненіе на платформѣ, и между сопровождавшими меня полицейскими велся шепотомъ возбужденный разговоръ. Изъ отрывочныхъ словъ, долетѣвшихъ до меня, я понялъ, что, очевидно, кого-то арестовали, и я тогда же подумалъ, что должно быть это имѣетъ отношеніе ко мнѣ. Только много лѣтъ спустя я узналъ, что, дѣйствительно, въ тотъ вечеръ на вокзалѣ во Фрейбургѣ были арестованы два моихъ товарища, намѣревавшіеся поѣхать съ этимъ же поѣздомъ, чтобы по пути помочь мнѣ устроить побѣгъ. Такимъ образомъ, и эта попытка окончилась неудачей. Продержавъ моихъ товарищей нѣсколько дней въ тюрьмѣ, ихъ выслали затѣмъ въ Швейцарію.

На разсвѣтѣ меня привезли во Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ почему-то вновь посадили въ какую-то тюрьму. Смотритель ея оказался очень любезнымъ, предупредительнымъ и юркимъ господиномъ. Когда я спросилъ его, могу ли написать открытое письмо моимъ роднымъ въ Швейцарію, онъ увѣрилъ меня, что непремѣнно пошлетъ его, и тутъ же предоставилъ мнѣ необхо-

лимыя письменныя принадлежности*) Камеру онъ также отвелъ мнѣ большую, свѣтлую, съ окномъ на улицу, оказавшуюся очень оживленной; но не знаю уже, по чьимъ соображеніямъ, въ качествѣ собесѣдниковъ ко мнѣ посадили двухъ полицейскихъ. Обѣдъ, заказанный мною этому смотрителю на свой счетъ, также былъ не дуренъ или онъ мнѣ тогда такимъ показался, потому что въ предшествовавшіе дни я, вслѣдствіе огорченій, совсѣмъ потерялъ аппетитъ. Предвидя всевозможныя условія, въ которыхъ мнѣ придется очутиться, я рѣшилъ запастись книгами для чтенія и, когда я заявилъ объ этомъ смотрителю, онъ вызвался, что самъ пойдетъ и дешево купитъ ихъ у букиниста Помню, я назвалъ ему сочиненія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ и французскихъ классиковъ въ подлинникахъ, и онъ дѣйствительно недорого ихъ пріобрѣлъ. Онъ же, наконецъ, предложилъ мнѣ погулять съ нимъ наединѣ по тюремному двору. Разсказывая мнѣ, во время этой прогулки, о своихъ личныхъ и семейныхъ условіяхъ, онъ въ то же время очень неискусно старался выпытать у меня, не Дегаевъ-ли я? Мнѣ, такимъ образомъ, стала вполнѣ понятной причина его любезности. Не говоря уже про то, что ему, какъ мнѣ потомъ разъяснили посаженные ко мнѣ въ камеру полицейскіе, были небезвыгодны покупки книгъ и заказанный мною ему обѣдъ, — онъ по своей наивности, вѣроятно, предполагалъ, что получитъ какую-нибудь награду, если добьется отъ меня признанія, что я Дегаевъ. Дѣло въ томъ, что не задолго до описываемаго времени за поимку Дегаева нашимъ правительствомъ обѣщана была крупная сумма — 10 тысячъ рублей, и имя Дегаева было тогда на языкѣ у всѣхъ, читавшихъ газеты**).

---

*) Впослѣдствіи оказалось, что письмо это онъ передалъ сопровождавшимъ меня полицейскимъ для врученія русскимъ властямъ, хотя въ этомъ открытомъ письмѣ я извѣщалъ лишь близкихъ о своемъ здоровьѣ.

**) Въ виду того, что далеко не всѣ, вѣроятно, помнятъ теперь, въ чемъ состояло преступленіе Дегаева, я позволю себѣ въ нѣсколькихъ словахъ разсказать здѣсь о немъ. Отставной артиллерійскій поручикъ Сергѣй Дегаевъ, видный членъ „Народной Воли“, будучи въ началѣ 80-хъ годовъ арестованъ, сталъ вскорѣ предателемъ и выдалъ многихъ изъ своихъ бывшихъ товарищей. Онъ, такимъ способомъ, не только получилъ свободу, но добился полнаго довѣрія со стороны извѣстнаго въ то время выдающагося сыщика, начальника петербургской охраны, подполковника Судейкина. Но, вслѣдствіе-ли угрызеній совѣсти или подъ вліяніемъ опасеній, что его предательство станетъ извѣстно революціонерамъ, онъ лѣтомъ 1883 года во всемъ признался имъ и, чтобы загладить свою вину, предложилъ свою помощь въ убійствѣ Судейкина. Безъ содѣйствія Дегаева, въ виду чрезвычайной осторожности, его, Судейкина трудно было убить, между тѣмъ никакой другой правительственный агентъ

Во Франкфуртской тюрьмѣ я пробылъ до поздняго вечера, когда за мною пришли три мѣстныхъ полицейскихъ, которые также были одѣты въ штатскомъ. Каждый разъ, при передачѣ меня одной стражей другой, меня вновь обыскивали, при чемъ, однако, ничего не находили. Прежде чѣмъ отвести меня на вокзалъ, франкфуртскіе полицейскіе нацѣпили на меня небольшой толщины и не очень тяжелую желѣзную цѣпь, проходившую подъ платьемъ такъ, что снаружи она была совершенно незамѣтна, но лишала меня возможности ходить быстро, а тѣмъ болѣе бѣжать. Я запротестовалъ, было, противъ такого издѣвательства надъ собою, но полицейскіе заявили, что получили такую инструкцію отъ своего начальника и что мои протесты ни къ чему не приведутъ. По неволѣ пришлось покориться. Не ограничиваясь этой предосторожностью противъ побѣга, одинъ изъ наиболѣе здоровыхъ полицейскихъ бралъ меня подъ руку, когда мы шли по вокзалу и по платформѣ, двое другихъ окружали меня; такимъ образомъ, для непосвященныхъ мы вчетверомъ какъ бы представляли изъ себя группу „близкихъ", „друзей". Въ общемъ вагонѣ съ другими пасажирами мы заняли двѣ отдѣльныя скамьи, и навѣрно никому изъ публики не приходило въ голову, глядя на нашу группу, что это полицейскіе везутъ скованнаго арестанта.

Долженъ, впрочемъ, сказать, что, какъ эти, такъ и всѣ вообще другіе полицейскіе и тюремные служащіе обращались со мною, хотя и сухо, но не грубо, какъ это было во Фрейбургѣ при арестѣ, и аккуратно исполняли тѣ небольшія просьбы, съ которыми я къ нимъ обращался. По спискамъ, которые имѣлись у лицъ, сопровождавшихъ меня, я назывался „der angebliche Buligin"*) и я оставался подъ этой фамиліей до пріѣзда въ Россію.

Сдѣлать въ пути какую-нибудь попытку къ побѣгу было совершенно немыслимо. Сопровождавшіе меня полицейскіе не спускали съ меня глазъ, не отпускали меня ни на шагъ и все время бодрствовали. Со мною они не вступали ни въ какія бесѣды, да я былъ совсѣмъ не расположенъ вести съ ними разговоры. Я чувствовалъ себя подавленнымъ, угнетеннымъ и чрезвычайно утомленнымъ. Никакія мысли не шли въ голову, ничто

до того не принесъ столько вреда революціонерамъ, какъ онъ. На предложеніе Дегаева согласились. И вотъ зимой 1883 года, когда Судейкинъ пришелъ на условленное съ Дегаевымъ свиданіе, два спрятавшіеся у послѣдняго революціонера, — Стародворскій и Коношевичъ, вышли изъ засады и убили начальника охраны. Впослѣдствіи эти лица были арестованы: они приговорены къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ и заключены въ Шлиссельбургскую крѣпость; Дегаевъ же скрылся за-границей и совершенно исчезъ изъ виду.

*) Именующій себя Булыгинымъ.

встрѣчавшееся по пути не обращало на себя моего вниманія и нисколько не развлекало меня. Какая-то апатія, равнодушіе ко всему нашло на меня. „Что будетъ, то будетъ!“ произносилъ я мысленно, когда задумывался о предстоящемъ. Сильное возбужденіе, бывшее у меня въ дни, предшествовавшіе выдачѣ, теперь смѣнилось полнѣйшей апатіей.

Когда на слѣдующій день мы пріѣхали въ Берлинъ, то меня вновь помѣстили въ какой-то тюрьмѣ, которая своимъ мрачнымъ видомъ произвела на меня крайне тяжелое впечатлѣніе. Мрачная камера, окно которой заслонено было отъ свѣта высокой стѣной, непривѣтливыя лица тюремщиковъ, смотрѣвшихъ на меня изъ подлобья, — все это невольно наводило на мысль, какъ сильно долженъ чувствовать себя въ этой тюрьмѣ заключенный на продолжительный срокъ. Много разныхъ мѣстъ заключенія пришлось мнѣ затѣмъ посѣтить въ Европейской Россіи и въ Сибири, но нигдѣ, на сколько припоминаю, меня не охватывало такое жуткое чувство, какъ въ этой берлинской тюрьмѣ. Все говорило здѣсь, что ты — въ столицѣ Пруссіи, гдѣ строгость и дисциплина, вѣрнѣе — грубость и черствость господствующія правила.

Полицейскіе, которые привезли меня изъ Франкфурта, не оставляли меня одного въ камерѣ, и, признаюсь, я даже былъ доволенъ этимъ: въ этой камерѣ чье-бы то ни было присутствіе ослабляло удручающее впечатлѣніе, которое она производила. Къ счастью, мнѣ не долго пришлось просидѣть въ этой мрачной берлинской тюрьмѣ, и я обрадовался, когда предъ вечеромъ того же дня мы вновь съ тѣми же полицейскими меня, поѣхали далѣе до русской границы.

III.

Пріѣздъ въ Россію. — Въ петербургскихъ тюрьмахъ.

Утромъ слѣдующаго дня мы высадились на станціи Граница. Была середина мая; погода стояла прекрасная. Я помню всѣ малѣйшія впечатлѣнія и ощущенія, которыя тогда вызывались во мнѣ. Лишь только поѣздъ остановился, и я, въ сопровожденіи привезшихъ меня полицейскихъ, вышелъ на дебаркадеръ, какъ тотчасъ былъ окруженъ нѣсколькими нашими жандармами.

— Здравствуйте, Дейчъ, наконецъ-то вы пріѣхали, а мы ждали васъ, ждали! услышалъ я ихъ привѣтствіе и, взглянувъ на улыбающіяся добродушной улыбкой молодыя здоровыя лица этихъ русскихъ крестьянскихъ сыновей, одѣтыхъ въ несимпатичные намъ синіе мундиры, я самъ улыбался имъ, какъ будто меня встрѣчали старые, хорошіе знакомые.

— Откуда же вы меня знаете? спросилъ я, отвѣтивъ на ихъ привѣтствіе и направляясь съ ними на станцію въ жандармское отдѣленіе.

— Помилуйте, мы давно о васъ слышали! воскликнуло нѣсколько голосовъ. Не желаете ли чаю и закусить, или сперва умоетесь? любезно предлагали они, и каждый изъ нихъ охотно исполнялъ мою просьбу. Въ ихъ отношеніи ко мнѣ чувствовалась простота, если хотите, даже своего рода пріязнь, расположеніе. Между тѣмъ, какъ для нѣмецкихъ тюремщиковъ я былъ какимъ-то страшнымъ преступникомъ, скрывающимся подъ вымышленнымъ именемъ, за благополучную доставку котораго по назначенію каждый изъ нихъ разсчитывалъ получить какую-нибудь награду, — они при мнѣ говорили объ этомъ шепотомъ, когда думали, что я сплю, — для нашихъ жандармовъ я былъ просто политическимъ преступникомъ, съ именемъ котораго они до того свыклись, что считали меня своимъ старымъ знакомымъ.

Передъ тѣмъ я не былъ въ Россіи болѣе четырехъ лѣтъ, и первыя лица, которыя встрѣтили меня и заговорили со мною на родномъ языкѣ, были жандармы. Не удивительно, поэтому, что я и имъ обрадовался. Если бы кто-нибудь посторонній зашелъ въ то помѣщеніе, гдѣ я сидѣлъ за столомъ, на которомъ находились чай и закуска, и бесѣдовалъ съ окружавшими меня жандармами, то онъ навѣрно подумалъ бы, прислушавшись къ нашему разговору, что это встрѣтились, послѣ продолжительной разлуки, давно другъ друга знающіе люди.

— Ну, какъ за-границей? Поди, хуже, чѣмъ у насъ? спрашивали мои собесѣдники. И я разсказывалъ имъ о „за-гра-

ницѣ", доказывая, что тамъ куда лучше, чѣмъ у насъ. Съ этимъ они никакъ не соглашались, и у насъ завязался оживленный споръ, въ которомъ всѣ присутствовавшіе — человѣкъ 10-12 — принимали активное участіе. Когда эта тема была исчерпана, я, въ свою очередь, спрашивалъ, какъ у насъ, что у насъ новаго? И жандармы съ умиленіемъ разсказывали мнѣ, какъ незадолго передъ тѣмъ вся Россія праздновала совершеннолѣтіе наслѣдника (нынѣшняго царя).

Нѣмецкіе полицейскіе, сдавъ подъ росписку отобранныя у меня вещи, деньги и меня самого, удалились, вѣроятно, разочарованными, такъ какъ никакого вознагражденія, по крайней мѣрѣ, на границѣ, они не получили. Когда наступило время отхода поѣзда, жандармскій офицеръ распорядился, чтобы имѣющіе сопровождать меня дальше нижніе чины снарядились въ дорогу. Видя, что онъ сдаетъ старшему изъ нихъ мои деньги, переданныя ему нѣмецкими полицейскими, я незамѣтно досталъ спрятанныя у меня въ платьѣ русскія деньги и попросилъ его присоединить и ихъ, такъ какъ опасался, что, при болѣе тщательномъ обыскѣ, ихъ могутъ найти у меня.

— Какимъ образомъ у васъ при себѣ деньги? спросилъ офицеръ съ изумленіемъ. Развѣ въ Германіи васъ не обыскивали?

Я отвѣтилъ, что, хотя и обыскивали, но не нашли этихъ денегъ. Тогда онъ велѣлъ вновь тщательно меня обыскать. У меня оставались еще спрятанными нѣмецкія деньги и ножницы, но, на всякій случай, я рѣшилъ ихъ не предъявлять. Жандармы, произведши тщательный обыскъ, также не нашли ничего.

Затѣмъ три жандарма повезли меня въ Петербургъ. Ночью прибыли мы въ Варшаву; тамъ на станціи встрѣтили насъ желѣзно-дорожный жандармскій полковникъ. Какъ и большинство жандармскихъ офицеровъ въ то время, онъ былъ очень разговорчивъ.

— Вы, кажется, по Чигиринскому дѣлу? спросилъ онъ меня.

Я отвѣтилъ утвердительно.

Желая, вѣроятно, меня утѣшить, онъ замѣтилъ:

— Дѣло старое, — вѣдь это было во время польскаго возстанія, — къ вамъ примѣнятъ манифестъ. Вы отдѣлаетесь пустяками.

Во время польскаго возстанія мнѣ не было еще восьми лѣтъ.

Не смотря на любезный разговоръ со мною, онъ, однако, далъ старшему жандарму самую строгую инструкцію, которую мнѣ случайно удалось разслышать, сидя въ вагонѣ.

— Смотрите за нимъ въ оба! внушалъ онъ шепотомъ, стоя на платформѣ. Окна не открывайте, изъ вагона на станціяхъ не выпускайте его, ночью не спите!

Но жандармы относились ко мнѣ по прежнему и не обнаруживали страха, что я убѣгу.

Когда мы пріѣхали въ Петербургъ, насъ встрѣтилъ жандармскій ротмистръ и прямо со станціи въ сопровожденіи этихъ же жандармовъ въ извощичьей закрытой каретѣ повезъ въ Петропавловскую крѣпость.

Странное чувство охватило меня, когда я убѣдился, что меня везутъ въ эту спеціальную для политическихъ преступниковъ тюрьму, давно пользующуюся среди насъ, русскихъ, печальной извѣстностью. Грустно и вмѣстѣ интересно было мнѣ очутиться въ ней. Я зналъ по наслышкѣ, что режимъ въ Петропавловской крѣпости чрезвычайно суровый, но мнѣ хотѣлось побывать тамъ, чтобы лично испытать его. Дѣйствительность оправдала слышанные разсказы.

Черезъ показавшіеся мнѣ безконечно длинными корридоры меня ввели въ какую-то камеру; смотритель крѣпости, жандармскій полковникъ Лѣсникъ, немедленно велѣлъ мнѣ до-нага раздѣться. Присутствовавшіе при этомъ нижніе жандармскіе чины самымъ внимательнымъ образомъ меня осмотрѣли, затѣмъ дали мнѣ одѣть, вмѣсто своего платья, казенное нижнее бѣлье, поверхъ его полосатый халатъ, какіе носятъ въ больницахъ, и туфли; всѣ же мои вещи они унесли куда-то. Послѣ этого меня повели въ другую камеру, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ, гдѣ меня и оставили подъ запоромъ. Всѣ движенія совершались тихо, безъ малѣйшаго шума, словно то было не мѣсто, гдѣ жили многіе въ теченіе долгаго времени, а кладбище для мертвецовъ. Только бой крѣпостныхъ часовъ, сопровождавшійся игрой гимна: „Коль славенъ нашъ господь въ Сіонѣ!“, нарушалъ эту удручающую тишину.

Въ большой по размѣрамъ камерѣ было мрачно, такъ какъ окно находилось подъ самымъ потолкомъ, и, не смотря на май мѣсяцъ, въ ней было очень холодно. Солнце никогда не заглядывало сюда, и стѣны были влажны отъ сырости. Мебель, кромѣ желѣзной койки, на которой находились тюфякъ и подушка изъ сѣна, а также тоненькое бумажное одѣяло, состояла еще изъ желѣзнаго же столика съ такимъ же табуретомъ, привинченныхъ къ стѣнѣ, да изъ неизмѣнной, издававшей запахъ „параши“. Уже въ 5-6 часовъ пополудни, не смотря на май мѣсяцъ, когда въ Петербургѣ совсѣмъ нѣтъ ночи, въ камерѣ наступалъ полумракъ, такъ что читать было невозможно. Но болѣе всего угнеталъ меня холодъ, объяснявшійся какъ положеніемъ камеры, такъ въ особенности легкимъ казеннымъ платьемъ. Чтобы согрѣться, я до утомленія ходилъ быстро изъ угла въ уголъ по камерѣ, но стоило только присѣсть на четверть часа, какъ я снова чувствовалъ холодъ. Не помогала въ этомъ отношеніи и постель, такъ какъ одѣяло было черезчуръ воздушное.

Пища, состоявшая изъ чернаго хлѣба фунта въ два и обѣда

изъ двухъ относительно недурныхъ блюдъ, была крайне недостаточна; но, главное, кушанье всегда давалось уже остывшимъ, такъ какъ, повидимому, приносилось издалека. Улучшать же на свой счетъ ѣду, что въ крѣпости послѣдственнымъ разрѣшается, я долгое время не могъ, потому что привезшіе меня жандармы сдали мои деньги, цѣнныя вещи и очки встрѣтившему насъ на вокзалѣ ротмистру, который все это передалъ въ департаментъ государственной полиціи. Кромѣ физическихъ лишеній, я, такимъ образомъ, обреченъ былъ и на нравственныя, на жестокую тоску, такъ какъ, не имѣя очковъ, не могъ развлекаться чтеніемъ книгъ, что также разрѣшается тамъ подслѣдственнымъ. Дни — да и ночи — казались мнѣ безконечно долгими, и я не зналъ, какъ ихъ коротать. Я заставлялъ себя мысленно рѣшать какія-либо задачи, такъ какъ письменныхъ принадлежностей тамъ не допускали, я разсказывалъ себѣ мною же придуманныя статьи и воспоминанія изъ прошлаго; наконецъ, я надумалъ „издавать“ для себя и, конечно, про себя газету.

Умывшись и съѣвъ утромъ кусокъ хлѣба, я начиналъ, расхаживая по камерѣ, „читать газету“. Сперва шла, конечно, „передовая статья“ по какому-нибудь „животрепещущему“ вопросу, затѣмъ — „городская хроника“, „обозрѣнія“, „фельетонъ“ и т. д. Но, спустя нѣсколько дней, темы для наполненія „столбцовъ моей газеты“ истощились, къ тому же это „чтеніе“ все же не могло заполнить всего безконечно длиннаго дня; да и по ночамъ я часто изъ-за холода бодрствовалъ и, соскакивая съ постели, бѣгалъ изъ угла въ уголъ.

Прогулка по двору вносила также мало разнообразія въ жизнь, потому что она происходила черезъ день и длилась, вмѣстѣ съ одѣваніемъ и раздѣваніемъ приносимаго для этого своего платья, всего по четверти часа; къ тому же она совершалась по огороженному со всѣхъ сторонъ высокими каменными стѣнами двору, гдѣ, кромѣ жандармовъ и часовыхъ, конечно, никого больше не бывало въ то время. Не только обмѣняться нѣсколькими словами съ караулившими заключенныхъ жандармами, но даже добиться отъ нихъ лаконическаго отвѣта на самый обыденный вопросъ рѣшительно нельзя было. О чемъ бы вы ихъ ни спросили, они, глядя вамъ прямо въ глаза, упорно молчали.

Но, спустя нѣсколько дней, нашлось и для меня небольшое развлеченіе: я услышалъ тихій и слабый стукъ, доносившійся откуда-то издалека по стѣнѣ. Сидя нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Кіевской тюрьмѣ, я научился бесѣдовать путемъ перестукиванія, и теперь я быстро вспомнилъ условную азбуку. Трудно передать мою радость, когда я услыхалъ знакомые звуки и подумалъ, что они ко мнѣ относятся. Но, увы! Отвѣтивъ на стукъ, я скоро убѣдился, что не ко мнѣ онъ адресованъ;

то бесѣдовали, повидимому, два старые пріятеля, которые, несмотря на мои попытки завязать съ ними „знакомство“, упорно отъ этого отказывались; въ виду того, что перестукиванье строго преслѣдовалось въ крѣпости, эти два пріятеля, вѣроятно, боялись принять третьяго неизвѣстнаго имъ человѣка въ свою компанію, такъ какъ, такимъ образомъ, они скоро были бы накрыты и, слѣдовательно, лишены возможности другъ съ другомъ разговаривать, чѣмъ, повидимому, они очень дорожили. Мнѣ оставалось только быть молчаливымъ свидѣтелемъ ихъ короткихъ бесѣдъ по утрамъ. Неизмѣнно раздавался одинъ и тотъ же разговоръ: „какъ ты спалъ?“ „Что подѣлываешь?“ А въ отвѣтъ: „Здравствуй!“, „хорошо“, „пью чай“. Но и этому однообразному разговору я завидовалъ. Я такъ и не узналъ, кто были перестукивавшіеся.

Не помню въ точности, сколько дней прошло съ того времени, какъ меня посадили въ Петропавловскую крѣпость, — приблизительно около десяти, — когда впервые меня позвали на допросъ. До этого никто, съ момента моего пріѣзда въ Россію, не только не допрашивалъ меня, но не справлялся даже о моей фамиліи: какъ посылку, идущую издалека по почтѣ, меня при бумагахъ передавали съ рукъ на руки, не справляясь съ моимъ именемъ. Нашимъ жандармамъ, повидимому, было извѣстно, что я называю себя Булыгинымъ, когда на самомъ дѣлѣ я — Дейчъ, но въ точности и они не знали, когда и какое я совершилъ преступленіе. Въ Петропавловской крѣпости ко мнѣ или никакъ не обращались, или — безъ всякаго имени, вѣрнѣе даже сказать, что тамъ совсѣмъ обходились безъ словъ, а одними жестами.

Однажды утромъ мнѣ принесли мое платье. Я одѣлся, предполагая, что это предстоитъ прогулка, но меня повели не во дворъ, а въ какое-то помѣщеніе, гдѣ за столомъ, покрытымъ синимъ сукномъ, сидѣли три человѣка, одѣтые въ форму министерства юстиціи. Пригласивъ меня сѣсть на свободномъ стулѣ за этимъ же столомъ, одинъ изъ судейскихъ заявилъ, что онъ судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ С.-Петербургскаго округа Ольшаниновъ, затѣмъ, указывая на сидѣвшаго рядомъ съ нимъ, отрекомендовалъ его прокуроромъ С.-Петербургской Судебной Палаты Муравьевымъ*), а третьяго онъ не назвалъ по фамиліи.

Начался допросъ. На предложенные слѣдователемъ вопросы о моемъ имени, званіи и проч., я впервые назвалъ себя, заранѣе рѣшивъ, что, будучи въ Россіи, нѣтъ больше ни малѣйшаго смысла запираться. Затѣмъ я разсказалъ также, какъ въ дѣйствительности было совершено покушеніе на жизнь Гориновича,

*) Нынѣшній министръ юстиціи.

не называя, конечно, никакихъ постороннихъ лицъ и нисколько не стараясь выгораживать себя; я зналъ, что никому не могу ни помочь, ни тѣмъ болѣе повредить своими правдивыми показаніями, такъ какъ всѣ сколько-нибудь заподозрѣнныя по этому дѣлу лица, какъ я выше сообщилъ, были уже осуждены за пять лѣтъ до того времени; себѣ же я ничѣмъ не могъ помочь, потому что размѣръ предстоявшаго мнѣ наказанія заранѣе опредѣлялся условіями выдачи меня изъ Бадена. Оставалось только, въ интересахъ исторической правды, представить это дѣло въ истинномъ его свѣтѣ.

Во время допроса слѣдователя, неназванный имъ третій судейскій иногда также вмѣшивался въ разговоръ и обращался ко мнѣ съ вопросами. Подобно тому, какъ во Фрейбургѣ случилось у меня съ проф. Туномъ, что я его не сразу узналъ, такъ и здѣсь оказалось, что это былъ Котляревскій, давно мнѣ извѣстный, съ 1877 г., по кіевской тюрьмѣ. Тогда онъ состоялъ товарищемъ прокурора тамошняго окружного суда, въ описываемое же время онъ былъ товарищемъ прокурора петербургской судебной палаты и завѣдывалъ спеціально политическими дѣлами. Хотя за Котляревскимъ въ революціонной средѣ упрочилась далеко не лестная репутація и, какъ извѣстно, на него сдѣлано было даже покушеніе Осинскимъ и другими лицами (въ февралѣ 1878 г.), тѣмъ не менѣе, встрѣтивъ его въ Петропавловской крѣпости, при вышеописанномъ режимѣ, я обрадовался ему, какъ земляку-кіевлянину. Онъ также очень привѣтливо отнесся ко мнѣ; мы стали вспоминать прошлое, разспрашивать другъ друга о пережитомъ въ минувшіе годы. Чтобы не мѣшать слѣдователю, записывавшему мои показанія и составлявшему впервые теперь протоколъ о заключеніи меня въ тюрьмѣ, Котляревскій предложилъ мнѣ удалиться съ нимъ поодаль въ той же комнатѣ. Какъ очень умный и хитрый человѣкъ, Котляревскій всегда отличался большой наблюдательностью и этими чертами онъ умѣлъ пользоваться, ведя дознанія по политическимъ процессамъ.

— Помните, замѣтилъ онъ между прочимъ, какимъ вы были вспыльчивымъ? Какъ однажды, разсердившись, вы чуть не бросили въ меня чернильницу?

Я прекрасно помнилъ этотъ эпизодъ. Дѣло въ томъ, что во время заключенія въ кіевской тюрьмѣ я былъ въ нервно-раздражительномъ состояніи и вообще отличался большой горячностью и вспыльчивостью. Отчасти поэтому, но также потому, что я принадлежалъ тогда къ „бунтарямъ“, въ программу которыхъ входило, между прочимъ, воинственное поведеніе со всякаго рода властями, у меня въ кіевской тюрьмѣ вышелъ однажды рѣзкій разговоръ съ Котляревскимъ изъ-за того, что онъ настаивалъ, чтобы я подписалъ какой то протоколъ, а я, не же-

лая этого дѣлать, угрожающе схватилъ чернильницу и думалъ бросить ею въ него, если онъ не отстанетъ со своимъ требованіемъ. Замѣтивъ мое намѣреніе, Котляревскій подозвалъ смотрителя и что-то шепнулъ ему на ухо. Когда тотъ быстро затѣмъ удалился, я подумалъ, что товарищъ прокурора велѣлъ ему привести конвой, чтобы потащить меня въ карцеръ. Но каково же было мое удивленіе, а также и радость, когда, спустя нѣсколько минутъ, я увидѣлъ въ дверяхъ вмѣстѣ со смотрителемъ моего друга, Я. Стефановича, который сидѣлъ въ той же тюрьмѣ, но такъ, что мы не могли видаться. Это неожиданное свиданіе было для насъ обоихъ пріятнымъ сюрпризомъ.

— Успокойте вашего товарища, обратился тогда Котляревскій къ Стефановичу, — у него нервы очень разстроены.

Я тогда уже оцѣнилъ эту находчивость Котляревскаго и теперь сказалъ ему, что онъ въ Кіевѣ поступилъ со мною по джентльменски. Это ему, видимо, понравилось.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ я указалъ ему на ту странность, что меня выдали изъ Германіи, какъ уголовнаго, а между тѣмъ содержатъ въ Петропавловской крѣпости, въ которой находятся одни лишь политическіе заключенные.

— Не понимаю также, сказалъ я, почему меня привезли въ Петербургъ, когда дѣло, по которому меня привлекаютъ, произошло въ Одессѣ, а по нашимъ законамъ процессъ долженъ тамъ состояться, гдѣ имѣло мѣсто преступленіе.

Котляревскій ничего на это не отвѣтилъ; лишь по поводу высказаннаго мною недоумѣнія, почему мнѣ не предоставляютъ возможности пользоваться моими же деньгами для улучшенія пищи, онъ обѣщалъ переговорить съ директоромъ департамента государственной полиціи, Плеве.

Вскорѣ послѣ этого допроса полковникъ Лѣсникъ перевелъ меня въ значительно болѣе свѣтлую и теплую камеру, расположенную въ верхнемъ этажѣ. Да и вообще въ его обращеніи замѣтна стала нѣкоторая перемѣна къ лучшему. Дня черезъ два послѣ допроса онъ сообщилъ мнѣ, что деньги и вещи мои переведены изъ департамента полиціи, и я теперь могу сдѣлать себѣ выписку съѣстныхъ припасовъ и табаку.

Но меня болѣе всего обрадовала возможность пользоваться очками. Оказалось, однако, что разрѣшеніе носить ихъ зависитъ отъ тюремнаго врача. Вскорѣ и онъ явился ко мнѣ. Это былъ старикъ лѣтъ 60-ти, въ генеральскомъ чинѣ, пользовавшійся среди политическихъ репутаціей крайне грубаго и невѣжественнаго человѣка. Онъ немедленно это и мнѣ доказалъ. Приподнявъ по порядку оба верхніе вѣка и вскользь взглянувъ на меня, стоя на значительномъ разстояніи, онъ съ апломбомъ заявилъ, что у меня совершенно нормальное зрѣніе и въ очкахъ я не нуждаюсь. А между тѣмъ, по опредѣленію одного изъ л[illegible]

шихъ нашихъ окулистовъ того времени, проф. Гиршмана (въ Харьковѣ), у меня былъ довольно рѣдко встрѣчающійся случай аномаліи, и съ 18 лѣтъ я при чтеніи не могъ обходиться безъ очковъ. Отказъ крѣпостного врача повергъ меня чуть не въ отчаяніе. Я готовъ былъ кричать, молить и ругать его; я долженъ былъ сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы не наговорить ему рѣзкостей.

— Помилуйте, вѣдь я совершенно не могу обходиться безъ очковъ при чтеніи! кричалъ я. Для меня пытка быть лишеннымъ единственнаго здѣсь развлеченія!

Но грубый эскулапъ остался непреклоннымъ и, повторяя все одну и ту же фразу: „нѣтъ, вамъ очки не нужны", направился къ выходу. Я нервно сжималъ кулаки, слезы досады и сердитаго безсилія подступали къ горлу. Еще минута, и я, вѣроятно, не смогъ бы совладать со своими нервами.

Пришлось, однако, помириться съ этимъ отказомъ, — съ чѣмъ только человѣкъ не мирится! Злоба душила меня каждый разъ, какъ я вспоминалъ потомъ этого генерала-доктора. Поневолѣ оставалось развлекаться куреніемъ. Папироса стала моимъ собесѣдникомъ и другомъ, — съ нею вообще заключенный чувствуетъ себя лучше, не столь одинокимъ, отверженнымъ.

Но вотъ однажды слышу стукъ въ стѣну, слабый, тихій, совсѣмъ вблизи меня. „Не ко мнѣ-ли это?" думаю. Отвѣчаю принятымъ условнымъ знакомъ — нѣсколькими учащенными ударами. Да, это ко мнѣ! Какая радость! Я узнаю, кто изъ товарищей сидитъ въ крѣпости, пріобрѣту собесѣдника. „Кто вы? По какому дѣлу?" — разбираю я его стукъ. Нервно хватаю гребень — единственную твердую вещь, которую въ крѣпости разрѣшали имѣть при себѣ — и начинаю выстукивать свое имя и фамилію. Слышу, мой собесѣдникъ изумленъ: „какими судьбами?" спрашиваетъ онъ. „А вы кто?" стучу я. „Кобылянскій!" слѣдуетъ отвѣтъ.

Меня не менѣе удивила эта, если можно такъ выразиться, „встрѣча" съ нимъ здѣсь. Хотя на волѣ намъ не случалось встрѣчаться, но я зналъ, что за участіе въ разныхъ террористическихъ предпріятіяхъ онъ былъ (въ 1880) приговоренъ къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ и давно отправленъ въ Сибирь, на Кару. Какимъ же образомъ онъ могъ теперь очутиться въ Петербургѣ, въ Петропавловской крѣпости? Меня разбирало нетерпѣніе поскорѣе узнать, что такое случилось? Но и его не менѣе интересовало узнать, какимъ образомъ меня арестовали? Мнѣ пришлось уступить. Но едва успѣлъ я, исполняя его просьбу, передать въ самыхъ лаконическихъ выраженіяхъ про арестъ и выдачу меня изъ Германіи, какъ услышалъ возгласъ:

— Вы перестукиваетесь?

Я встрепенулся. Повернувъ голову по направленію къ двери

и держа въ поднятой рукѣ гребень, я увидѣлъ полковника Лѣсника, въ сопровожденіи нѣсколькихъ жандармовъ, подкравшихся на цыпочкахъ и неслышно открывшихъ дверь. Меня поймали „на мѣстѣ преступленія".

— Имѣйте въ виду, заявилъ онъ, если мы еще разъ захватимъ васъ за этимъ занятіемъ, то я вновь переведу васъ въ нижній этажъ, лишу прогулокъ и права пользоваться деньгами. — Сказавъ это, онъ удалился съ суровымъ видомъ.

Я чувствовалъ себя въ положеніи школьника, захваченнаго на дѣтской шалости; но перестукиваніе является такой же потребностью для заключеннаго, какой устная рѣчь — для всякаго вообще человѣка. Лишь впослѣдствіи я узналъ, почему Кобылянскаго привезли изъ Сибири въ Петропавловскую крѣпость, но объ этомъ я разскажу ниже.

Вскорѣ послѣ вышеописаннаго, въ неурочное время мнѣ принесли мое платье. Я предполагалъ, что меня поведутъ на допросъ, но, нѣтъ, — очевидно, меня совсѣмъ хотятъ увозить отсюда: появился тотъ самый жандармскій ротмистръ, который привезъ меня съ вокзала, принесли изъ цейхгауза всѣ мои вещи.

— Куда меня, въ Одессу? спрашиваю. Но офицеръ и нижніе чины упорно молчатъ. „Должно быть, на вокзалъ"? думаю я, сидя вновь въ компаніи жандармовъ, въ извощичьей каретѣ.

Былъ одинъ изъ тѣхъ промежуточныхъ моментовъ, во время петербургскихъ „бѣлыхъ" ночей, когда нельзя разобрать, смеркается-ли или разсвѣтаетъ. Погода была прекрасная и, думая о предстоящей поѣздкѣ въ Одессу, я почувствовалъ, что у меня стало куда легче на душѣ.

Но, нѣтъ, меня не на вокзалъ везутъ: съ Троицкаго моста карета повернула въ другую сторону. Вскорѣ она заѣхала во дворъ огромнаго каменнаго зданія. То былъ Домъ Предварительнаго Заключенія.

Сдавая меня помощнику управляющаго домомъ, жандармскій ротмистръ указалъ ему пальцемъ на какое-то мѣсто въ переданной при этомъ бумагѣ. Поднявъ глаза, помощникъ посмотрѣлъ на меня пытливо: вѣроятно, въ указанномъ мѣстѣ говорилось, чтобы имѣть за мною особенно строгій присмотръ, въ виду прежнихъ моихъ побѣговъ.

— Эти вещи можете взять съ собою, сказалъ помощникъ, подавая мнѣ карманные часы, золотое кольцо, цѣнный портъ-табакъ и очки. А книги ваши пойдутъ сперва къ прокурору и, если онѣ дозволеннаго содержанія, вамъ ихъ передадутъ; платье и бѣлье получите также послѣ осмотра ихъ надзирателемъ.

Сразу видно было, что режимъ въ этой тюрьмѣ иной. Когда по прошествіи нѣкотораго времени я получилъ отъ надзирателя всѣ свои вещи въ камеру, то первымъ дѣломъ удостовѣрился,

цѣлы-ли спрятанныя мною деньги и ножницы. Не смотря на обыски въ Петропавловской крѣпости и въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, все оказалось нетронутымъ. Спрятавъ, на всякій случай, вновь ножницы въ вещахъ, я рѣшилъ обмѣнять германскія марки на русскіе рубли, но такимъ образомъ, чтобы хоть часть денегъ осталась конспиративно при мнѣ. Я началъ присматриваться къ надзирателямъ, которыхъ на томъ корридорѣ, гдѣ я сидѣлъ, было трое, и они смѣнялись каждыя сутки. Самымъ симпатичнымъ изъ нихъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, мнѣ показался тотъ, который осматривалъ мои вещи, когда меня привезли сюда. Его-то я и рѣшилъ привлечь на свою сторону. Доставъ изъ укромнаго мѣста нѣмецкія марки и положивъ ихъ въ карманъ, я пригласилъ этого надзирателя зайти ко мнѣ въ камеру.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ онъ, затворивъ за собою дверь.

— Вы хорошо осматривали мои вещи, помните, въ первый вечеръ, когда меня привезли сюда? спросилъ я.

— Да, хорошо! А что случилось? спросилъ онъ съ тревогою.

— Ничего особеннаго, успокоилъ я его. Только скажу вамъ, что вы не умѣете искать: вотъ смотрите, у меня были деньги въ вещахъ, а вы ихъ не нашли! сказалъ я, показывая ему пачку бумажекъ.

— Быть этого не можетъ! воскликнулъ онъ, я очень тщательно осматривалъ. Куда вы ихъ спрятали?

— Ну это уже мой секретъ, замѣтилъ я. А теперь вотъ въ чемъ дѣло: это нѣмецкія деньги; если ихъ размѣнять, будетъ около 50 рублей. Такъ вотъ, берите ихъ и когда смѣнитесь, отправьтесь въ какую-нибудь контору, — ихъ много на Невскомъ, — и размѣняйте: половина вамъ, а другая мнѣ. Согласны?

— Хорошо, согласенъ! сказалъ онъ и, спрятавъ взятыя у меня марки, удалился.

„Клюетъ!“ подумалъ я съ радостью и сталъ строить всевозможные планы. Изъ прошлаго опыта я зналъ, что прежде всего необходимо завязать тайныя сношенія съ волей. Нерѣдко намъ, политическимъ, это удавалось устроить черезъ надзирателей, которые за хорошее вознагражденіе соглашались переносить письма изъ тюрьмы на волю и обратно.*) Увидѣвъ теперь, какъ легко надзиратель согласился на мое предложеніе, я началъ строить дальнѣйшій планъ дѣйствій. „Спустя нѣсколько дней“, думалъ я, „попробую дать ему какое-нибудь письмо, чтобы онъ отправилъ по почтѣ, затѣмъ пошлю его съ письмомъ къ кому-нибудь изъ моихъ знакомыхъ, а тамъ, завязавши, такимъ образомъ, тайныя сношенія съ волей, — уносился я мысленно, — кто его знаетъ? можетъ быть, что-нибудь и выгоритъ“....

*) На югѣ, въ Кіевѣ, мы называли такого надзирателя „голубемъ“.

Мой разговоръ съ этимъ надзирателемъ произошелъ утромъ, и цѣлый день я былъ въ возбужденномъ состояніи. Заглядывая ко мнѣ, время отъ времени, черезъ окошечко, продѣланное въ дверяхъ, этотъ надзиратель подмигивалъ и ухмылялся мнѣ, на что я ему отвѣчалъ тѣмъ же. Но предъ вечеромъ онъ вновь зашелъ ко мнѣ въ камеру и, отдавая германскія марки, сказалъ:

— Берите ихъ назадъ, боюсь, какъ-бы не попасться. У насъ тутъ на дняхъ случай былъ: у надзирателя, при выходѣ изъ этого Дома, нашли двое часовъ. „Откуда это у тебя?“ стали его допытывать. Ну, его и уволили. А жалованье, знаете, тутъ хорошее — 25 рублей въ мѣсяцъ. Не легко найти другую такую службу. Нѣтъ, боюсь, берите ихъ назадъ, у меня семья.

Я, конечно, не настаивалъ, зная, что изъ такихъ нерѣшительныхъ приставниковъ не можетъ выйти „голубя“. Но, не предвидя возможности и въ будущемъ размѣнять германскія марки тайнымъ образомъ, я велѣлъ этому же надзирателю передать ихъ открытомъ помощнику управляющаго съ тѣмъ, чтобы, размѣнявъ, тотъ присоединилъ ихъ къ уже имѣвшимся въ конторѣ моимъ деньгамъ.

— Скажите, что вы ихъ нашли при осмотрѣ моихъ вещей, сказалъ я ему.

— Нѣтъ, такъ не годится: спроситъ, почему столько дней не отдавалъ ихъ? Лучше правду скажу, что вы сами мнѣ только теперь ихъ передали.

Такимъ образомъ, мои планы, которыми я далеко заносился впередъ, рухнули въ тотъ же вечеръ. Германскія же деньги были обмѣнены и присоединены къ моимъ.

Собственныя мои книги вскорѣ дѣйствительно были принесены мнѣ въ камеру. Я также могъ пользоваться и имѣвшейся при Домѣ Предварительнаго Заключенія библіотекой. Поэтому, послѣ продолжительнаго лишенія, испытаннаго мною въ крѣпости, я съ наслажденіемъ набросился на чтеніе. Письменныя принадлежности также можно было имѣть у себя въ камерѣ. Такимъ образомъ, во многихъ отношеніяхъ въ Домѣ Предварительнаго Заключенія было значительно лучше, чѣмъ въ Петропавловской крѣпости. Но здѣсь были также и отрицательныя стороны: маленькія камеры съ каменнымъ поломъ лѣтомъ сильно накалялись, въ нихъ было душно и пыльно; пища также уступала крѣпостной, какъ по качеству, такъ и по размѣрамъ, а мѣста для прогулокъ вполнѣ напоминали клѣтки для звѣрей. Представьте себѣ огромный кругъ, подѣленный высокими заборами, идущими отъ центра, на много равныхъ частей-секретовъ. Гуляя по такому „скотскому загону“, какъ мы называли эти клѣтки, заключенный видѣлъ лишь кусокъ неба, да часть двора. Правда, на прогулку водили ежедневно, и она продолжалась 45 минутъ, но тѣсные размѣры „загона“ дѣлали ее не особенно привлекательной.

Въ противоположность убійственной тишинѣ, господствовавшей въ Петропавловской крѣпости, здѣсь кругомъ было, наоборотъ, большое оживленіе. Со всѣхъ сторонъ доносились крики, шумъ, гамъ. Временами заключенному могло казаться, что онъ находится на какомъ-нибудь заводѣ или фабрикѣ. Съ корридора, окна котораго выходили на улицу, доносились чрезъ дверь городская жизнь, ѣзда экипажей и трамваевъ, крики разносчиковъ или игра шарманщика. Но подчасъ этотъ шумъ, напоминая заключенному про вольный свѣтъ, вызывалъ у него особенно грустное настроеніе.

Однажды я замѣтилъ на корридорѣ и во дворѣ необычную суету, — вездѣ тщательно чистили и убирали, — очевидно, готовились къ посѣщенію очень важной особы. Вскорѣ я узналъ, что ждутъ тогдашняго министра юстиціи Набокова. Дѣйствительно, спустя нѣкоторое время онъ зашелъ въ мою камеру, въ сопровожденіи большой свиты. Когда кто-то назвалъ мою фамилію, онъ, поздоровавшись, сказалъ мнѣ:

— Я читалъ ваши показанія, они мнѣ очень понравились своей правдивостью. Хотѣлось-бы, что-бы вы и на судѣ также показывали.

Я повторилъ ему то, что уже выше сказалъ о своихъ показаніяхъ, то есть, что, давая ихъ, я руководствовался однимъ лишь интересомъ истины.

Раза два министръ выходилъ и снова возвращался въ мою камеру, обращаясь съ малозначущими вопросами; но онъ имѣлъ при этомъ такой видъ, словно ему хотѣлось о чемъ-то разспросить и поговорить. Наклоняясь немного впередъ къ собесѣднику и прикладывая правую руку къ уху, очевидно затѣмъ, чтобы лучше разслышать слова говорившаго, министръ въ обращеніи производилъ впечатлѣніе не важничающаго сановника.

Въ числѣ свиты былъ и Котляревскій. Задержавшись немного въ моей камерѣ, онъ сказалъ, что, проводивши министра, вызоветъ меня къ себѣ. Спустя нѣкоторое время меня повели въ помѣщеніе, служившее школой при Домѣ Предварительнаго Заключенія.

— Я вызвалъ васъ сюда не на допросъ, а просто, чтобы побесѣдовать, вспомнить старину, сказалъ Котляревскій, садясь рядомъ со мною на одну изъ партъ, и у насъ съ нимъ скоро завязалась оживленная бесѣда.

Придравшись къ какому-то моему вопросу, Котляревскій вспомнилъ о высказанномъ мною во время первой нашей бесѣды недоумѣніи, почему меня содержатъ въ Петропавловской крѣкрѣпости.

— На это, видите-ли, были важныя государственныя соображенія, сказалъ онъ. Дѣло въ томъ, что разъ васъ будутъ судить только за покушеніе на Гориновича, то вамъ могутъ отсчи-

тать только 8-10 лѣтъ каторжныхъ работъ. Вотъ это-то и не желательно было въ *высшихъ сферахъ*, сказалъ онъ, подчеркивая послѣднія слова.

— Но какъ же могли бы поступить со мною иначе? удивился я, вѣдь изъ Германіи меня выдали на извѣстныхъ условіяхъ?

— Ну, съ Германіей можно бы уладить: мы съ Бисмаркомъ теперь въ наилучшихъ отношеніяхъ; можно было бы дѣло представить такъ, что вы уже послѣ выдачи совершили политическое преступленіе. Кстати нѣмцы передали всѣ отобранныя у васъ бумажки.

Я былъ пораженъ; какъ я уже выше сообщалъ, сидя во фрейбургской тюрьмѣ, я, отъ нечего дѣлать, набрасывалъ на бумагѣ разнаго рода замѣтки и планы, но я рѣшительно не могъ понять, какимъ образомъ эти наброски попали въ руки русскаго правительства, такъ какъ мнѣ казалось, что передъ отъѣздомъ изъ Фрейбурга я уничтожилъ всѣ свои рукописи. Въ дѣйствительности же, очевидно, произошло такъ, что, когда я тамъ выходилъ на прогулку, оставляя все у себя на столѣ, то въ моихъ рукописяхъ рылись и нѣкоторыя изъ нихъ передали русскимъ властямъ. Все же, на основаніи такихъ документовъ, мнѣ казалось, трудно было бы составить противъ меня новое обвиненіе и измѣнить договоръ съ Германіей. Когда я это высказалъ Котляревскому, онъ возразилъ:

— Не безпокойтесь, придумали бы! Тогда измѣнили бы договоръ, и васъ осудили бы за всѣ ваши дѣянія. Вѣдь менѣе васъ виновныхъ — Малинку, Дробязгина и Майданскаго давно казнили. А вы вотъ бѣжали изъ тюрьмы послѣ покушенія на Гориновича, еще цѣлыхъ восемь лѣтъ куралесили, устраивали со Стефановичемъ Чигиринскій заговоръ и прочее. И за все это осудить васъ на нѣсколько лѣтъ каторги правительству, понятно, не хочется. Ну вотъ, когда васъ привезли, „въ высшихъ сферахъ“ и было спеціальное засѣданіе. Меня, конечно, на такія совѣщанія не приглашаютъ: я слишкомъ незначительная величина. Но мнѣ объ этомъ разсказывало лицо, участвовавшее въ немъ. Всѣ склонялись къ тому, чтобы вновь вступить въ переговоры о васъ съ Германіей и добиться у нея согласія на измѣненіе суда надъ вами. Ну тогда васъ приговорили бы по заслугамъ. Но одно лицо возстало противъ этого намѣренія по такимъ соображеніямъ: хорошо, сказало это лицо, мы получимъ согласіе Германіи, но выгодна-ли намъ такая перемѣна договора? Теперь попался Дейчъ, а завтра въ другой странѣ могутъ захватить поважнѣе его птицу, но уже не согласятся выдать, ссылаясь на то, что Россія измѣняетъ условія договора, и будутъ указывать на случай съ Дейчемъ. Съ этими соображеніями согласилось большинство, и только поэтому рѣшено судить васъ

лишь за покушеніе на Гориновича. Вотъ вслѣдствіе этихъ колебаній, какъ быть съ вами, мы такъ долго не пріѣзжали допрашивать васъ и держали васъ въ Петропавловской крѣпости.

Открывая мнѣ эту „государственную тайну", Котляревскій, быть можетъ, желалъ и меня расположить на откровенный тонъ, но допускаю, что онъ безъ всякой задней мысли разоткровенничался. Въ теченіе продолжительной нашей бесѣды онъ касался очень многихъ темъ. Когда, между прочимъ, рѣчь зашла о политическихъ преслѣдованіяхъ въ Россіи, я указалъ ему на то, что у насъ нерѣдко приговариваютъ къ жестокимъ наказаніямъ вполнѣ невинныхъ людей.

— Что же, возразилъ онъ, гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ щепки летятъ. Еще римляне говорили „Summa jus summa injuria". Я лично, впрочемъ, противъ смертной казни. По моему, въ обширномъ государствѣ неизбѣжны политическія преступленія; на многомилліонное населеніе всегда найдется нѣкоторый контингентъ недовольныхъ. Противъ нихъ, конечно, необходимо принимать мѣры, но сильное правительство, не прибѣгая къ смертной казни, можетъ сдѣлать безвредными этихъ недовольныхъ.

Коснувшись этой темы, онъ какъ бы вскользь вставилъ вопросъ, сколько, по моему мнѣнію, осталось теперь террористовъ въ Россіи? Я отвѣтилъ, что не могу этого знать, такъ какъ самъ принадлежу не къ террористической, а къ соціальдемократической партіи.

— Все же, думаю, вамъ, какъ „дружественной державѣ", приблизительно извѣстно положеніе террористовъ. Я полагаю, что ихъ совсѣмъ, заключилъ онъ.

Въ то время активныхъ террористовъ въ Россіи почти не осталось. Но, не желая, чтобы Котляревскій имѣлъ столь невыгодное представленіе о силахъ „дружественной державы", я сказалъ, что террористовъ, по всей вѣроятности, осталось „только нѣсколько сотъ человѣкъ, не больше".

— Что вы! воскликнулъ онъ, быть этого не можетъ! Я полагаю, что нѣсколько только человѣкъ: вѣдь въ послѣдніе годы было много крупныхъ арестовъ и всѣхъ видныхъ дѣятелей забрали.

Я продолжалъ настаивать на своемъ. Съ тѣмъ мы и разстались.

Въ описываемое мною время, т. е. лѣтомъ 1884 г., въ Домѣ Предварительнаго Заключенія сидѣло много лицъ, привлеченныхъ по подозрѣнію въ разныхъ политическихъ „преступленіяхъ". Главное изъ нихъ, по которому была арестована масса лицъ не только въ Петербургѣ, но по многимъ городамъ Европейской Россіи и Сибири, Котляревскій называлъ „дѣломъ о старыхъ брюкахъ". Въ отвѣтъ на мой вопросъ, въ чемъ состоитъ это

странное дѣло, Котляревскій разсказалъ мнѣ слѣдующее. У кого-то при обыскѣ нашли списокъ лицъ, черезъ посредство которыхъ можно было пересылать платье, бѣлье и прочее политическимъ заключеннымъ и ссыльнымъ.

— По этому списку арестовали много лицъ и изъ нихъ хотѣли создать серьезный процессъ о тайномъ сообществѣ „Краснаго Креста Народной Воли", — сказалъ Котляревскій, намекая, конечно, на жандармовъ, съ которыми прокуратура у насъ нерѣдко въ антагонизмѣ. — Ну, какой же тутъ заговоръ, когда передаютъ заключенному подержанное платье и бѣлье! Вотъ это-то дѣло я и называю „дѣломъ о старыхъ брюкахъ". Оно теперь у меня, и я стараюсь направить его административнымъ порядкомъ.

Кромѣ многихъ лицъ, привлеченныхъ по этому дѣлу, въ Домѣ Предварительнаго Заключенія въ то время содержались нѣкоторые изъ извѣстныхъ у насъ литераторовъ: Кривенко, Протопоповъ, Станюковичъ, Эртель. Протопоповъ сидѣлъ рядомъ со мною, и мы съ нимъ скоро стали перестукиваться. Но на первыхъ же порахъ у насъ вышло недоразумѣніе. Послѣ обмѣна названіями фамилій, онъ почему-то вдругъ пересталъ отвѣчать на мой стукъ. Я былъ въ полномъ недоумѣніи, не зная, чѣмъ это объяснить? Дни проходили за днями; я слышалъ, какъ онъ прохаживался по камерѣ, разговаривалъ черезъ дверное окошечко съ ключниками, а со мной онъ упорно отказывался перестукиваться. Наконецъ, я объяснилъ себѣ его отказъ нежеланіемъ подвергаться замѣчаніямъ со стороны тюремной администраціи, хотя перестукиваніе не очень строго и энергично ею преслѣдовалось. Прошло такимъ образомъ много дней. Я уже потерялъ надежду завязать черезъ стѣну знакомство со своимъ упрямымъ сосѣдомъ, когда онъ вдругъ вновь застучалъ ко мнѣ: „почему вы отъ меня скрываете свою фамилію?" Я отвѣтилъ ему, что простучалъ ее въ первый же день нашего знакомства и теперь снова повторилъ ее. Тогда онъ сталъ энергично извиняться: „простите, я сильно виноватъ передъ вами, я принялъ васъ за подсаженнаго шпіона, такъ какъ не разобралъ вашей фамиліи, выходила какая-то безсмыслица, и я подумалъ, что вы нарочно такъ путаете".

Послѣ этого объясненія у насъ быстро пошло знакомство. Съ воли мы по наслышкѣ знали другъ о другѣ и имѣли много общихъ знакомыхъ. Чтобы взаимно повидать наши физіономіи, мы прибѣгли къ такому пріему. Гуляющіе въ „загонахъ" во дворѣ были видны изъ оконъ нашихъ камеръ, которыя находились въ шестомъ этажѣ. Какъ помѣщавшіеся въ одномъ коридорѣ, мы съ нимъ гуляли одновременно; поэтому мы условились, что поочередно пропустимъ по разу прогулку: оставшійся въ камерѣ хорошо могъ разсмотрѣть тѣхъ, которые гуляли внизу,

во дворѣ, а признать другъ друга мы сговорились по условленнымъ между нами признакамъ и сигналамъ. Когда, такимъ образомъ, мы узнали другъ друга, для полнаго знакомства намъ осталось еще услышать взаимно наши голоса.

Еще съ воли каждый изъ насъ зналъ, что политическіе, находившіеся въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, не только разговаривали, но ухитрялись передавать другъ другу небольшія вещи черезъ ватерклозетные каналы. Послѣдніе были тогда такъ устроены, что соединяли собой по двѣ смежныя камеры во всѣхъ шести этажахъ; слѣдовательно, одновременно могли сноситься 12 человѣкъ, каковые и составляли одинъ „клубъ". Зная объ этомъ теоретически, мы съ Протопоповымъ сразу сообразили, какъ намъ вступить въ устную бесѣду. Подошедши къ ватерклозету, находившемуся въ камерѣ у наружной стѣны, мы одновременно подняли крышки и спустили внизъ скопляющуюся для дезинфекціи воду; по образовавшемуся послѣ этого полому каналу звуки разносились, какъ по трубѣ. Поэтому, стоя надъ отверстіемъ ватерклозета, можно было совершенно свободно разговаривать, нисколько не повышая голоса, а промытое спущенной водой отверстіе не издавало ни малѣйшаго запаха.

Пока я сидѣлъ въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, въ общемъ, я, несомнѣнно, чувствовалъ себя лучше, чѣмъ прежде. Будучи во фрейбургской тюрьмѣ, я метался отъ нетерпѣнія поскорѣе выйти на волю; въ крѣпости я чувствовалъ себя въ угнетенномъ состояніи, а здѣсь я въ сущности сталъ относиться вполнѣ равнодушно ко всему: „10-15 лѣтъ каторги — не все-ли равно?" думалъ я. Будущее мнѣ представлялось уже окончательно для меня пропавшимъ. Трудно примириться съ такой мыслью, особенно, когда чувствуешь себя совершенно здоровымъ человѣкомъ. Временами, хотя, правда, очень рѣдко, вдругъ являлась какая-то неопредѣленная надежда на что-то хорошее въ будущемъ, и мысль забѣгала далеко впередъ. Но однажды обманутый уже надеждами, во время фрейбургскаго ареста, я часто со злостью гналъ прочь отъ себя радужныя мечты и давалъ имъ нелестные эпитеты, называя ихъ лживыми и предательскими. „Скорѣе, думалъ я, судьба вновь пошлетъ мнѣ совершенно неожиданно непріятный сюрпризъ", и я старался ко всему приготовиться.

Много недѣль прошло съ тѣхъ поръ, какъ меня перевели въ Домъ Предварительнаго Заключенія, но меня ни разу не вызывали болѣе на допросъ, и я совершенно не зналъ, въ какомъ положеніи находится мое дѣло. Можетъ быть, въ „высшихъ сферахъ" вновь перемѣнили взглядъ на мой счетъ и, какъ выразился Котляревскій, тамъ вновь „придумываютъ способъ", чтобы привлечь меня къ суду, какъ политическаго и „воздать" за всѣ

мои дѣянія. Такія мысли не позволяли чувствовать себя вполнѣ спокойнымъ. „Не даромъ, думалось мнѣ, на допросъ не вызываютъ и въ Одессу не везутъ: что-нибудь затѣвается".

— Собирайтесь, за вами пріѣхали! сказалъ мнѣ дежурный надзиратель въ одно чудное іюльское утро, лишь только я вернулся съ прогулки въ камеру, чувствуя себя на этотъ разъ въ особенно бодромъ настроеніи.

У подъѣзда стояла обычная извощичья карета, въ которую я сѣлъ, конечно, вмѣстѣ съ жандармами. Отъ нихъ, само собой разумѣется, нельзя было добиться отвѣта, куда меня везутъ? Такая неизвѣстность, хотя она и длилась недолго, крайне разстраивающимъ образомъ дѣйствовала на нервы. Спустя нѣкоторое время, карета завернула во дворъ какого-то зданія и остановилась у подъѣзда. Меня ввели затѣмъ въ крохотную камеру, имѣвшую окно съ матовыми стеклами. Прохаживаясь по ней и посматривая на продѣланное въ дверяхъ окошечко, я замѣтилъ, что какой-то офицеръ заглядываетъ ко мнѣ.

— Можно къ вамъ зайти? спросилъ онъ нерѣшительно, открывъ окошечко.

Разсмотрѣвъ его погоны, я увидѣлъ, что то былъ жандармскій полковникъ.

— Странный вопросъ! отвѣтилъ я, вѣдь я не у себя, а у васъ.

Открывъ дверь, полковникъ вошелъ съ предупредительной улыбкой. Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ.

— Позвольте съ вами познакомиться: полковникъ Ивановъ, заговорилъ онъ, расшаркиваясь.

— Не совсѣмъ васъ понимаю: скажите, гдѣ я нахожусь и зачѣмъ меня сюда привезли?

— Это петербургское жандармское управленіе, отвѣтилъ онъ, васъ привезли на допросъ и скоро вызовутъ въ камеру къ прокурору; мнѣ же просто хочется побесѣдовать съ вами, поговорить объ общихъ знакомыхъ.

— Откуда же вы меня знаете? съ недоумѣніемъ спросилъ я.

— Помилуйте! воскликнулъ онъ съ улыбкой, едва ли въ Россіи есть интеллигентный человѣкъ, который не зналъ бы васъ по имени.

Очевидно, жандармы также причисляли себя къ интеллигеціи, къ тому слою общества, въ защиту котораго какъ разъ въ описываемое время въ нашихъ передовыхъ журналахъ появлялись статьи и гдѣ подъ „интеллигенціей", въ виду цензурныхъ условій подразумѣвались революціонеры.

— У насъ съ вами много общихъ знакомыхъ, продолжалъ жандармскій полковникъ. Я зналъ всѣхъ вашихъ товарищей: Малинку, Дробязгина, Майданскаго. Я былъ раньше жандармскимъ адъютантомъ въ Одессѣ и тамъ со всѣми познакомился.

Отъ нихъ я многое и о васъ слыхалъ. Прекрасные были люди.

Теперь я понялъ, почему онъ добился такого крупнаго чина и перевода въ столицу. Благодаря политическимъ процессамъ въ концѣ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ нѣкоторые жандармскіе офицеры и прокуроры очень быстро занимали видные посты. На жизни и свободѣ политическихъ заключенныхъ такія лица „дѣлали карьеру", созидали свое благополучіе. Вѣроятно и полковникъ Ивановъ не послѣднюю роль игралъ въ осужденіи на казнь и каторжныя работы тѣхъ моихъ товарищей, о которыхъ теперь отзывался съ похвалой.

Разговоръ съ полковникомъ Ивановымъ не клеился. Вскорѣ затѣмъ меня ввели въ большой и красиво меблированный кабинетъ, въ которомъ на мягкомъ креслѣ, за письменнымъ столомъ сидѣлъ Котляревскій.

— Вотъ тутъ имѣются бумаги, касающіяся васъ, сказалъ онъ, указывая на лежавшее на столѣ дѣло, и затѣмъ, раскрывъ его, сталъ читать.

„Въ началѣ августа 1878 г. вдова убитаго въ Кіевѣ жандармскаго адъютанта барона Гейкинга, гуляя въ Петербургѣ вблизи дома, въ которомъ жилъ тогдашній шефъ жандармовъ Мезенцевъ, замѣтила двухъ молодыхъ людей, выслѣживавшихъ этого генерала". Въ одномъ изъ этихъ лицъ, показывала баронесса, она признала меня. Такое же выслѣживаніе мною генерала Мезенцева она замѣтила также и на слѣдующій день, когда гуляла на этотъ разъ со своимъ родственникомъ, барономъ фонъ-Бергомъ. Въ прочитанныхъ мнѣ затѣмъ показаніяхъ послѣдняго онъ вполнѣ подтверждалъ слова баронессы Гейкингъ.

Было время, 1878-1879 гг., когда нѣкоторые обыватели, по личной-ли злобѣ ко мнѣ или вслѣдствіе недоразумѣнія и легкомыслія, приписывали мнѣ авторство и участіе во всевозможныхъ фактахъ и происшествіяхъ, случавшихся въ то время въ разныхъ концахъ Россіи. Выдумки такихъ лицъ попадали иногда на столбцы газетъ, и, читая ихъ, мнѣ самому приходилось изумляться: я оказывался подобнымъ Рокамболю. Помню, напр., что 25 мая 1878 г., когда я еще сидѣлъ въ тюрьмѣ, въ Кіевѣ, кажется, съ цѣлью грабежа была убита какая-то богатая помѣщица. На слѣдующую ночь въ Кіевѣ же былъ убитъ баронъ Гейкингъ, а въ ночь съ 27 на 28 мая я съ двумя товарищами бѣжалъ изъ тюрьмы. Очутившись на волѣ, я самъ читалъ въ газетахъ высказывавшіяся нѣкоторыми лицами предположенія, что какъ помѣщицу, такъ и барона Гейкинга, убилъ не кто иной, какъ я! Для совершенія этихъ убійствъ, я, слѣдовательно, выходилъ изъ тюрьмы и вновь добровольно дважды возвращался въ нее, очевидно, затѣмъ, чтобы окончательно уйти изъ нея уже въ компаніи съ товарищами.

Столь же нелѣпы были и сообщенія о моемъ непосредствен-

номъ участіи въ убійствѣ генерала Мезенцова. По прочтеніи этихъ показаній, Котляревскій спросилъ, что я могу сказать по поводу ихъ?

— Правительство очевидно не хочетъ отказаться отъ мысли привѣпить меня еще къ какимъ-нибудь дѣламъ, заявилъ я. Но ни по какимъ другимъ обвиненіямъ я не буду давать показаній.

— Что же, не хотите ничего показывать, ну и оставимъ это, сказалъ Котляревскій.

Ему, несомнѣнно, хотѣлось завести со мною подробный разговоръ объ этомъ дѣлѣ, но убѣдившись вскорѣ, что его попытки тщетны, онъ перевелъ бесѣду на другія, совершенно безразличныя темы.

Въ это время изъ внутреннихъ комнатъ вышелъ Богдановичъ, который ѣздилъ во Фрейбургъ уличать меня. Поздоровавшись со мною, онъ присѣлъ къ столу, за которымъ мы сидѣли съ Котляревскимъ. Теперь мы встрѣтились съ нимъ безъ всякой злобы, какъ будто между нами не происходило раньше рѣзкаго разговора.

— Скажите, обратился я къ нему, теперь это уже дѣло прошлое: когда вы меня видѣли въ Кіевѣ? Я рѣшительно не помню этого.

Онъ замялся и затѣмъ заявилъ, что какъ-то видѣлъ меня, будучи въ тюрьмѣ. Но говорилъ онъ это не достовѣрнымъ тономъ. Дѣло, очевидно, было такъ, что ему Котляревскій сообщилъ мои примѣты, по которымъ онъ и призналъ меня во Фрейбургѣ. Мнѣ интересно было также узнать отъ него, задолго ли до выдачи меня баденское правительство узнало, кто я въ дѣйствительности?

— Что вы не Булыгинъ, сказалъ Богдановичъ, оно узнало за нѣсколько недѣль до выдачи. Тогда снаружи фрейбургской тюрьмы былъ поставленъ караулъ, котораго раньше тамъ не было. А о томъ, что вы Дейчъ баденское правительство узнало за нѣсколько дней до моего пріѣзда.

Послѣ этого сообщенія Богдановича мнѣ стало ясно, почему, какъ я разсказалъ въ началѣ, меня во фрейбургской тюрьмѣ перевели съ верхняго этажа въ нижній, а также, почему прокуроръ фонъ-Бергъ не разрѣшалъ мнѣ говорить по-русски съ лицами, пріѣзжавшими ко мнѣ на свиданія.

Прощаясь съ Котляревскимъ, я спросилъ его, скоро-ли меня повезутъ на судъ? Онъ заявилъ, что самъ, будто-бы, удивляется, почему меня такъ долго держатъ въ Петербургѣ?

Послѣ описаннаго допроса, во мнѣ еще болѣе укрѣпилось предположеніе, что наше правительство не желаетъ примириться съ тѣмъ чтобы меня судили за одно лишь покушеніе на жизнь Гориновича. Просыпаясь, я ждалъ ежедневно, что меня куда-нибудь вызовутъ и объявятъ что-нибудь новое. Но дни ухо-

дили за днями, а меня никуда не вызывали. Такъ прошелъ іюль мѣсяцъ; наступилъ августъ. Только въ концѣ этого мѣсяца вновь заявились жандармы, и мнѣ велѣли собираться въ дорогу, — меня очевидно рѣшили, наконецъ, вести въ Одессу. Проѣзжая по дорогѣ на вокзалъ по знакомымъ улицамъ столицы, я съ грустью прощался съ ними, такъ какъ былъ увѣренъ, что въ послѣдній разъ вижу любимый мною Петербургъ.

IV.

Въ одесскихъ тюрьмахъ. — Судъ.

Путешествіе въ Одессу ничѣмъ особеннымъ не ознаменовалось. Перемѣна мѣста, движеніе поѣздовъ, встрѣчавшіеся пасажиры, ихъ разговоры, шумъ и толкотня, — все это, конечно, подѣйствовало на меня оживляющимъ образомъ. Но присутствіе трехъ жандармовъ заставляло ни на минуту не забывать, что я арестантъ, котораго везутъ на судъ. Поэтому, мысль о побѣгѣ также не покидала меня. Однажды къ этому представился даже довольно благопріятный моментъ.

Это было ночью. Мы находились уже недалеко отъ Одессы. Я слегка вздремнулъ; но вотъ, просыпаясь, вижу, что всѣ три сопровождавшіе меня жандарма спятъ крѣпчайшимъ сномъ. Сердце учащено забилось у меня. Первая мысль была достать ту вещь, въ которой я спряталъ ножницы, чтобы состричь ими бороду, затѣмъ переступить черезъ спящихъ жандармовъ, выйти на площадку и броситься съ поѣзда. Но только я сталъ подробно обдумывать этотъ планъ, какъ увидѣлъ, что старшій жандармъ проснулся. Онъ растолкалъ остальныхъ и шопотомъ началъ попрекать ихъ, зачѣмъ они оба заснули. Я прикинулся спящимъ. Указывая на меня, они въ свое оправданіе говорили: „онъ спитъ“.

Въ Одессѣ у вокзала меня ждала тюремная карета съ рѣшетками на окнахъ. Сперва меня помѣстили въ спеціальной тюрьмѣ для политическихъ преступниковъ, въ такъ называемой Башнѣ № 5, которую охраняли жандармы. При осмотрѣ моихъ вещей вдругъ выпали на полъ спрятанныя мною ножницы. Увидѣвъ ихъ, смотритель — бывшій жандармъ — съ удивленіемъ воскликнулъ:

— Вотъ какіе порядки въ Петербургѣ: позволяютъ заключенному имѣть при себѣ ножницы!

Онъ предположилъ, что я ихъ открыто сохранялъ среди своихъ вещей, а я, конечно, не счелъ нужнымъ разувѣрить его въ этомъ.

Тюрьма эта нѣсколько напоминала Петропавловскую крѣпость: такія же большія, но очень темныя камеры, такая же сносная пища, сухое, оффиціальное обращеніе жандармовъ и полнѣйшая кругомъ тишина. Желая подчеркнуть условія выдачи меня изъ Германіи, я тотчасъ же при пріемѣ выразилъ удивленіе, почему меня привезли въ спеціальную для политическихъ преступниковъ тюрьму. Вслѣдствіе-ли этого протеста, а вѣроятнѣе въ виду

предписанія изъ Петербурга, меня дня черезъ два перевели въ тюремный замокъ.

Это было вечеромъ. Я вѣроятно никогда не забуду его. Меня ввели въ камеру, и когда за мной затворили дверь, я не могъ сперва ничего разсмотрѣть: камера не освѣщалась, и лишь слабый свѣтъ проходилъ отъ лампы, висѣвшей снаружи, черезъ маленькое окошечко, продѣланное въ дверяхъ. Привыкнувъ къ полутьмѣ, я сталъ осматривать свое новое помѣщеніе: камера имѣла совершенно круглую форму; въ ней не было ни койки, ни стола и стула, на полу лежало немного соломы, стояла „параша", деревянный бакъ съ водой, и только. Я былъ чрезвычайно удивленъ и подумалъ, что это какое-нибудь недоразумѣніе. Подошедши къ двери, я увидѣлъ сквозь окошечко, что около нея стоятъ двое часовыхъ съ ружьями, тутъ же на скамьѣ сидѣли полицейскій и жандармъ. Я былъ уже въ нѣсколькихъ тюрьмахъ, но подобной обстановки нигдѣ еще не видалъ.

— Послушайте, гдѣ же койка, постель? спросилъ я, высунувъ голову въ окошечко.

— Не знаю! отвѣтилъ сурово жандармъ.

— Такъ позовите смотрителя!

Онъ не двинулся съ мѣста. Спустя нѣкоторое время пришелъ помощникъ смотрителя.

— Что это означаетъ? спросилъ я его, указывая на обстановку камеры.

— Я ничего не знаю, отвѣтилъ онъ, такъ приказано; обратитесь къ товарищу прокурора, который завѣдуетъ тюрьмой. Онъ завтра здѣсь будетъ.

Послѣ его ухода, я почувствовалъ себя въ самомъ скверномъ состояніи. Даже прохаживаться по этой камерѣ, имѣвшей нелѣпую форму, мнѣ сперва казалось неудобнымъ. „Что дѣлать? что предпринять, если не измѣнятъ этого режима? раздумывалъ я, сидя на полу съ понуренной головой. Усталость однако взяла свое: я легъ не раздѣваясь на соломѣ. Но только сталъ я засыпать, какъ услышалъ, что около меня завозились мыши: онѣ забирались въ солому и шуршали ею. Я вскакиваю съ пола и начинаю быстро ходить по камерѣ. Запахъ въ ней отвратительный, прямо удушающій — кромѣ параши, онъ производился еще моими четыремя стражами, которые помѣщались въ крошечномъ корридорчикѣ, примыкавшемъ къ моей камерѣ. Я думалъ освѣжить воздухъ, но это оказалось совершенно невозможнымъ, такъ какъ окно приходилось подъ самымъ потолкомъ, и въ немъ не было ни форточки, ни вентилятора.

Съ нетерпѣніемъ сталъ я ожидать наступленія утра, расчитывая погулять по двору. Томительно медленно шло время. Я снова ложился и снова изъ-за возни мышей вскакивалъ на ноги. Вотъ, наконецъ, забрежило, наступило утро.

— Ведите на прогулку, обращаюсь къ жандарму, спеціально у моей только камеры исполнявшаго роль ключника.

— Не приказано! отвѣчаетъ онъ суровымъ тономъ.

Около полудня явился товарищъ прокурора. Я указалъ ему на всѣ неудобства моего режима; но онъ заявилъ, что не можетъ измѣнить его.

— Какой, скажите, вредъ произойдетъ отъ того, что мнѣ дадутъ койку? спросилъ я его.

— Вы подставите ее къ окну и вылѣзете въ него, былъ его отвѣтъ.

— Но посудите, вѣдь меня стерегутъ четыре вооруженныхъ человѣка. Къ тому же, даже и при посредствѣ койки нельзя, смотрите, добраться до окна, до того оно высоко. Но, допустивши такое невѣроятное предположеніе, что я взобрался бы на него, не будучи никѣмъ замѣченнымъ, — все же я очутился бы только на окнѣ четвертаго этажа, подъ которымъ расхаживаетъ часовой. Затѣмъ мнѣ нужно было-бы еще выбраться изъ двора, окруженнаго высокой каменной стѣной, позади которой также имѣются часовые. Согласитесь, убѣждалъ я его, что мнѣ невозможно убѣжать отсюда.

— Кто васъ знаетъ! воскликнулъ онъ. Вы уже неоднократно убѣгали.

— Всего два раза, поправилъ я его.

— И этого довольно! Нѣтъ не могу удовлетворить вашу просьбу, сказалъ онъ и вышелъ.

Я заранѣе рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не мириться со своей обстановкой и для измѣненія ея прибѣгнуть къ пассивному протесту. Жандармъ ставитъ на полъ принесенную имъ въ деревянной посудѣ скверную арестанскую пищу.

— Уберите, не буду ѣсть! говорю я. Тотъ молча ее уноситъ. Тоже повторяется каждый разъ, день за днемъ. Мои стражники ясно видятъ, что я не дотрогиваюсь до пищи. Дни тянутся безконечно долго: безъ прогулокъ, безъ чтенія книгъ, каковыхъ мнѣ также не разрѣшали, безъ правильнаго даже сна изъ-за мышей. Сильнаго голода я не чувствовалъ и о пищѣ рѣшительно не думалъ, но воду я пилъ все время. На душѣ у меня тогда было, конечно, скверно. Я нисколько не злился на людей, — мнѣ было лишь досадно, обидно за здравый смыслъ. Мнѣ представлялся безцѣльнымъ устроенный мнѣ жестокій режимъ. „Успѣете, — думалъ я про администрацію, — когда буду осужденъ, отравить мнѣ жизнь, а пока я вѣдь еще подслѣдственный".

Прошло трое сутокъ, а ко мнѣ рѣшительно никто не показывался. Только на четвертый день послѣ обѣда меня повели въ контору. Заспанный, — всѣ эти дни я не мылся также, — въ запыленномъ платьѣ, въ которомъ торчали соломенки, предсталъ я предъ прокуроромъ одесскаго окружного суда и слѣдователемъ

по особо важнымъ дѣламъ. На ихъ сообщеніе, что они пріѣхали производить предварительное слѣдствіе по моему дѣлу, я заявилъ, что не могу принимать въ немъ участія. Когда же затѣмъ я объяснилъ причину, побудившую меня прибѣгнуть къ голодовкѣ, прокуроръ воскликнулъ:

— Что же, не хотите сами ѣсть, будемъ васъ насильно кормить!*)

Зная, на что онъ намекаетъ, я замѣтилъ: — Буду только радъ этому, такъ какъ мнѣ извѣстенъ способъ, какъ при искуственномъ кормленіи вызвать у себя рвоту и поносы; такимъ образомъ мнѣ не придется мучиться долго, и вы лишь ускорите конецъ.

Никакого такого способа я не зналъ, а желалъ лишь отклонить прокурора отъ исполненія его угрозы. Послѣ моего заявленія, онъ и слѣдователь посмотрѣли на меня какъ-то особенно внимательно. Взглядъ ихъ, казалось мнѣ, какъ бы говорилъ: „кто тебя знаетъ? ты побывалъ въ различныхъ заграничныхъ странахъ, — можетъ тебѣ и извѣстно такое средство?“

Затѣмъ я сталъ высказывать свое удивленіе по поводу нелогичности дѣйствіи въ обращеніи со мною.

— Ну, скажите сами, есть-ли хоть малѣйшій смыслъ во всемъ, что предпринято относительно меня? спрашивалъ я ихъ. Правительство вступило въ переговоры съ Германіей о выдачѣ меня; что бы уличить меня, посылали въ Баденъ товарища прокурора петербургской судебной палаты; подняли шумъ на всю Европу и, въ концѣ концовъ, не быть въ состояніи даже доставить на судъ этого, съ такой длинной процедурой полученнаго подсудимаго, такъ какъ изъ-за какихъ-то пустяковъ: — койки, прогулокъ и пр. — онъ доведенъ будетъ до необходимости такъ или иначе покончить съ собою.

— Вотъ я пойду посмотрѣть, какъ васъ устроили! — сказалъ прокуроръ и вышелъ.

Вернувшись вскорѣ обратно, онъ заявилъ съ волненіемъ:

— Дѣйствительно, вамъ устроили ужасный режимъ! Но увѣряю васъ, что я здѣсь не причемъ. Противъ васъ соединились три вѣдомства: жандармскій полковникъ, градоначальникъ и комендантъ города. Они сообща выработали этотъ режимъ для васъ, и я не могу отмѣнить его. Но я отправлюсь къ нимъ и лично переговорю. Все, что могу пока сдѣлать, это неоффиціально сказать смотрителю, чтобы ваши требованія были, по возможности, удовлетворены.

Затѣмъ онъ позвалъ смотрителя и сказалъ ему, что обѣщалъ. Тогда между нами было заключено „перемиріе“. На ночь мнѣ

*) Не задолго до описываемаго времени въ одесской тюрьмѣ политическіе заключенные устроили голодовку; когда они были уже окончательно истощены, то тюремный врачъ Розенъ сталъ насильно кормить ихъ путемъ введенія питательныхъ клистировъ.

должны были давать имѣвшіяся у меня въ вещахъ подушку, одѣяло и простыню; для чтенія я могъ пользоваться своими книгами; мнѣ приносили столикъ со стуломъ и письменныя принадлежности; но всѣ эти вещи нужно было немедленно выносить изъ камеры, если въ тюрьму являлось какое-либо важное чиновное лицо. Для моихъ прогулокъ смотритель долженъ былъ отвести особенное мѣсто на дворѣ, гдѣ я не могъ бы встрѣчаться съ другими лицами, сидѣвшими по политическимъ дѣламъ.

На этихъ условіяхъ я согласился прекратить голодовку и предъ вечеромъ четвертаго дня началъ ѣсть. Только принявшись за пищу, я почувствовалъ, до чего сильно мнѣ ѣсть хотѣлось: казалось, быка я способенъ былъ съѣсть.

Прекративъ голодовку, я въ первые два дня чувствовалъ такой упадокъ силъ, словно я всталъ послѣ болѣзни.

Напившись утромъ чаю, я, въ сопровожденіи всѣхъ четырехъ приставленныхъ ко мнѣ стражниковъ, отправлялся гулять. Для этого смотритель отвелъ узкій закоулокъ, съ одной стороны огражденный тюремнымъ зданіемъ, а съ двухъ другихъ — наружной стѣной. Конвойные помѣщались по концамъ того пространства, по которому я долженъ былъ прохаживаться; по этому же мѣсту прогуливались также полицейскій съ жандармомъ. Погода, за рѣдкими исключеніями, стояла чудесная, — была ясная южная осень.

Такъ какъ мои стражники, повидимому, также предпочитали быть на дворѣ, чѣмъ находиться въ душномъ и тѣсномъ корридорчикѣ, то наши прогулки становились все болѣе продолжительными. Благодаря этому у меня явилась возможность сблизиться съ суровымъ жандармомъ, котораго ко мнѣ приставили, снабдивъ самой строгой на счетъ меня инструкціей. Прогуливаясь рядомъ по одному и тому же пространству, я началъ заговаривать съ нимъ, — особенно, когда полицейскій куда-нибудь уходилъ, — сперва о самыхъ невинныхъ вещахъ. Сердце и у него оказалось не каменнымъ. Начальство выбрало его, какъ самаго надежнаго, аккуратнаго и исполнительнаго. Но онъ, конечно, имѣлъ также свои слабости и потребности. У него была семья, которую ему, естественно, хотѣлось провѣдать; но обязанный находиться безотлучно при мнѣ, онъ не могъ даже сбѣгать домой. Это его очень огорчало. Вскорѣ онъ придумалъ выходъ. Съ разрѣшенія смотрителя, онъ урывался иногда на часокъ съ тѣмъ, что бы объ этихъ отлучкахъ не провѣдало начальство. Я терпѣливо выслушивалъ его жалобы на недостаточность получаемаго имъ оклада при большой его семьѣ. Отъ разговоровъ о житейскихъ нуждахъ мы постепенно перешли къ его спеціальной службѣ, и онъ кое-что сталъ разсказывать мнѣ о ней. Случалось ему выслѣживать нашего брата-соціалиста, и однажды онъ мнѣ подробно разсказалъ, какъ втеченіе нѣсколькихъ дней, онъ, переодѣвшись въ штатское

платье, слѣдилъ за Вѣрой Фигнеръ, но ей удалось скрыться отъ него.

Въ концѣ концовъ, этотъ суровый жандармъ, тонко выслѣживавшій „специлистку“, совершенно размякъ, особенно, когда я обѣщалъ послѣ суда подарить ему кое-что изъ моихъ вещей. Онъ сообщилъ мнѣ также подробности установленнаго надо мною надзора. По его словамъ, въ первые дни моего прибытія навѣдывались ко мнѣ градоначальникъ, комендантъ и жандармскій полковникъ, но такъ, что я объ этомъ не зналъ. Изъ корридорчика чрезъ дверное окошечко они молча наблюдали за мною и приказывали моимъ стражникамъ мнѣ не говорить объ этомъ.

Вечера, между тѣмъ, становились все больше, и я рѣшительно не зналъ, какъ ихъ коротать, при отсутствіи свѣта въ камерѣ. Отъ полицейскихъ мы съ жандармомъ узнавали о всѣхъ городскихъ происшествіяхъ и новостяхъ, а иной изъ нихъ тайкомъ приносилъ даже газету, которая прочитывалась тутъ же въ нашемъ своеобразномъ „клубѣ“. Высунувъ часть лица сквозь дверное окошечко въ корридорчикъ и держа снаружи камеры газету, я вслухъ читаю ее; тутъ же, рядомъ облокотившись на свои ружья, стоятъ часовые и слушаютъ со вниманіемъ, а жандармъ съ полицейскими сидятъ нѣсколько поодаль на длинной скамейкѣ, служившей поочередно одному изъ нихъ кроватью. Иногда, за отсутствіемъ всякаго другого матеріала, дежурный полицейскій разсказывалъ сказку про вѣдьмъ, домовыхъ и т. п.. и члены нашего „клуба“ слушали его съ неменьшимъ, если еще не съ большимъ интересомъ, чѣмъ чтеніе газетъ.

Такимъ образомъ, не смотря на принятыя тремя вѣдомствами мѣры, что бы, какъ выразился смотритель тюрьмы, „и муха не влетѣла“ ко мнѣ въ камеру, — все же до меня доходили извѣстія о томъ, что дѣлалось на волѣ. Кромѣ газетъ, въ этомъ помогло мнѣ одно должностное лицо .довольно высокаго ранга, очень сочувственно относившееся къ революціонерамъ. Къ сожалѣнію, не могу назвать его и подробно разсказать о нашихъ отношеніяхъ. Скажу только, что черезъ него я узналъ о событіяхъ и новостяхъ, случавшихся въ революціонномъ мірѣ. Это же лицо мнѣ сообщило, что молодая дѣвушка — Марія Калюжная, 20-ти лѣтъ, пришла на квартиру къ одесскому жандармскому полковнику Катанскому и выстрѣлила въ него, но не причинила ему никакого вреда. Ее судили недѣли за двѣ до меня военнымъ судомъ, и, въ виду несовершеннолѣтія, она была приговорена къ 20 ти годамъ каторжныхъ работъ.

Въ одинъ изъ первыхъ дней моего пребыванія въ одесской тюрьмѣ со мной былъ такой случай. Расхаживая по камерѣ, я услыхалъ какой-то разговоръ около двери. Я подошелъ къ ней и сталъ смотрѣть въ продѣланное окошечко; оказалось, что дежурный по карауду офицеръ экзаменовалъ приставленныхъ къ

моимъ дверямъ часовыхъ на счетъ знанія ими своихъ обязанностей. Я собирался уже отойти отъ дверей, какъ услыхалъ крикъ: „пошелъ вонъ!“ и какую-то брань. Я не понялъ сперва, къ кому это относится, но затѣмъ разобралъ, что меня имѣлъ въ виду офицеръ, такъ какъ, заслонивъ свѣтъ, я будто-бы мѣшалъ ему провѣрять знанія часовыми караульной службы.

Недоумѣвая, чѣмъ объяснить такое грубое его обращеніе, я молча отошелъ отъ двери, про себя рѣшивъ такъ или иначе проучить его. Спустя нѣсколько часовъ, во время вечерней повѣрки, въ мою камеру вошелъ помощникъ смотрителя, въ сопровожденіи этого же офицера.

Дѣлая видъ, что совершенно не замѣчаю его, я обратился къ помощнику съ вопросомъ, дозволено-ли заключенному смотрѣть въ дверное окошечко?

— Конечно, отвѣтилъ тотъ, повидимому, недоумѣвая по поводу странности моего вопроса, — какъ же можно это запретить?

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ я, скажите, имѣетъ ли дежурный по караулу офицеръ право ругать заключеннаго за то, что тотъ стоитъ у окошечка?

— Конечно, нѣтъ! заявилъ помощникъ.

Я разсказалъ ему тогда о случившемся и въ заключеніи просилъ прислать мнѣ свѣдѣнія, какой части войскъ дежурный по караулу офицеръ, его чинъ, фамилію и имя, а также, кому я долженъ направить жалобу на него.

Какъ передавалъ мнѣ потомъ мой жандармъ, втеченіе ночи и утромъ слѣдующаго дня до смѣны караула этотъ офицеръ былъ въ большемъ волненіи и тревогѣ: онъ нѣсколько разъ за это время прибѣгалъ въ корридорчикъ и шопотомъ внушалъ ему и полицейскому, что имъ показывать, когда начальство будетъ ихъ спрашивать о бывшемъ у него со мною инцидентѣ. Было очевидно, что офицеръ изъ кожи лѣзъ, чтобы выкрутиться и для этого унижался предъ нижними чинами, наставляя ихъ, какъ имъ показывать. Мнѣ стало жаль его: онъ, вѣроятно, принялъ меня за ужаснаго уголовнаго преступника, совершившаго массу убійствъ, — не даромъ же, молъ, у двери такой небывалый караулъ! И вотъ храбрый молодой офицеръ, надо полагать, захотѣлъ порисоваться своею смѣлостью передъ нижними чинами, оскорбляя такого „страшнаго убійцу“, правда, когда послѣдній сидѣлъ въ запертой камерѣ. Я счелъ его достаточно наказаннымъ за чрезмѣрную его храбрость и разорвалъ составленную на него жалобу. Описанный случай былъ единственнымъ въ этомъ родѣ за все время моего пребыванія въ предварительномъ заключеніи.

Слѣдствіе, между тѣмъ, быстро подвигалось впередъ. Заключая его, въ серединѣ сентября, слѣдователь прочиталъ мнѣ свое постановленіе, въ которомъ говорилось, что, на основаніи такихъ-то

статей судебнаго устава, дѣло мое отъ него переходитъ къ военному прокурору. Я протестовалъ противъ этого постановленія, доказывая, что меня выдали изъ Германіи съ тѣмъ, чтобы меня судили не военнымъ, а обще-гражданскимъ судомъ. Тогда слѣдователь показалъ мнѣ полученную имъ изъ министерства юстиціи бумагу, въ которой сказано было, что, по окончаніи слѣдствія, онъ долженъ поступить согласно такихъ-то статей, а въ послѣднихъ говорилось, что преступленія, совершенныя военно-служащими, разсматриваются военными судами.

— Такъ какъ во время вашего преступленія вы числились въ военномъ сословіи, то васъ и должны судить военнымъ судомъ, объяснилъ мнѣ слѣдователь.

Чтобы понятна была моя связь съ военнымъ сословіемъ, я вновь долженъ сдѣлать нѣкоторое отступленіе къ своему прошлому.

Отдавая долгъ духу времени, я также, надѣвъ крестьянское платье, ходилъ „въ народъ“ и осенью 1875 г. возвратился домой, какъ и другіе, разочарованный въ пропагандистской своей дѣятельности. Какъ и у многихъ другихъ юношей, у меня были тогда неясные, неопредѣленные порывы и стремленія; я чувствовалъ въ себѣ много силъ и бодрости, но рѣшительно не зналъ, куда мнѣ ихъ дѣвать, что предпринять съ собою? Тогда въ Кіевѣ, куда я вернулся обратно, не было почти никого изъ моихъ товарищей: однихъ арестовали, другіе поразъѣхались. Какъ разъ въ то время, вслѣдствіе вспыхнувшаго въ Босніи и Герцоговинѣ возстанія, многіе молодые люди, не исключая и соціалистовъ, устремились, въ качествѣ волонтеровъ, на Балканскій полуостровъ. По возвращеніи домой, я всюду слышалъ толки и разговоры объ этомъ возстаніи; кругомъ чувствовалось воинственное настроеніе. Какъ 20-ти лѣтній юноша, я поддался общему потоку и также сталъ собираться въ волонтеры, чтобы сражаться за освобожденіе изъ-подъ турецкаго ига угнетенныхъ націй. Но, оказалось, было уже поздно, — волна отошла, и отъ уѣхавшихъ раньше на Балканскій полуостровъ товарищей-волонтеровъ стали получаться письма самаго мрачнаго характера. Изображая невыносимо тяжелыя мѣстныя условія, они рѣшительно не совѣтовали другимъ отправляться туда, такъ какъ своей неподготовленностью къ партизанской войнѣ многіе русскіе волонтеры часто являлись лишь обузой для возставшихъ. Пришлось отказаться отъ своего намѣренія. Но, отчасти уже настроившись на военный ладъ, отчасти изъ поисковъ за какимъ-нибудь дѣломъ, я рѣшилъ тогда поступить вольноопредѣляющимся, хотя до времени, когда я долженъ былъ бы тянуть жребій, оставался еще годъ“. Въ смыслѣ пропаганды, — думалъ я, — будучи въ военной службѣ, можно также кое-что сдѣлать; къ тому же пріобрѣтеніе знанія нѣкоторыхъ военныхъ пріемовъ и правилъ можетъ оказаться небезпо-

лезнымъ, для меня, какъ революціонера". Служить же мнѣ по тогдашнимъ правиламъ для вольноопредѣляющихся второго разряда, нужно было только полъ года, и я въ концѣ октября 1875 года поступилъ въ пѣхотный Херсонскій полкъ, расположенный въ Кіевѣ. Случилось, однако, такъ, что, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ, я долженъ былъ оставить военную службу.

Въ кіевскомъ тюремномъ замкѣ содержался тогда мой товарищъ, студентъ мѣстнаго университета, Семенъ Лурье, привлекавшійся по дѣлу 193-хъ*). Благодаря безвозвратнымъ денежнымъ „займамъ", которыми пользовался отъ его родителей всесильный тогда въ Кіевѣ жандармскій адъютантъ баронъ Гейкингъ, Лурье не трудно было бѣжать изъ-подъ стражи. Въ устройствѣ этого побѣга я принималъ нѣкоторое участіе, а потому у меня произведенъ былъ жандармами обыскъ, въ моемъ отсутствіи. Опасаясь быть арестованнымъ и, какъ военно-служащій, подвергнуться очень тяжелому наказанію, я рѣшилъ скрыться, пока не выяснятся намѣренія кіевскаго жандармскаго правленія. Но, спустя нѣсколько дней, стало ясно, что баронъ Гейкингъ, изъ собственныхъ разсчетовъ, старается затушить дѣло о побѣгѣ Лурье, такъ какъ въ возможности его осуществленія онъ самъ былъ виноватъ своими поблажками и попустительствомъ. Тогда я явился на службу, предполагая, что за пятидневную отлучку меня подвергнутъ лишь дисциплинарному взысканію. Вышло однако, иначе.

Начальникомъ дивизіи, въ которой я служилъ, былъ тогда Ванновскій, впослѣдствіи военный министръ, а недавно мин. нар. просвѣщенія. Къ вольноопредѣляющимся онъ, вообще, относился почему-то непріязненно, ко мнѣ же, не обнаруживавшему никакой склонности къ субординаціи и дисциплинѣ, — въ особенности. И вотъ какъ разъ въ тѣ дни, когда я не являлся на службу, онъ потребовалъ къ себѣ на квартиру вольноопредѣляющихся нашего баталіона. Когда же, вернувшись на службу, я былъ приведенъ къ нему, онъ велѣлъ отправить меня на гауптвахту, а затѣмъ отдалъ подъ судъ. Къ обвиненію меня за „побѣгъ" со службы, вскорѣ присоединилось еще другое — за оскорбленіе мною офицера при исполненіи имъ его служебныхъ обязанностей, — оскорбленіе, состоявшее въ томъ, что я не позволилъ дежурному по караулу офицеру грубо обращаться со мною и говорить на „ты". Будучи отданнымъ подъ судъ за совокупность этихъ двухъ „преступленій", я рѣшилъ бѣжать, что мнѣ (въ февралѣ 1876 г.) и удалось осуществить, при содѣйствіи товарищей, которые принесли мнѣ въ баню штатское платье. Одѣвъ послѣднее, я прошелъ неузнаннымъ мимо стоявшихъ у дверей бани часовыхъ. Съ этого момента я оставался на-волѣ въ качествѣ „нелегаль-

*) Разбиралось въ Петербургѣ особымъ присутствіемъ сената зимою 1877-78 гг.

наго"; затѣмъ, какъ выше было мною упомянуто, осенью 1877 г. я вновь былъ арестованъ, а весной слѣдующаго года вторично бѣжалъ.

На постановленіе слѣдователя о преданіи меня военному суду я подалъ двѣ жалобы: одну — предсѣдателю одесскаго окружного суда, а другую — министру юстиціи Набокову. Ссылаясь на свидѣтельство Богдановича, я доказывалъ, что баденское правительство выдало меня подъ условіемъ, чтобы меня судили обыкновеннымъ, гражданскимъ, а не военнымъ судомъ.

Какъ и можно было предвидѣть, жалобы мои не имѣли никакихъ послѣдствій, и вскорѣ мнѣ врученъ былъ обвинительный актъ, составленный военнымъ прокуроромъ, а, спустя нѣсколько дней, назначено было и разбирательство моего дѣла въ мѣстномъ военно-окружномъ судѣ.

По обвинительному акту, можно было уже отчасти предвидѣть, каковъ будетъ судъ. Излагая лишь обстоятельства, сопровождавшія самый актъ покушенія на жизнь Гориновича и тщательно умалчивая о мотивахъ, вызвавшихъ это преступленіе, прокуроръ подводилъ его подъ самыя тяжкія статьи нашего уложенія о наказаніяхъ. Взявъ наивысшую мѣру — безсрочную каторгу, полагающуюся только за убійства родителей и т. п. преступленія, прокуроръ требовалъ смягченія этого наказанія на одну степень, т. е. на 20 лѣтъ каторги, такъ какъ мое преступленіе, закончилось не смертью, а лишь покушеніемъ и, наконецъ, на основаніи закона же онъ считалъ необходимымъ уменьшить послѣднее наказаніе еще на одну треть, въ виду того, что во время совершенія этого покушенія я былъ несовершеннолѣтнимъ. 13 лѣтъ и четыре мѣс. каторжныхъ работъ были такимъ образомъ максимальнымъ наказаніемъ, къ которому можно было меня приговорить, согласно нашимъ законамъ и условіямъ, при которыхъ состоялась выдача меня изъ баденскаго герцогства.

Я нисколько не разсчитывалъ, чтобы военный судъ принялъ во вниманіе собственное мое сознаніе, что по закону въ значительной степени уменьшаетъ размѣръ наказанія, а также, чтобы онъ примѣнилъ ко мнѣ данный въ 1883 году во время коронованія Александра III манифестъ, въ силу котораго смягчались наказанія, полагавшіяся за всѣ раньше совершенныя уголовныя преступленія. Поэтому судебный процессъ мнѣ представлялся лишь простой формальностью, отъ которой рѣшительно ничего нельзя было ожидать. Зная это, я отказался отъ назначеннаго мнѣ судомъ защитника, кандидата на военно судебную должность и сталъ готовиться къ предстоявшей мнѣ крайне непріятной процедурѣ.

Насталъ день суда. Въ тюремный дворъ въѣхала огромная крытая колымага съ желѣзными рѣшетками въ окошечкахъ, запряженная парой. Вмѣстѣ со мною внутри ея сѣлъ околодоч-

ный надзиратель, послѣ чего дверь колымаги заперли снаружи огромнымъ замкомъ. Рядомъ съ кучеромъ на козлахъ помѣстился бывшій при мнѣ неотлучно жандармъ; колымагу окѣйлъ взводъ вооруженныхъ солдатъ, которыхъ въ свою очередь окружали верховые казаки. Впереди этой процессіи ѣхалъ полиціймейстеръ города, а сзади нея — приставъ. Со стороны можно было подумать, что подъ такой охраной везутъ по крайней мѣрѣ дюжину богатырей, которые въ состояніи помѣряться съ значительной военной силой. Завидѣвъ эту необыкновенную процессію, шагомъ двигавшуюся по многолюднымъ улицамъ Одессы, прохожіе съ любопытствомъ останавливались; въ окнахъ домовъ повсюду высовывались головы. Сидя, между тѣмъ, въ колымагѣ съ околодочнымъ, мы разговорились, а всмотрѣвшись въ его лицо, я узналъ въ немъ стараго знакомаго, бывшаго 20 лѣтъ предъ тѣмъ квартальнымъ въ Кіевѣ. Онъ часто заходилъ въ нашъ домъ и зналъ мою семью.

— Кто бы могъ подумать, сказалъ онъ, что того самаго Дейча, котораго я зналъ маленькимъ мальчикомъ, мнѣ придется встрѣтить при такихъ обстоятельствахъ!

Зала суда была наполнена отборной публикой: — кромѣ военныхъ съ женами, было много лицъ разныхъ гражданскихъ вѣдомствъ. Судебное слѣдствіе не представляло ни малѣйшаго интереса: немногіе свидѣтели, сохранившіеся въ живыхъ и бывшіе на лицо, за истекшіе со времени покушенія восемь съ чѣмъ-то лѣтъ, сбивчиво разсказывали объ извѣстныхъ имъ обстоятельствахъ, мотивируя это тѣмъ, что за отдаленностью времени перезабыли то, что знали по этому дѣлу. Гориновича же не было почему то на судѣ, но читались его показанія. Для своей защиты я не пригласилъ ни одного свидѣтеля и, вообще, принималъ незначительное участіе въ судебномъ слѣдствіи. Разсматривая публику, я искалъ если не близкаго, то хотя бы знакомаго лица, но никого не нашелъ, кромѣ того прокурора суда, который велъ предварительное слѣдствіе.

Послѣ небольшаго перерыва, смѣнившаго краткое судебное слѣдствіе, военный прокуроръ произнесъ свою обвинительную рѣчь, являвшуюся точнымъ повтореніемъ имъ же составленнаго обвинительнаго акта. Такъ какъ мотивомъ къ совершенію мною покушенія на жизнь Гориновича, по его словамъ, не могла быть ни „корыстная цѣль“, ни „личная вражда“, то остается, сказалъ онъ, предположить „месть“. При этомъ онъ даже не указалъ, какого рода была эта месть, чтобы избѣжать слова — „политическая“.

Свою рѣчь я началъ съ заявленія, что рѣшительно не имѣю въ виду смягчить свою участь, такъ какъ, въ послѣднемъ случаѣ, я могъ бы вовсе не заявлять, что намѣревался убить Гориновича*).

*) За нанесеніе тяжкихъ увѣчій, безъ намѣренія убить, по

Заранѣе мирясь съ приговоромъ, я желалъ только, какъ во время дознанія и предварительнаго слѣдствія, представить дѣло на судъ въ истинномъ его свѣтѣ. Поэтому я разсчитывалъ подробно разсказать суду обстоятельства, при которыхъ у меня съ товарищемъ возникла мысль объ убійствѣ Гориновича. Но, послѣ первыхъ же фразъ, лишь только я произнесъ: „въ Елисаветградѣ собрался кружокъ", какъ предсѣдатель суда, генералъ Гродековъ, остановилъ меня замѣчаніемъ, что, въ виду условій суда надо мною, я не долженъ упоминать ни о чемъ, имѣющемъ какое-нибудь отношеніе къ политическимъ преступленіямъ. Такое требованіе лишало меня совершенно возможности не только правильно освѣтить это дѣло, но даже просто изложить сопровождавшія его обстоятельства. Я, напр., начинаю разсказывать: „Гориновичъ, сидя въ кіевской тюрьмѣ", какъ немедленно слѣдуетъ окрикъ предсѣдателя не касаться этого. Я былъ въ полнѣйшемъ затрудненіи, въ какой формѣ говорить, и, избѣгая даже названія мѣстъ, лицъ, политическихъ условій, я все же подвергался не только замѣчаніямъ, но и прямымъ угрозамъ со стороны предсѣдателя, что онъ лишитъ меня слова и велитъ вывести изъ залы суда. При такихъ странныхъ ограниченіяхъ, дѣлавшихъ совершенно невозможной не только защиту, но даже голый разсказъ, я кое какъ дотянулъ свою рѣчь до конца. Но прокуроръ почему то и въ ней нашелъ чѣмъ возмутиться и, взявъ вторично слово, сталъ съ жаромъ уличать меня въ какихъ то противорѣчіяхъ. Я затѣмъ также что то возразилъ ему, а отъ послѣднядо слова отказался.

Судъ, удалившись на непродолжительное время, вынесъ мнѣ то именно наказаніе, какое просилъ прокуроръ, т. е. 13 лѣтъ и четыре мѣсяца каторжныхъ работъ.

Возвращаясь затѣмъ обратно въ тюрьму съ той же процессіей, я чувствовалъ нѣкоторое облегченіе, словно большая тяжесть спала съ моихъ плечъ.

Теперь оставалось только ждать, куда меня отправятъ на каторгу? Какъ осужденнаго въ качествѣ уголовнаго, меня могли послать въ Сибирь, на Кару, гдѣ у меня было нѣсколько старыхъ друзей и гдѣ условія заключенія считались наиболѣе сносными изъ всѣхъ мѣстъ ссылки каторжанъ; меня могли также отправить на о-въ Сахалинъ, пользовавшійся совсѣмъ незавидной репутаціей въ Россіи; но правительство, желая возмездить незначительное по его мнѣнію наказаніе, къ которому по неволѣ меня пришлось приговорить, въ силу договора съ Баденскимъ Герцогствомъ, могло заключить меня въ Шлиссельбургской крѣпости, режимъ въ которой, по слухамъ, былъ прямо убійственный.

старому Уложенію полагалась каторга отъ четырехъ до шести лѣтъ, а для несовершеннолѣтняго срокъ этотъ еще сокращался на одну треть.

По прошествіи семи дней послѣ процесса, въ тюрьму явился предсѣдатель военнаго суда для объявленія мнѣ приговора въ окончательномъ видѣ. Въ тюремной канцеляріи, куда меня ввели, позади длиннаго и широкаго стола стоялъ генералъ Гродековъ, но раньше, чѣмъ приступить къ чтенію, онъ распорядился, чтобы сопровождавшіе меня часовые стали между мною и столомъ, такъ какъ, повидимому, опасался, чтобы я не сдѣлалъ на него какого-либо нападенія. Такая чрезмѣрная со стороны военнаго предосторожность бросилась въ глаза даже находившимся тутъ помощнику смотрителя и жандарму.

— Ишь-какъ боится то! воскликнулъ кто-то изъ нихъ, когда мы возвращались обратно въ камеру. Такой „осторожности“, хотя бы и по отношенію къ уже осужденному на каторгу, мнѣ больше не приходилось встрѣчать даже со стороны штатскихъ чиновъ.

Послѣ суда надо мною, меня снова начали водить въ контору на допросы, но уже въ качествѣ свидѣтеля. Сперва заявились жандармскій ротмистръ съ товарищемъ прокурора. Послѣдній обратился ко мнѣ съ такимъ заявленіемъ:

— У васъ при арестѣ во Фрейбургѣ отняли письмо, въ которомъ имѣется адрессъ такого-то въ г. Вильно. По этому адрессу вы должны были сообщить объ отправкѣ какихъ-то книгъ. Такъ не можете-ли намъ сказать, о какихъ это книгахъ рѣчь въ письмѣ и кто авторъ его?

Я заявилъ, что никакихъ показаній не желаю давать.

— Имѣйте въ виду, сказалъ тогда товарищъ прокурора, что по этому адрессу арестовано нѣсколько человѣкъ въ Вильно. Если же вы намъ сообщите, кто авторъ письма, то арестованные могутъ быть освобождены.

Хорошо зная этотъ пріемъ нашихъ прокуроровъ, я заявилъ:

— *По вашимъ* убѣжденіямъ, очевидно, дозволено называть на допросахъ имена лицъ, съ которыми находишься въ перепискѣ, а я на этотъ счетъ придерживаюсь иныхъ правилъ.

Молодой товарищъ прокурора сильно сконфузился. На этомъ и окончился допросъ. Уничтожая, вмѣстѣ съ проф. Туномъ, адресса изъ записной книжки, мы какъ-то забыли про это письмо, а нѣмцы воспользовались этимъ, чтобы показать свою услужливость русскому правительству.

Въ другой разъ на допросъ явился слѣдователь и прочиталъ мнѣ бумагу изъ министерства юстиціи о томъ, чтобы допросить меня, въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу объ убійствѣ генерала Мезенцова. Затѣмъ онъ предъявилъ мнѣ слѣдующія показанія извѣстнаго ренегата Гольденберга.

„Однажды осенью 1879 г., — показывалъ послѣдній, — мы съ Дейчемъ гуляли на Конной площади въ Харьковѣ, и у насъ зашла рѣчь объ убійствѣ шефа жандармовъ; при этомъ Дейчъ разсказалъ мнѣ, что убилъ Мезенцова С. Кравчинскій“.

Мнѣ тогда пришло въ голову такое соображеніе. Такъ какъ Кравчинскій въ то время находился за-границей и его могли, какъ это со мной случилось, арестовать, то, чтобы добиться согласія на выдачу его, находятъ недостаточными показанія Гольденберга, разсказывающаго со словъ другого, а желаютъ еще получить отъ меня подтвержденіе. Поэтому я счелъ наиболѣе цѣлесообразнымъ въ данномъ случаѣ не отказываться отъ дачи показаній, а также не отрицать, что у меня съ Гольденбергомъ происходилъ приведенный имъ разговоръ, но показать такимъ образомъ, чтобы совершенно уничтожалось всякое юридическое значеніе его ссылки на меня. Я поэтому показалъ, что, разговаривая съ Гольденбергомъ, я разсказывалъ ему циркулировавшіе лишь слухи, по которымъ убійство генерала Мезенцова приписывалось разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и Кравчинскому, и мнѣ, и другимъ.

Мои опасенія за Кравчинскаго, къ счастью, оказались напрасными: онъ жилъ тогда уже въ Лондонѣ и былъ внѣ всякой опасности.

Вскорѣ послѣ описанныхъ допросовъ, въ одесской тюрьмѣ поднялась генеральная чистка и уборка, — ждали министра юстиціи, который въ то время ревизовалъ судебныя учрежденія. Изъ моей камеры, конечно, все вынесли, за исключеніемъ соломы и параши. Министръ явился въ сопровожденіи огромной свиты, въ числѣ которой былъ и градоначальникъ. Здороваясь, Набоковъ самъ назвалъ мою фамилію. Это, повидимому, возбудило удивленіе градоначальника.

— Ваше Высокопревосходительство изволите знать Дейча? спросилъ онъ.

— Да, я видѣлся съ нимъ въ Петербургѣ, отвѣтилъ Набоковъ такимъ тономъ, точно первая наша встрѣча происходила не въ тюрьмѣ, а гдѣ-либо въ салонѣ. Затѣмъ, обратившись ко мнѣ, онъ сообщилъ, что, докладывалъ мою жалобу на неправильность преданія меня военному суду государю, но царь велѣлъ оставить ее безъ послѣдствій, такъ какъ я бывшій военно-служащій. Моя обстановка, повидимому, ему также не понравилась, потому что, оглядывая кругомъ камеру, онъ раза два спрашивалъ, удобно-ли мнѣ здѣсь и не желаю-ли чего заявить?

Бесѣда министра со мною, повидимому, произвела большое впечатлѣніе на тюремную администрацію. Проводивъ его, ко мнѣ тотчасъ заявился смотритель и предложилъ перейти въ новую, лучшую камеру, гдѣ имѣлись столъ, стулъ, койка и постель.

— Самому *Государю* о васъ министръ докладывалъ! наивно восклицалъ этотъ Бобчинскій и смотрѣлъ на меня такъ, словно я сразу выросъ на нѣсколько вершковъ.

Такимъ образомъ, будучи уже осужденнымъ на каторгу, я,

благодаря этому обстоятельству, получилъ все то, чего, въ качествѣ подслѣдственнаго, не могъ никакъ добиться. Даже больше того: мнѣ дозволено было подписаться въ частной библіотекѣ для полученія книгъ. Конечно, всѣ эти льготы исходили не отъ смотрителя, а вѣроятно отъ представителей тѣхъ трехъ вѣдомствъ, которыя до пріѣзда министра всячески старались прижать меня.

Не долго, однако, пользовался я новой обстановкой: недѣли двѣ спустя, мнѣ съ утра объявили, что вечеромъ меня, съ партіей уголовныхъ арестантовъ, повезутъ въ Москву. Предстояла довольно сложная и непріятная процедура принятія каторжнаго вида.

Сперва меня повели въ спеціально для этого предназначенное тюремное помѣщеніе, въ которомъ находились всѣ необходимые для каторжанина атрибуты: на полу лежала груда цѣпей, на полкахъ расположены были арестантскія вещи, — платье, бѣлье, обувь и проч. Выбравъ для меня все, что по закону полагается, меня затѣмъ повели въ другое помѣщеніе. Здѣсь цирюльникъ сбрилъ у меня сплошь всю правую сторону головы до пробора, а слѣва состригъ волосы до корней. Я уже и раньше видалъ въ нашихъ тюрьмахъ выбритыхъ такимъ образомъ арестантовъ, и видъ ихъ всегда производилъ на меня, да и на всѣхъ, съ кѣмъ мнѣ приходилось объ этомъ говорить, крайне тяжелое впечатлѣніе. Но, когда я посмотрѣлъ теперь на самого себя въ зеркало, то почувствовалъ какое-то щемящее ощущеніе,— не физическую боль, а сознаніе униженія человѣческаго достоинства, путемъ издѣвательства надъ его лицомъ, вызывалъ этотъ варварскій пріемъ.

Тамъ же, гдѣ меня побрили, находился и кузнецъ-арестантъ съ кандалами, заклепками и проч. Меня посадили на низенькій табуретъ и по-очередно ставили ноги на наковальню. Охвативъ ступни желѣзными кольцами, кузнецъ затѣмъ сталъ наглухо заклепывать ихъ, и каждый ударъ его молотомъ по заклепкѣ отдавался особенной болью въ сердцѣ, напоминая, что отнынѣ начинается новая жизнь, что я — каторжный...

Кромѣ ощущенія приниженности и отверженности, ношеніе кандаловъ причиняетъ и большія неудобства, какъ во время ходьбы, такъ и сна. Къ тому же нужно пріобрѣсти большой навыкъ, чтобы умѣть сквозь кольца одѣть и раздѣть брюки и нижнее бѣлье, а также не натереть себѣ ногъ, противъ чего, при неопытности, не помогаютъ и получаемые отъ казны кожанные подкандальники. Тяжесть кандаловъ, имѣющихъ отъ 8 до 12 фунтовъ вѣсу, также даетъ себя чувствовать при ходьбѣ. Но особенно непріятенъ ихъ звонъ, который раздается при малѣйшемъ движеніи закованнаго, раздражая его нервы, особенно если онъ интеллигентный человѣкъ; звонъ этотъ постоянно на-

поминаетъ каторжанину, чтъ онъ — парій среди людей и что ему „лишенному всѣхъ правъ состоянія“, никогда уже не пріобрѣсти ихъ вновь.

Дополненіемъ къ бритью и кандаламъ является и спеціальный костюмъ, въ который наряжаютъ осужденнаго. Поверхъ бѣлья изъ суроваго холста на него надѣваютъ сдѣланные изъ грубаго сѣраго, такъ и называемаго — арестантскаго сукна брюки и халатъ. На спинѣ послѣдняго у осужденнаго въ каторжныя работы нашиты, какъ извѣстно, два квадратные туза изъ желтаго сукна. На ноги надѣваютъ портянки и „коты“ — родъ туфель изъ кожи. Все это платье, бѣлье и обувь, сдѣланныя по одному образцу и мѣркѣ, крайне неудобны, тяжелы и не пропорціональны.

Я самъ съ трудомъ узналъ себя, когда, въ полномъ каторжномъ облаченіи, вновь посмотрѣлъ на себя въ зеркало, — до того этотъ нарядъ преобразовываетъ.

„И много-много лѣтъ, думалъ я, предстоитъ мнѣ являться въ этомъ отталкивающемъ видѣ!“

Даже жандармъ смотрѣлъ на меня съ грустью и сожалѣніемъ и громко выражалъ мнѣ свое соболѣзнованіе.

— Ужъ чего только съ человѣкомъ не сдѣлаютъ! говорилъ онъ, качая головой.

Всѣ мои вещи — платье, бѣлье и проч., я частью раздарилъ тутъ же въ тюрьмѣ. Себѣ я оставилъ лишь книги; вмѣстѣ со смѣной казеннаго бѣлья я уложилъ ихъ въ полученный мною казенный мѣшокъ и, такимъ образомъ, былъ вполнѣ готовъ къ предстоявшему далекому путешествію.

Наступилъ вечеръ. Въ тюремный замокъ явился конвойный офицеръ, въ сопровожденіи такихъ же нижнихъ чиновъ, и началась пріемка арестантовъ въ партію. Меня для этого повели въ контору первымъ. При каждомъ перевозимомъ по этапу арестантѣ имѣется такъ называемый „статейный списокъ“: въ немъ кромѣ имени, отчества и фамиліи пересыльнаго, обозначается еще родъ его наказанія, мѣсто ссылки, полученныя имъ казенныя вещи и проч. Для политическаго арестанта существуетъ то лишь отличіе, что на внутренней сторонѣ обложки статейнаго списка наклеивается еще его фотографическая карточка. Въ моемъ спискѣ имѣлись даже двѣ мои карточки разныхъ періодовъ.

Когда всѣхъ назначенныхъ къ отправкѣ арестантовъ офицеръ провѣрилъ и принялъ по спискамъ, насъ вывели за ворота тюрьмы и выстроили. Окруживъ партію со всѣхъ сторонъ живою цѣпью, конвойные солдаты и офицеры сняли шапки и перекрестились.

— Стастливаго пути! Благополучнаго исхода! раздались затѣмъ пожеланія тюремной администраціи.

— Спасибо! отвѣтилъ офицеръ и подалъ знакъ тронуться.

Партія двинулась пѣшкомъ на находившуюся вблизи тюрьмы желѣзно-дорожную станцію.

Соблюдая условія выдачи меня изъ Баденскаго Герцогства, меня до отправки въ путь, въ качествѣ каторжнаго, разсматривали отчасти, какъ политическаго, а отчасти, какъ уголовнаго. Съ момента же сдачи меня конвою, я сталъ только политическимъ. Поэтому, какъ и всѣхъ другихъ лицъ этой категоріи отправляемыхъ по этапу, меня помѣстили не въ общеарестантскомъ вагонѣ, а въ томъ, въ которомъ находились офицеръ и конвойные. Здѣсь было очень просторно, между тѣмъ какъ уголовныхъ набиваютъ въ вагонъ, какъ сельдей въ бочку; но за то и интереса было мало находиться въ обществѣ лишь солдатъ, къ тому же боящихся, въ присутствіи офицера, вступать въ разговоръ съ перевозимымъ политическимъ.

Чрезъ сутки, по выѣздѣ изъ Одессы, поѣздъ утромъ прибылъ въ Кіевъ: здѣсь для насъ предстояла дневка. По выходѣ изъ вагоновъ на дебаркадеръ, партія снова выстроилась, и снова, оцѣпивъ ее, конвойные повели по окраинамъ города, направляясь къ тюремному замку.

Послѣ многихъ лѣтъ скитанія по Россіи и Западной Европѣ, я возвращался теперь въ свой родной городъ, въ качествѣ каторжнаго. Передъ этимъ я не былъ въ Кіевѣ болѣе шести лѣтъ; въ послѣдній разъ, въ маѣ 1878 г., я бѣжалъ изъ мѣстнаго тюремнаго замка, и теперь я вновь возвращался въ него, но бритый, въ кандалахъ, съ бубновыми тузами на спинѣ.

— Иди, иди! Пошевеливай! услышалъ я окрикъ, сопровождавшійся толчкомъ приклада въ спину.

„Начинается!“ подумалъ я, представляя себѣ мысленно всѣ тѣ многочисленныя оскорбленія и униженія, которыя предстоятъ мнѣ еще впереди, какъ „лишенному всѣхъ правъ состоянія“.

Оглянувшись назадъ, послѣ полученнаго толчка, я увидѣлъ офицера, поспѣшавшаго ко мнѣ. Поровнявшись съ моимъ конвойнымъ, онъ накричалъ на него, приказывая не обращаться грубо.

Вотъ партія у воротъ кіевскаго тюремнаго замка; по счету впускаютъ насъ въ его калитку. Меня первымъ вводятъ въ контору. Кругомъ все новыя лица. Нѣтъ уже бывшаго при мнѣ смотрителемъ толстаго старика капитана Ковальскаго; нѣтъ и двухъ его помощниковъ; не вижу также ни одного изъ бывшихъ во время моего здѣсь заключенія надзирателей. Все ново, все чуждо мнѣ.

— Изъ этой самой тюрьмы вы бѣжали? спрашиваетъ меня высокій, атлетически сложенный человѣкъ, въ тюремной формѣ, оказавшійся новымъ смотрителемъ по фамиліи Симашко.

— Да! отвѣтилъ я.

Какъ извѣстно, Стефановичъ, Бохановскій и я были уведены изъ кіевскаго замка нашимъ товарищемъ Фроленко, который съ фальшивымъ паспортомъ поступилъ на службу въ тюрьму и, сдѣлавшись ключникомъ, вывелъ насъ, подъ видомъ корридорныхъ часовыхъ, такъ какъ смѣной ихъ ночью завѣдывалъ дежурный по тюрьмѣ ключникъ*).

Меня затѣмъ повели въ камеру. Она оказалась большихъ размѣровъ и почти вся сплошь, за исключеніемъ небольшого прохода, занята была нарами, замѣнявшими всякую другую мебель. Находилась она на такъ называемомъ „пересыльномъ корридорѣ“ и предназначалась для многихъ десятковъ, если не для цѣлой сотни проходившихъ по этапу уголовныхъ. Меня же одного помѣстили въ ней, очевидно, за тѣмъ, чтобы не смѣшивать съ уголовными.

Сразу чувствовалось, что хорошо знакомая мнѣ тюрьма многое пережила за истекшіе годы. Тюрьма эта, какъ мѣсто заключенія политическихъ, имѣла свою длинную исторію, состоявшую въ многочисленныхъ и разнообразныхъ приключеніяхъ и событіяхъ, большею частью, конечно, грустнаго характера, и, въ этомъ отношеніи, немногія тюрьмы въ Россіи могли тогда сравниться съ нею. Прошлое ея знаменито побѣгами изъ нея политическихъ, такъ какъ, кромѣ насъ троихъ „чигиринцевъ“, въ томъ же году путемъ подкопа пытались бѣжать студентъ Избицкій и англійскій гражданинъ Беверлей. Но, находясь уже внѣ подкопа, они были замѣчены часовыми; послѣдовалъ выстрѣлъ, и Беверлей упалъ за-мертво; Избицкій же, оставшись невредимымъ, былъ вновь водворенъ въ тюрьмѣ. Однако, эта неудача и предпринятыя начальствомъ мѣры предосторожности не прекратили побѣговъ изъ кіевской тюрьмы. Прошло четыре года, и въ 1882 году изъ нея же удачно ушелъ заключенный политическій студентъ Василій Ивановъ, которому помогъ въ этомъ находившійся въ караулѣ офицеръ Тихановичъ. Затѣмъ, сравнительно незадолго до моего прибытія, изъ этой же тюрьмы также удачно бѣжалъ Влад. Бычковъ**).

За сравнительно короткій промежутокъ времени, кіевскій тюремный замокъ видѣлъ также массу трагическихъ происшествій, — большой контингентъ юношей, увезенныхъ изъ нея прямо на казнь***); но еще значительно большее количество политическихъ ушло отсюда на каторгу, на поселеніе въ Сибирь и въ админи-

*) Подробности см. у Степняка въ „Подпольной Россіи“—„Два побѣга“, а также у Туна.

**) Въ августѣ прошлаго года, какъ извѣстно, изъ нея же бѣжали 11 человѣкъ, а въ января настоящаго года бѣжала еще одна политическая заключенная — Инна Леманъ.

***) Въ 1879 г. — Антонова, Брантнера, Бильчанскаго, Горскаго и Оссинскаго, а въ 1880 г. Лозинскаго и Розовскаго.

стративную ссылку. Кромѣ Петропавловской крѣпости, въ этомъ отношеніи съ нею могутъ сравниться только одесская тюрьма и варшавская цитадель. За то по количеству пережитыхъ „бунтовъ", думаю, кіевская тюрьма занимаетъ первое мѣсто въ Россіи. Въ отношеніи того, какъ держать себя съ начальствомъ, среди политическихъ заключенныхъ, крѣпко хранились традиціи прошлаго, преданія „старины глубокой", т. е. особенно бурныхъ 1877-1879 годовъ. Новымъ поколѣніямъ заключенныхъ хорошо былъ извѣстенъ этотъ періодъ, богатый многочисленными бунтами и называвшійся „героическимъ", по устнымъ разсказамъ, какъ самой тюремной администраціи, такъ и старожиловъ изъ уголовныхъ. Поэтому, несмотря ни на какія старанія начальства, старый духъ этой тюрьмы не могъ быть искорененъ изъ нея ко времени моего вторичнаго прибытія въ нее, въ чемъ я убѣдился, лишь только за мною заперли дверь камеры.

— Политическіе просятъ васъ написать, кто вы, по какому дѣлу и гдѣ судились? услыхалъ я раздавшійся со стороны двери голосъ. Подошедши къ ней ближе, я увидѣлъ, что это говорилъ какой-то уголовный сквозь продѣланное окошечко. На мое заявленіе, что мнѣ нечѣмъ писать, онъ тутъ же просунулъ мнѣ бумагу и карандашъ.

Сообщивъ въ нѣсколькихъ словахъ о себѣ, я просилъ товарищей также и мнѣ написать, сколько ихъ въ данное время находится здѣсь и по какимъ кто дѣламъ? Свой отвѣтъ я, конечно, передалъ этому же арестанту, а спустя нѣкоторое время онъ просунулъ мнѣ записку, въ которой были краткіе отвѣты на мои вопросы и въ заключеніе говорилось: „подробности узнаете устно отъ нашихъ дамъ".

Дѣйствительно, я вскорѣ услыхалъ женскіе голоса, которые приглашали меня влѣзть на окно. Послѣдовавъ ихъ предложенію, я взобрался на него; но въ немъ не оказалось форточки. Не долго думая, я разбилъ по стеклу въ двойной рамѣ, хотя было уже начало ноября, и на дворѣ стояли порядочные морозы. За то, послѣ многихъ мѣсяцевъ, я вновь могъ вдоволь наговориться со своими и узнать всякія новости.

То были жены тутъ же сидѣвшихъ двухъ политическихъ: Прасковья Шебалина и Витольда Рехневская. Отправившись на прогулку, онѣ подошли къ воротамъ, которыя соединяли ихъ дворъ съ мужскимъ; окно же моей камеры приходилось близъ стѣны, раздѣлявшей эти два двора. Разговаривать намъ было довольно удобно. Отъ нихъ я узналъ о всѣхъ сидѣвшихъ въ то время въ кіевской тюрьмѣ. Оказалось, что незадолго до моего прибытія, въ кіевскомъ военно-окружномъ судѣ состоялся политическій процессъ, по которому привлекались 12 человѣкъ; изъ нихъ четверо, въ томъ числѣ мужъ Шебалиной, были осуждены на каторгу, а она на поселеніе.

Но на одномъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ бесѣда наша была вдругъ прервана внезапно появившимся помощникомъ смотрителя. Увидѣвъ меня на окнѣ, онъ воскликнулъ:

— Какъ, вы уже разбили стекла!

— Зачѣмъ же у васъ нѣтъ въ окнахъ форточекъ? возразилъ я.

— Вамъ же хуже: будете ночью мерзнуть при разбитыхъ окнахъ. Обратившись затѣмъ къ разговаривавшимъ со мною дамамъ, онъ сталъ требовать, чтобы онѣ стошли отъ воротъ, такъ какъ это имъ запрещается. Но обѣ женщины энергично на него напустились, въ свою очередь требуя, чтобы онъ самъ убрался отсюда и не мѣшалъ нашей бесѣдѣ. Особенно горячо нападала П. Шебалина, живая, сангвиничная и крайне нервная женщина, доведенная тюрьмой до такого состоянія, что она не могла хладнокровно выносить одного лишь вида администраціи, поэтому, у нея съ послѣдней нерѣдко случались столкновенія.

Витольда Рехневская также находилась здѣсь вмѣстѣ съ мужемъ. Оба они были арестованы весной 1884 г. и въ описываемое время содержались въ качествѣ послѣдственныхъ по извѣстному дѣлу польскаго соціалистическаго общества „Пролетаріатъ", разбиравшемуся въ декабрѣ 1885 г. въ Варшавѣ.

Кромѣ десяти осужденныхъ и ожидавшихъ отправки въ Сибирь, а также нѣкоторыхъ подслѣдственныхъ, въ кіевской тюрьмѣ тогда находились еще многіе высылавшіеся административнымъ порядкомъ, такъ какъ незадолго предъ тѣмъ, въ сентябрѣ, въ мѣстномъ университетѣ произошли студенческія волненія, послѣ которыхъ университетъ былъ закрытъ, и многихъ учащихся высылали на родину.

Съ массой новыхъ впечатлѣній легъ я въ эту ночь спать на голыхъ нарахъ. Сквозь разбитыя стекла дулъ холодный вѣтеръ, и я долженъ былъ напялить на себя все полученное платье, чтобы не замерзнуть. Положенный подъ голову, вмѣсто подушки, мѣшокъ съ иностранными классиками, не вызывалъ особенной склонности ко сну. Я долго ворочался, но лишь только сталъ засыпать, какъ услышалъ ужасный крикъ, раздавшійся по всему корридору. Подбѣжавъ къ двери, я сталъ звать корридорнаго надзирателя. Когда онъ явился, я узналъ, что въ сосѣдней съ моею камерѣ уголовные арестанты, замѣтивъ у одного пересыльнаго нѣсколько спрятанныхъ имъ рублей, набросились и стали душить его, но ему какъ-то удалось вывернуться и закричать.

— Это завсегда такъ у нихъ, у „шпаны", замѣтилъ надзиратель равнодушнымъ тономъ и удалился дремать на свое мѣсто. Никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ его окрика: „я васъ! вы у меня смотрите!" дѣло о покушеніи на ограбленіе не имѣло, и едва-ли даже этотъ надзиратель доложилъ о немъ утромъ тюремной администраціи.

На слѣдующій день торопливо вбѣжалъ смотритель и сооб

шилъ, что сейчасъ ко мнѣ зайдетъ жандармскій полковникъ Новицкій, о которомъ, какъ о крайне недалекомъ человѣкѣ, въ нашей средѣ уже и тогда циркулировало много юмористическихъ анекдотовъ. Явившись ко мнѣ въ камеру, въ сопровожденіи своего адъютанта и смотрителя тюрьмы, Новицкій сперва предложилъ мнѣ обычные вопросы: не имѣю-ли какихъ-нибудь просьбъ и заявленій? Повидимому, ему хотѣлось просто поговорить съ человѣкомъ, котораго онъ зналъ по наслышкѣ. Особенно, помню, интересовало его, не встрѣчался-ли я за-границей съ Дебагорій-Мокріевичемъ, который, какъ извѣстно, былъ арестованъ и осужденъ въ каторжныя работы весною 1879 г. въ Кіевѣ, но по дорогѣ, въ Сибири онъ „смѣнялся“ съ уголовнымъ и убѣжалъ. Когда я сказалъ, что видался съ нимъ въ Швейцаріи, Новицкій чуть не засыпалъ меня вопросами: „ну какъ же поживаетъ Владиміръ Карповичъ, что онъ подѣлываетъ? такимъ тономъ, какъ будто Мокріевичъ былъ, если не другомъ его, то по крайней мѣрѣ его хорошимъ знакомымъ. Подобно тому, какъ полковникъ Ивановъ въ Петербургѣ съ похвалой отзывался о моихъ казненныхъ и осужденныхъ на каторгу товарищахъ, такъ теперь и Новицкій расхваливалъ „Владиміра Карповича“; а между тѣмъ этотъ же жандармскій полковникъ содѣйствовалъ присужденію къ смертной казни и къ каторжнымъ работамъ, какъ самого Мокріевича, такъ и его товарищей.

Предъ отправкой въ дальнѣйшій путь, меня снова повели въ контору. По окончаніи необходимыхъ формальностей, смотритель сказалъ мнѣ, указывая на дверь, которая вела въ другую комнату, что я могу туда зайти.

Со словъ бесѣдовавшихъ со мною Шебалиной и Рехневской я уже зналъ, что изъ Кіева я поѣду дальше вмѣстѣ съ ссылавшимися административнымъ порядкомъ въ Сибирь Вл. Малеванным и Анной Пчелкиной. Хотя лично мы не были знакомы, но я, конечно, радъ былъ совмѣстному путешествію съ ними.

Въ указанной смотрителемъ комнатѣ я увидѣлъ двухъ молодыхъ, очень прилично одѣтыхъ дѣвушекъ, одного военнаго и господина лѣтъ подъ сорокъ. У самаго входа меня встрѣтила одна изъ этихъ дѣвушекъ. Проговоривъ свою фамилію, я протянулъ ей руку. Но она, очевидно, не разслышавъ меня, не рѣшалась взять ее и посмотрѣла на меня большими удивленными глазами. Я вновь повторилъ свою фамилію. Тогда молодая дѣвушка, оказавшаяся младшей Пчелкиной, пришедшей лишь проститься съ уѣзжавшей въ Сибирь сестрой, дружески пожала мою руку и съ радостной улыбкой на лицѣ стала горячо оправдываться:

— Я приняла васъ за уголовнаго и даже испугалась, говорила она, и здоровое, полное лицо ея покрылось густой краской.

Сестра ея, наоборотъ, имѣла крайне болѣзненный видъ, что объяснялось продолжительнымъ пребываніемъ въ тюрьмѣ. Теперь она шла административно на три года въ Западную Сибирь. Штатскій оказался Малеваннымъ, шедшимъ на пять лѣтъ въ Вост. Сибирь, а офицеръ былъ конвойный начальникъ, принимавшій насъ въ партію.

Мы быстро перезнакомились. Бритый, въ кандалахъ и въ арестантскомъ костюмѣ я далеко не гармонировалъ съ остальными, имѣвшими вполнѣ цивилизованный видъ. Во взглядахъ сестеръ Пчелкиныхъ я читалъ искреннее чувство соболѣзнованія и сожалѣнія. Доставъ кусокъ бумаги, младшая попросила меня написать ей на память нѣсколько словъ. Я написалъ заглавія нѣсколькихъ книгъ, и она обѣщала мнѣ прислать ихъ на каторгу. Но впослѣдствіи вѣроятно забыла объ этомъ или потеряла мой „автографъ", такъ какъ книгъ этихъ я не получилъ.

Бренча кандалами и съ непривычки неловко переступая ногами по снѣгу, я снова въ толпѣ съ уголовными арестантами, проходилъ по улицамъ родного города, направляясь къ вокзалу; Малеванный и А. Пчелкина поѣхали на казенной подводѣ. Насъ троихъ помѣстили вновь въ общемъ вагонѣ съ конвоемъ, и у насъ завязалась самая оживленная бесѣда. Передъ этимъ, я втеченіе девяти мѣсяцевъ не видѣлъ почти никого, кромѣ полицейскихъ, жандармовъ и прокуроровъ. Не удивительно, поэтому, что встрѣтившись со своими я стремился наговориться вдоволь. Во время пути отъ Кіева до Москвы, продолжавшагося двое сутокъ, у насъ шелъ неумолкаемый разговоръ и изъ того угла вагона, гдѣ мы сидѣли, нерѣдко раздавался веселый, громкій смѣхъ.

На какой-то станціи къ намъ присоединили еще четырехъ административно-ссыльныхъ, — двухъ молодыхъ дѣвушекъ и двухъ юношей, также шедшихъ въ Сибирь и, какъ и мы, принужденныхъ зимовать въ московской пересыльной тюрьмѣ.

Былъ ранній утренній часъ, когда мы прибыли на станцію. Стоялъ здоровый, крѣпкій морозъ. Къ лязгу кандаловъ присоединялся скрипъ санныхъ полозьевъ и хрустѣнье снѣга подъ ногами конвоя и арестантовъ, растянувшихся длинной линіей по улицамъ Москвы. Вотъ и „Бутырки". Хотя, въ общемъ, отзывы объ этой центральной пересыльной тюрьмѣ, были довольно благопріятнаго характера, но, когда насъ впустили подъ тяжелые своды ея, меня все же охватило очень жуткое чувство. За сравнительно короткій промежутокъ, протекшій со времени моего ареста во Фрейбургѣ, кромѣ трехъ нѣмецкихъ тюремъ, я успѣлъ уже побывать въ шести русскихъ и убѣдился, что рѣшительно въ каждой изъ нихъ режимъ былъ иной. Какъ-бы человѣкъ не былъ равнодушенъ къ житейскимъ удобствамъ, но его невольно охватываетъ непріятное, тревожное чувство, при приближеніи къ новому мѣсту заключенія: „опять быть можетъ, пред-

стоять лишенія элементарнѣйшихъ удобствъ, вновь придется вести борьбу изъ-за койки, столика!" естественно приходитъ въ голову, когда затворяются ворота новой тюрьмы...

Насъ всѣхъ вновь прибывшихся ввели въ довольно большую комнату, служившую конторой. Въ ней за столомъ сидѣлъ старикъ лѣтъ 55, съ длинной сѣдой бородой, въ очкахъ и въ старомъ вицъ-мундирѣ, на которомъ видны были офицерскіе погоны. То былъ отставной капитанъ Мальчинскій, помощникъ смотрителя, спеціально завѣдывавшій политическими преступниками. Послѣ обычнаго осмотра насъ и нашихъ вещей, онъ распорядился, чтобы надзиратели развели насъ по разнымъ башнямъ.

Когда вслѣдъ затѣмъ я очутился въ отведенной для меня камерѣ, то съ перваго взгляда она показалась мнѣ крайне невзрачной. Узенькая, формы неправильнаго треугольника, камера эта была такъ мала, что по ней можно было сдѣлать лишь 2 3 шага. Къ тому же сквозь небольшое окно съ рѣшетками проходило мало свѣта, но койка и другія необходимыя тюремныя принадлежности въ ней имѣлись. Не успѣлъ я сбросить съ себя верхнее платье, какъ услышалъ совсѣмъ вблизи голоса, которые звали меня подойти къ дверному окошечку. Оказалось, что рядомъ со мною помѣщались также привезенные въ Бутырки на зимовку двое осужденныхъ въ каторжныя работы по почти одновременно съ моимъ состоявшемуся въ Петербургѣ процессу 14-ти, извѣстному у насъ больше по имени главнаго въ немъ лица — Вѣры Фигнеръ. Сосѣди по камерамъ были моими ровесниками — 28 и 30 лѣтъ. Старшій — Афанасій Спандони-Басманджи былъ приговоренъ къ 15 годамъ, а другой — Владиміръ Чуйковъ — къ 20 годамъ. Оба они довольно долгое время просидѣли въ Петропавловской крѣпости, что въ сильной степени повліяло на ихъ здоровье.

Обмѣну новостями и всевозможнымъ разсказамъ втеченіе первыхъ дней не было у насъ конца. Мы свободно могли разговаривать не только во время совмѣстныхъ прогулокъ по небольшому дворику, примыкавшему къ нашей Пугачевской башнѣ, но также, когда находились въ камерахъ. Мои опасенія относительно суровости предстоящаго режима оказались совершенно напрасными.

Въ одинъ изъ первыхъ вечеровъ меня позвали въ контору. Тамъ я нашелъ принимавшаго насъ въ день прихода стараго капитана. Пригласивши меня сѣсть на стоявшій возлѣ стола свободный стулъ, капитанъ сказалъ, что желаетъ поговорить со мною вполнѣ откровенно.

— Вы хотите бѣжать отсюда, заявилъ онъ. Но я считаю нужнымъ предупредить васъ, что это принесетъ большой вредъ вамъ и вашимъ товарищамъ. Мы здѣсь никого не стѣсняемъ.

Если вамъ что нужно, напишите „черненькимъ по бѣленькому"*), мы это пошлемъ губернатору, а онъ всегда удовлетворяетъ законныя желанія заключенныхъ.

Старый капитанъ, очевидно, понималъ людей нашей среды. Узнавъ, изъ моихъ-ли бумагъ или изъ другого источника о прежнихъ моихъ побѣгахъ, онъ пустилъ въ ходъ дипломатическую хитрость и прямо поставилъ вопросъ, стараясь напередъ задобрить меня обѣщаніемъ разныхъ облегченій. Я заявилъ ему, что, конечно, всякій осужденный на каторгу не прочь бѣжать, но, на сколько могу судить, изъ этой тюрьмы невозможно осуществить такое желаніе; сдѣлать же легкомысленную попытку,— на „авось" не въ моихъ интересахъ. Мы затѣмъ разстались съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

Двѣ недѣли спустя, послѣ моего прихода въ Москву, изъ Кіева къ намъ, въ Бутырки, должны были привести еще восемь человѣкъ по уже упомянутому мною процессу Шебалина съ товарищами. Но въ день прихода арестантской партіи въ нашу башню привели только двухъ поселенцевъ — Макара Васильева и Петра Дашкевича, а въ женскую башню — Парасковью Шебалину и Варвару Щулепникову, осужденную на житье въ Сибирь. Всѣхъ же четырехъ мущинъ каторжанъ**) по этому процессу, какъ вскорѣ оказалось, совершенно неожиданно отвезли въ Шлиссельбургскую крѣпость. Отъ вновь прибывшихъ поселенцевъ — Васильева и Дашкевича — мы узнали подробности печальной исторіи этого увоза ихъ товарищей-сопроцессниковъ въ Шлиссельбургъ.

Выше я уже сообщалъ, какое тяжелое впечатлѣніе производитъ бритье головы и заковываніе осужденныхъ. Когда предъ отправкой въ путь захотѣли подвергнуть этой варварской и совершенно ненуждой процедурѣ Шебалина и его товарищей, то они энергично воспротивились ей. Ихъ протестъ поддержали и всѣ другіе политическіе заключенные въ кіевскомъ замкѣ; но это не помогло, и осужденныхъ на каторгу побрили и заковали насильно. Тогда всѣ заключенные устроили обычную въ Кіевѣ манифестацію съ разбиваніемъ оконъ, коекъ и проч. Обо всемъ этомъ сообщено было въ Департаментъ Полиціи, а оттуда послѣдовало распоряженіе отправить четырехъ каторжанъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, что было тогда равносильно осужденію на медленную смерть, сопровождавшуюся продолжительными и тяжелыми мученіями, — на погребеніе заживо.

Между тѣмъ число заключенныхъ въ Бутыркахъ все увеличивалось. Изъ разныхъ мѣстъ свозили въ эту тюрьму на зи-

*) Какъ потомъ оказалось, это было любимымъ выраженіемъ старика, замѣнявшимъ у него слово „прошеніе".

**) Шебалинъ, Панкратовъ, Карауловъ и Борисовичъ.

мовку лицъ, которымъ весной предстояло административнымъ порядкомъ отправиться въ Сибирь. Всѣ эти лица, за немногими исключеніями, принадлежали къ интеллигентной молодежи, но среди ссылаемыхъ было также нѣсколько человѣкъ болѣе пожилыхъ лѣтъ и два-три рабочихъ. Главное прегрѣшеніе административно-ссылаемыхъ, — какъ, увы! это еще происходитъ у насъ и теперь, почти 20 лѣтъ спустя! — состояло въ классическомъ обвиненіи въ „неблагонадежности". Хотя я подробно разспрашивалъ каждаго, за что его высылаютъ въ Сибирь, но въ памяти у меня не запечатлѣлось ни малѣйшаго намека на то, что въ цивилизованныхъ странахъ принято понимать подъ словомъ „преступленіе". Былъ „знакомъ" съ такими-то, при обыскѣ „нашли" то-то, — и молодыхъ людей, послѣ продолжительнаго тюремнаго заключенія, заочно приговариваютъ къ ссылкѣ въ холодную и пустынную Сибирь на нѣсколько лѣтъ.

Въ описываемую мною зиму 1884-85 г. въ разныхъ концахъ Россіи происходили многочисленные аресты по такъ называемому „дѣлу Лопатина". Этотъ выдающійся у насъ революціонеръ задался, какъ извѣстно, цѣлью возродить къ тому времени почти уже разрушенную, вслѣдствіе погромовъ, организацію „Исполнительнаго Комитета" Партіи „Народной Воли". Пріѣхавъ съ этой цѣлью изъ-заграницы, Германъ Лопатинъ сталъ заводить обширныя знакомства, но, не полагаясь на свою память, онъ просто записывалъ фамиліи новыхъ лицъ съ лаконичными ихъ характеристиками, безъ всякаго шифра. Къ несчастію, его увѣренность, что онъ всегда успѣетъ уничтожить эту запись, не оправдалась: его неожиданно схватили сзади на улицѣ, не допустивъ проглотить исписанную бумажку.

Къ намъ, въ Бутырки, также привезли нѣкоторыхъ изъ арестованныхъ вслѣдствіе указанной оплошности Г. Лопатина. То были преимущественно очень молодые люди, между которыми особенно выдѣлялся 19-ти лѣтній студентъ москов. унив. Рубинокъ. Это былъ очень способный и начитанный юноша; его отправили на 3 года въ Вост. Сибирь; тамъ впослѣдствіи онъ подвергся ужасному истязанію со стороны якутовъ, послѣ чего, говорили, онъ лишился разсудка.

Со времени вступленія на престолъ Александра III прошло тогда уже болѣе трехъ лѣтъ и вполнѣ опредѣлилась реакціонная политика новаго царя. Первые же годы его царствованія ознаменовались висѣлицами, поощреніями анти-еврейскихъ безпорядковъ, разразившихся во многихъ мѣстностяхъ юго-западной Россіи, назначеніемъ всѣми ненавистнаго бывшаго министра народнаго просвѣщенія при Александрѣ II графа Дмитрія Толстого министромъ внутреннихъ дѣлъ, введеніемъ новаго, крайне стѣснительнаго для студентовъ и профессоровъ университетскаго устава и т. п. мѣрами. Однако многіе продолжали еще надѣяться, что

такая полоса продлится недолго, и либеральная часть общества разсчитывала, что правительство вступитъ на путь реформъ. Помню, какъ лица интеллигентныхъ профессій высказывали тогда надежду, что „maximum чрезъ пять лѣтъ у насъ будетъ конституція".

Такія же надежды раздѣляла тогда и революціонная молодежь. Большинство ея было увѣрено, что не сегодня-завтра террористы убьютъ Александра III, и тогда уже „непремѣнно дана будетъ конституція". По этому поводу заключались даже между нѣкоторыми пари. Такая увѣренность поддерживала во многихъ заключенныхъ бодрость и хорошее расположеніе духа. Но уже и въ то время все доказывало, что „Народная Воля" доживала свои послѣдніе дни и террористы не были уже страшны правительству. Всѣ наиболѣе способные и опытные члены этой организаціи были арестованы, казнены или заключены въ Шлиссельбургской крѣпости, а нарождавшіеся новые адепты не отличались всѣми необходимыми для террористической дѣятельности качествами; къ тому же изощрившаяся въ борьбѣ съ революціонерами полиція не давала молодымъ народовольцамъ возможности пріобрѣсти опытъ. Неумѣнье вести конспиративную дѣятельность была одной изъ главныхъ причинъ многочисленныхъ проваловъ, раньше чѣмъ молодые террористы еще приступали къ подготовкѣ какого-нибудь революціоннаго плана. Къ тому же, тогда не было уже того единства во взглядахъ, которое до 1881-2 гг. отличало членовъ партіи „Народная Воля". Среди сторонниковъ этого направленія возникли уже разныя фракціи. Такъ, появились „молодые народовольцы", отстаивавшіе необходимость примѣненія, кромѣ политическаго, еще аграрнаго и фабрично-заводскаго террора; они желали, чтобы народовольцы занимались также убійствами помѣщиковъ, фабрикантовъ, кулаковъ и т. п. Рядомъ съ этой группой, появились еще такъ называемые „бомбисты", сводившіе всю дѣятельность къ метанію бомбъ. Были еще и „милитаристы", мечтавшіе лишь о заговорахъ среди военныхъ. Тогда же, какъ извѣстно, впервые появились въ Россіи и соціальдемократы, начавшіе издавать въ Петербургѣ газету.

Между сторонниками всѣхъ этихъ направленій, имѣвшихъ своихъ представителей среди заключенныхъ въ Бутыркахъ, происходили, конечно, оживленные споры и дебаты, кончавшіеся въ большинствѣ случаевъ довольно миролюбиво. Общія условія заключенія и оторванность отъ практической дѣятельности заставляли даже самыхъ непримиримыхъ терпимо относиться къ лицамъ, придерживавшимся иныхъ, чѣмъ они, взглядовъ.

У насъ были постоянныя сношенія не только между всѣми заключенными въ разныхъ башняхъ, но мы знали также рѣшительно все, что дѣлалось на волѣ и получали оттуда всякія но-

винки. Для этого мы пользовались разными способами, но однимъ изъ главныхъ служилъ подкупленный нами надзиратель, о которомъ скажу здѣсь нѣсколько словъ.

Смирновъ — пусть будетъ такъ его фамилія — былъ очень пронырливый и смѣлый молодой человѣкъ, готовый на всякое рискованное предпріятіе, не исключая и преступленія. Будучи самъ малограмотнымъ, онъ, однако, питалъ большое почтеніе къ людямъ образованнымъ и намъ политическимъ, былъ преданъ не только вслѣдствіе щедро получаемаго отъ насъ вознагражденія, но также и изъ непосредственнаго расположенія. На сознательный доносъ онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ пойти, въ чемъ я отчасти могъ убѣдиться по слѣдующему случаю.

Нѣкоторые товарищи надумали устроить побѣгъ изъ тюрьмы путемъ подкопа. Но, какъ тщательно они не скрывали отъ Смирнова свою затѣю, онъ, однако, вскорѣ замѣтилъ ихъ приготовленія.

— Вы думаете, я не знаю, что ваши товарищи дѣлаютъ подкопъ? сказалъ онъ мнѣ, зашедши въ камеру и затворивъ за собою дверь. Только меня не подводите, а я не выдамъ.

Но однажды я самъ настоялъ, чтобы онъ донесъ на меня. Это было вскорѣ по прибытіи въ московскую центральную тюрьму. Мы знали, что уголовные каторжане тайкомъ скидаютъ кандалы, на что тюремное начальство смотрѣло сквозь пальцы, и я рѣшилъ послѣдовать ихъ примѣру, но только сбросить кандалы болѣе или менѣе открыто. Вышедши изъ камеры на площадку, на которой находился надзиратель Смирновъ, я на его глазахъ, при помощи гвоздя и молотка, разбилъ заклепки, — кандалы спали съ ногъ.

— Что же вы сдѣлали? Вѣдь теперь я буду въ отвѣтѣ! воскликнулъ Смирновъ.

— Нисколько, возразилъ я. Идите къ смотрителю и сообщите, что я разбилъ кандалы.

Поколебавшись немного, онъ послѣдовалъ моему совѣту, а вернувшись изъ конторы сообщилъ, что меня зоветъ къ себѣ смотритель. Вмѣсто выбитыхъ заклепокъ, я связалъ кольца кандаловъ веревочками и, вновь одѣвъ ихъ, отправился въ контору.

— Вы разбили кандалы? чуть не съ ужасомъ воскликнулъ старикъ-капитанъ. Я отвѣтилъ утвердительно.

— Значитъ, вы собираетесь бѣжать отсюда? умозаключилъ онъ.

— Ну подумайте, капитанъ, если-бы я дѣйствительно собирался бѣжать, неужели я сталъ-бы открыто разбивать кандалы? Конечно, нѣтъ. Будь у меня такое намѣреніе, я, наоборотъ, постарался-бы отвлечь отъ себя малѣйшее подозрѣніе. Я желаю

лишь не имѣть на ногахъ излишней тяжести, причиняющей непріятныя ощущенія.

— Но не могу же я вамъ разрѣшить не носить кандаловъ? недоумѣвалъ онъ.

— Этого вовсе и не требуется, отвѣтилъ я. Вы дѣлайте только видъ, что ничего не знаете, что „все обстоитъ благополучно".

— Ну, а если высшее начальство узнаетъ? спросилъ онъ уже нѣсколько болѣе спокойнымъ тономъ.

— Какъ же оно узнаетъ, если вы сами ему не доложите? Не придетъ же, напр., губернаторъ щупать у меня заклепки, чтобы убѣдиться желѣзныя-ли онѣ или веревочныя?

— Значитъ, при посѣщеніи тюрьмы высшимъ начальствомъ вы будете въ кандалахъ? спросилъ онъ, очевидно начиная сдаваться.

— Разумѣется! Видите, я и сюда пришелъ въ полномъ парадѣ, отвѣтилъ я, показывая на завязанные кандалы.

На этомъ мы съ нимъ разстались, довольные заключенной сдѣлкой. Такимъ образомъ, я и Чуйковъ пріобрѣли неоффиціальное право не носить кандаловъ, — Спандони же былъ освобожденъ отъ нихъ по болѣзни. Труднѣе нѣсколько было намъ добиться, чтобы насъ не брили. Мы, каторжане, однажды рѣшили просто не позволить уродовать себя, и, когда явился въ нашу башню цирульникъ, мы на отрѣзъ отказались допустить его къ себѣ. Объ этомъ, конечно, доложено было старому капитану, который вскорѣ явился усовѣщевать насъ.

— Не отъ меня исходитъ распоряженіе брить васъ, говорилъ онъ. — Что-же я могу сдѣлать?

— А вы сообщите губернатору, что мы не хотимъ добровольно подчиняться этому варварскому требованію, — пускай насильно тащутъ брить, отвѣчали мы.

Мнѣ не извѣстно, довелъ-ли онъ до свѣдѣнія высшихъ властей о нашемъ протестѣ, но фактъ тотъ, что насъ болѣе не брили до самаго увоза въ Сибирь.

Въ отношеніи режима существовала значительная разница между разными категоріями зимовавшихъ въ Бутыркахъ политическихъ ссыльныхъ. Такъ, условія заключенія и нѣкоторыя права административныхъ были нѣсколько лучшія, чѣмъ тѣ, какими пользовались поселенцы, а послѣдніе, въ свою очередь, имѣли кое-какія преимущества предъ каторжанами. Но мѣсяца два спустя почти всѣ различія въ режимѣ по-немногу сгладились, и преимущества административныхъ, а также и поселенцевъ предъ каторжанами свелись лишь къ тому, что лица этихъ двухъ категорій носили свое платье и имѣли возможность ходить на свиданія съ нашими женщинами, помѣщавшимися въ особенной башнѣ. Разрѣшенія на такія свиданія получались

отъ губернатора, къ которому заинтересованныя лица должны были обращаться съ особыми прошеніями.

Мѣстомъ для свиданій служила контора. Въ часы, когда они происходили, она имѣла довольно своеобразный видъ. Старый капитанъ сидитъ на своемъ обычномъ мѣстѣ за большимъ письменнымъ столомъ и что-то записываетъ въ одну изъ лежащихъ около него конторскихъ книгъ. У дверей стоитъ надзиратель въ тюремной формѣ съ большимъ револьверомъ въ кабурѣ и съ длинной шашкой на лѣвомъ боку. А вдоль стѣнъ на диванѣ и стульяхъ размѣстились группами лица, пришедшія на свиданія. Скудный свѣтъ, проходящій сквозь огражденныя толстыми рѣшетками окна, придаетъ особенное выраженіе лицамъ бесѣдующихъ. Среди послѣднихъ можно встрѣтить людей разныхъ возрастовъ и соціальныхъ слоевъ. Вотъ адвокатъ или врачъ, пришедшій на свиданіе къ брату-студенту. Тамъ старушка-крестьянка, пріѣхавшая изъ далека „по чугункѣ“ провѣдать своего сына, разсказываетъ про свое тяжелое житье. Рядомъ потомокъ стариннаго княжескаго рода, вмѣстѣ съ женой весело бесѣдуютъ со своимъ дядей, идущимъ въ Сибирь. Въ конторѣ стоитъ шумъ, идетъ громкій говоръ; раздаются шутки, остроты, смѣхъ. И тутъ же какая-нибудь родственница, вздыхая и охая, утираетъ катящуюся по щекѣ слезу: ей тяжело смотрѣть на блѣдныя исхудалыя лица заключенныхъ въ тюрьмѣ юношей и молодыхъ дѣвушекъ. Какъ и всюду на землѣ, здѣсь горе и радость, смѣхъ и слезы существуютъ рядомъ, — только въ тюрьмѣ чувства и настроенія проявляются свободнѣе, непринужденнѣе. Здѣсь скорѣе сглаживаются противоположности. Всѣ проще, откровеннѣе. Посѣтители быстро знакомятся другъ съ другомъ, а также и съ заключенными и приходящими на свиданія. Въ тюрьмѣ для политическихъ нѣтъ привиллегированныхъ, — она всѣхъ сравниваетъ и соединяетъ общимъ всѣмъ горемъ и страданіемъ...

Какъ нетрудно заранѣе себѣ представить, отпускавшаяся отъ казны пища была чрезвычайно плоха: даже мало привередливый человѣкъ, при сильномъ голодѣ, могъ проглотить лишь нѣсколько ложекъ той отвратительной похлебки, которая разносилась въ деревянныхъ бакахъ по камерамъ. Такія свойства этой пищи объяснялись, конечно, ничтожными размѣрами казенныхъ продуктовъ, которые къ тому-же подвергались многочисленнымъ урѣзываніямъ въ разныхъ инстанціяхъ. Послѣ нѣсколькихъ пробъ этой пищи мы рѣшили устроить свой собственный столъ. Для этого нашъ староста, завѣдывавшій артельнымъ нашимъ хозяйствомъ, подрядилъ одного изъ арестантовъ, который долженъ былъ изъ нашихъ продуктовъ готовить для насъ отдѣльно отъ уголовныхъ. Но нельзя сказать, чтобы и собственная наша

пища была особенно обильна и гастрономична, — причиной этого являлась крайняя ограниченность получаемыхъ нами въ обшемъ средствъ. Въ цѣляхъ экономіи нѣкоторые изъ насъ предложили замѣнить обыкновенное скотское мясо кониной, хотя и первое въ то время стоило сравнительно очень дешево. Сдѣлана была проба. Оказалось, что, хотя конина жесткая и не особенно вкусна, но ѣсть ее можно было безъ отвращенія. Нашлось однако два-три человѣка, которые утверждали, что ихъ тошнитъ отъ конины. Считая это утвержденіе результатомъ вкоренившагося предубѣжденія, остальные члены нашей артели, согласившись между собою, заявили этимъ мнительнымъ лицамъ, что для нихъ будутъ готовить пищу изъ обыкновеннаго мяса. Въ дѣйствительности же имъ подавалась также конина, только нѣсколько иначе приготовленная, напр., въ видѣ котлетъ, битковъ и т. п. Глядя на то, какъ мы открыто ѣли конину, иной изъ этихъ мнительныхъ людей заявлялъ, что его тошнитъ отъ одного только внѣшняго вида нашей пищи, а мы, въ свою очередь, съ трудомъ удерживались отъ смѣха, наблюдая, съ какимъ аппетитомъ онъ самъ уплеталъ ту же конину. Когда же по прошествіи нѣкотораго времени этимъ мистифицируемымъ лицамъ кто-то сообщилъ, что они также питались кониной, то они заднимъ числомъ стали утверждать, что они всегда чувствовали нѣчто непріятное въ пищѣ и разстроили себѣ желудки.

Кромѣ родственниковъ и вообще близкихъ людей, заботившихся объ улучшеніи нашего матеріальнаго положенія, не мало также дѣлали въ этомъ отношеніи нѣкоторыя лица, совершенно несвязанныя съ заключенными узами родства. Я имѣю въ виду членовъ революціоннаго Краснаго Креста. Только очутившись въ тюрьмѣ или въ ссылкѣ и не имѣя на волѣ близкихъ людей, многіе оцѣнили значеніе этихъ безкорыстныхъ и скромныхъ дѣятельницъ, посвятившихъ себя задачѣ оказывать помощь лицамъ, преслѣдуемымъ правительствомъ за политическія преступленія. Мнѣ случалось видѣть выраженія удовольствія и благодарности на лицахъ такихъ одинокихъ людей, когда они получали съ воли ту или иную необходимую имъ вещь, заботливо пріобрѣтенную и доставленную имъ совсѣмъ незнакомой женщиной, членомъ Краснаго Креста.

Нашей партіи, кажется, особенно посчастливилось въ этомъ отношеніи. Задолго до наступленія времени отправки насъ въ Сибирь, мы получили съ воли предложеніе составить списокъ всего необходимаго для предстоящаго намъ далекаго путешествія. Не трудно представить себѣ, какую массу мелкой хлопотливой заботы, а также труда, брали на себя великодушныя женщины — члены Краснаго Креста. Въ ихъ стараніяхъ помочь заключеннымъ и ссыльнымъ было много трогательнаго-

Хотя мы, какъ соціалисты, совершенно не придерживаемся никакой религіи, тѣмъ не менѣе, на сколько мнѣ извѣстно, во всѣхъ мѣстахъ заключенія, гдѣ только представлялась къ тому возможность, лица самыхъ различныхъ по происхожденію національностей — евреи, поляки, нѣмцы, — не отказывались принимать участіе въ большихъ русскихъ праздникахъ — Рождествѣ Христова и Свѣтломъ Воскресеньи. Участіе это, правда, выражалось лишь въ улучшеніи на эти дни пищи, такъ какъ родственники, знакомые и члены Краснаго Креста доставляли въ тюрьмы разные съѣстные продукты и даже лакомства.

Особенно весело отпраздновали мы въ Бутыркахъ ночь подъ Свѣтлое Воскресенье. Губернаторъ разрѣшилъ намъ встрѣтить его сообща въ башнѣ, гдѣ помѣщались административно-ссылаемые. Тамъ, подъ наблюденіемъ помощника смотрителя и надзирателей, мы оставались всѣ вмѣстѣ — мущины и женщины — съ наступленія вечера почти до разсвѣта, и предавались небывалому въ тюрьмѣ веселью: шутки и смѣхъ смѣшивались со звуками пѣсни, затѣмъ появилась откуда-то гармоника и развеселившаяся молодежь пустилась танцовать. Но я увѣренъ, что и во время этого веселья едва-ли кто забывалъ, что онъ въ тюрьмѣ, за желѣзными рѣшетками...

У насъ, въ Россіи существуетъ сфера отношеній, являющаяся привиллегіей политическихъ заключенныхъ, — я имѣю въ виду признаніе всякаго рода начальствомъ, что политическаго нельзя третировать совершенно такъ, какъ уголовнаго. По крайней мѣрѣ такъ было въ описываемые мною годы. Не малую роль въ такомъ отношеніи къ намъ властей играло сознаніе политическими своей правоты и присущее имъ чувство собственнаго достоинства. Оскорбленіе этого чувства со стороны кого-либо изъ администраціи вызывало, — какъ и теперь это случается, — тюремныя исторіи. Примѣромъ того, какъ мы обучали начальство вѣжливости, можетъ послужить слѣдующій случай.

Изъ Петербурга къ намъ пріѣхалъ начальникъ главнаго тюремнаго управленія Галкинъ-Врасскій. Онъ внушалъ всей зависѣвшей отъ него администраціи неимовѣрное благоговѣніе, смѣшанное со страхомъ. Въ сознаніи важности занимаемаго имъ поста, а также, вѣроятно, и чина, Галкинъ-Врасскій держалъ себя чрезвычайно высокомѣрно. При посѣщеніи имъ нашей тюрьмы, среди насъ распространился слухъ, что онъ, заходя въ камеры, не снимаетъ съ головы шляпы. Мы немедленно рѣшили проучить его, условившись, что первый изъ насъ, къ которому онъ зайдетъ, преподастъ ему урокъ вѣжливости. Въ сопровожденіи большой свиты вошелъ Галкинъ-Врасскій въ

первую камеру нашей — Пугачевской башни, въ которой помѣщался, какъ я уже упоминалъ выше, осужденный въ Кіевѣ на поселеніе студентъ духовной академіи, Петръ Дашкевичъ. Лишь только переступивъ порогъ, Галкинъ-Врасскій открылъ ротъ и задалъ обычный вопросъ: „не имѣете-ли чего заявить?“ — какъ Дашкевичъ спокойнымъ тономъ замѣтилъ ему: — Могу заявить вамъ, что вы очень невѣжливы: заходите въ камеру, не снявъ шляпы.

Галкинъ-Врасскій быстро повернулся и вышелъ; свита, въ присутствіи которой онъ, важный сановникъ, выслушалъ наставленіе отъ юноши-арестанта, смущенно послѣдовала за нимъ.

— По какому онъ дѣлу? спросилъ Галкинъ-Врасскій, имѣя въ виду Дашкевича, когда всѣ очутились на площадкѣ передъ нашими камерами.

— По Кіевскому, отвѣтилъ кто-то.

— А, изъ тѣхъ, которые тамъ бунтовали! воскликнулъ онъ и направился въ другія камеры, но уже держа цилиндръ въ рукѣ.

Галкинъ-Врасскій отплатилъ Дашкевичу за урокъ вѣжливости: хотя по суду послѣдній былъ приговоренъ на поселеніе въ Сибирь, „въ мѣста, не столь отдаленныя“, но начальникъ тюремъ постарался, чтобы его сослали въ отдаленнѣйшія, а именно — въ с. Тунку Иркут. губ. *)

*) Оттуда Дашкевичу удалось вскорѣ бѣжать за-границу.

V.

Въ Сибирь. — По этапамъ.

Съ наступленіемъ весны мы стали готовиться къ предстоявшему намъ далекому путешествію. Самый важный для насъ вопросъ — количество багажа, какое мы, каторжане, сможемъ взять съ собою — разрѣшился въ благопріятномъ смыслѣ.

По инструкціи, лицамъ, лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія, разрѣшалось имѣть при себѣ не болѣе 25 фунт. на каждаго, между тѣмъ одни только казенныя вещи имѣли этотъ вѣсъ, слѣдовательно, нельзя было-бы везти съ собою книгъ, каковыхъ у насъ накопилось не мало за время сидѣнія въ Бутыркахъ.*)

Но передъ отправкой въ путь начальство сообщило намъ, что вѣсъ багажа будетъ распредѣляться на всѣхъ отправляемыхъ въ партіи, а такъ какъ административнымъ дозволялось имѣть по пяти пудовъ на каждаго, у многихъ же изъ нихъ было очень мало вещей, то мы, каторжане, могли взять съ собою полученныя вещи и книги, которыя, раньше выдачи ихъ намъ, конечно, предварительно просматривались. Въ связи съ этимъ произошелъ такой курьезъ.

Студентъ Рубинокъ, о которомъ я упоминалъ выше, обратился къ вице-губернатору, кн. Голицыну съ вопросомъ, можетъ-ли онъ взять съ собою „Капиталъ" Маркса?"

— Какъ же вы возьмете чужой капиталъ? съ недоумѣніемъ спросилъ кн. Голицынъ, очевидно никогда не слыхавшій о такой книгѣ.

Предъ отъѣздомъ среди насъ возникъ вопросъ, не оставить-ли старику-капитану какого-либо цѣннаго подарка на память. Но онъ какимъ-то образомъ узналъ объ этомъ намѣреніи и энергично возсталъ противъ него, говоря, что деньги намъ самимъ очень пригодятся въ будущемъ. Не помню, было-ли что-нибудь куплено ему. Однако, нѣсколько дней спустя, послѣ признанныхъ нами заслугъ и прекрасныхъ качествъ капитана Мальчинскаго, онъ возбудилъ въ насъ крайнее негодованіе и возмущеніе. Случилось это передъ самымъ нашимъ уходомъ изъ Москвы въ Сибирь.

Власти очевидно мирились съ тѣмъ фактомъ, что мы въ тюрьмѣ ходили раскованные и не съ бритыми головами. Но предъ отправкой въ путь насъ вновь захотѣли побрить и заковать, такъ какъ, будто бы конвойный офицеръ иначе не согла-

*) Между прочимъ, гр. Л. Н. Толстой прислалъ намъ черезъ знакомаго, кромѣ экземпляра собранія его сочиненій, еще исторію Россіи С. Соловьева.

шался принять насъ въ партію. Мы, каторжане, на-отрѣзъ отказались подчиниться этому требованію, и всѣ остальные товарищи выразили готовность поддержать нашъ протестъ, какія-бы формы онъ не принялъ.

Наступилъ часъ пріема насъ въ партію. Это было утромъ. Мы рѣшили не идти по-одиночкѣ въ то помѣщеніе, гдѣ происходила пріемка и держались всѣ вмѣстѣ. Начальство видѣло, что, употреби оно насиліе, выйдетъ крупный скандалъ; поэтому оно пустило въ ходъ дипломатическую хитрость: оно сдѣлало видъ, что вовсе не настаиваетъ на томъ, чтобы насъ непремѣнно побрили, и пріемка насъ всѣхъ офицеромъ вскорѣ закончилась. Вотъ вся партія совсѣмъ почти уже готова къ отправкѣ, но кто-то изъ тюремной администраціи сообщаетъ намъ, каторжанамъ, что мы можемъ получить отъ доктора свидѣтельство на право пользоваться въ пути подводой, — по инструкціи каторжане должны слѣдовать пѣшкомъ. Ничего не подозрѣвая, мы всѣ трое — Спандони, Чуйковъ и я — пожелали запастись такими свидѣтельствами и пошли къ доктору. Но едва только мы вышли изъ помѣщенія, въ которомъ мы были вмѣстѣ со всѣми остальными членами нашей партіи, какъ мы поняли, что намъ устроили ловушку: со всѣхъ сторонъ насъ окружили приставники, и капитанъ приказалъ, чтобы насъ побрили и заковали. Но мы рѣшили сопротивляться. Уцѣпившись за что попало, мы не давали себя стаскивать съ мѣста; при этомъ не мало влетѣло подзатыльниковъ надзирателямъ. Въ концѣ концовъ, они, конечно, одержали надъ нами верхъ: каждаго изъ насъ они на рукахъ приносили и насильно держали на стулѣ, пока цирюльникъ брилъ полъ-головы; тоже дѣлали они и во время заковки.

Участіе капитана въ этомъ обманѣ и насиліи надъ нами было достаточной причиной, чтобы онъ потерялъ въ глазахъ, если не всѣхъ, то многихъ изъ насъ расположеніе, которымъ онъ раньше пользовался. Наше затѣмъ прощаніе съ нимъ было болѣе, чѣмъ холодное.

Это было въ половинѣ мая. Погода стояла прекрасная; солнце уже довольно сильно грѣло; въ воздухѣ было тихо, спокойно. Но съ этой чудной погодой совсѣмъ не гармонировало наше настроеніе. Изъ тюрьмы на вокзалъ большинство изъ насъ предпочло отправиться пѣшкомъ. Мы представляли довольно значительныхъ размѣровъ толпу, имѣвшую очень оригинальный характеръ. Бритые арестанты съ кандалами на ногахъ и съ бубновыми тузами на сѣрыхъ арестантскихъ халатахъ шли рядомъ съ мущинами и женщинами, одѣтыми въ разнообразные европейскіе костюмы. Преобладающій элементъ этой пестрой кучки въ пятьдесятъ съ чѣмъ-то человѣкъ составляла, конечно, юная молодежь; было нѣсколько человѣкъ среднихъ

лѣтъ и двѣнадцать женщинъ, изъ нихъ три добровольно слѣдовали за своими мужьями въ административную ссылку въ Сибирь.

Сцена насильственнаго бритья и заковыванія насъ, каторжанъ, повидимому произвела на многихъ тяжелое впѣчатлѣніе. Молча двигались мы по направленію къ вокзалу. Когда мы размѣстились въ двухъ вагонахъ, на платформѣ появилось нѣсколько лицъ — родственники и знакомые, пришедшіе проводить насъ. Жандармы не допускали ихъ подходить близко къ окнамъ вагоновъ. Поэтому мы громко выкрикивали другъ другу свои прощальныя привѣтствія и пожеланія.

— Будьте здоровы и счастливы! Не забывайте насъ! раздавалось изъ вагоновъ.

— Не унывайте! Не теряйте бодрости! Возвращайтесь скорѣе изъ Сибири! слышалось въ отвѣтъ со стороны провожавшихъ.

Но вотъ раздался третій звонокъ.

— Запойте на прощанье! послышались крики съ платформы, и стройный хоръ за зиму спѣвшихся голосовъ изъ нашего вагона затянулъ „Ой тамъ за Дунаемъ“. При тихомъ вначалѣ движеніи отходившаго отъ станціи поѣзда, грустные звуки этой малорусской пѣсни производили особенно сильное впечатлѣніе. Провожавшіе не могли удержать подступившихъ слезъ, перешедшихъ у нѣкоторыхъ въ громкое рыданіе. Но усилившійся шумъ колесъ вскорѣ заглушилъ и плачъ, и звуки пѣсни.

Когда поѣздъ остановился на ближайшей станціи, къ окну вагона, у котораго я сидѣлъ, подошла старуха-крестьянка и подавая мнѣ копѣйку, сказала: „на, бери, помолись!“ Я сперва отказался, посовѣтовавъ ей дать эту монету другому, но затѣмъ взялъ ее на память и долго потомъ хранилъ.

Чѣмъ больше мы удалялись отъ Москвы, тѣмъ тоскливѣе становилось на душѣ, — словно въ этомъ городѣ я навсегда оставлялъ самыхъ близкихъ людей.

Утромъ слѣдующаго дня мы прибыли въ Нижній. Здѣсь намъ нужно было пересѣсть на баржу, буксируемую пароходомъ, чтобы по р. р. Волгѣ и Камѣ плыть до г. Перьми. Насъ помѣстили въ двухъ каютахъ, мужчинъ отдѣльно отъ женщинъ, но въ общемъ нашемъ распоряженіи была палуба, покрытая желѣзной рѣшеткой. Пищу мы готовили сами изъ покупаемой по-пути провизіи. На водѣ намъ предстояло пробыть нѣсколько дней, и это обстоятельство, послѣ продолжительнаго тюремнаго заключенія, доставляло намъ большое наслажденіе. Особенно хорошо бывало при солнечныхъ закатахъ. Вся наша публика собиралась въ это время на палубѣ, и отличный хоръ нашъ затягивалъ любимыя пѣсни. Сидишь гдѣ-нибудь въ сторонѣ, у борта, прислонившись головой къ рѣшеткѣ и, слушая знакомые,

преимущественно грустные мотивы, смотришь на гладкую поверхность широкой рѣки. Движеніе баржи не производитъ ни малѣйшаго шума — словно она неподвижно стоитъ на одномъ мѣстѣ. Появлявшіяся, съ наступленіемъ вечера, звѣзды, пріобрѣтали какой-то особенно яркій цвѣтъ, отражаясь въ водѣ. Все кругомъ — рѣка, звѣздное небо и пѣніе невольно переносили меня на другую, также великую, рѣку, — на широкій Днѣпръ, на берегахъ котораго я провелъ дѣтство и юность.

Въ Перьми мы вновь размѣстились въ двухъ вагонахъ, чтобы по желѣзной дорогѣ проѣхать въ Екатеринбургъ.

Теперь, съ проведеніемъ сибирской желѣзной дороги, перевозка арестантовъ совершается очень просто; въ описываемое же мною время это былъ очень длинный и сложный процессъ. Переночевавъ въ екатеринбургской тюрьмѣ, мы утромъ должны были отправиться до перваго сибирскаго города — Тюменя — на тройкахъ. На каждой телегѣ полагалось помѣститься четыремъ политическимъ съ двумя конвойными солдатами, слѣдовательно, вмѣстѣ съ ямщикомъ по семи человѣкъ. Нѣкоторые изъ нашей партіи нашли такое количество людей слишкомъ большимъ и стали требовать, чтобы увеличено было число телѣгъ. Сопровождавшій насъ конвойный офицеръ заявилъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать. Протестовавшіе-же доказывали, что будетъ очень неудобно и утомительно трое сутокъ ѣхать при такомъ числѣ сѣдоковъ и на-отрѣзъ отказывались добровольно садиться въ телѣги. Время, между тѣмъ, шло, а наша партія не трогалась съ мѣста. Большинству изъ насъ этотъ вопросъ о неудобствѣ ѣзды не казался столь важнымъ, чтобы изъ-за него стоило вызывать, быть можетъ, крупное столкновеніе, если-бы офицеръ отдалъ солдатамъ приказаніе усаживать насъ насильно.

— Не имѣетъ смысла изъ-за этого вызывать исторію! стали раздаваться голоса, но невозможно было убѣдить въ этомъ болѣе пылкихъ. Тогда кому-то пришла мысль сдѣлать пробу, насколько стѣснительно размѣститься въ телѣгахъ по шести человѣкъ. Явилось нѣсколько охотниковъ, которые нашли, что вполнѣ возможно ѣхать въ требуемомъ офицеромъ количествѣ людей. Ихъ примѣру послѣдовали другіе; протестанты поневолѣ подчинились большинству, хотя не безъ выраженія своего неудовольствія, и столкновеніе было такимъ образомъ устранено.

Еще когда мы ѣхали по Волгѣ и Камѣ, уже опредѣлились группы для ѣзды на тройкахъ. При этомъ кто-то предложилъ предоставить нашимъ женщинамъ право выбора кавалеровъ. Многіе изъ мужчинъ охотно приняли это предложеніе; но нашлось и нѣсколько „противниковъ женскаго пола“, вовсе не

желавшихъ ѣхать въ обществѣ дамъ. Эти „женоненавистники“ состояли преимущественно изъ наиболѣе юной молодежи.

За Ураломъ весна только начиналась тогда; деревья лишь покрывались листвой и въ воздухѣ чувствовалась особенная легкость. Въ давно описанной ѣздѣ на тройкахъ для насъ было особенно много привлекательнаго. Вытянувшись гуськомъ на большомъ пространствѣ, тройки наши быстро мчались впередъ. Съ гиканьемъ и свистомъ ямщики погоняли лошадей, заставляя ихъ въ гору нестись вскачь. Шутки, смѣхъ и пѣсни раздавались съ нѣкоторыхъ телѣгъ; но далеко не у всѣхъ приближавшихся къ Сибири было весело на душѣ.

Въ одинъ изъ первыхъ дней ѣзды на тройкахъ, не доѣзжая до мѣста перепряжки, ѣхавшіе впереди вдругъ остановились у какого-то столба. Всѣ стали вылѣзать изъ телѣгъ. Оказалось, что то былъ знаменитый столбъ, на одной сторонѣ котораго имѣется надпись „Европа“, а на другой „Азія“. Пятнадцать мѣсяцевъ прошло тогда, со времени моего ареста. — „Сколько же еще лѣтъ предстоитъ мнѣ провести въ Сибири?“ — естественно являлся у меня вопросъ, когда я, вмѣстѣ съ другими, стоялъ у этого пограничнаго знака.

Въ описываемое мною время г. Тюмень былъ главнымъ пунктомъ въ Сибири, въ которомъ производилось распредѣленіе ссыльныхъ: оттуда ихъ отправляли въ разныя направленія, — однихъ на югъ, другихъ — на сѣверъ и востокъ. Нашей партіи также предстояло раздѣлиться въ этомъ городѣ. Но, за исключеніемъ насъ четырехъ каторжанъ, шедшихъ на Кару, никто изъ ссыльныхъ остальныхъ категорій не зналъ не только губернію или область, въ какую его пошлютъ, но ему не было даже извѣстно, отправятъ-ли его на сѣверъ или югъ. Между тѣмъ условія жизни въ столь противоположныхъ направленіяхъ, конечно, чрезвычайно различны. Естественно, поэтому, что большинство нашей партіи съ нетерпѣніемъ ожидало прихода въ Тюмень, гдѣ должна была рѣшиться судьба многихъ. Кромѣ того, въ Тюмени, какъ намъ было извѣстно, изъ году въ годъ происходили по разнымъ поводамъ столкновенія между ссыльными и администраціей. Поэтому, не доѣзжая еще до Тюмени, мы стали обсуждать, какъ намъ вести себя тамъ съ начальствомъ. На этапахъ состоялось у насъ нѣсколько собраній, которыя, какъ часто бываетъ у насъ въ аналогичныхъ случаяхъ, ни къ чему не приводили: собранія происходили безъ предсѣдателя; поэтому, всѣ говорили одновременно и, конечно, ни до чего не договаривались.

Уже у воротъ тюменской тюрьмы произошла у насъ размолвка съ администраціею: она пожелала отдѣлить нашихъ женщинъ, помѣстивъ ихъ въ особомъ зданіи, мы же воспротиви-

лись этому, такъ какъ такое раздѣленіе было неудобно для насъ въ хозяйственномъ отношеніи. Въ концѣ концовъ администрація уступила намъ въ этомъ вопросѣ. Не такъ просто окончилось другое столкновеніе.

Вскорѣ, по прибытіи въ Тюмень, мы узнали, что значительную часть административныхъ нашей партіи, назначенныхъ на югъ, намѣрены отправить туда этапнымъ порядкомъ. Такой способъ отправки сопряженъ былъ со многими неудобствами, а между тѣмъ ихъ легко было избѣгнуть, если-бы ссылаемыхъ на югъ отправляли не сухимъ путемъ, а по рѣкамъ на пароходѣ. Уже и раньше у каждой партіи происходили столкновенія съ администраціей изъ-за этапнаго способа отправки. Наши административные, назначенные на югъ, также отказались добровольно подчиниться этому требованію начальства. Вновь состоялись у насъ бурныя собранія, въ результатѣ которыхъ рѣшено было послать телеграмму губернатору съ просьбой отправить лицъ, назначенныхъ на югъ, водянымъ путемъ.

Когда наступилъ день ухода этихъ административныхъ и ихъ по-одиночкѣ стали вызывать въ партію, мы всѣ рѣшительно воспротивились этому, и начальство вновь уступило намъ, но какъ вскорѣ оказалось лишь на время.

Не знаю, случайно или нарочно, вмѣсто письменнаго отвѣта, губернаторъ самъ пріѣхалъ къ намъ изъ Тобольска и, на сколько могу теперь припомнить, въ бесѣдѣ съ нами обѣщалъ исполнить общую просьбу нашей партіи объ отправкѣ южанъ водянымъ путемъ. Обнадеженные такимъ обѣщаніемъ, мы успокоились и стали собираться въ дальнѣйшій путь, такъ какъ въ одинъ изъ ближайшихъ дней предстоялъ отъѣздъ тѣхъ изъ нашей партіи, которыхъ отправляли на сѣверъ Тобольской губ и въ Восточную Сибирь. Таковыхъ было около двадцати человѣкъ; кромѣ административныхъ, въ ихъ число входили мы, каторжане, и четверо поселенцевъ: Макаръ Васильевъ, П. Дашкевичъ, Л. Чемоданова и В. Щулепникова.

Между тѣмъ, послѣ нашего отъѣзда изъ Тюмени, какъ мы потомъ узнали, когда тамъ остались лишь административные, назначенные на югъ, власти объявили имъ, что ихъ просьба объ отправкѣ водянымъ путемъ не будетъ исполнена: не желая, очевидно вызвать крупнаго столкновенія, пока въ Тюмени находилась вся наша партія, начальство придумало отложить свой отказъ до ухода значительной части ея. Такой пріемъ крайне возмутилъ оставшихся, и они на отрѣзъ отказались подчиниться требованію идти по этапу. Тогда солдатамъ приказано было насильно тащить ихъ изъ камеръ и усаживать въ телѣги. При этомъ происходили столкновенія, къ счастью не имѣвшія ни для кого тяжелыхъ послѣдствій.

Изъ Тюмени намъ, отправленнымъ на сѣверо-востокъ, пред-

стояло въ описываемое время совершить продолжительное путешествіе воднымъ путемъ: по Турѣ, на которой стоитъ Тюмень, приходилось плыть до ея сліянія съ Тоболомъ, по послѣднему, до его впаденія въ Иртышъ, затѣмъ по Иртышу до Оби, повернувъ вверхъ по теченію которой, плыть до впаденія въ нее Томи, на каковой и находится г. Томскъ. Намъ, такимъ образомъ, нужно было сдѣлать болѣе 3.000 верстъ и пробыть на водѣ около двухъ недѣль.

Какъ и во время путешествія по Волгѣ и Камѣ, мы вновь размѣстились въ двухъ каютахъ арестантской баржи, буксируемой пароходомъ. Плаваніе по перечисленнымъ сибирскимъ рѣкамъ не представляло особеннаго интереса. Не смотря на іюнь мѣсяцъ (н. с.), ничто кругомъ не напоминало наступленія весны и мѣстами попадались еще плывшія внизъ льдины, а по вечерамъ бывало даже довольно холодно. Передъ нашими глазами разстилалась водная поверхность, нерѣдко скрывавшая берега, что обусловливалось весеннимъ разливомъ. Кругомъ все было пустынно и мертво; на громадныхъ пространствахъ часто не видно было ни малѣйшихъ признаковъ человѣческаго существованія. Это отсутствіе жизни, въ связи съ все усиливавшимся холодомъ, по мѣрѣ нашего приближенія къ сѣверу, временами дѣйствовало самымъ удручающимъ образомъ на настроеніе.

„И здѣсь, гдѣ-то въ тундрахъ и тайгѣ живутъ люди!“ — помню, приходило мнѣ въ голову, и я съ ужасомъ представлялъ себѣ, что лишь много, много лѣтъ спустя, по окончаніи каторги, я получу право поселиться въ подобномъ, а то и въ худшемъ мѣстѣ; но я къ тому же не буду пользоваться и той жалкой свободой, какой обладаетъ несчастный аборигенъ этихъ глухихъ лѣсовъ — самоѣдъ или остякъ.

Нѣсколько разъ пароходъ приставалъ къ берегу для нагрузки дровъ или къ двумъ-тремъ пристанямъ, бывшимъ на всемъ нашемъ обширномъ пути. Тогда на жалкихъ своихъ яликахъ подплывали къ нашей баржѣ остяки и предлагали намъ за безцѣнокъ рыбу.

Кромѣ Тобольска, намъ на этомъ огромномъ пути встрѣтились еще лишь два населенныхъ пункта, носившіе названія „городовъ“ — Сургутъ и Нарымъ. Въ этихъ мѣстахъ, да еще въ находящемся чуть не на самомъ сѣверѣ материка — Березовѣ — должны были остаться нѣкоторые изъ шедшихъ съ нами административно-ссыльныхъ. Нетрудно представить себѣ каковы были въ то время — да и теперь еще — условія жизни ссыльныхъ въ этихъ „городахъ“, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ десятковъ жалкихъ деревянныхъ избъ и населенныхъ полу-русскими полу-туземцами, которые сами еле перебивались, главнымъ образомъ, одной лишь рыбой. Между тѣмъ, въ такіе пункты ссылаютъ на продолжительные сроки даже несовершеннолѣт

нихъ. Одну мою знакомую сослали въ Березовъ, когда ей было всего 17 лѣтъ, и она провела тамъ цѣлыхъ 12 лѣтъ!

Наконецъ, мы дотащились до Томска. Тамъ въ то время находилось нѣсколько политическихъ ссыльныхъ, и лишь только мы пристали къ берегу, какъ нѣкоторые изъ нихъ немедленно пришли къ намъ на баржу. Одна изъ явившихся оказалась моей старой знакомой, съ которой мы не видѣлись шесть лѣтъ. Бритаго, въ арестантскомъ нарядѣ она меня совсѣмъ не могла узнать; когда же я назвалъ себя, она, съ грустью покачивая головой, долго повторяла: „совсѣмъ, совсѣмъ не тотъ!“

На баржу вскорѣ явились члены мѣстнаго тюремнаго вѣдомства и, сличая каждаго изъ насъ съ имѣвшимися при статейныхъ спискахъ фотографическими карточками, стали производить пріемку насъ отъ конвойнаго офицера. По окончаніи этой процедуры, насъ повели въ пересыльную тюрьму. По дорогѣ туда, не смотря на окружавшую насъ цѣпь конвойныхъ, къ намъ совершенно неожиданно протискались двѣ незнакомыя намъ молодыя дѣвушки, вскорѣ оказавшіяся административно-ссыльными, сестрами П. Замѣтивъ ихъ внезапное появленіе, солдаты потребовали, чтобы барышни удалились, но имъ не легко было этого добиться. Быстро перебѣгая отъ одного къ другому и тутъ же наскоро рекомендуясь намъ, сестры П. были непреклонны въ своемъ рѣшеніи познакомиться со всѣми и только наскоро перецѣловавшись съ нами, онѣ, наконецъ, согласились выйти изъ круга; идя затѣмъ рядомъ съ нами внѣ цѣпи, эти дѣвушки проводили насъ до самой тюрьмы, находившейся далеко отъ пристани.

Такъ называемая „пересыльная“ состояла изъ нѣсколькихъ старыхъ деревянныхъ строеній и изъ наскоро сколоченныхъ изъ досокъ бараковъ, въ каковыхъ въ то время помѣщалось болѣе тысячи человѣкъ уголовныхъ разныхъ категорій, возрастовъ и сословій; они такъ же, какъ и мы, политическіе, вполнѣ свободно расхаживали по всѣмъ направленіямъ и закоулкамъ обширнаго двора, и мы, такимъ образомъ, имѣли возможность знакомиться другъ съ другомъ. До Томска мы, политическіе, ѣхали совершенно изолированно отъ уголовныхъ, и лишь отъ этого города въ тѣ времена начиналось наше совмѣстное съ ними этапное путешествіе на востокъ. Мое непосредственное и близкое знакомство съ „міромъ отверженныхъ“, въ сущности, началось съ этого пункта.

Однажды, когда я слонялся по обширному тюремному двору, ко мнѣ подошелъ какой-то уголовный. Это былъ здоровый, съ рѣшительными чертами лица, рыжій мущина, лѣтъ за тридцать на видъ. По арестантскимъ понятіямъ онъ былъ одѣтъ франтомъ: изъ-подъ казеннаго халата, слегка накинутаго на его плечи, видна была связанная у ворота тесемкой чистая

Бѣлая рубаха, которую обхватывалъ шитый изъ яркой матеріи поясъ; къ послѣднему до того искусно были подвѣшены кандалы, что при ходьбѣ они почти не производили звона; изящно связанные ремнями подкандальники вполнѣ можно было принять за голенища сапогъ; нѣсколько на бокъ сдвинутая шапка безъ козырька также гармонировала со всѣми другими частями изысканнаго туалета, а закрученные усы не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что ихъ обладатель принадлежитъ къ арестантской аристократіи.

— На много лѣтъ идете? спросилъ онъ меня, послѣ обмѣна привѣтствіями.

Когда я отвѣтилъ на этотъ вопросъ, онъ продолжалъ: — И вы думаете идти?

— По неволѣ пойдешь! сказалъ я.

— Можно не идти: мы устроимъ вамъ смѣнку*).

Я зналъ, что онъ имѣлъ въ виду: такимъ способомъ, т. е. смѣнявшись съ уголовными, бѣжали въ 1879 г. Дебагорій-Мокріевичъ, Павелъ Орловъ и Владиславъ Избицкій. Но, какъ только это открылось, начальство ввело нѣкоторые пріемы, сдѣлавшіе смѣнки для политическихъ каторжанъ совершенно невозможными: кромѣ фотографическихъ карточекъ при статейныхъ спискахъ, насъ отъ города до города сопровождалъ спеціальный конвой; такимъ образомъ, каждаго изъ насъ знали въ лицо приставленные къ намъ солдаты.

Когда я указалъ своему собесѣднику на всѣ эти обстоятельства, какъ на непреодолимыя препятствія къ смѣнкѣ, онъ убѣжденнымъ тономъ воскликнулъ:

— Пустяки: мы обойдемъ всѣ помѣхи!

---

*) Уголовные арестанты въ тюрьмахъ и въ пути на каторгу устраиваютъ такъ: осужденный въ каторжныя работы сговаривается съ другимъ, идущимъ въ Сибирь на поселеніе, помѣняться фамиліями. За ничтожное вознагражденіе въ нѣсколько руб., подъ давленіемъ нужды и арестантской артели, проигравшійся поселенецъ беретъ на себя преступленіе каторжанина и при повѣркахъ отзывается на его фамилію, а каторжанинъ — на фамилію этого поселенца. Когда же партія приходитъ на мѣсто, откуда производится распредѣленіе пересылаемыхъ арестантовъ, то въ назначенномъ пунктѣ остается не поселенецъ, а каторжанинъ. Съ этого пункта послѣдній немедленно пускается „бродяжить“ по Сибири, а то пробирается и на родину. Поселенецъ же, лишь по прошествіи нѣкотораго времени, пришедши уже на каторгу, объявляетъ начальству, что его фамилія иная, и что онъ обмѣнялся съ такимъ-то. За такую смѣнку поселенца приговариваютъ къ 4 годамъ каторжныхъ работъ и 100 плетямъ. Вожаки артели строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы лица, взявшія на себѣ такія обязательства, точно ихъ исполняли; въ противномъ случаѣ ихъ тѣмъ или инымъ способомъ убиваютъ.

— Какимъ образомъ? поинтересовался я.

— А вотъ видите этотъ колодезь: въ немъ каждую весну находятъ утопленника. Поняли?

Я не могъ сообразить, что онъ имѣлъ въ виду. Мое недоумѣніе онъ разъяснилъ слѣдующимъ образомъ. Мнѣ устроятъ „смѣнку“ съ уголовнымъ арестантомъ, имѣющимъ подходящія къ моимъ примѣты. Но, что бы, при сличеніи уголовнаго съ моей фотографической карточкой, не могла открыться наша сдѣлка, франтъ предлагалъ убить моего смѣнщика и, изуродовавъ его лицо, бросить трупъ въ колодезь. Тогда начальство, не найдя меня среди политическихъ, предположитъ, что я или бѣжалъ, или убитъ и брошенъ въ колодезь. Между тѣмъ, я вышелъ-бы на поселеніе, откуда легко уже бѣжать. За выполненіе этого ужаснаго и вмѣстѣ фантастическаго плана мой собесѣдникъ просилъ какую-то ничтожную сумму — въ 20 или 30 руб., конечно, для себя и ему подобныхъ воротилъ артели, — для „Ивановъ“, безъ согласія и содѣйствія которыхъ ничто не дѣлается: они руководятъ всѣмъ въ тюрьмахъ и въ пути; масса же безпрекословно подчиняется ихъ распоряженіямъ, какъ бы несправедливы и жестоки они ни были.

Со словъ франта я понялъ, что онъ принадлежитъ къ бродягамъ — „Ивапамъ“. Онъ излагалъ мнѣ свой планъ съ такимъ спокойствіемъ и равнодушіемъ, словно рѣчь его касалась самой простой, обыденной сдѣлки, а не ужаснѣйшаго заговора противъ одного изъ ни въ чемъ неповинныхъ его же товарищей. Конечно, я отклонилъ это предложеніе.

Въ Томскѣ отъ насъ отдѣлилось еще трое, и всего политическихъ осталось четырнадцать человѣкъ. Но и этихъ начальство хотѣло раздѣлить на двѣ партіи, чтобы бывшія съ нами три молодыя дѣвушки — Марія Калюжная, Варвара Щулепникова и Любовь Чемоданова — пошли дальше при такъ называемой „семейной партіи“, а мы, мущины — при холостой. Опасаясь, что нашимъ женщинамъ придется перенести массу лишеній, а то и страданій, если онѣ однѣ будутъ идти по этапамъ съ уголовной, хотя и „семейной“ партіей, мы возстали противъ этого требованія. Но, такъ какъ мѣстныя власти сами не могли его удовлетворить, то намъ пришлось отправить телеграмму въ Петербургъ въ Главное Тюремное Управленіе, откуда пришелъ удовлетворительный отвѣтъ.

VI.

По этапамъ.

Въ описываемое мною время мытарства политическихъ ссыльныхъ начинались только съ выходомъ изъ Томска. До этого города, путь въ три съ чѣмъ-то тысячи верстъ отъ Москвы мы, какъ и уголовные, совершали по усовершенствованнымъ средствамъ сообщенія — по желѣзнымъ дорогамъ и на баржахъ и лишь небольшое пространство отъ Екатеринбурга до Тюмени — на перекладныхъ. Отъ Томска же начиналось тогда этапное, т. е. пѣшее хожденіе партій.

Въ невыносимую лѣтнюю жару, какъ и въ жестокіе сибирскіе морозы, въ дождь и бурю, не смотря на ужасное состояніе первобытныхъ дорогъ, — неизмѣнно въ опредѣленные дни недѣли изъ Томска выходили партіи въ нѣсколько сотъ человѣкъ каждая, чередуясь „семейныя“ съ „холостыми“. Партія дѣлала по одному станку въ день, т. е. 25-30 верстъ, смотря по разстоянію отъ одного къ другому, съ дневками черезъ два дня въ третій. Это черепашье передвиженіе, во время котораго, въ среднемъ, приходилось менѣе 17 вер. въ день, длилось для многихъ нѣсколько мѣсяцевъ, при крайне тяжелыхъ условіяхъ.

Въ душной, пропитанной всевозможными міазмами камерѣ, на нарахъ, построенныхъ въ два яруса, и подъ ними на полу, плечо къ плечу лежали пересыльные, предоставляя свои изможденныя тѣла міріадамъ паразитовъ, съ остервененіемъ набрасывавшихся на вновь пришедшихъ людей. Для насъ, политическихъ ссыльныхъ, отводились на этапахъ отдѣльныя отъ уголовныхъ камеры, но на общихъ съ ними корридорахъ. При помощи платковъ и простынь мы отгораживали часть помѣщенія для трехъ шедшихъ съ нами женщинъ, для которыхъ вѣчное пребываніе среди насъ мужчинъ, уголовныхъ арестантовъ и конвойныхъ солдатъ, было крайне стѣснительно и непріятно. Правда, на сколько отъ насъ зависѣло, мы всячески старались облегчить ихъ положеніе, устраняя ихъ отъ тяжелыхъ работъ.

Съ первыми проблесками свѣта, за долго до восхода солнца, уголовные собирались на этапномъ дворѣ и, поминутно вздрагивая отъ предразсвѣтнаго холода, ждали повѣрки: они торопились по-раньше отправиться въ путь, чтобы поспѣть на слѣдующій этапъ до наступленія полуденнаго зноя. Когда они выстраивались въ двѣ шеренги, фельдфебель производилъ имъ повѣрку, и послѣ даннаго сигнала партія трогалась въ путь. Впереди быстрой походкой шли старые, опытные бродяги — „Иваны“, по много разъ уже ходившіе взадъ и впереди по

этой же дорогѣ и потому знавшіе на ней чуть не каждый ручей и кустъ. За ними, растянувшись на большомъ пространствѣ, двигались остальные уголовные, въ хвостѣ на телѣгахъ помѣщались больные и слабосильные, затѣмъ тянулись подводы съ арестантскими пожитками, а позади всѣхъ, сидя по-двое и по-трое на одноконныхъ телѣгахъ, медленнымъ шагомъ плелись и мы, политическіе, окруженные своимъ спеціальнымъ конвоемъ.

Вся эта странная процессія подымала за собою огромные столбы пыли, которая покрывала въ особенности всѣхъ шедшихъ въ заднихъ рядахъ. Чрезвычайно непріятныя ощущенія причиняла еще сибирская мошка. Несясь кругомъ густой тучей, она забиралась подъ платье и вызывала сильный зудъ во всемъ тѣлѣ. Не спасала отъ этого надоѣдливаго насѣкомаго и густая волосяная сѣтка, которой мы своевременно запаслись.

Приблизительно на пол-пути партія дѣлала привалъ гдѣ-нибудь у пригорка, ручья или на лужайкѣ. Здѣсь впервые съ утра уголовные — да и то далеко не всѣ — закусывали кусками сухого хлѣба, такъ какъ выходили они въ путь натощакъ. Всѣмъ пересыльнымъ, и намъ въ томъ числѣ, выдавались на руки кормовыя деньги въ размѣрѣ отъ 5 до 15 коп. въ день на каждаго, смотря по мѣстности, состоянію урожая и по сословію, къ которому принадлежалъ арестантъ. Этихъ средствъ въ лучшемъ случаѣ едва хватало на прокормленіе, да и то однимъ лишь хлѣбомъ, чаемъ и овощами. Но къ тому же многіе уголовные еще проигрывали въ карты большую часть, а нерѣдко и все полученное отъ казны, почему часто въ буквальномъ смыслѣ слова голодали. Спасало такихъ лицъ отъ смерти получаемое ими подаяніе. Въ попадавшихся по пути деревняхъ постоянно отдѣлялось отъ партіи нѣсколько наиболѣе оборванныхъ и тощихъ арестантовъ, которые, въ сопровожденіи конвойныхъ, подходили къ избамъ и затягивали свою жалостливую пѣснь, извѣстную подъ названіемъ „Милосердная“. Сердобольныя сибирячки просовывали черезъ форточки ломти хлѣба и шаньги, каковые просители опускали въ свои мѣшки. Случалось, что и проѣзжій подавалъ кому-нибудь изъ арестантовъ мѣдную или серебряную монету; все полученное поровну дѣлилось между членами арестантской артели.

Отдохнувъ на привалѣ, партія въ томъ же порядкѣ вновь пускалась въ дальнѣйшій путь. Вблизи этапа всѣ наиболѣе здоровые и сильные арестанты протискивались впередъ и, когда извнутри отворяли ворота, они стремглавъ пускались бѣжать, толкая и перегоняя другъ друга, чтобы скорѣе занять въ камерахъ наилучшія мѣста. Глядя на этотъ бѣшенный бѣгъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ по небольшому тѣсному дворику, въ первое время многимъ изъ насъ становилось жутко, такъ какъ являлось естественное опасеніе, что нѣкоторые могутъ

оказаться смятыми и изуродованными. Вскорѣ, однако, оказалось, что эта дикая гоньба за лучшимъ мѣстомъ всегда кончалась благополучно, но, конечно, она не обходилась безъ ссоръ и дракъ. Воротиламъ, здоровымъ бродягамъ — Иванамъ, всегда доставались наилучшія мѣста, а старикамъ, больнымъ и слабымъ оставались самыя худшія: подъ нарами, въ темныхъ и сырыхъ углахъ, возлѣ вонючихъ парашъ и на сквозникахъ у проходовъ.

Въ камерахъ было тѣсно и грязно; воздухъ въ нихъ былъ отчаянный, крики, ругань и шумъ почти не прекращались. За рѣдкими исключеніями, этапы и полу-этапы представляли собою почернѣвшія отъ времени и непогоды одно-этажныя избы, сколоченныя изъ бревенъ. Длинными корридорами эти избы съ рѣшетчатыми окнами дѣлились на нѣсколько камеръ. Кромѣ такихъ помѣщеній для временнаго пребыванія проходящихъ арестантскихъ партій, на этапномъ же дворѣ находились еще другія строенія: квартира для конвойнаго офицера, казарма для солдатъ и разныя служебныя зданія. Всѣ эти строенія были окружены высокими, въ 5-6 сажень, глубоко вкопанными въ землю и сверху заостренными бревнами — палями. Черезъ каждыя сутки партія приходила на новый этапъ, гдѣ смѣнялся конвой для уголовныхъ; наши же солдаты слѣдовали отъ города до города. Между двумя этапами находился одинъ полу-этапъ, въ каковомъ партіи только ночевали. По своимъ размѣрамъ, эти помѣщенія были значительно меньше этаповъ, и въ нихъ бывала еще большая тѣснота, чѣмъ въ послѣднихъ.

Размѣстившись, кому какъ пришлось, уголовные выходили изъ камеръ во дворъ. Тамъ къ этому времени мѣстныя крестьянки располагались съ разными съѣстными продуктами и начинался настоящій базаръ, во время котораго арестанты ловко надували, а то и обкрадывали простоватыхъ бабъ. Замѣтивъ пропажу, послѣднія подымали крикъ и ругань, но во всѣхъ подобныхъ случаяхъ уголовные дружно стояли одинъ за другаго, и потерпѣвшая никогда не могла добиться своего. Во дворѣ же группы въ нѣсколько человѣкъ разводили костры, на которыхъ кипятили воду для чая и варили какую-нибудь жалкую пищу. Не смотря на то, что кругомъ было много деревянныхъ построекъ, какъ я упоминалъ выше, никому не приходило въ голову опасаться пожара.

Для нѣкоторыхъ изъ насъ, политическихъ ссыльныхъ, однимъ изъ наиболѣе тяжелыхъ условій продолжительнаго этапнаго путешествія было то, что приходилось очень рано вставать и отправляться въ партію. Ворочаясь съ боку на бокъ, вслѣдствіе обилія насѣкомыхъ, иному только къ утру удавалось заснуть; а, между тѣмъ, какъ я уже сказалъ, еще до восхода солнца уголовные собирались на дворѣ для повѣрки.

Изъ за времени отправки въ путь у насъ на первыхъ порахъ происходили съ ними довольно крупныя столкновенія: они настаивали, чтобы партія отправлялась до разсвѣта, мы же старались оттянуть выходъ на часъ-два позже. Поэтому въ первые дни мы вступали въ переговоры съ каждымъ новымъ конвойнымъ офицеромъ, а также и съ уголовнымъ старостой, о времени выхода и назначали его по совмѣстному соглашенію, кажется, въ 6 ч. утра. Но вскорѣ послѣ выхода изъ Томска у насъ былъ такой случай.

По приходѣ на этапы и полу-этапы, мы вообще мало пользовались общимъ дворомъ, такъ какъ до наступленія сумерекъ онъ былъ почти сплошь занятъ уголовными. Только послѣ того, какъ провѣривши ихъ, запирали въ камерахъ, мы выходили погулять по двору.

Однажды, въ чудный лѣтній вечеръ, когда нѣкоторые изъ насъ находились на дворѣ, появился конвойный офицеръ и повелительнымъ тономъ воскликнулъ:

— Ступайте въ камеру!

— Почему? изумились мы. Мы только недавно вышли подышать свѣжимъ воздухомъ.

— Ступайте, говорю вамъ, иначе вы выйдете завтра въ дорогу въ 4 ч. утра.

— Но вы вѣдь условились съ нами, что мы выйдемъ въ 6 ч.? спросили мы.

— А вотъ теперь я заявляю, что вы отправитесь въ 4 ч.!

— Нѣтъ, мы выйдемъ въ 6 ч.! возразили мы.

— Посмотримъ! воскликнулъ офицеръ, удаляясь.

Собравшись затѣмъ вмѣстѣ, мы рѣшили добровольно не отправляться въ путь раньше условленнаго часа.

Съ первыми проблесками свѣта начали выстраивать уголовныхъ на повѣрку, и въ нашу камеру заявились солдаты, съ требованіемъ отъ имени офицера, чтобы мы собирались въ дорогу. Но мы не обратили никакого вниманія на это требованіе.

Вслѣдствіе поднявшейся кругомъ возни нѣкоторые изъ насъ проснулись и начали одѣваться, другіе же продолжали лежать на нарахъ. Между тѣмъ уголовные давно уже были готовы къ отправкѣ; продрогши отъ пребыванія на дворѣ, многіе изъ нихъ начали, наконецъ, громко выражать свое неудовольствіе; изъ ихъ среды раздались, по нашему адресу, угрозы и площадная брань. Затѣмъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ въ нашу камеру вбѣгаетъ взбѣшенный офицеръ. Онъ рѣзкимъ и повелительнымъ тономъ приказываетъ намъ немедленно собираться въ дорогу, но, видя, что никто изъ насъ не трогается съ мѣста, офицеръ приходитъ въ ярость; указывая на ле-

жащихъ неподвижно на нарахъ, онъ отдаетъ солдатамъ команду: „подымай прикладами!“

Одно мгновеніе, и у насъ могла-бы разыграться исторія, которая, быть можетъ, имѣла-бы трагическій исходъ, такъ какъ на насиліе всѣ мы готовы были отвѣтить тѣмъ же.

По счастью солдаты поколебались пустить въ ходъ ружья.

— Что вы дѣлаете! закричали въ это время нѣкоторые изъ насъ. Мы стоимъ на законной почвѣ: въ инструкціи не сказано, чтобы партіи выходили въ 4 ч. утра, а должны лишь приходить на ночлегъ не позже сумерекъ.

Вдругъ вбѣгаетъ фельдфебель и кричитъ взволнованнымъ голосомъ:

— Ваше благородіе! Партія бунтуется!

„Пустите насъ: мы ихъ живо поднимемъ!“ слышатся крики въ окна.

— Вотъ что вы надѣлали! накидываемся мы на офицера. — Вы вызываете бунтъ въ партіи, за это подъ судъ пойдете, отвѣтите своими погонами!

Подъ вліяніемъ угрозъ и крика офицеръ совершенно теряется, повелительный тонъ у него пропадаетъ, и, хватаясь за голову, онъ съ мольбою восклицаетъ:

— Что же мнѣ теперь дѣлать?

— Отправьте уголовныхъ впередъ съ фельдфебелемъ, а сами въ 6 ч. поѣдете съ нами, — отвѣчаемъ мы.

Посрамленный офицеръ быстро уходитъ изъ камеры и дѣлаетъ такъ, какъ мы указали. Время отъ времени появляется за тѣмъ деньщикъ его и спрашиваетъ, не согласны-ли мы уже отправляться; мы же, посматривая на часы, отвѣчаемъ, что осталось столько-то минутъ, и лишь ровно въ 6 ч. садимся въ телѣги и догоняемъ уголовныхъ на привалѣ.

Этотъ случай привлекъ на вашу сторону симпатіи и уваженіе уголовныхъ: какъ и всѣмъ вообще людямъ, имъ нравилась настойчивость и рѣшимость небольшой кучки въ 14 человѣкъ, которые не побоялись возстать противъ офицера, хотя въ его распоряженіи имѣлось до сотни солдатъ и ихъ собственная партія. Послѣ этого у насъ съ уголовными установились самыя мирныя отношенія и въ теченіи продолжительнаго дальнѣйшаго пути у насъ больше не выходило съ ними никакихъ ссоръ и недоразумѣній.

До постройки сибирской желѣзной дороги, Московскій трактъ являлся единственнымъ путемъ по обширнѣйшему краю, къ тому же онъ былъ самаго примитивнаго характера: нешоссированная дорога весной, вслѣдствіе разлива рѣкъ и лѣтомъ послѣ дождей, приходила въ такое состояніе, что тройка лошадей съ трудомъ вытаскивала изъ грязи телѣжку. Вдоль этого тракта, тянувшагося на тысячи верстъ, были расположены

села и нѣсколько городовъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ другъ отъ друга разстояніи. Но на многія сотни, а то и тысячи верстъ, по направленію къ сѣверу и югу отъ тракта, за исключеніемъ нѣсколькихъ населенныхъ пунктовъ, тянулась глухая тайга, въ которой лишь мѣстами бродили незначительныя и быстро вымиравшія охотничьи и пастушескія племена.

Въ хорошую погоду нѣкоторые изъ насъ сворачивали съ дороги и заходили въ тайгу нарвать цвѣты или собрать ягоды. Въ этомъ безконечномъ лѣсу, бывало, испытываешь чувство полной безпомощности: невольно являлось сознаніе, что, удалившись въ глубь на нѣсколько десятковъ саженъ, рискуешь совсѣмъ потеряться въ чащѣ. Къ этимъ прогулкамъ, предпринимавшимся нами, конечно, въ сопровожденіи конвойныхъ солдатъ, офицеры относились, повидимому, совершенно равнодушно, хотя по инструкціи „выходъ изъ цѣпи“ строго воспрещался, но они, очевидно, не опасались, чтобы кто-либо изъ насъ попытался бѣжать съ дороги. Правда, соблазнъ для нѣкоторыхъ былъ очень великъ: стоило, казалось, скрыться въ густой чащѣ и тебя уже не поймаютъ, но за все время существованія этапнаго способа перевозки политическихъ ссыльныхъ была всего лишь одинъ разъ сдѣлана попытка бѣжать прямо съ пути въ тайгу Дзвонкевичемъ. Осужденный лѣтомъ 1883 г. на безсрочную каторгу, онъ, не доходя до Красноярска, на глазахъ конвоя бросился бѣжать по направленію къ чащѣ, но солдаты, пустивъ ему въ догонку пули, ранили его; затѣмъ, нагнавъ его, принялись отчаянно бить чѣмъ попало — кулаками, ногами, прикладами. Не подоспѣй во-время офицеръ, озвѣрѣвшіе конвойные добили-бы несчастнаго бѣглеца Почти безъ всякихъ признаковъ жизни онъ былъ затѣмъ доставленъ въ тюремный лазаретъ. Только благодаря замѣчательному здоровью, Дзвонкевичъ поправился, но послѣдствія отъ полученныхъ имъ увѣчій остались у него на всю жизнь.

Не болѣе успѣшны были попытки нѣсколькихъ другихъ политическихъ ссыльныхъ, которымъ удалось во время пути удачно бѣжать изъ этапныхъ помѣщеній и сибирскихъ тюремъ. Въ тѣ времена въ мало населенной Сибири каждый новый человѣкъ, очутившійся на единственной дорогѣ, сразу бросался въ глаза мѣстнымъ жителямъ; властямъ поэтому почти всегда удавалось поймать даже успѣвшаго далеко уйти отъ мѣста побѣга политическаго ссыльнаго. Послѣдній иногда самъ принужденъ былъ отдаться въ руки начальства. При незнаніи таежныхъ тропинокъ, которыя хорошо извѣстны лишь уголовнымъ бродягамъ, политическій бѣглецъ, безцѣльно побродивъ нѣсколько дней по тайгѣ и перенесши массу всевозможныхъ лишеній и страданій, нерѣдко самъ бывалъ радъ, когда, пришедши уже въ отчаяніе выбраться изъ безпредѣльнаго лѣса,

онъ, совсѣмъ обезсиленный, случайно попадалъ на трактъ. Въ такихъ случахъ мѣстные жители проявляли чрезвычайное усердіе: попавшагося имъ на дорогѣ бѣглеца они задерживали и передавали въ руки властей.

Поэтому до послѣдняго времени вполнѣ оправдывалась характеристика Сибири, какъ огромной тюрьмы, имѣющей, благодаря естественнымъ своимъ условіямъ, болѣе надежную ограду, чѣмъ какую представляютъ всякія искусственныя стѣны и наемныя стражи. Но такой непреоборимой тюрьмой Сибирь въ описываемое мною время являлась только для насъ, политическихъ ссыльныхъ, незнавшихъ условій тайги, уголовные же арестанты легко въ ней оріентировались. Естественно, поэтому, что у нѣкоторыхъ изъ насъ возникалъ планъ бѣжать изъ Сибири вмѣстѣ съ бродягами, Но такія попытки могли имѣть лишь самый трагическій исходъ: въ надеждѣ поживиться отъ политическаго деньгами, а то и однимъ лишь его платьемъ, уголовные не остановятся передъ рѣшеніемъ убить его. Такимъ только образомъ, полагаютъ, погибъ въ Сибири въ 1880 г. Влад. Избицкій; онъ, какъ я уже упоминалъ, удачно „смѣнился“ въ пути съ уголовнымъ арестантомъ, но затѣмъ, по всей вѣроятности, былъ убитъ въ тайгѣ его же сокомпаніонами — бродягами.

Но не только политическіе, — сами уголовные не довѣряютъ въ пути другъ другу. Въ этихъ случаяхъ они принимаютъ одинъ противъ другаго всевозможныя предосторожности; такъ, каждый изъ нихъ предлагаетъ другому идти впереди по таежной тропѣ изъ боязни быть убитымъ идущимъ сзади попутчикомъ.

Поэтому политическіе, рѣшившіеся устроить побѣгъ въ пути, предпочитали самостоятельно пускаться въ тяжелое странствованіе и, такимъ образомъ, предоставляли свою судьбу всевозможнымъ случайностямъ.

„Однажды, разсказывалъ мнѣ Властопуло,*) одинъ изъ такихъ бѣглецовъ, — когда мы вдвоемъ съ Козыревымъ**) блуждали по тайгѣ, мы къ ужасу своему увидѣли, что прямо на насъ идетъ медвѣдь. Скрыться отъ него рѣшительно некуда было. Легко себѣ представить наше состояніе. Прислонившись къ дереву, мы ждали, что будетъ. Но „Мишка“ прошелъ мимо, никого изъ насъ не тронувъ, — надо полагать, онъ былъ сытъ въ тотъ моментъ“.

Зная по наслышкѣ о всѣхъ подобныхъ опасностяхъ, большинство изъ насъ не строило никакихъ плановъ на счетъ по-

*) Бывшій офицеръ, осужденный въ концѣ 70 г.г. на безбезсрочную каторгу. О немъ я ниже разскажу подробнѣе.

**) Недавно умеръ въ Иркутскѣ.

бѣга съ пути. Но два лица — Марія Калюжная, осужденная на 20 л. каторжныхъ работъ и студентъ Іорданъ, ссылавшійся административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь на 5 л., — собирались бѣжать, не смотря ни на какія препятствія. Молодые — каждому изъ нихъ было лишь по 20 л. — они страстно желали поскорѣе очутиться на свободѣ; но ни одна изъ многочисленныхъ, задуманныхъ ими попытокъ, не привела ни къ чему. Скажу уже здѣсь къ слову, что эти лица такъ и не дождались воли: оба они скончались въ Сибири. О трагической судьбѣ Калюжной мнѣ еще придется говорить ниже.

На огромномъ пространствѣ отъ Томска до Кары было около 40 человѣкъ конвойныхъ офицеровъ. Не смотря на то, что между ними, конечно, попадались люди съ самыми противоположными характерами, но всѣ они совершенно одинаково вели себя по отношенію къ уголовнымъ и, наоборотъ, чрезвычайно перемѣнчиво было ихъ обращеніе съ нами. Мнѣ не приходилось въ пути наблюдать, чтобы офицеръ злоупотреблялъ своею властью надъ уголовными; не случалось также слышать, чтобы онъ не выдалъ арестантамъ чего-либо полагающагося имъ по закону. Между тѣмъ, я знаю случаи, когда, конвойные офицеры попадали даже подъ судъ за разнаго рода злоупотребленія по отношенію къ подчиненнымъ имъ солдатамъ. Принимая во вниманіе совершенную изолированность этаповъ, расположенныхъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ вдали отъ какихъ-либо административныхъ мѣстъ, а, слѣдовательно, и отъ всякаго контроля, не трудно себѣ представить, какъ многіе офицеры пользовались исключительнымъ своимъ положеніемъ. По преимуществу люди съ крайне ограниченнымъ образованіемъ, полученнымъ въ юнкерскихъ училищахъ, они, конечно, находили главное развлеченіе въ водкѣ и картахъ. Неудивительно, поэтому, что нѣкоторые изъ нихъ совершали всевозможныя безобразія и беззаконія, — пропивали и проигрывали солдатскія деньги, заставляли нижнихъ чиновъ чрезмѣрно работать на себя, жестоко наказывали ихъ и т. п.

Къ намъ, политическимъ, большинство изъ нихъ относилось оффиціально, стараясь избѣжать какихъ-либо непріятностей и столкновеній. Но нѣкоторые офицеры не прочь были оказать намъ любезность и вниманіе, — предлагали газету, соглашались выѣзжать съ нами позже изъ этаповъ съ тѣмъ, чтобы нагонять партію въ пути и т. п. Какъ отчасти видно изъ вышеописаннаго случая, попадались и самодуры, желавшіе показать свою власть надъ нами, что имъ, однако, никогда не удавалось. Между прочимъ, у меня съ однимъ изъ такихъ офицеровъ произошло слѣдующее столкновеніе.

Я только что вышелъ однажды передъ вечеромъ погулять на этапный дворъ; въ это время уголовные выстроились для

вечерней повѣрки. Замѣтивъ меня, офицеръ грубо приказалъ мнѣ идти обратно въ камеру, такъ какъ, молъ, мое присутствіе мѣшаетъ ему сосчитать арестантовъ. Требованіе это было совершенно неосновательно, и я отказался его исполнить. Но офицеръ накинулся на меня съ крикомъ, при чемъ я замѣтилъ, что отъ него сильно разитъ водкой. Я посовѣтовалъ ему тогда, провѣривъ поскорѣе арестантовъ, отправиться на покой; но онъ не унимался и все стоялъ на своемъ. Не знаю, чѣмъ окончилась бы эта исторія, но находившаяся также на дворѣ ссыльная Любовь Чемоданова *), которую почему-то офицеръ оставилъ въ покоѣ, побѣжала звать на дворъ всѣхъ оставшихся въ камерѣ товарищей. Замѣтивъ это, офицеръ приказалъ запереть ихъ. Они подняли сильнѣйшій стукъ въ дверь; въ камерѣ начался шумъ и крикъ. Уголовные, продрогши отъ долгаго стоянія въ одномъ бѣльѣ, также начали громко выражать свое неудовольствіе, почему ихъ не отпускаютъ, но по нашему адресу они на этотъ разъ посылали уже похвалы и одобренія за то, что мы не подчиняемся неосновательному требованію. Въ концѣ концовъ офицеръ долженъ былъ уступить и произвести повѣрку, во время моего пребыванія на дворѣ.

Но случались у насъ съ офицерами совсѣмъ неожиданныя встрѣчи и эпизоды. Такъ бывшій съ нами ветеринарный врачъ Снѣгиревъ, ссылавшійся административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь **), на одномъ этапѣ узналъ въ конвойномъ офицерѣ своего школьнаго товарища. Втеченіи двухъ сутокъ, проведенныхъ нами затѣмъ съ этимъ офицеромъ, онъ былъ къ намъ очень внимателенъ и оказывалъ намъ разныя мелкія услуги.

На другомъ этапѣ въ лицѣ конвойнаго офицера мы нашли, если не единомышленника, то вполнѣ сочувствовавшаго соціалистамъ человѣка. По его признанію, онъ читалъ многія запрещенныя произведенія и раньше близко стоялъ къ дѣйствовавшимъ въ его городѣ революціонерамъ. Съ нами онъ, нисколько не маскируясь, велъ самыя откровенныя бесѣды политическаго характера. Странной и вмѣстѣ чрезвычайно пріятной неожиданностью была для насъ встрѣча на этапѣ съ такимъ конвойнымъ офицеромъ.

Во время продолжительнаго пребыванія въ пути для всякого человѣка пріобрѣтаютъ большое значеніе разнаго рода мелочи, отсутствіе или, наоборотъ, наличность которыхъ доставляетъ ему удобства или же непріятности. Въ неимовѣрно большей еще степени имѣли значеніе разныя мелочи для насъ, полити-

*) По процессу Вѣры Фигнеръ.

**) Нынѣ онъ занимаетъ очень важный постъ въ чиновной іерархіи.

ческихъ, которымъ въ теченіи многихъ мѣсяцевъ пришлось двигаться этапнымъ порядкомъ. Лица, сами не побывавшія въ аналогичныхъ условіяхъ, едва-ли могутъ реально представить себѣ, какія тяжелыя, даже трагическія послѣдствія могли для насъ имѣть тѣ или другія ничтожныя, въ сущности, обстоятельства. Выше я уже описалъ подобное происшествіе, которое случилось у насъ съ офицеромъ изъ-за времени выхода изъ этапа и могло окончиться жестокой расправой, военнымъ судомъ и т. д. Неудивительно, поэтому, что, при приходѣ на новый этапъ, у насъ постоянно появлялась нѣкоторая тревога относительно конвойнаго офицера: каковъ онъ? какъ онъ къ намъ отнесется? въ какомъ онъ настроеніи, состояніи? Однимъ изъ наиболѣе важныхъ обстоятельствъ, изъ-за котораго могло произойти у насъ столкновеніе съ офицеромъ, — какъ это ни покажется, быть можетъ, страннымъ, — былъ вопросъ о „парашѣ".

Отводившіяся для насъ на этапахъ и полу-этапахъ камеры на ночь запирались, причемъ въ нихъ полагалось ставить эту непріятную посудину. Не говоря уже объ издаваемомъ ею отвратительномъ запахѣ, — на ея присутствіе мы не могли соглашаться въ виду того, что вмѣстѣ съ нами, какъ извѣстно, помѣщались три молодыя дѣвушки. Поэтому, первымъ дѣломъ, по приходѣ на новый этапъ, было уговорить офицера, чтобы на ночь въ нашу камеру не ставили „параши"; вмѣсто этого, мы просили, чтобы по зову дежурный выпускалъ насъ на коридоръ, который, конечно, запирался и охранялся часовымъ. Въ большинствѣ случаевъ намъ удавалось мирными переговорами добиваться отъ офицеровъ ихъ согласія на наши требованія. Но, до чего простирался иногда ихъ произволъ, можетъ, кромѣ вышеописаннаго, отчасти показать слѣдующее происшествіе.

На какомъ-то этапѣ, вошедши въ отведенную намъ камеру, мы увидѣли просто одѣтаго человѣка лѣтъ 30, закованнаго въ ручные кандалы. Оказалось, что то былъ возвращавшійся, вслѣдствіе примѣненія коронаціоннаго манифеста (1883 года), изъ г. Баргузина въ западную Сибирь политическій ссыльный, фабричный рабочій Степанъ Агаповъ *). За нимъ добровольно слѣдовала его жена, сибирская крестьянка. Они сообщили намъ, что конвойный офицеръ потребовалъ, чтобы они перешли изъ этой камеры въ другую, такъ какъ, молъ, скоро должна придти партія политическихъ, состоящая изъ „князей и графовъ", а такимъ важнымъ особамъ нельзя помѣщаться вмѣстѣ съ простыми людьми. Не находя этого довода убѣдитель-

*) Онъ судился по извѣстному процессу 50 пропагандистовъ (въ 1877 г.) и былъ приговоренъ къ 3 г. 8 м. каторжныхъ работъ, а въ 1880 г. вышелъ на поселеніе.

нымъ, супруги Агаповы отказались исполнить требованіе офицера. Изъ-за этого у нихъ вышелъ рѣзкій разговоръ съ офицеромъ, въ результатѣ котораго послѣдній приказалъ заковать Агапова въ ручные кандалы. Кромѣ того, онъ ограничилъ имѣвшійся у Агаповыхъ багажъ указаннымъ въ инструкціи ничтожнымъ размѣромъ; всѣ же остальныя ихъ вещи офицеръ за безцѣнокъ продалъ съ торговъ мѣстнымъ кулакамъ. Такая мѣра никогда не примѣнялась въ тѣ времена, не только въ отношеніи лицъ, возвращавшихся съ поселенія на житье, а, слѣдовательно пользовавшихся разными льготами и облегченіями, но такъ не поступали даже съ лицами, отправляемыми на каторгу. Такимъ образомъ, супруги Агаповы, кромѣ перенесенныхъ личныхъ оскорбленій, лишились еще многихъ своихъ вещей, которыя они пріобрѣгали въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ жизни на поселеніи и были крайне нужны имъ, какъ въ дальнѣйшемъ пути, такъ и при устройствѣ на житье на новомъ мѣстѣ.

Всѣхъ насъ крайне возмутило поведеніе этого конвойнаго офицера, и мы потребовали, чтобы немедленно расковали Агапова, что тотчасъ же и было имъ исполнено. Комическая сторона этого печальнаго инцидента состояла въ томъ, что „князьями и графами", съ которыми офицеръ не желалъ посадить вмѣстѣ простыхъ людей, оказывались мы, наша партія, хотя среди насъ не было ни единой титулованной особы! Такое заблужденіе со стороны офицера, вѣроятно, объяснялось тѣмъ, что нѣкоторые изъ нашей партіи отправляли съ предыдущихъ этаповъ чрезъ конвойныхъ офицеровъ письма своимъ родственникамъ или знакомымъ, адресуя ихъ иногда гр. Л Толстому, и кн. Волконскому. Отсюда, надо полагать, возникла предшествовавшая нашему приходу легенда, что въ ссылку ѣдутъ все „князья, да графы".

Но для бѣдныхъ супруговъ Агаповыхъ злоключенія не закончились вышеописаннымъ: конвойный офицеръ еще донесъ, куда слѣдовало, что Агаповъ будто-бы его оскорбилъ. Результатомъ этой жалобы было то, что Агаповыхъ отправили на самый сѣверъ Тобольской губ., въ одинъ изъ тѣхъ „городовъ", о которыхъ я выше упоминалъ, какъ объ ужасныхъ трущобахъ. Какъ мнѣ впослѣдствіи приходилось слышать, условія жизни Агаповыхъ въ новомъ мѣстѣ ихъ поселенія были худшія, чѣмъ въ Забайкальѣ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе нелѣпаго слуха о пріѣздѣ мнимыхъ князей и графовъ, вмѣсто ожидаемаго облегченія въ участи несчастной семьи, получилось для нея одно лишь ухудшеніе. Аналогичныя происшествія, изъ-за существующихъ пустяковъ и недоразумѣній, случались нерѣдко въ тѣ времена, да и теперь несомнѣнно не прекращаются.

На переходъ отъ Томска до Краснoярска, находящіеся одинъ отъ другаго всего на разстояніи 500 вер., мы употребили ровно мѣсяцъ, при чемъ въ теченіи двадцати дней совершали переходы, а десять провели въ дневкахъ. Въ Краснoярскѣ намъ предстояло пробыть недѣлю. Уголовныхъ помѣстили въ пересыльной тюрьмѣ, а насъ отправили въ тюремный замокъ.

На корридорѣ, куда насъ привели, былъ рядъ камеръ различныхъ размѣровъ: на одного, двухъ и большее число людей; на дверяхъ каждой камеры — надписи: „за убійство", „за грабежъ" и т. п. Смотритель тюрьмы предложилъ намъ размѣститься „по категоріямъ", т. е. каторжане отдѣльно въ одиночкахъ, поселенцы — по-двое, а административные — въ одной общей камерѣ, при чемъ сообщилъ, что насъ запруть и на прогулку будутъ пускать лишь на опредѣленное время. Такія условія всѣ мы нашли крайне для себя стѣснительными, къ тому же и незаконными, такъ какъ, въ качествѣ пересыльныхъ, мы вовсе не обязаны были подчиняться инструкціи, примѣнявшейся къ лицамъ, которыя содержались въ тюремномъ замкѣ, будучи подъ слѣдствіемъ или судомъ. У насъ, у всѣхъ, было одно общее хозяйство и багажъ, мы въ пути находились уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, и насъ нигдѣ не раздѣляли по категоріямъ. Не наша вина, что въ Краснoярскѣ насъ не захотѣли почему-то помѣстить въ пересыльной тюрьмѣ. Мы поэтому настаивали, чтобы намъ предоставили право самимъ расположиться въ камерахъ, какъ мы то найдемъ для себя удобнымъ, а также чтобы ни камеры, ни корридоры днемъ не запирались; словомъ, чтобы мы содержались такъ, какъ принято на этапахъ и въ пересыльныхъ тюрьмахъ. Смотритель заявилъ, что онъ не можетъ исполнить нашего требованія, а мы отказались зайти въ указанныя намъ камеры и остались на корридорѣ.

Вскорѣ появился полиціймейстеръ, бурбонъ по внѣшности и невѣжественный верзила. Онъ также потребовалъ, чтобы мы размѣстились по камерамъ, а мы стояли на своемъ. Между прочимъ, въ разговорѣ съ нимъ одна изъ нашихъ спутницъ употребила слово „гуманность". Подобно гоголевскому почтмейстеру, незнавшему, насколько обидно выраженіе „mauvais ton", нашъ полицмейстеръ также не могъ рѣшить, оскорбительно или нѣтъ это чудное слово. Едва сдерживая смѣхъ, наши успокоили его, переведши это слово на русскій языкъ. Онъ также заявилъ, что не отъ него зависитъ удовлетвореніе нашего желанія и обѣщалъ доложить объ этомъ губернатору. Вслѣдъ за нимъ прибыли сперва прокуроръ, потомъ жандармскій полковникъ. Въ переговорахъ со всѣми этими лицами прошло много времени, а мы все оставались на корридорѣ, гдѣ не могли свободно расположиться и заняться приготовленіемъ пищи. Мы не ѣли съ самаго утра, и голодъ давалъ намъ

себя сильно чувствовать. Отказавшись, безъ согласія губернатора, удовлетворить всѣ наши требованія, жандармскій полковникъ, однако, разрѣшилъ намъ, впредь до полученія отвѣта, расположиться, какъ мы желали, чѣмъ мы немедленно ивоспользовались.

Когда на слѣдующій день всѣ мы сидѣли за обѣдомъ въ наибольшей камерѣ, избранной нами столовой, появился полиціймейстеръ въ полной парадной формѣ и съ каской на головѣ.

— Я привезъ вамъ отвѣтъ отъ губернатора... началъ онъ; но его прервалъ одинъ изъ товарищей, предложившій ему предварительно снять каску.

— Когда мы въ парадной формѣ, мы каски не снимаемъ, возразилъ онъ.

— Для насъ безразлично, въ какой вы формѣ, настаивали наши.

— Нѣтъ, я не сниму каски! заявилъ этотъ гоголевскій герой.

— Такъ мы не станемъ слушать губернаторскаго отвѣта.

Положеніе получилось затруднительное: помявшись немного, полиціймейстеръ таки снялъ свою каску, а затѣмъ сообщилъ, что губернаторъ удовлетворилъ всѣ наши требованія.

Въ Красноярскѣ отъ насъ вновь отдѣлились трое: упомянутый уже выше ветеринарный врачъ Снѣгиревъ и другой административно-ссыльный, кіевскій студентъ Корніенко, а также по болѣзни остался тамъ на время отдохнуть каторжанинъ Спандони-Басманджи. Такимъ образомъ, въ дальнѣйшій путь до Иркутска насъ отправилось уже одиннадцать человѣкъ. На разстояніе до этого города въ 1000 вер. намъ нужно было употребить цѣлыхъ два мѣсяца! Теперь съ трудомъ вѣрится, чтобы возможно было вооружиться терпѣніемъ, требовавшимся на такое невѣроятно медленное передвиженіе. А, между тѣмъ, на сколько могу припомнить, едва-ли кто изъ насъ особенно сильно тяготился именно этимъ обстоятельствомъ: впереди ничто привлекательное не ждало большинство изъ насъ, въ пути, между тѣмъ особенно лѣтомъ, въ общемъ, все же было сносно. Нѣкоторые за дорогу даже поправились, и всѣ выглядѣли куда лучше, чѣмъ при выѣздѣ изъ Москвы. Къ тому же, чѣмъ дальше мы двигались на востокъ, тѣмъ замѣтно ослабѣвалъ режимъ, и начальство на многое начинало смотрѣть сквозь пальцы. Такъ, арестанты открыто сбрасывали съ ногъ кандалы и не брились. Мы съ Чуйковымъ также сперва тайкомъ стали снимать оковы, а приближаясь къ Иркутску, уже явно не надѣвали ихъ, и ни съ чьей стороны не вызывали за это ни малѣйшихъ замѣчаній. То же подъ конецъ пути произошло и съ бритьемъ головъ.

VII.

Отъ Иркутска до Кары.

Наступила уже осень, когда мы прибыли въ Иркутскъ. Въ мѣстномъ тюремномъ замкѣ, куда насъ привели, было довольно свободно и удобно. Всѣхъ мужчинъ помѣстили въ одной большой, общей камерѣ, дверь которой днемъ не запиралась, а нашимъ женщинамъ отвели отдѣльныя камеры, но мы могли съ ними видѣться и сноситься.

Въ описываемое мною время въ Иркутской тюрьмѣ сидѣли на каторжномъ положеніи четыре политическія женщины, о которыхъ сообщу здѣсь нѣсколько подробнѣе, такъ какъ всѣ онѣ сыграли нѣкоторую роль въ движеніи 70-80 г.г.

Изъ нихъ я наиболѣе близко зналъ Марью Павловну Ковалевскую. Мы познакомились въ 1875 г. и состояли затѣмъ членами извѣстнаго, уже упомянутаго мною, кіевскаго бунтарскаго кружка, о которомъ подробно разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ Дебагорій-Мокріевичъ. М. Ковалевская была тогда одной изъ наиболѣе выдающихся женщинъ въ нашемъ кружкѣ.

Дочь помѣщика, урожденная Воронцова, Марья Павловна воспитывалась въ институтѣ, по окончаніи котораго вскорѣ вышла замужъ за учителя военной гимназіи Н. В. Ковалевскаго. Недолго прожила она тихой, семейной жизнью. То было время всеобщаго увлеченія русской интеллигентной молодежи соціалистическими идеями. Марья Павловна была захвачена общимъ потокомъ: оставивъ мужа и малолѣтнюю дочь свою Галю, она цѣликомъ отдалась революціонной дѣятельности.

Маленькаго роста, худощавая, со смуглымъ, даже цыганскаго типа, лицомъ, Ковалевская обладала сангвиническимъ темпераментомъ и большой энергіей. Крупный умъ соединялся у нея съ сильной логикой и даромъ слова, что давало ей возможность быть искусной спорщицей: ей нерѣдко случалось не только опровергнуть, но и убѣдить болѣе ея образованнаго собесѣдника. Въ серьезныя теоретическія дебаты, какъ и въ незначительные практическіе вопросы, она вносила большую горячность, но при этомъ она всегда была искренна, пряма и никогда не переходила ни на личную почву, ни въ оскорбительный тонъ. Несомнѣнно, при другихъ условіяхъ Ковалевская сыграла бы очень крупную роль. Но обстоятельства сложились такъ, что до суда и отправки на каторгу она была извѣстна лишь тѣсному кругу революціонеровъ, и то, главнымъ образомъ, на югѣ. Въ февралѣ 1879 г. Марья Павловна, вмѣстѣ съ Вл.

Дебагорій-Мокріевичемъ, П. Орловымъ, Ивичевичами и др., была взята въ Кіевѣ въ д. Косаговскаго на Жилянской ул., причемъ, какъ извѣстно, присутствовавшими оказано было жандармамъ вооруженное сопротивленіе. Состоявшійся весной указаннаго года военный судъ по этому дѣлу приговорилъ двоихъ — Антонова и Брантнера — къ казни, а 10 человѣкъ — къ многолѣтней каторгѣ. Въ числѣ другихъ, Ковалевская осуждена была на 14 л. 10 м. каторжныхъ работъ.

Съ этихъ поръ начинается ея непрерывный мартирологъ. Запертая въ теченіе многихъ лѣтъ въ стѣнахъ тюрьмы, гдѣ ей неизбѣжно приходилось сталкиваться съ массой злоупотребленій со стороны разныхъ должностныхъ лицъ, оторванная отъ всякой практической дѣятельности, Ковалевская перенесла всѣ свои способности и силы на защиту чести и человѣческаго достоинства заключенныхъ. Такого рода борьбу она считала чрезвычайно важной частью обще-революціонной дѣятельности. При разнаго рода тюремныхъ исторіяхъ, какъ бы незначителенъ ни былъ поводъ и какимъ бы мелкимъ чиномъ онъ ни былъ поданъ, Ковалевская не считала возможнымъ отступить отъ разъ принятаго рѣшенія. Она настаивала на необходимости давать рѣшительный, энергичный отвѣтъ на малѣйшую обиду, нанесенную кому-либо изъ заключенныхъ, чѣмъ бы столкновеніе ни кончилось.

Въ способахъ выраженія протеста она всегда оставалась вѣрной своимъ бунтарскимъ воззрѣніямъ. Она отстаивала наиболѣе крайніе и активные пріемы: открытыя нападенія на должностныхъ лицъ, разбиваніе мебели, дверей и т. п. Но, будучи прекраснымъ товарищемъ, Марья Павловна, хотя и скрѣпя сердце, присоединялась къ избраннымъ большинствомъ пассивнымъ пріемамъ протеста, — къ голодовкамъ, бойкотамъ и пр.

Съ момента ареста въ Кіевѣ, во все время пути по Сибири и по прибытіи на Кару у Ковалевской нерѣдко происходили крупныя и мелкія столкновенія съ администраціею. За одну подобнаго рода тюремную исторію ее и еще трехъ ея подругъ — Елизавету Ковальскую, Софью Богомолецъ и Елену Россикову — перевели изъ Кары въ Иркутскій замокъ. Въ послѣднемъ незадолго до нашего прибытія всѣ онѣ изъ за столкновенія съ полиціймейстеромъ выдержали многодневную голодовку, доведшую ихъ до полнаго почти истощенія. Только послѣ объявленія врача, что едва ли голодающія женщины проживутъ наступившія сутки, генералъ-губернаторъ уступилъ просьбамъ представителей общества и приказалъ исполнить требованія женщинъ. Въ этой тюремной исторіи, какъ и въ другихъ, о которыхъ мнѣ придется ниже сообщать, Марья Павловна играла одну изъ первыхъ ролей.

Иркутскій тюремный замокъ въ описываемое время такъ же, какъ и Кіевскій, былъ знаменитъ разными трагическими происшествіями и побѣгами политическихъ ссыльныхъ. Путемъ подкопа изъ него бѣжали въ февралѣ 1880 г. восемь каторжанъ, шедшихъ на Кару: Березнюкъ — безсрочный, Волошенко, осужденный на 10 л., Иванченко — 14 л. 10 м., Александръ Калюжый — 10 л., Ник. Позенъ на 14 — л. 10 м., Попко — безсрочный, Фомичевъ — тоже и Николай Яцевичъ — на 10 л. Всѣ эти лица, вслѣдствіе плохой организаціи и ничтожной помощи, оказанной имъ находившимися на волѣ товарищами, были вскорѣ пойманы, и за эту неудачную попытку безсрочныхъ приковали къ тачкамъ, всѣмъ же остальнымъ значительно увеличили сроки пребыванія на каторгѣ. Кромѣ этихъ лицъ, изъ Иркутскаго же замка бѣжали Софья Богомолецъ и Елиз. Ковальская, но и онѣ также были вновь арестованы. Затѣмъ Е. Ковальской вторично удалось бѣжать оттуда же и, спустя мѣсяцъ или два, она снова была взята.

Видѣлъ иркутскій замокъ и двѣ казни: за нечаянное убійство въ запальчивости надзирателя въ 1881 году былъ казненъ шедшій чрезъ Иркутскъ административно-ссыльный Легкій, а черезъ два года казненъ былъ сидѣвшій подъ слѣдствіемъ учитель мѣстной гимназіи Неустроевъ за данную имъ пощечину генералъ-губернатору Анучину, при посѣщеніи послѣднимъ тюрьмы. Кромѣ того, безсрочнаго каторжанина Щедрина, также за пощечину, нанесенную имъ тамъ же чиновнику Соловьеву, приговорили къ смертной казни, которую затѣмъ замѣнили прикованіемъ къ тачкѣ. Съ послѣдней его впослѣдствіи повезли въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ, какъ извѣстно, онъ сперва сошелъ съ ума, а затѣмъ скончался.

Приведенными происшествіями далеко не исчерпывается печальная исторія иркутской тюрьмы. Но, какъ и въ кіевской, не смотря на все прошлое, въ ней въ описываемое мною время было свободнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ тюрьмахъ. Такъ, лишь только мы очутились въ камерѣ, какъ я немедленно же могъ вступить въ переговоры съ сидѣвшими въ этомъ замкѣ перечисленными выше каторжанками. Для этого я влѣзъ на окно и позвалъ Ковалевскую, камера которой приходилась надъ нашей. Она тотчасъ откликнулась и съ этихъ поръ, втеченіи недѣли, проведенной нами въ Иркутскѣ, мы часто и подолгу бесѣдовали съ нею и ея подругами. Днемъ намъ удавалось также и лично видѣться со всѣми ними, во время прогулокъ.

До этого мы не видѣлись съ Марьей Павловной Ковалевской восемь лѣтъ. Все пережитое ею въ эти годы вызывало глубокое къ ней соболѣзнованіе. Одинъ внѣшній видъ ея, вполнѣ напоминавшій поговорку: „краше въ гробъ кладутъ“, внушалъ безконечную жалость. Крайне слабая и изнуренная многолѣтней тюрьмой, Ковалевская съумѣла, однако, сохранить ту же

силу характера, тѣ же нравственныя качества, какими она выдѣлялась на волѣ. Это была та же рѣшительная, непреклонная, ни передъ чѣмъ неостанавливающаяся женщина, какую мы знали въ южномъ нашемъ кружкѣ. Такая живучесть, постоянство и энергія, не смотря на все пережитое ею, внушали расположеніе и уваженіе къ ней даже должностныхъ лицъ.

Перескакивая съ предмета на предметъ, какъ это всегда бываетъ при встрѣчахъ старыхъ знакомыхъ, прерывая воспоминанія теоретическими спорами и отъ грустныхъ темъ переходя къ добродушнымъ шуткамъ и остротамъ, мы оба какъ бы торопились вдоволь наговориться, зная, что впереди намъ предстоитъ разлука на многіе годы, а то и на всегда. Въ этихъ бесѣдахъ Марья Павловна проявлялась цѣликомъ, съ присущимъ ей кипучимъ темпераментомъ, серьезнымъ и довольно развитымъ умомъ и удивительной отзывчивостью. Ее чрезвычайно интересовало все, происходившее на волѣ и касавшееся общественнаго движенія въ Россіи и на западѣ. При этомъ она умѣла распрашивать своего собесѣдника и извлекать изъ каждаго наиболѣе существенное и извѣстное ему. Меня она заставила подробно разсказать ей о европейскомъ рабочемъ движеніи и, вообще, изложить свои впечатлѣнія о западно-европейской жизни. При этомъ у насъ, конечно, завязывались продолжительные и горячіе споры, продолжавшіеся за полночь. Признавая, въ общемъ, преимущества европейскаго соціальнаго строя, она, однако, находила въ немъ многое несимпатичнымъ, по сравненію съ Россіей, а тамошніе, напр., тюремные порядки вызывали въ ней глубокое возмущеніе. По своимъ воззрѣніямъ Ковалевская оставалась все той же бунтарькой, какой была на волѣ. Да оно и вполнѣ понятно: все ея прошлое протекло въ тотъ именно періодъ нашего революціоннаго движенія, когда это направленіе было господствующимъ, по крайней мѣрѣ, на югѣ и не появлялось никакого намека на критику его. Кромѣ того, „бунтарство“, задававшееся, какъ извѣстно, цѣлью возбуждать народъ, вѣрнѣе — крестьянство къ активнымъ протестамъ, — бунтамъ, на почвѣ мѣстнаго недовольства, — болѣе всего соотвѣтствовало кипучему, неподчинявшемуся никакимъ рамкамъ и дисциплинѣ характеру Ковалевской.

Очень много общаго съ Марьей Павловной имѣла сидѣвшая въ то время въ иркутскомъ замкѣ Софья Николаевна Богомолецъ. Дочь богатаго помѣщика Полтавской губ., урожденная Присѣцкая, Софья Николаевна, по окончаніи кіевской гимназіи, поступила на высшіе курсы въ Петербургѣ; затѣмъ она вышла замужъ за врача и такъ же, какъ Ковалевская, примкнула къ революціонному движенію на югѣ. Въ 1880 г. она была арестована и привлечена къ дѣлу такъ назыв. южно-русскаго рабочаго Союза. Въ числѣ другихъ обвиняемыхъ, военный судъ,

состоявшійся въ Кіевѣ, приговорилъ С. Богомолецъ къ 10 г. каторжныхъ работъ. Сверхъ того, за упомянутый выше побѣгъ ей было прибавлено еще 5 лѣтъ, затѣмъ за столкновеніе съ администраціею она получила еще одинъ годъ, съ переводомъ въ разрядъ испытуемыхъ на весь срокъ, что, какъ я ниже объясню, значительно увеличивало время ея пребыванія на каторгѣ.

Какъ и Марья Павловна, С. Богомолецъ была ярой бунтаркой не только по убѣжденіямъ, но и по темпераменту: все время ея пребыванія на каторгѣ — около 10 л. — прошло не только въ непримиримой, но въ отчаянной борьбѣ со всякаго рода начальствомъ. Въ этомъ отношеніи С. Богомолецъ шла еще значительно дальше своей подруги: между тѣмъ какъ М. Ковалевская возставала лишь противъ всякаго рода насилій, Софья Николаевна въ каждомъ чиновникѣ видѣла политическаго врага, простой разговоръ съ которымъ она считала уже непозволительнымъ опортунизмомъ. Она видѣла отступленіе отъ революціонныхъ принциповъ въ такихъ, напр., актахъ, какъ допущеніе обыскивать себя безъ сопротивленія. Малѣйшій компромисъ, на каковой поневолѣ принужденъ идти всякій заключенный, С. Богомолецъ считала малодушіемъ и преступленіемъ. Сама она ничему не подчинялась и ничего не боялась. Нисколько не заботясь не только о своемъ здоровьѣ, но и о жизни, Софья Николаевна рѣшительными пріемами поведенія прямо держала въ страхѣ разнаго рода должностныхъ лицъ, такъ какъ они вполнѣ убѣдились, что ее нельзя обуздать никакими наказаніями. Самымъ близкимъ, вѣрнѣе даже — единственнымъ ея другомъ была Елена Россикова, не смотря на большую разницу въ ихъ возрастахъ: между тѣмъ какъ С. Богомолецъ было тогда около 30 лѣтъ, — Россиковой далеко перевалило за сорокъ. Послѣдняя въ концѣ 70-хъ гг. пріобрѣла у насъ довольно большую извѣстность.

Весной 1879 г. въ г. Херсонѣ обнаружена была кража изъ мѣстнаго казначейства 1.500,000 руб., путемъ подкопа изъ сосѣдняго дома. Полиція вскорѣ напала на слѣдъ и по дорогѣ въ одну изъ окрестныхъ деревень нагнала женщину, которая везла что-то въ мѣшкахъ, находившихся на крестьянской телѣгѣ. Женщина эта оказалась женой управляющаго однимъ крупнымъ имѣніемъ на югѣ, Еленой Россиковой, а въ мѣшкахъ полиція нашла 1.000,000 руб. Спустя нѣкоторое время найдены были, за вычетомъ 10 тыс. руб., и остальныя деньги. Главными организаторами этого небывалаго у насъ предпріятія оказались Федоръ Юрковскій и Ел. Россикова. Они затѣяли похищеніе денегъ для революціонныхъ цѣлей. Состоявшійся въ Одессѣ военный судъ приговорилъ Россикову къ безсрочной каторгѣ, послѣ чего ее отправили на Кару. Но, какъ я уже упоминалъ

за столкновеніе съ комендантомъ, ее, вмѣстѣ съ тремя подругами, въ видѣ наказанія, перевели оттуда въ иркутскій замокъ. На каторгѣ Россикова также все врия вела безпощадную борьбу и, какъ Ковалевская и Богомолецъ, также ни предъ чѣмъ не останавливалась, никого и ничего не боялась.

Наконецъ, четвертой узницей въ иркутскомъ замкѣ, когда мы туда прибыли, была Марія Кутитонская. Воспитанница одесскаго института, она также примкнула къ революціонному движенію на югѣ въ срединѣ 70-хъ годовъ. Лѣтомъ 1879 г. она была арестована и привлечена къ суду по дѣлу Чубарова, Лизогуба и др. Военный судъ приговорилъ ее къ 4 г. каторжныхъ работъ. По окончаніи этого срока на Карѣ, Кутитонскую отправили на поселеніе въ городокъ Акшу Забайкальской Области. Но недолго пользовалась она относительной свободой. На Карѣ въ 1882 г. нѣкоторыми заключенными сдѣлана была попытка бѣжать изъ тюрьмы, что вызвало чрезвычайныя репрессіи и о чемъ подробнѣе сообщу ниже. Когда слухъ о всемъ перенесенномъ карійскими товарищами дошелъ до Кутитонской, она рѣшила отомстить главному виновнику расправы надъ заключенными, — забайкальскому губернатору Ильяшевичу. Безъ разрѣшенія она уѣхала изъ Акши въ Читу и здѣсь, заявившись къ губернатору на квартиру, выстрѣлила въ него, но не причинила ему никакого вреда. Тѣмъ не менѣе, состоявшійся надъ нею военный судъ приговорилъ ее къ смертной казни, которая затѣмъ замѣнена была безсрочной каторгой.

Стройная, изящная блондинка, съ мягкими, добрыми чертами лица, Марія Кутитонская располагала къ себѣ съ перваго взгляда. Массу физическихъ лишеній и нравственныхъ страданій пришлось ей перенести, пока она находилась въ предварительномъ заключеніи по дѣлу о покушеніи на губернатора: все время ее держали въ темномъ и сыромъ помѣщеніи на карцерномъ положеніи, т. е. на одномъ хлѣбѣ и водѣ. Уголовные арестанты-бывшіе въ той же тюрьмѣ, прониклись къ бѣдной узницѣ большой симпатіей; они, по ея разсказу, называли ее „Купидонской", что дѣйствительно шло къ ней. Съ большимъ для себя рискомъ, уголовные пробирались въ то зданіе, гдѣ ее содержали, и, урывая отъ своихъ скудныхъ средствъ, снабжали ее кое-чѣмъ съѣстнымъ. Если-бы не эта помощь, Кутитонская, вѣроятно, не дожила бы и до суда. Ужасный режимъ крайне гибельно отозвался на ея здоровьѣ: Кутитонская получила болѣзнь легкихъ, отъ которой она скончалась въ иркутскомъ замкѣ (въ 1887 г.).

Отъ этихъ узницъ мы отчасти узнали о карійской жизни. Но онѣ знали, главнымъ образомъ, свою, женскую тюрьму; къ тому же ихъ давно уже увели съ Кары, а съ тѣхъ поръ тамъ многое измѣнилось. Болѣе обстоятельнымъ источникомъ для

ознакомленія съ предстоявшей намъ жизнью послужилъ встрѣтившійся намъ тамъ же Фердинандъ Люстигъ. Когда-то артиллерійскій офицеръ, Люстигъ, вышедши въ отставку, поступилъ въ петербургскій технологическій институтъ и былъ на IV курсѣ. Затѣмъ онъ примкнулъ къ народовольческому направленію, но вскорѣ былъ арестованъ. Его привлекли по процессу 20-ти *) и приговорили къ 4 г. каторжныхъ работъ. Когда мы съ нимъ встрѣтились въ иркутской тюрьмѣ, онъ, отбывъ свой срокъ, шелъ на поселеніе. Въ его разсказахъ о карійской жизни было много безотраднаго. Наиболѣе грустнаго характера были его сообщенія о матеріальныхъ условіяхъ лицъ, находившихся на Карѣ, а также свѣдѣнія о комендантѣ, завѣдывавшемъ политическими каторжанами, жандармскомъ ротмистрѣ Николинѣ.

Въ Иркутскѣ отъ насъ отстали семь человѣкъ: Малеванный и Варвара Щулепникова, ушедшіе въ г. Киренскъ, Іорданъ и Рубинокъ, отправленные въ Якутскую область, Л. Чемоданова, Васияьевъ и Дашкевичъ, поселенные въ деревнѣ Тункѣ (Иркут. губ.). Такимъ образомъ, на Дальній востокъ насъ отправилось только четверо: я, Чуйковъ и М. Калюжная, шедшіе на каторгу и административно ссылавшійся въ Забайкальскую область Е. Лазаревъ. Мы тронулись въ путь, вмѣстѣ съ уголовной партіею въ концѣ сентября. До конечнаго пункта на Карѣ намъ, каторжанамъ, оставалось еще болѣе 1200 верстъ, и на этотъ переходъ нужно было употребить еще около двухъ съ половиной мѣсяцевъ. Между тѣмъ уже наступали холода и изъ Лиственичной чрезъ два дня уходилъ послѣдній пароходъ, увозившій арестантовъ чрезъ озеро Байкалъ. Опоздай мы къ этому сроку, намъ пришлось бы зимовать въ иркутской тюрьмѣ.

Была сухая осень. Бурный Байкалъ отнесся къ намъ довольно благосклонно. На расположенной на противоположномъ берегу озера станціи Мысовой мы должны были переночевать. Когда камера наша была уже заперта на ночь, вдругъ раздался шумъ отпиравшагося замка и затѣмъ вошла молодая женщина, въ которой я вскорѣ узналъ Софью Иванову. Подобно Перовской, Фигнеръ и другимъ выдающимся женщинамъ 70 годовъ, Софья Иванова, послѣ распаденія общества „Земля и Воля“, примкнула осенью 1879 г. къ вновь образовавшейся организаціи „Народная Воля“. Съ этимъ интереснѣйшимъ моментомъ нашего революціоннаго движенія совпадаетъ мое знакомство съ С. Ивановой, какъ и со многими другими сторонниками террористической фракціи. Въ январѣ 1880 г., какъ извѣстно, С. Иванова была арестована въ Петербургѣ въ тайной типографіи, въ которой печаталась газета „Народная Воля“. Во время ареста она

*) Проц. Михайлова, Александра Суханова и др. разбирался въ Петербургѣ лѣтомъ 1882 г.

и четверо ея товарищей оказали жандармамъ вооруженное сопротивленіе. Привлеченная къ суду въ 1880 г. по процессу Александра Квятковскаго, Пръснякова, Зунделевича и др., С. Иванова была приговорена къ четыремъ годамъ каторжныхъ работъ. Въ описываемое мною время, она, отбывъ свой срокъ, шла на поселеніе въ г. Киренскъ Иркутс. губ. Мы очень обрадовались этой неожиданной встрѣчѣ; но, къ сожалѣнію, наше свиданіе было очень непродолжительно, такъ какъ С. Ивановой нужно было отправиться черезъ Байкалъ съ тѣмъ же пароходомъ, который насъ привезъ, а это должно было случиться чрезъ нѣсколько часовъ. Наскоро передавъ другъ другу нѣкоторыя наиболѣе интересныя свѣдѣнія изъ собственной жизни и объ общихъ нашихъ друзьяхъ, мы надолго простились съ ней, — послѣ этого мимолетнаго свиданія на берегу Байкальскаго озера мы больше уже не видѣлись.

Спустя нѣсколько дней, по выходѣ изъ Иркутска, партія наша прибыла въ Верхнеудинскъ — первый городъ по ту сторону Байкала. Какъ и во всей Сибири, мѣстная тюрьма была тѣсна и вся переполнена уголовными арестантами. Зная это, сопровождавшій нашу партію фельдфебель*) провелъ насъ, четырехъ, въ полицейское правленіе. Время было уже послѣ присутствія, когда всѣ служащіе разошлись по домамъ. Тогда фельдфебель просто оставилъ насъ въ канцеляріи, а самъ отправился розыскивать кого-нибудь изъ начальства. Помѣщеніе, въ которомъ мы остались, никѣмъ не охранялось, къ тому же входная дверь была открыта, и въ окнахъ не было рѣшетокъ. Свободно расхаживая по улицѣ, мы сами удивлялись патріархальности такихъ нравовъ, не представляло ни малѣйшаго труда уйти изъ канцеляріи, не будучи никѣмъ замѣченнымъ. Но, какъ я уже выше сообщалъ, наибольшей трудностью въ описываемое время было скрыться отъ начинавшихся розысковъ послѣ побѣга политическаго ссыльнаго. Елиз. Ковальская дважды удачно убѣгала изъ иркутской тюрьмы, и каждый разъ ее вновь арестовывали. То же, какъ я сообщалъ, случалось со всѣми другими бѣглецами въ описываемое время. Если такъ трудно было скрыться, имѣя нѣкоторыя связи и помощь извнѣ, то совершенно нелѣпо было-бы бѣжать намъ въ Верхнеудинскѣ, небольшомъ городкѣ, всѣ жители котораго были на виду, не имѣя ни средствъ, ни знакомыхъ. Мнѣ пріятно было видѣть отсутствіе конвойныхъ и всякихъ запоровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ являлось какъ-бы недовольство, зачѣмъ намъ предоставлена такая свобода, для чего подвергаютъ насъ соблазну.

Въ Верхнеудинскѣ мы нашли шедшаго съ Кары на поселеніе

*)Вездѣ за Байкаломъ партіи вели не офицеры, а фельдфебеля или унтеръ офицеры

Стеблина-Каменскаго съ добровольно слѣдовавшей за нимъ женой. Какъ извѣстно, онъ судился въ Кіевѣ въ 1879 г. вмѣстѣ съ Маріей Ковалевской и другими лицами за оказанное при арестѣ вооруженное сопротивленіе и былъ приговоренъ къ десяти годамъ каторжныхъ работъ. Здѣсь скажу уже, что впослѣдствіи, проживъ много лѣтъ въ Якутской области, Каменскій получилъ право поселиться въ г. Иркутскѣ, гдѣ покончилъ самоубійствомъ. Когда мы встрѣтили его съ женой въ Верхнеудинскѣ, онъ произвелъ на всѣхъ насъ впечатлѣніе вполнѣ сохранившагося, нисколько не надломленнаго человѣка. Его разсказы о карійской жизни, о господствовавшихъ среди тамошнихъ нашихъ товарищей обычаяхъ и нравахъ были полны добродушнаго юмора. Отъ него, какъ и отъ другихъ встрѣчавшихся намъ затѣмъ лицъ, которыя шли съ Кары на поселеніе, мы все болѣе и болѣе узнавали подробностей о характерѣ коменданта Николина. По единодушному отзыву всѣхъ, это былъ злой и хитрый жандармъ, вѣчно употреблявшій новые пріемы, чтобы повредить политическимъ и ухудшить ихъ положеніе.

Всего на пути отъ Иркутска до Кары мы встрѣтили десять человѣкъ, шедшихъ на поселеніе. Многіе годы, проведенные большинствомъ изъ нихъ въ стѣнахъ тюрьмы, повидимому, наложили на нихъ свой тяжелый отпечатокъ: въ голосахъ у нѣкоторыхъ слышались грустныя ноты, на лицахъ видны были складки морщинъ, а кое у кого имѣлась уже и значительныхъ размѣровъ лысина, хотя всѣ эти лица были лишь въ возрастѣ отъ 25 до 35 лѣтъ. Но, за исключеніемъ одного-двухъ изъ шедшихъ на поселеніе и обнаружившихъ въ разговорахъ съ нами нѣкоторую надломленность, всѣ остальные, наоборотъ, производили впечатлѣніе людей, хотя и пострадавшихъ, но бодрыхъ, не потерявшихъ вѣры въ общее дѣло, не разочаровавшихся ни въ немъ, ни въ людяхъ. Почти всѣ возвращавшіеся съ большой нѣжностью и грустью вспоминали о многихъ изъ оставшихся въ карійской тюрьмѣ товарищахъ и выражали сожалѣніе, что имъ, быть можетъ, пришлось навсегда разстаться съ ними. Рѣдко кто изъ этихъ лицъ обманывалъ себя надеждой на счетъ будущаго. Предвидя долгіе годы пребыванія въ какихъ-нибудь глухихъ безлюдныхъ захолустьяхъ Сибири, съ предстоявшими тамъ лишеніями и матеріальной нуждой, иной съ грустью высказывалъ опасеніе, что, быть можетъ, въ будущемъ ему придется пожалѣть и о времени, проведенномъ въ тюрьмѣ. Но сколь мало привлекательной ни рисовалась имъ жизнь на поселеніи, многіе изъ нихъ все же замѣтно рады были, что они идутъ „на волю“. Ограниченная для политическихъ ссыльныхъ разными стѣсненіями и запрещеніями, эта „воля“ все же представляла нѣкоторыя преимущества предъ тюрьмой.

Наиболѣе бодрое впечатлѣніе произвелъ на меня Ив. Кашин-

цевъ. Студентъ харьковскаго университета, онъ, вмѣстѣ съ С. Богомолецъ, судился въ Кіевѣ по процессу южно-русскаго рабочаго союза и былъ приговоренъ къ десяти годамъ каторжныхъ работъ. По манифесту 1883 г. срокъ этотъ былъ ему сокращенъ на одну треть, что не мѣшало, однако, сослать его на поселеніе въ Якутскую область. Но въ разговорѣ со мною, при встрѣчѣ на какомъ-то этапѣ, онъ передалъ мнѣ, что непремѣнно убѣжитъ изъ Якутки и, какъ впослѣдствіи оказалось, дѣйствительно осуществилъ свое намѣреніе. Насколько мнѣ извѣстно, Кашинцевъ живетъ съ тѣхъ поръ за-границей.

На что томительно долго длилось тогда шествіе лицъ, отправляемыхъ въ Сибирь, но еще неимовѣрно медленнѣе двигались возвращавшіеся съ Кары на поселеніе. На каждомъ этапѣ имъ приходилось дожидаться по недѣлѣ конвоя; поэтому, въ среднемъ, на пути отъ Кары до Иркутска едва-ли они дѣлали тогда болѣе пяти-шести верстъ въ день.

Какъ я уже упомянулъ выше, чѣмъ далѣе мы двигались на востокъ, тѣмъ отношенія всякаго рода начальства, какъ къ намъ, политическимъ, такъ и къ уголовнымъ, становились все патріархальнѣе, и за строгимъ выполненіемъ инструкцій никто не слѣдилъ. Наглядньмъ доказательствомъ такого отношенія можетъ служить такой случай: на одномъ этапѣ въ Забайкальѣ у меня украли кандалы, которые лежали въ мѣшкѣ вмѣстѣ съ другими отчасти казенными, отчасти своими вещами. Объ этой пропажѣ пришлось заявить офицеру. Я предполагалъ, что онъ хоть чѣмъ-нибудь выразитъ свое отношеніе къ тому, что кандалы, вмѣсто того, чтобы находиться на моихъ ногахъ, перевозились мною въ мѣшкѣ, но офицеръ, оказалось, отнесся къ этому факту, какъ къ вполнѣ нормальному. Онъ, видимо, больше сожалѣлъ объ украденныхъ сапогахъ и другихъ моихъ собственныхъ вещахъ, чѣмъ о кандалахъ и, вообще, казенномъ имуществѣ.

— Какъ же мнѣ теперь быть? спросилъ я его, вѣдь, когда я приду на Кару, у меня могутъ потребовать кандалы?

— Это вѣрно, воскликнулъ онъ, погодите, кажется, у меня гдѣ-то валяются кандалы, — вспомнилъ онъ затѣмъ и, позвавъ фельдфебеля, приказалъ ему разыскать ихъ.

— Теперь слѣдите же за ними внимательнѣе, сказалъ онъ, когда, получивъ новые кандалы, я опять спряталъ ихъ среди своихъ вещей.

Наступила зима, а съ нею пошли жестокіе сибирскіе морозы. Мы перевалили черезъ Яблоновый хребетъ и приближались къ главному городу Забайкальской области — къ Читѣ. Вотъ мы на послѣднемъ полу-этапѣ. Въ камерѣ уголовныхъ всю ночь странное, необычайное движеніе: поминутно къ нимъ заходятъ фельдфебель и конвойные солдаты, они что-то вносятъ и выно-

сятъ. На слѣдующій день разъяснилось, въ чемъ дѣло. Не смотря на то, что остававшійся до Читы станокъ былъ громадный, — если память мнѣ не измѣняетъ, болѣе 40 верстъ, — партія вышла съ полу этапа позже обычнаго времени. На полдорогѣ стояла такъ называемая въ Сибири „заимка", т. е. одинокая изба со службами. Изъ разсказовъ встрѣчавшихся намъ товарищей, шедшихъ съ Кары, мы знали, что „заимка" эта принадлежала какому-то старику, который выдавалъ себя за декабриста. Въ этой заимкѣ партія расположилась на отдыхъ. Насъ четырехъ ввели въ отдѣльную, чистую комнату. Вскорѣ пришелъ туда высокій, плотный и еще очень бодрый старикъ представительной наружности. Онъ и намъ отрекомендовался декабристомъ Караваевымъ. По его словамъ, въ качествѣ корнета гвардейскаго кавалерійскаго полка, онъ привлекался по дѣлу 14 декабря и былъ приговоренъ на поселеніе въ Сибирь; ему, слѣдовательно, должно было быть около 80 лѣтъ, но на видъ нельзя было дать ему и 70. За угощеніе онъ отказался взять съ насъ плату. Между тѣмъ въ сосѣднемъ помѣщеніи шелъ какой-то торгъ и кутежъ. Не знаю, дѣйствительно ли Караваевъ имѣлъ какое-нибудь отношеніе къ декабристамъ. Сомнѣваюсь, тѣмъ болѣе, что, насколько помню, такой фамиліи нѣтъ въ спискѣ привлекавшихся по дѣлу 14 декабря. Какъ бы тамъ ни было, въ указанное мною время этотъ господинъ, какъ вскорѣ выяснилось, занимался совсѣмъ недостойнымъ дѣломъ.

Былъ уже вечеръ, когда наша партія столпилась у воротъ читинской тюрьмы. Медленно шелъ процессъ пріема арестантовъ и провѣрка выданныхъ имъ казенныхъ вещей. Морозъ, между тѣмъ, все крѣпчалъ. Вездѣ по пути, на этапахъ и въ тюрьмахъ насъ, политическихъ, всегда принимали первыми, не провѣряя вещей, такъ какъ всѣ должностныя лица прекрасно знали, что мы не пропивали и не проигрывали казеннаго имущества. Но о смотрителѣ мѣстной тюрьмы среди нашихъ шла молва, что онъ ненавидитъ политическихъ ссыльныхъ и считаетъ ихъ хуже всякихъ закоренѣлыхъ уголовныхъ преступниковъ. Скоро и мы въ этомъ убѣдились: онъ продолжалъ пріемку арестантовъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ насъ, и заставляя насъ, такимъ образомъ, мерзнуть на улицѣ. Мы, наконецъ, обратились къ нему съ предложеніемъ, чтобы онъ насъ поскорѣе отпустилъ, такъ какъ насъ всего четверо и вещи у насъ въ порядкѣ. Но онъ заявилъ, что приметъ сперва уголовныхъ, а это должно было закончиться очень не скоро. Мы рѣшительно запротестовали, и онъ принужденъ былъ уступить. Изъ ненависти къ политическимъ онъ старался также помѣщать ихъ въ самой скверной, какая только имѣлась въ этой тюрьмѣ камерѣ. Отведенная намъ камера оказалась невозможной, давно нетопленной и неимовѣрно грязной. Мы отказались расположиться въ

ней и вышли во дворъ, гребуя, чтобы намъ дали лучшее помѣщеніе. Но смотритель не обратилъ на это никакого вниманія, хотя стоялъ жестокій морозъ. Только поздно ночью, убѣдившись, что мы не войдемъ въ камеру, онъ уступилъ нашему требованію и отвелъ намъ хорошую камеру.

Между тѣмъ, черезъ сутки, когда партія уголовныхъ вновь должна была отправиться въ дальнѣйшій путь, у большинства арестантовъ не оказалось казенныхъ вещей. Только тогда мы поняли, что означало замѣченное нами среди уголовныхъ и конвоя оживленіе, происходившее на послѣднемъ предъ Читою полу-этапѣ и чѣмъ объяснялся кутежъ на заимкѣ сомнительнаго „декабриста". Состоя, повидимому, въ сговорѣ съ конвоемъ, Караваевъ, конечно, за безцѣнокъ пріобрѣталъ отъ арестантовъ казенныя вещи, а полученныя послѣдними отъ него деньги тутъ же ими пропивались. Для предъявленія, при провѣркѣ вещей въ Читѣ, фельдфебель, при содѣйствіи Караваева, вѣроятно, снабжалъ уголовныхъ разнымъ тряпьемъ, но, чтобы это не обнаружилось при пріемѣ партіи, онъ и старался привести ее въ городъ вечеромъ, что казалось вполнѣ естественнымъ въ виду большаго разстоянія отъ послѣдняго полу-этапа. Вслѣдствіе холода и поздняго времени, тюремное начальство тщательно провѣряло вещи только у стоявшихъ первыми по списку, у остальныхъ же онѣ осматривались поверхностно. Словомъ, Караваевъ, повидимому, не спроста поселился на трактѣ въ одинокой заимкѣ. Предъ отправкой изъ Читы у большинства арестантовъ не оказалось никакой одежды; ихъ тогда подвергли тѣлесному наказанію и затѣмъ имъ вновь были выданы вещи.

Я, Чуйковъ и Калюжная рѣшили остаться въ Читѣ на двѣ недѣли, чтобы отдохнуть отъ продолжительнаго и тяжелаго путешествія. Со времени выхода изъ Иркутска прошло уже около шести недѣль; морозы съ каждымъ днемъ все крѣпчали, и мы чувствовали большую усталость. Намъ некуда было торопиться, такъ какъ мы хорошо знали, что впереди насъ ждетъ заключеніе въ стѣнахъ тюрьмы втеченіе многихъ лѣтъ. А въ Читѣ мы, какъ находившіеся въ пути, пользовались нѣкоторыми льготами. Къ тому же тамъ въ это время жили въ качествѣ поселенцевъ наши товарищи, бывшіе карійцы, и отъ нихъ мы могли узнавать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Чтобы остаться въ Читѣ до слѣдующей партіи, требовалось разрѣшеніе врача, но намъ нетрудно было его получить, такъ какъ у каждаго оказался какой-нибудь недугъ.

Въ послѣднихъ числахъ ноября мы отправились въ дальнѣйшій путь, на этотъ разъ при семейной арестантской партіи. За городомъ насъ встрѣтили три товарища, жившіе въ Читѣ и проводившіе насъ нѣсколько верстъ. Зима была безснѣжная, поэтому весь путь по Забайкалью намъ пришлось ѣхать на не-

имовѣрно тряской двуколескѣ. Члены коченѣли отъ жестокаго холода, несмотря на то, что мы натягивали на себя всю имѣвшуюся у насъ теплую, полученную отъ казны одежду, такъ что съ трудомъ могли въ ней передвигаться. Чтобы не замерзнуть, приходилось, соскакивая съ двуколески, пробѣжать нѣкоторое пространство. Тяжело было смотрѣть на несчастныхъ арестантовъ и ихъ женъ, а особенно на ребятишекъ, находившихся при родителяхъ. Немногимъ лучше бывало на этапахъ и полу-этапахъ, такъ какъ и тамъ, не скоро по приходѣ, удавалось согрѣться, потому что эти зданія мы, въ большинствѣ случаевъ, находили давно нетопленными. Въ этихъ случаяхъ голодные и утомленные арестанты принимались за рубку и колку дровъ. Затопленныя печи, случалось, дымили и издавали чадъ. Жутко, холодно и непріютно бывало на этапахъ зимой, еще хуже, чѣмъ лѣтомъ. Въ описываемое время не вездѣ въ Забайкальѣ имѣлись достаточныхъ размѣровъ казенныя зданія для арестантовъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вовсе не бывало таковыхъ. Въ этихъ случаяхъ насъ троихъ, а то и всю партію размѣщали въ крестьянскихъ избахъ. Мы всегда бывали рады такимъ пристанищамъ, — даже самая простая хата казалась намъ чуть не дворцомъ. Помню, мы вслухъ высказывали желаніе, чтобы и въ будущемъ мы могли пользоваться такимъ „комфортабельнымъ“ жилищемъ. Оставаясь на ночь, а то и на двѣ у крестьянъ, мы вступали въ бесѣды съ ними и приходившими къ нимъ сосѣдями; такимъ образомъ, мы знакомились съ мѣстными жителями и ихъ бытомъ.

Однажды, недоѣзжая Нерчинска — послѣдняго города, черезъ который намъ предстояло пройти, я увидѣлъ, какъ молодой конвойный солдатъ жестоко бьетъ прикладомъ жалкаго на видъ старика-арестанта, примостившагося на двухколескѣ, на которой лежалъ багажъ. Остановивъ эту расправу, я изъ распросовъ обоихъ узналъ, что солдатъ самъ хотѣлъ сѣсть на эту подводу. Я накричалъ на него и разсказалъ объ его расправѣ фельдфебелю, пригрозивъ послѣднему пожаловаться въ Нерчинскѣ начальству на распущенность конвоя. Проходя на слѣдующій день по городу, по направленію къ тюрьмѣ, я направился въ колбасную. Позади меня раздался окрикъ: „куда? зачѣмъ?“ Оглянувшись, я увидѣлъ того самого солдата, который билъ арестанта. Онъ послѣдовалъ за мною въ колбасную. Фельдфебеля въ этотъ моментъ не было при партіи: я видѣлъ, какъ онъ уѣхалъ впередъ съ подрядчикомъ, доставлявшимъ подводы, и онъ нагналъ насъ уже у самыхъ воротъ тюрьмы, — надо полагать, что онъ въ это время угощался. Когда смотритель тюрьмы сталъ принимать насъ, онъ вдругъ обратился ко мнѣ съ заявленіемъ, что на меня у него имѣется жалоба отъ „конвойнаго начальника,“ то есть отъ фельдфебеля, за то, что я „въ пути самовольно выходилъ изъ цѣпи и оскорбилъ конвоира.“ Я совсѣмъ, было, забылъ

про свою угрозу пожаловаться на конвойнаго за избіеніе арестанта; фельдфебель же помнилъ это и самъ забѣжалъ впередъ съ своей жалобой на меня. Хотя въ пути совершались и не такія ничтожныя нарушенія инструкціи, какъ выходъ изъ цѣпи, но разъ до высшаго начальства дошла бы жалоба на меня старшаго конвоира, могла бы выйти крайне непріятная для меня исторія. Поэтому, я на словахъ объяснилъ смотрителю, какъ происходило дѣло и рѣшилъ письменно изложить все случившееся для отсылки губернатору.

Въ Нерчинскѣ меня съ Чуйковымъ помѣстили въ мужской тюрьмѣ, а для М. Калюжной смотритель отвелъ небольшую комнатку, находившуюся при кордегардіи. Въ описываемое мною время я прошелъ уже бо́льшую часть Сибири и успѣлъ познакомиться въ ней со всевозможными мѣстами заключенія, но тюрьмы, аналогичной нерчинской, мнѣ нигдѣ не приходилось видѣть. Слабо освѣщенный тускло горѣвшей лампой корридоръ сплошь былъ покрытъ людьми въ рубищахъ и совершенно голыми. Камеры, съ нарами въ два яруса, также были переполнены арестантами, лежавшими плечо къ плечу всюду въ грязи и слякоти. Чтобы пройти въ предназначавшуюся намъ, сообща съ „привиллегированными“ уголовными, камеру, находившуюся въ концѣ корридора, мы съ Чуйковымъ должны были буквально переступать черезъ покрывавшія полъ полуобнаженныя и совсѣмъ голыя тѣла. Ужасно тяжелый воздухъ, обусловливавшійся чрезмѣрнымъ скопленіемъ людей, усиливался еще вонью, исходившей изъ огромныхъ надокъ-параш: онѣ стояли совершенно открытыми и кругомъ нихъ были лужи, въ которыя арестанты ступали босыми ногами и затѣмъ разносили вонючую жидкость по корридору и по камерамъ. При такой обстановкѣ въ разныхъ концахъ сидѣли на полу и на нарахъ кучки людей и, при тускломъ свѣтѣ огарковъ, съ азартомъ играли въ карты. Кругомъ стоялъ неимовѣрный шумъ. Все вмѣстѣ взятое производило впечатлѣніе ужаснаго вертепа.

Въ камерѣ „привилегированныхъ“, куда мы добрались не безъ нѣкоторыхъ усилій, была нѣсколько меньшая тѣснота. Тамъ мы нашли расположившимися на полу двухъ товарищей, шедшихъ съ Кары на поселеніе — Чикоидзе и Л. Цукермана. Потѣснившись, они дали возможность и мнѣ съ Чуйковымъ кое-какъ устроиться около нихъ. Встрѣчѣ съ Цукерманомъ я былъ особенно радъ. Я зналъ его еще на волѣ, въ Швейцаріи, куда, насколько помню, онъ пришелъ изъ Берлина пѣшкомъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Проработавъ въ Женевѣ въ типографіи „Общины“, онъ лѣтомъ 1879 г. отправился нелегально въ Петербургъ. Это было въ періодъ происходившаго тогда раскола среди членовъ общества „Земля и Воля“. Примкнувъ къ лицамъ, основавшимъ вскорѣ типографію „Народной Воли“, Цукерманъ сталъ работать

въ послѣдней. Но это длилось очень короткое время: уже въ январѣ 1880 г. онъ, вмѣстѣ съ Софіей Ивановной и другими лицами, былъ взятъ въ этой типографіи послѣ энергично оказаннаго арестованными вооруженнаго сопротивленія. По разсказамъ сопроцесниковъ, Цукерманъ, какъ во время ареста, такъ слѣдствія и суда, велъ себя самымъ мужественнымъ образомъ. Чтобы выгородить товарищей, онъ бралъ на себя вину другихъ и утверждалъ, что онъ стрѣлялъ при арестѣ, чего не было въ дѣйствительности. Приговоренный къ восьми годамъ каторжныхъ работъ, онъ былъ отправленъ на Кару, гдѣ пріобрѣлъ общую симпатію товарищей своимъ мягкимъ характеромъ и всегда веселымъ настроеніемъ. Очень наблюдательный и надѣленный большимъ юморомъ Цукерманъ своими шутками и остротами заставлялъ товарищей забывать о всемъ тяжеломъ, что имъ приходилось переживать. Безконечно добрый, простой и непритязательный, онъ все готовъ былъ сдѣлать для другого, совершенно забывая о себѣ. Во время нашей непродолжительной встрѣчи въ Нерчинской тюрьмѣ онъ также смѣшилъ насъ своими остротами и въ юмористическомъ видѣ изображалъ свою будущую жизнь въ улусѣ Якутской области. Къ несчастью, онъ не предвидѣлъ, что ожидаетъ его въ ближайшемъ будущемъ. Привыкшій ко всякимъ лишеніямъ, всегда веселый Цукерманъ, не вынесъ, однако, ужасныхъ условій жизни въ безлюдномъ улусѣ: въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ отъ тоски покончилъ съ собою.

Чикоидзе, вмѣстѣ съ нѣсколькими земляками, уроженцами Кавказа, въ началѣ семидесятыхъ годовъ примкнули къ такъ называемому московскому кружку пропагандистовъ. Въ 1875 г. онъ былъ арестованъ и по процессу пятидесяти приговоренъ былъ къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь. Оттуда въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ бѣжалъ и въ качествѣ нелегальнаго примкнулъ къ „Народной Волѣ“. Но недолго удалось ему пробыть на волѣ: весной 1882 г. онъ вновь былъ арестованъ и за побѣгъ изъ Сибири приговоренъ къ тремъ годамъ каторжныхъ работъ. На меня Чикоидзе, при встрѣчѣ въ Нерчинскѣ, произвелъ впечатлѣніе человѣка дѣльнаго, практичнаго, обладающаго неутомимой энергіей. Казалось, куда бы ни забросила его судьба, онъ вездѣ найдетъ себѣ цѣлесообразное занятіе и никогда не падетъ духомъ. Житейскія невзгоды, дѣйствительно, не сломили его, но они подорвали его здоровье. Возвращенный, послѣ многихъ лѣтъ жизни въ Якутской области, въ Западную Сибирь, Чикоидзе скончался отъ болѣзни легкихъ въ г. Курганѣ (въ 1897 г.).

Прочитавъ въ Нерчинскѣ мою жалобу, онъ посовѣтовалъ мнѣ прекратить это дѣло, такъ какъ, по его словамъ, и фельдфебелю, и мнѣ можетъ нагорѣть. Съ моего согласія, онъ взялся приличнымъ способомъ уладить его. Когда жалоба моя, въ его присутствіи, была въ конторѣ прочитана фельд-

фебелю, онъ сталъ доказывать послѣднему, что его отдадутъ подъ судъ, если жалоба моя пойдетъ къ губернатору. Фельдфебель струсилъ и охотно согласился взять назадъ свою жалобу, если я сдѣлаю тоже самое. Когда меня затѣмъ позвали въ контору, фельдфебель, въ присутствіи Чикоидзе, смотрителя и другихъ тюремныхъ служащихъ, обѣщалъ, по возвращеніи обратно на этапъ, наказать солдата, который билъ арестанта; послѣ этого я порвалъ полученную мною отъ смотрителя обратно мою жалобу и на этомъ окончился описанный инцидентъ.

Отъ Нерчинска до Кары 200 съ чѣмъ то верстъ. Чѣмъ ближе мы подходили къ мѣсту назначенія, чѣмъ тревожнѣе становилось у меня на душѣ. Тревога эта усиливалась, благодаря сообщеніямъ разныхъ лицъ, встрѣчавшихся намъ по пути, о будущемъ нашемъ начальникѣ, жандармскомъ ротмистрѣ Николинѣ.

Въ полдень 24 декабря (по н. ст.) 1885 г. мы прибыли, наконецъ, на Усть-Кару, небольшое селеніе, въ которомъ, кромѣ уголовныхъ тюремъ, находилась тогда и женская политическая тюрьма. Тамъ мы разстались съ Маріей Калюжной, съ которой мы уже больше никогда не видѣлись. Мнѣ же съ Чуйковымъ оставалось пройти еще 15 верстъ до такъ называемой Нижней Кары, на которой и была мужская политическая тюрьма. Только на слѣдующій день по окончаніи всѣхъ формальностей, намъ предоставлена была одна двуколеска, на которую мы уложили наши вещи и книги, а сами, въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ, отправились пѣшкомъ, предварительно для порядка напяливъ на себя кандалы.

Стоялъ жестокій сибирскій морозъ. Дорога шла все въ гору. Несмотря на то, что на насъ была тяжелая одежда и кандалы, мы быстро шли впередъ, какъ бы торопясь поскорѣе попасть въ тюрьму. Мы знали, что то была наша послѣдняя прогулка внѣ стѣнъ тюрьмы, хотя и подъ конвоемъ. Всю дорогу мы шли молча, а въ головѣ у меня, какъ вѣроятно и у моего спутника Чуйкова, копошились вопросы: „что-то ждетъ тебя впереди? Придется-ли когда еще итти по этой дорогѣ?“

— Вотъ ваша тюрьма! сказалъ одинъ изъ конвойныхъ, и мы увидѣли впереди себя рядъ высокихъ паль, изъ-за которыхъ выдѣлялась крыша деревяннаго зданія. Вблизи этого забора, на встрѣчу намъ шла группа, состоявшая изъ двухъ женщинъ, казака и мужчины въ штатскомъ.

— Викторъ! воскликнулъ я, подошедши ближе и узнавъ въ послѣднемъ моего стараго товарища Костюрина, съ которымъ мы не видѣлись около девяти лѣтъ. Онъ привлекался по дѣлу ста девяноста трехъ, а затѣмъ по дѣлу о покушеніи на Гориновича и приговоренъ былъ къ десяти годамъ каторжныхъ работъ. Изъ разсказовъ встрѣчавшихся намъ товарищей, которые шли съ Кары, я уже зналъ, что Костюринъ въ эти дни также долженъ былъ уйти на поселеніе и потому я сразу узналъ его.

Остановившись, мы поздоровались и стали знакомиться съ провожавшими его женщинами. Одна изъ нихъ оказалась Наталіи Армфельдъ, осужденной вмѣстѣ съ Маріей Ковальской и другими за вооруженное сопротивленіе въ Кіевѣ, на 14 лѣтъ 10 мѣсяцевъ; другая была Раиса Прибылева, судившаяся въ 1883 г. въ Петербургѣ по процессу шестнадцати и приговоренная къ четыремъ годамъ каторжныхъ работъ. Въ описываемое мною время обѣ онѣ находились въ такъ называемой „вольной командѣ".

Каждому изъ насъ, встрѣтившихся у воротъ тюрьмы, о многомъ хотѣлось узнать, разспросить другъ друга. Мы торопились наговориться, зная, что въ нашемъ распоряженіи всего нѣсколько минутъ, такъ какъ у нашихъ конвоировъ не могло быть большой охоты долго стоять въ легкихъ солдатскихъ шинеляхъ на жестокомъ морозѣ. Между прочимъ, помню, я сказалъ шутя:

— Не правда-ли торжественная минута: два пріятеля послѣ девятилѣтней разлуки встрѣчаются у воротъ каторжной тюрьмы, изъ которой одинъ уходитъ на волю, а другой входитъ въ нее на многіе годы.

— А въ самомъ дѣлѣ, оригинальная встрѣча! замѣтилъ кто-то.

— Увидимся-ли еще когда? спросилъ я, прощаясь со всѣми.

— Увидимся! Непремѣнно увидимся, въ Петербургѣ послѣ торжества революціи! воскликнули дамы.

Увы! Съ ними мы уже не можемъ свидѣться: Наталія Армфельдъ умерла на Карѣ (въ 1887 г.), а Прибылева, впослѣдствіи Тютчева, также недавно скончалась. Костюринъ до сихъ поръ живетъ въ Сибири, и мы больше не встрѣчались.

Меня съ Чуйковымъ сперва ввели въ кордегардію, помѣщавшуюся противъ воротъ тюрьмы. Вскорѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, появился смотритель тюрьмы и начался тщательный обыскъ. За исключеніемъ теплаго бѣлья и постилокъ, все остальное наше имущество было отобрано.

— Кандаловъ можете не надѣвать, у насъ этого не требуется, сказалъ вахмистръ Голубцовъ, когда мы стали одѣваться.

Уже совершенно стемнѣло, когда мы, въ сопровожденіи жандармовъ, направились къ воротамъ тюрьмы. Со дня моего ареста прошло тогда около двухъ лѣтъ.

— Дежурный! раздалось у воротъ. Извнутри загремѣлъ засовъ, открылась калитка, и мы зашли во дворъ карійской каторжной тюрьмы, которая отнынѣ должна была служить для насъ пристанищемъ на многіе годы.

VIII.

Первые дни на Карѣ. — Старые и новые товарищи.

Мы вскорѣ очутились въ темномъ корридорѣ, слабо освѣщенномъ двумя небольшими керосиновыми лампами. Вблизи входной двери, около огромнаго сундука, стоялъ молодой человѣкъ, лѣтъ 25 26 на видъ, въ сѣрой арестантской курткѣ.

— Здравствуйте, Мартыновскій! произнесъ я, подошедши къ нему. Хотя мы съ нимъ никогда не встрѣчались, но изъ разсказовъ возвращавшихся съ Кары товарищей я зналъ, что Мартыновскій состоитъ старостой и, въ качествѣ такового, съ утра до вечерней повѣрки находится при ларѣ, въ которомъ хранились разные съѣстные припасы.

Мартыновскій посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, но, когда затѣмъ я назвалъ себя, на его серьезномъ лицѣ показалась привѣтливая улыбка. Мы не успѣли обмѣняться съ нимъ нѣсколькими словами, какъ старшій жандармъ Голубцовъ заявилъ намъ:

— Пожалуйте, Дейчъ, во второй номеръ, а вы Чуйковъ — въ четвертый.

Дверь въ указанную мнѣ камеру находилась почти противъ входной въ корридоръ. Одинъ изъ жандармовъ съ шумомъ отперъ большой висячій замокъ, и я вошелъ въ камеру, слабо освѣщенную спускавшейся съ потолка лампой съ темнымъ абажуромъ.

Вдоль трехъ стѣнъ тянулись нары, — ихъ не было лишь у наружной, въ которой имѣлось три большихъ окна, снабженныхъ толстыми желѣзными рѣшетками. Вблизи одной изъ стѣнъ, оставляя узкое пространство въ полъ аршина, помѣщалась огромныхъ размѣровъ печь, топившаяся изъ корридора; по срединѣ камеры, перпендикулярно къ наружной стѣнѣ, стоялъ длинный и узкій столъ, по обѣ стороны котораго были такого же размѣра скамьи.

Несмотря на то, что было всего часа 4-5 вечера, когда я вошелъ, нѣкоторые изъ обитателей этой камеры расположились уже спать на нарахъ, такъ какъ то были „сиріусы“*); другіе сидѣли на скамьяхъ; а два-три расхаживали по камерѣ. Всего

*) Смыслъ этого термина я объясню ниже.

въ ней до моего прихода было 15 чел., изъ нихъ Зунделевичъ и Павелъ Орловъ оказались моими старыми знакомыми съ воли. Съ ними я расцѣловался; съ новыми товарищами поздоровался заруки.

Было уже послѣ ужина. Поэтому хотя я изрядно проголодался, сдѣлавъ въ трескучій морозъ 15 верстъ пѣшкомъ, но долженъ былъ удовлетвориться однимъ чаемъ „въ прикуску“ съ чернымъ арестантскимъ хлѣбомъ. Прежде всего возникъ вопросъ, гдѣ меня устроить на нарахъ? Это оказалось не легкая задача: мнѣ хотѣлось лежать рядомъ съ Зунделевичемъ, а онъ помѣщался на короткихъ нарахъ, на которыхъ не было свободнаго мѣста. Необходимо было кому нибудь переселиться съ этихъ наръ на другія. Но заключенные до того свыкались со своимъ мѣстомъ, что имъ нелегко было разставаться съ нимъ. Послѣ обсужденія разныхъ комбинацій, сосѣдъ Зунделевича — Старынкевичъ рѣшилъ перейти на противоположныя, длинныя нары, на которыхъ, потѣснившись, товарищи освободили для него мѣсто. Со стороны Старынкевича это было особенно крупной жертвой, такъ какъ онъ такимъ образомъ разставался со своимъ alter ego — Мартыновскимъ. Лежаніе же на нарахъ рядомъ, при совмѣстной жизни со многими, доставляло близкимъ людямъ большое удовольствіе: они могли бесѣдовать шопотомъ и имъ казалось, что они находятся какъ бы наединѣ.

При приходѣ въ тюрьму новыхъ лицъ обыкновенно начинаются оживленныя бесѣды, безконечные распросы и разсказы. Ничего подобнаго не было въ первый вечеръ моего появленія во „второмъ номерѣ“. Всѣ чувствовали себя натянуто, неловко смущенно. Улучивъ удобный моментъ, Зунделевичъ отозвалъ меня въ сторону и шепотомъ сказалъ:

— Будьте осторожны, не разсказывайте ничего особеннаго, такъ какъ здѣсь въ камерѣ сидитъ Цыпловъ.

Чтобы объяснить смыслъ этого предупрежденія, я долженъ сообщить кое что объ этомъ лицѣ. Какъ извѣстно, въ началѣ нашего движенія, если не всѣ, то огромное большинство революціонеровъ, подъ вліяніемъ Бакунина, придавало большое значеніе пропагандѣ среди уголовныхъ преступниковъ. „Разбойникъ“ въ Россіи, по мнѣнію Бакунина, являлся „настоящимъ и единственнымъ революціонеромъ“.*) По-

*) „Разбойникъ это герой, защитникъ, мститель народный; непримиримый врагъ государства и всего общественнаго и гражданскаго строя, установленнаго государствомъ; боецъ на жизнь и на смерть противъ всей чиновно-дворянской и казенно-поповской цивилизаціи... Кто не сочувствуетъ разбою, тотъ не можетъ сочувствовать русской народной жизни, и нѣтъ въ немъ сердца для вѣковыхъ неизмѣнныхъ страданій народныхъ; тотъ принадлежитъ къ лагерю враговъ — государственниковъ“ (см. „Народная Расправа“. 1869—71 г.).

этому, встрѣчаясь въ тюрьмахъ съ уголовными, мы нерѣдко занимались пропагандой среди нихъ. Но, насколько мнѣ извѣстно, такая пропаганда дала скорѣе отрицательные, чѣмъ положительные результаты.

„Распропагандированные", напримѣръ, въ кіевской тюрьмѣ наилучшіе и наиболѣе выдающіеся уголовные — Рашко и Овчинниковъ и приговоренные въ каторжныя работы — первый за убійство политическаго шпіона, а второй — за участіе въ освобожденіи изъ харьковской тюрьмы революціонера Ѳомина-Медвѣдева, — оба сдѣлались ренегатами и повыдавали всѣхъ своихъ товарищей.

Цыповъ принадлежалъ къ числу такихъ же лицъ. Онъ судился, если не ошибаюсь, за убійство въ одной изъ волжскихъ губерній, и процессъ его въ свое время обратилъ на себя вниманіе читающей публики. Когда присяжные вынесли ему обвинительный вердиктъ и судьи приговорили его къ многолѣтней каторгѣ, онъ воскликнулъ, обращаясь къ послѣднимъ: „Знайте, что и изъ Сибири можно бѣжать, я со всѣми вами разсчитаюсь*).

Дѣйствительно, несмотря на предпринятыя послѣ этой угрозы предосторожности, Цыповъ, настоящая фамилія котораго Гарный, „смѣнился" по дорогѣ на каторгу и, не знаю уже какимъ образомъ, сошелся съ политическими ссыльными. Послѣдніе, повидимому, вполнѣ вѣрили происшедшему въ немъ подъ вліяніемъ ихъ пропаганды перерожденію и давали ему разныя конспиративнаго характера порученія. Во время исполненія одного изъ таковыхъ, онъ попался въ руки жандармамъ, затѣмъ подъ вымышленной фамиліей Цыпова былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, какъ политическій, и отправленъ на Кару въ государственную тюрьму. Здѣсь долгое время онъ велъ себя въ политическомъ отношеніи вполнѣ безукоризненно, лишь изрѣдка вызывая улыбку у товарищей невпопадъ употребляемыми иностранными словами и разсказами изъ своего прошлаго. Такъ, между прочимъ, помню слѣдующее.

„Однажды", — разсказывалъ Цыповъ товарищамъ — „ѣхалъ я это ночью въ вагонѣ съ купчиной, у котораго была полная мошна денегъ. Онъ заснулъ, и мнѣ совсѣмъ не трудно было обобрать его. Эхъ, подумалъ я, попадись ты мнѣ прежде!.. А теперь — „убѣжденія не позволяютъ"!

Послѣднія слова стали у насъ на Карѣ ходячимъ выраженіемъ. Не помню ужъ какимъ образомъ, начальство узнало, что онъ бывшій уголовный, бродяга и за побѣгъ его приговорили къ наказанію розгами. Послѣ тюремныхъ волненій 1882 года, о которыхъ я разскажу ниже, Цыпова, несмотря на то, что

*) Объ этомъ можно прочитать у Ядринцева въ „Сибирь, какъ колонія".

онъ сидѣлъ на Карѣ, въ качествѣ политическаго, вызвали въ кордегардію и подвергли тѣлесному наказанію. Его, повидимому, нисколько не возмутило это обстоятельство. Между тѣмъ, какъ товарищи страшно негодовали за совершенное надъ нимъ издѣвательство, онъ лишь приставалъ къ нимъ съ неумѣстной шуткой: „ну, скажите, почему сто одинъ ударъ, а не ровно сто мнѣ дали?“

Довольно долго крѣпился Цыпловъ. Но предъ моимъ приходомъ на Кару, онъ началъ вызываться къ коменданту Николину. Въ глазахъ товарищей это былъ очень дурной признакъ. Дѣйствительно, вскорѣ оказалось, что Цыпловъ открылъ коменданту свою настоящую фамилію, раскаялся въ своемъ прошломъ и, чтобы добиться облегченія въ своей судьбѣ, выдавалъ что зналъ, перемѣшивая правду съ ложью. Товарищи настаивали, чтобы его убрали изъ нашей тюрьмы, но это, очевидно, не входило въ интересы коменданта: Цыпловъ еще въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, послѣ этого, оставался въ нашей тюрьмѣ, хотя въ отдѣльной камерѣ, куда его помѣстили, дня два-три спустя послѣ нашего прихода. Чтобы уже закончить о немъ, скажу, что затѣмъ его перевели въ уголовную тюрьму на Карѣ же, гдѣ онъ щеголялъ своею образованностью, пріобрѣтенной отъ политическихъ. Это, однако, не мѣшало начальству подвергать его время отъ времени тѣлесному наказанію. Однажды, при посѣщеніи тюрьмы инспектора Каморскаго, извѣстнаго въ Сибири негодяя, Цыпловъ выступилъ съ жалобой на разнаго рода притѣсненія и заявилъ: „У насъ, ваше благородіе, такой „прижимъ“... На что Каморскій отвѣтилъ: „я вотъ велю расписать тебѣ „прижимъ“ на спинѣ!“

Впослѣдствіи его выпустили въ вольную команду и, какъ мнѣ извѣстно, онъ былъ очень доволенъ своей судьбой, попавъ въ вполнѣ соотвѣтствовавшую ему среду.

Послѣ путешествія, длившагося отъ Москвы болѣе семи мѣсяцевъ и подъ конецъ въ сильной степени мнѣ надоѣвшаго, я испытывалъ особенно пріятное ощущеніе, очутившись среди товарищей на Карѣ, не смотря на сознаніе, что мнѣ предстоитъ провести здѣсь многіе годы.

Рядомъ со мной въ сосѣдней камерѣ, въ первомъ номерѣ, помѣщался мой старый другъ Яковъ Стефановичъ. Съ нимъ мы не видѣлись болѣе 4-хъ л., такъ какъ мы растались въ Швейцаріи въ августѣ 1881 г. Онъ вернулся тогда въ Россію, гдѣ сошелся съ организаціей „Народная Воля“, но, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ (въ февралѣ 1882 г.), былъ арестованъ въ Москвѣ и лѣтомъ слѣдующаго года, по процессу семнадцати въ Петербургѣ, осужденъ на восемь лѣтъ каторжныхъ работъ; на Кару онъ прибылъ за два года до меня.

Въ первый вечеръ мнѣ удалось перекинуться съ нимъ лишь нѣсколькими словами. Но на слѣдующее утро, какъ только прошла повѣрка, я, высунувъ голову въ дверное окошечко, велѣлъ жандарму выпустить меня. Затѣмъ, подошедши къ камерѣ № 1, вновь велѣлъ открыть дверь, что жандармъ также исполнилъ: днемъ переходъ изъ камеры въ камеру не былъ намъ запрещенъ, — права этого политическіе добились лишь путемъ долгой борьбы, между тѣмъ какъ находившихся въ Карійскихъ тюрьмахъ уголовныхъ преступныхъ отъ утренней до вечерней повѣрки вовсе не запирали. Въ камерѣ, въ которой помѣщался Стефановичъ, такъ же, какъ и въ трехъ остальныхъ, было, послѣ нашего съ Чуйковымъ прихода, шестнадцать человѣкъ. Всего въ это время въ нашей тюрьмѣ находилось, слѣдовательно, 64 человѣка. Перезнакомившись и въ номерѣ первомъ со всѣми новыми товарищами и побесѣдовавъ немного со своимъ другомъ, я отправился „дѣлать визиты" въ остальныя камеры.

Приходъ новичковъ былъ, конечно, выдающимся событіемъ для заключенныхъ въ тюрьмѣ. По доходившимъ до нихъ тѣмъ или инымъ способомъ слухамъ, они заранѣе уже знали о предстоящемъ прибытіи новичковъ. Поэтому всѣ съ большимъ нетерпѣніемъ ждали этого событія и на разные лады толковали о немъ. Пріѣздъ новичковъ вносилъ на нѣсколько дней развлеченіе въ скучную и монотонную тюремную жизнь; отъ нихъ узнавали все, что было имъ извѣстно, какъ о положеніи революціоннаго дѣла въ Россіи, такъ и о жизни общихъ знакомыхъ. Тоже повторилось и со мной.

Переходя изъ камеры въ камеру, я въ первые дни всюду долженъ былъ разсказать объ одномъ и томъ же. Начавъ съ того же, съ чего начинаются и настоящія мои записки, т. е. съ моего ареста во Фрейбургѣ, я затѣмъ передавалъ, что самъ зналъ и что по пути мнѣ приходилось отъ другихъ слышать новаго и интереснаго изъ разнообразныхъ областей, преимущественно же изъ соціалистическаго міра. Въ одной камерѣ, въ номерѣ третьемъ, во время перваго моего посѣщенія, произошелъ, помню, слѣдующій небольшой курьезъ. Какъ и въ остальныхъ камерахъ, здѣсь также оказался у меня старый знакомый съ воли — Волошенко. Онъ слылъ за очень умнаго человѣка, былъ большимъ оригиналомъ и спорщикомъ. Арестовали его въ 1879 г., а судился онъ съ Валерьяномъ Осинскимъ и Софьей Лешерномъ. Его приговорили къ десяти годамъ каторжныхъ работъ, да сверхъ того, за неудачный побѣгъ по дорогѣ на Кару изъ иркутской тюрьмы, ему было прибавлено еще 11 лѣтъ.

Когда, разсказывая о возникшихъ въ Россіи новыхъ революціонныхъ направленіяхъ, я упомянулъ о „Группѣ Освобожде-

„Труда“ и сказалъ, что она раздѣляетъ взгляды нѣмецкихъ соціальдемократовъ, Волошенко разразился громкимъ саркастическимъ смѣхомъ:

— Ха-ха-ха! Въ Россіи — соціальдемократы! Да кто же они такіе?

— Одного изъ нихъ вы видите передъ собою, — заявилъ я.

На лицахъ Волошенко и остальныхъ товарищей появилось выраженіе крайняго изумленія. Казалось, скажи я имъ, что я сталъ послѣдователемъ Магомета, они едва ли болѣе удивились бы этому. Въ описываемое мною время идеи Маркса были вообще очень мало извѣстны въ Россіи. Правда, многіе считали своимъ долгомъ ссылаться на вышедшій къ тому времени I томъ „Капитала“; послѣдній, какъ говорили, былъ настольной книгой у передовой интеллигенціи; но очень немногіе тогда понимали философскія и соціалистическія воззрѣнія Маркса. Въ Европейской Россіи принято было признавать заслуги Маркса въ политической экономіи. „Но“, говорили тогда и много лѣтъ спустя, а нѣкоторые повторяютъ еще и теперь,— „выводы, которые онъ дѣлаетъ изъ наблюденій надъ западноевропейской жизнью, у насъ въ Россіи непримѣнимы“. На Карѣ же „авторитетныя и компетентныя лица“ отрицали заслуги Маркса даже въ политической экономіи; къ соціалистическимъ же и философскимъ его взглядамъ многіе относились прямо съ глубокой враждебностью, хотя лица, толковавшія о Марксѣ, очень мало, если не сказать совсѣмъ не были знакомы съ его произведеніями. Такое отношеніе къ основателю научнаго соціализма объяснялось господствомъ среди заключенныхъ народническихъ воззрѣній и безграничнымъ довѣріемъ съ ихъ стороны къ такимъ „авторитетамъ“, какъ Михайловскій и Дюрингъ. Къ числу этихъ отрицателей Маркса принадлежалъ и Волошенко. Во время встрѣчи со мной на Карѣ у него незамѣтно было ни малѣйшаго знакомства со взглядами Маркса, и въ этомъ отношеніи едва-ли онъ сдѣлалъ большой прогрессъ за длинный періодъ 12-ти лѣтняго нашего совмѣстнаго пребыванія на Карѣ.

Мы съ Чуйковымъ не только устно подѣлились съ товарищами разными новостями, но, не смотря на самый тщательный обыскъ при нашемъ приходѣ, намъ все же удалось пронести въ тюрьму нѣсколько подпольныхъ произведеній, среди которыхъ были и первыя изданія „Гр. Освоб. Труда“ — брошюра Плеханова: „Соціализмъ и политическая борьба“ и „Развитіе научнаго соціализма“ Энгельса. Давно уже заключенные не видѣли нелегальныхъ произведеній; поэтому привезенныя нами брошюры и листки были для нихъ большимъ сюрпризомъ. Мысли, высказанныя Плехановымъ въ названной брошюрѣ, конечно, не встрѣтили ни въ комъ изъ товарищей ни малѣйшаго

сочувствія. Наоборотъ, тѣ изъ нихъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить о ней, возмущались его критикой народовольчества и приписывали такое его отношеніе къ господствовавшему тогда направленію самымъ дурнымъ мотивамъ. „Сидитъ заграницей, ничего не дѣлая и бумагу изводитъ, благо она все терпитъ". Всѣ его несогласія объяснялись исключительно продолжительною жизнью его въ эмиграціи. Превосходная же брошюра Энгельса прошла почти совсѣмъ незамѣченной. Кое-кто на мой вопросъ, какъ она понравилась, отвѣчалъ: „ничего новаго, это давно всѣмъ извѣстно".

Обошедши чужія камеры и познакомившись со всѣми заключенными, я къ обѣденному времени вернулся обратно въ свою. По размѣрамъ онѣ были всѣ совершенно одинаковы, но въ одной изъ нихъ вмѣсто наръ имѣлись кровати, такъ какъ она замѣняла для насъ больницу, и въ ней помѣщались наиболѣе слабые и требовавшіе особаго ухода; впрочемъ, съ теченіемъ времени это мало соблюдалось, и при мнѣ въ „больничной" камерѣ помѣщались вполнѣ здоровые люди.

Уже по дорогѣ на Кару намъ приходилось слышать отъ обратно шедшихъ товарищей о крайне скудной пищѣ, которой пользовались сидѣвшіе на Карѣ. Такъ, въ обѣдъ подавался совершенно пустой супъ, на нашемъ языкѣ называвшійся „баландой"; а вываренное и вынутое изъ супа мясо вмѣстѣ съ какой нибудь крупой давалось на ужинъ. Какъ ни былъ я подготовленъ разсказами къ этой пищѣ, но, помню, когда въ первый день я всталъ послѣ ѣды изъ-за стола, то чувствовалъ себя совершенно неудовлетвореннымъ; очень долго, если не сказать во все время моего пребыванія на Карѣ, я не могъ привыкнуть къ нашему „меню".

Въ первые дни больше всего мнѣ приходилось бесѣдовать съ Зунделевичемъ, помѣщавшимся, какъ я уже сказалъ, рядомъ со мной на нарахъ. Встрѣчѣ съ нимъ на Карѣ я былъ особенно радъ, такъ какъ еще на волѣ онъ слылъ за соціальдемократа, по крайней мѣрѣ для Германіи. Мы познакомились лѣтомъ 1878 г. въ Петербургѣ. Онъ тогда завѣдывалъ контрабаднымъ путемъ и сопровождалъ Стефановича, Бохановскаго и меня заграницу. Во время этого совмѣстнаго путешествія у насъ съ нимъ происходили горячіе споры относительно революціонной дѣятельности въ Россіи. Мнѣ, какъ народнику и террористу, казалось тогда совершенно безполезной, если не вредной, тактика, которой держались нѣмецкіе соціальдемократы. Само собою разумѣется, что ни мнѣ, ни кому другому изъ товарищей не приходило въ голову считать такую дѣятельность возможной въ близкомъ будущемъ и въ Россіи. Зунделевичъ, хотя и состоялъ членомъ народнической организаціи „Земля и

Воля", но уже и тогда считалъ совершенно нецѣлесообразной дѣятельность среди крестьянства. По его мнѣнію необходимо было сперва завоевать политическую свободу, а послѣ того дѣйствовать такъ же, какъ и нѣмецкіе соціальдемократы. Поэтому, когда послѣ покушенія Вѣры Засуличъ на Трепова, въ январѣ 1878 года, въ Россіи началъ революціонерами практиковаться терроръ, — Зунделевичъ былъ однимъ изъ первыхъ, которые доказывали, что только этимъ способомъ можно будетъ добиться измѣненія политическаго строя Россіи. Извѣстно, что онъ въ концѣ 70 годовъ принималъ самое активное участіе въ организаціи наиболѣе крупныхъ террористическихъ актовъ. Случайно арестованный осенью 1879 г. въ Петербургской публичной библіотекѣ, онъ лѣтомъ слѣдующаго года судился по извѣстному процессу шестнадцати, по которому двое — Александръ Квятковскій и Пресняковъ, были казнены, а для Зунделевича, также приговореннаго къ смертной казни, послѣдняя была затѣмъ замѣнена безсрочной каторгой.

Припоминая по дорогѣ на Кару наши съ нимъ споры, происходившіе на волѣ, я находилъ многіе изъ высказанныхъ имъ прежде взглядовъ вполнѣ правильными. Естественно поэтому, что я надѣялся найти въ немъ единомышленника, а для меня это было далеко не безразлично. Какъ бы кто не былъ терпимъ къ мнѣніямъ другихъ лицъ, но чѣмъ болѣе онъ убѣжденъ въ правотѣ своихъ взглядовъ, тѣмъ тяжелѣе для него, особенно временами, вполнѣ изолированное пребываніе въ теченіе многихъ лѣтъ среди людей, хотя и близкихъ ему по общему міровоззрѣнію, но расходящихся съ нимъ во взглядахъ на самые дорогіе для него вопросы. Къ тому же Зунделевичъ, какъ товарищъ, былъ всегда незамѣнимымъ человѣкомъ. Въ высшей степени деликатный, самоотверженный и альтруистичный, онъ особенно выдѣлялся практическимъ складомъ ума. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ революціонной дѣятельности онъ не имѣлъ себѣ равнаго и стоялъ внѣ всякой конкурренціи. Вполнѣ понятна поэтому была моя радость, когда я узналъ, что буду съ нимъ сидѣть въ одной тюрьмѣ. И теперь, лежа рядомъ на нарахъ, мы долго бесѣдовали шепотомъ. Мы вспоминали старое, прошлое, разсказывали другъ другу объ общихъ товарищахъ и пріятеляхъ. — я объ оставшихся на волѣ, а онъ — о казненныхъ и заключенныхъ въ Шлиссельбургской крѣпости...

Вращаясь въ теченіе нѣкотораго времени около воспоминаній, мы совершенно не касались теорій. Не знаю, какъ онъ, но я какъ-бы инстинктивно боялся разочароваться. Дѣйствительно, вскорѣ оказалось, что мои надежды найти въ немъ единомышленника были тщетны. Какъ и всѣ остальные заключенные на Карѣ, онъ, особенно въ первые годы моего пребыванія, являлся противникомъ взглядовъ Маркса, не исключая даже теоріи сто-

имости послѣдняго. Не трудно представить себѣ мое огорченіе. На почвѣ теоретическихъ разногласій у меня съ Зунделевичемъ происходили горячія стычки и схватки. Странная вещь! Для Германіи онъ по прежнему оставался соціальдемократомъ, а для Россіи всѣ взгляды Маркса оказывались „непримѣнимыми".

Со Стефановичемъ первое время мнѣ мало приходилось бесѣдовать, въ особенности о теоретическихъ вопросахъ, такъ какъ пребываніе въ разныхъ камерахъ не благопріятствовало этому. Все же вскорѣ выяснилось различіе и въ нашихъ съ ними взглядахъ. Ему, какъ и другимъ моимъ старымъ знакомымъ и пріятелямъ, моя приверженность къ соціальдемократизму казалась совершенно непонятной и вызывала въ немъ крайнее недоумѣніе. Когда мы разставались четыре съ половиной года передъ тѣмъ, между нами не было почти никакихъ разногласій. Всѣ послѣдующіе годы онъ провелъ въ тюрьмѣ, и въ его воззрѣніяхъ едва-ли произошла какая-либо перемѣна: онъ продолжалъ быть полу-народникомъ полу-террористомъ, какими мы оба были при послѣднемъ свиданіи. Я же въ истекшіе съ того времени годы сдѣлался послѣдователемъ взглядовъ Маркса и, какъ уже извѣстно, вмѣстѣ съ другими старыми членами бывшей организаціи „Черный Передѣлъ", участвовалъ въ основаніи соціальдемократической „Гр. Освоб. Труда". Обо всемъ этомъ Стефановичъ впервые только теперь узналъ отъ меня. Но отличіе его отношенія отъ другихъ къ произошедшей у насъ, старыхъ его товарищей, радикальной перемѣнѣ во взглядахъ, состояло въ томъ, что онъ, какъ чрезвычайно умный, серьезный и вдумчивый человѣкъ, очень скоро уловилъ огромную важность вновь возникшаго направленія. Онъ понялъ, что идеи Маркса, впервые примѣненныя Плехановымъ къ русскимъ условіямъ, представляютъ собою стройное и цѣльное міровоззрѣніе. Сомнѣваясь, найдетъ ли это ученіе благопріятную у насъ почву, Стефановичъ не относился къ нему иронически, а тѣмъ болѣе враждебно, какъ это дѣлали тогда, да и теперь еще повторяютъ нѣкоторые легкомысленные люди, называющіе себя, однако, соціалистами. Стефановичъ, наоборотъ, старался понять новое теченіе, а также тотъ процессъ, благодаря которому мы, бывшіе народники, сдѣлали столь рѣшительный поворотъ отъ прежнихъ нашихъ взглядовъ къ теперешнимъ.

Совмѣстной жизнью молодежи въ тюрьмѣ въ теченіе многихъ лѣтъ выработался своеобразный жаргонъ, въ которомъ имѣлась масса удачныхъ словечекъ и выраженій. На этомъ тюремномъ нашемъ языкѣ каждая камера носила особую кличку. Такъ первая называлась „Синедріономъ", вторая — „Дворянкой", третья — „Якуткой", четвертая — „Волостью", а пятая, въ которой сидѣлъ Цыпловъ — „Харчевкой". Происхожденіе этихъ

названій терялось въ сѣдой старинѣ, и теперь я въ точности не могу его возстановить.

Составъ „Дворянки", въ которую я попалъ, подобрался какъ то особенно удачный и интересный. За исключеніемъ трехъ пожилыхъ людей — Зунделевича, которому было за 30 лѣтъ, Березнюка — 40 лѣтъ и Двонкевича 43 лѣтъ, — всѣ остальные представляли собою молодежь не старше 25—26 лѣтъ. Большую часть населенія этой камеры составляли симпатичные, веселые и умные люди, и почти каждый являлся въ своемъ родѣ оригинальнымъ и интереснымъ типомъ; нѣкоторые же изъ нихъ были безусловно талантливыми и крупными людьми. Первое мѣсто, какъ въ этой камерѣ, такъ и вообще въ тюрьмѣ, по общему признанію, занималъ Николай Яцевичъ.

Сынъ священника Полтавской губ., Яцевичъ 17 лѣтъ, въ качествѣ студента Харьковскаго ветеринарнаго института, былъ арестованъ за прикосновеніе къ попыткѣ освободить изъ мѣстной тюрьмы Алексѣя Ѳомина-Медвѣдева и вскорѣ затѣмъ приговоренъ къ 15 годамъ каторжныхъ работъ. По дорогѣ на Кару онъ вмѣстѣ съ другими названными мною выше лицами, бѣжалъ изъ Иркутской тюрьмы, былъ вскорѣ пойманъ, вновь судимъ, и за эту попытку ему прибавлено еще 14 лѣтъ. Прибывъ на Кару девятнадцатилѣтнимъ юношей, Яцевичъ завоевалъ тамъ всеобщія симпатіи и глубокое уваженіе, какъ благодаря замѣчательному характеру, такъ и выдающимся способностямъ. Скромный до застѣнчивости, молчаливый, сосредоточенный въ себѣ, онъ рѣшительно на всѣхъ безъ различія, какъ товарищей, такъ и постороннихъ лицъ, имѣлъ самое благотворное вліяніе. Большею частью погруженный въ какія нибудь занятія, онъ за время сидѣнія въ тюрьмахъ пріобрѣлъ обширныя знанія въ разныхъ областяхъ, въ точныхъ наукахъ, въ философіи и въ изящной литературѣ, — онъ свободно читалъ на пяти иностранныхъ языкахъ. Но на ряду съ умственными занятіями, Яцевичъ чрезвычайно любилъ всякій физическій трудъ и упражненія и въ этихъ областяхъ былъ также искусенъ и свѣдущъ, какъ и въ любой изъ интересовавшихъ его наукъ. Одинаково внимательный ко всѣмъ, въ высшей степени деликатный и всегда готовый помочь каждому, Яцевичъ, не смотря на молодость — ему не было еще 24 лѣтъ, когда мы съ нимъ познакомились — по справедливости считался самымъ авторитетнымъ лицомъ въ тюрьмѣ по любому вопросу, касался ли послѣдній абстрактной области или какой нибудь тюремной исторіи. Мнѣніе, высказанное Яцевичемъ, сразу привлекало на свою сторону большинство обитателей тюрьмы. По складу ума онъ былъ метафизикомъ и эклектикомъ и такимъ же являлся въ философіи и въ общественныхъ наукахъ. Онъ раздѣлялъ воззрѣнія Дюринга, неокантіанцевъ и даже такихъ буржуазныхъ писателей, какъ Кери; само собою разумѣется,

что онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ ученія Маркса. При другихъ условіяхъ изъ Яцевича, вѣроятно, вышелъ бы довольно оригинальный русскій мыслитель.

Въ иномъ нѣсколько родѣ представлялись закадычные друзья Мартыновскій и Старынкевичъ, которыхъ называли общимъ именемъ „Ваничкн", хотя имя Ивана носилъ только послѣдній. Старынкевичъ также пользовался всеобщей симпатіей въ тюрьмѣ, но онъ обладалъ иными, чѣмъ Яцевичъ, чертами характера. Крайне сангвиничнаго темперамента, живой, веселый, бойкій „Ваничка", какъ звали его почти всѣ товарищи, былъ чрезвычайно находчивъ и остроуменъ; онъ вѣчно сыпалъ остротами, шутками, каламбурами, отъ которыхъ всѣ покатывались со смѣху, причемъ громче всего раздавался его собственный звонкій хохотъ. Также чрезвычайно способный отъ природы Старынкевичъ, однако, не отличался такой любознательностью и усидчивостью, какъ Яцевичъ. Онъ скорѣе хваталъ все на лету, наскокомъ, быстро переходилъ отъ одного предмета къ другому и разбрасывался на всѣ стороны; въ немъ не было ни выдержки, ни постоянства, — рядомъ съ чисто женской нѣжностью и склонностью къ личной привязанности, Старынкевичъ могъ проявлять большую рѣзкость и вспыльчивость. Москвичъ по происхожденію и воспитанію, онъ также несовершеннолѣтнимъ попалъ на 20 лѣтъ каторжныхъ работъ прямо съ университетской скамьи, лишь за то, что отказался сказать, кто далъ ему найденную у него прокламацію. Процессъ его, состоявшійся въ страшный 1881-й годъ, послѣ убійства Александра II, обратилъ на себя всеобщее вниманіе чудовищностью приговора. Когда я познакомился съ Старынкевичемъ, онъ былъ ярымъ народовольцемъ.

Говорятъ, что друзья являются лицами, обладающими противоположными характерами. На нашихъ „Ваничкахъ" этотъ взглядъ вполнѣ подтверждался. Насколько Старынкевичъ былъ всегда веселъ, игривъ и беззаботенъ, настолько же Мартыновскій являлся молчаливымъ, серьезнымъ и угрюмымъ. На его лицѣ рѣдко появлялась улыбка, и я рѣшительно не могу припомнить его смѣха. Сосредоточенный и вдумчивый, Мартыновскій производилъ впечатлѣніе человѣка, обладающаго сильнымъ, настойчивымъ и энергичнымъ характеромъ. Казалось, что онъ неспособенъ поддаваться чужому вліянію, а, наоборотъ, другихъ подчинялъ себѣ. Говорилъ онъ мало, отрывисто, лаконично. Обладая довольно хорошими способностями и значительнымъ прилежаніемъ, Мартыновскій болѣе всего былъ реалистомъ, практикомъ; но его также въ сильной степени занимали теоретическіе вопросы, въ особенности политико-экономическіе. Въ тюрьмѣ онъ былъ чуть ли не однимъ изъ первыхъ, который серьезно принялся за изученіе сочиненій Маркса. Какъ и Старынкевичъ, москвичъ по рожденію и воспитанію, Марты-

новскій, будучи воспитанникомъ Межевого Института, также былъ арестованъ 20 лѣтнимъ юношей осенью 1879 г. въ Петербургѣ и въ слѣдующемъ году — по процессу Квятковскаго, Зунделевича и др. — приговоренъ къ 15 годамъ каторжныхъ работъ. По пути на Кару онъ также сдѣлалъ попытку къ побѣгу; ему счастливо удалось уйти съ этапа подъ видомъ карауленаго солдата, но по прошествіи нѣсколькихъ дней онъ былъ пойманъ и приговоренъ еще къ шести годамъ каторжныхъ работъ. Въ тюрьмѣ онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, и какъ артельнымъ старостой имъ всѣ были чрезвычайно довольны.

Напомню теперь о слѣдующемъ обстоятельствѣ. 25 марта 1879 г., по улицамъ Петербурга проѣзжалъ въ каретѣ генералъ Дрентельнъ, незадолго передъ этимъ назначенный шефомъ жандармовъ и начальникомъ страшнаго въ тѣ времена III отдѣленія, послѣ убійства генерала Мезенцева. Карету догонялъ всадникъ, быстро мчавшійся на прекрасномъ рысакѣ. Поровнявшись съ каретой, элегантный молодой человѣкъ произвелъ нѣсколько выстрѣловъ. Но шефъ жандармовъ, оставшійся невредимымъ, приказалъ кучеру догонять быстро умчавшагося всадника. Видя бѣшенный скачъ по люднымъ улицамъ столицы изящно одѣтаго наѣздника и догоняющаго его въ каретѣ генерала, прохожіе въ недоумѣніи останавливались, спрашивая другъ друга, въ чемъ дѣло. Временами казалось, что карета вотъ-вотъ догонитъ всадника и перерѣжетъ ему дорогу. Но молодой наѣздникъ внезапно сворачивалъ въ боковую улицу и на время исчезалъ изъ виду. Однако, пара прекрасныхъ лошадей дѣлала тоже и быстро догоняла рысака. Всадникъ во всю мочь гонитъ свою лошадь и вновь оставляетъ позади себя карету. Но вдругъ рысакъ спотыкается, и молодой человѣкъ къ ужасу своему замѣчаетъ, что лошадь его начала хромать. Одна минута, и онъ будетъ нагнанъ генераломъ. Но отважный юноша не теряется; Увидѣвъ на углу улицы полицейскаго, онъ соскакиваетъ и спокойнымъ тономъ говоритъ ему:

— Послушай, любезный, поддержи мою лошадь, она повредила себѣ ногу. Сейчасъ пришлю за ней кучера.

— Слушаюсь, отвѣчаетъ блюститель порядка, принимая отъ элегантнаго господина поводъ. Завернувъ за уголъ и прошедши какой-то дворъ со сквозными воротами, молодой человѣкъ сѣлъ на извозчика и благополучно скрылся.

Вскорѣ шефъ жандармовъ, подъѣхавъ къ полицейскому, узналъ, какимъ образомъ исчезъ преслѣдуемый имъ наѣздникъ. Затѣмъ начались розыски, и полиціи удалось открыть, что юноша, покушавшійся на генерала Дрентельна, былъ поднадзорный студентъ Петербургскаго университета Леонъ Мирскій. Всѣ поиски за нимъ въ Петербургѣ оказались тщетными, такъ какъ онъ уѣхалъ на югъ. Лѣтомъ того же года Мирскій скры-

вался въ Таганрогѣ у артиллерійскаго офицера Тархова и, казалось, былъ внѣ всякой опасности. Но знакомый послѣдняго, какой-то юнкеръ, сообразилъ почему то, что пріѣзжій должно быть разыскиваемый революціонеръ. Онъ донесъ, и полиція не замедлила явиться на квартиру Тархова. Домъ былъ оцѣпленъ, но Мирскій не желалъ отдаться добровольно: съ револьверомъ въ рукѣ онъ пытался прорваться. Былъ моментъ, когда онъ могъ, перепрыгнувъ черезъ заборъ въ сосѣдній дворъ, спастись, но преслѣдовавшіе его полицейскіе успѣли схватить его. Въ концѣ ноября того же года въ Петербургѣ состоялся судъ надъ Мирскимъ и еще семью привлеченными вмѣстѣ съ нимъ лицами, въ числѣ которыхъ былъ Тарховъ, поэтъ Ольхинъ и др. Зная тѣ жестокія времена, когда казнили и совершенно не имѣвшихъ никакого отношенія къ террористическимъ актамъ лицъ (напр., Дробязгина, Майданскаго), никто не сомнѣвался, что за покушеніе на шефа жандармовъ и вооруженное сопротивленіе при арестѣ Мирскій будетъ повѣшенъ. Но онъ, повидимому, былъ иного мнѣнія. Помню, какъ незадолго передъ судомъ, намъ, находившимся на волѣ, была передана просьба Мирскаго, чтобы ему доставили черную пару, въ которой онъ желалъ предстать передъ судомъ. Насъ немало удивила эта просьба, такъ какъ до того никто изъ революціонеровъ не интересовался костюмомъ, въ которомъ ему приходилось фигурировать на судѣ. Газеты потомъ сообщали, что главный подсудимый выглядѣлъ вполнѣ джентельменомъ. Произнесенную Мирскимъ на судѣ рѣчь, насколько помню, довольно мирнаго, конституціоннаго характера, нѣкоторыя европейскія газеты чрезвычайно расхваливали. Его, конечно, приговорили къ смертной казни; но по счастливому стеченію обстоятельствъ онъ остался въ живыхъ. Какъ разъ въ тѣ дни, когда произнесенъ былъ надъ нимъ смертный приговоръ, на Александра II замышлялось покушеніе по желѣзной дорогѣ. Если бы взрывъ на станц. Александровскѣ дѣйствительно произошелъ, чему, какъ извѣстно, помѣшала случайность, или, если бы судъ надъ Мирскимъ окончился всего только на два дня позже, когда произведенъ былъ взрывъ царскаго поѣзда подъ Москвою, — вынесенный ему судомъ приговоръ несомнѣнно былъ бы исполненъ. Мирскому смертная казнь была замѣнена безсрочной каторгой; затѣмъ его заключили въ Алексѣевскомъ равелинѣ, гдѣ въ то время содержались самые важные политическіе преступники — Нечаевъ и Ширяевъ. Но по прошествіи четырехъ лѣтъ (въ 1883 г.) его отправивили на Кару.

Вмѣсто изящнаго, стройнаго юноши, какимъ, судя по слухамъ, Мирскій былъ до суда, я увидѣлъ въ „Дворянкѣ“ довольно плотнаго, хорошо сложеннаго и немного сутуловатаго молодого человѣка, лѣтъ 25-26 на видъ. Также измѣнился онъ,

повѣдимвму, и по характеру. То былъ уже не пылкій юноша, рвавшійся на удалое дѣло, а серьезный, многое испытавшій и передумавшій человѣкъ. Довольно умный отъ природы, Мирскій самъ дошелъ до многихъ, вполнѣ правильныхъ взглядовъ: безъ всякой посторонней помощи онъ понялъ всю несостоятельность взглядовъ тогдашнихъ народниковъ и народовольцевъ. Мирскій признавалъ необходимымъ добиваться прежде всего измѣненія политическаго строя Россіи, но, не вѣря въ террористическій способъ борьбы, онъ не представлялъ себѣ возможнымъ также разсчитывать и на рабочій классъ, такъ какъ послѣдній тогда почти ничѣмъ не проявлялъ еще своего существованія. Будучи на волѣ студентомъ медицинскаго факультета, Мирскій въ тюрьмѣ чрезвычайно пристрастился къ юридическимъ наукамъ. Послѣднія онъ изучилъ довольно хорошо, и въ тюрьмѣ слылъ по этой части въ большей степени спеціалистомъ, чѣмъ лица, окончившія юридическій факультетъ. Полякъ по происхожденію, Мирскій по взглядамъ и привычкамъ являлся обще-русскимъ соціалистомъ.

Въ началѣ главы я упомянулъ уже о Павлѣ Орловѣ, съ которымъ мы были знакомы еще съ воли. Мы встрѣчались съ нимъ лѣтомъ 1878 г. въ Петербургѣ, куда я прибылъ послѣ побѣга изъ кіевской тюрьмы; онъ же, оправданный по процессу 193-хъ, сосланъ былъ административнымъ порядкомъ на сѣверъ, но оттуда ему также удалось вскорѣ бѣжать. Т. былъ одинъ изъ лучшихъ періодовъ въ нашемъ революціонномъ движеніи, его расцвѣтъ, періодъ надеждъ на блестящее будущее. Орловъ, отсидѣвши нѣсколько лѣтъ въ предварительномъ заключеніи и, какъ многіе другіе, привлеченные за „дѣло о пропагандѣ въ 33 губерніяхъ„, внезапно очутившись на волѣ, былъ полонъ жизни, бодрости и энергіи. Его также захватила террористическая волна, начавшаяся именно лѣтомъ указаннаго года. Но выше всего, какъ извѣстно, эта волна поднялась на югѣ Россіи, гдѣ въ это время дѣйствовали пріобрѣвшіе вскорѣ большую извѣстность Валерьянъ Осинскій, Попко, Фроленко, братья Ивичевичи и др. Павла Орлова потянуло поэтому на югъ.

Хотя не столь активно, какъ перечисленныя лица, онъ также принималъ участіе во многихъ предпріятіяхъ, затѣвавшихся въ это время въ разныхъ южныхъ городахъ, и въ февралѣ слѣдующаго года онъ былъ арестованъ во время знаменитаго вооруженнаго сопротивленія, оказаннаго въ Кіевѣ, въ одной изъ квартиръ на Жилянской улицѣ. Привлеченный къ суду, вмѣстѣ съ Дебагоріи Мокріевичемъ, Маріей Ковалевской и др., онъ приговоренъ былъ къ каторжнымъ работамъ и отправленъ на Кару. По пути, какъ извѣстно, онъ, такъ же, какъ Мокріевичъ и Избицкій, смѣнился съ уголовнымъ арестантомъ - поселенцемъ.

Онъ прибылъ въ деревню, куда былъ назначенъ, но, по оплошности, замѣшкался въ ней дольше, чѣмъ слѣдовало. Поэтому, когда кто-то изъ уголовныхъ выдалъ начальству про состоявшіяся три смѣнки, дано было знать въ ту деревню, куда П. Орловъ отправился; его нашли еще тамъ и, конечно, арестовали.

Въ немъ я сразу же встрѣтилъ наиболѣе рѣзкаго антагониста и противника марксистскихъ воззрѣній. Очень неглупый отъ природы и довольно развитый человѣкъ, Орловъ стоялъ на точкѣ зрѣнія узкаго народничества и все болѣе и болѣе склонялся къ „самобытности". Для него русскія соціальныя условія были наиболѣе обѣщающими успѣхъ для торжества соціалистическихъ идей, русскій революціонеръ являлся наилучшимъ типомъ общественнаго дѣятеля и т. п.

Онъ быстро прогрессировалъ въ этихъ воззрѣніяхъ и въ своихъ превозношеніяхъ всего русскаго въ спорахъ переходилъ всякія границы.

Къ числу молодежи „Дворянки" приналлежали еще Мойсей Диковскій, Филиппъ Давиденко, Иванъ Калюжный, и Никита Левченко. Но здѣсь я остановлюсь еще лишь на пожилыхъ обитателяхъ этой камеры.

Дзвонкевичъ или „Дѣдушка", какъ его всѣ звали, попалъ на каторгу за участіе въ приготовленіи бомбъ въ Одессѣ и тамъ же былъ приговоренъ въ 1883 году къ смертной казни, которая замѣнена была ему вѣчной каторгой. Какъ мы уже знаемъ, онъ по дорогѣ на Кару, не доходя Красноярска, сдѣлалъ отчаянную попытку бѣжать, которая едва не стоила ему жизни. По возрасту, настроенію и характеру, „дѣдушка" мало подходилъ къ той веселой молодежи, которая составляла преобладающій контингентъ „Дворянки". Уже и тогда онъ проявлялъ склонности, присущія пожилому возрасту — любилъ поворчать и въ разсказахъ изъ старины, далеко не всегда интересныхъ, черезчуръ вдавался въ детали. Веселая молодежь „Дворянки" иногда отпускала шутки по поводу привычекъ „дѣдушки", теребила и тормошила его, но онъ добродушно относился къ этому. Когда то студентъ юридическаго факультета, Дзвонкевичъ, во время моего съ нимъ знакомства, мало проявлялъ склонности къ теоретическимъ дебатамъ, и я поэтому не знаю, каковы были тогда его политическія воззрѣнія. Какъ южанинъ, онъ питалъ большую симпатію ко всему малорусскому и со своими земляками предпочиталъ говорить на родномъ языкѣ. Въ тюрьмѣ онъ исполнялъ обязанность „хлѣборѣза", т. е. разрѣзалъ большія ковриги на мелкіе ломтики, которые три раза въ день разносилъ по камерамъ. Любимцамъ своимъ онъ раздавалъ горбушки, что служило нерѣдко поводомъ къ остротамъ и шуткамъ. Тяжело было „дѣдушкѣ" жить въ тюрьмѣ. На волѣ были у него жена

и взрослая дочь — курсистка, письма отъ которыхъ являлись едва ли не единственнымъ утѣшеніемъ въ его жизни.

Совсѣмъ въ иномъ родѣ былъ Гаврило Березнюкъ, настоящая фамилія котораго — Тищенко. Простой матросъ Черноморского флота, человѣкъ малограмотный, Березнюкъ отличался выдающимися нравственными качествами. Добродушный, чрезвычайно снисходительный къ другимъ, „Гаврило“, или какъ нѣкоторые въ шутку называли его „Гаужембло“, пользовался всеобщимъ расположеніемъ. Привлеченный по дѣлу объ освбожденіи Медвѣдева лѣтомъ 1879 г. въ Харьковѣ, онъ быдъ приговоренъ къ смертной казни, которая замѣнена была ему безсрочной каторгой. Въ тюрьмѣ онъ былъ однимъ изъ наиболѣе стойкихъ людей: онъ никогда не шелъ ни на какіе компромиссы и всегда отличался веселымъ расположеніемъ духа. Одна только слабость его подчасъ раздражала нервныхъ сожителей его. Не обладая ни малѣйшимъ голосомъ, Березнюкъ любилъ, однако, распѣвать высокимъ дискантомъ одну и ту же мелодію въ теченіе многихъ часовъ. При совмѣстной жизни такая склонность не всегда удобна. „Гаврило, перемени валъ“, проситъ кто нибудь изъ товарищей, но Гаврило лишь послѣ долгихъ повтореній этого восклицанія затягиваетъ другую, столь же однообразную мелодію вновь на многіе часы. Березнюкъ также былъ „должностнымъ“ лицомъ — „куроцапомъ“, такъ какъ онъ завѣдывалъ имѣвшимся у насъ въ тюрьмѣ курятникомъ; но временами онъ конкуррировалъ съ „дѣдушкой“ на почвѣ болѣе искуснаго разрѣзанія ковригъ и замѣнялъ его въ этой почетной должности.

По русскому „Уложенію о наказаніяхъ“ лицамъ, осужденнымъ въ каторжныя работы безъ срока и ссылавшимся въ Нерчинскій районъ, двадцать лѣтъ пребыванія въ рудникахъ при безпорочномъ поведеніи давали возможность выйти на поселеніе. Въ нашей тюрьмѣ было одно лицо, которое даже при безпорочномъ поведеніи должно было пробыть на каторгѣ вдвое больше, чѣмъ безсрочные. То былъ Павелъ Ивановъ. Студентъ Кіевскаго университета, онъ судился вмѣстѣ съ Щедринымъ, Кашинцевымъ и др. (въ 1881 г.) по дѣлу Южно-Русскаго Рабочаго Союза и приговоренъ къ двадцати годамъ каторжныхъ работъ. Рѣшительный, смѣлый и предпріимчивый человѣкъ, Ивановъ по пути на Кару сдѣлалъ нѣсколько отважныхъ попытокъ къ бѣгству и за каждую изъ нихъ ему прибавляли по десяти лѣтъ каторжныхъ работъ, такъ что въ совокупности онъ былъ приговоренъ къ 55 годамъ! Ивановъ также былъ типичнымъ малороссомъ, и, какъ и „дѣдушка“, не отличался особенной склонностью къ теоріямъ. Зато онъ былъ очень искусенъ къ технической и хозяйственной работѣ.

Не трудно понять, что при такомъ разнообразномъ составѣ

далеко не легко было предаваться серьезнымъ теоретическимъ занятіямъ. Днемъ это было почти совершенно невозможно; нѣсколько болѣе доступно было заниматься по вечерамъ, когда, послѣ повѣрки, производимой смотрителемъ тюрьмы въ сопровожденіи нѣсколькихъ жандармовъ, двери запирались вплоть до утренней повѣрки. Какъ я уже сказалъ, съ потолка на средину стола спускалась по блоку лампа съ темнымъ абажуромъ,—приспособленія эти сдѣланы были самими заключенными. Но такъ какъ столы были очень длинны, то лицамъ, сидѣвшимъ по ихъ краямъ, трудно было изъ за слабаго освѣщенія чѣмъ либо заниматься. Зимнія ночи, между тѣмъ, и безъ того длинныя, становятся безконечными въ запертой камерѣ. Къ тому же, какъ бы чинно не вели себя насильно собранные въ одномъ помѣщеніи 16 человѣкъ, все же въ немъ не будетъ тишины и спокойствія, необходимыхъ для серьезныхъ занятій. Составъ же лицъ, помѣщавшихся во всѣхъ камерахъ, далеко не былъ такой, чтобы кто либо могъ требовать отъ остальныхъ сидѣнія молча въ теченіе многихъ часовъ. Наоборотъ, когда послѣ ужина заключенные усаживались за столомъ, — кто съ книгой или тетрадью, кто съ какой нибудь работой, — тогда-то и подымались общіе разговоры, раздавались шутки, остроты, смѣхъ. Не до серьезныхъ было занятій при такихъ условіяхъ. Между тѣмъ въ каждой камерѣ имѣлось по нѣсколько человѣкъ, желавшихъ заниматься. Чтобы осуществить это желаніе, они, въ виду только что указанныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ совмѣстной жизни, становились, какъ говорили на нашемъ діалектѣ, „сиріусами“, т. е. они ложились спать тотчасъ послѣ ужина, а въ полночь, когда остальные укладывались, они вставали и занимались до появленія на небѣ передъ разсвѣтомъ Сиріуса, — тогда они вновь ложились на часъ на два. Нужно было имѣть особенно страстное желаніе заниматься и очень большую настойчивость, чтобы долго пребывать „сиріусомъ“: съ вечера, когда въ камерѣ наступало оживленіе, такимъ лицамъ не скоро удавалось заснуть; затѣмъ, сонъ ихъ, подъ говоръ, шумъ и смѣхъ далеко не могъ быть крѣпкимъ, и когда къ полуночи онъ становился таковымъ, ихъ будили товарищи, и имъ надо было вставать. Къ тому же не легкимъ дѣломъ было привыкнуть къ разбиванію сна на части. Иные мученики — „сиріусы“, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, бросали эту затѣю. Немного лицъ было въ тюрьмѣ, которыя все или почти все время своего пребыванія на Карѣ оставались „сиріусами“.

Первые вечера моего пребыванія въ „дворянкѣ“, послѣ того, какъ Цыплова перевели въ отдѣльную камеру, проходили въ разговорахъ, шуткахъ, спорахъ. Между прочимъ, однажды, помню, N. обратился ко мнѣ съ такимъ вопросомъ:

— А какъ вы думаете, Дейчъ, скоро убьютъ царя?

— Думаю, его совсѣмъ не убьютъ: онъ умретъ естественной смертью, — отвѣтилъ я.

Поднялся оживленный споръ, во время котораго собесѣдники старались доказать мнѣ, что Александръ III раздѣлитъ участь своего отца.

Въ описываемое мною время почти всѣ революціонеры глубоко вѣрили еще въ несокрушимую силу „партіи Народной Воли", „Исполнительнаго Комитета" и „террора", какъ единственно цѣлесообразнаго въ Россіи средства для борьбы съ правительствомъ. Мнѣ же положеніе рев. люціоннаго дѣла у насъ представлялось совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Я принималъ участіе въ революціонномъ движеніи до возникновенія террористическаго направленія, при мнѣ начались первыя его попытки и развились въ господствующій исключительный способъ; мнѣ лично были хорошо извѣстны всѣ крупные, средніе и маленькіе террористы, а потому для меня съ 1882 г. было вполнѣ ясно, что „партія Народной Воли" и терроръ отжили свое время.

Достигнувъ перваго марта 1881 г. своего апогея, это направленіе послѣ убійства Александра II быстрыми шагами шло на убыль. Какъ я уже выше упоминалъ рѣшительно всѣ старые и опытные террористы были изъяты, — одни казнены, другіе заключены въ Шлиссельбургскую крѣпость и у насъ на Карѣ; новыя же лица, молодые послѣдователи „Народной Воли", при возникшихъ въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ условіяхъ, не могли уже выработать въ себѣ той сноровки, ловкости и опытности, которыми отличались погибшіе террористы. Къ тому же революціонный подъемъ, господствовавшій въ Россіи во времена Желябова и Перовской, смѣнился упадкомъ, и вѣра въ „терроръ" — разочарованіемъ. Но очень немногіе тогда сознавали это. Мнѣ, поэтому, казалось, что въ Россіи наступила реакція, которая можетъ тянуться многіе годы. Когда я высказалъ сокамерникамъ по „дворянкѣ" эти взгляды, N воскликнулъ:

— А не желаете ли вы подкрѣпить свое мнѣніе!

— Какъ понимать это? спросилъ я.

— А это значитъ у насъ подержать пари, — отвѣтилъ онъ. — Я утверждаю, что царя убьютъ, — вы иного мнѣнія. Такъ вотъ подержимъ пари.

— Извольте, давайте на пять лѣтъ: до 15 декабря 1890 г.

— Идетъ. А какая ставка?

Надо замѣтить, что въ нашей тюрьмѣ былъ чрезвычайно распространенъ обычай держать пари. Они заключались по самымъ разнообразнымъ поводамъ и случаямъ. Велся ли серьезный разговоръ объ отвлеченнѣйшихъ вопросахъ или шелъ споръ о какомъ-нибудь пустякѣ, съ чьей нибудь стороны вскорѣ раздавались восклицанія: „А не желаете ли подкрѣпить свое мнѣ-

ніе?" или лаконично: „на су", „на плитку". И если споривший отказывался отъ пари, то предложившій его или нѣкоторые изъ присутствовавшихъ при этомъ восклицали: — „а, дѣлаете смыкъ!" — что означало: отступаете? боитесь? Отсюда уклонявшійся отъ пари тутъ же получалъ кличку — „Смычинскій", каковая вовсе не считалась лестной, хотя она и произносилась добродушнымъ тономъ. Наиболѣе распространенными ставками были: кусокъ сахару на копейку (су) или заварка чаю на всю камеру. Послѣдняго рода ставка, стоившая копѣекъ 5, считалась уже большой и была пріятна не только лицу выигравшему ее, но и его сокамерникамъ. Проигравшій „плитку" заваривалъ чай въ желѣзномъ ведерномъ чайникѣ (кубышкѣ), и каждый самъ уже изъ него наливалъ себѣ въ стаканъ: при такомъ общемъ чаепитіи велись оживленные разговоры, раздавались шутки и смѣхъ, а внѣ этихъ, хотя и частыхъ, случаевъ, каждый, пившій чай для себя одного или вмѣстѣ со своимъ ближайшимъ товарищемъ заваривалъ чай въ особомъ небольшомъ чайникѣ. Несмотря на шутливый характеръ нашихъ пари, они въ нѣкоторомъ родѣ являлись уздой, сдерживавшей любителей поспорить. Иной, бывало, несетъ невѣроятную околесину, — а это, чего грѣха таить? у насъ, какъ и вездѣ на бѣломъ свѣтѣ, случалось нерѣдко и съ очень многими; когда же спорщика нѣсколько разъ заставляли проигрывать пари, что никому не бывало пріятно, — онъ и становился осторожнѣе. Впрочемъ, на нѣкоторыхъ ни многократно проигранныя „су" и „плитки", ни награжденіе ихъ эпитетомъ „Смычинскій" не дѣйствовали. Къ числу такихъ неисправимыхъ спорщиковъ принадлежалъ, между прочимъ, Янъ Ивановичъ Зубржицкій.

Въ виду важности и серьезности вопроса, по поводу котораго состоялись у меня пари съ N, нужно было выбрать чрезвычайную ставку. Послѣ долгихъ обсужденій рѣшено было, чтобъ проигравшій на свой счетъ угостилъ всѣхъ сидящихъ въ Дворянкѣ пирогами. Это было огромное пари, — оно могло стоить нѣсколько рублей, а принимая во вниманіе ничтожные размѣры нашихъ доходовъ, это значило что проигравшій въ теченіе многихъ мѣсяцевъ долженъ будетъ отказывать себѣ въ такихъ продуктахъ, какъ чай, сахаръ, табакъ и проч. Какъ показали дальнѣйшія событія, N проигралъ, и въ концѣ 1890 г. онъ хотѣлъ сдѣлать пироги, но я отговорилъ его отъ этого намѣренія, указавъ ему на то, что главное условіе нашего пари не можетъ быть выполнено, такъ какъ пирогами слѣдовало угостить тотъ именно составъ „Дворянки", который былъ въ ней при заключеніи пари; за истекшіе же годы составъ ея значительно перемѣнился.

IX.

Изъ исторіи Карійской тюрьмы. — Внутренняя организація.

Съ кѣмъ, бывало, изъ старыхъ обитателей тюрьмы ни заговоришь, — лишь только вопросъ касался прошлыхъ временъ, неизмѣнно раздавалось: „это было до майскихъ дней“, или: „случилось это послѣ 11 мая“. И всѣ рѣшительно обитатели хорошо уже знали, какое событіе имѣлъ въ виду говорившій. „Майскіе дни“ въ жизни заключенныхъ на Карѣ являлись такой же эпохой, какъ, положимъ, „февральскіе“ и „іюльскіе“ дни въ исторіи Франціи или „мартовскіе“ — Германіи. Отъ „майскихъ дней“ Карійцы вели, такъ сказать, свое лѣтосчисленіе, причемъ предшествовавшее время въ представленіи старожиловъ тюрьмы являлось какъ бы золотымъ вѣкомъ, и, наоборотъ, послѣ „майскихъ дней“ наступили тяжелые, мрачные годы, полные всякихъ бѣдъ и страданій. Необходимо, поэтому, коснуться происшествій, случившихся въ эти знаменательные дни, такъ какъ они повліяли на всю дальнѣйшую жизнь заключенныхъ.

Политическая тюрьма на Нижней Карѣ построена была въ 1880 г. Раньше этого политическіе содержались въ четырехъ верстахъ отъ Нижняго, на такъ называемой Средней Карѣ, но не въ спеціально для нихъ построенной, а въ одной изъ сооруженныхъ для уголовныхъ тюремъ, каковыхъ не мало было въ этомъ каторжномъ районѣ, въ которомъ на небольшихъ разстояніяхъ другъ отъ друга раскинуты вдоль рѣчки Кара золотые промысла „Кабинета Его Величества“. Какъ и уголовные, политическіе также ходили на работы и добывали золото, шедшее въ личную собственность Самодержца Всероссійскаго. Но работы эти не были особенно тяжелы, и политическіе охотно ими занимались, — куда же пріятнѣе и полезнѣе для организма провести нѣсколько часовъ на открытомъ воздухѣ, хотя и исполняя тяжелую работу, чѣмъ сидѣть въ четырехъ стѣнахъ за тюремной оградой. Къ тому же во время работы на золотыхъ пріискахъ политическіе пользовались тѣми же правами, какъ и уголовные, т. е. они получали увеличенный „паекъ“, а по истеченію установленнаго по закону срока ихъ также выпускали въ „вольную команду“ — на квартиру внѣ тюремной ограды; они также могли переписываться съ родными и пр. Такимъ уравненіемъ съ уголовными каторжанами политическіе были очень

довольны. Но въ декабрѣ 1880 г. новый министръ внутреннихъ дѣлъ, объявившій „диктатуру сердца“, извѣстный графъ Лорисъ-Меликовъ, запретилъ выпускать политическихъ заключенныхъ на Карѣ въ „вольную команду“.

Слѣдствіемъ этого тотчасъ же было самоубійство, сосланнаго на каторгу помощника присяж. повѣреннаго Евгенія Семеновскаго, который въ оставленномъ имъ къ отцу письмѣ заявлялъ, что перспектива вновь вернуться въ тюрьму до того тяжела для него, что онъ предпочитаетъ ей смерть. Въ то время въ Россіи, какъ извѣстно, господствовало чрезвычайное оживленіе, сопровождавшееся ожиданіями крупныхъ политическихъ событій. Хотя и съ большими запаздываніями, но слухи о всемъ происходившемъ на родинѣ доносились и до Кары, и еще въ болѣе сильной степени, чѣмъ обыкновенно, увеличивали у заключенныхъ желаніе поскорѣе очутиться на волѣ. Эти-то обстоятельства побудили нѣкоторыхъ изъ долгосрочныхъ сдѣлать попытку бѣжать изъ Карійской тюрьмы. Для этого они воспользовались находившимися внѣ тюремной ограды мастерскими, въ которыя ихъ водили на работу. Рѣшено было, что каждую ночь попытается бѣжать два человѣка. По общему рѣшенію право воспользоваться первой очередью было предоставлено извѣстному участнику процесса 193 — Мышкину, который за вооруженное сопротивленіе, оказанное имъ при попыткѣ освободить Чернышевскаго изъ г. Вилюйска, былъ приговоренъ къ 10 годамъ каторжныхъ работъ, да сверхъ того, за рѣчь, произнесенную имъ надъ гробомъ умершаго товарища Дмоховскаго, въ Иркутской тюремной церкви, ему набавили еще 15 лѣтъ. Мышкину же товарищи по тюрьмѣ предоставили право выбрать себѣ компаньона для совмѣстнаго побѣга, и выборъ его палъ на рабочаго Николая Хрущова, судившагося въ Кіевск. Военно-окружномъ судѣ и приговореннаго къ 15 годамъ каторги. Побѣгъ этихъ двухъ лицъ, происшедшій въ началѣ мая 1882 года, сошелъ вполнѣ удачно. Чтобы скрыть ихъ отсутствіе при повѣркахъ, товарищи искусно дѣлали чучела на занимаемыхъ ими въ камерахъ мѣстахъ. Въ это время пріѣхалъ на Кару для ревизіи начальникъ Главнаго Тюремнаго управленія Галкинъ-Врасскій съ губернаторомъ Забайкальской области Ильяшевичемъ. Отсутствіе Мышкина и Хрущева не было ими замѣчено. Переждавъ нѣсколько дней, тѣмъ же путемъ и такъ же удачно бѣжала слѣдующая пара, затѣмъ третья и, наконецъ, четвертая пара[1]), но въ тотъ моментъ когда выскочилъ послѣдній бѣглецъ, часовой, замѣтивъ его, произвелъ выстрѣлъ, но неудачный. Немед-

[1]) Мойсей Диновскій, на 15 лѣтъ каторжн. работъ; Левченко — тоже; Баламезъ — на 20 лѣтъ; Крыжановскій, Юрковскій и Минаковъ — безсрочные.

ленно поднялась тревога, и побѣгъ изъ политической тюрьмы восьми лицъ былъ открытъ. Это случилось 11 мая. Галкинъ-Врасскій и генералъ Ильяшевичъ находились въ это время еще въ Карійскомъ районѣ. Начались самые энергичные розыски, и спустя нѣсколько дней всѣ шесть человѣкъ, бѣжавшіе послѣ Мышкина и Хрущева, были пойманы. Послѣдніе же двое въ это время пробирались на востокъ къ Великому Океану.

Заключенные въ тюрьмѣ, ожидая репрессій, забаррикадировались и не сдавались втеченіе нѣсколькихъ дней; когда же, наконецъ, начальству удалось на разсвѣтѣ, когда всѣ спали, взять тюрьму, то началась настоящая оргія: спавшихъ стаскивали съ кроватей и били чѣмъ и куда попало; затѣмъ всѣхъ заключенныхъ развели по разнымъ тюрьмамъ, причемъ по дорогѣ многихъ вновь жестоко били. Послѣ этого Карійскую тюрьму перестроили такъ, что изъ каждой камеры сдѣлали по три маленькія и до того тѣсныя, что въ нихъ совершенно невозможно было двигаться; на дворѣ за особой оградой построили новое зданіе со многими крошечными одиночными камерками, въ которыя посадили наиболѣе „опасныхъ“, по мнѣнію начальства, лицъ; у всѣхъ заключенныхъ отняли ихъ собственныя вещи и и книги, ихъ лишили права пользоваться собственными средствами для улучшенія пищи и проч. Доведенные всѣми этими мѣрами до крайности, заключенные рѣшили уморить себя голодомъ. Голодовка продолжалась 11 дней. Только, когда голодавшіе уже окончательно обезсилѣли и были на краю могилы, начальство убѣдилось, что они не прекратятъ своего протеста и сдѣлало имъ нѣкоторыя уступки.

Между тѣмъ Мышкинъ и Хрущовъ, благополучно добравшись до Владивостока, собирались уже сѣсть на иностранное судно, какъ вслѣдствіе какой то случайности въ нихъ узнали карійскихъ бѣглецовъ; они были арестованы и вновь препровождены на мѣсто.

Кромѣ перечисленныхъ репрессалій, въ режимѣ государственныхъ произошла еще одна радикальная перемѣна: вмѣсто бывшаго раньше общаго съ уголовными гражданскаго тюремнаго управленія, мужская и женская политическія тюрьмы на Карѣ подчинены были департаменту государственной полиціи. Изъ Петербурга назначенъ былъ спеціальный жандармскій штабъ-офицеръ, съ званіемъ коменданта, и въ его распоряженіе дано было достаточное количество жандармскихъ офицеровъ въ качествѣ надзирателей. Съ этимъ нововведеніемъ рѣзко измѣнилась жизнь политическихъ заключенныхъ на Карѣ, и, конечно, къ худшему: были уничтожены мастерскія и вообще какія-либо работы за тюремной оградой, запрещена была переписка съ родными и, какъ я уже выше упоминалъ, 13 человѣкъ увезены были въ Петропавловскую крѣпость, изъ нихъ 10 человѣкъ по-

ревезли затѣмъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ девять вскорѣ умерли, вслѣдствіе господствовавшаго въ послѣдней ужаснаго режима.

За три съ чѣмъ то года, истекшіе отъ „майскихъ дней“ до моего прихода на Кару, перемѣнилось четыре коменданта, изъ которыхъ одинъ, ротмистръ Манаевъ, за совершенную имъ растрату болѣе тысячи рублей, принадлежавшихъ заключеннымъ, былъ по суду съ лишеніемъ всѣхъ правъ отправленъ на поселеніе въ Якутскую область. Съ частыми перемѣнами комендантовъ отчасти измѣнялся на Карѣ и режимъ, — послѣдній, какъ извѣстно, находится у насъ въ большой зависимости отъ исполнителей. До моего прихода уничтожены были перегородки въ камерахъ, дозволено было пользоваться книгами и матеріальными средствами, получаемыми отъ родныхъ и вслѣдствіе жалобы одного частнаго лица состоялось рѣшеніе сената, отмѣнившее, какъ незаконное, распоряженіе графа Лорисъ-Меликова о прекращеніи выпуска политическихъ въ вольную команду.

Въ описываемое мною время, по старому „Уложенію о наказаніяхъ“, весь срокъ всякаго осужденнаго въ каторжныя работы дѣлился на двѣ части: первый годъ-два или больше, смотря по размѣру наказанія, считался „испытуемымъ“ срокомъ; это время осужденный долженъ былъ провести въ тюрьмѣ и носить кандалы; остальные годы назывались „исправляющимся“ срокомъ, — съ этого періода съ каждаго года сокращалось по два мѣсяца, иначе говоря, десять мѣсяцевъ пребыванія на каторгѣ считались за годъ; такимъ образомъ мнѣ, напримѣръ, какъ осужденному на 13 лѣтъ и 4 мѣсяца, предстояло пробыть на каторгѣ, вслѣдствіе этихъ сокращеній, одиннадцать лѣтъ и пять мѣсяцевъ. Кромѣ того, по прошествіи двухъ-трехъ лѣтъ „исправляющаго“ срока, смотря по всему сроку каторги, заключеннаго должны были выпускать въ „вольную команду“, иначе говоря, ему разрѣшалось жить внѣ стѣнъ тюрьмы въ казенномъ или частномъ нанятомъ, или въ имъ самимъ выстроенномъ помѣщеніи, причемъ весь режимъ для „вольно-командца“ оставался почти тѣмъ же, что и для заключеннаго въ стѣнахъ тюрьмы. Громадное преимущество жизни въ „вольной командѣ“ состоялось для каторжанина уже въ томъ, что онъ не долженъ былъ вѣчно находиться въ одномъ тѣсномъ помѣщеніи со многими другими, онъ не былъ подъ замкомъ, не находился постоянно на глазахъ у надзирателей, часовыхъ и проч.

Легко представить себѣ, поэтому, радость заключенныхъ на Карѣ, когда они узнали о полученномъ разъясненіи сената. Комендантъ Бурлей нашелъ среди бумагъ своего предшественника Манаева давно состоявшееся постановленіе сената о возстановленіи вольной команды; но вслѣдствіе халатности Манаева это постановленіе долго не приводилось въ исполненіе. По отзывамъ заключенныхъ,

ротмистръ Бурлей былъ лучшимъ изъ карійскихъ комендантовъ: онъ немедленно сдѣлалъ губернатору представленіе о выпускѣ въ вольную команду всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя получили на это право. Но въ это время вновь смѣнили коменданта на Карѣ, и не успѣло получиться разрѣшеніе губернатора на выпускъ въ вольную команду, какъ на Кару пріѣхалъ уже неоднократно упоминавшійся мною ротмистръ Николинъ.

Хитрый и злой человѣкъ, вѣчно изобрѣтавшій поводы для ухудшенія положенія заключенныхъ, этотъ комендантъ донесъ губернатору, что, по его мнѣнію, нельзя выпускать въ вольную команду всѣхъ лицъ, получившихъ на то право. Онъ предлагалъ ограничить контингентъ выпускаемыхъ лишь 15 лицами, мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что въ его распоряженіи нѣтъ достаточнаго числа жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, чтобы слѣдить за вольной командой. Эта его ссылка была чистѣйшимъ вздоромъ, такъ какъ для надзора за 15 лицами требовалось не меньшее число жандармовъ, чѣмъ при выпускѣ всѣхъ лицъ, получившихъ на то законное право; тѣмъ не менѣе просьба Николина была удовлетворена. Благодаря, такимъ образомъ, введенному ограниченію, выпускъ въ вольную команду сталъ для многихъ заключенныхъ совершенно невозможенъ. По много лѣтъ продолжали сидѣть въ тюрьмѣ лица, имѣвшія давно право выйти въ вольную команду, такъ какъ имъ приходилось ожидать, пока кто нибудь изъ 15-ти, окончивъ срокъ каторги, уйдетъ на поселеніе. На одно освобождавшееся такимъ путемъ мѣсто являлось по нѣсколько кандидатовъ изъ мужской и женской тюрьмы. Между ними Николинъ самымъ произвольнымъ образомъ дѣлалъ свой выборъ и многихъ вовсе лишалъ возможности предъ уходомъ на поселеніе выйти въ вольную команду. Кромѣ этой возмутительной мѣры самаго жестокаго характера, Николинъ изобрѣлъ цѣлую массу другихъ стѣснительныхъ пріемовъ, — онъ лишалъ права получать деньги не отъ близкихъ родственниковъ, а также не пропускалъ дозволенныя въ Россіи газеты, журналы и пр.

Вполнѣ естественно, что всѣ заключенные относились къ нему съ ненавистью и дали ему очень къ нему подходившую и ставшую ему лично извѣстной кличку — „котъ“.

Дня черезъ два, послѣ прибытія на Кару, я увидѣлъ этого господина, — въ первое время онъ довольно часто приходилъ въ тюрьму, вѣрнѣе на корридоръ, такъ какъ въ камеры онъ не рѣшался заглядывать. Лѣтъ 55 на видъ, средняго роста, плотный, съ изрядным брюшкомъ, этотъ отвратительный субъектъ своимъ толстымъ лицомъ, сѣрыми хитрыми глазами и щетинистыми сѣдыми усами дѣйствительно напоминалъ стараго и злого кота. Испытующій взглядъ его глазъ производилъ впечатлѣніе, будто онъ выбираетъ моментъ, чтобы броситься на свою жертву

и вонзить въ нее свои острые когти. Говорилъ этотъ толстый и противный „котъ“ тихо и безконечно много, при этомъ онъ непріятно присюсюкивалъ, высовывая кончикъ языка. Въ фигурѣ и въ манерахъ его было что то отталкивающее, гадливое. Онъ подходилъ къ нашему старостѣ, занятому чѣмъ нибудь возлѣ ларя и заводилъ безконечные разсказы, нисколько не справляясь, интересны ли они и есть ли у его слушателя досугъ. При этомъ „котъ“ обнаруживалъ большое сходство съ Хлестаковымъ: если вѣрить его разсказамъ, то, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ былъ бы состоять жандарм. генераломъ, а то и шефомъ жандармовъ, такъ какъ онъ служилъ въ Зап. краѣ еще при извѣстномъ Муравьевѣ-Вѣшателѣ, въ началѣ 60-хъ гг., и всѣ, по его словамъ, чрезвычайно цѣнили его замѣчательныя способности и знанія, а между тѣмъ въ срединѣ 80-хъ гг. онъ всего еще былъ ротмистромъ. Вѣроятно, вездѣ на служебномъ его поприщѣ ему вредило чрезмѣрное его усердіе. По крайней мѣрѣ на Карѣ онъ напримѣръ, самъ съ большимъ недоумѣніемъ разсказывалъ, какъ Забайкальскій губернаторъ отвѣтилъ на одно его отношеніе. Въ послѣднемъ онъ спрашивалъ, какъ поступать въ томъ случаѣ, когда происходитъ мойка пола въ какой-нибудь камерѣ, такъ какъ въ это время она отперта, а между тѣмъ необходимо пускать на прогулки сидящихъ въ остальныхъ камерахъ. „Представьте себѣ“ — восклицалъ „котъ“ — „мнѣ отвѣтили: руководствуйтесь 13-ымъ параграфомъ инструкціи, когда всего то 12 параграфовъ“.

Своими постоянными доносами и вопросами о разныхъ пустякахъ „котъ“ вынудилъ губернатора на этотъ ироническій отвѣтъ.

Но онъ и послѣ того не унимался и продолжалъ отсылать разныя донесенія во всевозможныя инстанціи. Такъ какъ подвѣдомственныя ему политическія тюрьмы представляли недостаточную для этого пищу, то онъ началъ посылать доносы на совсѣмъ ему неподчиненныя учрежденія, находившіяся въ Карійскомъ районѣ: на управленіе кабинетскими пріисками, на завѣдывавшаго уголовными арестантами на батальоннаго и конвойнаго командировъ и пр.

На счастье „кота“, какъ разъ въ ту зиму, когда меня привезли, случилось на Карѣ довольно странное происшествіе: сгорѣлъ амбаръ, въ которомъ должно было храниться нѣсколько тысячъ пудовъ казенной муки, предназначавшейся для арестантовъ этого обширнаго района. Какъ извѣстно, мука не горитъ, а покрывается отъ огня лишь коркой, но на сей разъ вмѣстѣ съ амбаромъ исчезла и вся мука. Всѣ открыто говорили, что въ амбарѣ ея вовсе и не было, такъ какъ завѣдывавшій райономъ майоръ Потуловъ вошелъ въ сдѣлку съ подрядчикомъ, который долженъ былъ доставить муку. Въ описываемое время

недалеко отъ Кары открыты были хищниками на рѣчкѣ Желтугѣ богатѣйшіе пріиски — извѣстные подъ названіемъ „Калифорнія“. Туда повалила масса народа, сразу потребовалось огромное количество всевозможныхъ продуктовъ, и вотъ Потуловъ вмѣстѣ съ подрядчикомъ разсчитали, что значительно выгоднѣе доставить казенную муку на Желтугу, чѣмъ на Кару. Выдавъ подрядчику расписку въ полученіи муки для арестантовъ, Потуловъ, сообща съ другими подчиненными ему лицами, устроилъ пожаръ, чтобы такимъ образомъ скрыть несуществовавшій запасъ. Какъ и масса другихъ аналогичныхъ у насъ хищеній, дѣло это осталось бы нераскрытымъ, но ротмистръ Николинъ энергично взялся за него, писалъ доносъ за доносомъ въ разныя инстанціи и, наконецъ, добился назначенія слѣдственной коммиссіи, въ число членовъ которой онъ и самъ попалъ. Тогда то онъ и развернулся во всю ширь и, дѣйствительно, обнаружилъ огромныя злоупотребленія и хищенія со стороны завѣдывавшаго уголовными каторжанами. Гостепріемный хозяинъ и джентльменъ, какимъ Жоржъ Кенанъ описываетъ Потулова и какимъ онъ въ дѣйствительности былъ, нисколько, какъ оказалось, не брезгалъ обкрадывать казну и несчастныхъ арестантовъ: сотни каторжанъ, ушедшіе на поселеніе, бывшіе въ бѣгахъ или давно умершіе значились по спискамъ находящимися на лицо, на нихъ выдавались „пайки“, одежда, обувь и пр., стоимость же всего этого завѣдующій уголовными дѣлилъ съ подрядчиками. Несмотря на всевозможныя преступленія Потулова, открытыя коммиссіей, онъ всего только устраненъ былъ отъ должности.

Когда я пришелъ на Кару, то засталъ среди товарищей вполнѣ стройную и правильно функціонировавшую организацію, которая была выработана общими усиліями заключенныхъ при совмѣстной жизни втеченіе многихъ лѣтъ. Главнымъ ея принципомъ было — равныя права и обязанности. Въ экономическомъ отношеніи всѣ заключенные составляли одну артель, при этомъ, насколько дозволяли тюремныя условія, удовлетворялись также и индивидуальные вкусы, желанія и потребности. Каждый заключенный могъ вступить въ артель или остаться внѣ ея, но въ томъ и другомъ случаѣ онъ пользовался одинаковыми съ другими матеріальными условіями и лишь не принималъ участія въ дѣлахъ артели, если не вступалъ въ нее.

Отъ казны на каждаго заключеннаго отпускалось: три фунта чернаго хлѣба, треть фунта мяса и нѣсколько золотниковъ крупы и соли. Кромѣ того, отъ родныхъ и другихъ лицъ съ воли разрѣшалось получать деньги на улучшеніе пищи, и нѣкоторыя лица, правда, очень немногія изъ всего числа заключенныхъ, получали ежемѣсячно или неперіодически небольшія суммы.

Какъ казенные продукты, такъ и средства, получавшіяся съ воли, составляли общую собственность всѣхъ членовъ артели. Деньги распредѣлялись такимъ образомъ: одна часть ихъ шла на улучшеніе общей казенной пищи, главнымъ образомъ, на увеличеніе количства мяса и на покупку овощей или, какъ принято говорить въ тюрьмѣ, „на котелъ“, потому что пища для всѣхъ здоровыхъ людей варилась въ огромномъ чугунномъ котлѣ. Другая часть собственныхъ нашихъ денегъ употреблялась на такъ называемые общіе расходы: на помощь лицамъ, уходившимъ на поселеніе, на выписку дозволенныхъ намъ журналовъ и газетъ, на больничные расходы и проч.; а третья часть распредѣлялась между всѣми членами артели поровну и потому называлась мѣсячнымъ „эквивалентомъ“. Послѣднимъ каждый заключенный могъ распорядиться по своему усмотрѣнію. „Эквивалентъ“ преимущественно употреблялся на покупку чаю, сахару, табаку, масла, словомъ, какъ у насъ говорили, для предметовъ „второй необходимости“; но нѣкоторые отказывали себѣ въ такихъ предметахъ и путемъ экономіи въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, а то и года или болѣе того, выписывали себѣ интересовавшую ихъ книгу или другую какую-нибудь нужную имъ вещь. До чего, однако, ничтожны были получавшіяся съ воли суммы, тому можетъ отчасти доказательствомъ служить слѣдующее: за все время моего многолѣтняго пребыванія на Карѣ никогда не отпускалось на котелъ больше трехъ-четырехъ копеекъ на человѣка, а „эквивалентъ“ за рѣдкимъ исключеніемъ не превышалъ одного рубля въ мѣсяцъ, но онъ часто бывалъ вдвое меньше этого; такъ, при прибытіи моемъ на Кару онъ равнялся лишь 50 коп. Если принять во вниманіе, что въ то время, при отсутствіи путей сообщенія, всѣ привозные продуктты были вдвое дороже, чѣмъ въ Европейской Россіи — фунтъ сахару, напр., стоилъ 35-40 коп., а временами и 60 к., — то легко себѣ представить, какія матеріальныя лишенія вообще испытывали заключенные. Многіе, напр., пили лишь плиточный или кирпичный чай безъ сахару, нѣкоторые даже и такой считали роскошью и довольствовались кипяткомъ; позволявшіе себѣ такую роскошь, какъ сахаръ, обходились однимъ кусочкомъ въ теченіе трехъ чаепитій въ день, что называлось „пить въ приглядку“.

Конечно, денегъ на руки никто не получалъ, — вели только счетъ на деньги, въ тюрьму же онѣ не пропускались. Всѣ приходившія для насъ съ воли деньги оставались у коменданта, намъ же онъ черезъ старосту объявлялъ, что такому то пришло столько то. Староста дѣлалъ общую выписку на опредѣленныя суммы продуктовъ, каковыя, по полученіи ихъ въ тюрьму, хранились въ находившемся въ его вѣдѣніи ларѣ, о которомъ я упомянулъ выше; затѣмъ онъ расцѣнивалъ эти продукты

сообразно ихъ стоимости. Отпуская заключеннымъ по ихъ требованіямъ тѣ или другіе продукты, онъ записывалъ эти заборы на счетъ заказчика, а въ концѣ мѣсяца подводилъ итоги заборамъ; при этомъ, если кто-нибудь переходилъ на нѣкоторое количество копеекъ мѣсячный „эквивалентъ“, то этотъ перерасходъ обозначался минусомъ и, наоборотъ, если у члена артели получалась нѣкоторая экономія, то суммѣ ея предшествовалъ плюсъ. Лица, имѣвшія въ одномъ мѣсяцѣ минусъ, обыкновенно старались погашать его изъ слѣдующаго „эквивалента“, но было не мало и такихъ, которые, несмотря на всѣ усилія и старанія, не могли соразмѣрить свои расходы съ „эквивалентами“ или, выражаясь нашимъ жаргономъ, „не вылѣзали изъ минуса“, поэтому ихъ величали „минусистами“; наоборотъ, имѣвшіе экономію, назывались „плюсистами“. Хотя не считалось преступленіемъ или позоромъ быть „минусистомъ“, но въ этомъ не видѣли и добродѣтели; поэтому каждый старался избѣгать перерасходовъ, „влѣзать въ минусъ“, а разъ уже случился такой грѣхъ, то онъ стремился покрыть его при полученіи сверхобыкновеннаго „эквивалента“; таковой отпускался предъ большими праздниками — Рождествомъ Христовымъ, Свѣтлымъ Воскресеньемъ или по какимъ либо крупнымъ революціоннымъ событіямъ, годовщинамъ и юбилеямъ. Случалось, однако, что нѣкоторые, — правда, немногіе, — все же никакъ не могли „вылѣзть изъ минуса“; тогда староста или кто либо изъ членовъ артели, придравшись къ какому нибудь торжественному случаю, радостному извѣстію, а то и безъ всякаго повода, вносили предложеніе „амнистировать минусистовъ“, т. е. похерить, вычеркнуть переборъ, долги. И такія предложенія всегда принимались большинствомъ, противъ нихъ высказывались лишь сами „минусисты“, или же они воздерживались отъ подачи своихъ голосовъ.

Ежедневно по утрамъ староста съ тетрадкой — дневникомъ, въ рукахъ, переходя отъ камеры къ камерѣ, просовывалъ въ дверное окошечко голову и спрашивалъ: „что кому надо?“ Иной заказывалъ сахару на „су“ (копейку), другой — плитку чаю и т. д. При этомъ иногда нѣкоторые въ шутку заказывали бутылку портвейна и т. п. Всѣ заказы староста записывалъ въ дневникъ, откуда въ свободное время переносилъ въ общую книгу на счетъ каждаго. Сдѣланные утромъ заказы староста самъ же затѣмъ и исполнялъ, т. е. бралъ заказанную вещь въ ларѣ и черезъ дверное окошечко передавалъ въ камеру. Онъ же отпускалъ продукты дежурившимъ на кухнѣ поварамъ, согласно установленному артелью бюджету, на „котелъ“ и больницу; онъ же получалъ отъ смотрителя причитавшіеся всѣмъ намъ продукты и вещи. Староста сносился по всѣмъ артельнымъ дѣламъ съ комендантомъ, смотрителемъ и

другими должностными лицами; словомъ, онъ являлся предст-ля вителемъ тюрьмы. Члены артели избирали изъ своей среды старосту закрытой баллотировкой срокомъ на полгода, но онъ могъ быть вновь переизбранъ, что нерѣдко и случалось. Каждый имѣлъ право отказываться отъ этой, хотя и почетной, но крайне хлопотливой и непріятной должности.

Какъ староста, такъ и каждый изъ членовъ артели имѣлъ право внести на общее обсужденіе любое предложеніе, безразлично, касалось ли оно измѣненія или дополненія дѣйствовавшей у насъ „конституціи“, или совершенно посторонней этому области. Любое такое предложеніе, написанное на бумагѣ, переходило изъ камеры въ камеру, гдѣ оно подробно обсуждалось заключенными, а затѣмъ желавшіе принимать участіе въ этомъ вотѣ записывали свои голоса „за“, „противъ“ или писали „особыя мнѣнія“. Когда данное предложеніе обходило всѣ камеры, внесшій его или староста сосчитывалъ количество поданныхъ голосовъ и, просовывая голову въ дверное окошечко, объявлялъ результаты вота. Очень часто такія предложенія сопровождались горячими дебатами, образованіями разныхъ „партій“, — словомъ, у насъ происходило вполнѣ, какъ въ любомъ парламентѣ, нерѣдко также инциденты улаживались выраженіемъ „довѣрія“ нашему „министерству“, такъ какъ, кромѣ старосты, у насъ имѣлись еще и другія должностныя лица.

Всѣ работы внутри тюремной ограды мы производили сами, но мы не могли исполнять такія занятія, которыя сопряжены были съ выходомъ за ворота тюрьмы — вывозка нечистотъ, привозка воды, дровъ и проч. Все это дѣлали прикомандированныя къ нашей тюрьмѣ уголовные арестанты въ количествѣ семи-восьми человѣкъ. Послѣднимъ мы отпускали ту же пищу, какую мы и сами ѣли, хотя къ этому мы и не были обязаны. Наши работы дѣлились на общія — дежурство по кухнѣ, по камерамъ и банѣ, и на частныя — мойка своего бѣлья, шитье и проч. Отъ общихъ работъ, кромѣ должностныхъ лицъ, освобождались люди съ слабымъ здоровьемъ. Дежурства по кухнѣ происходили группами въ пять человѣкъ и продолжались въ теченіе недѣли, начиная съ воскреснаго утра. Всѣхъ группъ бывало отъ семи до девяти и составлялись онѣ по взаимному соглашенію безотносительно къ тому, въ какой камерѣ кто сидѣлъ. Въ каждой группѣ были: главный поваръ, его помощникъ, больничный поваръ и два черноработчихъ. У всѣхъ этихъ лицъ бывало довольно много работы, и дежурство на кухнѣ считалось многими очень непріятнымъ занятіемъ. Зимой оно начиналось въ шесть часовъ утра и продолжалось до пяти часовъ вечера, а лѣтомъ — съ пяти часовъ утра до семи восьми вечера. Къ концу дня чувствовалась сильнѣйшая усталость, а съ середины недѣли бывало

съ нетерпѣніемъ ждешь, когда окончится это дежурство. Но съ другой стороны, оно являлось нѣкотораго рода развлеченіемъ въ нашей монотонной тюремной жизни. Къ тому же кухня нерѣдко служила какъ бы сборнымъ мѣстомъ, своего рода „клубомъ“, куда заходили изъ камеръ или съ прогулки товарищи, и здѣсь въ свободные отъ спѣшныхъ работъ часы, а то и во время таковыхъ, сообщались новости и подымались дебуты на самые разнообразные курьезы. Ради шутки, повара и старые карійцы нерѣдко заставляли неопытныхъ новичковъ исполнять какія-нибудь безполезныя работы, вызывавшія затѣмъ всеобщій смѣхъ. Такъ, помню, одному предложили вылавливать вилкой изъ огромнаго котла сварившуюся въ немъ картошку, другого заставили стоять съ палкой около щели, имѣвшейся въ печи, съ тѣмъ, чтобы убить таракана, если онъ вылѣзетъ оттуда; мнѣ предложили рубить пшено ножемъ и проч. Вообще, въ нашей жизни дѣло съ забавой, серьезное съ шуткой шли всегда рядомъ, и въ этомъ отношеніи наша тюрьма очень напоминала закрытыя учебныя заведенія, съ той, конечно, разницею, что шутки и выдумки всегда носили у насъ лишь невинный и добродушный характеръ.

Задача старшихъ поваровъ нерѣдко бывала не изъ легкихъ: имъ нужно было извернуться со скудными средствами, при полномъ временами отсутствіи какихъ либо овощей. Въ ту, напр., зиму, когда я прибылъ, не было даже картошки. А между тѣмъ, нужно было разнообразить „меню“. Поэтому, какъ я уже упоминалъ мясо, варившееся въ котлѣ, передъ обѣдомъ вылавливалось и, въ полдень давалась только „баланда“, а на ужинъ служило это мясо, срубленное и смѣшаемое съ какой нибудь крупной или же разрѣзанное на совершенно одинаковые ломтики. Такія порціи мяса, дававшіяся вмѣстѣ съ какой нибудь кашей, назывались на нашемъ жаргонѣ: „каждый имѣетъ“, и большинству публики очень нравились тѣ ужины, когда подавалось это блюдо со столь оригинальнымъ названіемъ. Желая угодить публикѣ, повара старались раза три въ теченіе недѣли давать „каждый имѣетъ“; гурманы, любившіе покушать, часто навѣдывались на кухню и, возвращаясь затѣмъ въ камеру, объявляли: „господа, сегодня на ужинъ каждый имѣетъ“. На лицахъ у многихъ появлялась тогда веселая улыбка. Но болѣе всего повара старались угодить публикѣ въ послѣдній день дежурства — въ субботу. Неизмѣнно въ теченіе многихъ лѣтъ въ субботу на ужинъ каждый получалъ большой пирогъ изъ пшеничной муки съ начинкой изъ риса и рубленнаго мяса; послѣднее поваръ копилъ въ теченіе недѣли, собирая обрѣзки отъ „каждый имѣетъ“. Эти пироги являлись единственнымъ блюдомъ на ужинъ, но они бывали такихъ внушительныхъ размѣровъ, что у нѣкоторыхъ лицъ небольшой кусокъ пирога оставался еще на утренній чай

въ воскресенье. Вообще наша пища была недостаточна по количеству и въ большинствѣ случаевъ неудовлетворительна по качеству; многіе часто испытывали голодъ, который они не могли утолить ржанымъ арестантскимъ хлѣбомъ, такъ какъ онъ вызывалъ у нихъ изжогу. Хлѣба можно было брать въ неограниченномъ количествѣ, и отъ него еще оставалась экономія. Но въ большіе годичные праздники, да въ высокоторжественные дни, когда, наряду съ „эквивалентомъ“ увеличивалась также и сумма, отпускавшаяся на „котелъ“, всѣ мы наѣдались вдоволь. Въ эти дни повара старались поразить своимъ искусствомъ и изобрѣтательностью, почему на столъ появлялись такія рѣдкостностныя для насъ кушанья, какъ котлеты, бифштексы, а также небольшія пшеничныя булочки.

Надо отдать справедливость поварамъ: между ними попадались настоящіе виртуозы или, говоря на нашемъ діалектѣ — „какъ въ лучшихъ домахъ“.

Бюджетъ для больницы не былъ строго опредѣленъ, и больничный поваръ самъ соображалъ, сколько и какіе продукты ему нужно взять у старосты; при этомъ, конечно, онъ старался не слишкомъ много издерживать. Особенно опасныхъ больныхъ при мнѣ было человѣка 2-3, но улучшенной пищей большей частью пользовались люди слабаго сложенія, страдавшіе хроническими недугами, а то и мнительные. Назначалъ больничную пищу одинъ изъ товарищей — Прибылевъ, отправлявшій среди насъ обязанность врача и достигшій въ медицинѣ большого совершенства, хотя по спеціальности онъ былъ ветеринаромъ. Слава о его врачебномъ искусствѣ распространилось далеко за предѣлы тюремной ограды, такъ что къ концу нашего пребыванія на Карѣ къ Прибылеву обращались и многія посторонія лица, хотя въ этомъ районѣ было три военныхъ врача.

Чернорабочими въ дежурившихъ на кухняхъ группахъ являлись преимущественно лица, неумѣвшія стряпать или предпочитавшія физическій трудъ. По обѣимъ этимъ причинамъ я все время пребывалъ чернорабочимъ. На нашей обязанности лежало таскать ушатами воду на кухню, приносить дрова на носилкахъ, разносить по камерамъ обѣды, ужины, кипятокъ, горячіе угли для самоваровъ, мыть кухонную посуду, топить печи, убирать кухню, выносить помои и пр. Работы эти была не изъ пріятныхъ, въ особенности мытье посуды; зато дежурные по кухнѣ питались въ эти недѣли нѣсколько лучше тѣхъ, которые находились въ камерахъ. Вмѣстѣ съ ними на кухнѣ обѣдали староста и хлѣборѣзъ.

За чистотой бани, въ которой мылись разъ въ двѣ недѣли, по субботамъ, а въ остальные дни каждый могъ мыть свое бѣлье, наблюдали два человѣка, за это также освобождавшіеся отъ дежурствъ на кухнѣ. Приготовленія же къ банѣ, отнимав-

шія дня по два, производились по очереди всѣми здоровымй, но нерѣдко случалось, что для этой функціи находились добровольцы изъ любителей физическаго труда. Такъ я и другой товарищъ — Нагорный въ теченіе очень долгаго времени состояли „банщиками“, за что мы получили названіе „уфельмановцы“, кличка, произведенная отъ имени автора „Дѣтской гигіены“.

Кромѣ старосты, путемъ баллотировки и также на полгода избирался еще библіотекарь; всѣ же остальныя перечисленныя выше лица, были, такъ сказать, добровольцы, т. е. они сами себя предлагали на указанныя функціи. За долгіе годы существованія тюрьмы у насъ понемногу составилась довольно порядочная библіотека, какъ изъ привезенныхъ нѣкоторыми съ собой на Кару, такъ и изъ присланныхъ туда съ воли книгъ. Онѣ имѣлись почти по всѣмъ отраслямъ знаній, въ особенности ихъ много было по исторіи, философіи, естественнымъ наукамъ и математикѣ; имѣлись у насъ руководства и учебники на всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ языкахъ, а также и на древнихъ. Книги помѣщались въ двухъ большихъ шкафахъ, находившихся на корридорѣ, а также ихъ было много въ камерахъ на рукахъ у заключенныхъ. Библіотекарь завѣдывалъ выдачей, онъ же занимался переплетеніемъ вновь поступавшихъ книгъ, въ чемъ ему помогали и другіе. Въ тюрьмѣ имѣлись сшивальные станки, тиски и обрѣзъ; но въ виду отсутствія картона, въ тюрьмѣ переплетчики сами его приготовляли, склеивая вмѣстѣ листы старой газетной бумаги. Пришедшій со мной на Кару Владиміръ Чуйковъ вскорѣ былъ выбранъ библіотекаремъ и прекрасно исполнялъ эту функцію; поэтому до самаго ухода съ Кары его непрерывно вновь избирали. Онъ зналъ наизусть, у кого на рукахъ находится требовавшаяся книга, онъ легко умѣлъ отыскать, въ какомъ нумерѣ журнала помѣщена нужная статья и пр.

За исключеніемъ должностныхъ лицъ, всѣмъ остальнымъ приходилось еще дежурить по камерамъ, т. е. подметать ее два раза въ теченіе дня, зимой топить огромную печь, на что требовалось принести нѣсколько носилокъ дровъ, по утрамъ выносить изъ камеры „парашу“, а по вечерамъ заносить ее обратно и проч. Камеры содержались нами въ большой чистотѣ, полы въ нихъ мыли тщательно горячей водой разъ въ двѣ недѣли, и въ этой работѣ, за исключеніемъ должностныхъ лицъ, также участвовали только здоровые люди. Въ эти дни всѣ выносили на дворъ свои постилки и вещи, которыя тщательно вытрушивались, обтирались и обмывались. Камеры провѣтривались и вентилировались. Вообще, на сколько позволяла жизнь въ стѣнахъ тюрьмы, заключенные сами слѣдили за гигіеническими условіями обстановки. За исключеніемъ лишь одного Льва Златопольскаго, о которомъ я скажу ниже, всѣ остальные разъ въ

двѣ недѣли аккуратно ходили въ баню, причемъ нѣкоторые жестоко въ ней парились. Бѣлье, какъ я уже сказалъ, каждый самъ мылъ и это было однимъ изъ наименѣе пріятныхъ занятій.

Отъ казны каждому отпускалось въ годъ по двѣ пары бѣлья изъ грубаго холста, по одной парѣ брюкъ, по курткѣ, халату и шапкѣ изъ арестантскаго сукна и разъ въ два года по полушубку. Въ качествѣ обуви служили лѣтомъ „коты“, а зимою — валенки; кромѣ того отпускались еще холщевыя и суконныя портянки. Такъ какъ всѣ эти вещи были далеко не одинакаго качества, то раньше чѣмъ раздать ихъ заключеннымъ, староста, получавшій ихъ сразу на всю тюрьму, наклеивалъ на каждую вещь номеръ и давалъ по камерамъ тянуть жребій; такимъ образомъ, никто не могъ быть въ претензіи на то, что ему досталась вещь худшаго качества.

Такова въ общихъ чертахъ была организація хозяйственной жизни нашей Карійской тюрьмы. Если принять во вниманіе, что большинство заключенныхъ въ ней принадлежало къ учащейся молодежи, взятой или со школьной скамьи или изъ революціонныхъ кружковъ, не имѣвшихъ ничего общаго со всякаго рода будничными заботами и интересами, а также, если представить себѣ тюремныя условія и ничтожныя матеріальныя средства, находившіяся въ распоряженіи у заключенныхъ, то положительно можно удивляться стройности, практичности и справедливости созданной ими организаціи. Конечно, она не сразу возникла и всегда подвергалась исправленіямъ и улучшеніямъ, требовавшимся по мѣрѣ измѣненій тѣхъ или иныхъ условій. Но въ общемъ, вышеуказанный мной принципъ оставался непоколебимымъ.

X

„Синедріонъ". — Первая весна.

Какъ ни былъ симпатиченъ составъ лицъ, сидѣвшихъ въ „Дворянкѣ", но я все же препочиталъ попасть въ „Синедріонъ", въ которомъ, какъ я уже упоминалъ, помѣщался Стефановичъ. О такомъ желаніи я заявилъ смотрителю, вскорѣ по приходѣ въ тюрьму, но оказалось, что добиться этого не такъ ужъ легко: на переходъ въ другую камеру требовалось разрѣшеніе „кота"; когда же я къ нему съ этимъ обратился, онъ заявилъ мнѣ, что самъ онъ не можетъ мнѣ этого разрѣшить, а долженъ будто-бы предварительно получить на то согласіе губернатора. Все это, конечно, были пустыя отговорки; вѣроятнѣе всего, что въ этомъ случаѣ злобное воображеніе „кота" въ моемъ желаніи быть въ одной камерѣ съ Стефановичемъ увидѣло опасность въ смыслѣ возможности устроить совмѣстно побѣгъ. Подобныя опасенія съ его стороны, проявлявшіяся по любому ничтожному поводу, были ни съ чѣмъ не сообразны, такъ какъ при завѣдываніи тюрьмой жандармами, побѣгъ изъ нея сталъ рѣшительно невозможенъ. Но подъ предлогомъ дѣйствительнаго или напускнаго опасенія побѣга изъ тюрьмы, „котъ" вообще выдумывалъ разныя для насъ стѣсненія и мнимыми побѣгами мотивировалъ передъ высшимъ начальствомъ новыя ограниченія и безъ того незначительныхъ нашихъ правъ, а также свои отказы по поводу тѣхъ или другихъ мелочей, о которыхъ заявляли ему заключенные. Не знаю, дѣйствительно ли онъ сносился по поводу такого пустяка, какъ мое желаніе перейти въ другую камеру, съ губернаторомъ, но, спустя нѣсколько недѣль послѣ прихода въ тюрьму, мнѣ разрѣшено было перейти въ „Синедріонъ". Такъ какъ заключенные строго слѣдили за тѣмъ, чтобы по возможности въ каждой камерѣ было по равному числу лицъ, то мнѣ пришлось помѣняться съ однимъ изъ товарищей, сидѣвшимъ въ „Синедріонѣ".

Въ новой камерѣ я помѣстился рядомъ со Стефановичемъ, на краю нары у наружной стѣны. Мѣсто это было сравнительно довольно уютное, такъ какъ мы со Стефановичемъ протягивали на высотѣ одного аршина надъ нарами сшитыя изъ казенныхъ рубахъ занавѣски, что товарищи называли „петрушкой". Лежа такимъ образомъ, на нарахъ за занавѣской, мы были хотя отчасти скрыты отъ взоровъ большинства сокамерниковъ и, добавляя

недостающее воображеніемъ, мы предавались иллюзіи, что находимся какъ бы наединѣ. Уголъ этотъ имѣлъ и свои отрицательныя стороны: зимою стѣны насквозь промерзали и подъ изголовьемъ у меня былъ довольно толстый слой льда. За то, лежа рядомъ на нарахъ за „петрушкой", мы могли предаваться шепотомъ обсужденію разныхъ вопросовъ, обмѣниваться впечатлѣніями и дѣлиться воспоминаніями.

Какъ я уже упоминалъ, Стефановичъ уѣхалъ въ Россію, вскорѣ послѣ убійства царя лѣтомъ 1881 года. Хотя онъ и не былъ скупъ на письма, пока онъ оставался на волѣ въ Россіи, а я заграницей, и сообщенія его были очень обстоятельны, тѣмъ не менѣе устные его разсказы, при личной нашей встрѣчѣ на Карѣ, были въ высшей степени интересны, и многіе изъ нихъ до сихъ поръ запечатлѣлись въ моей памяти.

Составъ „Синедріона" былъ совсѣмъ иной, чѣмъ въ „Дворянкѣ". Между тѣмъ, какъ въ послѣдней преобладали интеллигентныя лица, въ „Синедріонѣ" было много рабочихъ, да и изъ интеллигентныхъ нѣкоторые имѣли большую склонность къ ремесламъ; поэтому камера въ общемъ носила, такъ сказать, техническо-учебный характеръ. При комендантѣ Николинѣ какого бы то ни было рода инструменты въ тюрьмѣ строго воспрещались. Тѣмъ не менѣе и при немъ кое-какіе самодѣльные инструменты имѣлись, и во время обысковъ, производившихся разъ въ недѣлю, ихъ у насъ не находили, такъ какъ, по выраженію жандармовъ, обыски эти дѣлались „тщательные, но поверхностные", т. е. не личные, а лишь въ вещахъ. Когда предъ утренней повѣркой замѣчали появленіе на корридорѣ большаго, чѣмъ обыкновенно, количества жандармовъ, то немедленно все лишнее и запрещенное тщательно пряталось по карманамъ. Мастера среди рабочихъ у насъ попадались замѣчательные, но особеннымъ искусствомъ отличались уже упомянутый мною выше Николай Хрущовъ, сидѣвшій въ „харчевнѣ", а также находившійся въ „Синедріонѣ" слесарь Бубновскій. Послѣдній сдѣлалъ изъ кусочковъ желѣза и гвоздей, собранныхъ на тюремномъ дворѣ, замѣчательный токарный станочекъ, легко помѣщавшійся въ карманѣ; затѣмъ, при помощи этого станка, онъ приготовилъ рѣшительно всѣ составныя части стѣнныхъ часовъ и, не будучи часовыхъ дѣлъ мастеромъ, а лишь пользуясь руководствомъ, устроилъ очень хорошіе часы, которые впослѣдствіи попали въ одинъ изъ сибирскихъ музеевъ. Бубновскій отличался альтруистическими чертами характера и во всемъ его обращеніи было нѣчто сектантское. Говорилъ онъ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ, никогда не вступалъ ни въ какіе споры и всегда отзывался на самыя гуманныя чувства. Впослѣдствіи, будучи на поселеніи, онъ рѣзко измѣнился къ худшему и сталъ несимпатичнымъ человѣкомъ.

Вообще, почти не было ни одного ремесла, взявшись за которое кто-нибудь изъ заключенныхъ не добился бы въ немъ наилучшихъ результатовъ, лишь при помощи однихъ руководствъ. Въ этомъ отношеніи помогали настойчивость и терпѣніе, особенно въ сильной степени развивающіяся въ тюрьмѣ, а также и нѣкоторая теоретическая подготовка, пріобрѣтавшаяся совмѣстнымъ сидѣніемъ лицъ различныхъ степеней развитія. Многіе изъ заключенныхъ, въ томъ числѣ и рабочіе, сами пополняли свои ограниченныя познанія путемъ чтенія и изученія разныхъ предметовъ и языковъ. Въ этомъ отношеніи менѣе подготовленнымъ не отказывали въ своей помощи болѣе интеллигентные ихъ товарищи. Такъ, Яцевичъ и Златопольскій приходили въ „Синедріонъ“ преподавать нѣкоторымъ математическія науки, Ѳомичевъ обучалъ русскому языку и исторіи, Александръ Калюжный — астрономіи; поэтому нашу камеру называли также „академіей“. Одинъ рабочій — обрусѣвшій финляндецъ Карлъ Иванайнъ, былъ недурнымъ знатокомъ произведеній изящной литературы и страстнымъ поклонникомъ Льва Толстого; онъ не могъ равнодушно слышать малѣйшаго неодобрительнаго отзыва относительно любимаго имъ писателя. Иванайнъ былъ очень способный и находчивый человѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ какой то странный меланхолическій нравъ. Будучи, вскорѣ послѣ нашего знакомства, выпущенъ въ вольную команду, онъ не ожилъ, не воспрялъ духомъ, а, наоборотъ, захандрилъ и вскорѣ кончилъ тамъ самоубійствомъ.

Наиболѣе интереснымъ изъ рабочихъ въ „Синедріонѣ“ былъ Галантіонъ Батаговъ, или, какъ его попросту называли въ тюрьмѣ, „Галась“. Малороссъ по происхожденію и столяръ по ремеслу, Галась былъ добрымъ товарищемъ, довольно уживчиваго, покладистаго характера. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые страшно томились безсодержательностью тюремной жизни; поэтому большую часть времени онъ проводилъ въ разговорахъ и спорахъ. Знанія его были крайне ограничены — онъ принадлежалъ къ числу „студенговъ“ нашей „академіи“, что не мѣшало ему, однако, вступать въ дебаты на самыя отвлеченныя и философскія темы. Но наиболѣе любимымъ предметомъ споровъ для него было преимущество Россіи во всѣхъ отношеніяхъ передъ Западной Европой. „Що ваша заграница, якъ перестанемъ доставлять ей хлібъ, она вся околіе съ голоду“, — доказывалъ онъ, чуть, бывало, зайдетъ о чемъ-нибудь подобномъ споръ. Восхищаясь предпріимчивостью, геройствомъ и воинственными способностями русскаго народа, онъ съ восторгомъ восклицалъ: „Смотрите, наши взяли Туркестанскій край! Тамъ, гдѣ только верблюдъ шагалъ, теперь русскіе господствуютъ“.

Противоположностью ему былъ заводской рабочій Бойченко. Крайне нервный, раздражительный и вспыльчивый Бойченко, настоящая фамилія котораго Филатовъ, былъ очень неуживчивъ изъ-за всякихъ мелочей имѣлъ съ товарищами не мало столкновеній, принимавшихъ иногда очень печальный финалъ. Не глупый отъ природы, онъ также набрался въ тюрьмѣ обрывковъ разныхъ свѣдѣній и взглядовъ, большею частью заимствовавъ это изъ личныхъ бесѣдъ и изъ споровъ другихъ товарищей, — самъ Бойченко не любилъ читать; почти все время онъ проводилъ въ расхаживаніи по камерамъ, по двору и кухнѣ, всегда однимъ изъ первыхъ онъ узнавалъ всѣ новости, какъ тюремныя, такъ и изъ внѣшняго міра. При этомъ онъ очень любилъ слѣдить за тѣмъ, что происходитъ за оградой; для этого онъ часто подолгу простаивалъ около паль, сквозь щели которыхъ можно было видѣть, что дѣлается извнѣ. Далеко не добрый отъ природы человѣкъ, Бойченко относился съ большой завистью ко всякому сколько нибудь выше его стоявшему лицу, и отъ него рѣдко можно было услышать хорошій отзывъ о другомъ. Непостоянный въ настроеніяхъ, онъ быстро переходилъ отъ веселаго къ крайне мрачному, подозрительному, и въ послѣднемъ случаѣ способенъ былъ на самую рѣзкую, неблаговидную выходку. Не знаю, какимъ онъ былъ на волѣ, но въ тюрьмѣ онъ представлялся мнѣ временами не совсѣмъ нормальнымъ человѣкомъ. Такъ же почти смотрѣли на него и многіе товарищи. По всей вѣроятности, заложенныя въ его характерѣ нѣкоторыя отрицательныя черты еще въ болѣе сильной степени развились въ немъ подъ вліяніемъ тюремныхъ условій.

Маленькій, круглый, со степенной походкой петербургскій рабочій Хохловъ, которому вполнѣ подходила данная ему товарищами кличка „кубышка“, чувствовалъ себя, повидимому, въ тюрьмѣ довольно недурно, несмотря на большой срокъ, къ которому онъ былъ осужденъ — 20 лѣтъ каторги. День у него былъ распредѣленъ самымъ точнымъ образомъ, каждый часъ имѣлъ у него свое назначеніе. Просыпаясь очень рано, онъ аккуратно складывалъ свою постилку и выносилъ ее на дворъ провѣтривать. Затѣмъ онъ дѣлалъ по двору прогулку въ теченіе опредѣленнаго времени; потомъ, возвратившись въ камеру, пилъ чай. Послѣ этого садился на краю стола и занимался математикой и французскимъ языкомъ. Для физическихъ упражненій онъ, какъ добровольцъ, зимою топилъ ежедневно печь, потомъ вновь занимался, прогуливался и т. д. Характера онъ былъ уживчиваго, — не помню, чтобы онъ съ кѣмъ-нибудь ссорился, въ споры никогда не вступалъ и, повидимому, мало интересовался какими либо теоріями. Это былъ смышленный хозяйственный мужичекъ, который при другихъ условіяхъ,

быть можетъ, сталъ бы лавочникомъ или трактирщикомъ. Большой патріотъ, въ квасномъ духѣ, онъ по непонятнымъ причинамъ примкнулъ къ террористамъ и попалъ на каторгу за участіе въ убійствѣ шпіона Прейна.

Заговоривъ о рабочихъ, упомяну уже и о нѣкоторыхъ другихъ лицахъ, хотя они сидѣли не въ одной со мною камерѣ. Товарищемъ по процессу Хохлова былъ Евсѣевъ, приговоренный за убійство вышеупомянутаго шпіона къ смертной казни, которая, вслѣдствіе поданнаго имъ прошенія о помилованіи, была замѣнена ему безсрочной каторгой. Въ характерѣ его было много общаго съ Бойченко: та же быстрая смѣна настроеній, та же раздражительность и вспыльчивость, не имѣвшія границъ. Какъ и у Бойченко, у Евсѣева тоже было не мало столкновеній съ товарищами и много „неговоренія“ съ сожителями. Склонностью къ занятіямъ онъ, повидимому, не отличался и, какъ большинство находившихся въ нашей тюрьмѣ рабочихъ, былъ большимъ патріотомъ.

Выше я уже говорилъ, что Николай Хрущовъ былъ самымъ способнымъ къ техническимъ занятіямъ рабочимъ. Слесарь по ремеслу, онъ изъ пустяковъ могъ сдѣлать до того искусно ту или иную вещь, что она годилась чуть не на выставку. Все, за что онъ ни брался, у него выходило художественно. Но за то, когда Хрущовъ былъ чѣмъ либо занятъ, къ нему нельзя было уже подходить; онъ въ это время рвалъ и металъ, швыряя во всѣ стороны разные предметы, раздражаясь и браня окружающихъ самой площадной руганью. Это была широкая русская симпатичная натура, но въ чрезвычайной степени исковерканная и надломленная тюремными условіями. Не смотря на крайнюю свою раздражительность, Хрущовъ пользовался чуть ли не всеобщимъ расположеніемъ, и друзьями его были всѣ наиболѣе выдающіяся, авторитетныя лица. Къ сожалѣнію, какъ мы увидимъ ниже, онъ не оправдалъ мнѣнія о немъ товарищей.

Когда весной 1879 г. въ домѣ Касаровскаго въ Кіевѣ произошло вооруженное сопротивленіе при арестѣ, то въ числѣ раненныхъ былъ одинъ, который не открылъ своего имени ни во время слѣдствія, и суда, ни послѣ этого, и подъ кличкой: „Неизвѣстный, раненный въ голову“, отправленъ былъ на многолѣтнюю каторгу на Кару. То былъ рабочій Иванченко, лишь впослѣдствіи окрѣпшій свою фамилію. Изъ числа рабочихъ, находившихся въ нашей тюрьмѣ, Иванченко былъ самый серьезный, вдумчивый, положительный. Ровнаго характера, спокойный, терпѣливый, Иванченко, казалось, вовсе не поддавался вліянію тюрьмы; какъ и Хохловъ, онъ также велъ довольно правильный образъ жизни и, повидимому, также берегъ свое здоровье для того, чтобы сохранить себя и дождаться воли. Болѣе,

чѣмъ другіе рабочіе, Иванченко не по наслышкѣ только, а путемъ собственнаго усилія выработалъ себѣ нѣкоторыя убѣжденія, къ сожалѣнію, стоявшія въ рѣзкомъ антагонизмѣ съ его крайне революціоннымъ прошлымъ: Иванченко не только былъ патріотомъ, но когда я его зналъ, онъ являлся ярымъ защитникомъ самодержавія. Тѣмъ не менѣе среди товарищей онъ пользовался уваженіемъ, и всѣ относились къ нему, какъ къ честному, справедливому и искреннему человѣку.

Общая многимъ рабочимъ, находившимся въ нашей тюрьмѣ, склонность къ патріотизму и даже къ защитѣ самодержавія въ значительной степени, конечно, объяснялась той неудовлетворительной, поверхностной пропагандой соціализма, которая, за немногими исключеніями, велась въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ среди нихъ. Въ большинствѣ случаевъ въ описываемый періодъ на всѣхъ рабочихъ вовсе не смотрѣли, какъ на классъ, имѣющій самостоятельное историческое значеніе. Пропаганда среди нихъ ограничивалась поверхностнымъ сообщеніемъ нѣсколькихъ общихъ истинъ: о господствующей эксплуатаціи, объ угнетеніи, несправедливостяхъ и о необходимости создать вполнѣ совершенный соціалистическій строй. Но никому изъ лицъ, дѣйствовавшихъ среди рабочихъ, не приходило въ голову, что необходимо развить у нихъ классовое сознаніе. Подѣйствовавъ на чувство рабочихъ и не давъ имъ почти никакой теоретической подготовки, ихъ скоро привлекали къ тому или другому террористическому акту. Поэтому вполнѣ естественно, что, будучи арестованнымъ и осужденнымъ на продолжительный срокъ каторжныхъ работъ, рабочій только въ тюрьмѣ начиналъ разбираться въ русскихъ соціальныхъ условіяхъ; но, слыша отъ интеллигентныхъ лицъ самые разнообразные, нерѣдко вполнѣ реакціонные взгляды, рабочій уже изъ одного чувства самосохраненія и изъ инстинктивной симпатіи къ своему русскому, вполнѣ естественно становился патріотомъ. Эта же недостаточная теоретическая подготовка и вытекавшая изъ нея шаткость убѣжденій были вмѣстѣ съ тѣмъ причиной того обстоятельства, что, насколько помню, почти всѣ, находившіеся въ Карійской тюрьмѣ рабочіе, рѣзко измѣняли свое мнѣніе объ интеллигенціи. Не знаю, какъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности, будучи на волѣ, относился къ революціонерамъ изъ образованнаго слоя, — надо думать, что они считали интеллигенцію чѣмъ то выше себя стоящимъ. Она несомнѣнно въ значительной степени идеализировалась рабочими. Но вся эта идеализація, весь авторитетъ и престижъ, которыми въ глазахъ рабочихъ пользовались интеллигентныя лица, при совмѣстной жизни быстро исчезали у нихъ. Видя несогласія, споры и раздоры, замѣчая разные личные недостатки у интеллигентовъ, у рабочихъ чувство уваженія и идеализаціи очень часто смѣнялись, наоборотъ, крайнимъ пренебре-

женіемъ. А такъ какъ предшествовавшею жизнью интеллигенты были совершенно неподготовлены къ тяжелымъ тюремнымъ условіямъ и нерѣдко, въ особенности на первыхъ порахъ, обнаруживали крайнюю непрактичность, рабочіе же, наоборотъ, въ этихъ отношеніяхъ были значительно искуснѣе, то вполнѣ естественно, что у нихъ развивалось даже высокомѣрное отношеніе къ своимъ недавнимъ учителямъ и руководителямъ. Неудивительно, что иногда въ тюрьмѣ приходилось слышать отъ рабочихъ подобныя характерныя замѣчанія: „и па какого черта вы годитесь, интеллигенты! Даже хлѣбъ спечь не можете, сапоги сшить, кубышку запанть! Если нашъ братъ на васъ не будетъ работать или не научитъ васъ, то вы съ голоду помрете, босы и голы останетесь".

Значительная доля правды была въ этихъ словахъ, — многіе интеллигеты, попавшіе въ тюрьму, какъ я уже сказалъ, со школьной скамьи или изъ революціонныхъ кружковъ, дѣйствительно не знали не только никакого ремесла, но не умѣли даже картошку сварить или камеру подмести. Но это не мѣшало огромному числу изъ нихъ при малѣйшемъ желаніи пріобрѣсти всѣ знанія и умѣнье во всякомъ хозяйственномъ дѣлѣ.

Нужно отмѣтить ещу одну отличительную черту рабочихъ нашей тюрьмы: они въ значительно большей степени, чѣмъ интеллигентныя лица, томились безцѣльной тюремной жизнью, она дѣйствовала на нихъ еще болѣе угнетающимъ образомъ, и это вполнѣ понятно. Между тѣмъ какъ наши интеллигентныя лица, какъ бы мало они ни были склонны къ теоретическимъ занятіямъ, все же находили для себя извѣстное удовлетвореніе или развлеченіе въ чтеніи или хоть въ теоретическихъ дебатахъ, — рабочему, за рѣдкимъ исключеніемъ, вслѣдствіе непривычки, такія занятія на долгое время были не въ моготу. Кромѣ того, прямо на физическое ихъ состояніе продолжительное бездѣйстіе или ничтожныя усилія вліяли значительно болѣе вреднымъ образомъ, чѣмъ на интеллигентныхъ лицъ. Не говоря ужъ про то, что у большинства изъ нихъ въ очень сильной степени разстраивались нервы, ихъ организмы сильнѣе поддавались вліянію неблагопріятныхъ тюремныхъ условій. Нѣкоторые изъ нихъ, отличавшіеся на волѣ, повидимому, довольно хорошимъ здоровьемъ (Батаговъ, Хрущевъ, Бубновскій) выглядѣли худыми, желтыми, истомленными.

Изъ всего числа бывшихъ при мнѣ на Карѣ рабочихъ я не останавливаюсь здѣсь на Янѣ Ивановичѣ Зубржицкомъ, желѣзнодорожномъ рабочемъ, такъ какъ надѣюсь поговорить о немъ ниже, а также на Маньковскомъ и Дулембѣ, судившихся по польскому процессу „Пролетаріата" въ Варшавѣ, такъ какъ они пришли значительно позже меня на Кару. Скажу лишь здѣсь, что послѣдніе во многихъ отношеніяхъ совершенно не походили на очерченныхъ мною выше русскихъ рабочихъ.

Изъ интеллигентныхъ людей, находившихся въ Синедріонѣ, когда я туда переселился, особенное расположеніе ко всякого рода техникѣ питалъ бывшій мичманъ Черноморскаго флота, Александръ Калюжный. Въ этой области онъ отличался большими прирожденными способностями. Очень недалекій отъ природы человѣкъ, но не безъ нѣкоторыхъ знаній въ математикѣ и астрономіи, пріобрѣтенныхъ имъ въ морскомъ корпусѣ, Калюжный, или, какъ мы его называли, „мичманъ“ обладалъ еще склонностью къ повѣствованію. Но разсказы его, почерпнутые изъ небогатаго происшествіями прошлаго, рѣшительно не отличались никакимъ интересомъ. Бѣда была задать Калюжному какой нибудь вопросъ, такъ какъ это служило достаточнымъ для него поводомъ завести, какъ у насъ говорили, „волынку“ на нѣсколько часовъ. Въ личныхъ отношеніяхъ очень покладистый человѣкъ и не дурной товарищъ, „мичманъ“ также принадлежалъ въ тюрьмѣ къ „патріотамъ“.

Наиболѣе усердно занимавшимися лицами въ „Синедріонѣ“ были Ѳомичевъ, Ѳоминъ и Ровенскій. Послѣдній, будучи всего студентовъ второго курса ветеринарнаго института, воспылалъ въ тюрьмѣ большой страстью къ медицинѣ и, прочитавъ нѣкоторое количество учебниковъ, возмнилъ себя авторитетомъ по всей обширной медицинской области. Нельзя было вскользъ сдѣлать то или другое замѣчаніе, имѣвшее какое-либо отношеніе къ естественнымъ наукамъ, чтобы Ровенскій или, какъ мы его называли, Павелъ Ивановичъ (Чичиковъ), не увидѣлъ въ этомъ вторженія въ присвоенную имъ себѣ область. На этой почвѣ съ нимъ выходило не мало курьезовъ. Такъ какъ въ тюрьмѣ ему не возможно было заниматься вивисекціями, что, по его мнѣнію, только и недоставало ему для усовершенствованія въ медицинѣ, то онъ съ особенной страстью рвался въ вольную команду, гдѣ онъ могъ закончить свой курсъ обученія. Забѣгая нѣсколько впередъ, скажу, что вскорѣ послѣ моего прихода на Кару, Ровенскій былъ выпущенъ въ вольную команду. Не знаю, много ли ему удалось тамъ порѣзать кошекъ и собакъ, но въ тюрьмѣ стало скоро извѣстно, что онъ занимается медицинской практикой, и извѣстіе это многихъ изумило и возмутило.

Ѳоминъ былъ моимъ старымъ знакомымъ съ воли: мы познакомились съ нимъ въ Швейцаріи, гдѣ онъ жилъ нѣкоторое время въ качествѣ эмигранта. Будучи пѣхотнымъ офицеромъ, онъ въ 1879 году былъ арестованъ за пропаганду среди солдатъ и заключенъ въ Виленскую тюрьму. Товарищи съ воли устроили ему оттуда побѣгъ и дали ему возможность уѣхать заграницу. Тамъ онъ жилъ нѣкоторое время въ качествѣ наборщика въ подпольной русской типографіи; затѣмъ, вернувшись нелегально въ Россію, онъ вновь былъ арестованъ въ 1882 г. въ Петербургѣ и приговоренъ къ 20 год. каторжныхъ работъ. На Карѣ Ѳоминъ

усердно занимался естественными науками, въ частности геологіей и минералогіей, а также французскимъ и нѣмецкимъ языками. Довольно уживчиваго характера, хорошій товарищъ, Ѳоминъ пріятно выдѣлялся изъ среды другихъ не только въ „Синедріонѣ", но и вообще въ тюрьмѣ, полнѣйшимъ отсутствіемъ патріотической закваски и очень здравыми взглядами относительно политическихъ задачъ въ Россіи. Въ этомъ отношеніи очень благотворнымъ образомъ подѣйствовало на него пребываніе заграницей. У насъ съ нимъ было много общихъ знакомыхъ съ воли, и мы иногда, въ особенности въ сумеркахъ, сидя въ сторонѣ, любили предаваться воспоминаніямъ, а также рисовали себѣ разныя перспективы насчетъ будущности Россіи.

Ѳомичева я лично не зналъ на волѣ, но много раньше слыхалъ о немъ, — одно время онъ былъ очень популяренъ на югѣ, благодаря особенностямъ его процесса. Сынъ бѣднаго дьячка, Хома, какъ мы звали его, будучи студентомъ Новороссійскаго университета, былъ арестованъ въ 1877 г. за пропаганду среди нижнихъ чиновъ. Но даже военный судъ не могъ найти достаточно данныхъ для его осужденія, и Ѳомичевъ былъ оправданъ къ великой радости собравшейся у зданія Одесскаго суда многочисленной публики: ему и его искусному защитнику устроена была шумная демонстрація. Но въ слѣдующемъ (1879) году онъ вновь былъ арестованъ въ Одессѣ же по извѣстному дѣлу Лизогуба, Чубарова и др. и на этотъ разъ приговоренъ былъ къ безсрочной каторгѣ. По дорогѣ на Кару, какъ я уже упомянулъ, онъ еще съ нѣсколькими товарищами, бѣжалъ изъ Иркутской тюрьмы, однако, вскорѣ былъ пойманъ, и за этотъ побѣгъ его приковали къ тачкѣ на годъ.

Наибольшій интересъ Хома питалъ къ исторіи вообще, и къ русской въ особенности. По этимъ отдѣламъ онъ перечиталъ такія многотомныя сочиненія, какъ Шлоссера, Вебера, Момзена, Соловьева, Костомарова и др. Но отчасти, надо полагать, подъ вліяніемъ односторонняго чтенія, а также, конечно, вслѣдствіе общаго склада его ума, внѣшнихъ условій и тюремной обстановки, у него, раньше чѣмъ у кого бы то ни было другого изъ товарищей, сложились крайне патріотическія воззрѣнія. Неглубокаго отъ природы ума, но добрый товарищъ и прекрасный работникъ, Ѳомичевъ отличался настойчивымъ и упорнымъ характеромъ. Разъ надумавъ что-либо, онъ добивался опредѣленныхъ результатовъ и со страстью передавалъ свои убѣжденія окружающимъ. Ригористъ и въ высшей степени нравственный человѣкъ, онъ въ идейномъ отношеніи являлся совершенной аномаліей: Хома былъ не только ярымъ патріотомъ и руссофиломъ, но, — что всего удивительнѣе, — онъ былъ убѣжденнымъ монархистомъ и горячимъ сторонникомъ дома Романовыхъ! Сидѣть въ политической тюрьмѣ, въ качествѣ безсрочнаго катор-

жанина и быть фанатикомъ русскаго самодержавія, — что можетъ быть изумительнѣе, трагичнѣе этого? Ѳомичеву, казалось бы, всего послѣдовательнѣе было покаяться и подать царю прошеніе о помилованіи; послѣднее онъ несомнѣнно получилъ бы, и никто изъ товарищей ни на минуту не заподозрилъ бы искренности такого его поступка. Но нѣтъ! Хома находилъ, что онъ долженъ отбывать безсрочную каторгу, такъ какъ онъ осмѣлился возстать противъ царя, въ наилучшихъ стремленіяхъ котораго ко благу его подданныхъ онъ теперь глубоко былъ убѣжденъ. Едва ли среди своихъ приближенныхъ Александръ III имѣлъ такого искренняго, преданнаго, а тѣмъ болѣе — безкорыстнаго сторонника и яраго защитника, какимъ былъ сидѣвшій въ политической тюрьмѣ на Карѣ безсрочный каторжанинъ Ѳомичевъ. Самыя возмутительныя и жестокія распоряженія нашего правительства, во главѣ котораго, какъ извѣстно, стоялъ тогда графъ Дмитрій Толстой, Ѳомичевъ находилъ вполнѣ правильными и цѣлесообразными въ интересахъ народа, счастье котораго, несомнѣнно, было для него выше всего на свѣтѣ и, я увѣренъ, онъ, нисколько не задумываясь, охотно отдалъ бы за него свою жизнь. Малѣйшіе нападки со стороны кого-либо изъ товарищей на царя и его министровъ вызывали въ Ѳомичевѣ такую нетерпимость и озлобленіе, что онъ нерѣдко прерывалъ всякія сношенія съ такимъ лицомъ.

Не мало повліяло въ этомъ направленіи на Ѳомичева, кромѣ указанныхъ выше причинъ, начавшееся тогда разочарованіе въ терроръ и возникшее легальное народничество съ извѣстнымъ В. В. во главѣ, также возложившемъ всѣ свои упованія на самодержавное правительство. Хома находилъ подтвержденіе своихъ взглядовъ въ публицистическихъ произведеніяхъ тогдашняго періода, — въ статьяхъ какъ упомянутаго В. Воронцова, такъ и у Южакова, Кривенко, Пругавина и др. Онъ съ восторгомъ указывалъ на то, что „самые выдающіеся“ русскіе писатели, такъ же, какъ и онъ, считаютъ бѣдствіемъ для Россіи развитіе капитализма и обращаются съ предложеніемъ къ Александру III всячески содѣйствовать „укрѣпленію общины“. Въ предпринятыхъ тогда правительствомъ мѣрахъ, — въ учрежденіи крестьянскаго банка, въ урегулированіи переселенческаго вопроса, въ устройствѣ складовъ земледѣльческихъ орудій и пр., — Ѳомичевъ видѣлъ пріемы, которые несомнѣнно уберегутъ Россію отъ развитія въ ней капитализма. Въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно послѣдователенъ и считалъ возникновеніе конституціоннаго строя условіемъ благопріятнымъ для торжества буржуазіи и наоборотъ, печальнымъ для трудящихся, земледѣльческихъ массъ. Онъ доказывалъ, поэтому, что такіе публицисты, какъ Михайловскій, являются крайне непослѣдовательными, связывая свое воззрѣніе на преимущество русскаго общиннаго строя предъ

западно европейскимъ буржуазнымъ строемъ съ стремленіями къ конституціонному порядку. Конечно, Ѳомичевъ являлся ярымъ противникомъ русскихъ марксистовъ: онъ видѣлъ въ нихъ враговъ народа, воззрѣнія ихъ онъ считалъ не только возмутительными, но прямо преступными и „подлыми". Такимъ образомъ, еще за много лѣтъ до нападковъ русскихъ легальныхъ публицистовъ середины 90-хъ годовъ на нашихъ марксистовъ, Ѳомичевъ высказывалъ тѣ же обвиненія. Онъ считалъ неизбѣжнымъ для послѣдовательнаго русскаго соціальдемократа содѣйствовать развитію капитализма, „разрушать общину", заводить въ деревняхъ кабаки, лавочки и прч.

Какъ я уже выше сообщалъ, въ большей или меньшей степени воззрѣнія Ѳомичевъ, въ особенности его взгляды на превосходство русскихъ соціальныхъ условій предъ западно-европейскими, раздѣляли и нѣкоторыя другія лица, сидѣвшія въ Карійской тюрьмѣ. Дебаты о преимуществахъ Россіи, возникавшіе по любому поводу, велись при мнѣ безконечно. По этому поводу заключали не малое число пари, происходили также размолвки, неговоренія другъ съ другомъ, или какъ у насъ выражались, „возникали климатическія обстоятельства". Мой приходъ на Кару внесъ, конечно, не мало новыхъ темъ. Но, мнѣ не безъ основанія, товарищи видѣли западника и при малѣйшемъ поводѣ тыкали мнѣ тѣ или другія неблаговидныя обстоятельства, явленія и случаи, о которыхъ узнавали изъ книгъ, журналовъ и газетъ. Не имѣя правильнаго міровоззрѣнія и исходя изъ русскаго самобытнаго народничества, нѣкоторые изъ моихъ оппонентовъ въ одну кучу валили самыя разнообразныя явленія. Мы часто говорили на разныхъ языкахъ и никогда конечно, не могли придти къ соглашенію. Но признаюсь, мнѣ нерѣдко невыносимо тяжело бывало слышать не только отъ Ѳомичева, но и отъ лицъ, считавшихъ себя по убѣжденіямъ революціонерами, такіе взгляды, которые ничего общаго не имѣли ни съ революціей, ни съ соціализмомъ.

Особенно много несъ въ „Синедріонѣ" всевозможный вздоръ Николай Позенъ, котораго почти всѣ у насъ признавали однимъ изъ самыхъ умныхъ людей въ тюрьмѣ. Студентъ Кіевскаго университета и бывшій сельскій учитель, Позенъ на волѣ не принималъ почти никакого участія въ революціонныхъ дѣлахъ. Будучи случайно арестованнымъ во время вооруженнаго сопротивленія въ домѣ Косаровскаго, онъ приговоренъ былъ къ 14-ти годамъ и 10 мѣсяц. каторжныхъ работъ; изъ Иркутской тюрьмы онъ вмѣстѣ съ другими товарищами, также сдѣлалъ попытку бѣжать, и за это ему прибавили еще 14 лѣтъ и 2 мѣс. Очень остроумный человѣкъ, довольно развитый и не безъ дарованій, Позенъ не имѣлъ никакихъ политическихъ убѣжденій и, смотря по желанію и по собе-

сѣднику, могъ защищать прямо противоположные взгляды. Выдѣляясь безграничной лѣнью, онъ цѣлые дни и ночи, за вычетомъ сна, проводилъ въ говореніи, для чего въ камерѣ всегда находился собесѣдникъ или слушатель. Ему совершенно безразлично было о чемъ ни говорить, — о философскихъ ли вопросахъ или о сущемъ пустякѣ. Читалъ онъ очень мало и своими безконечными разглагольствованіями также другимъ мѣшалъ заниматься. Утромъ просыпаясь, онъ немедленно „заводилъ волынку", но наиболѣе любимой темой были у него разговоры о пищѣ.

— Давайте на пари, предлагалъ онъ кому нибудь изъ сокамерниковъ: я утверждаю что сегодня на ужинъ „каждый имѣетъ".

— А я полагаю, что рубленное мясо съ кашей, — отвѣчаетъ другой.

— А не желаете ли подкрѣпить свое мнѣніе?

— Извольте: на что?

— На спичку.

Общій хохотъ, и Позенъ доволенъ. Крайне самолюбивый, съ маленькими страстями, завистливый, вздорный человѣкъ, онъ для удовлетворенія своихъ плотскихъ потребностей, готовъ былъ пойти на всякія сдѣлки, но до поры до времени его удерживало отъ этого хорошее отношеніе къ нему товарищей, пользовавшихся въ тюрьмѣ уваженіемъ. Лишь очень немногіе изъ заключенныхъ видѣли всю мелочность и ничтожность этого человѣка. Меня чуть не съ первыхъ днев знакомства съ нимъ поразило въ немъ несоотвѣтствіе его личныхъ качествъ съ отношеніемъ къ нему другихъ. При незначительной наблюдательности не трудно было увидѣть въ немъ человѣка безъ убѣжденій, безъ совѣсти и чести. Какъ мы ниже увидимъ, онъ воспользовался ничтожнымъ случаемъ, чтобы доказать товарищамъ, что ихъ лестное о немъ мнѣніе совершенно имъ не заслуженно.

Неудовлетворительная пища вскорѣ оказала на меня свое дѣйствіе, хотя я вообще не былъ особенно разбалованъ въ этомъ отношеніи и всегда отличался недурнымъ здоровьемъ. Но уже по прошествіи 2-3 мѣсяцевъ я почувствовалъ такую слабость въ ногахъ, что совсѣмъ не могъ ходить: на нихъ появились синіе кровоподтеки, изъ десенъ начала сочиться кровь, зубы стали шататься. Я обратился къ нашему лейбъ-медику Прибылеву.

— Э, да у васъ форменная цынга! — воскликнулъ онъ, осмотрѣвъ меня. — Скоро же васъ разобрало!

И Прибылевъ посадилъ меня на больничную порцію, — мнѣ стали давать котлеты съ большой примѣсью чеснока.

Въ первую весну моего пребыванія на Карѣ многіе заклю-

ченные переболѣли цынгой и, что всего страннѣе, она появилась у нѣкоторыхъ изъ наиболѣе здоровыхъ людей. Усиленное питаніе и предпринятое Прибылевымъ лѣченіе дали благопріятные результаты, — всѣ вскорѣ поправились, но у меня послѣдствія отъ этой болѣзни остались на многіе годы.

Особенно хорошо помню эту весну: какую-то ноющую, щемящую тоску испытывалъ я тогда. Это безцѣльное, безсмысленное существованіе въ стѣнахъ тюрьмы, когда все въ природѣ оживаетъ, дѣйствовало самымъ гнетущимъ образомъ на настроеніе. Чтеніе тоже не развлекало, не давало забыться: строки мелькали передъ глазами, не задѣвая мысли, не оставляя слѣда въ памяти. Вообще, въ такой обстановкѣ работаетъ только воображеніе, фантазія, и на умъ приходятъ одни лишь воспоминанія о невозвратномъ прошломъ. Умственныя занятія, крайне мало производительныя въ тюрьмѣ, по сравненію съ количествомъ затрачиваемыхъ на нихъ усилій и времени, — весной, когда все окружающее въ природѣ стремится къ жизни, становятся почти совершенно безрезультатными. Тюремная обстановка, а въ особенности настроенія заключенныхъ мѣшаютъ имъ на чемъ-нибудь сосредоточиться. Память притупляется, мыслительныя способности ослабѣваютъ и ясно чувствуешь, что, оставаясь тѣмъ же человѣкомъ, ты, однако, быстро поддаешься вліянію среды. Нерѣдко испытываешь состояніе, аналогичное тому, когда во снѣ что-нибудь тяжелое душитъ тебя. Но при этомъ нѣтъ даже стремленія устранить причины этого состоянія. За рѣдкими исключеніями, чувствуешь себя, какъ бы въ полуснѣ или въ просонкахъ: ты стараешься что-то припомнить, ловишь концы какихъ-то мыслей, но не можешь уцѣпиться за нихъ, задержать ихъ. Такъ бываетъ, когда, проснувшись, чувствуешь, что тебѣ что-то снилось, и ты хочешь, но не можешь припомнить что именно. Нельзя также сказать, чтобы особенно сильно жить хотѣлось: сознаніе ли невозможности очутиться на вольномъ воздухѣ, или общая придавленность тому причина, — только скорѣе чувствуешь равнодушіе къ жизни, даже болѣе того, — желаніе, чтобы безъ твоихъ усилій какъ нибудь скорѣе наступилъ конецъ, чтобы, напр., заснувши, ужъ болѣе не просыпался бы. Такъ чувствуешь себя, возвращаясь съ похоронъ близкаго человѣка. „Зачѣмъ, зачѣмъ жить“ — не разъ задаешь себѣ въ тюрьмѣ вопросъ.

Тюрьма наша расположена была въ небольшой и узкой котловинѣ, окаймленной рядомъ невысокихъ сопокъ (холмовъ), которыя видны были со двора. Сопки эти покрыты жалкою растительностью, но весной онѣ издали казались намъ столь прекрасными и такъ манили къ себѣ. Кругомъ лишь хорошо утоптанный дворъ, на которомъ ни кустика, ни малѣйшей травки, да почернѣвшія отъ времени и непогоды стѣны тюрьмы и вы-

сокія пали ограды. И смотритъ съ грустью вдаль заключенный и думаетъ съ тоской: „не быть мнѣ тамъ на просторѣ, въ тѣни деревьевъ, на травѣ!“

Мало нужно узнику, чтобы чувствовать себя хорошо, но и это немногое для него столь же неосуществимо, какъ желаніе пріобрѣсти крылья. Ужъ лучше бы быть тебѣ больнымъ, разбитымъ физически, отягченнымъ многими годами жизни. Но нѣтъ, ты чувствуешь себя вполнѣ здоровымъ, находящимся въ цвѣтущую пору жизни. И не годъ, не два, а многіе, многіе годы проведешь ты за оградой, вдали отъ жизни, въ бездѣйствіи, безъ интересующаго тебя, цѣлесообразнаго занятія.

Пробовали заключенные просить „Кота“, чтобы онъ разрѣшилъ устроить во дворѣ огородъ, — мѣста для этого было довольно, а такая работа была бы не только пріятна, но и полезна, такъ какъ доставила бы намъ кое-какія овощи, полное отсутствіе которыхъ столь вредно отражалось на нашемъ здоровьѣ. Злой „Котъ“ отказалъ въ этомъ, потому, молъ, что для такой работы нужно было бы пропустить въ тюрьму лопаты, а при ихъ помощи, видите ли, можно сдѣлать подкопъ и убѣжать. И это при томъ условіи, когда на дворѣ постоянно присутствовали часовые и жандармы, на глазахъ которыхъ работали бы! Когда же одинъ изъ товарищей, получивъ съ воли нѣсколько штукъ цвѣточныхъ сѣмянъ, посѣялъ ихъ въ ящикѣ, наполненномъ землей, жестокій „Котъ“ приказалъ жандарму унести и эту невиннѣйшую забаву, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ ящикѣ съ землей можно спрятать что нибудь недозволенное. Подобнаго рода придирки и запрещенія выводили заключенныхъ изъ себя. Какъ ни были мы тогда миролюбиво настроены, но съ каждымъ мѣсяцемъ многимъ становилось все болѣе труднымъ сдерживать себя. Однажды, напр., „котъ“, какъ я уже говорилъ, никогда не рѣшавшійся заходить въ камеры, подошелъ къ дверному окошечку „Дворянки“ и обратился къ сидѣвшему въ ней Мойсею Диковскому съ какимъ-то вопросомъ. Послѣдній, отвѣтивъ ему лаконичнымъ и рѣзкимъ тономъ, хлопнулъ передъ самымъ носомъ „Кота“ форточкой. Это произошло на глазахъ у жандармовъ. „Смотрите“, — обратился къ старостѣ „Котъ“, еле сдерживая свое негодованіе: „я со всѣми вѣжливъ, а мнѣ предъ носомъ хлопаютъ форточкой“.

Къ лѣту слѣдующаго года раздраженіе наше готово было вылиться въ какую-нибудь рѣзкую форму. Подозрительный „Котъ“ прекрасно чувствовалъ это, а потому совсѣмъ пересталъ показываться въ тюрьмѣ. Да и вообще онъ началъ остерегаться, такъ какъ зналъ, что нажилъ себѣ кругомъ враговъ. Совершенно одинокій сидѣлъ „Котъ“, запершись у себя, и, какъ передавали жандармы, ссорился съ своей кухаркой-чухонкой изъ-за излишнихъ расходовъ, — „Котъ“ былъ неимовѣрно скупъ

и негостепріименъ. Онъ боялся куда-нибудь выйти изъ дому, опасаясь съ чьей-либо стороны нападенія. Дѣйствительно, въ высшей степени странно, какъ его не убили, — такого рода актъ былъ бы вполнѣ естественъ на Карѣ и вызвалъ бы всеобщее сочувствіе. Наконецъ, не въ моготу стала „Коту“ такая жизнь, и онъ началъ бомбардировать начальство рапортами и телеграммами о переводѣ его на службу въ другое мѣсто, подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья. Весной 1887 г. просьба его была удовлетворена, и онъ уѣхалъ. Не мало людей на Карѣ, крестясь и не крестясь, напутствовали ненавистнаго „Кота„ своими проклятіями.

XI.

Тюремныя развлеченія. — Новые коменданты.

Однообразно и тоскливо тянулась наша жизнь, особенно временами. Мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ проходили, не оставляя въ памяти почти никакого слѣда. День, походившій на другой, какъ двѣ капли воды, тянулся безконечно долго. Но вотъ минулъ годъ и, оглянувшись назадъ, рѣшительно нечего бывало вспомнить: прошлое безсодержательно, безцвѣтно, лишено сколько-нибудь крупныхъ, яркихъ фактовъ и происшествій. Нужно сдѣлать неимовѣрныя усилія надъ своею памятью, чтобы выжать изъ нея воспоминанія о такихъ событіяхъ, о которыхъ стоило бы подѣлиться съ другими. Не только, просыпаясь утромъ, каждый заранѣе зналъ, какъ у него самого и у его сокамерниковъ пройдетъ наступившій день, но онъ отлично зналъ также, какъ пройдутъ всѣ слѣдующіе недѣли, мѣсяцы и годы. Лишь изрѣдка какое-нибудь незначительное, да и то въ большинствѣ случаевъ предвидѣнное, обстоятельство разнообразило эту убійственно монотонную и тоскливую жизнь. Давно изучены манеры, привычки и вкусы сокамерниковъ, заранѣе хорошо знаешь, что каждый изъ нихъ скажетъ или сдѣлаетъ по поводу того или другого обстоятельства или случая. Давно ты ему и онъ тебѣ надоѣлъ до чертиковъ и, кажется, не смотрѣлъ бы на него, убѣжалъ бы куда-нибудь, спрятался бы отъ всѣхъ. Но въ томъ-то и ужасъ совмѣстной жизни взаперти, что уйти-то никуда нельзя. Годы, многіе годы подрядъ ты долженъ торчать всегда на виду у другихъ, не можешь, хотя бы на минуту, ни днемъ, ни ночью остаться одинъ. Заключенный въ общей камерѣ съ другими не только не имѣетъ своего уютнаго угла, — онъ рѣшительно не имѣетъ никакого. Присоедините къ этому тюремный режимъ, бритье половины головы обязательно производившееся въ началѣ мѣсяца, вѣчный видъ жандармовъ, утреннія и вечернія повѣрки, еженедѣльные обыски, скудную, ограниченную пищу и проч., — и вы поймете, какъ невыносимо съ годами становилось жить, какъ должны были разстраиваться нервы. Одинъ уже звукъ безпрестанно отпиравшагося и запиравшагося тяжелаго замка и скрипъ дверей на ржавыхъ петляхъ доводили нѣкоторыхъ чуть ли не до изступленія. Раздражительность вслѣдствіе нервнаго разстрой-

ства доходила до невѣроятной степени, подчасъ совершенно непонятной и необъяснимой съ точки зрѣнія нормальныхъ, здоровыхъ людей. У нѣкоторыхъ, правда, немногихъ являлась неимовѣрная обидчивость и вспыльчивость, доходившія до бѣшенства. Изъ за сущаго пустяка нѣкоторые рвали отношенія другъ съ другомъ, подымали скандалъ, а иногда и драку. Такъ, однажды, напр., два пріятеля, къ тому же оба среднихъ лѣтъ и вполнѣ интеллигентные люди, серьезно поссорились въ буквальномъ смыслѣ слова „изъ-за выѣденнаго яйца", такъ какъ споръ у нихъ зашелъ о химическомъ составѣ яичной скорлупы.

Такая раздражительность станетъ понятной, если вспомнимъ, что даже нѣжно любящія другъ друга лица, оставаясь долго одни, съ теченіемъ времени надоѣдаютъ одинъ другому. Что же должны были испытывать мы, не по личному желанію собравшіеся въ одно мѣсто, а насильно посаженные правительствомъ подъ замокъ, и когда, къ тому же, далеко не всѣ заслуживали симпатію и расположеніе?..

Конечно, не все и не всегда вызывало одни лишь непріятности, огорченія и тяжелыя ощущенія, — бывали у насъ и хорошіе моменты, случались и радостныя происшествія. Наибольшее удовольствіе доставлялъ намъ приходъ почты, что зимою происходило разъ въ недѣлю, а лѣтомъ каждые десять дней. Не берусь описать, съ какимъ напряженнымъ нетерпѣніемъ нѣкоторые ожидали этого событія. Простаивая цѣлыми часами у ограды, такія лица высматривали сквозь щели отъѣздъ коменданта на почтовую станцію, находившуюся отъ насъ въ нѣсколькихъ верстахъ, затѣмъ они также терпѣливо дожидались его возвращенія и немедленно оповѣщали остальныхъ о всемъ замѣчаемомъ ими. „Комендантъ поѣхалъ на почту", — распространялось по тюрьмѣ. Затѣмъ, черезъ нѣкоторое время слѣдующая „телеграмма" сообщала о его возвращеніи и о томъ, что онъ привезъ много пакетовъ и посылокъ, или же, наоборотъ, мало того или другого. Съ почтой мы ждали полученія денегъ, писемъ, дозволенныхъ газетъ, журналовъ и книгъ. Но болѣе всего каждый въ душѣ лелѣялъ мысль, что, авось, на этотъ разъ почта принесетъ что-нибудь новое, неожиданное, радостное, что приблизитъ наступленіе дня нашего выхода изъ тюрьмы на волю. Всѣ такія ожиданія оказывались всегда тщетными, и надежды заключенныхъ разбивались, но они тутъ же начинали возлагать ихъ на слѣдующія почты, — такъ смѣнялись ожиданія разочарованіями безъ конца. Иногда съ почтой приходили кому нибудь подарки, гостинцы, лакомства, и, не смотря на разбитыя мечты, почта все же вносила большое разнообразіе въ монотонную тюремную жизнь. Рѣшительно всѣхъ, поэтому, интересовало содержаніе пришедшей почты. Отъ количества полученныхъ съ нею денегъ зависѣлъ нашъ

бюджетъ и „эквивалентъ", а въ газетахъ и журналахъ, дозволенныхъ надъ, попадались, хотя и скудныя, но все же небезинтересныя извѣстія, касавшіяся русской и міровой жизни. По поводу всего узнаннаго между нѣкоторыми возникали споры и заключались пари. Но, какъ извѣстно, 80-ые годы обозначились у насъ полнѣйшей реакціей, и извѣстія, вычитываемыя изъ газетъ, повергали многихъ заключенныхъ въ большое уныніе. Впрочемъ, далеко не всѣхъ; наши „патріоты" нерѣдко умилялись по поводу торжества политики царя миротворца и возмущались „наглостью" Александра Баттенбергскаго, Стамбулова и всѣхъ „неблагодарныхъ братушекъ". Съ интересомъ слѣдили также за похожденіями во Франціи авантюриста Буланже, нашедшаго себѣ среди заключенныхъ поклонника въ лицѣ Санковскаго, о которомъ и сообщу ниже. Въ общемъ, почти каждый разъ, послѣ прочтенія вновь полученныхъ періодическихъ изданій, оставалась полная неудовлетворенность, тяжелый и непріятный осадокъ. Намъ, какъ я уже упоминалъ, разрѣшены были лишь наименѣе интересные и наиболѣе консервативные органы печати, исключеніе почему то составлялъ лишь либеральный „Вѣстникъ Европы". Нѣкоторые товарищи, прочитавъ отъ доски до доски вновь пришедшія газеты и книжки журналовъ, запоминали даже мелочи и пустяки; другихъ приходъ почты занималъ въ виду ожидаемыхъ ими извѣстій отъ родныхъ и близкихъ лицъ. Такимъ заключеннымъ много радости, но вмѣстѣ и горя причиняла ихъ переписка съ родными: они находились въ постоянной тревогѣ и безпокойствѣ за своихъ близкихъ, такъ какъ письма съ родины шли безконечно долго, — около полутора или двухъ мѣсяцевъ, а во время весенней и осенней распутицъ, продолжающихся въ Сибири по нѣсколько недѣль, еще того дольше. Письма отъ близкихъ лицъ, конечно, не только предварительно прочитывались комендантомъ, но, сверхъ того, еще смазывались имъ полутора хлористымъ желѣзомъ, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли въ нихъ чего-нибудь написаннаго химическими чернилами. Размѣръ и число писемъ отъ родныхъ не были ограничены. Но что особенно огорчало насъ, это невозможность самимъ отвѣчать на письма отъ своего имени: намъ разрѣшалось только отъ имени коменданта на открыткахъ увѣдомлять отправителя о полученіи его письма, денегъ и проч., а также лишь о своемъ здоровьѣ и о присылкѣ дозволенной вещи или книги, въ такой приблизительно формѣ: „Сынъ Вашъ (или братъ, мужъ) здоровъ, присланныя Вами столько то рублей (или такія то вещи, книги) получилъ и проситъ выслать ему то-то и то-то"; затѣмъ слѣдовала подпись коменданта. Такимъ образомъ, по тексту этихъ извѣщеній, написанныхъ самими заключенными, отправители могли убѣдиться, что ихъ посылки дошли до адресата.

Какъ ни была подчасъ тяжела такая переписка, но и ей нерѣдко завидовали нѣкоторые изъ одинокихъ людей, вовсе никогда не получавшихъ писемъ, а такихъ лицъ у насъ было не мало. Съ какой грустью, бывало, иной изъ нихъ смотритъ на переданное его товарищу письмо. Случалось мнѣ слышать иногда грустнымъ тономъ произнесенное восклицаніе: „хоть бы мнѣ кто-нибудь написалъ когда!“ Дѣйствительно, сидѣть въ теченіе многихъ лѣтъ въ тюрьмѣ, заброшенной на дальней окраинѣ Восточной Сибири, за нѣсколько тысячъ верстъ отъ родины, сознавая, что нигдѣ нѣтъ близкой души, могущей вспомнить о тебѣ, невыносимо тяжело. А такихъ лицъ, повторяю, у насъ было не мало. Зато какая же являлась радость, когда случалось, что кто-нибудь изъ этихъ забытыхъ людей неожиданно получалъ откуда-нибудь письмо. Такой счастливецъ по этому поводу устраивалъ угощеніе на свою камеру, дѣлалъ общій чай. И долго потомъ разсказывалъ онъ другимъ объ этомъ радостномъ событіи, вычитывая наиболѣе близкимъ своимъ товарищамъ сообщенныя ему новости.

Угощенія сокамерникамъ устраивали нерѣдко также и лица, находившіяся въ постоянной перепискѣ съ родными, по полученіи особенно радостныхъ для нихъ извѣстій: таковъ уже былъ обычай. Содержаніе подобнаго письма облетало всѣ камеры, иногда же получатель дѣлалъ изъ него выписку вообще интересныхъ мѣстъ и пускалъ ее по тюрьмѣ. Хотя коменданты, въ особенности же „Котъ“, самымъ тщательнымъ образомъ зачеркивали въ письмахъ все лишнее, но мы ухитрялись получать съ воли всякаго рода новости, — въ этомъ отношеніи наша изобрѣтательность была почти безгранична. Мало того, намъ иногда удавалось, несмотря на самый тщательный просмотръ всякой поступавшей въ тюрьму вещи, получать съ воли запрещенныя въ Россіи изданія, проходившія чрезъ руки самихъ комендантовъ. Такъ, однажды я написалъ заграницу, чтобы книгоиздатель Диць изъ Штутгарта выслалъ за нѣсколько лѣтъ „Neue Zeit“, журналъ, конечно, запрещенный не только для каторжанъ, но и вообще русскимъ подданнымъ. Исключенія въ этомъ отношеніи дѣлаются у насъ, какъ извѣстно, только для лицъ „превосходительныхъ“ и имѣющихъ на то особое разрѣшеніе. Зная объ этомъ правилѣ, я попросилъ адресовать названный журналъ такимъ образомъ: „Его превосходительству г-ну губернатору Забайкальской области для Льва Дейча“. Я разсчитывалъ, что иностранная цензура пропуститъ этотъ журналъ, какъ адресованный столь высокопоставленному лицу, которое уже само знаетъ, можно или нельзя передать его мнѣ. Затѣмъ я предположилъ, что, если губернаторъ получитъ этотъ журналъ, то онъ не станетъ его лично разсматривать и справляться, дозволенъ ли онъ или нѣтъ, а прямо отправитъ ко-

менданту съ предложеніемъ сдѣлать это. Мои предположенія оправдались: комендантъ однажды сообщилъ мнѣ, что на мое имя получился какой то иностранный журналъ, но онъ не можетъ его мнѣ выдать, такъ какъ, не зная этого языка, не въ состояніи рѣшить, дозволеннаго ли онъ (журналъ) характера. Тогда я пустилъ въ ходъ маленькую хитрость.

— Вамъ не трудно рѣшить этотъ вопросъ, отвѣтилъ я, возьмите русско нѣмецкій словарь, и тамъ вы найдете, что „Neue“ значитъ „новое“, а „Zeit“ — „время“. Этотъ журналъ совершенно то же самое, что наше „Новое Время“. А вы, конечно, понимаете, что такого направленія журналъ намъ можетъ быть дозволенъ.

— Да? такъ это такой же журналъ, какъ и наше „Новое Время“? Тогда, конечно!

Не знаю, справлялся ли комендантъ съ нѣмецко русскимъ словаремъ, но вскорѣ мнѣ доставлены были нумера „Neue Zeit“ за нѣсколько лѣтъ. Легко представить себѣ мою радость, да и нѣкоторыхъ другихъ товарищей, знавшихъ нѣмецкій языкъ и интересовавшихся соціалистическимъ вопросомъ. Впрочемъ, даже и среди лицъ, равнодушныхъ къ послѣднему, этотъ журналъ вызвалъ не мало толковъ. Нѣкоторые изъ наиболѣе интересныхъ статей читались à livre ouvert или переводились на бумагѣ. Статьи эти дали не мало пищи вообще для толковъ и въ особенности для нападокъ на нѣмцевъ, на соціальдемократовъ и на ихъ вожаковъ. Такіе болтуны, какъ Позенъ, имѣли новую пищу и, не читая сами несимпатичныхъ имъ авторовъ, тѣмъ не менѣе пускались въ сравненія и параллели между русскими и нѣмецкими писателями. При этомъ, конечно, первые — Михайловскій, В. В. и т. п. оказывались неизмѣримо выше стоящими „какихъ-нибудь“ Каутскихъ, Либкнехтовъ и Меринговъ.

Мы получили также всѣ вышедшіе номера „Соціальдемократа“, издававшагося Плехановымъ и товарищами, но, само собой разумѣется, здѣсь мнѣ неудобно передавать, какимъ способомъ. Помѣщенныя въ этомъ органѣ статьи Плеханова по поводу беллетристовъ-народниковъ, а также о Чернышевскомъ, вызвали среди огромнаго большинства заключенныхъ громы негодованій, и по его адресу сыпалась отборная ругань. Подобно бѣднымъ провинціалкамъ, нѣкоторые заключенные „въ критикѣ“ также видѣли только одно лишь „ругательство“ и, часто не понимая смысла статей Плеханова, но видя, что онъ не превозноситъ до небесъ любимыхъ ими писателей, что онъ осмѣливается тѣ или другіе взгляды послѣднихъ не одобрять, находили такое его отношеніе „ужаснымъ, возмутительнымъ, преступнымъ“. Мнѣ, какъ единомышленнику Плеханова, при сей оказіи также, конечно, не мало доставалось. Но „капля долбитъ камень“, говоритъ латинская пословица, и подъ вліяніемъ, какъ перечис-

ленныхъ журналовъ, такъ и вызывавшихся ими споровъ, постепенно то тотъ, то другой начиналъ колебаться въ правильности народническихъ и террористическихъ взглядовъ.

Нечего и говорить, что кромѣ оффиціальнаго пути для полученія корреспонденціи съ воли, у насъ почти всегда имѣлся также и конспиративный способъ, устраивавшійся посредствомъ подкупа и всякаго рода ухищреній. Такой нелегальной почтой, большей частью функціонировавшей довольно правильно, мы пользовались для сношеній съ женской тюрьмой и съ вольной командой. Благодаря этой почтѣ, мы почти всегда довольно хорошо знали, какъ живутъ заключенныя женщины и вольно-командцы, а также получали свѣдѣнія о жизни политическихъ ссыльныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Какъ я уже упоминалъ, по полученіи почты комендантъ сообщалъ старостѣ, а послѣдній, подойдя къ двернымъ окошечкамъ, объявлялъ по всѣмъ камерамъ, кому сколько прислано было денегъ и общую сумму всей получки, такъ какъ размѣръ ея былъ для насъ очень важенъ. Въ свою очередь и библіотекарь также сообщалъ каждый разъ, что имъ получено съ почтой. Онъ велъ особыя очереди раздачамъ по камерамъ, какъ періодическихъ изданій, такъ и вновь пришедшихъ книгъ. Если кто-нибудь получалъ личный подарокъ, — бѣлье, обувь и пр., то, смотря по желанію получателя, такія вещи оставлялись имъ у себя, или онъ предоставлялъ ихъ въ распоряженіе старосты. Послѣдній въ этомъ случаѣ объявлялъ по камерамъ о поступившихъ къ нему вещахъ, и желавшіе получить ихъ записывались, а затѣмъ бросали жребій. Но приходившими съ почтами на чье бы то ни было имя лакомствами или колоніальными продуктами распоряжался самъ староста. Онъ дѣлилъ такіе продукты на число сидящихъ въ каждой камерѣ и передавалъ въ послѣднюю причитавшуюся ей часть: затѣмъ лицо, которое мы иногда называли „общимъ дѣлителемъ“, съ аптекарской точностью распредѣляло полученный гостинецъ между всѣми сокамерниками, проявляя при этомъ подчасъ изумительную находчивость и сообразительность, чтобы достигнуть полнаго равенства и справедливости. Этотъ же „общій дѣлитель“, имѣвшійся въ каждой камерѣ и бывшій въ большинствѣ случаевъ, если не математикомъ по спеціальности, то во всякомъ случаѣ лицомъ, практически знавшимъ хорошо четыре правила ариѳметики, — разливалъ всѣмъ по чашкамъ „баланду“ и раскладывалъ „каждый имѣетъ“ и другія кушанья въ чашки.

Стремленіе къ равенству доходило у нѣкоторыхъ чуть не до маніи; иной чувствовалъ даже неловкость, что ему родные посылаютъ то ту, то другую вещь, когда другіе ничего не получаютъ. Но встрѣчались и мелко эгоистичные люди, которые повидимому неохотно дѣлились съ другими своими получками.

Такихъ лицъ было, правда, немного, и они далеко не пользовались расположеніемъ остальныхъ. Даже относительно новыхъ книгъ нѣкоторые изъ товарищей не считали себя вправѣ выписывать ихъ по личному вкусу, — они предлагали, чтобы всѣ заключенные принимали участіе въ составленіи списка по индивидуальному желанію каждаго. Чтобы и въ этомъ отношеніи достигнуть полнаго равенства, Феликсъ Ковъ сообщилъ, что близкіе ему люди могутъ ежегодно жертвовать извѣстную сумму и предоставилъ эти деньги въ распоряженіе желающихъ участвовать въ выпискѣ новыхъ книгъ; сумма эта затѣмъ номинально дѣлилась между всѣми заключенными и, такимъ образомъ, каждый располагалъ правомъ выписать себѣ какую нибудь книгу на опредѣленное число рублей; при этомъ, если данное сочиненіе стоило больше причитавшейся на долю каждаго суммы, то нѣсколько человѣкъ вступали между собою по этому поводу въ соглашеніе. Этимъ путемъ достигалось удовлетореніе самыхъ разнообразныхъ вкусовъ, — и любителей легкаго чтенія и „мухоморовъ“, какъ называли у насъ людей, читавшихъ такія серьезныя книги, отъ которыхъ распространялась убивавшая мухъ скука.

Кромѣ почты, немалое удовольствіе, какъ я уже вскользъ упоминалъ, доставляла многимъ еще баня, въ особенности, если она приходилась въ тѣ субботы, когда, бывало, кончаешь дежурство на кухнѣ. Послѣ семидневнаго пребыванія въ грязи и всякаго рода непріятной возни, каждый дѣйствительно испытывалъ большое физическое наслажденіе отъ бани и отъ перемѣны до невозможности загрязненнаго на кухнѣ бѣлья. Затѣмъ, хорошо помывшись и одѣвши свѣжее бѣлье, съ наслажденіемъ, бывало, возвращаешься въ камеру, зная, что на нѣсколько недѣль освободился отъ тяжелой и непріятной обязанности. Растягиваешься на нарахъ, расправляя до нельзя уставшіе члены, съ удовольствіемъ попиваешь горячій чай и предаешься полному блаженству, — ничего, что грубое, толстое бѣлье, не богъ вѣсть какъ чисто тобою же вымытое, немного деретъ тѣло, не бѣда, что сѣрый арестантскій халатъ не отличается удобствомъ и изяществомъ, — ты все же чувствуешь себя превосходно въ этотъ вечеръ, а также и въ слѣдующее послѣ дежурства воскресенье, въ особенности, когда и пришедшая въ одинъ изъ этихъ дней почта, что иногда и случалось, принесла письмо, а то и какой-нибудь неожиданный гостинецъ.

— Что, сибаритничаете? Эхъ, вы, эпикуреецъ! — говоритъ, глядя на васъ, кто нибудь изъ товарищей, по собственному опыту знающій, какъ пріятно въ такіе дни лежать, растянувшись на нарахъ, съ газетой или журналомъ въ рукахъ.

Иного рода удовольствіе доставляла многимъ очень распространенная у насъ въ тюрьмѣ игра въ шахматы. Она не была

у насъ запрещена и нѣкоторые (Яцевичъ и Зубржицкій) достигли въ ней довольно большого совершенства. По примѣру великихъ шахматистовъ, у насъ также устраивались состязанія на опредѣленное число мачей и, конечно, съ „крупными“ преміями: на чай, сахаръ и т. п. Въ этихъ случаяхъ, даже и лица, не умѣвшія играть, заинтересовывались ходомъ состязаній нашимъ знаменитостей, и о результатахъ каждой партіи немедленно распространялись по тюрьмѣ „телеграммы“.

Былъ у насъ также хорошо спѣвшійся хоръ, имѣвшій довольно большой и разнообразный репертуаръ, начиная отъ оперныхъ арій и грустныхъ малороссійскихъ и кончая разухабистыми великорусскими пѣснями; пѣлись, конечно, также марсельеза и другіе революціонныя пѣсни. Съ отъѣздомъ Николина въ тюрьмѣ появились и самодѣльныя скрипки, на которыхъ два-три товарища, къ немалому огорченію сокамерниковъ, упражняли ь. Позенъ же и еще кто-то въ „Синедріонѣ“ предпочитали драть уши своихъ товарищей игрой на гребняхъ; отъ безділствія онъ любилъ также развлекаться отгадываніемъ устныхъ шарадъ, чѣмъ въ теченіе цѣлыхъ часовъ лишалъ другихъ возможности заниматься. При этомъ иной сочинялъ иногда такую чушь, что въ камерѣ раздавался громкій хохотъ.

— Угадайте, Позенъ, что будетъ: „быкъ“ съ женскимъ окончаніемъ? — задаетъ какой-нибудь неискусный изобрѣтатель шараду.

Ни Позенъ, ни кто нибудь другой не можетъ отгадать этой замысловатой шарады. Въ концѣ концовъ оказывается, что сей странный „быкъ“ никто иной, какъ шахматная фигура — тура.

Съ пріѣздомъ какихъ то новичковъ распространилась и игра въ винтъ, впервые тогда появившійся у насъ въ Россіи. Нѣкоторые до того увлекались этой игрой, что проводили за ней безъ перерыву по нѣсколько дней. Иной изъ такихъ игроковъ доходилъ до полнаго одуренія и, просовывая голову въ дверное окошечко, кричалъ жандармамъ: „Дежурный пасъ!“, вмѣсто — „откройте“. Но ригористы крайне отрицательно относились къ этому развлеченію въ однообразной, монотонной нашей жизни.

Зимою не малое удовольствіе любителямъ доставляло также катанье на салазкахъ съ ледяной горки. Устраивался катокъ на нашемъ имѣвшемъ небольшой наклонъ „бульварѣ“, какъ мы называли то мѣсто на дворѣ, гдѣ обыкновенно гуляло большинство заключенныхъ. Съ этого мѣста сквозь щели между палями видны были проѣзжая дорога и помѣщенія коменданта, смотрителя и другихъ служащихъ.

Одинъ изъ преемниковъ Николина разрѣшилъ намъ, наконецъ, завести во дворѣ огороды, и съ наступленіемъ весны у насъ закипѣла работы. Нѣкоторые любители природы предавались этому занятію съ увлеченіемъ (Павло Ивановъ, Зунделевичъ,

Дзвонкевичъ, Стефановичъ). — они самымъ тщательнымъ образомъ воздѣлывали свои грядки, унаваживали ихъ, поливали, пололи и вообще ухаживали за каждымъ растеніемъ, какъ за любимытъ дѣтищемъ. Были между огородниками также и любители цвѣтовъ; мнѣ же особенно нравились подсолнухи, и я понатыкалъ ихъ сѣмена вдоль нашего „бульвара". Къ концу лѣта подсолнухи выростали большими и стояли на своихъ толстыхъ стебляхъ вытянувшись, какъ солдаты, на часахъ, по прямой линіи и какъ бы съ грустью покачивали иногда своими верхушками, когда мимо нихъ прогуливались заключенные.

Заканчивая перечень распространившихся на Карѣ развлеченій, я долженъ упомянуть объ игрѣ въ городки. За этой забавой, особенно полезной въ тюрьмѣ, какъ физическое упражненіе, нѣкоторые любители проводили значительную часть лѣтняго дня, и между ними также устраивались состязанія, результатами которыхъ интересовалось все населеніе нашей тюрьмы.

Всѣ такого рода развлеченія распространились при преемникахъ Николина. Первый изъ нихъ, ротмистръ Яковлевъ, назначенный къ намъ временно, въ значительной степени измѣнилъ къ лучшему существовавшій у насъ при К„отѣ" режимъ. Это, повидимому, былъ не дурной отъ природы человѣкъ. Исполняя существовавшую инструкцію, онъ не старался причинять намъ излишнія непріятности, и чрезмѣрными формальностями и придирками не ухудшалъ нашего положенія. Можетъ быть, такое его поведеніе объяснялось тѣмъ, что онъ присланъ былъ лишь на время до пріѣзда назначеннаго изъ Петербурга коменданта, жандармскаго подполковника Масюкова; возможно также, что нежеланіе Яковлева ухудшать наше положеніе обусловливалось бывшею у него, какъ и вообще распространенной у насъ нерѣдко среди не дурныхъ людей, слабостью къ алкоголю. Какъ бы то ни было, но при немъ мы вздохнули нѣсколько свободнѣе и не безъ сожалѣнія, а то и тревоги, думали о его отъѣздѣ и о пріѣздѣ подполковника Масюкова. „Каковъ то будетъ новый комендантъ?" — естественно думали мы, строя различныя предположенія. Спустя полгода, зимой 1887 года, пріѣхалъ Масюковъ и тотчасъ же въ сопровожденіи Яковлева, обошелъ наши камеры.

Это былъ небольшого роста, бритый, съ сѣдыми усами и волосами на головѣ юркій человѣкъ, лѣтъ 50 съ чѣмъ то на видъ, производившій впечатлѣніе тощей, общипанной курицы. Говорилъ онъ жалобнымъ, писклявымъ голосомъ и, какъ вскорѣ оказалось, былъ совершенно безхарактернымъ, въ полномъ смыслѣ слова, тряпичнымъ человѣкомъ, къ большому нашему несчастью. Не злой и недалекій отъ природы человѣкъ, Масюковъ совсѣмъ не походилъ на жандармского офицера. Да онъ и не годился

вовсе на выбранную имъ службу, — въ жандармы онъ попалъ по несчастному для него стеченію обстоятельствъ.

Нѣкогда гвардейскій офицеръ и состоятельный помѣщикъ Полтавскій губерніи, Масюковъ, бросивъ службу, поселился въ въ своемъ имѣніи, гдѣ задавалъ пиры и широко игралъ въ карты. Будучи затѣмъ выбранъ въ уѣздные предводители дворянства, онъ еще усерднѣе сталъ играть въ карты, спустилъ все до тла и влѣзъ въ долги. Тогда для поправленія разстроенныхъ финансовъ и пріобрѣтенія средствъ къ существованію, онъ поступилъ въ жандармскіе офицера, служба которыхъ вообще оплачивается у насъ лучше другой подобной же, въ особенности на крайнемъ востокѣ: комендантъ на Карѣ, не считая огромныхъ подъемныхъ и прогонныхъ, получалъ до 5000 руб. въ годъ, при готовой квартирѣ съ отопленіемъ, освѣщеніемъ, прислугой, выѣздными лошадьми и пр. Какъ бывшаго гвардейскаго офицера и предводителя дворянства, Масюкова произвели въ подполковники, а такъ какъ у насъ на Карѣ сдѣлалась вакантной должность коменданта, то его и назначили къ намъ. Какъ впослѣдствіи онъ самъ сообщалъ кому то изъ товарищей, отправляясь къ намъ, онъ имѣлъ намѣреніе, поскольку отъ него зависѣло, облегчить наше положеніе. Но добрыми намѣреніями, извѣстно, адъ вымощенъ, и то, что всѣмъ политическимъ катаржанамъ пришлось перенести при Масюковѣ, того не испытали они ни при комъ изъ его предшественниковъ.

При Масюковѣ намъ дѣйствительно стало значительно свободнѣе, чѣмъ было при „Котѣ“: наши камеры днемъ почти вовсе не запирались, мы могли свободно прогуливаться по корридору и по двору, могли переселяться въ любое время изъ одной камеры въ другую. Какъ я уже упоминалъ, у насъ имѣлась еще пустая камера, въ которой одно время помѣщался Цыпловъ; но съ переводомъ его въ уголовную тюрьму она оставалась совершенно пустой, подъ замкомъ, такъ какъ „Котъ“ по какимъ то своимъ таинственнымъ соображеніямъ не позволялъ намъ въ ней помѣщаться.

Масюковъ же разрѣшилъ намъ занять и эту камеру, послѣ чего, понятно, во всѣхъ стало свободнѣе и удобнѣе. Мы получили отъ него также разрѣшеніе пользоваться въ лѣтніе мѣсяцы и находившимися въ отдѣльномъ зданіи на нашемъ же дворѣ одиночками и, что всего важнѣе, — Масюковъ же дозволилъ намъ завести уже вышеупомянутые огороды. Благодаря предоставленному въ наше распоряженіе зданію одиночекъ, многіе, по крайней мѣрѣ, въ теченіе лѣтняго дня, получили возможность уединиться. Въ этомъ же зданіи происходили общія чтенія вслухъ, устраивавшіяся лицами не желавшими мѣшать другимъ; тамъ же, напримѣръ, Прибылевъ читалъ лекціи по анатоміи и физіологіи для нѣсколькихъ охотниковъ. Но что особенно важно,

въ одиночное же зданіе забирались со своими ужасными инструментами любители музыки, чтобы своей игрой не раздражать остальныхъ заключенныхъ.

Полученіе разнаго рода вещей съ воли было также въ значительной степени облегчено, и у насъ совершенно открыто, не таясь и не пряча инструментовъ, стали заниматься нѣкоторыми ремеслами. Въ тюрьму были пропущены верстакъ и разные инструменты, и тогда имѣвшіеся у насъ мастера еще въ большей, чѣмъ раньше, степени стали проявлять свои дарованія и искусство. Появился даже фотографъ любитель: мѣстные наши мастера устроили для него камеру-обскуру; лупа получена была имъ съ воли, пластинки приготовлялись въ тюрьмѣ, и нашъ фотографъ началъ упражняться въ сниманіи сценокъ изъ тюремной жизни. Много другихъ еще льготъ пріобрѣли мы во время завѣдыванія тюрьмой Масюковымъ.

XII.

„Больница". — Участники крупныхъ процессовъ.

Съ предоставленіемъ въ наше пользованіе пятой камеры, у насъ произошло „великое переселеніе народовъ". Такъ какъ изъ разныхъ камеръ явились охотники переселиться въ предоставленную намъ новую, то и вообще произошла нѣкоторая перетасовка во всѣхъ. Тогда и я съ Стефановичемъ рѣшили перейти въ номеръ четвертый, или „больницу", такъ какъ въ ней, какъ я уже упоминалъ, вмѣсто наръ были койки и, кромѣ общаго стола посрединѣ, тамъ имѣлись еще маленькіе столики между каждыми двумя кроватями. Пребываніе въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ на одномъ и томъ же мѣстѣ въ „Синедріонѣ" и необходимость слышать никогда непрекращавшуюся болтовню крайне антипатичнаго человѣка Позена, намъ со Стефановичемъ становились все болѣе и болѣе не въ моготу, и мы обрадовались возможности перемѣнить мѣсто жительства.

Въ теченіе первыхъ двухъ-трехъ лѣтъ моего пребыванія въ тюрьмѣ контингентъ ея населенія очень мало измѣнился: въ вольную команду и на поселеніе вышло всего нѣсколько человѣкъ, и почти столько же прибыло новичковъ. Кромѣ Спандони, оставшагося, какъ я уже сообщалъ, въ Красноярскѣ и пришедшаго на Кару весной 1886 г., зимою того же года къ намъ пріѣхали: осужденные по процессу „Пролетаріата" въ Варшавѣ пять человѣкъ: Дулембо, рабочій пивоваръ, приговоренный къ 13 годамъ каторжныхъ работъ; Феликсъ Конъ, варшавскій студентъ — къ 8 годамъ; Николай Люри, военный инженеръ-капитанъ, которому смертная казнь была замѣнена 20-ю годами каторги; Маньковскій, рабочій изъ Австріи — къ 16 годамъ и Рехневскій, окончившій юридическій факультетъ въ Петербургѣ, осужденъ былъ на 14 лѣтъ каторжныхъ работъ. Зимою 1887—8 г. въ нашу тюрьму прибыли: осужденный по процессу 1-го марта 1887 г. за покушеніе на Александра III — Пашковскій — на 10 лѣтъ каторжныхъ работъ, а также, по самостоятельному дѣлу, за оскорбленіе въ прошеніи царя — рабочій Оссовскій, приговоренный къ 6 ти годамъ каторги. Затѣмъ, лѣтомъ и осенью 1888 г. прибыли еще кандидатъ Петербургскаго университета поэтъ Петръ Якубовичъ, осужденный по процессу Лопатина на

18 лѣтъ каторжныхъ работъ, и его сопроцессникъ, Василій Сухомлинъ, осужденный на 15 лѣтъ.

Разъ попавъ въ какую-нибудь камеру, многіе очень неохотно мѣняли ее на другую, — между заключенными развивался своеобразный камерный патріотизмъ: каждый считалъ свою камеру наилучшей и, конечно, не давалъ ее въ обиду, — онъ всегда и во всемъ отстаивалъ сокамерниковъ, гордился ихъ успѣхами, выигранными ими пари и пр. Менѣе всего, кажется, заражены были этой чертой обитатели „больницы", вѣроятно потому, что, за исключеніемъ двухъ трехъ лицъ, всѣ остальные были народъ кочевой, переселившійся изъ другихъ камеръ. О щимъ духомъ своимъ больница отличалась отъ „Дворянки" и „Синедріона". Да и вообще каждая камера имѣла свой специфическій характеръ. Обитатели „больницы" жили какъ-то изолированно, замкнуто; въ ней мало раздавалось шутокъ, смѣха, и за небольшимъ исключеніемъ, каждый чѣмъ нибудь былъ занятъ.

Наиболѣе оригинальнымъ человѣкомъ не только въ больницѣ, но и во всей тюрьмѣ, являлся Левъ Златопольскій, братъ Савелія, заключеннаго въ Шлиссельбургѣ и вскорѣ тамъ умершаго. Бывшій студентъ Петербургскаго технологическаго института, Левъ Соломоновичъ судился по процессу 20-ти въ 1882 г., вмѣстѣ съ Александромъ Михайловымъ, Сухановымъ, Флоренко и др., и приговоренъ былъ къ 20 годамъ каторжныхъ работъ. Въ отличіе отъ своего брата, онъ никогда не былъ активнымъ революціонеромъ, но, обладая выдающимися математическими способностями, онъ въ началѣ 80-хъ годовъ помогалъ террористамъ своими совѣтами по технической части. Въ тюрьму онъ попалъ уже въ пожиломъ возрастѣ и, когда мы съ нимъ встрѣтились на Карѣ, ему было лѣтъ подъ сорокъ. Еще на волѣ Левъ Златопольскій былъ извѣстенъ многимъ, какъ прирожденный изобрѣтатель-неудачникъ. Въ тюрьмѣ же эта склонность дошла у него до маніи. И чего только не изобрѣталъ онъ у насъ! Прежде всего онъ занялся проэктомъ „круглаго города". Въ этомъ своего рода фаланстерѣ, гдѣ всѣ должны были, конечно, пользоваться одинаковыми правами и благами, — рѣшительно все, по проекту изобрѣтателя, должно было производиться путемъ электричества. Даже растенія должны были произрастать при посредствѣ послѣдняго, такъ какъ солнечный свѣтъ, а слѣдовательно, и теплота, какъ силы, не постоянно дѣйствующія, совершенно изгонялись нашимъ оригинальнымъ изобрѣтателемъ изъ его коммунистическаго государства. Но, не осуществивъ по „независящимъ обстоятельствамъ" этого плана, Златопольскій приступилъ къ другому. Услыхавъ о появленіи изобрѣтателей волапюка, онъ рѣшилъ составить свой собственный. Но, какъ и во всемъ остальномъ, Златопольскій и въ этомъ изобрѣтеніи былъ чрезвычайно оригиналенъ. Его волапюкъ былъ построенъ слѣ-

дующимъ образомъ. „Всѣ науки распредѣляются въ послѣдовательномъ порядкѣ, начиная отъ болѣе и переходя къ менѣе точнымъ, — по системѣ, напр., Конта или Спенсера; затѣмъ, каждая изъ нихъ съ ихъ подотдѣлами и разновидностями обозначается какимъ нибудь односложнымъ звукомъ, такъ что, запоминая этотъ звукъ, знаешь уже, что онъ именно изображаетъ данную отрасль. „Напримѣръ", пояснялъ нашъ изобрѣтатель: „теперь приходится запоминать безконечное число словъ, которыя сами по себѣ не даютъ никакихъ свѣдѣній; это безполезно отягощаетъ память. Ну, что значатъ „Тула", „Чита"?! — Безсмысленные звуки! А между тѣмъ, по моей системѣ, названіе города или какого нибудь другого мѣста будетъ обозначаться звуками, которые покажутъ, въ какой долготѣ и на какой широтѣ находится данное поселеніе. Поэтому „Чита", напр., будетъ обозначена звуками, показывающими сперва мѣсто географіи въ системѣ наукъ, а затѣмъ уже и ея положеніе на земномъ шарѣ, и выйдетъ нѣчто въ такомъ родѣ: „ту-ка-по-ре-са ви-ну-та-ди".

Въ другой разъ нашъ изобрѣтатель носился съ планомъ постройки такого летательнаго снаряда, при помощи котораго мы, всѣ заключенные, не только сразу поднялись бы въ высь, но неслись бы тамъ со скоростью, превосходящей быстроту движенія земного шара... Не было почти ни одной области человѣческой мысли или дѣятельности, которую Златопольскій не удостоилъ бы своимъ вниманіемъ и не попытался бы перевернуть своими изобрѣтеніями или усовершенствованіями. Онъ создавалъ свою теорію стоимости, свою медицину, гигіену; не игнорировалъ также столь прозаическихъ занятій, какъ кулинарное искусство, мойка бѣлья, чистка картофеля, шитье платья и обуви, постройка печей и проч. Даже развлеченія и игры онъ не оставлялъ въ томъ видѣ, въ какомъ они теперь производились, — словомъ, всюду Левъ Златопольскій измышлялъ что-нибудь совершенно новое, переворачивавшее вверхъ дномъ всѣ наши понятія, привычки и вкусы. Какъ заранѣе, конечно, можно догадаться, рѣшительно всѣ безъ исключенія изобрѣтенія Златопольскаго страдали однимъ небольшимъ недостаткомъ, — полной непримѣнимостью, неосуществимостью. Онъ, конечно, этого нисколько не признавалъ и, оставаясь при убѣжденіи въ совершенствѣ своего изобрѣтенія, вскорѣ самъ его оставлялъ и съ прежнимъ пыломъ принимался за новый. Вообще, Златопольскій въ значительной степени страдалъ маніей величія и отличался въ тюрьмѣ довольно странными чертами. Такъ, не будучи вовсе больнымъ и пользуясь значительной физической силой, онъ абсолютно отказывался принимать какое бы то ни было участіе въ общихъ работахъ. Превративъ день въ ночь и наоборотъ, онъ, за исключеніемъ тѣхъ моментовъ, когда подавалась пища и когда онъ спалъ, расхаживалъ по камерѣ, крутя

усъ и обдумывая свои изобрѣтенія. Умственнымъ трудомъ онъ также не любилъ заниматься, и я едва ли ошибусь, если скажу, что Златопольскій за многіе годы пребыванія въ тюрьмѣ, быть можетъ не дочиталъ до конца ни одной книжки. Въ журналы и газеты онъ рѣшительно никогда не заглядывалъ. Кромѣ изобрѣтательной маніи, была у него другая, не менѣе, если не болѣе еще въ немъ сильная, чѣмъ первая, это — собираніе всякаго годнаго и негоднаго хлама. Въ этомъ отношеніи онъ положительно могъ бы конкуррировать съ Плюшкинымъ. Собирая все, что ни подворачивалось и складывая въ мѣшки (гвозди, кусочки кожи, сукна и пр.), онъ набрасывался даже на всякую недоѣденную другими пищу, сливалъ жидкое въ свои чашки, а твердые остатки складывалъ въ особый мѣшочекъ; все это у него квасилось по много дней, а то и по нѣсколько недѣль, издавая непріятный запахъ; но онъ доказывалъ, что для его желудка пища именно тогда хороша, когда она уже подверглась сильному броженію. Въ баню онъ ходилъ не болѣе двухъ-трехъ разъ за все время пребыванія на Карѣ, да и то мылся въ ней, когда она уже остывала, и лишь теплой водой, — тоже вслѣдствіе его теоріи, что организмъ его не выноситъ ничего горячаго. Бѣлья онъ также почти никогда не мѣнялъ и носилъ самый фантастическій костюмъ. Получить отъ него какую-нибудь изъ накопленныхъ имъ вещей было чѣмъ то экстраординарнымъ. Легко представить себѣ, что о Львѣ Соломоновичѣ по тюрьмѣ циркулировало всегда безконечное число анекдотовъ, одинъ другого юмористичнѣе. Несомнѣнно, однако, что онъ былъ очень умнымъ и способнымъ человѣкомъ, но ему, конечно, чего-то не хватало, — у насъ его называли, по терминологіи Ломброзо — „матоидомъ“, что было довольно вѣрно.

У всей революціонной молодежи есть очень много общаго въ характерѣ, нравахъ, обычаяхъ, пріемахъ, но особенно такая общность развивается, конечно, послѣ совмѣстнаго пребыванія въ тюрьмѣ. Въ этомъ отношеніи довольно рѣзко отличался отъ другихъ уже упомянутый мною инженеръ-капитанъ — Люри: онъ совсѣмъ не походилъ на русскаго революціонера, да въ сущности вовсе и не былъ имъ. Странно сложилась судьба его: честный, исполнительный и знающій свое дѣло служака, онъ былъ строителемъ какого то форта въ Новогеоргіевской крѣпости, когда, будучи совершенно равнодушнымъ къ политическимъ вопросамъ, познакомился съ маровымъ судьей Бардовскимъ, служившимъ въ Царствѣ Польскомъ и другими легальными лицами, которые, какъ потомъ оказалось, имѣли сношенія съ Куницкимъ, Варынскимъ и остальными членами польской организаціи „Пролетаріатъ“. Когда объ этихъ сношеніяхъ узнала полиція, капитанъ Люри былъ вмѣстѣ съ другими лицами арестованъ и, какъ военно служащій, приговоренъ къ смертной казни, кото-

рая, вслѣдствіе поданнаго имъ прошенія о помилованіи, замѣнена была ему 20 лѣтней каторгой. Рѣшительно никто изъ лично знавшихъ „капитана", какъ мы его для краткости называли, не могъ поставить ему въ вину этотъ поступокъ. Наоборотъ, скорѣе можно было удивляться, что „капитанъ", совершенно не раздѣлявшій политическихъ взглядовъ революціонеровъ, мирился со своей судьбой и, будучи на Карѣ, ничего не предпринималъ для того, чтобы добиться полнаго помилованія. Умный отъ природы человѣкъ, довольно свѣдущій въ инженерской области, онъ и на Карѣ нисколько не стремился пріобрѣсти какія-либо политическія воззрѣнія. Его же собственныя симпатіи, привычки и традиціи склоняли его къ монархическимъ взглядамъ. Товарищемъ онъ оказался прекраснымъ, — всегда готовый исполнить любую работу, онъ охотно брался за всякій физическій трудъ, но рѣзко возставалъ противъ какого-либо нарушенія принципа равенства, противъ всякихъ привилегій. Не имѣя ни малѣйшей склонности къ какимъ-либо соціальнымъ вопросамъ и считая ихъ „философіей", что на его языкѣ означало нелѣпость, безсмыслица и т. п., онъ интересовался, кромѣ математики, только исторіей и беллетристикой. Не знаю, обладалъ ли капитанъ склонностью къ дебатамъ отъ природы или онъ заразился ею въ революціонной средѣ, — вѣроятно дѣйствовало то и другое, но Люри вступалъ въ споры, какъ по поводу самыхъ отвлеченныхъ предметовъ, такъ и по поводу любыхъ житейскихъ вопросовъ. Спорилъ онъ горячо, со страстью, не безъ остроумія и находчивости, поражая собесѣдника парадоксами. „Неговореній" у него, конечно, было вслѣдствіе этого не мало, но благодаря честному и прямому характеру, капитанъ пользовался въ тюрьмѣ довольно большой симпатіей.

Его сопроцессникъ, Феликсъ Конъ, также помѣщался съ нами одно время въ „Синедріонѣ". Это былъ совсѣмъ молодой юноша, 21-22 лѣтъ, страстный патріотъ польскаго соціалистическаго движенія, экспансивный и легко поддававшійся вліяніямъ другихъ, въ особенности, если послѣдніе отстаивали самые крайніе революціонные проекты. Въ тюрьмѣ онъ поддался вліянію Бобохова и Адріана Михайлова и желалъ перенести въ Царство Польское русское народничество, конечно, не имѣвшее тамъ ни малѣйшаго смысла.

Неизмѣннымъ жителемъ „больницы" со времени прихода на Кару и до выхода изъ нея былъ упомянутый мною уже выше „лейбъ-медикъ" Александръ Прибылевъ. Ветеринарный врачъ по профессіи, онъ, какъ извѣстно, лѣтомъ 1882 года былъ арестованъ, будучи выслѣженъ агентами Судейкина: въ занимаемой имъ вмѣстѣ съ женой, урожденной Раисой Гроссманъ, квартирѣ была динамитная мастерская. Еще на волѣ Александръ Василь-

евичъ пристрастился къ медицинѣ и не оставлялъ занятія ею во все время пребыванія на Карѣ. Около его же постели находился небольшой шкафчикъ, въ которомъ помѣщались наиболѣе нужные медикаменты. Къ своимъ паціентамъ онъ относился въ высшей степени внимательно и участливо. Благодаря этому, а еще въ большей степени его предшественнику, доктору Веймару, на Карѣ и въ ея окрестностяхъ создалась въ высшей степени лестная для политическихъ врачей репутація. Прибылевъ отличался довольно уживчивымъ характеромъ, хотя подчасъ въ сильной степени раздражался, въ особенности, когда касались его спеціальной области. Его, впрочемъ, нельзя было причислить къ узкимъ спеціалистамъ и, хотя онъ не читалъ „мухоморныхъ“ книгъ по соціальному вопросу, но не безъ интереса относился къ журнальнымъ статьямъ и устнымъ спорамъ. О немъ мнѣ придется еще говорить ниже, а теперь закончу характеристики новыхъ моихъ сокамерниковъ разсказомъ о „докторѣ Панглосѣ“, какъ мы называли Нагорнаго.

Вольнослушатель Петербургскаго университета, полтавскій „казакъ“ Осипъ Нагорный судился вмѣстѣ съ Хохловымъ и Евсеевымъ за убійство шпіона и приговоренъ былъ къ смертной казни, которая замѣнена была ему безсрочной каторгой. Маленькаго роста, съ медленной походкой, онъ вполнѣ заслужилъ данную ему кличку: къ всякому самому обыденному и несложному вопросу нашъ „д-ръ Панглосъ“ подходилъ съ точки зрѣнія какой нибудь философской теоріи. Въ общемъ же этотъ разсѣянный юноша, напоминавшій семинариста, глубокомысленно спрашивавшаго: „что есть веревка?“ — былъ незлобивый товарищъ, съ которымъ можно было легко ужиться, но нельзя было договориться до чего либо, разъ дѣло касалось области, имѣвшей отдаленнѣйшее отношеніе къ философіи.

Въ карійскихъ тюрьмахъ—мужской и женской, за время ихъ существованія перебывали участники почти всѣхъ политическихъ процессовъ, произошедшихъ въ Россіи, начиная съ Нечаевскаго дѣла, которое, какъ извѣстно, разбиралось въ 1871 году, и кончая процессами Лопатина и Сигиды, состоявшимися лѣтомъ 1887 года. Такъ какъ каждый заключенный охотно разсказывалъ своимъ товарищамъ о дѣлѣ, по которому онъ судился, и вообще обо всемъ, что ему было извѣстно изъ революціоннаго міра, то Кара являлась какъ бы живой исторіей русскаго революціоннаго движенія: въ теченіе многихъ лѣтъ это было единственное мѣсто, гдѣ можно было изучить его въ лицахъ. Но никто изъ насъ не думалъ тогда, что ему когда нибудь придется воспользоваться слышанными разсказами; поэтому едва ли все узнанное тогда запечатлѣлось у кого нибудь въ памяти, и многія чрезвычайно интересныя подробности, къ сожалѣнію, па-

всегда исчезли. Ко времени моего прибытія на Кару уже не осталось никого изъ участниковъ движенія первой половины 70-хъ годовъ. При мнѣ же на Карѣ находились, главнымъ образомъ, лица, осужденныя по происходившимъ въ Россіи политическимъ дѣламъ конца 70-ыхъ и начала 80-хъ г. г. Почти всѣ эти процессы были террористическаго характера; они состояли въ вооруженныхъ сопротивленіяхъ при арестахъ, въ освобожденіи заключенныхъ и въ убійствахъ разныхъ лицъ, начиная со шпіоновъ и кончая Александромъ II. Самыхъ главныхъ участниковъ этихъ процессовъ или казнили, или заключили въ Шлиссельбургскую крѣпость, но и у насъ на Карѣ имѣлись нѣкоторые видные дѣятели. О нихъ я теперь кое что и разскажу, независимо отъ того, въ какой камерѣ они сидѣли.

Изъ наиболѣе выдающихся представителей такъ называемаго пропагандистическаго періода нашего движенія были несомнѣнно мировые судьи Порфирій Войнаральскій и Сергѣй Коваликъ. Будучи арестованными въ 1874 году, они сдѣлали попытку бѣжать изъ Петербургскаго Дома предварительнаго заключенія, въ маѣ 1876 г.: имъ удалось выбраться изъ камеръ на корридоръ, а оттуда по веревкѣ спуститься на улицу; они, такимъ образомъ, были уже близки къ спасенію, какъ вдругъ, на ихъ несчастье, случайно въ это время проѣзжавшій мимо господинъ замѣтилъ ихъ и поднялъ тревогу. Сбѣжавшіеся дворники и полицейскіе задержали бѣглецовъ и ихъ вновь водворили въ тюрьму. Какъ извѣстно, по процессу 193-хъ ихъ приговорили на каторгу и отправили въ центральныя тюрьмы, находившіяся въ Харьковск. губ. Когда два жандарма перевозили туда въ почтовой телѣжкѣ Войнаральскаго, то на нихъ сдѣлали нападеніе нѣсколько вооруженныхъ людей, изъ которыхъ двое были верхами, другіе находились въ подводѣ. Произведенными ими выстрѣлами одинъ изъ жандармовъ былъ убитъ; но лошади, везшія Войнаральскаго, испугавшись выстрѣловъ, понесли; такимъ образомъ и эта попытка оказалось неудачной. При Лорисъ Меликовѣ въ 1880 г. содержаніе политическихъ каторжанъ въ центральныхъ тюрьмахъ было уничтожено, и всѣ заключенные въ нихъ были отправлены на Кару. Коваликъ, Войнаральскій и др., отбывъ свои сроки, пошли на поселеніе въ Якутскую область, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ нашли свою могилу, Коваликъ же и Войнаральскій дождались въ 1898-99 годы возвращенія на родину, гдѣ послѣдній вскорѣ скончался.

Указанная попытка вооруженнаго освобожденія подъ Харьковомъ повлекла за собой цѣлый рядъ событій. Вечеромъ 1 іюля 1878 года, когда она такъ неудачно окончилась, на Харьковскомъ желѣзнодорожномъ вокзалѣ арестовали одного изъ верховыхъ — Алексѣя Медвѣдева (онъ же Ѳоминъ). Во время предварительнаго заключенія въ Харьковской тюрьмѣ ему уда-

лось бѣжать изъ нея вмѣстѣ съ нѣсколькими уголовными арестантами черезъ сдѣланный ими подкопъ. Но, вслѣдствіе отсутствія внѣшней помощи, Медвѣдеву пришлось скрываться въ ближайшемъ лѣсу, гдѣ вскорѣ онъ, вмѣстѣ съ остальными бѣглецами, былъ взятъ и вновь посаженъ въ ту же тюрьму. Послѣ этого товарищи съ воли снова задумали его освободить. Березюкъ и распропагандированный уголовный Рашко, о которыхъ я уже упоминалъ, переодѣвшись жадармскими унтеръ-офицерами, явились къ тюремному начальству съ поддѣльнымъ предписаніемъ, въ которомъ говорилось, чтобы Медвѣдева отпустили на допросъ въ мѣстное жандармское управленіе. Но, потому ли, что планъ этотъ былъ заранѣе кѣмъ-то выданъ начальству или потому, что смотритель тюрьмы заподозрилъ подлинность этихъ жандармовъ, — ихъ тутъ же арестовали. Въ это же время вблизи тюрьмы задержали Яцевича, который поджидалъ выхода Медвѣдева съ жандармами; въ городѣ начались аресты, взятъ былъ студентъ Ефремовъ и еще нѣсколько человѣкъ. Назначенный вскорѣ затѣмъ въ Харьковъ генералъ-губернаторомъ графъ Лорисъ Меликовъ захотѣлъ показать, что и онъ энергично искореняетъ крамолу; поэтому двое изъ привлеченныхъ лицъ военнымъ судомъ, состоявшимся лѣтомъ 1879 г., приговорены были къ смертной казни. Однимъ изъ этихъ осужденныхъ былъ Ефремовъ, все преступленіе котораго состояло лишь въ томъ, что у него нашли кусокъ бумаги съ подписью Харьковскаго жандармскаго полковника Ковалинскаго. Онъ навѣрно былъ бы казненъ, но товарищи уговорили его подать прошеніе о помилованіи; послѣ чего смертная казнь была замѣнена ему безсрочной каторгой, и его отправили на Кару.

Василій Степановичъ Ефремовъ былъ однимъ изъ наиболѣе симпатичныхъ людей на Карѣ. Сынъ дьячка, онъ, по окончаніи семинаріи, поступилъ въ ветеринарный институтъ въ Харьковѣ. Добрый, честный, очень неглупый отъ природы человѣкъ, онъ отличался большой любознательностью и неменьшей застѣнчивостью. Тяжелый приговоръ, въ особенности совершенный имъ актъ униженія — подача прошенія о помилованіи, дѣйствовалъ на него крайне угнетающимъ образомъ: онъ былъ чрезвычайно мраченъ и не могъ простить себѣ этого поступка. Но, повидимому, правительство вскорѣ само сознало совершенную имъ надъ Ефремовымъ жестокость; поэтому, по манифесту Александра III въ 1883 г., безсрочная каторга замѣнена была ему 12 ти лѣтней. Это обстоятельство нѣсколько примирило его со своей участью: Ефремовъ сталъ чувствовать себя значительно бодрѣе и началъ усиленно заниматься. Онъ интересовался, главнымъ образомъ, соціальными вопросами, прочиталъ много сочиненій по политической экономіи, для чего изучилъ въ тюрьмѣ нѣмецкій и французскій языки. По воззрѣніямъ онъ былъ народни-

комъ и считалъ бѣдствіемъ для Россіи развитіе въ ней капитализма.

Главнаго виновника процесса Ефремова и товарищей — Фомина-Медвѣдева судили отдѣльно отъ другихъ, въ Харьковѣ же. Онъ также приговоренъ былъ къ смертной казни, которая тоже замѣнена была ему безсрочной каторгой. Но, опасаясь, повидимому, чтобы товарищи вновь не устроили ему побѣга, его послѣ суда втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ держали совершенно изолировано въ разныхъ центральныхъ тюрьмахъ Западной Сибири, тщательно скрывая мѣсто его заключенія; затѣмъ его повезли въ Петербургъ и посадили въ Алексѣевскій равелинъ. Въ 1883 году къ нему примѣнили коронаціонный манифестъ, замѣнивъ безсрочную каторгу двадцатилѣтней, и отправили его на Кару.

На волѣ Медвѣдевъ слылъ за чрезвычайно смѣлаго, отважнаго человѣка, готоваго пойти на самое рискованное предпріятіе. Бывшій почтальонъ, Медвѣдевъ окончилъ лишь уѣздное училище, но отъ природы онъ обладалъ очень недурными способностями и, благодаря пребыванію среди интеллигентныхъ товарищей, кое что пріобрѣлъ изъ ихъ споровъ и бесѣдъ. Личныя его склонности лежали исключительно къ техническимъ занятіямъ, — къ нимъ онъ имѣлъ огромныя способности. Такъ, сидя въ Алексѣевскомъ равелинѣ, Медвѣдевъ, тайкомъ отъ жандармовъ, изъ хлѣба до того искусно сдѣлалъ какую-то фигурку, что когда ее затѣмъ у него нашли, то комендантъ крѣпости и другія должностныя лица открыто выражали ему свое изумленіе. Этой-то фигуркѣ онъ приписывалъ фактъ примѣненія къ нему манифеста.

На Карѣ его техническія способности нашли себѣ еще болѣе широкое примѣненіе. За что, бывало, Медвѣдевъ ни возьмется, всюду онъ проявлялъ удивительную ловкость, изящество, искусство: онъ одновременно былъ прекраснымъ портнымъ, сапожникомъ, граверомъ, скульпторомъ и пр., а очутившись впослѣдствіи въ вольной командѣ, онъ сталъ отличнымъ золотыхъ и часовыхъ дѣлъ мастеромъ. Но, когда съ освобожденіемъ изъ тюрьмы онъ женился на дочери мелкаго тюремнаго чиновника и могъ бы, казалось, зажить спокойной семейной жизнью, — у него, къ несчастью, открылась наслѣдственная болѣзнь, отъ которой ничто не могло его спасти: онъ сталъ алкоголикомъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, Медвѣдевъ, покинувъ жену съ тремя дѣтьми, порвавъ со всѣми товарищами, сталъ горькимъ пьяницей-босякомъ.

Въ то самое почти время, когда подъ Харьковомъ произошло столь неудачное нападеніе на жандармовъ, лица, осужденныя по процессу 193-хъ и сидѣвшія въ ожиданіи отправки ихъ въ

Сибирь и на Кару, въ Петропавловской Крѣпости, въ отвѣтъ на разныя стѣсненія со стороны властей, объявили голодовку. Тогда этотъ способъ протеста былъ вполнѣ новъ. Неудивительно, поэтому, что извѣстіе, полученное объ этомъ на волѣ, произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе на товарищей-революціонеровъ. Особенно близко къ сердцу принялъ это извѣстіе Сергѣй Кравчинскій (онъ же Степнякъ).

Бывшій артиллерійскій поручикъ Кравчинскій, какъ извѣстно, принадлежалъ къ самымъ выдающимся революціонерамъ 70-хъ годовъ. Человѣкъ выдающихся способностей, настойчивый, рѣшительный, отважный, онъ отличался и большой физической силой. Одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей пропагандистическаго движенія, онъ, послѣ ареста большинства товарищей — „чайковцевъ", отправился заграницу. Здѣсь онъ примкнулъ къ анархическому движенію въ Италіи и въ началѣ 1877 г. былъ за участіе въ Беневентскомъ возстаніи арестованъ, заключенъ въ тюрьму, и ему угрожала смертная казнь, но его спасла отъ нея амнистія, данная при восшествіи на итальянскій престолъ новаго короля Гумберта. Очутившись совершенно неожиданно на свободѣ въ началѣ 1878 г., Кравчинскій въ качествѣ нелегальнаго вернулся въ Петербургъ. Когда на волѣ получилось извѣстіе о голодовкѣ, объявленной лицами и безъ того крайне изнуренными многолѣтнимъ пребываніемъ въ предварительномъ заключеніи въ тюрьмахъ, Кравчинскій тутъ же выразилъ намѣреніе убить шефа жандармовъ, генерала Мезенцева, какъ главнаго виновника всевозможныхъ преслѣдованій и издѣвательствъ надъ политическими преступниками. Онъ желалъ поступить такъ, какъ Вѣра Засулучъ, которая, какъ извѣстно, выстрѣлила въ петербургскаго градоначальника Трепова, въ пріемной комнатѣ послѣдняго. Но члены организаціи „Земли и Воли", къ которой онъ принадлежалъ, возстали противъ такого его плана, находя, что генералъ Мезенцевъ не стоитъ столь большой жертвы. Кравчинскаго всѣ чрезвычайно цѣнили и очень любили не только, какъ выдающагося революціонера, но и какъ замѣчательнаго товарища. Зная его рѣшительный и настойчивый характеръ, никто не сомнѣвался, что онъ приведетъ въ исполненіе задуманный имъ планъ. Поэтому, не считая возможнымъ совершенно отклонить его отъ его намѣренія, я внесъ предложеніе организовать это дѣло такъ, чтобы Кравчинскій имѣлъ шансы на спасеніе. Для этого нужно было выслѣдить всѣ выѣзды и выходы Мезенцева; затѣмъ, устроивъ нападеніе на него на улицѣ, приготовить по близости лошадь и имѣть вблизи на всякій случай вооруженнаго товарища. Знаменитый рысакъ „Варваръ", уже не разъ сослужившій службу революціонерамъ,—при освобожденіи Петра Крапоткина изъ Николаевскаго госпиталя (въ 1876 году) и Преснякова изъ московскаго участка, — теперь вновь былъ

запряженъ въ кабріолетъ. Какъ извѣстно, 4-го августа 1878 г. генералъ Мезенцевъ былъ убитъ днемъ на одной изъ центральныхъ улицъ столицы; Кравчинскій же, вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его товарищемъ Баранниковымъ, спасся на „Варварѣ". Впослѣдствіи, по поводу этого въ свое время надѣлавшаго много шума предпріятія, арестовано было нѣсколько лицъ; въ числѣ ихъ былъ Адріанъ Михайловъ, исполнявшій обязанность кучера. Хотя эта роль его и не была доказана свидѣтельскими показаніями, онъ тѣмъ не менѣе приговоренъ былъ къ смертной казни, которая затѣмъ замѣнена была двадцатью годами каторжныхъ работъ.

Адріанъ Михайловъ былъ однимъ изъ наиболѣе образованныхъ людей на Карѣ. Большая любознательность и трудолюбіе соединялись въ немъ съ обширной памятью. Студентъ медикъ, онъ обладалъ большими знаніями какъ по естественнымъ, такъ и по самымъ разнообразнымъ другимъ областямъ знаній; поэтому его справедливо называли „ходячей энциклопедіей". О чемъ бы ни зашла рѣчь, Адріанъ Михайловъ почти всегда могъ дать самый точный отвѣтъ: онъ зналъ всѣ мельчайшія обстоятельства, названія мѣстъ, лицъ и числа любого происшествія. Человѣкъ очень замкнутаго характера, Адріанъ Михайловъ умѣлъ подчинять себѣ другихъ; въ тюрьмѣ онъ пользовался большимъ авторитетомъ и уваженіемъ.

Его сопроцессника, упомянутаго мною выше доктора Веймарая уже не засталъ въ живыхъ, — онъ умеръ въ вольной командѣ за нѣсколько дней до моего прихода на Кару. Онъ, какъ извѣстно, принималъ самое дѣятельное участіе въ освобожденіи Кропоткина и вообще оказывалъ революціонерамъ разнообразную помощь, нисколько не останавливаясь передъ угрожавшей ему опасностью. Человѣкъ совсѣмъ другой среды, большею частью вращавшійся въ высшемъ столичномъ обществѣ и лично извѣстный Маріи Ѳедоровнѣ въ качествѣ выдающагося врача, участвовавшаго въ турецкой кампаніи 1878 г. — Веймаръ сочувствовалъ революціонерамъ и всегда готовъ былъ на самое смѣлое, отважное предпріятіе. Когда эта роль его была открыта, онъ былъ арестованъ и привлеченъ къ суду, который приговорилъ его къ десяти годамъ каторжныхъ работъ. По общему отзыву всѣхъ заключенныхъ на Карѣ, Веймаръ былъ замѣчательнымъ товарищемъ и выдающимся врачемъ; какъ я уже выше упоминалъ, слава о немъ распространилась далеко за предѣлы Карійскаго района. За оказываемую имъ окрестнымъ жителямъ медицинскую помощь онъ рѣшительно ни съ кого, не исключая и богатыхъ, не бралъ гонорара. Великосвѣтскіе его знакомые не забывали о немъ, и лично знавшій его тогдашній шефъ жандармовъ ген. Черевинъ старался о томъ, чтобы онъ могъ вернуться въ столицу: въ 1888 г. изъ Петербурга на Кару

былъ командированъ полковникъ Нордъ, который предложилъ Веймару, чтобы онъ далъ только обѣщаніе не принимать участія въ революціонныхъ дѣлахъ, гарантируя ему полную амнистію и возвращеніе на родину. Но Веймаръ считалъ невозможнымъ пойти на такую сдѣлку и предпочелъ умереть на каторгѣ.

На шефа жандармовъ Черевина также сдѣлано было покушеніе (въ 1881 г.). Авторомъ его былъ мелкій акцизный чиновникъ — Николай Санковскій, также раньше не входившій ни въ какой революціонный кружокъ. Зная о террористическихъ предпріятіяхъ только по газетамъ, Санковскій увлекся этимъ движеніемъ и совершенно безъ всякихъ связей съ дѣйствовавшей тогда организаціей — „Народной Волей", — но сообща съ Павломъ Мельниковымъ, лицомъ, тоже не причастнымъ къ революціонерамъ, задумалъ убить шефа жандармовъ. За совершенное имъ путемъ выстрѣла изъ револьвера покушеніе на генерала Черевина, онъ приговоренъ былъ къ смертной казни, которая затѣмъ замѣнена ему была безсрочной каторгой.

На Карѣ Санковскій былъ самымъ непримиримымъ революціонеромъ. Въ каждомъ должностномъ лицѣ онъ видѣлъ заклятаго врага, противъ котораго всѣ средства борьбы были дозволены. Держалъ онъ себя чрезвычайно независимо, рѣшительно и имѣлъ не мало стычекъ съ начальствомъ изъ-за разныхъ поводовъ, между прочимъ, изъ-за его нежеланія снимать съ головы шапку при ихъ посѣщеніяхъ камеръ. Онъ также былъ однимъ изъ лицъ, чрезвычайно тяготившихся тюремнымъ заключеніемъ. Любитель вести безконечные споры, при этомъ крайне раздражительный, — Санковскій принадлежалъ къ числу наиболѣе неуживчивыхъ лицъ въ тюрьмѣ, вслѣдствіе чего ему часто приходилось мѣнять камеры.

О его сопроцессникѣ Павлѣ Мельниковѣ затрудняюсь сказать что-нибудь положительное, хотя я и сидѣлъ съ нимъ нѣкоторое время въ одной камерѣ. Трудно понять, что побудило этого человѣка содѣйствовать террористическому акту. Впрочемъ участіе его въ дѣлѣ покушенія было крайне ничтожное.

Воспитанникъ коммерческаго училища, котораго онъ не кончилъ, Мельниковъ, будучи несовершеннолѣтнимъ, за какое то мелкое уголовное преступленіе былъ административнымъ порядкомъ высланъ въ одну изъ сѣверныхъ губерній, откуда онъ какимъ то путемъ очутился вновь въ Петербургѣ, гдѣ онъ случайно встрѣтился съ Санковскимъ. Послѣднему какъ я уже сказалъ, хотѣлось совершить какой нибудь крупный революціонный фактъ и бажется, Мельниковъ подалъ ему мысль объ убійствѣ Черевина. Будучи затѣмъ арестованъ, онъ, насколько помню, во всемъ покаялся, но его все же приговорили къ 20-ти годамъ каторги. Мало неразвитый человѣкъ, безъ всякихъ убѣжденій, безконечно

самолюбивый, съ мелкими житейскими страстями, озлобленный и мстительный, Мельниковъ своей прилизанной внѣшностью и въ тюрьмѣ напоминалъ парикмахера или приказчика галантерейнаго магазина. Какъ и Цыпловъ, онъ такъ же совсѣмъ не походилъ на политическаго каторжанина и скорѣе напоминалъ тотъ сортъ мужчинъ, которыхъ именуютъ „Альфонсами", — такая кличка за нимъ у насъ и привилась. На Карѣ онъ чувствовалъ себя совершенно чуждымъ, рѣшительно ни съ кѣмъ не только не былъ близокъ, но даже просто въ товарщескихъ отношеніяхъ. Наконецъ, въ 1887 г. онъ вновь подалъ прошеніе о помилованіи, вслѣдствіе чего былъ вскорѣ выпущенъ на волю; послѣ этого о немъ время отъ времени распространялись слухи, что онъ сталъ доносчикомъ.

Былъ у насъ также одинъ участникъ самаго крупнаго террористическаго акта, а именно убійства Александра II. Какъ извѣстно, царь умеръ вслѣдствіе ранъ, полученныхъ имъ отъ бомбы, брошенной Гриневицкимъ. Но кромѣ этого юноши, а также казненнаго Рысакова, третьимъ метальщикомъ былъ Емельяновъ. Ему не пришлось бросить бывшей у него наготовѣ бомбы, только потому, что царь оказался уже смертельно раненнымъ, въ чемъ, говорятъ, Емельяновъ лично убѣдился, находясь въ толпѣ. Будучи вскорѣ послѣ этого арестованъ, вслѣдствіе оговоровъ Рысакова, Емельяновъ въ слѣдующемъ, 1882 г., по процессу 20 ти былъ приговоренъ къ смертной казни, которую замѣнили безсрочной каторгой. До отправки въ перестраивавшуюся для помѣщенія политическихъ преступниковъ, Шлиссельбургскую крѣпость, Емельянова, вмѣстѣ съ другими важными террористами, содержали въ Петропавловской крѣпости на каторжномъ положеніи. Режимъ, которому ихъ подвергли, былъ, какъ извѣстно, до того ужасенъ, что очень многіе вскорѣ опасно заболѣвали, а нѣкоторые — умерли. Къ концу 1883 г. Емельяновъ получилъ цынгу такой острой формы, что уже самъ не могъ двигаться, тѣло его покрылось язвами и онъ быстро разлагался, — его рѣшили тогда перевезти на Кару, куда онъ и прибылъ въ 1884 г.

Сынъ причетника, Емельяновъ, по окончаніи ремесленнаго училища въ Петербургѣ, былъ на казенный счетъ отправленъ для усовершенствованія въ токарномъ мастерствѣ въ Парижъ. Тамъ же одно время онъ состоялъ псаломщикомъ при посольской церкви. По возвращеніи въ Россію, будучи 20—21 лѣтнимъ юношей, онъ сошелся съ террористами и принялъ на себя роль метальщика въ дѣлѣ 1-го марта. Отъ природы очень неглупый человѣкъ, но лишь въ тюрьмѣ путемъ чтенія пріобрѣвшій нѣкоторое развитіе, Емельяновъ, когда я съ нимъ познакомился на Карѣ, уже представлялъ разочарованнаго скептика, иронически относящагося ко всему революціонному; онъ также принадле-

жалъ тогда къ „патріотамъ", восхищавшимся всѣмъ русскимъ и превозносившимъ нашъ строй надъ западно-европейскимъ.

Со мной же вмѣстѣ въ „больницѣ" находился бывшій офицеръ Николай Властопуло, приговоренный въ Одессѣ по дѣлу Геллиса въ 1880 году къ 15 годамъ каторжныхъ работъ, а за побѣгъ съ дороги переведенный въ безсрочные. Неглупый и довольно образованный человѣкъ, съ независимымъ характеромъ, но крайне самолюбивый, Властопуло производилъ на всѣхъ впечатленіе непоколебимо убѣжденнаго террориста: онъ всегда высказывался за самыя революціонныя мѣры и среди многихъ пользовался, поэтому, довольно большимъ престижемъ. Онъ былъ также исполнителенъ, аккуратенъ и практиченъ, почему дважды его избирали въ старосты. Но съ весны 1888 г. онъ почему то сталъ уединяться, мало разговаривать съ другими, за исключеніемъ друга его — Емельянова. Никто не обращалъ особаго вниманія на настроеніе Властопуло, такъ какъ хандра случалась у многихъ и проходила безъ всякихъ послѣдствій. Не то вышло у Властопуло.

Какъ разъ въ это время къ намъ на Кару пріѣхалъ изъ департамента государственной полиціи штатскій „генералъ" Русиновъ. Такіе пріѣзды изъ столицы важныхъ чиновниковъ случались у насъ и раньше, и они сопровождались раскаяніями и просьбами о помилованіи со стороны нѣкоторыхъ, правда, очень немногихъ малодушныхъ людей изъ числа заключенныхъ въ мужской тюрьмѣ, и — надо это особенно подчеркнуть — за все время между нашими женщинами не было ни одного такого случая. Пріѣздъ Русинова мы объяснили такими же цѣлями, но оказалось, что онъ никого къ себѣ не приглашалъ для разговоровъ наединѣ, очень торопился и быстро уѣхалъ обратно.

Въ эти то именно дни Властопуло, всегда очень сдержанный, замкнутый въ себѣ, видимо былъ въ сильномъ возбужденіи. Однажды предъ вечеромъ онъ вышелъ изъ камеры, вмѣстѣ съ производившими повѣрку жандармами и изъ корридора просунулъ въ дверное окошечко записку. Стали читать ее вслухъ недоумѣніе и крайнее изумленіе охватило всѣхъ насъ, „больничниковъ": Властопуло прощался съ нами, просилъ не осуждать его, сообщалъ, что онъ извѣрился въ революціонный способъ дѣятельности, а потому, молъ, допускалъ возможность, какъ онъ выражался, „припасть къ подножію трона", иначе говоря, подать царю просьбу о помилованіи.

Слушая это посланіе, нѣкоторые не вѣрили своимъ ушамъ: они предполагали, что здѣсь скрывается какая то тайна или недоразумѣніе. Зная Властопуло и еще такъ недавно слыша высказываемые имъ крайніе революціонные взгляды, казалось вполнѣ неправдоподобнымъ, чтобъ онъ могъ вдругъ искренно раскаяться. Уже и раньше, какъ я упоминалъ, случались аналогичные факты:

кромѣ Цыплова и Мельникова, при мнѣ подалъ прошеніе о помилованіи еще Зубковскій, судившійся вмѣстѣ съ Зунделевичемъ, и Александромъ Квятковскимъ и за участіе въ убійствѣ Харьковскаго губернатора Кропоткина приговоренный къ 15-ти годамъ каторжныхъ работъ. Такіе же случаи были и до моего прихода на Кару. Но ни одно изъ прежнихъ раскаяній не производило на нашу тюрьму столь сильнаго, скажу больше — потрясающаго впечатлѣнія, какъ заявленіе Властопуло. Въ этомъ отношеніи, кромѣ личности Властопуло, пользовавшагося значительнымъ уваженіемъ, дѣйствовало еще то соображеніе, что, при существовавшихъ у нѣкоторыхъ заключенныхъ въ нашей тюрьмѣ взглядахъ и настроеніяхъ, можно было опасаться за появленіе немалаго числа подражателей.

Выше я уже не разъ упоминалъ, что въ Россіи въ описываемое время господствовала сильнѣйшая реакція, и къ намъ въ тюрьму почти не доносились слухи о сколько-нибудь серьезныхъ революціонныхъ попыткахъ. Вполнѣ естественно, поэтому, что даже столь неудачное предпріятіе, какимъ была попытка 1-го марта 1887 г., все же вызвала нѣкоторый подъемъ среди многихъ изъ насъ, и по этому поводу рѣшено было большинствомъ голосовъ устроить общій праздникъ. Но послѣ этой попытки наступило еще большее затишье, и реакція все болѣе и болѣе торжествовала въ Россіи. А вмѣстѣ съ этимъ все сильнѣе распространялись среди заключенныхъ сомнѣнія въ прежнихъ способахъ дѣятельности; отсюда для нѣкоторыхъ уже недалеко было и до полнаго разочарованія, раскаянія и подачи просьбы о помилованіи. Ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ и на помощь лицамъ, начавшимъ сомнѣваться и колебаться, пришло въ нашу тюрьму извѣстіе о ренегатствѣ самаго выдающагося вожака „партіи Народной Воли“ — Льва Тихомирова.

Участникъ всѣхъ террористическихъ предпріятій конца 70-хъ и 80-хъ годовъ, вдохновитель молодежи, среди которой его имя пользовалось необыкновеннымъ ореоломъ, лучшій теоретикъ партіи, другъ погибшихъ героевъ Желябова, Перовской, Александра Михайлова и др., — Левъ Тихомировъ сталъ защитникомъ самодержавія! Это извѣстіе долгое время казалось многимъ совершенно невѣроятнымъ. Въ своей извѣстной брошюрѣ: „Почему я пересталъ быть революціонеромъ“, онъ утверждаетъ, что въ сущности еще до 1-го марта онъ извѣрился въ революціонный способъ дѣятельности и, если принималъ какое нибудь участіе въ организаціи „Нар. Воли“, то лишь по инерціи. На сколько я зналъ и понималъ характеръ Тихомирова, онъ никогда не былъ фанатично преданнымъ дѣлу революціонеромъ, безгранично вѣрующимъ въ цѣлесообразность террора. Колебанія и сомнѣнія, вѣроятно, всегда были присущи ему, но это не мѣшало ему писать пламенныя, зажигательныя статьи въ защиту террористической дѣя-

тельности и всякихъ народовольческихъ взглядовъ. Далеко не краснорѣчивый собесѣдникъ, съ вялой, тягучей рѣчью, онъ тѣмъ не менѣе импонирующимъ образомъ дѣйствовалъ на окружающихъ и всегда былъ однимъ изъ самыхъ авторитетныхъ лицъ въ партіи. Уже будучи заграницей, куда онъ эмигрировалъ, однимъ изъ послѣднихъ въ 1882 году, онъ написалъ свою надѣлавшую много шума статью—„Чего намъ ждать отъ революціи?“*). Какъ извѣстно, полемизируя въ этой статьѣ противъ макрсистскихъ взглядовъ, высказанныхъ Плехановымъ, Тихомировъ доказывалъ возможность и необходимость захвата власти революціонерами. И этотъ человѣкъ, являвшійся однимъ изъ наиболѣе выдающихся иниціаторовъ террора, осмѣливался утверждать, что онъ, будто бы, никогда не былъ активнымъ революціонеромъ. Подобнаго случая, измѣны и ренегатства не знала исторія нашего революціоннаго движенія. Превращеніе Льва Тихомирова въ защитника русскаго самодержца, казалось столь же неправдоподобнымъ, какъ переходъ Александра III-го въ революціонеры.

Заключенные въ нашей тюрьмѣ, наконецъ, узнали, что Тихомирову, спасшемуся отъ казни, лишь благодаря бѣгству заграницу, царь даровалъ полную свободу: ему позволено было вернуться на родину, гдѣ онъ примкнулъ къ стану ликующихъ и сталъ сотрудничать въ самыхъ реакціонныхъ органахъ печати — въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Русскомъ Вѣстникѣ“ и т. п. Легко представить себѣ дѣйствіе, какое раскаяніе Тихомирова произвело на лицъ, колебавшихся и начавшихъ разочаровываться въ революціонныхъ способахъ дѣятельности.

---

*) „Вѣстникъ Народной Воли“ № 2. 1884 г.

XIII.

Женская политическая тюрьма.

Выше я вскользъ упомянулъ, что у насъ при комендантѣ Масюковѣ произошли крайне трагическія происшествія. Чтобы они стали понятны, я долженъ на сколько возможно подробнѣе разсказать о женской политической тюрьмѣ. Жизнь нашихъ дамъ, хотя онѣ были совершенно изолированы отъ насъ, мнѣ хорошо извѣстна, какъ благодаря обширной перепискѣ, которую мы вели со многими изъ нихъ, такъ и изъ устныхъ разсказовъ, слышанныхъ мною впослѣдствіи отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Перенесемся же на время за 15 верстъ отъ мужской тюрьмы на Усть-Кару, гдѣ политическія женщины-каторжанки помѣщались въ отдѣльномъ отъ уголовныхъ преступницъ зданіи.

Когда я прибылъ на Кару, было всего 10 политическихъ женщинъ, изъ нихъ — Татьяна Лебедева — вскорѣ умерла. Самой старой, — 46 лѣтъ, а также по времени пребыванія въ тюрьмахъ — 13 лѣтъ, была Софья Лешернъ фонъ Герцфельдъ. Дочь генерала, имѣвшая въ числѣ родственниковъ лицъ, находившихся при дворѣ, она участвовала въ пропагандистическомъ движеніи начала 70-хъ годовъ и, будучи арестована въ 1873 г., просидѣла болѣе четырехъ лѣтъ въ предварительномъ заключеніи, а затѣмъ по процессу 193-хъ приговорена была къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Но вслѣдствіе хадатайства какой-то родственницы фрейлины, Лешернъ, совершенно неожиданно для себя, лѣтомъ 1878 г. была выпущена изъ тюрьмы на волю и оставлена въ Петербургѣ. Тогда я съ ней и познакомился тамъ. Лешернъ производила впечатлѣніе чрезвычайно скромной, застѣнчивой и замкнутой въ себѣ женщины. Недолго пробыла она на волѣ: спустя нѣсколько мѣсяцевъ она вновь была арестована въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Валеріаномъ Осинскимъ, причемъ ею сдѣлана была попытка оказать вооруженное сопротивленіе. Состоявшійся въ маѣ 1879 г. надъ нею и двумя ея товарищами Осинскимъ и Волошенко судъ вынесъ смертные приговоры ей и Валеріану Осинскому. Послѣдній, какъ извѣстно, былъ казненъ, а Лешернъ была отправлена на безсрочную каторгу на Кару. Долгіе годы пребыванія въ тюрьмахъ положили свой тяжелый отпечатокъ на эту многострадальную женщину: она часто хворала и хандрила. Отъ ея писемъ, приходившихъ съ конспиративной почтой, вѣяло безконечной грустью. Но Лешернъ все же не теряла надежды на наступленіе лучшихъ

временъ, на то, что хотя на склонѣ лѣтъ она еще поживетъ внѣ паль, рѣшетокъ и замковъ. Въ письмахъ, съ мельчайшими подробностями изображавшихъ собственную жизнь и подругъ, она проявляла очень большую наблюдательность; въ нихъ она давала мѣткія характеристики сожительницъ и встрѣчавшихся ей вообще лицъ.

Наиболѣе близкую ей подругу — Анну Павловну Корбу, я также зналъ съ воли: мы познакомились осенью 1879 г. въ Петербургѣ. Происходя изъ обрусѣвшей нѣмецкой семьи Майнгартъ, нѣкоторые представители которой занимали довольно видныя у насъ положенія въ инженерномъ вѣдомствѣ, Анна Павловна вышла замужъ за швейцарца Корба. Долгое время она горячо отдавалась благотворительной дѣятельности, доставившей ей большую популярность въ томъ провинціальномъ городѣ, въ которомъ она жила вмѣстѣ съ мужемъ; во время русско турецкой войны Анна Певловна была сестрой милосердія; но затѣмъ она рѣзко разрываетъ со всѣмъ своимъ прошлымъ и цѣликомъ примыкаетъ къ восторжествовавшему тогда террористическому направленію. Ей пришлось пережить самый бурный, интересный и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе тяжелый періодъ нашего революціоннаго движенія — отъ возникновенія до гибели блестящей эпохи „Народной Воли“. Сперва она была свидѣтельницей, а затѣмъ и участницей единоборства кучки отчаянно-смѣлыхъ людей съ самодержавнымъ правительствомъ. Десятки арестованныхъ ея товарищей приговаривались къ смертной казни, къ безсрочнымъ и многолѣтнимъ каторжнымъ работамъ. Близкіе люди всходили на эшафотъ и умирали въ Петропавловской крѣпости, а Анна Павловна счастливо ускользала отъ рукъ полиціи. Весной 1882 г. Судейкинъ произвелъ обширные аресты въ обѣихъ столицахъ, — Анна Корба и здѣсь уцѣлѣла. Послѣ этого погрома, она съ немногими могиканами энергично принимается за продолженіе отчаянной борьбы. При содѣйствіи ея и Грачевскаго въ Петербургѣ возникла динамитная мастерская въ квартирѣ Прибылевыхъ; но Судейкинъ вскорѣ открылъ мѣстопребываніе послѣдней и въ іюнѣ указаннаго года Корба съ товарищами была арестована. Весной слѣдующаго года состоялся надъ 17-ью лицами судъ, по которому Анна Корба приговорена была къ 20-ти годамъ каторжныхъ работъ.

Образованная, довольно начитанная женщина, Анна Павловна, когда я ее зналъ, отличалась ровнымъ, сдержаннымъ и вмѣстѣ сильнымъ характеромъ. Неизмѣнно преданная революціонному дѣлу, Корба, несмотря на все пережитое и испытанное ею, осталась вѣрной избранному ею уже не въ молодыхъ годахъ пути.

Въ Усть-Карійской же тюрьмѣ помѣщались двѣ ея сопроцессницы—Прасковья Ивановская и Надежда Смирницкая. Послѣдней я лично вовсе не зналъ, а съ Ивановской мы встрѣтились

лишь впослѣдствіи, въ вольной командѣ. Но объ онѣ, по общему утвержденію, были на волѣ и въ тюрьмѣ беззавѣтно преданы тѣмъ идеямъ, за которыя попали на каторгу. Ради торжества избраннаго ими направленія никакая жертва не казалась имъ сколько-нибудь значительной. Ивановская приговорена была къ безсрочной каторгѣ, Смирницкая же — къ 15 г.

Но еще болѣе крупную роль, чѣмъ вышеупомянутыя лица, играла въ террористическомъ направленіи сидѣвшая вмѣстѣ съ ними въ тюрьмѣ Анна Васильевна Якимова. Напомню о касающихся ея обстоятельствахъ, въ свое время вызвавшихъ много толковъ, а теперь, вѣроятно, далеко не всѣмъ читателямъ извѣстныхъ.

Въ концѣ февраля 1881 г. столичная полиція обратила вниманіе на одну сырную лавку, помѣщавшуюся на Малой Садовой улицѣ, по которой направлялся Александръ II въ манежъ. Назначенная для изслѣдованія этой лавки коммиссія со спеціалистомъ — военнымъ архитекторомъ во главѣ ничего подозрительнаго въ ней не открыла. Вскорѣ послѣ того, произошло, какъ извѣстно, убійство царя, а затѣмъ сырная лавка оказалась покинутой ея жильцами. Тогда только полиція нашла въ оставленной квартирѣ подкопъ, сдѣланный на тотъ случай, если бы планъ убійства царя посредствомъ метательныхъ бомбъ почему либо не удался. Женщина, фигурировавшая подъ видомъ жены хозяина сырной лавки крестьянина Кобозева, оказалась впослѣдствіи дочерью священника Анной Васильевной Якимовой.

Какъ и многія ея сверстницы, Якимова въ началѣ 70 хъ годовъ ходила въ народъ, была вскорѣ затѣмъ арестована и привлечена къ суду по процессу 193-хъ. Хотя и оправданная по суду, она все же выслана была административнымъ порядкомъ въ одно изъ захолустій сѣверныхъ губерній. Оттуда въ концѣ лѣта 1879 г. Якимова бѣжала въ Петербургъ, гдѣ мы съ ней и встрѣтились. Въ это именно время возникла „партія Народной Воли“, среди членовъ которой у Якимовой было много старыхъ товарищей по Большому процессу. Она присоединилась къ новому направленію и приняла дѣятельное участіе въ организаціи убійства царя. Арестованная въ Кіевѣ въ 1881 году Якимова привлечена была къ суду по процессу 20-ти и приговорена была къ смертной казни, которую затѣмъ замѣнила безсрочная каторга. Излишне, думаю, прибавлять, что Якимова въ революціонномъ отношеніи отличалась тѣми же чертами, какія въ описываемое мною время общи были всѣмъ выдающимся женщинамъ, выдвинутыхъ движеніемъ 70-хъ годовъ, — стойкостью убѣжденій, непреклонной рѣшимостью и безграничной готовностью къ самопожертвованію.

Перечисленныя мною пять женщинъ, будучи почти всѣ знакомы другъ съ другомъ еще съ воли, составляли между собой наиболѣе тѣсную группу, такъ какъ ихъ связывало единство

взглядовъ или общія воспоминанія. Но, кромѣ нихъ, въ Усть-Карійскую же тюрьму, незадолго до моего прихода на Кару, были также привезены изъ Иркутска Елизавета Ковальская, Софья Богомолецъ и Елена Россикова, о которыхъ я уже раньше сообщалъ; сверхъ того, вмѣстѣ со мной и Чуйковымъ, какъ мы уже знаемъ, прибыла на Кару еще Марія Калюжная, самая молодая изъ всѣхъ нашихъ женщинъ-каторжанокъ. Такимъ образомъ, эта тюрьма особенно выдѣлялась составомъ заключенныхъ въ ней лицъ. Между тѣмъ, какъ нѣкоторая часть мужской тюрьмы представляла изъ себя людей, случайно въ нее попавшихъ, нерѣдко юношей съ неустановившимися взглядами, осужденныхъ на каторгу лишь вслѣдствіе суровыхъ и жестокихъ исключительныхъ судовъ, — всѣ наши женщины являлись, наоборотъ, испытанными, стойкими, проникнутыми твердой рѣшимостью и глубокой вѣрой революціонерками, которыхъ ничто уже не могло свернуть съ разъ избраннаго ими пути. Только у насъ въ Россіи исторія выдвинула на арену политической борьбы такой большой контингентъ выдающихся женщинъ, истинныхъ героинь.

Въ матеріальномъ и въ другихъ отношеніяхъ условія жизни политическихъ женщинъ на Карѣ были нѣсколько лучшія, чѣмъ въ нашей мужской тюрьмѣ. Каждая изъ нихъ помѣщалась въ отдѣльной камерѣ, правда, крохотной, сырой, холодной и полутемной, но все же заключенныя могли оставаться однѣ и быть всѣ вмѣстѣ, когда онѣ того хотѣли, такъ какъ камеры эти днемъ вовсе не запирались. Кромѣ того въ ихъ распоряженіи была передняя, служившая имъ общей столовой и сборнымъ мѣстомъ. Денегъ, продуктовъ и всякихъ вещей съ воли наши женщины также получали въ среднемъ больше, чѣмъ мы, мужчины. Онѣ могли, поэтому, не только нѣсколько лучше насъ питаться, что имъ вполнѣ и полагалось, но онѣ довольно регулярно переводили и намъ значительную часть своихъ средствъ. Не было у нихъ, конечно, ни бритья головъ, ни обязательности носить исключительно казенное платье; излишними формальностями и придирками начальство тоже, за крайне рѣдкимъ исключеніемъ, не раздражало ихъ. Но тюремныя условія, свойства ихъ характеровъ, а также и взгляды нѣкоторыхъ изъ нихъ привели къ цѣлому ряду мелкихъ и крупныхъ столкновеній, какъ между ними самими, такъ особенно между ними и разнаго рода начальствомъ. Между тѣмъ, какъ Софья Богомолецъ и Елена Россикова считали, какъ мы уже знаемъ, своею обязанностью вести въ тюрьмѣ борьбу изъ-за разнаго рода поводовъ, — другія, наоборотъ, предпочитали, по возможности избѣгать излишнія столкновенія. Отчасти на почвѣ такихъ разногласій среди заключенныхъ въ женской тюрьмѣ съ давнихъ временъ происходили конфликты, приводившіе къ крайне натянутымъ между

нѣкоторыми изъ нихъ отношеніямъ. Въ видѣ иллюстраціи, сообщу слѣдующее. Всѣ, приходя на Кару, давали себя обыскивать, что тюремная надзирательница исполняла, какъ простую формальность. Но, когда Софью Богомолецъ и Елену Россикову, какъ я уже упоминалъ выше, привезли изъ Иркутска обратно на Кару, онѣ энергично воспротивились намѣренію обыскать ихъ. „Не насъ политическихъ, а васъ казнокрадовъ надо обыскивать“ — кричали онѣ смотрителю, въ отвѣтъ на его убѣжденія подчиниться требованію инструкціи. „У васъ наполнены карманы краденымъ, вы — воры, поджигатели казенныхъ амбаровъ“. Въ концѣ концовъ ихъ, конечно, обыскали насильно, при содѣйствіи жандармовъ. Такого рода безцѣльный протестъ не одобряли нѣкоторыя изъ женщинъ.

Марья Павловна Ковалевская, съ которой я разстался осенью 1885 г. въ Иркутской тюрьмѣ, была также привезена на Кару весною 1887 г. Все почти время нашего заключенія въ разныхъ тюрьмахъ, послѣ выше описанной встрѣчи въ Иркутскѣ, мы съ ней переписывались, и часть этихъ писемъ, не смотря на всевозможныя перипетіи, сохранилась у меня. Въ виду крупной роли, которую М. Ковалевская играла въ трагическихъ событіяхъ на Карѣ и большого интереса, представляемаго ея письмами, я приведу нѣкоторыя изъ нихъ.

Почти годъ спустя, по прибытіи на Кару, я получилъ отъ нея изъ Иркутска письмо, въ которомъ она, сообщала слѣдующее: „Живу по старому, тоскую больше стараго. Такъ часто хочется быть съ близкими людьми и хоть немного отдохнуть... Я, право, разучилась говорить, такъ много молчу и наиболѣе молчу тогда, когда именно хочется говорить... Я чувствую, что моя обстановка убиваетъ меня физически, да и нравственно тоже, — я такъ состарилась за послѣдній годъ, такъ устала душевно, что часто сама себя не узнаю. Здоровьемъ не могу похвалиться: цѣлую зиму хворала, весной глаза болѣли, мѣсяца четыре провела поэтому въ полной праздности и чуть не кричала отъ скуки... Мнѣ необходимо проѣхаться, вздохнуть полной грудью, и, я увѣрена, воспряну опять. Какъ это скверно, когда самъ замѣчаешь въ себѣ вялость, апатію и какое-то равнодушіе, которое смѣняется временами такой тупой болью. Помню, Гейне гдѣ-то говоритъ, что у него „зубная боль въ сердцѣ“. Какъ это вѣрно! Именно такую боль я очень часто испытываю. Лежу съ закрытыми глазами и пробѣгаю прошлую жизнь, — все кажется въ ней такимъ грустнымъ, мрачнымъ... Скажи Лизѣ*), что мнѣ такъ не достаетъ ея, что я готова поѣ-

*) Это значило, чтобы я написалъ въ женскую тюрьму Елизаветѣ Ковальской, съ которой Марія Ковалевская была въ большой дружбѣ.

хать въ самое гиблое мѣсто для того, чтобы повидаться съ нею. А боюсь, что этого еще долго не случится. Какъ бы мнѣ хотѣлось быть съ нею!..“

Только весной 1887 г., какъ я уже упоминалъ, осуществилось желаніе Ковалевской: ее привезли на Кару. Какъ чувствовала она себя въ первое время по пріѣздѣ, можно видѣть изъ слѣдующей выдержки.

„Вотъ я и здѣсь, въ этой окаянной Карѣ, — писала она, тотчасъ по пріѣздѣ. — За дорогу я такъ поправилась, что сама себя не узнаю. Я, какъ кошка: стоитъ перетащить на другое мѣсто и опять воспряну... Пока не могу сказать, что скучаю или плохо настроена, — можетъ быть надежда, что черезъ года полтора избавлюсь отъ тюрьмы, не позволяетъ хандрить, особенно въ виду того, что другимъ хуже въ сто кратъ, чѣмъ мнѣ. Стыдно хандрить, если такъ мало осталось“*).

Кромѣ этого сознанія, а также дѣйствій совмѣстной жизни съ горячо любимой ею подругой, на ея сравнительно хорошее настроеніе не мало вліяла и переписка съ близкими людьми. Письма отъ родныхъ, въ частности отъ меньшаго поколѣнія, — дочери, племянника и племянницы — доставляли ей большое наслажденіе, и она нерѣдко дѣлилась ихъ содержаніемъ со мною.

„Галя моя въ этомъ году кончаетъ гимназію. — ей уже 16 лѣтъ минуло, — писала мнѣ Ковалевская, — а я, къ стыду моему, не пріобрѣла еще соотвѣтственной солидности, — видно мнѣ и помереть придется „не солидной“. Впрочемъ, я не печалюсь: за „солидность“ очень часто ничего не скрывается... Я такъ люблю безыскусственныя дѣтскія письма. Они не знаютъ, что своей симпатіей ко мнѣ много помогаютъ переносить эту каторгу: хочется оказаться достойной ихъ симпатіи, хочется сохраниться на столько, чтобы, если желанный часъ пробьетъ, быть въ уровень событій, быть годной дать что-нибудь этимъ молодымъ душамъ, если судьба столкнетъ насъ. Эта мысль, это желаніе, да злоба — вотъ что держитъ меня и не даетъ отупляющей обстановкѣ взять верхъ надо мною... Предъ ними (молодымъ поколѣніемъ) не хочется ударить лицомъ въ грязь, быть предметомъ только сожалѣнія, если вернусь развалиной“.

Но Ковалевской не нужно было вовсе дѣлать надъ собою особенныхъ усилій, чтобы сохраниться. Натура ея была не изъ тѣхъ, которыя поддаются, сгибаются подъ тяжестью неблагопріятныя условія: ее они могли сломить или закалить.

Прошелъ годъ, и у Ковалевской совершенно исчезло то хорошее настроеніе, которое на первыхъ порахъ по пріѣздѣ на Кару охватило ее, вслѣдствіе разнообразія отъ путешествія изъ

*) Т. е. до выхода на поселеніе.

Иркутска, встрѣчи съ любимой подругой и перемѣны мѣста. По разнымъ чисто мѣстнымъ и личнымъ причинамъ, о которыхъ слишкомъ долго распространяться, четверо изъ уже знакомыхъ намъ женщинъ — С. Лешернъ, А. Корба, А. Якимова и П. Ивановская, да кромѣ того вновь прибывшая Марія Аннаньина, приговоренная по процессу 1 марта 1887 г., на 20 лѣтъ каторжныхъ работъ, — потребовали отъ начальства, чтобы имъ дали особенное отъ остальныхъ помѣщеніе, а Россикову и Богомолецъ, за разнаго рода столкновенія съ администраціей, перевели въ лазаретъ. Въ женской политической тюрьмѣ на Усть-Карѣ, такимъ образомъ, нѣкоторое время оставались только: Ковалевская, Ковальская, Смирницкая и Калюжная.

Вскорѣ послѣ этого, т. е. 1 августа 1888 г. пріѣхалъ на Кару генералъ губернаторъ баронъ Корфъ. За нимъ въ Сибири упрочилась репутація либеральнаго правителя обширнѣйшимъ Пріамурскимъ краемъ, такъ какъ онъ устраивалъ въ своемъ главномъ городѣ Хабаровскѣ съѣзды „свѣдущихъ людей“ для выслушиванія ихъ мнѣній о мѣстныхъ нуждахъ. На этихъ русскихъ „ландтагахъ“, составлявшихся почти исключительно изъ Корфу же подчиненныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, высказывались пріятныя этому сатрапу взгляды и принимались соотвѣтствующія имъ рѣшенія; тѣмъ не менѣе сибирское „общество“ было очень довольно имъ. И вотъ, при посѣщеніи барономъ Корфомъ женской политической тюрьмы произошло слѣдующее. Когда онъ со своей свитой, въ которой было два генерала, проходилъ по корридору, тамъ съ книгой въ рукахъ сидѣла Елизавета Ковальская. Увидѣвъ, что она не трогается съ мѣста, генералъ губернаторъ потребовалъ, чтобы она встала. Но Ковальская отказалась исполнить это требованіе.

Нѣкоторые утверждали тогда, что Е. Ковальская нарочно затѣяла этотъ инцидентъ, чтобы побудить начальство перевести ее въ другое мѣсто, — до того невыносимо тяжело было ей оставаться на Карѣ. Когда извѣстіе объ этомъ происшествіи дошло до насъ, многіе—и я въ томъ числѣ,—не одобряли этого поступка Ковальской, такъ какъ при тогдашнемъ настроеніи мужской, а въ особенности, женской тюрьмы, предвидѣли, что изъ этого произойдутъ всякія печальныя послѣдствія. Но дѣйствительность превзошла самыя мрачныя наши предположенія.

Вскорѣ, послѣ отъѣзда Корфа, получилось отъ него распоряженіе о переводѣ Е. Ковальской въ центральную тюрьму въ г. Верхнеудинскъ, „въ виду вреднаго ея вліянія на другихъ политическихъ каторжанокъ“, какъ гласила присланная ген.-губернаторомъ бумага.

Увозъ изъ тюрьмы Е. Ковальской произведенъ былъ столь возмутительнымъ образомъ, что онъ послужилъ причиной без-

конечнаго ряда протестовъ, закончившихся самымъ трагическимъ образомъ.

Въ 5 часовъ утра, когда всѣ еще спали, въ женскую политическую тюрьму ворвался смотритель уголовныхъ, извѣстный во всемъ округѣ звѣрь Бобровскій, въ сопровожденіи двухъ уголовныхъ арестантовъ. Вслѣдствіе поднявшагося шума всѣ женщины проснулись и выскочили въ корридоръ. Тогда М. Калюжную, М. Ковалевскую и Н. Смирницкую, втолкнувъ обратно въ камеры, заперли, а Е. Ковалевскую, накинувшую на себя лишь одѣяло, уголовные схватили и понесли въ избушку, расположенную на берегу рѣки Шилки. Тамъ надзирательница, при содѣйствіи уголовныхъ же, сняла съ нея собственное ея бѣлье и переодѣла въ казенное платье. Во время этого грубого насилія надъ Ковальской находились по близости комендантъ Масюковъ, есаулъ Архиповъ и смотритель Бобровскій, отпускавшіе на счетъ Ковальской неприличныя шутки и остроты. Когда же надзирательница попросила воды, чтобы вспрыснуть упавшую въ обморокъ Ковальскую, негодяй Бобровскій воспротивился этому.

Исторія эта произвела на оставшихся въ Усть Карійской тюрьмѣ подругъ Ковальской такое впечатлѣніе, что онѣ рѣшили покончить съ собою, чтобы, такимъ образомъ, выразить свой протестъ противъ издѣвательствъ надъ беззащитной женщиной. Но, чтобы стала понятной причина ихъ самоубійства, онѣ надумали распространить на Карѣ прокламацію, написанную М. Калюжной, копія которой была прислана намъ. Вотъ ея полный текстъ:

„Гнусное издѣвательство надъ государственной преступницей Е. Ковальской, совершенное 11 августа 1888 г. въ генеральской квартирѣ (?) на берегу рѣки Шилки, знаетъ вся Кара. Это издѣвательство тѣмъ болѣе омерзительно и возмутительно, что въ данномъ случаѣ не было никакой причины. Если бы Ковальской сказали, что пришли за ней, она и сама пошла бы. Но эта шайка вломилась въ тюрьму въ 5 час. утра и, не говоря ни слова, расправилась съ сонными женщинами: заперли всѣ камеры, а Ковальскую схватили раздѣтую и унесли. Это еще не видано ни въ одной тюрьмѣ. Мы, три оставшіяся въ этой тюрьмѣ женщины: Марія Калюжная, Марія Ковалевская и Надежда Смирницкая не имѣемъ возможности отомстить инымъ путемъ за это нашествіе и за гнусное поруганіе надъ нашей товаркой. Единственное средство у насъ остается — отомстить своею смертью. Мы рѣшили заморить себя голодомъ. Пусть начальство знаетъ, что подобные его поступки не оканчиваются только его неистовствомъ, а ведутъ за собою смерть нашу. Пусть эти люди знаютъ, что заклеймили себя не только безстыжими наглецами, но и именемъ убійцъ. Мы увѣрены, что рѣдкій каторжникъ позволилъ бы себѣ подобную гнусность. А это люди

съ образованіемъ: Масюковъ — бывшій предводитель дворянства позволилъ и самъ участвовалъ въ гнусныхъ издѣвательствахъ сотеннаго Архипова и смотрителя Бобровскаго. Пусть же наша смерть ляжетъ вѣчнымъ проклятіемъ надъ этими лицами. Пусть всякій человѣкъ, у котораго есть стыдъ и совѣсть въ сердцѣ, броситъ свое презрѣніе этимъ лицамъ. До послѣдняго вздоха мы будемъ посылать проклятія всѣмъ, кто участвовалъ въ этомъ злодѣяніи и наше проклятіе будетъ преслѣдовать ихъ всюду. Если эти лица были орудіемъ въ рукахъ высшаго начальства, то пусть не надѣяться, что они спасутся отъ мести и получатъ только награды и повышенія. За насъ отомстятъ рано или поздно, какъ великимъ, такъ и малымъ. Пусть вспомнятъ губернатора Читы Ильяшевича и иркутскаго чиновника Соловьева. Поруганіе надъ Ковальской не простится никому. Пусть теперь и надъ нами тремя начальство совершаетъ свои жестокости, мы ожидаемъ это, но насъ ничто не страшитъ: кто идетъ на смерть, надъ тѣмъ безсильны людскія пытки. Мы отвѣтимъ молчаливымъ презрѣніемъ на все, чтобы начальство ни предприняло съ нами, и своею смертью наложимъ печать проклятія и клеймо позора на мѣдныхъ лбахъ этой шайки. Проклятіе же вамъ, три изверга: Масюковъ, Архиповъ и Бобровскій, позорящіе собою имя человѣка!"

Полученное въ нашей тюрьмѣ извѣстіе о томъ, что произошло на Усть-Карѣ, вызвало у насъ сильнѣйшее возбужденіе. Поднялись всевозможные толки, вносились разныя предложенія, какъ намъ отнестись къ этой печальной исторіи. Но, какъ всегда это бываетъ, далеко не всѣ заключенные оказались солидарными. Между тѣмъ, какъ наиболѣе крайніе и рѣшительные обвиняли цѣликомъ Масюкова и предлагали расправиться съ нимъ непосредственно, путемъ нанесенія ему личнаго оскорбленія, другіе, болѣе миролюбивые, готовы были даже обвинять во всей этой исторіи самихъ женщинъ, такъ какъ онѣ своей склонностью къ протестамъ дали Масюкову основаніе опасаться, что прямое объявленіе Е. Ковальской объ увозѣ не обойдется безъ крупнаго столкновенія съ ними. Большинство, хотя и очень мирно настроенное, все же находило способъ увоза Елизаветы Ковальской возмутительнымъ, ничѣмъ съ ея стороны невызваннымъ и считало необходимымъ тѣмъ или инымъ способомъ заявить начальству о нашемъ протестѣ противъ этого. Одни находили нужнымъ побудить Масюкова, чтобы онъ самъ постарался скорѣе убраться отъ насъ, такъ какъ своей слабохарактерностью, несообразительностью и трусостью онъ можетъ причинить себѣ и намъ много горя и бѣдъ. Другіе считали необходимымъ направить нашъ протестъ не противъ коменданта, а противъ генералъ-губернатора, какъ главнаго виновника насильственнаго увоза Е. Ковальской. Затѣмъ среди насъ воз-

никли разногласія относительно того, кому именно слѣдуетъ адресовать нашъ протестъ и въ какой формѣ слѣдуетъ составить его. Между тѣмъ какъ одни желали послать его самому же Корфу, другіе предлагали отправить его въ иркутское жандармское управленіе, третьи — тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, гр. Дм. Толстому, а четвертые — въ иностранные газеты. Согласившіеся направить свой протестъ кому-нибудь изъ указанныхъ должностныхъ лицъ расходились относительно его формы: одни желали лишь изложить процессъ увоза Е. Ковальской и указать на то, что мы хотимъ мира и спокойствія, а начальство, прибѣгая къ ничѣмъ не вызванному съ нашей стороны насилію, само толкаетъ насъ на рѣзкій отпоръ. Болѣе крайніе изъ заключенныхъ, не удовлетворяясь этой формой, настаивали на необходимости письменно заявить генералъ губернатору, что послѣ его возмутительного пріема по отношенію Е. Ковальской, мы также не будемъ вставать при его посѣщеніяхъ нашей тюрьмы. Раздавались и совсѣмъ иного рода проекты: предлагали отказаться впредь отъ бритья или заявить коменданту, чтобы онъ не смѣлъ показываться къ намъ въ тюрьму. Но подобнаго рода предложенія не встрѣчали у большинства сочувствія.

Въ тюрьмѣ господствовало сильнѣйшее возбужденіе. Всюду — въ камерахъ, на кухнѣ, во дворѣ, на огородѣ и въ зданіи съ одиночками громко обсуждались исторія увоза Е. Ковальской и проектировавшіяся мѣры протеста. Жандармы, конечно, видѣли и слышали, что происходитъ и тотчасъ же сообщали обо всемъ коменданту. Самъ онъ, послѣ описанной исторіи, къ намъ не показывался, боясь, какъ мы потомъ узнали, какого-нибудь скандала и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не зная, какой найти выходъ изъ создавшагося для него положенія. На помощь къ нему явился вахмистръ Голубцовъ, о которомъ я вскользъ уже упомянулъ. Объ этомъ замѣчательномъ жандармѣ необходимо сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Простой, малограмотный унтеръ-офицеръ, Голубцовъ въ средѣ разныхъ служащихъ положительно выдѣлялся большимъ природнымъ умомъ; онъ обладалъ тѣмъ, что называютъ практическимъ здравымъ смысломъ и отличался удивительной выдержкой и тактомъ. Наблюдая, втеченіе многихъ лѣтъ и при разныхъ комендантахъ, за заключенными политическими, Голубцовъ прекрасно изучилъ наши нравы, взгляды и привычки. Поэтому онъ всегда умѣлъ ладить съ нами и никогда не подавалъ ни малѣйшаго повода къ какому-либо недоразумѣнію. При такихъ своихъ свойствахъ, ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что, будучи нижнимъ чиномъ, онъ вполнѣ подчинилъ себѣ безхарактернаго и недалекаго своего начальника, подполковника Масюкова. Послѣдній шагу не дѣлалъ, не посовѣтовавшись съ Голубцовымъ.

Только одинъ-единственный разъ комендантъ поступилъ противъ мнѣнія своего вахмистра, — въ исторіи увоза Ковальской, положившись на совѣты Архипова и Бобровскаго, — и вскорѣ долженъ былъ въ этомъ сильно раскаяться. Когда же въ женской тюрьмѣ начались печальныя происшествія, онъ снова обратился къ своему подчиненному. Голубцовъ посовѣтовалъ коменданту явиться въ мужскую тюрьму и, чистосердечно разсказавъ намъ обо всемъ происшедшемъ на Усть Карѣ, положиться на наше рѣшеніе. Но трусливый подполковникъ боялся пойти къ намъ, когда въ дѣйствительности ему не угрожала никакая опасность. Видя это, умный вахмистръ предложилъ своему безхарактерному начальнику другой планъ, за который тотъ и ухватился,

Въ третьемъ номерѣ, — въ Якуткѣ, — сидѣлъ Иванъ Калюжный, братъ Маріи Васильевны, прибывшей вмѣстѣ со мною и Чуйковымъ на Кару- Это былъ очень способный, — особенно къ языкамъ, — вѣчно веселый и остроумный человѣкъ, прекрасный товарищъ и любимецъ многихъ. По своимъ воззрѣніямъ Иванъ Калюжный былъ народовольцемъ, и въ 1883 году по процессу 16-ти приговоренъ былъ къ 15 г. каторги. Вмѣстѣ съ нимъ и также на 15 лѣтъ осуждена была жена его, Надежда Смирницкая. Такимъ образомъ, двѣ самыя близкія Ив. Калюжному женщины присутствовали при насильственномъ увозѣ Е. Ковальской и, какъ мы уже знаемъ, затѣяли противъ Масюкова отчаянный протестъ. Зная объ этихъ родственныхъ отношеніяхъ Ив. Калюжнаго, Голубцовъ посовѣтовалъ коменданту обратиться къ нему.

Между тѣмъ, больше недѣли прошло уже со времени увоза Е. Ковальской, и продолжавшаяся неизвѣстность о томъ, что происходитъ въ женской тюрьмѣ на Усть-Карѣ въ сильнѣйшей степени томила многихъ изъ насъ, возбуждая всякія тревоги и опасенія. Наконецъ, однажды вдругъ позвали Ив. Калюжнаго къ коменданту. До исторіи съ Е. Ковальской, Ив. Калюжный, вслѣдствіе особеннаго разрѣшенія генералъ-губернатора, имѣлъ свиданія съ сестрой, для чего ее привозили на Нижнюю Кару. Теперь же комендантъ предложилъ Ив. Калюжному отправиться вмѣстѣ съ нимъ на Усть-Кару. Только поздно вечеромъ вернулся онъ обратно. Тогда всѣ заключенные, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе его возвращенія, собрались въ Якуткѣ на общую сходку — событіе, небывалое въ нашей тюрьмѣ со времени введенія на Карѣ жандармскаго управленія. При гробовомъ молчаніи Ив. Калюжный сообщилъ, что его сестра, Смирницкая и Марія Ковалевская уже седьмой день голодаютъ; затѣмъ онъ передалъ намъ все, что узналъ отъ Масюкова. Послѣдній чистосердечно разсказалъ Калюжному, какъ произошелъ увозъ Е. Ковальской. Получивъ отъ губернатора предписаніе взять Е. Ко-

вальскую „безъ скандала“ и, переодѣвъ въ казенное платье доставить въ Стрѣтенскъ, онъ не зналъ, какъ ему поступить: въ виду раньше уже происходившихъ въ женской тюрьмѣ „скандаловъ“, онъ боялся, что Е. Ковальская и ея подруги рѣзко воспротивятся этому распоряженію; поэтому онъ послѣдовалъ совѣту есаула Архипова и смотрителя уголовныхъ Боровскаго, о чемъ теперь крайне жалѣетъ. Передавая все это, Масюковъ клялся Калюжному всѣми святыми, что при увозѣ Е. Ковальской онъ умышленно не совершалъ никакихъ надъ ней издѣвательствъ и по ея адресу оскорбительныхъ словъ не произносилъ. Въ заключеніе, онъ охотно отдавалъ себя на судъ заключенныхъ въ мужской тюрьмѣ, предлагая намъ произвести подробное разслѣдованіе о его поведеніи. При этомъ онъ обѣщалъ сдѣлать все отъ него зависящее для облегченія хода слѣдствія.

По словамъ Ив. Калюжнаго, Масюковъ имѣлъ крайне прибитый и жалкій видъ; онъ со слезами на глазахъ умолялъ уговорить женщинъ, чтобы онѣ отказались отъ голодовки. Когда затѣмъ Калюжный передалъ сестрѣ и Смирницкой обо всемъ этомъ, онѣ не повѣрили разсказу Масюкова и продолжали стоять на томъ, что уморятъ себя голодомъ. Онъ не въ силахъ былъ отклонить ихъ отъ этого рѣшенія. Эта его неудача крайне огорчила Масюкова. Комендантъ попросилъ его передать все узнанное отъ него намъ, а также и другой женской тюрьмѣ, въ которой, какъ я уже упоминалъ, сидѣли Лешернъ, Ивановская, Якимова, Корба и Ананьина.

Сообщеніе Калюжнаго о происходившей въ то самое время голодовкѣ трехъ женщинъ произвело на собравшихся сильнѣйшее впечатлѣніе. Въ первый моментъ всѣ были какъ бы подавлены услышаннымъ, и на нѣкоторое время воцарилась полная тишина. Сходка эта не походила ни на одну изъ многочисленныхъ, на которыхъ мнѣ до того приходилось присутствовать: хотя и на этотъ разъ не былъ избранъ предсѣдатель, но все время господствовалъ образцовый порядокъ; не было ни громкихъ рѣчей, ни продолжительныхъ споровъ. Обыкновенно всегда молчаливый и при публикѣ крайне застѣнчивый Яцевичъ заговорилъ, помнится мнѣ, первый, дрожащимъ голосомъ. Единодушно принято было чье то предложеніе не расходиться до тѣхъ поръ, пока не рѣшимъ, что намъ предпринять. Вопросъ о насиліи при увозѣ Е. Ковальской сперва отошелъ на второй планъ, — прежде всего надо было поскорѣе прекратить голодовку трехъ женщинъ. Рѣшено было предложить коменданту вновь предоставить свиданіе, на этотъ разъ со всѣми тремя голодающими и не одному Калюжному, но еще и другому выбранному тюрьмой представителю. Эти два лица отъ имени всѣхъ насъ должны были убѣдить женщинъ прекратить голодовку, съ тѣмъ условіемъ, что мы беремъ на себя разслѣдовать поведеніе Масюкова

и, соотвѣтственно результатамъ его, предпримемъ дальнѣйшіе шаги по отношенію къ коменданту. Рѣшено было потребовать у него также свиданіе съ двумя товарищами, находившимися въ вольной командѣ, — Лозяновымъ и Осмоловскимъ, для того, чтобы поручить имъ вести разслѣдованіе объ увозѣ Ковальской. Для переговоровъ обо всемъ вышеизложенномъ съ Масюковымъ выбрали трехъ представителей и черезъ жандарма передали ему, чтобы онъ ихъ вызвалъ къ себѣ. Но трусливый комендантъ побоялся принять всѣхъ трехъ и попросилъ прислать лишь одного представителя. Выбрали Яцевича, поручивъ ему передать Масюкову, что лучше всего онъ сдѣлаетъ, если подастъ просьбу о переводѣ его въ другое мѣсто.

Былъ поздній часъ. Давно прошло время вечерней повѣрки, а между тѣмъ насъ все не запирали въ камерахъ: комендантъ, очевидно, не желалъ стѣснять наше совѣщаніе. Въ слабо освѣщенномъ корридорѣ мрачно расхаживали нѣкоторые изъ заключенныхъ, повидимому мало или вовсе несочувствовавшіе затѣянному женщинами протесту, такъ какъ они опасались всякихъ для насъ усложненій и, быть можетъ, большихъ страданій. Видя, что происходитъ нѣчто очень важное и серьезное у насъ, жандармы столпились у своего столика и тихо перешептывались. Кругомъ чувствовалась какая-то особенная торжественность. По уходѣ Яцевича къ коменданту, нѣкоторые выражали опасеніе, что голодающія женщины не согласятся на наше предложеніе, а потому находили необходимымъ, чтобы наши два уполномоченные заявили имъ, что, разъ онѣ не отказываются отъ голодовки, то и мы приступимъ къ ней, хотя для насъ далеко еще не выяснены были всѣ обстоятельства увоза Ковальской. Другіе настаивали на томъ, что такое заявленіе можно сдѣлать, лишь имѣя увѣренность, что дѣйствительно вся наша тюрьма согласна прибѣгнуть къ голодовкѣ, но въ этомъ нельзя было тогда ручаться даже за большинство сидѣвшихъ у насъ.

Вернувшись отъ коменданта только въ 11 час. вечера, Яцевичъ сообщилъ намъ, что Масюковъ согласился на всѣ наши предложенія. Комендантъ тотчасъ же предоставилъ ему свиданіе съ вольнокомандцами, — Лозяновымъ и Осмоловскимъ и обѣщалъ распорядиться, чтобы всѣ подчиненныя ему лица давали нашимъ „слѣдователямъ“ правдивыя показанія; онъ также согласился передать намъ въ тюрьму результаты ихъ разслѣдованія въ запечатанныхъ конвертахъ безъ предварительнаго своего пересмотра. Осмоловскій, негласно уже самъ занимавшійся разслѣдованіемъ исторіи увоза Ковальской, передалъ Яцевичу, что слухъ, будто бы Масюковъ вмѣстѣ со Архиповымъ и Бобровскимъ отпускалъ шутки и сальности, никѣмъ не подтверждается. Повидимому, изъ присущей Яцевичу деликатности, онъ не рѣшился передать коменданту нашъ совѣтъ хлопотать о переводѣ.

Выбравъ, кромѣ Ив. Калюжнаго, вторымъ уполномоченнымъ для переговоровъ съ голодающими Рехневскаго, мы разошлись по камерамъ послѣ полуночи. Съ тревогой ожидали мы, что принесетъ намъ слѣдующій день: согласятся ли голодающія на наше предложеніе и прекратятъ ли свой протестъ? Послѣ свиданія Яцевича съ комендантомъ и двумя вольнокомандцами, очень немногіе изъ насъ сочувственно относились къ затѣянному тремя женщинами протесту: безобразный характеръ увоза Ковальской не на столько возмущалъ большинство заключенныхъ, въ виду бывавшихъ у насъ въ прошломъ всевозможныхъ насилій надъ политическими, чтобы у многихъ являлась готовность ни предъ чѣмъ не останавливаться въ своемъ протестѣ. Къ тому же Масюковъ положительно былъ жалокъ и не возбуждалъ ни малѣйшей злобы. Кромѣ того, наша тюрьма, послѣ многочисленныхъ испытаній, перенесенныхъ ею въ предшествовавшіе годы, была рада, что, при этомъ комендантѣ, можно было, наконецъ, мирно жить, не боясь никакихъ столкновеній и рѣзкихъ переворотовъ. Затѣянная же тремя женщинами голодовка выбивала всѣхъ насъ изъ колеи и заставляла опасаться, что она можетъ плохо окончиться. Зная характеръ голодающихъ и ихъ нервное состояніе, естественно было предвидѣть, что онѣ будутъ упорно стоять на своемъ, а это, даже противъ желанія большинства изъ насъ, неизбѣжно должно было втянуть и нашу тюрьму въ невыносимо тяжелое положеніе. Эти опасенія вполнѣ подтвердились.

Съ неимовѣрнымъ нетерпѣніемъ ожидали мы на второй день возвращенія съ Усть-Кары нашихъ уполномоченныхъ. Только передъ вечеромъ вернулись они, и всѣ заключенные вновь собрались вмѣстѣ, на этотъ разъ въ нашей, Больничной, камерѣ. Три протестантки согласились пріостановить голодовку, но лишь до тѣхъ поръ, пока Лозяновъ и Осмоловскій закончатъ свое разслѣдованіе. При этомъ онѣ заранѣе выражали увѣренность, что разслѣдованіе подтвердитъ правильность составившагося у нихъ представленія объ увозѣ Ел. Ковальской. Тогда онѣ отправятъ ген.-губернатору телеграмму съ требованіемъ удалить Масюкова, Архипова и Бобровскаго. Если, по прошествіи десяти дней, получится отказъ или вовсе не будетъ никакого отвѣта, онѣ снова начнутъ голодать, независимо отъ того или иного поведенія мужской тюрьмы. Рѣшеніе свое онѣ считали окончательнымъ и безповоротнымъ.

Такой результатъ переговоровъ съ голодающими далеко не удовлетворилъ насъ, такъ какъ наступала лишь краткоременная отсрочка въ невыносимо тяжеломъ и напряженномъ нашемъ состояніи. Едва ли кто нибудь сомнѣвался, что, каковы бы ни были результаты слѣдствія, эти три протестантки останутся при своемъ мнѣніи о глумленіи Масюкова надъ Е. Ковальской,

а, слѣдовательно, пошлютъ барону Корфу требованіе объ удаленіи Масюкова. Нужно было быть крайне наивнымъ и легкомысленнымъ, чтобы хоть на минуту сомнѣваться, каковъ будетъ — если только будетъ, — отвѣтъ генералъ-губернатора. Но мы утѣшали себя надеждой, что быть можетъ до тѣхъ поръ что нибудь неожиданное случится, что помѣшаетъ нашимъ женщинамъ вновь прибѣгнуть къ голодовкѣ. Утѣшительнымъ было уже то, что онѣ прекратили ее хотя на время.

Судя по разсказамъ нашихъ делегатовъ, особенно упорно и яро за самую рѣзкую и крайнюю борьбу съ Масюковымъ стояла М. Ковалевская. Въ ней, по ихъ словамъ, клокотала злоба и ненависть къ Масюкову и къ его двумъ помощникамъ: она, повидимому, рѣшила не отступать ни передъ чѣмъ и вести дѣло до конца. Своей непримиримостью она заразила не только Калюжную и Смирницкую, но также и нашихъ уполномоченныхъ, чего особенно отъ Рехневскаго мы никакъ не ожидали. Возможно было еще допустить, что на Ив. Калюжнаго, жена и сестра котораго голодали, подѣйствуетъ непримиримость нашихъ женщинъ, но мы для того и избрали второго делегата, чтобы онъ постарался склонить протестантокъ къ уступчивости, а не, наоборотъ, самъ отъ нихъ заражался склонностью къ ярымъ протестамъ.

Не менѣе, чѣмъ мы, огорченъ былъ комендантъ отвѣтомъ женщанъ, дававшимъ и ему только отсрочку. Вызвавъ къ себѣ Рехневскаго онъ и ему повторилъ свои увѣренія и клятвы, что онъ не хотѣлъ оскорбить Е. Ковальскую и что онъ не глумился надъ нею. Онъ умолялъ, чтобы наши уполномоченные поскорѣе закончили разслѣдованіе, такъ какъ и для него продолжительная неопредѣленность была тяжела. Но не скоро еще насталъ конецъ этой печальной исторіи.

Предпринятое Лозяновымъ и Осмоловскимъ разслѣдованіе было ими закончено черезъ нѣсколько дней. Опросивъ кого возможно было объ исторіи увоза Е. Ковальсой, они передали намъ въ тюрьму подробный свой отчетъ. Въ немъ подтверждалось выше приведенное описаніе насильственнаго увоза Ковальской, за исключеніемъ лишь пункта объ участіи Масюкова въ глумленіи надъ нею, — относительно этого обстоятельства, особенно раздражавшаго нашихъ трехъ протестантокъ, рѣшительно никто изъ опрошенныхъ не могъ дать ясныхъ и опредѣленныхъ показаній. Было очевидно, что Бобровскій и Архиповъ отпускали какія то шутки и остроты въ то время, когда Ковальскую переодѣвали, но что именно они говорили, а тѣмъ болѣе, принималъ ли Масюковъ участіе въ этомъ, не удалось вполнѣ установить нашимъ слѣдователямъ.

Теперь необходимо было опредѣлить наше отношеніе къ даннымъ разслѣдованія, и всѣ заключенные вновь собрались на общую сходку. На ней обозначилось два направленія: одни на-

ходили обвиненіе Масюкова въ умышленномъ издѣвательствѣ надъ Ковальской недоказаннымъ, но считали его виновнымъ въ насильственномъ ея увозѣ безъ предупрежденія и въ переодѣваніи ея въ присутствіи и при содѣйствіи мужчинъ. Однако, унизительное положеніе, въ которое поставилъ себя комендантъ, предоставившій заключеннымъ производить надъ его дѣйствіями разслѣдованіе, о чемъ знали всѣ мѣстные жители, а также тревоги, волненія и раскаяніе, проявленныя Масюковымъ, служили по мнѣнію сторонниковъ этого взгляда достаточнымъ для него наказаніемъ. Принимая къ тому же во вниманіе его безхарактерность, несообразительность и трусость, они признавали возможнымъ ограничиться однимъ лишь выговоромъ ему съ указаніемъ, чтобы впредь онъ былъ внимательнѣе въ аналогичныхъ случаяхъ. Такое заключеніе другіе находили черезчуръ мягкимъ и настаивали на необходимости отправить генералъ-губернатору заявленіе, въ которомъ, кромѣ изложенія безобразнаго характера увоза Ковальской, было бы еще указано на то, къ какому печальному результату можетъ привести слѣпое и торопливое принятіе низшими должностными лицами репрессивныхъ мѣръ, по ничтожному или даже безъ всякаго съ нашей стороны повода.

Встрѣтивъ сочувствіе среди немногихъ, это предложеніе вызвало горячія возраженія со стороны сторонниковъ первой резолюціи. Послѣдніе указывали, между прочимъ, на то, что начальство посмотритъ на такое заявленіе, какъ на угрозу съ нашей стороны и можетъ отвѣтить на нее репрессіями. Кромѣ того нѣкоторые находили для себя нравственно недоспустимымъ явиться обвинителями Масюкова передъ высшимъ начальствомъ, когда по всему было очевидно, что умышленнаго оскорбленія онъ не желалъ никому причинить. Только одинъ Синковскій, упорно продолжалъ считать коменданта кругомъ виноватымъ и за насиліе надъ Ковальской хотѣлъ нанести ему личное оскорбленіе: но, не встрѣтивъ ни въ комъ ни малѣйшаго сочувствія такого рода расправѣ съ жалкимъ Масюковымъ, долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія.

Такъ какъ сторонники обоихъ заключеній энергично отстаивали ихъ цѣлесообразность и правильность, и, послѣ очень продолжительныхъ дебатовъ они не пришли ни къ какому соглашенію, то въ концѣ концовъ рѣшено было отправить обѣ резолюціи вновь черезъ двухъ уполномоченныхъ отъ насъ на усмотрѣніе трехъ протестанокъ. Кромѣ Ивана Калюжнаго, являвшагося сторонникомъ предположенія о посылкѣ протеста генералъ-губернатору, вторымъ уполномоченнымъ на этотъ разъ выбрали Позена, какъ человѣка, пользовавшагося уваженіемъ, считавшагося умнымъ и тактичнымъ и также стоявшаго лишь за выраженіе порицанія Масюкову. Останавливая

свой выборъ на немъ, разсчитывали, что онъ, какъ сильный діалектикъ, сможетъ склонить М. Ковалевскую къ уступчивости. Но уже тотъ фактъ, что даже мирная мужская тюрьма не могла придти къ одному рѣшенію, являлся чрезвычайно неблагопріятнымъ обстоятельствомъ: расколъ среди насъ долженъ былъ укрѣпить трехъ протестанокъ въ ихъ непримиримости, неуступчивости, да и начальству онъ могъ лишь развязать руки, побудивъ его прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ репрессивнымъ мѣрамъ, по отношенію ко всѣмъ намъ. Къ несчастію, эти соображенія очень немногимъ пришли своевременно на умъ.

Результатомъ переговоровъ нашихъ уполномоченныхъ съ тремя протестантками было то, что онѣ отказались отъ возобновленія голодовки, но рѣшили обратиться къ начальнику иркутскаго жандармскаго правленія съ заявленіемъ, которое излагало обстоятельства, сопровождавшія насильственный увозъ Е. Ковальской и заканчивалось слѣдующимъ образомъ:

„Послѣ указаннаго здѣсь нарушенія комендантомъ Масюковымъ своихъ чисто юридическихъ обязанностей и того оскорбленія, которое онъ нанесъ намъ, какъ женщинамъ, позволивъ жандармамъ, смотрителю (не нашей тюрьмы) и уголовнымъ ворваться къ соннымъ женщинамъ, мы тѣи, оставшіяся въ тюрьмѣ, не находимъ возможнымъ далѣе имѣть какія бы то ни было дѣла съ Масюковымъ, какъ съ представителемъ власти. Мы не можемъ къ нему обращаться по нашимъ дѣламъ, и онъ не можетъ являться въ нашу тюрьму. Желая попробовать легальный путь, мы обращаемся къ Вамъ, какъ къ непосредственному контролеру г. Масюкова съ заявленіемъ о необходимости удалить его отъ занимаемаго имъ мѣста. Если Вы не можете этого сдѣлать на основаніи только нашего заявленія, то мы желали бы, чтобы Вы прибыли сюда лично или прислали довѣренное лицо для разслѣдованія дѣла“.

По мнѣнію многихъ, наиболѣе благоразумныхъ изъ насъ, такое требованіе могло скорѣе побудить начальство оставить Масюкова въ должности коменданта, если бы даже оно само имѣло намѣреніе удалить его, въ виду проявленной имъ полной неспособности завѣдывать политическими заключенными. Поэтому они находили заявленіе трехъ женщинъ, не говоря уже про его стиль, крайне неудачнымъ и могущимъ привести къ самымъ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Но оно все же казалось лучшимъ результатомъ, чѣмъ безцѣльное продолженіе ими голодовки, и мы въ немъ видѣли нѣкоторое для себя облегченіе, такъ какъ развязка вновь отсрачивалась на время.

Въ присланныхъ одновременно съ копіей этого заявленія письмахъ три протестантки довольно ясно выражали намъ свое неудовольствіе, по поводу принятыхъ нами резолюцій, въ особенности тѣми изъ насъ, которые подписали предложеніе о вы-

несеніи лишь выговора Масюкову. „Мы не только не требовали но и не желали вмѣшательства вашей тюрьмы", — писали М. Калюжная и Н. Смитницкая. „Мы сдѣлали большую ошибку, принявъ путь голодной смерти, такъ какъ она слишкомъ медленна и рано или поздно вы должны были узнать о принятой нами мѣрѣ. Благодаря нашей неосмотрительности, намъ необходимо теперь перемѣнить политику, что мы и дѣлаемъ, отправляя заявленіе фонъ Плотто*). Мы положительно не желаемъ, чтобы вы присоединились къ нему, если бы вы почему либо нашли нужнымъ сдѣлать это, такъ какъ для большинства тюрьмы поднятіе этого дѣла является нравственной натяжкой. Конечно, мы не можемъ, да и не имѣемъ права, требовать полнаго невмѣшательства со стороны тюрьмы или, наконецъ, отдѣльныхъ лицъ. Но предоставляемъ имъ дѣлать это совершенно самостоятельно. Подымая этотъ вопросъ, мы сдѣлаемъ все, чтобы послѣдствія его обрушились только на насъ троихъ".

Было ясно, что три протестантки остались крайне недовольными отношеніемъ нашей тюрьмы къ исторіи увоза Е. Ковальской, — къ тому, какъ по нашему мнѣнію, надо было на нее реагировать. Дѣйствительно, какъ мы уже знаемъ, преобладающее большинство у насъ считало возможнымъ удовлетвориться выраженіемъ порицанія коменданту и, лишь какъ уступку крайне возбужденнымъ и нервнымъ нашимъ женщинамъ, допускало предложеніе, чтобы Масюковъ самъ хлопоталъ о переводѣ, такъ какъ при немъ намъ было лучше, вольнѣе, чѣмъ при комъ либо изъ его предшественниковъ. Но, по полученіи вышеприведеннаго заявленія и писемъ трехъ женщинъ, большинство сдѣлало еще уступку, и безъ дебатовъ принято было предложеніе о подачѣ начальству заявленія и отъ насъ. Изложивъ въ немъ исторію увоза Ковальской, какъ она выяснилась разслѣдованіемъ нашихъ уполномоченныхъ и не отвергалась самимъ Масюковымъ, мы указали на возмутительное поведеніе при этомъ исполнителей распоряженій высшихъ властей. Но мы не ставили никакихъ ультиматумовъ, не требовали убрать Масюкова.

Изъ всего числа — около пятидесяти — заключенныхъ въ то время въ нашей тюрьмѣ только 13 человѣкъ не захотѣли подписать это заявленіе, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что они „какъ арестанты, не считаютъ себя въ правѣ выражать начальству свое неудовольствіе по поводу его дѣйствій". То были наши „монархисты„ съ Ѳомичевымъ во главѣ.

---

*) Иркутскому жандармскому полковнику.

XIV.

Новые колонисты. — Продолженіе протестовъ.

Каждый новый случай подачи прошенія о помилованіи, слѣдовавшій за раскаяніемъ Властопуло, производилъ самое тяжелое, удручающее впечатлѣніе, хотя для насъ большинство ихъ не было неожиданностью. Зная о произошедшемъ въ убѣжденіяхъ нѣкоторыхъ переломѣ, мы не только допускали возможность подачи прошенія тѣмъ или инымъ „патріотомъ“ и „монархистомъ“, но нерѣдко даже выражали удивленіе, почему онъ такъ долго не дѣлаетъ этого. Такая нерѣшительность со стороны этихъ лицъ отчасти объяснялась тѣмъ, что они конфузились, стѣснялись передъ остальными заключенными. Только изъ-за такого рода робости иной тянулъ лямку, откладывая со дня на день свое намѣреніе. Не смотря, однако, на совершенно никѣмъ неожиданный случай съ Властопуло, который, казалось, долженъ былъ бы насъ ко всему подготовить, все же было еще два-три большихъ сюрприза, если не для всѣхъ, то для очень многихъ изъ заключенныхъ. Не удивительно поэтому, что у нѣкоторыхъ развилась даже мнительность — у нихъ являлись подчасъ совершенно несправедливыя подозрѣнія относительно того или иного лица.

„Если такіе то подали прошенія, то почему не могутъ послѣдовать ихъ примѣру еще вотъ эти?“ — естественно приходило имъ въ голову, и въ большинствѣ случаевъ эти предположенія дѣйствительно оправдывались. Но не трудно себѣ представить, какъ подобныя заподазриванія другихъ въ политической порядочности должны были вліять на взаимныя отношенія.

Нѣкоторые изъ раскаявшихся поступали открыто, безъ лицемѣрія: они прямо заявляли остальнымъ о своемъ намѣреніи подать прошеніе. Но бывали между ними и малодушные, которые при этомъ маскировались, прибѣгая къ разнымъ неблаговиднымъ уловкамъ и хватаясь за пустые, ничтожные поводы. Поступавшіе открыто укладывали свои вещи и заявляли коменданту черезъ дежурныхъ жандармовъ, чтобы онъ ихъ къ себѣ вызвалъ. Ихъ затѣмъ немедленно уводили отъ насъ въ особенное помѣщеніе, находившееся внѣ тюремной ограды. Пока поданныя ими прошенія шли въ Петербургъ и оттуда получались на нихъ резолюціи, проходило нѣсколько мѣсяцевъ

во время которыхъ раскаявшіеся пользовались разными льготами. Затѣмъ изъ Петербурга приходили распоряженія отправить этихъ лицъ на поселеніе въ хорошія мѣста, гдѣ имъ предоставляли полную свободу. Уходъ изъ тюрьмы, вслѣдствіе поданнаго прошенія, на нашемъ діалектѣ назывался переселеніемъ „въ колонію“. Наименованіе „колонистъ“, произносившееся съ брезгливостью, стало вскорѣ довольно популярнымъ и его считали позорнымъ не только всѣ политическіе ссыльные въ Сибири, но также и наиболѣе порядочные мѣстные обыватели.

Съ уходившими „въ колонію“, мы, заключенные въ тюрьмѣ и наши товарищи — вольнокомандцы, навсегда прерывали всякія сношенія, — объ этомъ, послѣ продолжительныхъ дебатовъ, у насъ состоялось особенное постановленіе. Такой исключительный пріемъ относительно нихъ, въ общемъ, былъ необходимъ затѣмъ, чтобы всякаго рода начальство и мѣстное населеніе понимали различіе между „раскаявшимися“ и нераскаявшимися политическими. Нѣкоторые изъ насъ считали совершенно невозможнымъ сколько-нибудь снисходительно относиться къ „колонистамъ“, такъ какъ послѣдніе однимъ почеркомъ пера навсегда отреклись отъ всего своего прошлаго, одной бумажкой уничтожили все то, что еще недавно и имъ было дорого, за что и они перенесли столько лишеній и страданій. Кромѣ политическаго и моральнаго значенія, эти отреченія наносили остальнымъ заключеннымъ еще прямой вредъ: облегчая положеніе раскаявшихся и, наоборотъ, усиливая репрессіи по отношенію къ остающимся вѣрными революціоннымъ взглядамъ, начальство расчитывало побудить и послѣднихъ подавать просьбы о помилованіи. Такимъ образомъ колонисты, пріобрѣтая для себя всякія удобства и облегченія, тѣмъ самымъ являлись причиной ухудшенія и безъ того незавиднаго положенія своихъ вчерашнихъ товарищей. Можно поэтому понять, почему нѣкоторые, болѣе экспансивные изъ заключенныхъ питали къ „колонистамъ“ не только презрѣніе, но и личную злобу. Мнѣ же казалось, что между ними слѣдовало отличать болѣе и менѣе виновныхъ. Помня пословицу, что, „снявши голову, по волосамъ не плачутъ“, я находилъ вполнѣ естественнымъ и даже неизбѣжнымъ актъ подачи прошеній со стороны лицъ, отказавшихся отъ революціонныхъ воззрѣній и склонившихся къ патріотизму. Отъ нихъ можно было требовать лишь искренности и правдивости. Къ тому же въ возникновеніи среди нѣкоторыхъ заключенныхъ разочарованія въ прошлой революціонной дѣятельности были лишь отчасти виноваты индивидуальныя, личныя ихъ качества, — главной причиной, какъ я уже неоднократно упоминалъ, являлись общія условія, какъ Россіи вообще, такъ нашей тюремной жизни — въ частности. Я, поэтому, считалъ несправедливымъ рѣзко осуждать всѣхъ безъ различія

„колонистовъ". По поводу отношенія къ нимъ между нѣкоторыми изъ насъ были крупныя разногласія и иногда происходили большія схватки. Верхъ одержали крайніе, настоявшіе, какъ я уже сказалъ, на полномъ разрывѣ всякихъ сношеній съ колонистами: даже раскланиваться съ ними считалось уже предосудительнымъ.

Можно было рѣзко осуждать подачу прошенія со стороны Властопуло, человѣка вполнѣ интеллигентнаго, чуть не наканунѣ еще являвшагося самымъ крайнимъ террористомъ; но рѣшительно нельзя было такъ же строго отнестись къ послѣдовавшимъ за нимъ Евсѣеву, Хохлову, Иванченко и Александру Калюжному. О каждомъ изъ этихъ лицъ, какъ и о всѣхъ другихъ подавшихъ прошенія, я скажу по нѣсколько словъ.

Уходъ Евсѣева въ колонію не былъ ни для кого неожиданнымъ и меньше всего огорчилъ насъ, такъ какъ онъ не пользовался въ тюрьмѣ ни малѣйшей симпатіей. Не развитый, озлобленный противъ всѣхъ и крайне вспыльчивый, онъ раньше другихъ изъ яраго террориста превратился въ монархиста и, когда Властопуло открылъ шествіе, Евсѣевъ не замедлилъ послѣдовать за нимъ. „Туда ему и дорога", — говорили нѣкоторые.

Его сопроцессникъ Хохловъ крѣпился нѣкоторорое время. Однажды во время прогулки онъ обратился ко мнѣ съ просьбой подарить ему на память одну изъ принадлежавшихъ мнѣ книгъ, — послѣднія считались у насъ частной собственностью, находившейся въ общемъ пользованіи. На мой вопросъ, собирается ли онъ уйти изъ тюрьмы, онъ заявилъ, что рѣшилъ подать прошеніе о помилованіи. Онъ прибавилъ затѣмъ, что такое намѣреніе давно уже явилось у него, но не хватало рѣшимости исполнить его. Изъ товарищескаго чувства онъ отказался бы отъ этого шага, если бы не былъ осужденъ на столь продолжительный срокъ (20 л.). Онъ говорилъ дальше, что разстается съ товарищами съ большимъ сожалѣніемъ и выноситъ къ нимъ глубокую благодарность за всю ту пользу, какую они ему оказали. Въ тотъ же день Хохловъ обратился къ нашему старостѣ съ просьбой объявить по всѣмъ камерамъ объ его уходѣ въ колонію.

Ярый монархистъ рабочій Иванченко за долго до подачи прошенія сообщилъ остальнымъ о такомъ своемъ намѣреніи. Но онъ рѣшилъ уйти въ колонію, когда минетъ ровно десять лѣтъ со дня его ареста (въ февралѣ 1879 г.). Въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ раскаявшихся, которые все же стыдились этого шага, Иванченко, наоборотъ, говорилъ о немъ съ полнымъ сознаніемъ своей правоты: „ничего нѣтъ унизительнаго въ томъ, во что вѣрятъ милліоны русскаго народа" (т. е. въ царя), — заявлялъ онъ.

Крѣпился также долго и мичманъ Александръ Колюжный, которому оставалось уже немного лѣтъ до окончанія срока каторги. Онъ, вѣроятно, дотянулъ бы до конца, если бы Властопуло не открылъ шествія, и не начались у насъ осложненія по поводу увоза Е Ковальской. Намъ онъ мотивировалъ свой уходъ изъ тюрьмы тѣмъ, что не одобряетъ поведенія женщинъ и не сочувствуетъ нашему отношенію къ описанной мною исторіи. Все это, по его словамъ, ставило его въ тяжелое и фальшивое положеніе. На сколько было правды въ его словахъ, не берусь судить.

Эти четыре лица были болѣе или менѣе давно извѣстны, какъ ярые патріоты и монархисты; они не отличались развитіемъ и къ тому же поступили довольно открыто, когда надумали уйти въ колонію. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло съ Андреемъ Баламезомъ. Объ этомъ господинѣ слѣдуетъ разсказать нѣсколько подробнѣе.

Болгаринъ по происхожденію, обучавшійся нѣкоторое время, въ одесскомъ реальномъ училищѣ, Андрей Баламезъ 18 лѣтъ былъ арестованъ въ 1878 г. Во время дознанія онъ не только выдавалъ другихъ, но, разгуливая по улицамъ Одессы съ переодѣтыми жандармами, указывалъ имъ розыскиваемыхъ нелегальныхъ революціонеровъ. Такимъ то образомъ былъ взятъ Чубаровъ, который, какъ извѣстно, былъ затѣмъ казненъ. Но подъ чьимъ то вліяніемъ А. Баламезъ на судѣ отказался отъ всѣхъ своихъ показаній, и его приговорили къ 20 г. каторжныхъ работъ. Идя съ большой партіей политическихъ, онъ по дорогѣ на Кару держалъ себя хорошо. Въ виду его молодости, раскаянія и полученнаго имъ огромнаго срока, товарищи рѣшили совершенно забыть его гнусное поведеніе до суда. На Карѣ А. Баламезъ, въ теченіе 8-9 лѣтъ всегда являлся самымъ крайнимъ и рѣшительнымъ революціонеровъ. Онъ также сдѣлалъ въ маѣ 1882 г. попытку бѣжать изъ Карійской тюрьмы, за что получилъ надбавку срока еще въ 10 лѣтъ; все это вмѣстѣ взятое вполнѣ примирило съ нимъ многихъ, хотя далеко не всѣхъ, и у него имѣлись пріятели среди наилучшихъ людей въ тюрьмѣ.

Но подъ красивой, подкупающей внѣшностью, — Баламезъ былъ высокого роста, прекрасно сложенъ, съ очень правильными и выразительными чертами лица, — скрывалась жалкая, низменная душенка. Достаточно сказать, что, какъ потомъ оказалось, онъ тайкомъ похищалъ изъ общественнаго сундука чай, сахаръ и т. п. Наконецъ, по его заявленію, ему не въ моготу стало сидѣть, сложа руки въ тюрьмѣ: онъ хочетъ работать на революціонномъ поприщѣ, онъ можетъ совершить какой нибудь террористическій фактъ, для этого ему нужно бѣжать. Такъ жить дальше онъ не можетъ, иначе онъ сойдетъ съ ума. Но бѣжать изъ карійской тюрьмы не возможно; ему, по-

этому, необходимо добиться, чтобы его перевели въ какое нибудь другое мѣсто, хотя бы въ Верхнеудинскую центральную тюрьму, а по дорогѣ туда онъ попытается убѣжать; ему это навѣрное удастся, а если нѣтъ, то лучше уже быть застрѣленнымъ конвоемъ, чѣмъ такъ жить, оставаясь на Карѣ и т. д. въ этомъ родѣ. Баламезъ до того искусно разыгралъ эту роль, а пріятели его были на столько довѣрчивы, что, когда за нимъ явились жандармы, чтобы увести его, то въ тюрьмѣ происходили сцены трогательнаго съ нимъ прощанія. Долго еще дурачилъ онъ легковѣрныхъ, живя съ колонистами въ одномъ помѣщеніи, пока вахмистръ Голубцовъ въ разговорѣ съ кѣмъ то изъ заключенныхъ не воскликнулъ съ удивленіемъ: „Какъ? Вы развѣ не знаете: Баламезъ давно подалъ прошеніе!“

Впослѣдствіи до насъ дошелъ слухъ, что этотъ пройдоха получилъ полную свободу и уѣхалъ въ Болгарію, гдѣ Стамбуловъ сдѣлалъ его не то полиціймейстеромъ, не то смотрителемъ тюрьмы. Если этотъ слухъ былъ вѣренъ, то не трудно себѣ представить, какую роль долженъ былъ играть этотъ низкій человѣкъ во время всевозможныхъ звѣрствъ, путемъ которыхъ, какъ извѣстно, Стамбуловъ удерживалъ въ своихъ рукахъ власть.

Роднымъ по духу Баламезу оказался Степанъ Оссовскій. Крестьянинъ Бесарабской губерніи, кузнецъ и земледѣлецъ, онъ окончилъ уѣздное училище и также какимъ то образомъ затѣсался въ революціонную среду. Затѣмъ, въ 1883 г. онъ былъ кіевскимъ военнымъ судомъ приговоренъ въ Сибирь на поселеніе. Оттуда почему то послалъ онъ на имя царя заявленіе, переполненное бранными словами, за что сенатъ за-очно приговорилъ его къ 6 годамъ каторжныхъ работъ. По дорогѣ онъ сдѣлалъ попытку бѣжать, и ему прибавили еще одинъ годъ. Къ намъ онъ прибылъ зимой 1887 г. и въ началѣ произвелъ недурное впечатлѣніе. Но вскорѣ онъ сталъ обнаруживать непріятныя черты характера, а осенью 1889 г. Оссовскій не только подалъ прошеніе о помилованіи, но сдѣлался еше доносчикомъ: онъ выдалъ начальству способъ нашей конспиративной почты, которая, поэтому, на долго была прекращена, онъ сообщилъ, что въ тюрьмѣ имѣются запрещенныя изданія, почему, по предписанію изъ департамента полиціи произведенъ былъ генеральный обыскъ, ничего, однако, не обнаружившій; Оссовскій также разсказалъ многое другое еще о заключенныхъ, чѣмъ причинилъ намъ и женской тюрьмѣ массу вреда.

Непріятно разсказывать о такихъ субъектахъ, какъ Цыпловъ, Мельниковъ, Баламезъ и Оссовскій: тяжело вспоминать, что такіе господа сидѣли въ политической тюрьмѣ и считались нашими товарищами въ теченіе многихъ лѣтъ.

Въ другомъ родѣ, чѣмъ Баламезъ, также одурачилъ многихъ Николай Позенъ, который, какъ я уже говорилъ, считался однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ людей въ тюрьмѣ. Дѣло въ томъ, что, живя долгое время въ одной камерѣ съ Ѳомичевымъ, Позенъ вѣчно раздражалъ его своими спорами. Искренній и честный, хотя и не особенно умный монархистъ Хома, какъ мы уже знаемъ, не выносилъ нападокъ на царя, правительство и, вообще, на все русское. Позенъ же, которому совершенно безразлично было о чемъ ни спорить, нарочно заводилъ съ Ѳомичевымъ разговоры на самыя дорогія для послѣдняго темы и своими возраженіями доводилъ его до бѣшенства. Однажды въ припадкѣ болѣзненнаго, нервнаго возбужденія Ѳомичевъ прикоснулся рукой до спины Позена и воскликнулъ: „Позенъ, я васъ ударилъ!“ хотя по собственнымъ словамъ послѣдняго никакого удара онъ не почувствовалъ. Въ другой разъ еще болѣе возбужденный больной Хома уже дѣйствительно хватилъ Позена по лицу мокрой тряпкой. Но обѣимъ этимъ выходкамъ ни самъ Позенъ, ни другой кто въ нашей тюрьмѣ не придалъ никакого значенія, считая ихъ проявленіями болѣзненнаго состоянія Хомы. Вскорѣ затѣмъ Ѳомичевъ былъ помѣщенъ въ тюремномъ лазаретѣ, но, совсѣмъ оправившись по прошествіи нѣкотораго времени, онъ вернулся къ намъ обратно въ тюрьму, противъ чего никто изъ заключенныхъ не выразилъ протеста. Тогда Позенъ разыгралъ роль оскорбленнаго невниманіемъ къ нему товарищей, — какъ могли согласиться на возвращеніе Ѳомичева, не спросивъ его, Позена, котораго тотъ будто бы жестоко обидѣлъ. Такое отношеніе къ нему совершенно разстроило бѣднягу: онъ не можетъ оставаться въ тюрьмѣ, ему необходимо хотя на время уйти въ лазаретъ, чтобы успокоиться, привести въ порядокъ свои нервы. Пріятели Позена, конечно, повѣрили этой выдумкѣ и выражали ему свое соболѣзнованіе и сочувствіе. Гурьбой провожали они его до тюремной калитки, когда его уводили въ лазаретъ и, на прощанье, выражали ему пожеланія, поправивъ свое здоровье, вернуться обратно.

Не трудно представить себѣ, какъ, очутившись за тюремной оградой, онъ посмѣялся надъ ихъ легковѣріемъ. Черезъ нѣсколько дней мы узнали, что Позенъ подалъ прошеніе о помилованіи.

И не смотря на такіе сюрпризы, какіе доставили намъ Властопуло и Позенъ, — многихъ все же удивилъ уходъ въ колонію Емельянова. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было представить себѣ, чтобы одинъ изъ метальщиковъ бомбъ перваго марта 1881 г. могъ припасть къ стопамъ трона Александра III, отца котораго онъ собирался убить. Но для меня и нѣкоторыхъ другихъ рѣшеніе Емельянова не было вовсе неожиданнымъ. Я хорошо помнилъ разговоръ, происходившій у меня съ нимъ,

тотчасъ послѣ ухода въ колонію Властопуло, бывшаго лучшимъ его другомъ въ тюрьмѣ. Емельяновъ не только оправдывалъ поступокъ послѣдняго, но даже съ цинизмомъ утверждалъ, что вскорѣ его примѣру послѣдуютъ чуть ли не всѣ заключенные.

— Помяните мое слово, говорилъ онъ, не далекъ тотъ день, когда гурьбой потянутся въ колонію. У калитки столпится столько желающихъ поскорѣе попасть туда, что жандармамъ трудно будетъ пересчитать ихъ.

При этомъ Емельяновъ изображалъ картину массового бѣгства къ подножію трона. Таково, по его мнѣнію, было настроеніе многихъ.

— Это вполнѣ естественно, — помню, сказалъ онъ въ заключеніе: если Левъ Тихомировъ раскаялся, то намъ, грѣшнымъ и богъ велѣлъ!

Послѣ этого разговора, хотя прошло 6-7 мѣсяцевъ и другіе „монархисты“ уходили въ колонію, но Емельяновъ оставался съ нами въ тюрьмѣ. Можно было думать, что онъ забылъ о своемъ предсказаніи. Онъ, правда, всегда защищалъ колонистовъ, когда на нихъ нападали заключенные, но ему никѣмъ не ставилось это въ вину, такъ какъ многіе считали эту защиту лишь стремленіемъ къ справедливости, безпристрастію и миролюбію. Въ виду обмановъ и хитростей, къ которымъ прибѣгли Баламезъ и Позенъ, приходилось Емельянову ставить въ заслугу уже то, что онъ прямо заявилъ заключеннымъ о своемъ рѣшеніи уйти въ колонію. Я вновь имѣлъ съ нимъ разговоръ предъ самымъ его уходомъ. Онъ объяснилъ свое рѣшеніе не перемѣной убѣжденій, каковая, по его словамъ, не была у него столь радикальной, чтобы онъ не могъ жить съ нами, но тѣмъ, что ему невыносимо оставаться въ тюрьмѣ, въ виду возникшихъ у насъ исторій изъ-за увоза Ковальской. Чтобы освободиться отъ тяжелой для него совмѣстной жизни, онъ будто бы черезъ родныхъ хлопоталъ о переводѣ его въ Шлиссельбургскую крѣпость, но, не добившись этого, принужденъ прибѣгнуть къ единственному остающемуся у него способу уйти изъ нашей тюрьмы — къ подачѣ прошенія о помилованіи.

Къ нему начальство оказалось почему то особенно благосклоннымъ, такъ какъ ему дозволено было отправиться въ резиденцію генералъ-губернатора Пріамурскаго края, въ г. Хабаровскъ, гдѣ не разрѣшалось тогда селиться никому даже изъ раскаявшихся политическихъ преступниковъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, бывшій цареубійца Емельяновъ, нѣкогда приговоренный къ смертной казни, сдѣлался мирнымъ обывателемъ, пріобрѣлъ связи въ обществѣ и довольно большое состояніе. Ниже мнѣ, вѣроятно, придется еще упомянуть о немъ.

Какъ мы уже знаемъ, нѣкоторые изъ колонистовъ мотивировали свой уходъ изъ нашей тюрьмы возбужденіемъ, которое возникло у насъ вслѣдствіе насильственнаго увоза Ковальской. Такая мотивировка не была лишь пустой придиркой съ ихъ стороны: при ихъ крайне мирномъ настроеніи, имъ дѣйствительно могло быть не по себѣ оставаться среди насъ и, такимъ образомъ, противъ собственныхъ убѣжденій и желаній, участвовать или даже только санкціонировать разные наши протесты противъ начальства. Но кромѣ того, ихъ недовольство волненіями въ женской и мужской тюрьмахъ объяснялось еще опасеніями съ ихъ стороны всякого рода репрессій. Такой именно характеръ имѣлъ въ особенности уходъ въ колонію рабочаго Николая Хрущова: онъ подалъ прошеніе въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ въ жизни заключенныхъ на Карѣ, когда начальство, чтобы напугать насъ, пригрозило намъ примѣненіемъ всякихъ наказаній, что вызвало чрезвычайное возбужденіе среди насъ, — объ этомъ въ своемъ мѣстѣ сообщу подробнѣе.

Рѣшеніе уйти въ колонію этого едва-ли не наиболѣе выдающагося и способнаго рабочаго, бывшаго, не смотря на его крутой и своенравный характеръ, чуть не всеобщимъ любимцемъ, ни для кого не явилось неожиданнымъ: нѣкогда ярый террористъ, Хрущевъ также перешелъ въ монархисты, когда въ нашей тюрьмѣ распространилось это повѣтріе. Но личныя симпатіи и дружба съ наилучшими людьми долго удерживали его отъ этого шага. Всѣ ясно видѣли, что компаніонъ знаменитаго Мышкина, которому, какъ я уже сообщалъ, въ 1882 году была предоставлена первая очередь для побѣга изъ тюрьмы, началъ особенно сильно „дурить“, фыркать и нападать на интеллигенцію. Но при всемъ этомъ никто не предполагалъ, что Хрущовъ способенъ подать прошеніе въ столь неподходящій моментъ, могущій особено сильно повредить остающимся въ тюрьмѣ, такъ какъ начальство должно было подумать, что его угроза прибѣгнуть къ наказаніямъ возымѣла свое дѣйствіе.

Большимъ еще для всѣхъ сюрпризомъ, почти такимъ же, какъ раскаяніе Властопуло, былъ уходъ въ колонію (весной 1900 г.) стараго, всѣми уважаемаго Николая Буха, и, что особенно замѣчательно въ этомъ случаѣ, его рѣшеніе было для него самого вполнѣ неожиданнымъ.

Бухъ былъ однимъ изъ первыхъ пропагандистовъ начала 70-хъ гг. Скомпрометированный по дѣлу пропаганды въ 33 губерніяхъ, онъ сталъ нелегальнымъ еще въ 1874 г. и съ тѣхъ поръ, въ теченіе болѣе шести лѣтъ, оставался въ Россіи, участвуя въ революціонномъ движеніи, сперва на югѣ, въ нашемъ бунтарскомъ кружкѣ, о которомъ Дебагорій-Мокріевичъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, а за тѣмъ на сѣверѣ

Когда же въ 1879 г. общество „Земля и Воля“ распалось, Бухъ примкнулъ къ „Народной Волѣ“. Въ началѣ 1880 г. онъ вмѣстѣ съ Цукерманомъ и Софіей Ивановой, былъ взятъ въ типографіи этой организаціи, причемъ участвовалъ въ оказанномъ арестованными лицами вооруженномъ сопротивленіи; за это его приговорили къ 15 годамъ каторжныхъ работъ.

Молчаливый, крайне замкнутый и сосредоточенный въ себѣ, Н. Бухъ отличался прямотой, искренностью и преданностью революціонному дѣлу. Одна его черта — чрезвычайная разсѣянность, какъ на волѣ, такъ и на Карѣ, служила неисчерпаемымъ источникомъ всевозможныхъ анекдотовъ, къ которымъ и онъ самъ относился съ добродушной насмѣшкой. Въ карійской тюрьмѣ, гдѣ мы встрѣтились, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки, Бухъ все время проводилъ на нарахъ, уткнувши голову въ книгу, вполнѣ равнодушный къ тому, что кругомъ него происходило. Онъ отличался счастливымъ свойствомъ не слышать ничего, даже когда возлѣ него говорили о немъ самомъ: необходимо было окликнуть его, чтобы онъ, повернувъ голову, воскликнулъ: „а? что?“ Онъ крайне рѣдко вступалъ въ какіе-либо разговоры, а тѣмъ болѣе споры; Бухъ также въ значительной степени побѣлѣлъ на Карѣ, но никто не допускалъ ни на минуту предположенія, чтобы онъ могъ подать просьбу о помилованіи. Не говоря уже о его революціонномъ прошломъ, являвшемся гарантіей въ этомъ отношеніи, для него не было и никакой практической надобности въ такомъ актѣ, такъ какъ его скоро должны были выпустить въ вольную команду, да и до выхода на поселеніе ему немного времени оставалось. Тѣмъ чрезмѣрнѣе было мое удивленіе, когда, однажды утромъ, Бухъ, подошедши ко мнѣ во время прогулки, сказалъ, что онъ рѣшилъ подать прошеніе. Я сперва подумалъ, что онъ шутитъ, но одного взгляда на его лицо было достаточно, чтобы убѣдиться въ противномъ. Всегда спокойный, Бухъ на этотъ разъ былъ крайне взволнованъ: голосъ его дрожалъ, въ глазахъ блестѣли слезы.

— Когда ты надумалъ это? — спросилъ я, съ изумленіемъ.

— Только сегодня на разсвѣтѣ, — отвѣтилъ онъ: — я получилъ вчера отъ брата письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ, что старикъ-отецъ предъ смертью хочетъ свидѣться со мною и умоляетъ меня сдѣлать это. Сперва я считалъ для себя невозможнымъ такой поступокъ, но вновь и вновь перечитывая письмо, сталъ склоняться къ этому предложенію. Я не спалъ всю ночь и къ утру рѣшилъ окончательно.

— Будешь сожалѣть впослѣдствіи: вѣдь ты ставишь крестъ надъ всѣмъ своимъ прошлымъ, — сказалъ я.

— Можетъ быть и пожалѣю, но какой же я теперь революціонеръ?

Мы шли нѣкоторое время молча. Затѣмъ онъ замѣтилъ:

— Какъ странно вышло у меня: еще на дняхъ я подписалъ протестъ противъ Н. за пущенный имъ слухъ, что Д. перешелъ къ колонистамъ, а сегодня самъ присоединяюсь къ ихъ компаніи.

Отвернувъ голову нѣсколько въ сторону, онъ кулакомъ сталъ вытирать катившіяся по щекамъ слезы.

— Тяжело разставаться со всѣми вами: вѣдь столько пережито вмѣстѣ!.. Разговоръ не клеился, и мы попрощались.

Внезапное рѣшеніе Н. Буха наглядно показываетъ, сколь немногое нужно было въ тотъ мрачный періодъ нѣкоторымъ изъ заключенныхъ, чтобъ склонить ихъ къ подачѣ прошенія. Изъ частыхъ разговоровъ съ нимъ я зналъ, что раньше онъ вовсе не питалъ особенной привязанности къ своему отцу, важному сановнику, бывшему одно время министромъ финансовъ въ Болгаріи. Едва ли, поэтому, просьба старика свидѣться побудила Н. Буха къ этому шагу, но на него несомнѣнно повліяли доводы старшаго его брата, котораго онъ очень уважалъ и цѣнилъ[1]).

Н. Бухъ былъ, такимъ образомъ, тринадцатымъ человѣкомъ, подавшимъ прошеніе о помилованіи во время моего пребыванія въ карійской тюрьмѣ.

Разсказомъ о лицахъ, ушедшихъ въ колонію, я нѣсколько нарушилъ хронологическій порядокъ, — мнѣ необходимо вернуться назадъ къ богатому всевозможными событіями 1889 году.

Вольности, которыми мы стали пользоваться при комендантѣ Масюковѣ, дали намъ, между прочимъ, возможность провести Рождественскіе праздники и встрѣтить Новый годъ совсѣмъ необычнымъ въ нашей тюрьмѣ образомъ: не смотря на надзоръ жандармовъ, мы ухитрились получить къ этимъ днямъ цѣлое ведро водки. Такое количество живительной влаги, при сорока съ чѣмъ-то заключенныхъ въ то время, являлось, конечно, небольшимъ; но для насъ, давно отвыкшихъ отъ какихъ бы то ни было крѣпкихъ напитковъ, 2-3 глотковъ водки было достаточно, чтобы придти въ чрезвычайно веселое состояніе. Нѣкоторые веселились во всю,—пѣли, плясали, боролись. Жандармы,

---

[1]) Левъ Бухъ нѣкогда также былъ немного причастенъ къ революціи; скомпрометировавшись по какому-то обстоятельству, онъ вначалѣ 80-хъ годовъ бѣжалъ за границу, гдѣ считался народовольцемъ; затѣмъ онъ раскаялся и подалъ прошеніе о помилованіи, — ему разрѣшено было вернуться въ Петербургъ. Тамъ онъ сталъ печатать по политико-экономическимъ вопросамъ статьи, въ которыхъ опровергалъ теорію стоимости Маркса. Изданная имъ на эту же тему книга была переведена на нѣмецкій языкъ и удостоилась одобрительныхъ отзывовъ со стороны Э. Бернштейна и др. оппортунистовъ.

сообразивъ, вскорѣ, въ чемъ было дѣло, ограничились просьбами не очень шумѣть, чтобы не привлечь вниманія наружнаго караула. Такъ весело начавшійся годъ, былъ самымъ трагическимъ въ исторіи карійскихъ политическихъ тюремъ.

Вслѣдствіе поданнаго нами и женщинами заявленія по поводу насильственнаго увоза Е. Ковальской, въ концѣ февраля къ намъ пріѣхалъ изъ Иркутска начальникъ мѣстнаго жандармскаго правленія полковникъ фонъ-Плотто. Это былъ добродушный старикъ, непричинившій намъ никакого вреда. При обходѣ нашихъ камеръ, онъ старался оправдать поведеніе коменданта, говоря, что Е. Ковальская давала основаніе опасаться сопротивленія: „если-бы ее предупредили, — сказалъ онъ, — вышло-бы еще хуже". Я возразилъ, что такія предположенія еще не давали права должностнымъ лицамъ поступать такъ, какъ они себѣ позволили. Выслушавъ меня молча, фонъ-Плотто со вздохомъ удалился. Въ „Синедріонѣ" вышла такая сцена. Увидавъ, что Санковскій въ шапкѣ, фонъ-Плотто, замѣтилъ ему: „слѣдовало бы снять шапку".

— Если вы хотите по поводу этого поговорить со мною, то идемте на корридоръ, — отвѣтилъ Санковскій, имѣя въ виду не вмѣшивать товарищей въ исторію, въ случаѣ непріятнаго для полковника окончанія такого объясненія. Но, вновь вздохнувъ, фонъ-Плотто молча вышелъ, не принявъ столь рискованнаго предложенія.

Въ женскую тюрьму фонъ-Плотто захотѣлъ явиться вмѣстѣ съ комендантомъ. Но Масюковъ, не посѣщавшій этой тюрьмы со времени увоза Ковальской, побоялся отправиться туда, говоря, что опасается личнаго себѣ оскорбленія со стороны какой нибуль изъ заключенныхъ. Фонъ-Плотто убѣдилъ его не бояться этого. Однако, комендантъ все же не рѣшился прямо войти въ женскую тюрьму, а, оставшись на крыльцѣ, предварительно послалъ старшаго жандарма спросить заключенныхъ женщинъ, примутъ ли онѣ его? Услышавъ этотъ вопросъ, Марія Ковалевская закричала: „пусть-ка попробуетъ!". Масюковъ, постоявъ нѣсколько минутъ, удалился съ понуренной головой. Фонъ-Плотто затѣмъ одинъ зашелъ къ нашимъ женщинамъ и сказалъ имъ, что Масюковъ при всѣхъ жандармахъ извинится передъ ними, но онѣ категорически отвергли это предложеніе, настаивая на удаленіи коменданта: „чтобы всѣ въ Сибири знали, что съ политическими женщинами нельзя безнаказанно такъ обращаться, какъ это было съ Ковальской". Фонъ-Плотто согласился, что комендантъ сдѣлалъ ошибку, но убѣждалъ женщинъ пожалѣть семью Масюкова, живущую его жалованьемъ. Когда же онѣ рѣшительно настаивали на его удаленіи, фонъ-Плотто обѣщалъ имъ въ заключеніе перевести его на другую службу въ Сибири.

Къ описанному времени число заключенныхъ женщинъ увеличилось пятью лицами: Саловой и Добрускиной — по процессу Лопатина, Тринитадской и Сигидой—по Таганрогскому процессу и Ананьиной—по дѣлу 1 марта 1887 г. Къ тому же всѣ политическія женщины были переведены съ Усть-Кары на такъ назыв. Отрядъ, находившійся отъ нашей тюрьмы всего въ 4-хъ верстахъ. Только Россикова и Богомолецъ помѣщались въ лазаретѣ на Нижней Корѣ.

Когда до насъ дошелъ слухъ, что женщины отказались принять отъ Масюкова извиненіе, то многіе очень сожалѣли объ этомъ, такъ какъ находили, что это былъ бы для нихъ самый почетный выходъ изъ положенія. Поэтому нѣкоторые упрекали ихъ за упрямство и недальновидность, предвидя, что затѣянная ими борьба можетъ очень печально окончиться. На такую перспективу, кромѣ знакомства съ системой тогдашняго реакціоннаго правительства, наводила попавшая въ наши руки копія предписанія начальника главнаго тюремнаго управленія Галкина-Врасскаго завѣдующему политическими заключенными на о-вѣ Сахалинѣ. Въ этой бумагѣ говорилось, что за нарушеніе тюремной дисциплины этими каторжными допускаются наказанія розгами и плетьми.

По поводу этого предписанія у насъ начались дебаты, какъ намъ къ нему отнестись, — не слѣдуетъ ли, въ предупрежденіе появленія такого же распоряженія и по отношенію къ намъ, уже теперь такъ или иначе выразить свой протестъ, адресовавъ его министру внутреннихъ дѣлъ, какъ предлагали одни, или обществу, по мнѣнію другихъ. Но въ концѣ концовъ большинство заключенныхъ согласилось промолчать объ этомъ фактѣ, чтобы своимъ протестомъ не предупреждать событій. Только пылкій и ярый Санковскій остался недоволенъ этимъ рѣшеніемъ и пустилъ по тюрьмѣ двѣ прокламаціи. Въ одной, озаглавленной „проснись, каріецъ!“, онъ призывалъ насъ къ мести за нанесенное намъ правительствомъ оскорбленіе; въ другой онъ объявлялъ о возникновеніи „Тайнаго общества“ для осуществленія этой мести. Одни изъ насъ считали эти прокламаціи лишь пустой мистификаціей, цѣлью которыхъ было побудить заключенныхъ къ какимъ нибудь рѣшительнымъ мѣрамъ; другіе, видя крайнее возбужденіе Санковскаго, высказывали опасеніе, какъ бы онъ дѣйствительно не выкинулъ чего-либо. Не знаю, самъ ли Санковскій передумалъ или внѣшнія условія были тому причиной, но только никакого террористическаго факта не совершило тогда это „Тайное общество“, единственнымъ членомъ котораго былъ лишь онъ.

Между тѣмъ въ женской тюрьмѣ снова началась голодовка, такъ какъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ со времени посѣщенія фонъ-Плотто Кары, а отъ него все не было никакого распоря-

женія относительно перевода Масюкова въ другое мѣсто. Хотя наша тюрьма, въ общемъ, рѣшительно не видѣла смысла въ требованіи женщинъ объ удаленіи Масюкова, но, услыхавъ о предпринятой ими второй голодовкѣ, мы большинствомъ голосовъ также рѣшили отказаться отъ пищи, мотивируя для себя это рѣшеніе не протестомъ противъ Масюкова, котораго многіе находили достаточно уже наказаннымъ всѣмъ вынесеннымъ имъ, а чувствомъ симпатіи къ голодающимъ женщинамъ. Мы отлично понимали всю безплодность этого протеста, зная, что высшее начальство не согласилось бы на удаленіе коменданта по требованію заключенныхъ, даже въ томъ случаѣ, если-бы всѣ ссыльные въ Сибири рѣшили уморить себя голодомъ. Но принимать пищу въ то время, когда знаешь, что твои товарищи по судьбѣ голодаютъ, многіе находили физически невозможнымъ.

Совсѣмъ необычный видъ приняла наша тюрьма въ послѣдовавшіе затѣмъ дни: всѣ занятія прекратились, на кухнѣ — ни души, ларь запертъ, по корридору и по двору расхаживаютъ голодные и тоскующіе отъ бездѣлья заключенные. Вслѣдствіе прекратившихся обѣдовъ и чаепитій дни казались еще болѣе длинными, чѣмъ обыкновенно. Тихо было въ камерахъ, прекратились громкіе разговоры и оживленные споры. Не безъ сильной внутренней тревоги многіе думали, чѣмъ кончится вся эта исторія. Иные казались совсѣмъ спокойными, какъ будто ничего особеннаго не происходило въ тюрьмѣ. Жандармы сперва недоумѣвали, чѣмъ объяснить такую перемѣну въ обиходѣ нашей жизни, такъ какъ мы рѣшили не объявлять коменданту о нашей голодовкѣ, пока онъ объ этомъ самъ не спроситъ. Только на четвертый день Масюковъ пригласилъ къ себѣ нашего старосту. Послѣдній объяснилъ ему нашу голодовку не какъ протестъ противъ него, а лишь, какъ выраженіе сочувствія нашимъ женщинамъ. При этомъ онъ передалъ коменданту нашъ совѣтъ энергично похлопотать о своемъ переводѣ въ другое мѣсто.

Комендантъ, по словамъ нашего старосты, былъ до того разстроенъ, что даже плакалъ. Онъ клялся, что давно хлопочетъ о переводѣ, показалъ при этомъ копіи своихъ по этому поводу отношеній и телеграммъ, просилъ обо всемъ этомъ передать мужской и женской тюрьмамъ и умолялъ прекратить голодовку, увѣряя, что его скоро не будетъ болѣе на Карѣ.

На сходкѣ, собравшейся по возвращеніи старосты, рѣшено было послать въ женскую тюрьму коллективное письмо отъ насъ. Въ предложенномъ собранію проектѣ этого письма сперва говорилось о томъ, что, не раздѣляя цѣли голодовки, затѣянной женщинами, мы присоединились къ ней, такъ какъ не могли оставаться равнодушными къ ихъ положенію и вмѣстѣ съ тѣмъ

надѣялись, такимъ образомъ, посодѣйствовать наступленію скорѣйшей развязки, которая ихъ удовлетворила бы. Затѣмъ въ письмѣ были переданы полученныя нашимъ старостой сообщенія отъ коменданта о его хлопотахъ относительно перевода въ другое мѣсто и въ заключеніе приводились общіе доводы и убѣжденія въ нецѣлесообразности и даже „ненормальности“ дальнѣйшаго продолженія голодовки.

Хорошо зная характеръ М. Ковалевской, которая, какъ уже было мною упомянуто, играла чуть-ли не главнѣйшую роль въ затѣянныхъ женщинами протестахъ, я опасался, что на нее и на ея товарокъ произведетъ неблагопріятное впечатлѣніе конецъ нашего письма, заключавшій въ себѣ совѣты. Я предлагалъ поэтому ограничиться изложеніемъ однихъ лишь фактовъ, предоставивъ женщинамъ самимъ сдѣлать изъ нихъ соотвѣтствовавшій обстоятельствамъ выводъ. Но за исключеніемъ девяти человѣкъ, остальные не согласились съ моимъ предложеніемъ; тогда мы, оставшіеся въ меньшинствѣ, за своими подписями послали отдѣльное письмо женщинамъ, Какъ показалъ ихъ отвѣтъ и послѣдовавшія затѣмъ событія, мои предположенія вполнѣ оправдались: Ковалевская и нѣкоторыя изъ ея товарокъ въ сильнѣйшей степени обидѣлись письмомъ большинства нашей тюрьмы; голодовку же онѣ согласились прекратить только подъ тѣмъ условіемъ, если имъ будетъ предъявлена телеграмма начальства о состоявшемся рѣшеніи перевести Масюкова. Большинство нашей тюрьмы приступило къ пищѣ, тотчасъ по полученіи отвѣта отъ женщинъ; онѣ же продолжали голодать еще двое сутокъ, пока комендантъ не переслалъ имъ копію полученной изъ иркутскаго жандармскаго правленія телеграммы, въ которой сообщалось, что состоялось постановленіе о его переводѣ съ Кары. Всего же въ сложности въ этотъ разъ женщины не принимали пищи втеченіе восьми дней. Но этимъ далеко еще не окончились ихъ страданія изъ-за несчастной исторіи увоза Е. Ковальской. Согласившись прекратить голодовку, Ковалевская, Смирницкая, Калюжная и присоединившіяся къ нимъ изъ вновь пріѣхавшихъ Добрускина, Салова и Сигида объявили „бойкотъ“ до пріѣзда преемника Масюкова, — это значило, что перечисленныя лица отказывались имѣть какія либо отношенія съ комендантомъ: принимать шедшую черезъ его руки корреспонденцію, деньги и пр. Вслѣдствіе этого, какъ мы ниже увидимъ, онѣ сами подвергли себя чрезвычайнымъ лишеніямъ.

На второй день, послѣ прекращенія голодовки М. Ковалевская прислала слѣдующаго содержанія письмо, ясно показывавшее ея настроеніе и отношеніе къ большинству изъ насъ.

„Товарищескія чувства мужской тюрьмы, какъ цѣлаго, такъ блистательно доказаны, ваши совѣты проникнуты такимъ интересомъ къ намъ и нашему положенію, что я имѣю полное право

сказать: „избави меня, боже, отъ такихъ друзей, а съ врагами я сама справлюсь". Въ связи съ прежними проявленіями мужской тюрьмой чувствъ и мыслей, послѣднее ея поведеніе окончательно порвало и ту ничтожную нить общественной и нравственной солидарности, которая у меня существовала до сихъ поръ. Теперь же съ моей стороны было-бы постыднымъ лицемѣріемъ поддерживать хотя и внѣшнюю чисто, но всетаки существующую связь съ мужской тюрьмой, какъ цѣлымъ. Я желаю получить, наконецъ, свободу дѣйствій и избавиться отъ вмѣшательства „товарищей" въ мои поступки подъ благовиднымъ предлогомъ ихъ „товарищескихъ чувствъ". Поэтому я абсолютно рву всякую связь и всѣ отношенія, существовавшія до сихъ поръ съ мужской тюрьмой, какъ цѣлымъ. Я прошу не считать меня своимъ товарищемъ, какъ я васъ не считаю своимъ. Я выхожу изъ кассы, я не буду пользоваться никакой собственностью, принадлежащей артели, не буду принимать никакихъ присылокъ изъ мужской тюрьмы; однимъ словомъ, для меня мужская тюрьма, какъ цѣлое, не существуетъ болѣе. У меня останутся отношенія только съ отдѣльными лицами, съ которыми у меня не порвана извѣстная степень нравственной солидарности... Письмо это не относится къ тѣмъ лицамъ, которыя вовсе не подписывались подъ присланнымъ намъ письмомъ, а также не относится къ подписывавшимся подъ маленькимъ".

Этотъ полный разрывъ съ мужской тюрьмой и весь потокъ негодованія былъ вызванъ исключительно только нѣсколькими заключительными строками коллективнаго письма большинства, въ которыхъ, какъ я уже сказалъ, находились совѣты и убѣжденія прекратить безполезную голодовку. Я, какъ не подписавшійся подъ этимъ письмомъ, исключался Ковалевской изъ числа опальныхъ. Наоборотъ, мнѣ она одновременно съ вышеприведеннымъ прислала очень доброе письмо, въ которомъ, между прочимъ, писала слѣдующее:

„Я безконечно рада, что ты не подписался подъ коллективнымъ письмомъ большинства съ миѣми совѣтами и глупымъ менторскимъ тономъ. Это — chet d'oeuvre „товарищескихъ чувствъ". Я чувствую себя такъ легко послѣ разрыва съ тюрьмой: связь съ нею меня страшно тяготила—ты знаешь. Сегодня, на другой день послѣ разговенія я чувствую себя слабѣе, чѣмъ во время голодовки".

Мнѣ пришлось тотчасъ же разочаровать ее. Въ своемъ отвѣтѣ я сообщилъ ей, что во взглядѣ на затѣянную ими кампанію противъ Масюкова я солидаренъ съ большинствомъ нашей тюрьмы; не подписался же я подъ его письмомъ, лишь изъ психологическихъ соображеній, такъ какъ считался съ ея само-

любіемъ. У насъ съ нею завязалось по этому поводу оживленная переписка. Приведу изъ нея значительныя выдержки.

„Я прочла твое письмо три раза, и всякій разъ чувствовала такую грусть, какую ты, вѣроятно, не предполагалъ произвести имъ. Грусть эта объясняется отчасти тѣмъ, что почти сплошь на все письмо мнѣ хочется сказать: „не согласна, не то и т. д.“ Очень можетъ быть, что причины (произошедшихъ фактовъ) нахожу тѣ же, что и ты, — и все таки практически не стану придерживаться пословицы „понять, значитъ простить!“. Извѣстныхъ фактовъ, пока я въ тюрьмѣ, *никогда* не прощу.., Называй это „узостью, деспотизмомъ,“ — чѣмъ хочешь. Не прощу, потому что прощать нѣкоторыя обстоятельства, это значитъ деморализовать самое себя... Если на моихъ глазахъ совершается тотъ или другой фактъ, — я не позволю себѣ благоразумно смолчать, а отнесусь къ нему непремѣнно такъ, какъ велитъ мнѣ совѣсть и мои взгляды: „моя хата съ краю“ — мнѣ кажется нравственной тупостью, и дай Богъ, что-бы я до конца жизни не лишилась этой способности высказывать и словомъ, и дѣломъ свое отношеніе къ поступкамъ, имѣющимъ, съ моей точки зрѣнія общественный характеръ. Называй, что я „караю“, но *я*, конечно не смотрю такъ на это: я просто спасаю себя отъ возможности молчаніемъ санкціонировать безобразіе, и только... Но довольно объ этомъ: тебя переубѣдить не имѣю надеждъ, — эти вопросы не изъ такихъ, которые поддаются убѣжденіямъ, они обусловлены всѣмъ организмомъ человѣка и его міросозерцаніемъ: ни по темпераменту, ни по лѣтамъ, ни по развитію мы оба не изъ тѣхъ людей, убѣжденія которыхъ навѣяны вѣтромъ и легко могутъ поддаваться чужимъ вліяніямъ. Одно скажу: я никогда не винила тебя въ томъ, что ты не согласенъ со мною въ оцѣнкѣ извѣстныхъ событій... Единомыслія у насъ нѣтъ съ тобою, мы чувствуемъ удары настоящей жизни очень и очень различно... Что же остается отъ нашей старой дружбы? О чемъ мы будемъ переписываться? Салонный разговоръ или просто болтовню я не могу, не хочу вести съ тобою... Теперь у меня такое чувство, будто я похоронила что то близкое, и меня одолѣваетъ такая глубокая грусть: всѣ старыя связи рвутся, а ничто новое не замѣняетъ ихъ... Я говорю тебѣ искренно, что не оскорбленіе говоритъ во мнѣ, не самолюбіе, а просто чувствую, что мы чужіе другъ другу, что-то легло между нами и умышленно не переступишь этого... Прежде я могла быть дружной съ человѣкомъ, хотя-бы и очень сильно расходилась съ нимъ во взглядахъ; теперь же чувствую, какъ трудно мнѣ сохранить личную дружбу, когда являются разногласія *по нѣкоторымъ* вопросамъ, — потому ли, что эти вопросы слишкомъ наболѣли, потому ли, что они слишкомъ глубоко затрагиваютъ мое *то*, что я называю своимъ достоинствомъ, — но разномысліе по поводу

нихъ отзывается такою болью во мнѣ, что мнѣ тяжело, невыносимо тяжело встрѣчать такое несходство у друзей, а мы съ тобою со второго слова наталкиваемся на нихъ. Можетъ быть это современемъ пройдетъ, можетъ быть я притуплюсь, но теперь, говорю тебѣ, мнѣ плакать хочется надъ твоимъ письмомъ, надъ нашей дружбой... Повѣрь только, что ни капли злобы не говоритъ во мнѣ: напротивъ, я непривычно кротка, когда пишу это...“

Изъ-за разногласій по поводу тюремныхъ исторій, М. Ковалевская готова была рвать нашу дружбу, длившуюся около пятнадцати лѣтъ. Видя, какъ ей тяжело и желая ее хоть нѣсколько успокоить, я отправилъ ей обстоятельное письмо, въ отвѣтъ на которое получилъ слѣдующее, еще рельефнѣе рисующее ея состояніе.

„Я вѣрю, до единаго слова, всему твоему письму, — писала она. — Нужно быть очень толстокожей, чтобы не вѣрить тебѣ или сомнѣваться. Еслибы я не жила на людяхъ, то навѣрное разревѣлась бы, когда читала твое письмо: я должна была сдѣлать большое усиліе надъ собою, такъ мнѣ хотѣлось плакать: я такъ давно не слыхала такой искренней бесѣды. Проклятая тюрьма отучаетъ человѣка быть откровеннымъ, пріучаетъ его всегда прятаться и маскироваться. Поэтому твой тонъ, въ которомъ ясно видно, что человѣкъ забылъ самого себя и какъ-бы вслухъ думаетъ, тронулъ меня до слезъ. И то, что ты могъ такъ говорить со мною, лучше всякихъ словъ докаываетъ, что у тебя есть то, что необходимо для дружбы — внутренняя готовность быть съ другимъ самимъ собой „безъ размышленій, безъ пустыхъ сомнѣній“... Но есть такія чувства, разъединеніе въ которыхъ причиняетъ такую *боль*, что въ концѣ концовъ уменьшается и сама дружба. Обыкновенно эти чувства изъ ряда тѣхъ, которыя называютъ основными чертами натуры, почти инстинктами. Можетъ быть другіе люди болѣе терпимы или менѣе эгоистичны, чѣмъ я, — не знаю. Но во мнѣ теперъ чувства такъ сильны, что несозвучіе въ нихъ положительно терзаетъ меня, и я готова забѣжать даже отъ самаго близкаго человѣка. Съ годами эта черта все усиливается во мнѣ и, можетъ быть, я въ самомъ дѣлѣ тяжела для дружбы, можетъ быть у меня нелѣпыя требованія, но я иначе не могу, — я измѣнила бы самой себѣ... Разница въ чувствахъ у насъ громадна. Еслибы жизнь наша была иная, если бы внѣшнія впечатлѣнія были разнообразны, тогда, можетъ быть. не такъ исключительно были-бы натянуты однѣ струны, не такъ однообразно исключительно говорили только извѣстныя чувства. Но наша практическая жизнь толчетъ все въ одномъ направленіи и по неволѣ воспитываетъ однѣ и тѣ же чувства. Въ этой то дѣйствительности я не вижу единенія: *моя обида тебѣ не горька*. Я не буду раз-

бираться, *почему* это такъ, но фактъ остается. Знаешь, какъ представлю себѣ, что *мой другъ* терпитъ приходъ Масюкова къ нему въ камеру, того Масюкова, который такъ надругался надъ женскимъ достоинствомъ, — мнѣ стыдно, что я считаю его своимъ другомъ, а себя его! Если это терпитъ посторонній человѣкъ, — здѣсь нѣтъ оскорбленія мнѣ лично; но если это близкій человѣкъ, я чувствую себя оскорбленной уже не Масюковымъ, а этимъ близкимъ человѣкомъ. Я не берусь доказывать *законность* такого моего чувства, — я только констатирую. Я понимаю, что даже раздѣляющій мой взглядъ на поступокъ Масюкова съ Лизой и съ нами, — условіями тюрьмы связанъ; но я знаю и то, что на его мѣстѣ не выдержала бы такой вынужденной пассивности и, какъ бы то ни было, а вышла бы изъ этого положенія... Понимаешь ли ты, что ваше допущеніе Масюкова приходить къ намъ въ тюрьму есть нѣкоторая санкція его поступка съ Лизой, это пощечина намъ, женщинамъ передъ всѣмъ начальствомъ или молчаливое осужденіе всѣхъ нашихъ требованій, насмѣшка и третированіе нашихъ оскорбленныхъ чувствъ... Я всѣмъ существомъ чувствую, ни разу въ жизни я не была такъ оскорблена и такъ унижена, какъ теперь... Я думаю, что, если ты отвлечешься отъ всей нашей атмосферы и представишь себѣ аналогичное оскорбленіе женщины лицомъ, отъ котораго она какъ-нибудь *зависитъ*, то я не сомнѣваюсь, что непосредственное чувство подскажетъ аналогичный моему отвѣтъ и, я увѣрена, 3—4 года назадъ тебѣ-бы показалось невозможнымъ иначе чувствовать для человѣка гордаго... Можетъ быть, когда эта исторія какъ нибудь окончится, перейдетъ въ историческій архивъ, можетъ быть, тогда я не буду такъ болѣзненно чувствительна... Я положительно истерзана этой исторіей; я не могу думать о Галѣ (дочери) безъ нѣкотораго стыда, что я болѣе полугода терплю Масюкова комендантомъ. Я чувствую, будто я украла что-то... Когда я слышу о комъ-нибудь изъ васъ, что онъ не раздѣляетъ и не понимаетъ нашихъ чувствъ въ этой исторіи, я буквально дрожу отъ злобы, хотя лично такой человѣкъ ничего для меня не представляетъ. Пойми же, что я чувствую, если такой человѣкъ — мой другъ! Тутъ самая дружба только большія страданія доставляетъ. Это все равно, какъ, если ты защищаешь баррикаду, а твой другъ ее осаждаетъ. Нѣтъ хуже! Тамъ, на баррикадѣ идейность, убѣжденія, а здѣсь твое достоинство топчетъ другъ... Пойми, что здѣсь не философствовать нужно, а имѣть субъективное чувство, аналогичное моему; нѣтъ его, ничего не подѣлаешь, тутъ мы безъ вины виноваты оба и лучше помолчимъ... Если-бы ты зналъ, какъ я истерзана исторіей съ Лизой и этимъ выжидательнымъ положеніемъ. Хоть бы скорѣй кончилось!"

Мы съ Ковалевской, дѣйствительно, рѣзко расходились во

взглядахъ и чувствахъ относительно всей этой исторіи. Что ее возмущало до глубины души, терзало ее на части, изъ-за чего она готова была забыть любимую дочь, стараго друга, всѣхъ и все на свѣтѣ,— я взвѣшивалъ, разсматривалъ, обсуждалъ. Не могу сказать, чтобы я въ этомъ случаѣ разсуждалъ совершенно спокойно, объективно, но все же я разсуждалъ тогда, когда она болѣзненно чувствовала, по поводу чего, какъ мы видѣли, клокотало все ея нутро. Но было-бы фальшью, если бы я возмущался и негодовалъ, лишь по сознанію, изъ чувства дружбы къ ней, когда въ дѣйствительности не было у меня этихъ ощущеній. Всѣ обстоятельства и произошедшія событія представлялись мнѣ въ другомъ, чѣмъ ей, освѣщеніи; я, какъ мнѣ казалось, понималъ ихъ всестороннѣе, шире, чѣмъ она. Отчасти это различіе въ нашихъ съ нею отношеніяхъ къ происходившему на Карѣ объяснялось тѣмъ, что мы жили въ разныхъ обстановкахъ, а также и тѣмъ, что мы, вообще, придерживались различныхъ воззрѣній на многіе вопросы; отчасти, можетъ быть наши разногласія происходили оттого, что я, какъ мущина, не могъ понять этой женской психологіи во всей исторіи съ увозомъ Ковальской. Я не видѣлъ со стороны Масюкова умышленнаго издѣвательства надъ женскимъ достоинствомъ, намѣренія оскорбить ее, а тѣмъ болѣе ея подругъ. Къ тому же онъ, какъ я уже упоминалъ, согласенъ былъ принести всяческія извиненія, что Ковалевская энергичнѣе всѣхъ остальныхъ отвергала. Я не сомнѣвался также и въ томъ, что Масюковъ просилъ высшее начальство о переводѣ его въ другое мѣсто, но его просьбу отклоняли. Несомнѣнно и то, что мы съ Ковалевской различно смотрѣли на Масюкова: она видѣла въ немъ поставленнаго надъ нами начальника и жандармскаго подполковника, оскорбившаго женщину и лучшаго ея друга; а мнѣ, какъ и большинству товарищей, знавшимъ коменданта лучше, чѣмъ она, онъ представлялся жалкой, ничтожной личностью, способной подчиняться всякому вліянію, готовой унижаться. Мы не могли питать къ нему негодованіе, возмущеніе, — онъ скорѣе внушалъ къ себѣ жалость, состраданіе, хотя и смѣшанное съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Онѣ относились къ нему, какъ къ человѣку, мущинѣ, имѣющему характеръ и убѣжденія; мы же видѣли въ немъ лишь ничтожное существо. Могли ли мы при такомъ о немъ мнѣніи вести противъ него упорную, ожесточенную борьбу, энергично добиваться его удаленія, наносить ему личныя оскорбленія? А М. Ковалевская и нѣкоторыя изъ ея подругъ всего этого именно и требовали отъ насъ. Не говоря уже про нецѣлесообразность дѣйствій нашихъ протестантокъ, онѣ были къ тому же и совершенно несправедливы по отношенію Масюкова. Выходило такъ, что пока комендантомъ у насъ былъ негодяй Николинъ, причинявшій намъ массу зла, заклю-

ченные вели себя тихо и чинно, а какъ только его замѣстилъ добродушный, но слабохарактерный и недалекій человѣкъ,— пошли протесты, безпорядки, волненія. Вполнѣ, поэтому, правильными оказывались слова генералъ-губернатора по поводу жалобы Масюкова на затруднительность его положенія: „Мы съ вами, полковникъ, здѣсь не у мѣста—сказалъ баронъ Корфъ, тутъ нужны Николины".

XV.

Развязка. — Освобожденіе.

Чувствуя себя уставшимъ отъ прошлой жизни, большинство заключенныхъ въ нашей тюрьмѣ желало лишь одного,— что бы ничто экстравагантное не выводило насъ изъ обычной, мирной колеи. Жажда спокойствія у нѣкоторыхъ была до того велика, что иной, не стѣсняясь, громогласно заявлялъ: „я жить хочу!“ Но, если другіе не высказывали такъ открыто своихъ желаній, то въ душѣ они несомнѣнно были очень довольны, что установившійся при Масюковѣ режимъ предоставлялъ намъ возможность заниматься разными ремеслами или предаваться невиннымъ развлеченіямъ и наслажденіямъ.

Въ числѣ послѣднихъ, какъ я уже упоминалъ, не малую роль лѣтомъ играли огородъ и „садъ“. На дворикѣ, примыкавшемъ къ зданію одиночекъ, наши огородники развели грядки съ овощами и цвѣточными клумбами, пересадили небольшія березки и сосенки, и незначительное пространство, со всѣхъ сторонъ окруженное заборомъ, лѣтомъ превращалось въ уютный садикъ. Вдоль одной изъ стѣнъ зданія одиночекъ, натянувъ надъ завалинкой сшитыя вмѣстѣ полотнища изъ казенныхъ рубахъ, любители природы устраивали для себя крохотныя палатки, въ которыхъ проводили за какими-нибудь занятіями жаркіе дни, наслаждаясь при этомъ свѣжимъ, душистымъ воздухомъ.

При Масюковѣ вошло у насъ также въ обычай устраивать на большомъ дворѣ общія для всѣхъ заключенныхъ чаепитія по поводу какихъ-нибудь торжественныхъ случаевъ, и такія празднества тоже доставляли всѣмъ участникамъ большое удовольствіе. Изъ нихъ особенно запечатлѣлось въ моей памяти слѣдующее.

Въ то самое время, когда французскій народъ чествовалъ столѣтнюю годовщину своей Великой революціи, — къ его торжеству присоединилась небольшая кучка людей, заброшенныхъ въ одну изъ отдаленѣйшихъ окраинъ земного шара, такъ какъ мы, заключенные на Карѣ, также устроили у себя торжество по поводу этого историческаго событія. Само собой разумѣется, что оно носило чрезвычайно скромный характеръ: у насъ не провозглашались тосты, не произносились рѣчи, и наше празднество ограничилось общимъ чаепитіемъ на тюремномъ дворѣ, подъ наб-

люденіемъ жандармовъ и часовыхъ. На артельный счетъ сдѣланы были какія то печенія; вынесенные изъ камеръ столы были составлены вмѣстѣ, и, попивая чай, мы мирно бесѣдовали о великомъ торжествѣ Франціи и передовыхъ людей всего цивилизованнаго свѣта.

„Наступитъ же и у насъ день, когда возставшій народъ разрушитъ наши бастиліи — Шлиссельбургскую и Петропавловскую крѣпости", — замѣтилъ кто-то.

„Конечно, наступитъ, но доживетъ-ли кто-нибудь изъ насъ до него?" — сказалъ другой.

„Къ началу XX столѣтія у насъ навѣрно будетъ уже политическая свобода!" воскликнулъ третій.

Срокъ этотъ нѣкоторымъ показался черезчуръ большимъ. Поднялся споръ. Дѣйствительно, даже скептики и пессимисты считали невѣроятнымъ, что-бы черезъ 12-15 лѣтъ у насъ еще существовало самодержавіе. Увы! Нѣкоторыхъ изъ спорившихъ тогда нѣтъ уже въ живыхъ, другіе и до сихъ поръ еще въ Сибири, а самодержавіе все не прекращается!..

Но пока мы предавались столь мирнымъ развлеченіямъ, время отъ времени лишь нарушавшимся уходами нѣкоторыхъ въ колонію, въ женской тюрьмѣ продолжались печальныя происшествія. Прекративъ вторую голодовку, наши протестантки, какъ я уже сообщилъ, объявили Масюкову „бойкотъ". Не желая получать корреспонденцію и деньги, приходившія съ почтой, женщины, предпринявшія бойкотъ, сидѣли на одномъ лишь казенномъ пайкѣ, безъ писемъ отъ родныхъ, безъ журналовъ и газетъ. Поэтому положеніе ихъ съ каждымъ днемъ становилось для нихъ все болѣе и болѣе невыносимымъ. Какъ чувствовали онѣ себя, можно отчасти заключить изъ слѣдующей выдержки изъ письма Ковалевской.

„Меня ужасъ беретъ, что еще долго, долго продлится это мучительное положеніе, — писала она мнѣ лѣтомъ 1889 г. — Я чувствую, что у меня лопается терпѣніе, и я могу по поводу пустяка сдѣлать большую исторію. У насъ нервы до того напряжены отъ напраснаго ожиданія, что, того и гляди, — кого-нибудь прорветъ. Я вижу теперь, что телеграмма была или подвохъ или ложь умышленная. У меня до того тревожное состояніе, что малѣйшій необычайный шумъ заставляетъ меня вздрагивать: все кажется, вотъ, вотъ какое нибудь извѣстіе сообщатъ. Ничего не могу дѣлать эти дни, да и не я одна. Ахъ, какое нелѣпое положеніе!"...

Столь же безотрадны были письма и другихъ женщинъ. Но особенно тяготилась положеніемъ, созданнымъ своеобразнымъ „бойкотомъ" одна изъ вновь прибывшихъ, послѣ увоза Е. Ковальской, — Надежда Сигида. Лично я никогда не встрѣчалъ ее, но по изображенію подругъ, это была чрезвычайно симпатич-

ная молодая женщина. Безгранично добрая, нѣжная и отзывчивая на все хорошее, Сигида была горячо привязана къ своимъ роднымъ, жившимъ въ г. Таганрогѣ. До замужества она была учительницей въ городской школѣ и чрезвычайно любила свою профессію. Сама вовсе неприкосновенная къ революціонному дѣлу, Сигида была-бы осуждена на безсрочную каторгу за то, что при обыскѣ на ихъ квартирѣ были найдены тайная типографія и бомбы. Но защитникъ склонилъ ее подать просьбу о смягченіи приговора: ее осудили на 8 л. каторжныхъ работъ. Мужу же ея смертная казнь была замѣнена безсрочной каторгой. Этотъ актъ малодушія крайне тяготилъ потомъ Сигиду и въ сильной степени повліялъ на дальнѣйшую ея судьбу.

Ударъ за ударомъ обрушивался на голову несчастной молодой женщины: мужъ ея, отправленный на о-въ Сахалинъ, по дорогѣ туда скончался, а она прибыла на Кару въ разгаръ начавшихся тамъ протестовъ, въ которыхъ ей пришлось принять участіе. Неполученіе отъ родныхъ писемъ, вслѣдствіе предпринятаго „бойкота", причиняло ей неимовѣрныя страданія. По словамъ товарокъ, Сигида сильно убивалась этимъ: тосковала и плакала на-единѣ; она рисовала себѣ всякіе ужасы, происходящіе дома, когда къ роднымъ приходили обратно ихъ письма къ ней, и они не получали отъ нея извѣстій. Между тѣмъ выхода изъ этого положенія никакого не предвидѣлось: годъ прошелъ уже со времени увоза Ковальской и первой голодовки въ женской тюрьмѣ, а Масюкова все не убирали съ Кары. Всѣ женщины чувствовали, что дальше невозможно такъ жить, что необходимъ какой-нибудь конецъ. Въ августѣ среди нихъ вновь поднялись горячіе толки о томъ, что предпринять, и вновь рѣшено было начать голодовку. „Но поможетъ-ли она? Какой въ ней смыслъ, когда высшее начальство очевидно не намѣрено уступить требованію женщинъ. Нѣтъ, надо что-нибудь другое предпринять", — такъ думала не одна изъ заключенныхъ женщинъ.

Однажды утромъ нѣкоторые товарищи, гуляя по двору нашей тюрьмы, увидѣли сквозь щели между паль, что къ дому коменданта подъѣхала повозка, изъ которой вылѣзла молодая женщина и, вмѣстѣ съ сопровождавшимъ ее жандармомъ, направилась въ комнаты. Но вслѣдъ затѣмъ Масюковъ, безъ шапки, видимо чрезвычайно взволнованный, выскочилъ изъ окна на улицу. Недоумѣніе наблюдавшихъ изъ нашего двора еще болѣе увеличилось, когда они увидѣли, что молодая женщина, также вскорѣ вышедшая вмѣстѣ съ жандармами на крыльцо, спокойно, хотя и громко, съ ними разговаривала о какой-то телеграммѣ; потомъ она стала ласкать стоявшихъ тутъ-же дѣтей смотрителя. Вообще, въ ея поведеніи, а также жандармовъ, не замѣтно было никакого волненія.

Въ описываемое время, вслѣдствіе предательства Оссовскаго,

у насъ прекратилась переписка съ женской тюрьмой; поэтому смыслъ этой загадочной сцены лишь потомъ для насъ разъяснился. Оказалось, что Сигида заявила черезъ старшаго жандарма о желаніи повидать коменданта. Узнавъ объ этомъ, Масюковъ, повидимому, предположилъ, что она также намѣрена „уйти въ колонію“ и велѣлъ привезти ее на Нижнюю Кару. Приблизившись къ нему, Сигида со словами: „это вамъ, какъ коменданту“ — замахнулась; но Масюковъ успѣлъ отклонить голову, и ударъ пришелся только по его волосамъ; тѣмъ не менѣе храбрый подполковникъ до того испугался, что бросился бѣжать, не смотря на присутствіе жандармовъ. Опасаясь, чтобы комендантъ не замялъ этого происшествія, Сигида нарочно громко настаивала на крыльцѣ на требованіи немедленно отправить телеграмму о случившемся высшему начальству: она разсчитывала, что Масюкова, послѣ полученнаго имъ личнаго оскорбленія, уберутъ съ Кары, а ее приговорятъ къ смертной казни или къ безсрочной каторгѣ. Но предположенія несчастной женщины совершенно не оправдались.

Богатый печальными происшествіями 1889 г. ознаменовался еще извѣстной Якутской бойней. Къ намъ, зачлюченнымъ на Карѣ, сообщенія о ней дошли въ самый разгаръ происходившихъ у насъ печальныхъ происшествій. Къ чувству невыразимой грусти по поводу участи невинныхъ молодыхъ людей и къ беконечной злобѣ противъ ихъ жестокихъ палачей, у насъ примѣшивались тревожныя опасенія относительно финала нашей собственной исторіи. Если власти не постѣснялись такъ расправиться съ совершенно невинными людьми, къ тому же нелишенными правъ состоянія, то, что могли ожидать мы, каторжане?

Одновременно съ поступкомъ Сигиды почти всѣ ея подруги приступили къ третьей и самой упорной голодовкѣ: она длилась цѣлыхъ *шестнадцать дней*, а Сигида не принимала пищи *двадцать два дня*! Когда же губернатору сообщено было, что врачъ не ручается за ея жизнь, то получился отвѣтъ — кормить ее искусственно. Было ли исполнено это приказаніе, мнѣ неизвѣстно; по всей вѣроятности, нѣтъ. На Карѣ потомъ разсказывали, что, когда тюремный врачъ, зашедши въ камеру, приблизился къ постели, на которой лежала истощенная голодомъ Ковалевская, то она дала ему пощечину. Въ общемъ, довольно порядочный человѣкъ, онъ отнесся къ ея поступку такъ, какъ и подобало врачу: увидѣвъ въ этомъ проявленіе крайне нервно-разстроенной больной женщины, онъ сталъ ее успокаивать и убѣждать, что она вѣроятно ложно истолковала его посѣщеніе. Ковалевская, оказалось, предположила, что онъ пришелъ произвести искусственное кормленіе. Когда же врачъ

заявилъ ей, что онъ вовсе не имѣлъ такого намѣренія, она извинилась, и у нихъ произошло мирное объясненіе. Онъ разсказывалъ потомъ, что никогда не встрѣчалъ такой замѣчательной женщины, обладающей столь сильнымъ характеромъ, умомъ и краснорѣчіемъ.

На этотъ разъ начальство повидимому убѣдилось, что ему не сломить рѣшимости голодающихъ женщинъ, но, не желая вмѣстѣ съ тѣмъ уступить ихъ требованію, оно прибѣгло къ такому компромису: отдано было распоряженіе, чтобы Калюжная, Ковалевская, Сигида и Смирницкая были изъяты изъ веденія коменданта и переведены въ женскую уголовную тюрьму, гдѣ онѣ поступали въ распоряженіе обще тюремной администраціи. Перечисленныя женщины приняли это предложеніе. Но этимъ еще не окончились ихъ страданія, а также и многихъ изъ насъ: главная часть была еще впереди.

Въ концѣ октября къ намъ явился письмоводитель коменданта и сообщилъ, что отъ генералъ-губернатора полученъ какой то пакетъ, который предписывается вскрыть и прочесть намъ, въ присутствіи особо-назначенной имъ же коммиссіи изъ коменданта, завѣдывающаго уголовными тюрьмами на Карѣ, начальника воинской команды и дежурнаго офицера. Затѣмъ онъ спросилъ насъ, желаемъ ли мы выслушать содержаніе заключающейся въ пакетѣ бумаги по камерно, или предпочитаемъ собратья всѣ вмѣстѣ. Мы пожелали послѣднее.

„Что бы это означало? Уже не случилась ли въ Россіи революція и намъ объявятъ сейчасъ амнистію?“ — спрашивали нѣкоторые другъ друга, по уходѣ письмоводителя. Старожилы же тюрьмы предсказывали, наоборотъ, какіе-нибудь скорпіоны.

Вскорѣ за тѣмъ на тюремномъ дворѣ появилась сотня солдатъ, часть которыхъ осталась на крыльцѣ, остальные вошли въ корридоръ; за ними выстроились всѣ наши жандармы. Намъ велѣно было скучиться въ одномъ концѣ корридора, впереди солдатъ. Потомъ пришла коммиссія, которая, такимъ образомъ, отдѣлена была отъ насъ двумя шеренгами. Масюковъ, блѣдный, какъ мертвецъ, дрожащимъ голосомъ повторилъ то, что мы уже слышали отъ письмоводителя и, поднявъ надъ головами стражниковъ запечатанный пакетъ, передалъ его завѣдывавшему уголовными тюрьмами. Тотъ, вскрывъ его, сталъ читать, и вотъ что мы услышали.

Въ виду неоднократно повторявшихся въ послѣднее время разнаго рода безпорядковъ въ мужской и женской политическихъ тюрмахъ на Карѣ, генералъ-губернаторъ предписывалъ впредь, при повтореніи чего либо подобнаго, подвергать заключенныхъ разнаго рода наказаніямъ, а въ случаѣ сопротивленій, „употреблять вооруженную силу, не стѣсняясь послѣдствіями“,

а также „подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ, наравнѣ съ уголовными арестантами".

Выслушавъ эту бумагу, мы въ большомъ волненіи разошлись по камерамъ. Это былъ для насъ жестокій и вмѣстѣ вполнѣ несправедливый ударъ. За время моего пребыванія въ карійской тюрьмѣ у насъ не было нималѣйшаго безпорядка. Наоборотъ, какъ я неоднократно упоминалъ уже, заключенные мущины были настроены самымъ мирнымъ образомъ и всегда старались примирительно дѣйствовать на нашихъ женщинъ. Даже трехдневная наша голодовка имѣла цѣлью лишь побудить женщинъ прекратить голодовку. Въ глазахъ начальства наше поведеніе заслуживало только одобренія. И вдругъ такая возмутительная угроза! Если распоряженіе объ увозѣ Е. Ковальской съ Кары „безъ скандала", при исполненіи низшими служащими, привело къ столь печальнымъ послѣдствіямъ, то что оставалось ожидать отъ предоставленія имъ права, „не опасаясь послѣдствій, употреблять вооруженную силу и тѣлесныя наказанія, на равнѣ съ уголовными?„ Было ясно, что генералъ-губернаторъ готовилъ намъ какой то сюрпризъ. Отдавая вышеприведенное распоряженіе, онъ прекрасно зналъ, что задѣваетъ у насъ самыя чувствительныя струны: мы все способны были вынести, но не тѣлесныя наказанія. Одну лишь угрозу примѣнять ихъ къ намъ многіе считали уже такимъ оскорбленіемъ, которое мы должны смыть нашей кровью. Заключенные заволновались; возбужденно обсуждался вопросъ, что намъ предпринять въ виду угрозы генералъ-губернатора? Наиболѣе мирно настроенные, въ числѣ которыхъ былъ и я, совѣтовали ничего пока не предпринимать, чтобы не провоцировать начальства. Дошедшая уже раньше до насъ копія предписанія начальника главнаго тюремнаго управленія объ уравненіи политическихъ каторжанъ, находившихся на островѣ Сахалинѣ, съ уголовными преступниками, вызвала среди насъ опасенія, что и насъ могутъ такимъ же образомъ третировать. Теперь это предположеніе оправдалось скорѣе, чѣмъ мы допускали. Поэтому мы полагали, что не слѣдуетъ давать властямъ повода осуществить ихъ угрозу. Иной планъ дѣйствій предложилъ Бобоховъ. Но предварительно скажу нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, составлявшемъ украшеніе нашей тюрьмы.

Будучи студентомъ ветеринарнаго института въ Петербургѣ, Сергѣй Бобоховъ въ серединѣ 70-хъ годовъ былъ исключенъ изъ него за участіе въ демонстраціи, устроенной противъ проф. Ціона. Послѣ этого его административнымъ порядкомъ сослали въ Архангельскую губернію. Въ 1878 году онъ сдѣлалъ попытку бѣжать оттуда, но былъ пойманъ. Желая вызвать надъ собою судъ, на которомъ можно было бы указать на произ-

волъ, представляемый административными высылками, Бобоховъ при поимкѣ умышленно произвелъ изъ револьвера выстрѣлъ въ воздухъ, за что состоявшійся надъ нимъ въ 1879 году судъ приговорилъ его къ 20 г. каторжныхъ работъ.

За время моего 30-ти лѣтняго участія въ разныхъ русскихъ кружкахъ и организаціяхъ, мнѣ приходилось видѣть не мало крупныхъ, выдающихся революціонеровъ. Но болѣе чистаго въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ Бобоховъ, я не встрѣчалъ ни у насъ, ни на Западѣ. Въ немъ сочетались рѣшительно всѣ качества: искренность, серьезность, прямота и безграничная преданность революціонному дѣлу. Требовательный къ себѣ, онъ никогда не произносилъ сколько-нибудь отрицательныхъ сужденій о другихъ. Дѣло у него всегда шло рядомъ со словомъ. Бобоховъ былъ самый послѣдовательный человѣкъ и самый строгій ригористъ изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ русскихъ революціонеровъ. Для полноты его характеристики нахожу небезъинтереснымъ привести здѣсь краткій отзывъ о немъ другого современника, автора, находящихся у меня записокъ, замѣчу, человѣка, вовсе не склоннаго къ преувеличеніямъ людскихъ достоинствъ.

„Бобоховъ — идеально чистое, житейски-наивное, неиспорченне существо. Бобоховы посылаются на землю какъ бы для того, чтобы наглядно удостовѣрить людей въ возможности воплощенія божества. Будучи снисходительны къ другимъ, сами они остаются неизмѣнно чистыми, какъ хрусталь, — ничто скверное не въ состояніи пристать къ нимъ. И быть такими, каковы они, имъ не стоитъ ни малѣйшихъ усилій. Ихъ можно встрѣтить только въ передовыхъ оппозиціонныхъ движеніяхъ. Иногда они „неудобны“ своей доброй простотой, мягкою прямотой и идейной прямолинейностью; иногда они даже вредятъ практическимъ цѣлямъ этихъ движеній, но тѣмъ не менѣе они всегда остаются лучшею ихъ красой.“

Не удивительно, поэтому, что на Карѣ Бобоховъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, хотя очень немногіе раздѣляли его политическія воззрѣнія. Попавъ въ ссылку и на каторгу еще несовершеннолѣтнимъ юношею и въ тотъ періодъ нашего движенія, когда, какъ я уже сообщалъ, у насъ господствовало народническо-бунтарское, т. е, анархическое направленіе, — Бобоховъ до самой смерти оставался приверженцемъ послѣдняго. Въ этомъ отношеніи тюрьма, такъ сказать, консервируетъ людей, замораживаетъ ихъ взгляды, сохраняя ихъ въ одинаковомъ состояніи въ теченіе многихъ лѣтъ. Довольно образованный и очень любознательный человѣкъ, Бобоховъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что имѣло общественный интересъ. Но, какъ и у многихъ другихъ интеллигентныхъ людей находившихся въ нашей тюрьмѣ, каждая прочитанная имъ книга или

статья только подтверждала еще на волѣ сложившіяся у него убѣжденія. По этой то причинѣ Бобоховъ не могъ согласиться съ марксизмомъ, хотя онъ и читалъ о немъ все, что возможно было достать въ нашей библіотекѣ.

Я никогда не сидѣлъ съ нимъ въ одной камерѣ, но на прогулкахъ мнѣ не разъ случалось вступать съ нимъ въ теоретическіе споры. Всегда сдержанный и внимательный, Бобоховъ никогда не прибѣгалъ не только къ малѣйшимъ рѣзкостямъ, но даже къ незначительнымъ повышеніямъ голоса. На личную почву онъ рѣшительно никогда не способенъ былъ переходить. При этомъ Бобоховъ отличался крайне рѣдко встрѣчающейся у спорщиковъ чертой: онъ всегда соглашался съ противникомъ, когда тому удавалось доказать ошибочность его мнѣнія или утвержденія. Необыкновенно ровный, спокойный и скромный, Бобоховъ положительно какъ бы перерождался и превращался въ краснорѣчиваго проповѣдника, когда вопросъ заходилъ о томъ, что онъ считалъ нашей обязанностью и долгомъ.

Больше, чѣмъ на кого-либо другого изъ заключенныхъ, подѣйствовала на него угроза генералъ-губернатора подвергать насъ тѣлесному наказанію. Хотя по серьезному и спокойному выраженію его лица трудно было замѣтить его настроеніе, но несомнѣнно внутренно онъ былъ сильно возбужденъ въ дни, послѣдовавшіе за объявленіемъ намъ бумаги барона Корфа. По тюрьмѣ началъ циркулировать слухъ, что Бобоховъ ведетъ агитацію за такой планъ: мы должны отправить министру внутреннихъ дѣлъ заявленіе, что тѣлесное наказаніе для насъ хуже смертной казни; поэтому, если угроза примѣнять его не будетъ отмѣнена, мы всѣ покончимъ съ собою. Въ одинъ изъ этихъ дней у меня съ нимъ на прогулкѣ зашелъ разговоръ о его предложеніи. Развивая свой планъ, онъ настаивалъ на томъ, чтобы, въ случаѣ неисполненія министромъ нашего требованія, послѣ обозначеннаго нами ему срока, мы должны съ нѣкоторыми промежутками, по жребію, одинъ за другимъ кончать съ собою. Я старался доказать ему, что самоубійство по жребію не имѣетъ нималѣйшаго смысла, такъ какъ въ этомъ видѣ оно являлось бы не добровольнымъ, а вынужденнымъ актомъ по отношенію тѣхъ лицъ, у которыхъ къ моменту наступленія ихъ очереди измѣнилось бы настроеніе и желаніе; между тѣмъ, заранѣе давши обѣщаніе покончить съ собою, они будутъ считать себя обязанными сдержать его. Я говорилъ также и о практической неосуществимости такого плана, послѣ предупрежденія о немъ властей.

Бобоховъ не видѣлъ этихъ неудобствъ, — наоборотъ, стремленіе начальства воспрепятствовать нашимъ самоубійствамъ ясно доказывало бы, что оно вѣритъ серьезности нашего заявленія и не желаетъ нашихъ смертей. Къ тому же, если одна

лишь угроза примѣнять тѣлесныя наказанія вызвала у насъ такую готовность покончить съ собою, чего начальство не хочетъ допустить, то ясно, что оно никогда не рѣшится осуществить ее зная, что въ этомъ случаѣ уже никакими мѣрами нельзя будетъ помѣшать самоубійствамъ среди насъ. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, во всякомъ случаѣ было цѣлесообразно въ заявленіи къ министру сообщить о нашемъ рѣшеній покончить съ собою. Что же касается характера вынужденнаго акта въ самоубійствѣ по жребію, то онъ отвѣтилъ мнѣ приблизительно слѣдующее.

— Жить мнѣ хочется не меньше, чѣмъ всякому другому. Если же я соглашаюсь покончить съ собою, то за тѣмъ лишь, чтобы и другіе сдѣлали тоже самое, ради протеста. Но разъ, при измѣнившемся настроеніи, остальные откажутся отъ своего намѣренія, — цѣль самоубійства не будетъ достигнута, и моя смерть окажется вполнѣ напрасной. Жребій же обяжетъ человѣка сдержать обѣщаніе данное умершимъ товарищамъ.

— Въ этихъ случаяхъ личный примѣръ дѣйствуетъ лучше, чѣмъ данное слово, — возразилъ я и сослался на нѣсколько историческихъ фактовъ.

Бобоховъ согласился съ этимъ доводомъ.

Изъ этого разговора, помню, я вывелъ заключеніе, что ему сильно хотѣлось жить: столь молодымъ попалъ онъ на каторгу, такъ мало видѣлъ на своемъ вѣку и такъ горячо интересовался онъ всѣмъ, происходившимъ на бѣломъ свѣтѣ. Поэтому, разставаясь съ нимъ, я подумалъ, что желаніе жить возьметъ у него верхъ надъ сознаніемъ, долгомъ, и я успокоился. Между тѣмъ въ эти дни судьба его и нѣкоторыхъ другихъ товарищей, была уже рѣшена...

Въ то самое время, когда у насъ шли переговоры о проектѣ Бобохова, къ намъ стали доходить сперва смутные, а затѣмъ все болѣе настойчивые и опредѣленные слухи, что отъ генералъ-губернатора пришло распоряженіе подвергнуть Сигиду тѣлесному наказанію за нанесенное ею оскорбленіе коменданту Масюкову. Слухи эти казались намъ неправдоподобными: во всей исторіи нашего революціоннаго движенія не было ни одного случая примѣненіи тѣлеснаго наказанія къ женщинѣ. Да и изъ мущинъ, какъ извѣстно, такому оскорбленію подвергся только одинъ Боголюбовъ, осужденный на 15 лѣтъ каторж. работъ, за участіе въ демонстраціи на Казанской площади (6 дек. 1876 г.); но, послѣ выстрѣла, произведеннаго, въ отвѣтъ на эту расправу, Вѣрой Засуличъ въ петербургскаго градоначальника Трепова и оправданія ея присяжными засѣдателями, правительство очевидно не рѣшалось подобными пріемами возбуждать противъ себя все общество. Втеченіи десяти съ чѣмъ то лѣтъ, истекшихъ съ того времени, политическихъ каторжанъ за побѣги,

хотя и приговаривали къ тѣлесному наказанію, но всѣмъ имъ оно замѣнялось значительными удлиненіями сроковъ ихъ пребыванія на каторгѣ. Естественно было предполагать, что тѣмъ болѣе не рѣшатся произвести столь гнусное издѣвательство надъ женщиной. Но, съ другой стороны, незадолго предъ тѣмъ совершенное въ Якутскѣ жестокое избіеніе невинныхъ юношей и дѣвушекъ внушало опасеніе, что правительство „царя-миротворца“ на все способно.

Наступили для насъ ужасные дни: мы жили между опасеніемъ, что примѣнятъ къ Сигидѣ позорное наказаніе, и надеждой, что не рѣшатся на это. Но въ первыхъ числахъ ноября изъ вольной команды пришло письмо, въ которомъ сообщалось, что по распоряженію генералъ-губернатора Сигида была подвергнута 6 ноября тѣлесному наказанію. Завѣдующій уголовными тюрьмами, въ распоряженіи котораго, какъ я уже сообщалъ, она находилась, вмѣстѣ съ тремя подругами, не соглашался исполнить это приказаніе, врачъ также нашелъ невозможнымъ примѣнить къ Сигидѣ это наказаніе, въ чемъ и выдалъ свидѣтельство. Но пріѣхавшій изъ другого района звѣрь Бобровскій, который присутствовалъ при увозѣ Е. Ковальской, нашелъ Сигиду здоровой и распорядился о наказаніи ея. Возмущенный этимъ врачъ отказался присутствовать при экзекуціи; Бобровскаго это не остановило, — онъ самъ все время оставался на мѣстѣ наказанія, наслаждаясь мученіями несчастной женщины. Распоряженіе о возмутительной расправѣ надъ Сигидой, повидимому, прибыло на Кару одновременно съ объявленной намъ угрозой генералъ-губернатора.

Не берусь описать охватившее насъ состояніе, по полученіи этого сообщенія. Его нельзя назвать угнетеннымъ, придавленнымъ, — оно скорѣе было мрачно-возбужденное и рѣшительное. Наружно мы старались ничѣмъ не проявлять своего состоянія, чтобы не возбуждать въ жандармахъ какихъ либо подозрѣній и не дать имъ возможности помѣшать осуществленію задуманнаго многими заключенными плана.

Затѣмъ, на второй или третій день мы узнали, что Сигиду послѣ наказанія отправили не въ лазаретъ, а въ уголовную тюрьму, въ которой сидѣли Калюжная, Ковалевская и Смирницкая. Въ ту же ночь или въ одну изъ ближайшихъ, — точно не было установлено нами, — Сигида скончалась, — неизвѣстно, отъ нервнаго ли потрясенія или отъ принятаго ею яда. Вслѣдъ за ея смертью три ея подруги отравились, послѣ чего онѣ были переведены въ лазаретъ, — Калюжная и Ковалевская въ состояніи агоніи, а Смирницкая — въ сознаніи. Подъ впечатлѣніемъ этихъ фактовъ одинъ изъ товарищей-вольнокомандцевъ — Наумъ Геккеръ произвелъ два выстрѣла себѣ въ лобъ, но остался живъ.

Когда въ нашей тюрьмѣ получились всѣ эти извѣстія, то не было уже болѣе споровъ о томъ, что слѣдуетъ предпринять: молча, безъ всякаго предварительнаго сговора, многіе рѣшили послѣдовать примѣру подругъ Сигиды. Необходимый для этого ядъ былъ наготовѣ. Никто не справлялся у другого, думаетъ ли онъ также покончить съ собою, — каждый, желавшій это сдѣлать, самъ молча бралъ для себя изъ лежавшихъ на общихъ столахъ во всѣхъ пяти камерахъ пачекъ развѣшенную дозу опія.

Особенное удивленіе вызвалъ въ тотъ день во многихъ Бобоховъ: онъ имѣлъ такой спокойный видъ, какъ будто ничего чрезвычайнаго ему не предстояло сдѣлать черезъ нѣсколько часовъ. Лицо его сохраняло обычную серьезность, и, какъ всегда, онъ говорилъ мало. Для Ивана Калюжнаго вопросъ, очевидно, былъ давно безповоротно рѣшенъ. Еще до полученія извѣстія о смерти его жены и сестры, онъ казался крайне возбужденнымъ: былъ веселъ, суетливъ, много острилъ и, вообще, имѣлъ видъ человѣка, собирающагося въ далекое, но пріятное путешествіе. Особенно дружнымъ Бобоховъ ни съ кѣмъ въ тюрьмѣ не былъ, но съ возникновенія исторіи въ женской тюрьмѣ, между нимъ и Ив. Калюжнымъ установилась большая близость.

Въ тюрьмѣ было только 39 человѣкъ; изъ нихъ 17 рѣшили покончить съ собою. Но даже изъ невыразившихъ намѣренія отравиться многіе запаслись порціями яда, — на всякій случай. Состояніе заключенныхъ въ этотъ день было такое, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, всѣ остальные могли прибѣгнуть къ самоубійству. Хотя общій порядокъ въ тюрьмѣ не нарушался, но всѣ были всецѣло поглощены мыслью о предстоявшемъ массовомъ самоубійствѣ. Только двое изъ заключенныхъ — Мирскій и Ѳоминъ, съ возбужденіемъ доказывали, что нѣтъ смысла столькимъ лицамъ кончать съ собою и считали необходимымъ тѣмъ или инымъ способомъ воспрепятствовать этимъ смертямъ. Но лица, рѣшившія отравиться, и слушать ихъ не хотѣли, а остальные, при такомъ состояніи тюрьмы, видѣли полную невозможность что либо предпринять: по ихъ мнѣнію, какое-нибудь рѣшительное вмѣшательство могло бы еще болѣе ухудшить общее положеніе.

Вечеромъ 12 ноября, вскорѣ послѣ повѣрки, изъ „Якутки“ раздалось стройное пѣніе, какого давно уже не слышно было въ нашей тюрьмѣ. Въ этой камерѣ сидѣли Бобоховъ, Ив. Калюжный и нѣкоторые другіе изъ рѣшившихъ покончить съ собою; кромѣ того, туда изъ другихъ камеръ собрались близкіе ихъ пріятели, также собиравшіеся отравиться. Пѣсня служила какъ бы общимъ сигналомъ для остальныхъ камеръ, въ которыхъ еще было по нѣсколько человѣкъ, обрекшихъ себя на смерть. Услы-

шавъ пѣніе, эти лица начали прощаться съ несобиравшимися умереть и затѣмъ, на виду у всѣхъ, проглатывали дозы яда. Дрожь пробѣгала по тѣлу неучаствовавшихъ въ самоубійствѣ; они были блѣдны, какъ мертвецы; у нѣкоторыхъ по лицамъ катились слезы, кое-кто всхлипывалъ, уткнувъ голову въ подушку, чтобы заглушить рыданія и тѣмъ не разстраивать принявшихъ ядъ. Послѣдніе, почувствовавъ, вскорѣ послѣ отравленія, сильную головную боль, ложились въ постели, въ увѣренности, что они никогда уже не встанутъ...

По аналогіи могу судить, какъ чувствовали себя въ это время другіе товарищи, нерѣшившіе покончить съ собою. Казалось, куда легче, взявъ порошокъ, высыпать его себѣ въ ротъ, чтобы немедленно затѣмъ забыться на вѣки, чѣмъ, оставаясь въ живыхъ, присутствовать, въ качествѣ зрителя, при смерти товарищей. Какое впечатлѣніе производилъ видъ этихъ самоубійствъ, можетъ отчасти показать тотъ фактъ, что поздно ночью я вдругъ почувствовалъ сильнѣйшую головную боль; когда же я прилегъ, то меня стало тошнить. Я былъ самъ увѣренъ, что какъ-нибудь нечаянно отравился. Нашъ врачъ Прибылевъ послалъ жандармовъ за льдомъ и началъ прикладывать мнѣ компрессы; затѣмъ появилась рвота, и мнѣ стало легче. По словамъ Прибылева, у меня были всѣ симптомы отравленія; а между тѣмъ, я не принималъ яда. Когда слухъ о моемъ состояніи распространился по другимъ камерамъ, то товарищи подумали, что и я, невыразившій раньше готовности принять участіе въ самоубійствахъ, не могъ устоять и молча проглотилъ ядъ.

Однако, и лицамъ, дѣйствительно его принявшимъ, не суждено было умереть въ ту ночь: опій оказался испорченнымъ, и утромъ всѣ они поднялись, чувствуя сильныя головныя боли и тошноту. Но эта неудача не измѣнила намѣренія нѣкоторыхъ изъ числа рѣшившихъ покончить съ собою, — она лишь отсрочила его на однѣ сутки. На этотъ разъ рѣшено было прибѣгнуть къ морфію. Въ этотъ день, между прочимъ, случился небольшой курьезъ, который приведу здѣсь.

Кромѣ названныхъ мною выше рабочихъ, въ числѣ сидѣвшихъ въ „Синедріонѣ“ былъ еще токарь Моисей Поповъ. Въ 1883 году, онъ, по дѣлу Дзвонкевича, приговоренъ былъ къ смертной казни, которая, вслѣдствіе поданной имъ просьбы о смягченіи приговора, замѣнена была ему безсрочной каторгой. Сопроцессники его утверждали, что онъ во время слѣдствія велъ себя предосудительно и кое-кому повредилъ. Въ тюрьмѣ у насъ его причисляли къ „монархистамъ“ и считали кандидатомъ въ колонисты. Но Поповъ не подтвердилъ этого нелестнаго о немъ мнѣнія товарищей. Вообще, это былъ неглу-

пый, занимающійся человѣкъ, но очень вспыльчивый, злой и несимпатичный.

Утромъ 13 ноября онъ во время прогулки подошелъ ко мнѣ и завелъ разговоръ о происшедшемъ наканунѣ вечеромъ массовомъ отравленіи. При этомъ онъ, помню, произнесъ такую фразу: „состояніе у меня такое, что въ пору уйти въ колонію". Вернувшись въ камеру, я услышалъ, что М. Поповъ вызвался къ коменданту, что у насъ означало рѣшеніе подать просьбу о помилованіи. Нѣкоторые высказывали при этомъ предположеніе, что М. Поповъ навѣрно сообщитъ Масюкову о готовящемся въ тюрьмѣ вторично массовомъ самоубійствѣ; иные находили такое его разоблаченіе даже желательнымъ, такъ какъ комендантъ приметъ мѣры, чѣмъ предупредитъ неизбѣжныя на этотъ разъ смерти. Но лица, рѣшившія покончить съ собою, заволновались и, послѣ обсужденія, что предпринять, обратились къ Попову съ просьбой, чтобы онъ отложилъ свое намѣреніе уйти въ колонію всего на одинъ день.

— Но съ чего вы взяли, что я хочу подать сегодня прошеніе? — спросилъ Поповъ съ негодованіемъ.

— А вы вѣдь обратились къ дежурному у воротъ жандарму — отвѣтилъ ему разговаривавшій съ нимъ парламентеръ.

— Да, я просилъ его прислать лопату, чтобы отгрести снѣгъ.

Такимъ образомъ вышло qui pro quo. Но Поповъ на меня обидѣлся, предположивъ, что я передалъ другимъ его фразу о своевременности ухода въ колонію, каковую соединили съ его обращеніемъ къ жандарму и сдѣлали оскорбительное для него умозаключеніе. Я былъ въ этомъ неповиненъ, о чемъ мы съ нимъ и объяснились. Все же, несомнѣнно, что Поповъ хотѣлъ уйти въ колонію, почему товарищи были правы, когда говорили о немъ: „и хочется, и колется".

Много, много лѣтъ спустя М. Поповъ, уже вышедши, по окончаніи каторги, на поселеніе, подтвердилъ правильность составившагося у товарищей мнѣнія о немъ: онъ таки подалъ просьбу о помилованіи. Но вернемся къ трагическому ноябрьскому дню 1889 г.

День отсрочки смерти повліялъ на значительную часть рѣшившихъ покончить съ собою. У нѣкоторыхъ изъ нихъ за это время уже измѣнилось настроеніе, и желаніе не разставаться съ жизнью превозмогло чувство возмущенія противъ начальства. Къ вечеру во всѣхъ камерахъ только девять человѣкъ рѣшили повторить попытку самоубійства. Снова происходили сцены прощанія съ остававшимися въ живыхъ; но состояніе послѣднихъ не было уже столь ужаснымъ, — чрезчуръ напряженные наканунѣ нервы нѣсколько притупились, и въ голову приходило: „будетъ ли этому когда конецъ?" Опытъ былъ уже близокъ. Вновь принятый ядъ также оказался плохимъ, испор-

ченнымъ, и у большинства отравившихся онъ вызвалъ лишь какіе то незначительные болѣзненные припадки. Только Калюжный и Бобоховъ, опасаясь и на этотъ разъ неудачи, заранѣе приняли не ординарныя, а значительно увеличенныя дозы морфія. Однако и эта предосторожность не подѣйствовала: Бобоховъ лишь на время впалъ въ забытье, но, проснувшись ночью, онъ услыхалъ неестественную хрипоту, издаваемую Ив. Калюжнымъ. Онъ сталъ звать своего друга и, обнявъ, осыпалъ лицо его поцѣлуями; Калюжный не откликался. Понявъ, наконецъ, что ничто не въ силахъ уже разбудить его, Бобоховъ сразу принялъ еще нѣсколько дозъ морфія, затѣмъ легъ рядомъ съ Калюжнымъ, и, крѣпко обнявъ его, уснулъ на вѣки.

Утромъ 14 ноября смотритель, явившись на повѣрку въ сопровожденіи жандармовъ, нашелъ двухъ отравившихся въ безсознательномъ состояніи. Затѣмъ прибылъ тюремный врачъ, которому оставалось лишь констатировать давно начавшуюся агонію: Калюжный скончался къ вечеру, а Бобоховъ только утромъ 15 ноября. Послѣ произведеннаго въ тюремномъ лазаретѣ вскрытія, оба трупа были погребены, вмѣстѣ съ четырьмя раньше умершими женщинами, на Нижне-Карійскомъ кладбищѣ, въ общей могилѣ, на которой товарищи водрузили сдѣланный ими самими большой крестъ, вырѣзавъ на немъ евангельскія слова: „Никто же любви больше имать, да кто душу свою положитъ за други своя“.

Начальство заволновалось. Въ тотъ же день комендантъ прислалъ жандарма спросить насъ, примемъ-ли мы его? Получивъ утвердительный отвѣтъ, Масюковъ явился въ сопровожденіи конвоя. Онъ былъ крайне жалокъ, — хныхалъ, лепеталъ, что не виноватъ въ происшедшемъ и объяснилъ случившееся несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Никто изъ насъ не отвѣчалъ ему ни слова. Въ заключеніе онъ обратился къ Прибылеву съ мольбой выдать ему аптечку, такъ какъ, послѣ отравленій, онъ не вправѣ оставлять ее въ тюрьмѣ. Прибылевъ удовлетворилъ его просьбу.

Нѣсколько дней спустя пріѣхали фонъ-Плотто и прокуроръ. Не рѣшаясь войти въ камеры, они оставались на порогѣ, окруженные конвоемъ. Въ отвѣтъ на ихъ вопросы о причинахъ, происшедшихъ у насъ отравленій, одинъ изъ заключенныхъ указалъ на возмутительную расправу съ Сигидой, другой говорилъ о жестокости угрозы генералъ-губернатора, предоставлявшаго коменданту право прибѣгать къ вооруженной силѣ, „не боясь послѣдствій“. Онъ заявилъ также, что, пока это распоряженіе не будетъ отмѣнено, спокойствіе въ тюрьмѣ не установится. Наконецъ, пріѣхалъ и губернаторъ.

Бывшій профессоръ Академіи генеральнаго штаба, генералъ Хорошкинъ былъ извѣстенъ, какъ грубый солдафонъ и бурбонъ.

Приказавъ всѣмъ заключеннымъ выстроиться въ корридорѣ, онъ изъ-за плотной шеренги жандармовъ обратился къ намъ съ рѣчью, въ которой старался доказать, что наши женщины сами виноваты въ случившемся. Изъ перехваченной нашей переписки, вслѣдствіе выдачи Оссовскаго, губернаторъ видѣлъ, что мы сами ожидали репрессій, послѣ „безумнаго“, какъ онъ выразился, поступка Сигиды. Но безъ повода съ нашей стороны намъ, по его словамъ, ничто особенное не угрожаетъ, такъ какъ правительству дорога жизнь каждаго изъ насъ. Въ теченіе своей рѣчи онъ нѣсколько разъ повторялъ: „никакихъ опасеній и никакихъ надеждъ“.

Безъ всякаго предварительнаго сговора заключенные молча выслушали эту рѣчь, и, не смотря на неоднократно повторенный губернаторомъ вопросъ: не имѣемъ-ли какихъ-нибудь заявленій? — никто изъ насъ не проронилъ ни слова.

Въ женскую тюрьму Хорошкинъ пришелъ въ сопровожденіи коменданта. Только одна Якимова не захотѣла выйти изъ своей камеры, громко заявивъ, что она не хочетъ видѣть Масюкова. Но губернаторъ рѣшительнымъ тономъ потребовалъ, чтобы она вышла, и, поколебавшись немного, Якимова уступила. На присутствовавшихъ при этомъ товарокъ ея сцена эта произвела очень тяжелое впечатлѣніе.

Вскорѣ затѣмъ назначено было слѣдствіе по поводу происшедшихъ отравленій. Нѣкоторые изъ допрашиваемыхъ, — лица, сами покушавшіяся на самоубійство, давали очень рѣзкія показанія, въ которыхъ называли генералъ-губернатора „убійцей“ и „палачемъ“. Комендантъ не рѣшился отправить эти показанія высшему начальству и предложилъ допрашиваемымъ смягчить свои выраженія, но они отъ этого отказались, — онъ вѣроятно самъ какъ-нибудь измѣнилъ ихъ.

Въ одинъ изъ дней, послѣдовавшихъ за отравленіемъ, Масюковъ пригласилъ къ себѣ старосту и, выславъ изъ комнаты жандарма, сообщилъ ему, что вслѣдствіе доноса Оссовскаго изъ департамента государственной полиціи пришло распоряженіе произвести у насъ въ тюрьмѣ генеральный обыскъ, въ присутствіи спеціально назначенной для этого комиссіи изъ нѣсколькихъ должностныхъ лицъ. Комендантъ просилъ все лишнее и запрещенное уничтожить или спрятать, для чего предложилъ свои услуги. Предостереженіемъ этимъ мы, конечно, воспользовались; поэтому, обыскъ, длившійся почти цѣлый день, не далъ начальству никакихъ результатовъ.

Тяжелое настроеніе воцарилось въ тюрьмѣ послѣ ноябрьскихъ дней. Прекратились развлеченія, пѣсни, игры. Всѣ чувствовали себя придавленными, удрученными. Къ тому же заключенные рѣзко подѣлились на двѣ „партіи“: миролюбивое, большинство, называвшееся жирондистами и крайніе, къ кото-

рымъ принадлежали нѣкоторые изъ покушавшихся на самоубійство. Разногласія между этими двумя партіями, начавшіяся съ отношенія къ происходившимъ въ женской тюрьмѣ исторіямъ, перешли затѣмъ на другіе второстепенные вопросы и внесли много горечи въ нашу и безъ того безотрадную жизнь.

Ко всему вышеописанному въ тотъ тяжелый годъ присоединилось у насъ еще чрезвычайное безденежье. Матеріальныя наши условія, изъ года въ годъ все ухудшавшіяся, при Масюковѣ стали особенно плачевными. Отчасти вліяли здѣсь съ годами ослабѣвавшія привязанности и память о насъ лицъ, отдаленныхъ отъ Кары огромными пространствами; но виноватъ былъ въ этомъ и Масюковъ. Кромѣ другихъ отрицательныхъ чертъ, онъ обладалъ еще чрезмѣрнымъ пристрастіемъ къ картамъ, а проигравшись въ пухъ, что съ нимъ, повидимому, нерѣдко случалось, онъ расплачивался, какъ мы подозрѣвали, приходившими для насъ по почтѣ деньгами. Твердыхъ же данныхъ для его обличенія у насъ въ рукахъ не имѣлось. Какъ-бы то ни было, зимою того года доходы наши были до того мизерны, что мы не могли даже ассигновать обычной суммы для улучшенія пищи на рождественскіе дни и въ новый, 1890-й годъ. Эти праздники прошли у насъ болѣе грустно и тоскливо, чѣмъ въ другіе годы.

Наступила весна. Никакой рѣшительно перемѣны не произошло въ нашей тюрьмѣ. Но угроза барона Корфа, какъ Дамокловъ мечъ, продолжала висѣть надъ нами, не давая забыть, чему насъ могутъ подвергнуть, при малѣйшемъ поводѣ. Двое товарищей изъ крайнихъ вновь рѣшили покончить съ собой, чтобы тѣмъ доказать начальству, что мы не примирились съ циркуляромъ генералъ-губернатора.

Когда извѣстіе объ этомъ распространилось по тюрьмѣ, то опять всѣ заволновались, готовясь къ тяжелымъ зрѣлищамъ самоубійствъ. Но многіе энергично возстали противъ такихъ экспериментовъ надъ нашими нервами. Къ тому же намъ было совершенно не извѣстно, какъ отнеслось высшее начальство къ угрозѣ генералъ-губернатора, послѣ происшедшихъ на Карѣ трагическихъ исторій. Путемъ этихъ доводовъ удалось убѣдить двухъ товарищей, собиравшихся покончить съ собой, чтобы они отложили свое намѣреніе до объясненія съ комендантомъ.

Оказалось, что у Масюкова уже имѣлось новое предписаніе, въ которомъ сообщалось, что тѣлесныя наказанія совершенно отмѣняются для всѣхъ женщинъ, осужденныхъ въ каторжныя работы; изъ мущинъ же отъ нихъ избавлялись лица, принадлежавшія до осужденія къ привиллегированнымъ сословіямъ, а также всѣ, окончившіе высшія и среднія учебныя заведенія.

Такимъ образомъ, хотя шестью самоубійствами и пятнадцатью

покушеніями на нихъ заключенные на Карѣ и не добились полной отмѣны тѣлесныхъ наказаній, но можно было разсчитывать, что, какъ и послѣ дѣла Вѣры Засуличъ, правительство вновь, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не рѣшится совершать надъ политическими преступниками этой возмутительной расправы.

Для меня лично весна 1890 года памятна еще тѣмъ, что мой старый другъ, Яковъ Стефановичъ, кончилъ тогда весь срокъ каторги и долженъ былъ уйти на поселеніе. Но такъ какъ въ апрѣлѣ была еще распутица, то комендантъ выпустилъ его въ вольную команду.

Къ лѣту жизнь наша вошла въ обычную свою колею, — словно за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ у насъ не произошли ужасныя событія. Какъ и въ предыдущіе годы, любители занялись огородами, и снова въ нашемъ уютномъ садикѣ многіе разбили свои палатки. Только въ описываемое лѣто чаще прежняго стали нами практиковаться общія чаепитія на дворѣ, во время которыхъ велись горячіе дебаты. Поводами къ нимъ послужили, между прочимъ, политическія событія въ Германіи. Вызванное въ ней „новымъ курсомъ", объявленнымъ Вильгельмомъ II, сильное общественное возбужденіе нашло нѣкоторый откликъ и среди насъ, политическихъ каторжанъ на Карѣ. Мы съ жаромъ обсуждали отставку Бисмарка, отмѣну закона противъ соціалистовъ и пр. Во время этихъ дебатовъ, конечно, сильно доставалось нѣмецкимъ соціаль-демократамъ отъ нашихъ самобытниковъ, — народниковъ и народовольцевъ. Каждый шагъ нѣмцевъ подвергался самой строгой критикѣ, успѣхи ихъ считались преувеличенными, раздутыми, а вся ихъ тактика признавалась отсталой, культуртрегерской и крайне вредной для развитія революціонныхъ чувствъ. Отъ нѣмцевъ споры естественно переходили къ марксизму, матеріалистическому взгляду на исторію, діалектическому методу и гегелевской тріадѣ. Въ этихъ спорахъ подчасъ принимали горячее участіе и лица, лишь впервые здѣсь услышавшія эти мудренные термины. Но, какъ я уже выше упоминалъ, марксистское направленіе понемногу начало пробивать себѣ дорогу среди заключенныхъ. Наиболѣе выдающимся сторонникомъ его явился Фаддей Рехневскій, человѣкъ очень образованный и любознательный.

Въ концѣ лѣта въ нашей жизни произошли крупныя перемѣны. Втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ уже носились слухи, что верстахъ въ 300 отъ насъ, въ с. Акатуѣ строится новая, образцовая тюрьма, въ которую намѣрены перевести всѣхъ политическихъ каторжанъ, находившихся на Карѣ. Въ этомъ селеніи имѣлись давно заброшенные серебряные рудники, въ которыхъ нѣкогда работали декабристы. Режимъ для насъ въ

этой новой тюрьмѣ предполагалось устроить какой-то особенный, небывалый даже въ Россіи, но опредѣленнаго никто не могъ намъ объ этомъ ничего сообщить. Каждую весну распространялся слухъ, что осенью насъ непремѣнно перевезутъ въ Акатуй, а съ ея наступленіемъ переводъ откладывался до слѣдующаго года. Поэтому, многіе изъ насъ совершенно перестали придавать значеніе этимъ слухамъ.

Между тѣмъ, контингентъ заключенныхъ въ нашей тюрьмѣ быстро уменьшался, какъ, благодаря выходамъ на поселеніе и въ вольную команду, такъ и вслѣдствіе уходовъ въ колонію; новыхъ же каторжанъ къ намъ на Кару болѣе не присылали, такъ какъ въ концѣ 80 хъ годовъ революціонное движеніе въ Россіи вообще ослабѣло; а тѣхъ сравнительно немногихъ молодыхъ людей, которыхъ арестовывали, правительство предпочитало не судить, а ссылать административнымъ порядкомъ на чрезвычайно продолжительные сроки,—на 10—12 лѣтъ не только въ отдаленные улусы Якутской Области, но и на островъ Сахалинъ. Поэтому, къ концу лѣта 1890 г. въ нашей тюрьмѣ осталось только тридцать три человѣка; къ тому же, около двадцати изъ нихъ имѣли уже право выйти въ вольную команду, но ихъ не выпускали, какъ мы уже знаемъ, вслѣдствіе введеннаго комендантомъ Николинымъ ограниченія контингента вольнокомандцевъ пятнадцатью лицами.

Я также около года, какъ пріобрѣлъ это фиктивное право на выходъ изъ тюрьмы. Но мнѣ никогда не приходило на мысль, что меня выпустятъ въ вольную команду. Наоборотъ, со дня прибытія на Кару, я всегда былъ увѣренъ, что пробуду въ тюрьмѣ до самаго окончанія срока каторги, и даже въ мечтахъ я никогда не рисовалъ себѣ возможности побывать въ вольной командѣ. Если я и заносился мысленно въ будущее, то рисовалъ себѣ жизнь на поселеніи. Она вовсе не представлялась мнѣ въ радужномъ свѣтѣ, и все же я съ ужаснымъ нетерпѣніемъ ждалъ наступленія дня ухода изъ тюрьмы. Признаюсь, подобно герою „Записокъ изъ мертваго дома“, я также во время прогулокъ, занимался нерѣдко высчитываніемъ, сколько мѣсяцевъ, недѣль, а то и дней мнѣ еще остается до выхода на поселеніе, и, чѣмъ болѣе приближался этотъ желанный часъ, тѣмъ, казалось, медленнѣе идетъ время, тѣмъ болѣе долгимъ представлялся остающійся еще срокъ.

Въ концѣ лѣта до насъ вновь дошелъ слухъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени состоится нашъ переводъ въ Акатуй. На этотъ разъ не оставалось болѣе никакихъ сомнѣній, что извѣстіе это вѣрно. Одновременно намъ сообщили, что на Кару прибылъ генералъ-губернаторъ и вскорѣ явится къ намъ въ тюрьму. Всѣхъ насъ собрали на дворѣ, при чемъ мы заранѣе рѣшили, во избѣжаніе скандала, выйти безъ шапокъ. Вслѣдъ

затѣмъ появился баронъ Корфъ, въ сопровожденіи большой свиты и окруженный жандармами и конвоемъ. Онъ обратился къ намъ съ просьбой выслушать его внимательно. Мы насторожили уши.

— Изъ Петербурга, — сообщалъ онъ, — отъ высшаго начальства пришло распоряженіе перевести васъ въ Акатуй. Новый вашъ режимъ будетъ состоять въ томъ, что вы во всемъ рѣшительно приравниваетесь къ уголовнымъ преступникамъ: вы будете жить съ ними въ общихъ камерахъ, вмѣстѣ съ ними работать въ рудникахъ, пользоваться одной и той же пищей, и васъ будутъ подвергать одинаковымъ съ ними наказаніямъ. Словомъ, — закончилъ, онъ, — ни въ ту, ни въ другую сторону для васъ не станутъ дѣлать уклоненій отъ строго выработанной инструкціи.

Рѣчь генералъ-губернатора лилась довольно гладко, но все же замѣтно было, что онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко. Нѣсколько разъ повторялъ онъ, что распоряженіе это не отъ него исходитъ, и что оно не имѣетъ никакого отношенія къ происходившимъ у насъ недавно происшествіямъ. На насъ рѣчь его произвела потрясающее впечатлѣніе: хотя мы и опасались предстоявшаго режима въ новой тюрьмѣ, но никому изъ насъ не приходило на умъ, — особенно, послѣ всего нами пережитаго, — что вновь вздумаютъ насъ сравнять съ уголовными въ отношеніи примѣненій къ намъ тѣлесныхъ наказаній. Казалось невѣроятной жестокостью, чтобы правительство рѣшилось такъ глумиться надъ людьми, большинство которыхъ мирно просидѣло въ тюрьмѣ въ теченіе десяти и болѣе лѣтъ, не давъ нималѣйшаго повода къ какимъ-либо недоразумѣніямъ съ начальствомъ.

На повторенный бар. Корфомъ нѣсколько разъ вопросъ, не имѣемъ-ли какихъ-нибудь заявленій, мы отвѣчали гробовымъ молчаніемъ, такъ какъ никто не хотѣлъ вступать въ разговоръ съ человѣкомъ, отдавшимъ возмутительное распоряженіе о наказаніи женщины. Ему же, видимо, чрезвычайно хотѣлось, чтобы кто-нибудь заговорилъ съ нимъ. Чувствовалось крайне напряженное состояніе. Не дождавшись ни отъ кого изъ насъ ни слова, генералъ-губернаторъ собрался было уже уходить, когда Мирскій совсѣмъ неожиданно нарушилъ общее молчаніе. Въ очень вѣжливой формѣ обратился онъ къ барону Корфу съ вопросомъ, какъ понимать его слова, что ни въ какую сторону не будутъ дѣлаться для насъ отступленія отъ инструкціи? Онъ указалъ при этомъ на то, что уголовныхъ безъ ограниченія выпускаютъ въ вольную команду, между тѣмъ какъ по отношенію къ намъ это правило всегда нарушается. Генералъ-губернаторъ съ большимъ оживленіемъ началъ объяснять, что и по отношенію къ намъ впредь не будетъ никакихъ ограниче-

пій при выпускѣ въ вольную команду. Мирскій обмѣнялся съ нимъ еще нѣсколькими фразами, когда въ ихъ разговоръ вмѣшался Якубовичъ. Волнуясь и жестикулируя, онъ заявилъ, что политическіе никогда не дадутъ сравнять себя съ уголовными въ отношеніи тѣлесныхъ наказаній, и что они всегда предпочтутъ смерть позору. Генералъ-губернаторъ довольно сбивчиво сталъ доказывать, что, какъ въ прошломъ, такъ, онъ увѣренъ, и въ будущемъ, насъ не будутъ наказывать.

Я не намѣревался вступать въ этотъ разговоръ, но, услыхавъ послѣднюю фразу, у меня невольно сорвалось съ языка: „а Сигиду, женщину!“

Это была самая щекотливая и тяжелая тема. Баронъ Корфъ, повидимому, обрадовался случаю высказаться по этому поводу.

— Что же намъ было дѣлать? — воскликнулъ онъ: — насъ бьютъ, а мы должны молчать?

— Вы могли казнить ее, но не издѣваться, — отвѣтилъ я.

Генералъ-губернаторъ продолжалъ доказывать, что не онъ первый прибѣгъ къ личному оскорбленію, а Сигида, и въ заключеніе замѣтилъ, что прошлаго не исправишь.

Мы вернулись въ камеры въ самомъ тяжеломъ настроеніи. Всѣ чувствовали себя униженными и оскорбленными сообщеніемъ барона Корфа. Но нѣсколько часовъ спустя, начальство получило возможность убѣдиться, какъ мы будемъ реагировать на третированіе насъ, какъ уголовныхъ.

Съ наступленіемъ вечерней повѣрки смотритель тюрьмы, чиновникъ Пахоруковъ сталъ, вмѣстѣ съ дежурными жандармами, обходить по порядку камеры. Я въ это время былъ на корридорѣ и намѣревался зайти въ свою камеру одновременно съ лицами, производившими повѣрку. Тамъ же находился Ѳомичевъ, повидимому имѣвшій въ виду сдѣлать тоже самое. Но лишь только жандармъ, всунувъ ключъ въ замокъ, началъ отпирать его, какъ вдругъ въ воздухѣ что-то блеснуло, раздался сильный ударъ чѣмъ-то тяжелымъ, и смотритель повалился на землю. Жандармы въ паническомъ страхѣ бросились бѣжать вонъ изъ корридора. Посмотрѣвъ на лицо Ѳомичева, покрытое смертельной блѣдностью, не трудно было понять, что это онъ чѣмъ-то ошарашилъ Пахорукова. Послѣдній, между тѣмъ, лежалъ на полу въ безсознательномъ состояніи.

Устремившись вслѣдъ за убѣжавшими жандармами, я сталъ успокаивать ихъ, что имъ не угрожаетъ никакая опасность, тѣмъ болѣе, что они всѣ вооружены; но не скоро удалось мнѣ убѣдить ихъ вернуться обратно, чтобы оказать помощь смотрителю.

Надо здѣсь замѣтить, что умный и находчивый вахмистръ Голубцевъ, лишь только начались у насъ волненія, перешелъ на службу въ тюремное вѣдомство, мотивируя свой уходъ тѣмъ,

что затѣянная Масюковымъ исторія, при увозѣ Ковальской, добромъ не окончится; преемникъ же его оказался не особенно храбрымъ и сообразительнымъ жандармомъ. Послѣ паденія Пахорукова, онъ первый опрометью бросился бѣжать. Уступая моимъ настояніямъ, онъ согласился выпустить изъ запертой камеры на корридоръ нашего врача Прибылева, для оказанія первой помощи раненому. Голова у послѣдняго оказалась пробитой тяжелой палкой, отчего произошло сотрясенія мозга.

Между тѣмъ комендантъ уѣхалъ провожать генералъ-губернатора; а такъ какъ смотритель лежалъ въ безсознательномъ состояніи въ нашей больничной камерѣ, то намъ, заключеннымъ, поневолѣ пришлось самимъ взять на себя роль начальствующихъ лицъ. Напуганные и растерявшіеся жандармы безпрекословно исполняли наши приказанія. Прежде всего необходимо было перенести раненаго на его квартиру. Въ сопровожденіи Прибылева, жандармы понесли его, вмѣстѣ съ койкой. Не трудно представить себѣ ужасъ жены и дѣтей Пахорукова, когда они увидѣли эту печальную процессію. Прибылевъ постарался ихъ успокоить, на сколько это было возможно.

Нужно было также что-нибудь предпринять съ Ѳомичевымъ, настаивавшимъ на томъ, чтобы его немедленно отъ насъ изолировали. Новый вахмистръ, по нашему указанію, согласился запереть его въ одной изъ одиночныхъ камеръ.

Поступокъ Ѳомичева мы объяснили себѣ, какъ проявленіе психическаго разстройства, чѣмъ временами онъ и раньше уже страдалъ. Но на другой день онъ разсказалъ намъ слѣдующее.

За нѣсколько мѣсяцевъ до описанной расправы, когда онъ сидѣлъ въ тюремномъ лазаретѣ, о чемъ я уже выше сообщалъ, смотрителемъ тамъ былъ Пахоруковъ. Однажды Ѳомичевъ изъ окна палаты, въ которой онъ сидѣлъ, былъ очевидцемъ такой сцены. Два уголовныхъ арестанта подметали дворъ; явившійся туда смотритель нашелъ, что они плохо исполняли эту работу и распорядился, чтобы ихъ тутъ же подвергли тѣлесному наказанію. Уже тогда запала въ его душу злоба противъ Пахорукова. Но онъ не сталъ бы мстить ему, если бы сообщеніе генералъ-губернатора объ уравненіи насъ съ уголовными не напомнило бы ему живо произведенную на его глазахъ возмутительную расправу. Теперь начальство будетъ знать, чего оно можетъ ждать отъ насъ, въ случаѣ примѣненія къ намъ тѣлесныхъ наказаній.

Снова наступили тревожные дни. Естественно было опасаться, что генералъ губернаторъ въ расправѣ Ѳомичева увидитъ проявленія общаго сговора и обрушится противъ всѣхъ новыми репрессіями. Но вскорѣ мы узнали, что комендантъ, на основаніи отзыва тюремнаго врача, представилъ генералъ-губер-

натору поступокъ Ѳомичева, какъ психическій припадокъ, вызванный крайне поразившимъ его извѣстіемъ объ уравненіи политическихъ съ уголовными арестантами. Затѣмъ рана у Пахорукова оказалась неопасной и, проболѣвъ нѣкоторое время, онъ вполнѣ оправился. Наконецъ, генералъ-губернатору очень понравилось проявленное заключенными участіе къ пострадавшему. По этимъ ли причинамъ или потому, что баронъ Корфъ, при докладѣ ему объ этомъ происшествіи былъ въ хорошемъ расположеніи духа, но онъ очень снисходительно отнесся къ нему. Назначенный для разслѣдованія этого дѣла чиновникъ особыхъ порученій при Корфѣ представилъ ему описанную расправу такъ, какъ объяснялъ ее врачъ; и въ результатѣ, продержавъ Ѳомичева нѣкоторое время въ тюремномъ лазаретѣ, его перевели въ Акатуй и лишь на годъ или два позже выпустили изъ тюрьмы.

Вслѣдствіи сдѣланнаго генералъ-губернаторомъ заявленія, можно было разсчитывать, что лица, получившія право на выходъ въ вольную команду, не будутъ отправлены въ Акатуй. Но многіе изъ насъ, — и я въ томъ числѣ, — сильно сомнѣвались, дѣйствительно-ли начальство рѣшится сразу выпустить изъ тюрьмы двадцать человѣкъ. Проученный постигшей меня во Фрейбургѣ неудачей, я не поддавался болѣе радужной надеждѣ; наоборотъ, я рисовалъ себѣ самыя мрачныя картины предстоявшей вскорѣ совмѣстной жизни съ уголовными, при ужасномъ новомъ режимѣ.

Но, недѣли двѣ спустя, послѣ отъѣзда генералъ-губернатора, стали доходить до насъ слухи, что дѣйствительно составляютъ уже списки лицъ, подлежащихъ выпуску въ вольную команду. Затѣмъ, однажды, въ срединѣ сентября совершенно неожиданно освободили изъ тюрьмы семейныхъ — Люри, Рехневскаго и Сухомлина, за которыми добровольно послѣдовали на Кару ихъ жены. А черезъ два-три дня послѣ этого въ тюрьму пришелъ Масюковъ, въ сопровожденіи его преемника, начальника Нерчинской каторги, капитана Томилина, и прочиталъ намъ списокъ семнадцати человѣкъ, которыхъ выпускали въ вольную команду; въ ихъ числѣ былъ и я[1]).

Мы наскоро сложили свои вещи и съ большой грустью простились съ тринадцатью товарищами, оставшимися въ тюрьмѣ, — имъ предстояло черезъ два дня уйти въ Акатуй. Сознаніе, что ихъ положеніе чрезвычайно ухудшалось, ослабляло радость по поводу собственнаго освобожденія. Представлявшійся раньше

---

[1]) Бойченко, Волошенко, Диковскій Сергѣй, Златопольскій, Козыревъ, Конъ, Майеръ, Мартыновскій, Мирскій, Михайловъ, Пашковскій, Преображенскій, Прибылевъ, Поповъ, Старынкевичъ, Ѳоминъ и я.

безконечно отраднымъ моментъ ухода изъ тюрьмы, теперь, когда онъ, наконецъ, наступилъ, вызвалъ у насъ неимовѣрную грусть, — словно мы покидали родной домъ. Не съ высоко поднятыми головами, а удрученные и печальные направились мы къ тюремнымъ воротамъ. Открыли калитку, и дотолѣ еще небывалая по количеству кучка политическихъ заторжанъ сразу очутилась за тюремной оградой.

XVI.

Жизнь въ вольной командѣ.

Былъ ясный осенній день. Намъ нужно было пройти всего съ полъ-версты; но, потому ли, что мы отвыкли отъ движенія на вольномъ воздухѣ, или вслѣдствіе наступившей послѣ нервнаго возбужденія реакціи, только всѣ мы на полъ-пути до поселка почувствовали вдругъ такой упадокъ силъ, что рѣшили сдѣлать привалъ. Мы расположились на землѣ и, закуривъ папиросы, перекидывались отрывочными фразами. Всѣ, видимо, находились въ придавленномъ состояніи.

Въ расположенной на окраинѣ поселка жалкой черной избушкѣ, раньше бывшей кузницей, жили Рехневскіе. Мы ввалились къ нимъ гурьбой, заполнивъ крохотную, съ низкимъ потолкомъ, но довольно чистенькую и уютную комнату. Нѣкоторые остались пить чай, другіе вскорѣ отправлись разыскивать остальныхъ вольнокомандцевъ. Я также пошелъ къ Стефановичу, который все еще находился на Карѣ, оттягивая, подъ разными предлогами, день своего ухода на поселеніе въ Якутскую область.

Его я не засталъ дома, но мнѣ не хотѣлось уходить, и я остался ждать его. Только поздно вечеромъ онъ вернулся домой и сообщилъ, что „въ куткѣ“ [1]) по случаю нашего освобожденія изъ тюрьмы устроена общая попойка, и предложилъ мнѣ отправиться туда.

Всѣ вольнокомандцы, числомъ болѣе тридцати человѣкъ, собрались въ маленькой тѣсной избушкѣ, въ которой негдѣ было повернуться. Пили, ѣли и пѣли, но, повидимому, никому не было весело. Потолкавшись немного, мы со Стефановичемъ вскорѣ ушли домой дѣлиться впечатлѣніями о пережитомъ за истекшіе со времени нашей разлуки пять мѣсяцевъ.

На слѣдующее утро мы отправились съ нимъ къ женской тюрьмѣ, изъ которой въ этотъ день должны были выпустить въ вольную команду Лешернъ фонъ-Герцфельдъ, Корбу, Ивановскую и Добрускину. Намъ нужно было пройти четыре версты, при этомъ я имѣлъ возможность увидѣть весь нашъ поселокъ — Нижнюю Кару. Онъ, оказалось, имѣлъ довольно оригинальный видъ. Расположенъ онъ по склону невысокой сопки, спускающейся къ незначительной, но золотоносной рѣчкѣ Карѣ, ко

[1]) Такъ называлась та часть поселка, гдѣ жили старые вольнокомандцы.

торая лѣтомъ почти совершенно пересыхаетъ. Ни по составу, своего населенія, ни по внѣшнему виду Нижняя Кара нисколько не походила на русскую деревню. Прербладающій контингентъ ея населенія составляли уголовные вольнокомандцы, преимущественно холостые; затѣмъ тамъ имѣлось нѣсколько крестьянъ изъ ссыльныхъ или изъ бывшихъ заводскихъ. На Нижней же Карѣ помѣщались три сотни пѣшихъ сибирскихъ казаковъ, которые несли караульную службу при тюрьмахъ; тамъ имѣлось также большое число всякаго рода служащихъ, офицеровъ, чиновниковъ и три торговца съ семьями.

Соотвѣтственно составу населенія были разнообразны и постройки на Нижней Карѣ: холостые уголовные вольнокомандцы и казаки помѣщались въ обширныхъ казармахъ, офицеры и тюремные чиновники занимали довольно приличныя казенныя зданія, а купцы имѣли хорошіе собственные дома; семейные же вольнокомандцы изъ уголовныхъ, мѣстные крестьяне и мы, политическіе ютились въ ветхихъ крошечныхъ избушкахъ и въ жалкихъ лачугахъ, расположенныхъ въ тѣсномъ „куткѣ“.

Найти помѣщеніе въ незначительномъ поселкѣ для такого, сравнительно большого контингента лицъ, одновременно очутившихся въ немъ, было, конечно, дѣломъ не легкимъ. Намъ пришлось, поэтому, чрезвычайно тѣсниться, и нѣкоторое время многіе изъ насъ помѣщались въ крошечныхъ избушкахъ, по нѣсколько душъ вмѣстѣ. Къ тому же наши матеріальныя условія были по прежнему незавидны. Съ выходомъ въ вольную команду вполнѣ подтвердилось, что Масюковъ былъ тому причиной.

Въ одинъ изъ первыхъ дней, послѣ нашего освобожденія изъ тюрьмы, онъ пригласилъ къ себѣ нашего старосту и чистосердечно признался ему въ произведенной имъ растратѣ нашихъ денегъ, кажется, 1.200 или болѣе того рублей. При сдачѣ же имъ должности должно было обнаружиться, что у него нѣтъ принадлежавшихъ намъ денегъ; поэтому, онъ униженно просилъ не губить его, а заявить новому нашему начальнику, что мы отъ него все сполна получили, обѣщая по частямъ выслать слѣдуемое намъ съ мѣста новой его службы, въ чемъ и предлагалъ росписку.

Если-бы мы заявили Томилину о совершенной Масюковымъ растратѣ, ему предстояло лишеніе всѣхъ правъ и ссылка на поселеніе въ Якутскую область, что, какъ я уже упомянулъ выше, случилось съ однимъ изъ его предшественниковъ, ротмистромъ Манаевымъ. Но губить жалкаго Масюкова никому изъ насъ не хотѣлось, поэтому, потолковавъ немного, мы поручили нашему старостѣ выдать бывшему коменданту росписку въ полученіи всего намъ слѣдуемаго и взять съ него предложенное имъ обязательство. Масюковъ, такимъ образомъ, былъ спасенъ. Но, какъ можно было заранѣе предвидѣть, долга онъ намъ впослѣд-

ствіи не подумалъ уплатить, а мы не предъявили никому его росписки.

Новый нашъ начальникъ, капитанъ Томилинъ, оказался очень умнымъ, тактичнымъ и не злымъ человѣкомъ. Онъ охотно удовлетворилъ первую нашу просьбу о дозволеніи всѣмъ вольнокомандцамъ проститься съ оставшимися въ тюрьмѣ тринадцатью товарищами[1]), передъ ихъ уходомъ въ Акатуй. Насъ всѣхъ, мужчинъ и женщинъ, пустили въ тюрьму. Предназначенныхъ къ отправкѣ вновь побрили, заковали въ кандалы и нарядили въ арестантскіе халаты съ двумя желтыми бубновыми тузами на спинахъ, что при Масюковѣ не практиковалось въ тюрьмѣ. Намъ крайне тяжело было смотрѣть на отправляемыхъ въ этомъ нарядѣ. Простившись съ ними, мы видѣли затѣмъ, какъ они, будучи окружены огромнымъ числомъ конвойныхъ, пошли по дорогѣ, побрякивая кандалами. Долго потомъ провожали мы ихъ глазами, думая о тѣхъ новыхъ мукахъ, которыя ждутъ ихъ впереди.

Мужская политическая тюрьма была, такимъ образомъ, навсегда уничтожена на Карѣ: тамъ остаалсь только вольная команда; да на Усть-Карѣ, вмѣстѣ съ уголовными каторжанками сидѣли еще четыре наши женщины: Ананьина, Салова, Тринитадская и Якимова.

Надзоръ за нами въ вольной командѣ состоялъ въ томъ, что ежедневно утромъ и вечеромъ къ намъ на квартиры являлся надзиратель съ тетрадкой, въ которую мы заносили свои фамиліи. Поѣздки на разстоянія большія, чѣмъ 15 верстъ, мы вправѣ были дѣлать, только съ разрѣшенія нашего смотрителя, — того самаго Похорукова, котораго ранилъ Ѳомичевъ. Но въ дѣйствительности это не соблюдалось, и мы ѣздили, не спрашивая его.

Вскорѣ послѣ нашего выхода въ вольную команду, изъ главнаго тюремнаго управленія, которому мы были теперь подчинены, наравнѣ съ уголовными, пришло распоряженіе ввести среди насъ, политическихъ, туже круговую поруку, какая существовала среди уголовныхъ вольнокомандцевъ: они были раздѣлены на десятки; каждый десятокъ выбиралъ изъ своей среды десятника, который обязанъ былъ слѣдить, чтобы никто изъ его состава не убѣжалъ. Въ случаѣ же побѣга одного, всѣхъ остальныхъ вновь запирали въ тюрьму. Чтобы не подвергнуться этой участи, уголовные предпринимали побѣги сразу цѣлыми десятками. Когда намъ объявили объ этомъ распоряженіи, мы, послѣ долгихъ дебатовъ, заявили капитану Томилину, что мы въ какомъ случаѣ не можемъ принять этой круговой поруки

[1]) Березнюкъ, Дзвонкевичъ, Диковскій Моисей, Дулембо, Зунделевичъ, Ивановъ Павелъ, Левченко, Маньковскій, Нагорный, Санковскій, Спандони, Чуйковъ и Якубовичъ.

такъ какъ она имѣетъ характеръ надзора другъ за другомъ, а мы полицейскихъ ролей исполнять не желаемъ. Вникнувъ въ приведенные нашимъ делегатомъ Яцевичемъ доводы, Томилинъ вполнѣ понялъ ихъ и составилъ въ очень благопріятномъ для насъ смыслѣ отвѣтъ главному тюремному управленію о невозможности ввести среди насъ предложенную послѣднимъ мѣру. Отъ формальной круговой поруки насъ, благодаря старанію Томилина, освободили; но всѣмъ намъ было ясно, что, въ случаѣ побѣга кого-либо изъ насъ, остальныхъ вольнокомандцевъ вновь посадятъ въ тюрьму. Одно это обстоятельство являлось уже достаточнымъ препятствіемъ для попытки къ побѣгу; но и по другимъ, указаннымъ выше, причинамъ невозможно было бѣжать съ Кары въ тѣ времена.

Жизнь наша въ вольной командѣ во многихъ отношеніяхъ измѣнилась къ лучшему, особенно на первыхъ порахъ: мы не только не были вѣчно подъ замкомъ, но насъ не брили, мы могли носить собственное платье, намъ дозволяли заниматься всякими ремеслами и работами, и мы имѣли право отъ собственнаго имени переписываться съ родными и близкими лицами. Особенно же пріятна была, послѣ многихъ лѣтъ пребыванія въ тюрьмѣ, полученная нами возможность въ любое время дня выходить изъ своего помѣщенія и гулять по окрестностямъ поселка. Это естественное право всякаго человѣка научается высоко цѣнить лишь тотъ, который втеченіи долгаго времени былъ лишенъ его.

Въ матеріальномъ отношеніи, съ выходомъ въ вольную команду, жизнь наша также въ значительной степени начала скоро измѣняться къ лучшему: къ прежнимъ источникамъ — къ продуктамъ, отпускавшимся намъ отъ казны въ томъ же количествѣ, какъ и въ тюрьмѣ, и къ деньгамъ, получавшимся нами отъ родныхъ, — для нѣкоторыхъ прибавилась еще возможность имѣть и небольшой частный заработокъ, часть котораго также вносилась ими въ общую кассу.

Организація нашей хозяйственной жизни въ существенныхъ чертахъ осталась той же, каковой она была у насъ въ тюрьмѣ, съ тѣми лишь измѣненіями, какія требовались новыми условіями. Мы по прежнему составляли „артель“ съ избраннымъ нами старостой во главѣ, завѣдывавшимъ всѣми внутренними и внѣшними дѣлами. Были у насъ также общая кухня и библіотека. Но теперь хозяйство наше въ значительной степени расширилось и осложнилось; вслѣдствіе этого прибавилось много новыхъ работъ и заботъ, отъ которыхъ въ тюрьмѣ мы совершенно были свободны. Такъ, съ осени всѣмъ здоровымъ мужчинамъ приходилось проводить по нѣсколько недѣль въ лѣсу за свалкой и распилкой деревьевъ; работа эта была не изъ легкихъ, но въ ней было и много пріятнаго. Зимой нужно было вывозить за-

готовленныя бревна изъ лѣса, отстоявшаго отъ нашего поселка въ нѣсколькихъ верстахъ. Дома приходилось распиливать эти бревна на полѣнья и колоть послѣднія, дѣлая запасы не только для себя, но и для всѣхъ тѣхъ, которые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, освобождались отъ тяжелыхъ работъ. Поэтому, одна уже заготовка дровъ отнимала довольно много времени. Но, кромѣ нея, зимой же мы занимались вывозкой заготовлявшихся нами лѣтомъ на лугахъ стоговъ сѣна для имѣвшихся въ нашемъ хозяйствѣ шести коровъ и четырехъ лошадей, а весной многіе возились съ огородами, покосами и пр. Какъ и въ тюрьмѣ, первое время по выходѣ въ вольную команду, мы готовили пищу по-очередно, группами. Но впослѣдствіи общая кухня была уничтожена, и каждый устраивался, какъ хотѣлъ. Всякихъ домашнихъ занятій и хлопотъ въ своей избушкѣ было, конечно, также значительно больше, чѣмъ въ тюремной камерѣ.

Изъ всѣхъ тяжелыхъ работъ въ вольной командѣ особенно утомительной казалось мнѣ вывозка сѣна зимой. Ѣхать за нимъ приходилось верстъ за 10 — 12. Поэтому, мы отправлялись изъ дому съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ вечеру успѣть вернуться обратно. Встаешь, бывало, въ 4 — 5 час. ночи, наскоро выпиваешь чай и спѣшишь запречь лошадей, что при жестокихъ сибирскихъ морозахъ и днемъ было нелегкимъ дѣломъ, а предъ разсвѣтомъ являлось настоящимъ мученіемъ. Двоимъ слѣдовало привести четыре большихъ воза сѣна; но, при неумѣньи и неопытности многихъ изъ насъ, дѣло не ладилось, веревки по-пути развязывались, сѣно разсыпалось, лошади то сворачивали съ дороги въ сугробы, то сильно отставали, и намъ, одѣтымъ въ тяжелые арестантскіе тулупы и въ валенки, не легко было перебѣгать отъ одного воза до другого. Потѣешь, какъ въ жаркій день, не смотря на ужасный морозъ. Но въ этой утомительной работѣ было за то немало и своеобразной поэзіи. Оригинальныя ощущенія приходилось испытывать ночью, когда мы ѣхали по пустыннымъ снѣжнымъ полямъ и тайгѣ; кругомъ — полнѣйшая тишина, — только снѣгъ хруститъ отъ лошадиныхъ копытъ и полозьевъ саней, да изрѣдка раздастся вой голоднаго волка. Холодный и густой воздухъ отличается удивительной прозрачностью. На чистомъ небѣ ярко блестятъ міріады звѣздъ. На далекомъ пространствѣ — никакихъ признаковъ человѣческой жизни. Но все усиливающійся, съ приближеніемъ разсвѣта, жестокій холодъ заставляетъ вернуться изъ области поэзіи къ тяжелой дѣйствительности. Морозъ пробрался сквозь тулупъ и словно тысячами острыхъ иглъ началъ колоть тѣло. Холода бывали такіе, что крѣпкая водка, которую мы съ собою брали въ бутылкахъ, замерзала, не смотря на то, что мы кутали ее самымъ тщательнымъ образомъ: бутылка трескалась и согрѣвающая жидкость превращалась въ сплошную льдинку.

Возвратившись домой, по окончаніи такой работы, бывало, испытываешь особенное наслажденіе. Маленькая крестьянская избушка въ этихъ случаяхъ казалась мнѣ чуть-ли не дворцомъ. Да я, вообще, находилъ ее очень привлекательной, хотя слишкомъ требовательный человѣкъ нашелъ бы въ ней массу несовершенствъ: большая русская печь, занимавшая почти треть комнаты, во время топки сильно дымила, а послѣ закрытія трубы, издавала угаръ, отъ котораго, однажды, я до того пострадалъ, что случайно зашедшіе ко мнѣ товарищи нашли меня потерявшимъ сознаніе. Повсюду было необъятное число щелей, поэтому, не смотря на всѣ мои стараніа забить и законопатить ихъ, вѣтеръ свободно разгуливалъ внутри. Но всѣ эти и другія несовершенства моего жилища казались сущими пустяками, по сравненію съ тѣмъ удобствомъ, какимъ являлась жизнь въ отдѣльномъ помѣщеніи; проживши, въ теченіе многихъ лѣтъ вмѣстѣ съ другими, будешь чувствовать себя счастливымъ, имѣя собственный, хотя-бы и плохой уголъ. Ради одного этого стоило мириться съ разными неудобствами и хлопотами, которыя можно было, отчасти избѣжать или въ значительной степени уменьшить, помѣстившись вдвоемъ съ кѣмъ нибудь изъ товарищей. Но, за исключеніемъ друзей, каждый предпочиталъ жить въ одиночку, возясь самъ съ топкой печки, ноской воды коромысломъ издалека и т. п. домашними работами.

Отдѣльную избушку я занялъ только послѣ ухода Стефановича (6 ноября 1890 года) на поселеніе, — съ тѣхъ поръ мы съ нимъ не видѣлись болѣе. Хатенка моя принадлежала казнѣ, и мнѣ предоставили ее въ полуразрушенномъ состояніи; я отремонтировалъ ее на собственный счетъ и имѣлъ массу хлопотъ, пока сдѣлалъ ее сколько нибудь удобной. Расположена она была на краю нашего поселка, рядомъ съ кладбищемъ. Дверь въ ней была до того плохо прилажена, что, при малѣйшемъ толчкѣ извнѣ, открывалась настежь. А кругомъ жила масса уголовныхъ, между которыми встрѣчались отчаянные типы. Тѣмъ не менѣе, никогда, помню, не приходилось опасаться чего-либо съ ихъ стороны. Возвращаешься, бывало, поздно ночью домой по безлюднымъ дорогамъ и тропинкамъ такъ же спокойно, какъ дѣлаешь это въ благоустроенномъ городѣ.

Самой худшей репутаціей изъ уголовныхъ вольнокомандцевъ пользовался тогда нѣкій Лысенко. О немъ разсказывали, что онъ, ради грабежа, вырѣзалъ большую семью въ нѣсколько душъ, въ томъ числѣ и малолѣтнихъ дѣтей. Здоровый, крѣпкій старикъ, лѣтъ 65 на видъ, онъ производилъ впечатлѣніе благообразнаго и не злого человѣка; къ тому-же онъ былъ очень набоженъ. Зная его лично, трудно было себѣ представить, чтобы онъ былъ способенъ убивать младенцевъ. Меня очень инте-

ресовало, насколько справедливы циркулировавшіе о немъ слухи. Однажды мой товарищъ прямо спросилъ его объ этомъ.

— То правда! Что подѣлаешь?—отвѣтилъ онъ.

— Но какъ могли вы убивать невинныхъ младенцевъ?

— Ажъ плачешь, та ріжешь! На то була воля Господа: якъ-бы вінъ того не захотівъ, я не могъ бы убыть, а они меня убыли-бы. Значитъ, вінъ послалъ меня.

— Ну, а убили-бы вы меня, Лысенко, если-бы встрѣтили гдѣ-нибудь въ тайгѣ?—спросилъ мой товарищъ, къ которому Лысенко, повидимому, хорошо относился.

— Якъ бы знавъ, що у васъ гроши е, убывъ бы,—отвѣтилъ онъ чистосердечно.

Въ описываемое мною время Лысенко занимался недозволеннымъ на Карѣ промысломъ,—скупкой такъ называемаго „хищническаго золота“ и тайной продажей водки. Надо замѣтить, что карійское населеніе жило тогда при совершенно исключительныхъ условіяхъ. Почти у всѣхъ мѣстныхъ жителей были довольно хорошіе заработки, что, главнымъ образомъ, объяснялось добычей золота въ томъ богатомъ этимъ драгоцѣннымъ металломъ районѣ. Съ одной лопатой и деревяннымъ лоткомъ не только взрослый человѣкъ, но также женщина и подростокъ могли втеченіи нѣсколькихъ часовъ намывать въ Карѣ или въ многочисленныхъ впадавшихъ въ нее ручьяхъ золота на одинъ—два, а иногда и больше рублей. Такое занятіе называлось „хищничествомъ“ и, хотя оно строго преслѣдовалось начальствомъ, но едва-ли не сплошь все мѣстное населеніе занималось имъ или было къ нему болѣе или менѣе причастно. Исключеніе составляли мы, политическіе преступники, да очень немногіе изъ мѣстныхъ интеллигентныхъ лицъ. Тысячи людей разныхъ соціальныхъ слоевъ и профессій, жившіе въ нѣсколькихъ поселкахъ, раскинутыхъ по Карѣ и ея притокамъ, не только хорошо существовали, но нерѣдко и наживались, благодаря хищническому золоту. Я зналъ тамъ семьи, въ которыхъ по нѣсколько человѣкъ одновременно отправлялось въ опредѣленное время на такую добычу,—словно они занимались самымъ законнымъ промысломъ. Никто рѣшительно, не исключая чиновниковъ, не считалъ этого занятія сколько-нибудь предосудительнымъ. Наоборотъ, большинство мѣстнаго населенія находило вполнѣ естественнымъ пользоваться результатами собственнаго труда и предпріимчивости на землѣ, безъ всякаго основанія объявленной почему-то частной собственностью царя или какъ принято на оффиціальномъ языкѣ говорить—„кабинета Его Величества“. Поэтому, не смотря на громадныя затраты, которыя дѣлало это учрежденіе для охраны таившагося въ нѣдрахъ земли того района золота,—огромное большинство этого металла добывалось хищническимъ способомъ и затѣмъ черезъ разныхъ посред-

никовъ и перекупщиковъ сплавлялось въ Китай, гдѣ цѣна его была значительно выше той, какую давалъ за него „Кабинетъ."

Всѣ изслѣдователи Сибири единогласно признаютъ, что „хищники золота" принесли огромную пользу краю. Въ поискахъ за этимъ металломъ они исколесили необъятную сибирскую тайгу и открыли многочисленныя, а нерѣдко и богатѣйшія золотыя розсыпи. Конечно, немногое отъ этихъ открытій перепадаетъ самимъ „хищникамъ": огромное большинство послѣднихъ не выходитъ изъ положенія чернорабочихъ, имѣющихъ лишь на дневное пропитаніе, и почти всѣ они никогда не вылѣзаютъ изъ кабалы у разнаго рода перекупщиковъ и подрядчиковъ.

Я уклонился-бы отъ темы моихъ записокъ, если-бы вздумалъ подробнѣе описать положеніе „хищниковъ золота". Скажу лишь, что они живутъ совершенно особеннымъ бытомъ, въ которомъ чрезвычайно много своеобразнаго и интереснаго.

Находясь въ вольной командѣ, не трудно было также познакомиться съ жизнью уголовныхъ каторжанъ. Какъ я уже упоминалъ, на Карѣ имѣлось нѣсколько тюремъ для уголовныхъ, входъ въ которыя, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, былъ довольно свободенъ. При мнѣ совершенно прекращена была разработка золота каторжными, такъ какъ трудъ ихъ оказался крайне невыгоднымъ. Ими пользовались тогда лишь при такъ называемыхъ хозяйственныхъ работахъ, т. е. при заготовкѣ дровъ въ лѣсу и при разныхъ постройкахъ; ихъ употребляли также, вмѣсто вьючныхъ животныхъ, для перевозки всякихъ тяжестей. Видъ запряженныхъ въ телѣги мужчинъ и въ особенности женщинъ производилъ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе.

Смотрителемъ уголовной каторжной тюрьмы на Нижней Карѣ состоялъ бывшій нашъ вахмистръ Голубцовъ, который превратился, такимъ образомъ, въ чиновника. Благодаря присущей ему ловкости, онъ быстро повышался, и вскорѣ его назначили на еще болѣе важный постъ—завѣдывающаго каріискимъ райономъ. Его величали „баріномъ" и „В. В—діемъ"; онъ былъ одѣтъ съ иголочки, разъѣзжалъ на прекрасныхъ собственныхъ лошадяхъ и задавалъ пиры, на которые собиралась вся окрестная знать. А въ пьяномъ состояніи новый начальникъ, которому подчинены были тысячи людей, лишенныхъ всѣхъ правъ, совершалъ разныя безобразія и жестокости. Но судьба, извѣстно, перемѣнчива, и какъ быстро и высоко она подняла Голубцова, также внезапно и низко спустила она его: скоро оказалось, что онъ промоталъ казенныя деньги, за что былъ отданъ подъ судъ. Просидѣвъ въ тюрьмѣ, онъ былъ затѣмъ приговоренъ къ какому-то наказанію,—судъ оказался къ нему довольно снисходительнымъ.

Одинъ изъ уголовныхъ вольнокомандцевъ имѣлся одинъ, о судьбѣ

котораго также стоитъ здѣсь вспомнить. То былъ грузинскій князь Давидъ Ивановичъ Чхотуа, приговоренный тифлисскимъ судомъ къ 20 годамъ каторжныхъ работъ за будто-бы совершенное имъ изъ мести убійство молодой дѣвушки. Въ концѣ 70-хъ годовъ дѣло это вызвало массу толковъ на Кавказѣ, да и во всей Россіи: одни утверждали, что кн. Чхотуа совершенно неповиненъ въ этомъ дѣлѣ, другіе—наоборотъ. Лично хорошо познакомившись съ нимъ и узнавъ всѣ мельчайшія подробности его процесса, я вынесъ глубокое убѣжденіе, что кн. Чхотуа рѣшительно не былъ причастенъ въ смерти молодой дѣвушки и безъ всякой вины перенесъ массу всевозможныхъ страданій и униженій. Бывшій студентъ-естественникъ петербургскаго университета, Чхотуа являлся однимъ изъ самыхъ честныхъ и благородныхъ людей, какихъ я когда-либо встрѣчалъ. *)

Наша жизнь въ вольной командѣ несомнѣнно была разнообразнѣе, и время неизмѣримо быстрѣе шло тамъ, чѣмъ въ тюрьмѣ. Будучи заняты хлопотами и заботами о нашемъ устройствѣ на новомъ мѣстѣ, мы не успѣли оглянуться, какъ прошли осень и зима. Послѣ многихъ лѣтъ, прожитыхъ мною въ заключеніи, наступившая весна 1891 года особенно памятна мнѣ, не только потому, что она была первой проведенной мною на относительной волѣ, но еще и потому, что съ нею связаны были неожиданныя нами надежды на скорое освобожденіе отъ каторги.

Однажды распространился слухъ, что царь Александръ III даровалъ, какъ у насъ говорятъ, „всемилостивѣйшій манифестъ“ всѣмъ вообще преступникамъ, а намъ, политическимъ,—въ частности, по случаю благополучнаго вступленія тогдашняго наслѣдника и нынѣшняго царя Николая II на сибирскую почву, послѣ его путешествія кругомъ Азіи. Въ связи съ этимъ извѣстіемъ, съ однимъ изъ нашихъ „товарищей“ произошелъ такой неожиданный казусъ.

Въ числѣ старыхъ вольнокомандцевъ находился Колтановскій, приговоренный по процессу Чубарова къ безсрочной каторгѣ, но затѣмъ, по коронаціонному манифесту 1883 г., срокъ ему былъ опредѣленъ въ 20 лѣтъ. Колтановскій принадлежалъ къ тому же типу людей, что и Н. Позенъ: ему также, въ теченіе многихъ лѣтъ, удавалось обманывать товарищей на счетъ своей революціонности и вообще порядочности. Но весной указаннаго года онъ, наконецъ, подалъ прошеніе о помилованіи, причемъ, конечно, скрылъ этотъ свой поступокъ отъ всѣхъ насъ. Потомъ оказалось, что Колтановскій подалъ свое прошеніе, лишь

*) Подробности о его процессѣ, являющемся вопіющей судебной ошибкой, можно найти въ сборникѣ защитительныхъ рѣчей Спасовича, которой былъ его защитникомъ.

за нѣсколько часовъ до распространившагося извѣстія о манифестѣ. Получись оно немного раньше, возможно, что онъ еще втеченіе нѣкотораго времени оставался бы въ нашей средѣ.

Вскорѣ затѣмъ намъ прочитана была оффиціальная телеграмма о манифестѣ; но она до того сбивчиво была составлена, что давала основаніе разсчитывать на скорый уходъ многихъ изъ насъ на поселеніе. Не смотря на тяжелыя условія жизни въ Якутской области, куда преимущественно отправляли тогда бывшихъ каторжанъ, многихъ изъ насъ все же привлекала перспектива очутиться на поселеніи: послѣднее давало право на передвиженіе по болѣе обширному району и представляло возможность видать высылаемыхъ изъ Россіи административно-ссыльныхъ; къ намъ же, какъ я уже упоминалъ, давно не присылали никакихъ новыхъ лицъ, и мы не получали свѣжихъ и непосредственныхъ впечатлѣній о томъ, что творится на родинѣ. Наконецъ, изъ Якутки открывалась перспектива черезъ десять лѣтъ получить право приписаться въ крестьяне. „А тамъ“,— невольно заносишься, бывало,—еще явится какой-нибудь манифестъ, и черезъ какихъ-нибудь полтора десятка лѣтъ можешь очутиться и въ Евр. Россіи“.

Пока въ департаментѣ государственной полиціи рѣшался вопросъ о томъ, къ кому изъ насъ и въ какомъ размѣрѣ примѣнить „всемилостивѣйшій манифестъ“,—у сибирскихъ властей была забота, какъ сдѣлать наиболѣе безопаснымъ проѣздъ наслѣдника по странѣ, въ которой находился большой контингентъ политическихъ ссыльныхъ. И вотъ повсюду вдоль тракта и на много верстъ по сторонамъ отъ него надумали запереть нашего брата въ тюрьмы. Хотя путь, по которому ѣхалъ наслѣдникъ, находился въ 15 верстахъ отъ нашего поселка, но заботливыя власти еще за сутки до его пріѣзда посадили всѣхъ насъ, вольнокомандцевъ, въ тюрьму и выпустили изъ нея, лишь черезъ сутки послѣ его отъѣзда.

Втеченіе многихъ мѣсяцевъ мы съ большимъ нетерпѣніемъ ждали, что вотъ, наконецъ, узнаемъ относительно примѣненія къ намъ манифеста. Но въ департаментѣ полиціи не торопятся въ такихъ случаяхъ, а лица, ожидающія „царской милости“, могутъ погодить: около года прошло, пока намъ, наконецъ, прочли списокъ удостоенныхъ примѣненія манифеста. Какъ можно было заранѣе ожидать, половина политическихъ вольнокомандцевъ оказалась совсѣмъ изъятой изъ него, остальнымъ сдѣланы были незначительныя сокращенія въ ихъ срокахъ; я также былъ въ числѣ изъятыхъ.

У многихъ изъ насъ довольно скоро прошло то относительно пріятное ощущеніе отъ жизни на „свободѣ“, которое мы естественно испытали, послѣ выхода изъ тюрьмы: надолго жизнь въ вольной командѣ не могла удовлетворять, потому что она въ

своемъ родѣ была столь же однообразна и безсодержательна, какъ и тюремная. Къ тому же, съ чѣмъ въ тюрьмѣ поневолѣ приходилось мириться, то въ вольной командѣ давало себя особенно сильно чувствовать. Тамъ мы заранѣе знали, что для насъ немыслимо никакое цѣлесообразное занятіе, что мы обречены на прозябаніе, на то, чтобы какъ нибудь коротать время, и духовныя стремленія притуплялись или даже вполнѣ атрофировались въ тюрьмѣ. Въ вольной же командѣ мы въ первое время снова стали какъ-бы оживать и выходить изъ летаргическаго состоянія. Хотя въ окружавшей насъ новой дѣйствительности было мало возбуждавшаго нашу мысль, но все же мы видѣли, какъ другіе люди копошатся, что то дѣлаютъ, имѣютъ свои интересы и заботы. Мы же были обречены, главнымъ образомъ, лишь на разныя мелкія работы по нашему хозяйству, что конечно, не могло заполнить всѣхъ нашихъ стремленій и мыслей. У многихъ изъ насъ было естественное желаніе дѣлать что-либо болѣе соотвѣтствовавшее нашимъ привычкамъ и способностямъ, чѣмъ рубить дрова, косить сѣно и т. п.

Но, будучи заброшены на многіе годы въ глухой поселокъ, стѣсненные всякими запрещеніями, мы рѣшительно не находили для себя никакого выхода; со стороны же могло казаться, что въ вольной командѣ мы могли многое сдѣлать. Эта неудовлетворенность крайне угнетающимъ образомъ дѣйствовала на наше настроеніе, и временами, казалось, охотно вернулся бы обратно въ тюрьму, чтобы только освободиться отъ такого состоянія.

Годъ спустя, начали упразднять расположенныя на Карѣ каторжныя тюрьмы, и всѣхъ заключенныхъ въ нихъ уголовныхъ перевезли частью на строившуюся тогда сибирскую желѣзную дорогу, частью на о. Сахалинъ. Вмѣстѣ съ уголовными каторжанами перевели и находившихся для ихъ охраны казаковъ, а также разныхъ должностныхъ лицъ. Ушелъ на поселеніе также и Чхотуа. Нашъ поселокъ совсѣмъ почти опустѣлъ, и жизнь въ немъ стала еще однообразнѣе и тоскливѣе.

Кромѣ насъ, вольнокомандцевъ, на Нижней же Карѣ содержались при тюремномъ лазаретѣ Софія Богомолецъ и Елена Россикова, о которыхъ я выше уже разсказывалъ. Россикова въ началѣ 1890 г. заболѣла психически; ее перевезли въ Иркутскую больницу, гдѣ она затѣмъ и умерла. С. Богомолецъ одно время помѣщалась въ отдѣльномъ небольшомъ зданіи, находившемся недалеко отъ моей избенки, и мнѣ иногда удавалось видѣть ее, а однажды я имѣлъ даже довольно продолжительный разговоръ съ ней. Она по прежнему оставалась непримиримой, недопускающей ни малѣйшихъ компромиссовъ съ начальствомъ. Невыразимо тяжело было смотрѣть на ея крайне истощенное лишеніями лицо: у нея тогда началась уже чахотка. Весной 1891 г. изъ Россіи пріѣхали посѣтить ее мужъ съ сынкомъ.

Д-ръ Богомолецъ сталъ хлопотать, что бы тяжело больную жену его выпустили умирать въ вольную команду. Но ему удалось добиться ея освобожденія, лишь за день до ея смерти. Исполняя выраженное при жизни желаніе жены быть похороненной на родинѣ, онъ вновь предпринялъ большія объ этомъ хлопоты, но, въ концѣ концовъ, не добился разрѣшенія этой, казалось-бы, невинной просьбы. Мы, вольнокомандцы, въ жестокій январьскій морозъ отдали послѣдній долгъ умершей, проводивъ гробъ ея до Усть-Карійскаго кладбища.

Печальная судьба постигла еще одну изъ нашихъ женщинъ,— Екатерину Тринитадскую. Въ 1891 г. ее также выпустили въ вольную команду; но здѣсь она стала обнаруживать большія странности. Такъ, не будучи лично знакома съ гр. Львомъ Толстымъ, она посылала ему телеграммы со столь лаконичнымъ содержаніемъ: „пріѣзжайте! Екатерина". А однажды, собравъ на площади вокругъ себя довольно большую толпу прохожихъ, объявила, что она — Императрица Екатерина II. Несчастную психически-больную, послѣ этого, помѣстили въ лазаретъ. Не мало непріятнаго пришлось испытать тремъ каторжанкамъ, остававшимся въ усть-карійской тюрьмѣ. По счастью, недолго пришлось имъ сидѣть, вмѣстѣ съ уголовными женщинами: осенью 1892 г. баронъ Корфъ, проѣзжая черезъ Усть-Кару, былъ, очевидно, въ хорошемъ настроеніи, почему согласился на представленіе завѣдующаго выпустить всѣхъ троихъ изъ тюрьмы, хотя срокъ для этого еще не насталъ. Такимъ образомъ, Ананьина, Салова и Якимова совершенно неожиданно очутились среди насъ въ вольной командѣ.

Изъ Акатуя въ первые годы также къ намъ привозили политическихъ каторжанъ, оканчивавшихъ сроки заключенія и пріобрѣтавшихъ права на выпускъ въ вольную команду.[1]) На основаніи ихъ разсказовъ мы составили себѣ довольно ясное представленіе о жизни въ этой „образцовой тюрьмѣ". Режимъ въ ней, дѣйствительно, былъ ужасный, но его я не буду описывать, такъ какъ это уже сдѣлалъ, къ тому же очень талантливо, одинъ очевидецъ, самъ испытавшій его на себѣ.

Наконецъ, побывала у насъ въ вольной командѣ, хотя и очень короткое время, также одна изъ участницъ Якутской бойни — Евгенія Гуревичъ; да, кромѣ того, три ея сопроцессницы—Болотина, Гассохъ и Перли провели одну зиму въ усть-карійской женской уголовной тюрьмѣ

---

[1]) Таковыхъ было всего восемь человѣкъ: Бычковъ, Диковскій Моисей, Дулемба, Зунделевичъ, Левченко, Спандони, Чуйковъ и Ѳомичевъ.

Между тѣмъ, годъ проходилъ за годомъ, очень мало отличаясь одинъ отъ другого: въ Россіи продолжала господствовать жестокая реакція и, казалось, не будетъ ей конца. Но вотъ, однажды зимой 1894 г. знакомый офицеръ, встрѣтивъ меня на улицѣ, спросилъ:

— Вы слышали новость? Царь опасно боленъ: повидимому, нѣтъ надежды на выздоровленіе.

Извѣстіе это меня чрезвычайно поразило: какъ и у другихъ, у меня было представленіе, что Александръ III, отличавшійся, по слухамъ, чуть-ли не геркулесовской силой, проживетъ до глубочайшей старости и, слѣдовательно, еще очень долго будетъ угнетать страну, и вдругъ надежда на какую нибудь перемѣну!

Въ концѣ ноября пришло на Кару сообщеніе о смерти царя, а затѣмъ, въ сравнительно короткій промежутокъ времени, намъ были объявлены два манифеста: одинъ по случаю бракосочетанія Николая II, а второй — по поводу его коронаціи. На этотъ разъ и я не былъ изъятъ изъ нихъ: по первому срокъ моего пребыванія на каторгѣ былъ уменьшенъ на одну треть, т. е. на четыре года съ нѣсколькими мѣсяцами. Но „милость“ эта „дарована“ была мнѣ уже тогда, когда мнѣ до окончанія срока осталось всего 10 мѣсяцевъ. По второму манифесту срокъ для приписки въ крестьяне съ десяти лѣтъ мнѣ сократили на 4 года. Но личныя мои обстоятельства такъ сложились, что мнѣ не пришлось воспользоваться ни одной изъ этихъ „милостей“, и, съ разрѣшенія губернатора, я добровольно остался на Карѣ еще на два года.

Вслѣдствіе примѣненія всѣхъ этихъ манифестовъ, контингентъ нашей вольной команды быстро уменьшился, и при мнѣ ушли изъ нея на поселеніе 30 человѣкъ; новыхъ же лицъ изъ Акатуя перестали къ намъ привозить.

Съ немногочисленными мѣстными жителями мы всегда поддерживали хорошія отношенія. Одни изъ насъ занимались разными ремеслами, другіе, — и я въ томъ числѣ, — обучали дѣтей, оказывали медицинскую помощь, давали совѣты въ затруднительныхъ случаяхъ и проч. Не удивительно, поэтому, что въ глазахъ мѣстныхъ обывателей „политическій“ являлся въ своемъ родѣ энциклопедистомъ, къ которому они питали большое уваженіе. Хотя по инструкціи намъ запрещалось заниматься интеллигентными профессіями, но въ такой глуши само начальство нерѣдко принуждено было обращаться къ намъ за содѣйствіемъ, и на этой почвѣ у насъ не происходило никакихъ конфликтовъ, за исключеніемъ слѣдующаго случая.

Одинъ крестьянинъ изъ ссыльныхъ, пришедши однажды ко мнѣ, сообщилъ, что наканунѣ ночью къ нему вдругъ нагрянулъ вновь прибывшій приставъ съ сельскими властями и произвелъ

у него въ домѣ обыскъ. Найдя хранившееся въ чуланѣ нѣсколько пудовъ сахару, съ десятокъ фунтовъ чаю и т. п. продукты, приставъ приказалъ все это забрать и унести въ сельское правленіе, на томъ основаніи, что этотъ крестьянинъ очевидно занимается неизозволенной скупкой золота у хищниковъ и продажей имъ припасовъ. Когда же утромъ крестьянинъ, по приказанію пристава, явился къ нему, тотъ потребовалъ отъ него 50 руб., обѣщая возвратить все забранное. Но такая взятка показалась крестьянину чрезмѣрной, а потому онъ пришелъ просить меня, чтобы я написалъ жалобу на незаконный поступокъ пристава; сравнительно же большія количества хранившихся у него продуктовъ онъ объяснилъ тѣмъ, что сдѣлалъ себѣ изъ города запасъ по болѣе дешевому зимнему пути для весны и лѣта, когда онъ нанимаетъ нѣсколько работниковъ.

Объясненіе это было несомнѣнно вымышленно и, надо полагать, что онъ дѣйствительно занимался недозволеннымъ промысломъ. Но поведеніе пристава также было незаконно; къ тому же мнѣ и другіе уже разсказывали, что этотъ вновь назначенный сатрапъ своимъ поведеніемъ нагонялъ страхъ на жителей отданнаго ему на кормленіе обширнѣйшаго района, своими размѣрами превосходившаго не одно германское княжество. Совершая всевозможныя беззаконія, новый приставъ разражался бранью, грозилъ кулаками, топалъ ногами и кричалъ: „знайте, — я для васъ царь и Богъ!“.

Стоило проучить такого господина, но мнѣ лично не хотѣлось связываться съ нимъ. Я, поэтому, посовѣтовалъ пришедшему ко мнѣ крестьянину обратиться къ другимъ мѣстнымъ лицамъ, занимавшимся писаніемъ жалобъ и прошеній. Но онъ заявилъ, что уже былъ у нихъ, и они ему въ этомъ отказали, такъ какъ боятся новаго пристава. Пришлось согласиться на его просьбу; но въ виду существовавшаго для насъ, политическихъ, запрещенія писать какія либо бумаги постороннимъ лицамъ, я рѣшилъ не скрывать, что жалоба на пристава мною написана; поэтому, въ концѣ ея я приписалъ: „прошеніе это составилъ и за неграмотнаго подписался политическій ссыльно-поселенецъ такой-то“, — слѣдовали мое имя и фамилія. Этой припиской я хотѣлъ показать, что вовсе не желаю скрывать отъ властей своего поступка; къ тому же я зналъ, что, благодаря ей, начальство скорѣе обратитъ вниманіе на просьбу. Крестьянинъ удалился отъ меня чрезвычайно довольный и, на прощанье, совалъ мнѣ въ руку рубль, который я, конечно, отказался взять.

Прошло много мѣсяцевъ, и о послѣдствіяхъ написанной мною жалобы не было ничего слышно. Но однажды ко мнѣ пришелъ сельскій десятникъ и сказалъ:

— Приставъ приказалъ вамъ сейчасъ же явиться на земскую квартиру,—потому, дѣло у нихъ до васъ есть.

— Передайте вашему приставу, что онъ мнѣ не смѣетъ ничего приказывать, а если у него до меня есть дѣло, то онъ можетъ ко мнѣ придти. Поняли?

— Какъ не понять, Л. Г., — отвѣтилъ онъ, усмѣхаясь.

Но, раньше чѣмъ отпустить его, я заставилъ его повторить буквально мой отвѣтъ и настоятельно просилъ въ точности его передать приставу.

Не трудно представить себѣ негодованіе мѣстнаго „царя“ и „Бога“, когда, въ присутствіи подчиненныхъ ему сельскихъ властей и многихъ собравшихся въ земской квартирѣ крестьянъ, десятникъ передалъ мой отвѣтъ. Какъ мнѣ потомъ сообщили, приставъ пришелъ буквально въ бѣшенство, — онъ разсыпался площадной бранью, топалъ ногами и наконецъ отдалъ приказаніе притащить меня „связаннымъ“.

Вскорѣ затѣмъ ко мнѣ явились три мѣстныхъ крестьянина, съ помощникомъ волостного старшины во главѣ, и стали просить, чтобы я пошелъ съ ними къ приставу. Я растолковалъ имъ, что онъ не имѣетъ права за чѣмъ бы то ни было обращаться ко мнѣ непосредственно, а долженъ дѣлать это чрезъ нашего смотрителя. Довольные этимъ объясненіемъ, крестьяне ушли. На слѣдующій день нашъ смотритель мнѣ передалъ, что приставъ звалъ меня къ себѣ затѣмъ, чтобы сообщить о полученномъ имъ запросѣ отъ его ближайшаго начальника по поводу написанной мною на него жалобы, что ко мнѣ лично не имѣло никакого отношенія. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя пришла отъ губернатора бумага, объявлявшая мнѣ, что я не имѣю права писать за другихъ прошенія. Отнятые же у крестьянина продукты, пока я былъ на Карѣ, такъ и оставались на сельской квартирѣ; потомъ ихъ, конечно, раскрали. Но на вышеописанномъ еще не окончились мои отношенія съ грознымъ приставомъ.

Однажды, въ декабрьскій вечеръ, когда на дворѣ стоялъ жестокій морозъ, раздался вблизи звонъ колокольцевъ, — кто-то подъѣхалъ къ моему жилищу. Вскорѣ въ комнату вошелъ весь покрытый ледяными сосульками, закутанный въ тулупѣ и дохѣ высокій старикъ, котораго я не сразу узналъ. Когда прибывшій разоблачился, то, оказалось, что то былъ нашъ волостной старшина, пользовавшійся огромной властью въ обширномъ районѣ. Своимъ природнымъ умомъ и сильнымъ характеромъ этотъ представитель крестьянскаго самоуправленія выдѣлялся не только въ своей средѣ, но также и среди лицъ, значительно выше его стоявшихъ на соціальной лѣстницѣ. Держалъ себя нашъ „волостной“ съ большимъ достоинствомъ, чрезвычайно независимо и по справедливости слылъ за человѣка очень энер-

гичнаго, прекрасно знающаго свое дѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ, крайне строгаго и не вполнѣ безупречнаго въ нравственномъ отношеніи. Отъ меня онъ жилъ въ 30 ти верстахъ и раньше этого былъ всего лишь одинъ разъ,—только очень важное обстоятельство могло заставить его предпринять эту поѣздку въ столь лютый морозъ. Опорожнивъ нѣсколько стакановъ горячаго чая и закусивъ, старшина изложилъ причину своего посѣщенія.

Правительство, какъ извѣстно, задумало произвести во всей имперіи однодневную перепись, назначивъ ее на 27 января 1897 г. Озабоченный исполненіемъ этого сложнаго распоряженія, начальникъ нашего округа[1]) созвалъ на совѣщаніе всѣхъ подчиненныхъ ему приставовъ и волостныхъ старшинъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и мой гость. Онъ заявилъ начальнику округа, что, такъ какъ въ его волости нѣтъ достаточнаго количества пригодныхъ для этой работы людей, то онъ проситъ разрѣшенія пригласить меня въ счетчики. Начальникъ округа на это согласился. Грозный приставъ также противъ этого ничего не возразилъ, хотя онъ долженъ былъ играть роль ближайшаго начальника всѣхъ счетчиковъ его стана. Я не колеблясь принялъ это предложеніе, такъ какъ перепись могла внести хоть нѣкоторое разнообразіе и похожа была на полезное дѣло. Меня нѣсколько смущала лишь возможность при этомъ занятіи встрѣтиться съ враждебнымъ приставомъ, но старшина увѣрилъ меня, что тотъ самъ уже сознаетъ сдѣланную имъ по отношенію ко мнѣ оплошность и раскаивается въ ней.

Въ назначенное время я переписалъ расположенное въ 15 в. отъ Нижней Кары село, въ которомъ оказалось 1000 жителей, а въ другомъ я произвелъ перепись сообща съ мѣстнымъ священникомъ. Не мало комическихъ сценокъ, но также и печальныхъ происшествій пришлось мнѣ наблюдать, во время посѣщеній на дому разнообразныхъ жителей довольно бойкаго и торговаго села. Въ общемъ, все обошлось хорошо, и мѣстное населеніе, повидимому, осталось довольно мною, какъ счетчикомъ.

Въ концѣ января нашъ волостной вновь заявился ко мнѣ съ предложеніемъ. По выработанной правительствомъ инструкціи, лица, завѣдывавшія переписными участками, должны были, по окончаніи переписи, собрать у себя по одному счетчику отъ каждой волости и казачьей станицы для провѣрки произведенной работы въ данномъ районѣ и для составленія изъ всѣхъ представленныхъ списковъ одной общей сводки.

По словамъ старшины, грозный приставъ, завѣдывавшій нашимъ переписнымъ участкомъ, нарочно издалека пріѣхалъ къ

[1]) Тоже, что исправникъ.

нему съ предложеніемъ, чтобы онъ, отъ его имени, упросилъ меня поѣхать на съѣздъ счетчиковъ, какъ представитель нашей —Шилкинской волости.

Предложеніе это было очень соблазнительно: въ теченіе почти 12 лѣтъ мнѣ не приходилось отлучаться отъ Кары дальше, какъ на 30 верстъ, а тутъ представлялась возможность сдѣлать поѣздку въ нѣсколько сотъ верстъ, къ тому же, какъ я зналъ, по очень оригинальной мѣстности. Но, съ другой стороны, мнѣ предстояло поѣхать къ тому самому приставу, съ которымъ у меня былъ конфликтъ. Послѣ настояній старшины, я принялъ это предложеніе. Онъ же взядъ на себя миссію добиться отъ моего начальства разрѣшенія на столь далекую поѣздку.

Ѣхалъ я, конечно, на казенный счетъ, по такъ называемому „губернаторскому бланку", дававшему право получать безплатно лошадей на проѣздъ и останавливаться на „земскихъ квартирахъ", словомъ, какъ разъѣзжаютъ въ Сибири чиновники „по казенной надобности".

Стояли жестокіе морозы. Сверхъ шубы на мнѣ была доха и, не смотря на эту теплую и вмѣстѣ крайне тяжелую одежду, въ которой съ большимъ трудомъ можно было пошевелиться, — я, сидя въ саняхъ, закутывался еще кругомъ мѣховымъ одѣяломъ. Дорога большей частью проходила по мало населенной, поросшей лѣсомъ и очень холмистой мѣстности. Тройка лошадей съ трудомъ тащила сани; станки отстояли далеко одинъ отъ другого; но я всюду встрѣчалъ чрезвычайно предупредительный пріемъ, нелишенный иногда комизма. Такъ, когда, пріѣхавъ поздно ночью на какую-то станцію, я расположился уже спать, ко мнѣ заявился мѣстный десятскій и, вытянувшись у дверей въ струнку, спросилъ:

—Не имѣете-ли, В. В—діе, какихъ приказаній?

Я попросилъ его позаботиться, чтобы рано утромъ были готовы для меня лошади. Отвѣтивъ „слушаюсь", онъ вновь повторилъ не подобавшій мнѣ, поселенцу, титулъ; когда-же я поправилъ его, онъ замѣтилъ: „такъ оно вѣрнѣе, В. В—діе" и затѣмъ спросилъ, не прикажу ли ему доставить ко мнѣ мѣстныхъ счетчиковъ? Я, конечно, отклонилъ это ненужоое безпокойство людей. Десятнику, повидимому, во что бы то ни стало хотѣлось чѣмъ-нибудь проявить свое усердіе. Анологичную предупредительность я замѣтилъ также на другихъ станціяхъ и недоумѣвалъ, чѣмъ это объяснить? Потомъ оказалось, что грозный приставъ, проѣзжая за нѣсколько дней до меня по этимъ же мѣстамъ, вездѣ предупреждалъ о предстоящемъ проѣздѣ „шилкинскаго счетчика" и приказывалъ немедленно исполнять мои распоряженія.

За нѣсколько станцій до конечнаго пункта, мнѣ встрѣтились

ѣхавшіе по тому же направленію счетчики изъ другихъ мѣстъ нашего участка. Среди нихъ циркулировалъ тревожившій ихъ слухъ, будто нашъ приставъ нашелъ списки ранѣе уже съѣхавшихся къ нему счетчиковъ неправильно составленными и заставляетъ ихъ заново передѣлывать всю работу. Слухъ этотъ очень всѣхъ безпокоилъ, такъ какъ перепись и безъ того отняла у бѣдныхъ счетчиковъ много времени, вознагражденіе же предстояло получить самое мизерное, а то и одну лишь медаль, спеціально изобрѣтенную правительствомъ для этого случая.

Двое сутокъ спустя, послѣ выѣзда изъ дому, я въ полночь пріѣхалъ въ станицу Айгунскую, гдѣ былъ назначенъ нашъ „съѣздъ“. Меня очень интересовало, какъ мы встрѣтимся съ приставомъ. Повидимому, его это не меньше занимало, потому что не успѣлъ я, проснувшись утромъ слѣдующаго дня, еще умыться, какъ на „земскую„, куда я заѣхалъ, явился казакъ и сообщилъ, что приставъ проситъ къ себѣ „шилкинскаго“ счетчика. Я велѣлъ передать, что приду въ свое время. Но, видно, нетерпѣніе разбирало его, такъ какъ, спустя нѣсколько минутъ, вошелъ тучный господинъ лѣтъ 50 ти въ полицейской формѣ, отрекомендовавшійся мнѣ „завѣдующимъ такимъ-то переписнымъ участкомъ Бибиковымъ“. Въ свою очередь я назвалъ себя „счетчикомъ Дейчемъ“.

Мы стали говорить о безразличныхъ предметахъ; когда же вопросъ коснулся переписи, Бибиковъ началъ жаловаться на затруднительность своего положенія, какъ завѣдующаго. Онъ чистосердечно признался, что самъ рѣшительно не можетъ разобраться въ массѣ полученныхъ имъ изъ разныхъ инстанцій инструкцій, циркуляровъ и предписаній относительно способовъ провѣрки списковъ и составленія общей сводки по всему его участку. Между тѣмъ, къ нему съѣхалось около 30 счетчиковъ; изъ нихъ нѣкоторые живутъ здѣсь по недѣлѣ вдали отъ дома, оторванные отъ своего хозяйства; теряя время и неся расходы, они вполнѣ справедливо требуютъ, чтобы онъ немедленно просмотрѣлъ ихъ работу и освободилъ ихъ. По его же мнѣнію, всѣ почти счетчики неправильно составили свои списки и должны ихъ здѣсь исправить. Въ заключеніе, Бибиковъ заявилъ, что слыхалъ, будто я вполнѣ освоился со всѣми правилами производства переписи, а потому просилъ меня помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Къ нему присоединились и присутствовавшіе при этомъ разговорѣ другіе счетчики. Мнѣ самому также интересно было узнать, въ чемъ состоитъ роль завѣдующаго переписнымъ участкомъ; поэтому, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, я согласился на просьбу пристава, который разсыпался за это въ благодарностяхъ.

Мы тотчасъ же отправились на его временную квартиру. Зала, служившая вмѣстѣ и канцеляріей, была переполнена съѣхавшимися счетчиками, каковыми являлись большей частью пи-

царя, учителя и фельдшера изъ казаковъ. Увидѣвъ Бибикова, они немедленно обступили его, прося отпустить ихъ по домамъ.

— До какихъ же поръ будемъ мы здѣсь? — говорили они хоромъ: — Дома дѣло, хозяйство оставлено, а мы должны проживаться тутъ!

— Вотъ видите, — обратился ко мнѣ завѣдывавшій, — такъ ежедневно, съ ранняго утра до поздняго вечера! Тутъ съ ума сойдешь!

Получивъ отъ него всѣ нужныя бумаги, я принялся за ознакомленіе съ ихъ содержаніемъ. Дѣло оказалось совсѣмъ не столь сложнымъ и головоломнымъ, какимъ оно представлялось Бибикову, очевидно, совершенно непривыкшему къ подобнымъ работамъ. По прошествіи нѣкотораго времени я передалъ ему и съѣхавшимся счетчикамъ, что, согласно инструкціямъ, слѣдовало исполнить, и на третій день всѣ казаки могли вернуться въ свои станицы, чему они очень обрадовались. Мнѣ съ завѣдующимъ пришлось проработать еще дней 10-12. Все это время приставъ былъ ко мнѣ чрезвычайно внимателенъ и предупредителенъ. Видя заискивающее его обращеніе со мною, едва-ли кто повѣрилъ-бы, что онъ, сравнительно незадолго передъ тѣмъ, приказывалъ привести меня къ себѣ связаннымъ. Объ этомъ инцидентѣ никто изъ насъ не вспоминалъ.

XVII.

Отъѣздъ.—Побѣгъ.

Съ переименованіемъ, вслѣдствіе примѣненія манифеста, изъ каторжнаго въ поселенцы, я потерялъ лишь право на полученіе казеннаго пайка,—никакого другого различія между моимъ новымъ званіемъ и прежнимъ не было. Пособія отъ казны мнѣ вовсе не выдавали, частнаго заработка я лишился, вслѣдствіе отъѣзда семьи, въ которой я, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ обучалъ дѣтей; отъ родныхъ я также ничего не получалъ. Положеніе мое было крайне затруднительное.

Въ это время началась постройка желѣзной дороги въ ста верстахъ отъ Кары, въ станицѣ Стрѣтенской. Я надумалъ отправиться туда искать заработокъ и, получивъ требовавшееся на то разрѣшеніе отъ губернатора, выѣхалъ 8 (20) мая 1897 года съ Кары, на которой, такимъ образомъ, я пробылъ 11 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ.

Станица Стрѣтенская, расположенная на берегу судоходной рѣки Шилки, представляла собою очень оживленное, бойкое мѣсто. Въ ней было тысячъ пять жителей, имѣлось нѣсколько недурныхъ магазиновъ, разныхъ конторъ и пр. Кромѣ казаковъ, большой контингентъ жителей составляли евреи, а, вслѣдствіе начавшейся постройки желѣзной дороги, понаѣхали всевозможные предприниматели и служащіе, почему станица эта пріобрѣла видъ очень оживленнаго уѣзднаго города.

Службу, сравнительно довольно сносную, я, вскорѣ по пріѣздѣ, получилъ на желѣзной дорогѣ: мнѣ приходилось переписывать и составлять всевозможныя „отношенія“, „донесенія“ и „предписанія“. Но удовлетвореннымъ такой работой, конечно, нельзя было себя чувствовать. Къ тому же, живя въ Стрѣтенскѣ, я не имѣлъ ни одного сколько-нибудь подходящаго знакомаго. На Карѣ всегда бывало нѣсколько товарищей, съ которыми можно было побесѣдовать; въ Стрѣтенскѣ же, хотя шапочно я вскорѣ былъ знакомъ чуть не со всѣми жителями, но тамъ не съ кѣмъ было поговорить о чемъ-либо другомъ, кромѣ „дѣлъ“ и „денегъ“. Дождемъ полившіеся, съ постройкой дороги, капиталы возбудили въ мѣстномъ населеніи неимовѣрную алчность и жажду къ скорой наживѣ. Для этого нѣкоторые ни предъ чѣмъ не останавливались. Состоянія—и довольно крупныя—быстро пріобрѣтались, а единственными развлеченіями,

являлись, конечно, карты и напитки. Въ сравнительно большой станицѣ не только не было библіотеки,—въ ней не было даже школы для дѣтей разночинцевъ, т. е. не казаковъ, составлявшихъ едва-ли не половину всего населенія.

По необходимости познакомившись съ мѣстнымъ „обществомъ", я только тогда впервые реально понялъ смыслъ словъ „среда заѣла". Дѣйствительно, интеллигентному человѣку, попавъ въ такую атмосферу, не трудно спиться или пристраститься къ картамъ.

Изрѣдка только удавалось мнѣ повидаться съ товарищами, проходившими съ Кары на поселеніе, или съ ѣхавшими на Амуръ,—въ Благовѣщенскъ и Владивостокъ. Самому мнѣ также случилось два раза съѣздить на Кару навѣстить товарищей. Но лѣтомъ 1898 г. совсѣмъ уничтожили на Нижней Карѣ вольную команду, и четырехъ остававшихся еще тамъ нашихъ каторжанъ провезли черезъ Стрѣтенскъ въ Акатуй доканчивать тамъ ихъ сроки. Послѣ этого на Карѣ навсегда упразднена была каторга.

Живя въ Стрѣтенскѣ, я предпринималъ „самовольныя отлучки" на довольно далекія разстоянія. Такъ, я два раза навѣстилъ товарищей, находившихся въ Акатуѣ и ѣздилъ въ Нерчинскъ и въ Читу. При мнѣ акатуйцы не подвергались уже тому жестокому режиму, о которомъ я выше упоминалъ, и условія ихъ жизни мало чѣмъ отличались отъ бывшихъ на Карѣ въ лучшія времена.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Читу, весной 1899 г. я встрѣтился съ высланнымъ административнымъ порядкомъ въ Сибирь единомышленникомъ. То былъ первый русскій соціалъ-демократъ, сравнительно недавно прибывшій изъ Россіи, котораго я увидѣлъ. Не трудно представить себѣ, какъ я обрадовался этой встрѣчѣ. Мы бесѣдовали чуть не до разсвѣта. Отъ него впервые я узналъ о широкомъ рабочемъ движеніи, возникшемъ въ Россіи въ срединѣ 90 хъ годовъ. Но особенно въ разсказѣ новаго товарища поразило меня его сообщеніе о соціалистическомъ движеніи среди еврейскихъ рабочихъ,—до того вечера я рѣшительно ничего не зналъ объ этомъ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ отрадныхъ разсказовъ, у меня вновь явилось сильнѣйшее желаніе поскорѣе очутиться на свободѣ. Раньше этого, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, оно было заглушено во мнѣ, лежало гдѣ то глубоко на днѣ души. Теперь же оно опять всплыло на верхъ. Но сразу трудно было рѣшить, какъ осуществить это желаніе. Тогда истекло уже 14 лѣтъ, со времени моего прихода въ Сибирь, и мнѣ оставалось еще лѣтъ семь до полученія права вернуться на родину. Очутиться въ Европейской Россіи, въ которой я не былъ, считая годы пребыванія за границей, около 19 лѣтъ, было самымъ пламеннымъ

моимъ желаніемъ. Но смогу-ли я ждать еще столько лѣтъ? естественно приходило на умъ. Къ тому же, какія могли быть у меня гарантіи, что, по истеченіи семи лѣтъ, мнѣ дѣйствительно позволятъ вернуться на родину? Между тѣмъ, жизнь въ Сибири съ каждымъ годомъ все болѣе давала мнѣ чувствовать себя.

Въ Стрѣтенскѣ я провелъ уже два съ половиной года, и дальнѣйшее пребываніе въ этой станицѣ мнѣ становилось не въ моготу. Оставивъ открытымъ вопросъ о времени совершенія побѣга, я рѣшилъ пока передвинуться еще дальше на востокъ. Послѣ долгихъ хлопотъ, мнѣ въ концѣ концовъ удалось получить разрѣшеніе, переѣхать въ г. Благовѣщенскъ, куда я и прибылъ осенью 1899 г.

Тамъ я устроился значительно лучше, чѣмъ въ Стрѣтенскѣ, такъ какъ я нашелъ себѣ литературную работу въ одной изъ двухъ мѣстныхъ газетъ, что несомнѣнно было интереснѣе составленія „отношеній“ и „донесеній“. Въ Благовѣщенскѣ имѣлось также нѣсколько человѣкъ политическихъ ссыльныхъ; тамъ же жилъ и Д. И. Чхотуа, встрѣчѣ съ которымъ я былъ особенно радъ. Кромѣ того, въ этомъ городѣ, вообще, было немало интеллигентныхъ людей, такъ какъ тамъ имѣются три средне-учебныхъ заведенія, общественная и народная библіотеки, театръ, телефоны и пр. Словомъ, по части „культурности“ гор. Благовѣщенскъ ничѣмъ не уступалъ аналогичнымъ городамъ Европейской Россіи, а годъ спустя послѣ моего пріѣзда, онъ даже пріобрѣлъ всемірную, хотя и крайне печальную, извѣстность,—я имѣю въ виду потопленіе и избіеніе нѣсколькихъ тысячъ безоружныхъ китайцевъ и манджуръ. Подробно эти возмутительныя жестокости мною были уже описаны въ разсказѣ „Бомбардировка Благовѣщенска китайцами“, помѣщенномъ въ „Зарѣ“ № 4 [1]). Здѣсь передамъ лишь вкратцѣ всѣ наиболѣе существенные факты.

Какъ разъ противъ Благовѣщенска, на правомъ берегу Амура находилось тогда китайское селеніе Сахалянъ, жители котораго снабжали нашъ городъ разными съѣстными припасами, по очень дешевымъ цѣнамъ. Въ самомъ Благовѣщенскѣ, на окраинахъ его и въ окрестныхъ селахъ также жило нѣсколько тысячъ китайцевъ и манчжуръ, занимавшихся разными промыслами и торговлей.

Благодаря рѣдкой честности, изумительному трудолюбію и крайней ограниченности въ потребностяхъ, китайскіе подданные пріобрѣли въ Амурскомъ краѣ почти всеобщее расположеніе и довѣріе. Правда, нѣкоторые изъ низшихъ слоевъ нашего на-

[1]) Также въ „Die Neue Zeit“, 20 j, I. B. и во всѣхъ иностранныхъ изданіяхъ настоящихъ моихъ записокъ.

селенія видѣли въ нихъ опасныхъ для себя конкуррентовъ и отчасти поэтому, но также вообще изъ антипатіи къ нимъ, какъ къ представителямъ чуждой расы,—иногда безъ всякаго повода оскорбляли ихъ. Однако, до начала такъ называемой „русско-китайской войны“ между подданными двухъ сосѣднихъ государствъ въ общемъ существовали довольно мирныя отношенія. Только послѣ объявленія весной 1900 г. мобилизаціи сибирскихъ войскъ эти отношенія значительно измѣнились къ худшему. Собранные въ городѣ запасные, при встрѣчахъ съ китайскими подданными, били и драли ихъ за косы, приговаривая: „изъ-за васъ, тварей, насъ гонятъ на смерть“.

Враждебныя дѣйствія противъ русскихъ начаты были впервые жителями китайскаго города Айгуна, находившагося въ 30 верстахъ отъ Благовѣщенска: когда мимо него проходили наши пароходы съ войсками, по одному изъ нихъ китайцами вдругъ открытъ былъ огонь, которымъ ранено было нѣсколько человѣкъ. Тогда въ Благовѣщенскѣ поднялась сильнѣйшая тревога, такъ какъ городъ совершенно не защищенъ, большинство построекъ въ немъ деревянныя и войскъ въ то время было тамъ крайне мало. Между тѣмъ, въ расположенномъ противъ него с. Сахалянѣ уже задолго до этого происшествія производились прежде небывавшія военныя упражненія, сопровождавшіяся пальбой изъ пушекъ, что мѣстныя власти объяснили будто-бы состоявшейся присылкой туда на лагерное время небольшого китайскаго отряда. Это объясненіе, вполнѣ успокоившее безпечнаго и развратнаго военнаго губернатора, ген. Грибскаго, далеко не удовлетворило населеніе Благовѣщенска. Послѣ же произведенной подъ Айгуномъ пальбы, нашъ губернаторъ, въ виду ничтожнаго количества имѣвшихся въ его распоряженіи войскъ, самъ предложилъ жителямъ взять на себя охрану города, образовавъ изъ себя отряды добровольцевъ.

Въ это время китайскіе подданные, проживавшіе на русской территоріи, обратились черезъ своихъ представителей къ генералу Грибскому съ вопросомъ, не лучше ли имъ заблаговременно уѣхать къ себѣ, но онъ успокоилъ ихъ, завѣривъ, что имъ не угрожаетъ никакая опасность. Въ этотъ же день, когда масса публики гуляла по набережной, съ противоположной, китайской стороны, гдѣ находилось с. Сахалянъ, вдругъ раздались направленные на Благовѣщенскъ ружейные и пушечные выстрѣлы. Съ криками: „Китайцы стрѣляютъ! китайцы напали на городъ!“ — толпы народа, охваченные паническимъ страхомъ, бросились бѣжать. Въ городѣ начались тогда возмутительныя сцены жестокихъ расправъ и убійствъ мирныхъ китайцевъ и манджуръ, метавшихся въ страхѣ по улицамъ, въ поискахъ за безопасными убѣжищами. Но то были лишь единичные случаи.

Въ слѣдующіе за тѣмъ дни, когда непрекращавшаяся пальба по Благовѣщенску держала въ трепетѣ жителей, особенно изъ имущихъ слоевъ, боявшихся показаться на улицахъ, полицейскіе, въ сопровожденіи казаковъ, сбходили всѣ дома и забирали находимыхъ въ нихъ китайцевъ и манджуръ, мотивируя ихъ уводъ распоряженіемъ начальства собрать всѣхъ ихъ въ одномъ безопасномъ мѣстѣ. Въ теченіи нѣсколькихъ дней можно было видѣть по улицамъ такія группы уводимыхъ китайскихъ подданныхъ, на лицахъ которыхъ написанъ былъ неподдающійся передачѣ испугъ. Уходя за полицейскими и казаками, они прощались, какъ передъ смертью и нерѣдко говорили при этомъ, что ихъ навѣрно убьютъ.

Однажды, когда я сидѣлъ въ своей комнатѣ, за какой то работой, ко мнѣ запыхавшись быстро вошелъ, блѣдный, какъ мертвецъ, Чхотуа и дрожащимъ отъ волненія голосомъ воскликнулъ:

— Слышали? Ихъ всѣхъ потопили!

— Кого? Гдѣ? Спросилъ я.

— Китайцевъ! Это позоръ, неслыханное злодѣйство?

Честнѣйшій Давидъ Ивановичъ не могъ придти въ себя отъ негодованія. Мирный и терпимо ко всѣмъ относившійся, безконечно добрый человѣкъ, онъ теперь кричалъ, чуть не въ изступленіи, что прерветъ знакомство съ тѣми, кто рѣшится сколько-нибудь оправдывать это вопіющее преступленіе. Чхотуа былъ въ такомъ негодованіи, что чуть ли не въ каждомъ готовъ былъ видѣть виновника совершеннаго варварства. Онъ не могъ болѣе нѣсколькихъ минутъ оставаться у меня, — ему необходимо было навѣстить другихъ общихъ нашихъ знакомыхъ, чтобы и съ ними подѣлиться своимъ возмущеніемъ.

Я отправился на набережную, и глазамъ моимъ представилось ужасное зрѣлище: по Амуру плыло огромное число труповъ; они неслись на значительномъ пространствѣ рѣки такой сплошной массой, что рѣшительно невозможно было сосчитать ихъ.

Потопленіе несчастныхъ китайцевъ и манджуръ совершено было слѣдующимъ образомъ. Всѣхъ ихъ предъ разсвѣтомъ, подъ конвоемъ казаковъ и полицейскихъ, пригнали въ одну станицу, находящуюся на лѣвомъ берегу Амура въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Благовѣщенска. Ихъ было нѣсколько тысячъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ находились старики, калѣки, больные, женщины и дѣти. Кто не могъ идти отъ болѣзни или усталости, того казаки тутъ же по дорогѣ прикалывали. Пригнавъ къ рѣкѣ, несчастнымъ приказали плыть на противоположный китайскій берегъ. При этомъ никакихъ средствъ для переправы не было приготовлено; Амуръ же въ томъ мѣстѣ имѣетъ болѣе полуверсты въ ширину и очень быстрое теченіе.

Ужасъ охватилъ пригнанныхъ. Бросаясь на колѣни и крестясь, несчастные молили о пощадѣ, обѣщая принять христіанство и сдѣлаться русскими подданными. Но въ отвѣтъ на это, ихъ прикладами, штыками и сабельными ударами гнали въ воду, а упиравшихся убивали на мѣстѣ. Тамъ происходили не поддающіяся описанію, душу раздирающія сцены. Приведу лишь одну изъ нихъ.

Манджурка не хочетъ разстаться со своимъ грудным младенцемъ. Она обращается къ своимъ палачамъ и присутствовавшимъ при этой „переправѣ" постороннимъ зрителямъ съ мольбой взять себѣ ея ребенка, чтобы хоть его сохранить въ живыхъ. Но никто не соглашается. Тогда она оставляетъ младенца на берегу, и сама идетъ въ воду. Пройдя немного, она возвращается за ребенкомъ и, неся его въ рукахъ, вновь идетъ въ рѣку; но затѣмъ опять возвращается и снова оставляетъ его на берегу. Казаки кладутъ конецъ ея колебаніямъ, прикалывая ее и младенца.

Такія потопленія, совершавшіяся въ теченіи нѣсколькихъ дней подрядъ, производились по распоряженію того самаго ген. Грибскаго, который незадолго передъ тѣмъ гарантировалъ китайскимъ подданнымъ полную безопасность. Никакими исключительными условіями не могли быть сколько нибудь оправданы эти массовыя избіенія мирныхъ и безоружныхъ людей. Впослѣдствіи было вполнѣ установлено, что вся мѣстная администрація, не исключая губернатора, сильно поживилась отъ разграбленія оставленнаго убитыми имущества.

Начавшись въ Благовѣщенскѣ, избіенія безоружныхъ китайцевъ и манджуръ совершались затѣмъ, по прямымъ приказаніямъ властей, также и во многихъ другихъ мѣстахъ Амурской области. Обширныя пространства, населенныя китайскими подданными, подвергались полному опустошенію. Такъ, недалеко отъ Благовѣщенска, на такъ называемой „территоріи зазейскихъ манджуръ", было 68 деревень, имѣвшихъ болѣе 20.000 жителей. Тамъ всѣ фанзы (избы) истреблены были огнемъ, населеніе было частью перетоплено, частью перебито варварскимъ образомъ, имущество ихъ разграблено, скотъ угнанъ. Все это произвели сосѣди убитыхъ, русскіе крестьяне. Приведу лично мною слышанные разсказы

Въ одной изъ этихъ деревень — въ Алимѣ, нѣсколько десятковъ манджуръ, увидѣвъ пришедшихъ вооруженныхъ русскихъ крестьянъ, начавшихъ все предавать пламени, спрятались въ одной фанзѣ. Руководившій этимъ нападеніемъ староста велѣлъ поджечь ее. Дымъ и пламя заставили вскорѣ несчастныхъ искать спасеніе въ бѣгствѣ. Когда они по одному начали выскакивать въ окно, то собравшіеся возлѣ него крестьяне тутъ же ихъ убивали. Староста спокойнымъ тономъ раз-

сказывалъ, что онъ одинъ „положилъ на мѣстѣ шестьдесятъ тварей".

Въ другой деревнѣ толпа нашихъ крестьянъ пригнала нѣсколько десятковъ манджуръ къ обрыву и сбросила ихъ въ пропасть; затѣмъ, спустившись въ нее добила раненныхъ. Разсказывая спокойно о столь невѣроятныхъ жестокостяхъ надъ безоружными и мирными сосѣдями, иной крестьянинъ прибавлялъ: „вотъ и мнѣ привелось послужать царю и отечеству".

Люди, чувствующіе вообще жалость къ животнымъ, въ описываемые дни не испытывали ея даже къ старикамъ, больнымъ и младенцамъ. Такъ крестьянинъ, увидѣлъ лежавшую на полѣ въ лужѣ крови манджурку, возлѣ которой барахтался и кричалъ грудной младенецъ, тщетно искавшій грудь матери. Когда, возвратившись домой, онъ разсказалъ своей семьѣ объ этой ужасной сценѣ, домочадцы стали упрекать его, зачѣмъ онъ „не прикончилъ младенца".

Аналогичныхъ и, несомнѣнно, еще болѣе вопіющихъ фактовъ, было безчисленное количество во время такъ называемой "русско-китайской войны". Наши войска, двигаясь впередъ по Манджуріи, не только все на своемъ пути предавали огню, но также безжалостно убивали женщинъ, дѣтей, стариковъ и прикалывали изнасилованныхъ ими малолѣтнихъ дѣвочекъ. Даже нѣкоторые офицеры съ ужасомъ вспоминали потомъ о кровожадныхъ инстинктахъ, проявленныхъ многими нашими солдатами, во время этой войны съ безоружными и неоказывавшими нималѣйшаго сопротивленія жителями Манджуріи. Богатую и густо населенную провинцію ген. Ренненкампфъ и другіе русскіе военоначальники въ нѣсколько недѣль превратили мѣстами въ безплодную пустыню, въ которой торчали лишь обгорѣлыя фанзы и гдѣ долгое время хищныя животныя пожирали многочисленные трупы.

Возмутительнѣйшія избіенія тысячъ невинныхъ людей производили лишь на очень немногихъ интеллигентныхъ людей отталкивающее впечатлѣніе. Но и эти немногіе почти ничего не могли предпринять для защиты избиваемыхъ: въ мѣстной прессѣ запрещено было что либо упоминать объ этихъ ужасахъ, а въ столичныхъ органахъ печати появились лишь глухіе о нихъ намеки.

Какъ и нѣкоторымъ другимъ, мнѣ, послѣ всего вышеописаннаго, стало крайне тяжело жить въ Благовѣщенскѣ, въ которомъ каждая улица и чуть ли не каждый домъ напоминали о массѣ убитыхъ и ограбленныхъ. Тотчасъ послѣ прекращенія бомбардировки я рѣшилъ уѣхать. Но первоначально я думалъ только перекочевать въ бойкій портовый городъ Владивостокъ

и терпѣливо ждать тамъ наступленія законнаго срока для полученія права выѣзда изъ Сибири, а до этого оставалось еще лѣтъ пять-шесть. Чѣмъ болѣе, однако, приближался этотъ моментъ, тѣмъ сильнѣе стало разбирать меня нетерпѣніе, и я все чаще и чаще возвращался къ мысли о побѣгѣ. При этомъ у меня возникали вполнѣ естественныя въ подобныхъ случаяхъ сомнѣнія, стоитъ ли рисковать той ограниченной свободой, которую я уже пріобрѣлъ шестнадцати лѣтнимъ пребываніемъ въ тюрьмахъ и въ Сибири? Но зимой я покончилъ съ колебаніями, рѣшивъ, какъ говорится, сжечь за собою корабли.

Обстоятельства сложились для меня благопріятно: я легко нашелъ необходимую поддержку, и съ открытіемъ навигаціи въ апрѣлѣ 1901 года мнѣ удалось сѣсть на частный пароходъ, уходившій въ Хабаровскъ. Но въ тотъ самый моментъ, когда я пришелъ, конечно, безъ вещей, на бортъ его, туда же явился помощникъ пристава, у котораго я находился подъ надзоромъ. Первая мысль моя была, что планъ моего побѣга открытъ, и я сильно встревожился. Вскорѣ, однако, оказалось, что помощникъ просто пришелъ проводить какихъ то своихъ знакомыхъ, уѣзжавшихъ съ этимъ же пароходомъ. Ему, повидимому, не приходило въ голову, чтобы я убѣгалъ, такъ сказать, на виду у полиціи, и мое пребываніе на пароходѣ онъ, вѣроятно, объяснялъ себѣ также намѣреніемъ проводить уѣзжавшаго знакомаго, что намъ, конечно, не запрещалось. Затѣмъ я постарался, чтобы онъ потерялъ меня изъ виду и, слѣдовательно, предположилъ, что я вернулся обратно домой.

На этомъ же пароходѣ ѣхали нѣкоторые мои мѣстные знакомые, также неподозрѣвавшіе, что я навсегда покидаю Сибирь: въ разговорахъ съ ними я дѣлалъ видъ, что уѣзжаю съ разрѣшенія начальства.

Пароходъ нашъ былъ буксирный; онъ шелъ, поэтому, медленно, долго останавливался въ пристаняхъ, и лишь на пятый день мы прибыли въ г. Хабаровскъ. Здѣсь, въ сущности, былъ одинъ изъ наиболѣе опасныхъ для меня моментовъ, такъ какъ при выходѣ на пристань у всѣхъ пассажировъ спрашивали паспорта, какового у меня не было. Чтобы обойти это препятствіе, я, съ разрѣшенія знакомаго капитана, остался ночевать на пароходѣ.

На слѣдующее утро я отправился въ городъ. Избирая для своего побѣга путь на востокъ, я, между прочимъ, имѣлъ въ виду, хотя бы отчасти, познакомиться съ этимъ краемъ, начавшимъ очень быстро развиваться, особенно съ проведеніемъ уссурійской желѣзной дороги: тамъ деревни росли, какъ грибы послѣ дождя, и нѣкоторыя изъ нихъ вскорѣ принимали довольно большіе размѣры. Такъ, Хабаровка изъ незначительной

деревни въ нѣсколько лѣтъ превратилась въ городъ Хабаровскъ, ставшій резиденціей Пріамурскаго ген. губернатора.

Мѣстоположеніе этого города, расположеннаго на высокомъ и крутомъ утесѣ, омываемомъ двумя громадными рѣками — Амуромъ и впадающимъ въ него здѣсь Уссури,—чрезвычайно живописно. Но самъ городъ Хабаровскъ напоминалъ тогда обширную казарму: большинство построекъ казеннаго типа, а на улицахъ на каждомъ шагу встрѣчались военные. „Благоустройства", какъ и въ большинствѣ нашихъ городовъ,—никакого.

Въ Хабаровскѣ мнѣ указали прекрасный домъ, принадлежавшій Емельянову, о которомъ я выше разсказывалъ. Видѣться съ нимъ у меня не было никакого желанія. Но я узналъ, что въ это время онъ состоялъ главнымъ управляющимъ у одного изъ самыхъ крупныхъ на Амурѣ винныхъ заводчиковъ — Пьянкова. За одно скажу здѣсь, что этотъ Пьянковъ также былъ раньше политическимъ ссыльнымъ: онъ привлекался по процессу 193-хъ, просидѣлъ четыре года въ предварительномъ заключеніи, затѣмъ его сослали административнымъ порядкомъ на сѣверъ Европ. Россіи, откуда онъ вскорѣ бѣжалъ въ Петербургъ. Тамъ, послѣ раздѣленія общества „Земля и Воля", онъ присоединился къ „Черному Передѣлу; но въ началѣ 1880 года былъ вновь арестованъ въ типографіи этой организаціи, и въ 1881 году приговоренъ былъ къ ссылкѣ на житье въ Сибирь. А нынѣ Пьянковъ — крупнѣйшій винный торговецъ! У него, также въ качествѣ управляющаго по водочной части въ г. Николаевскѣ, служилъ другъ Емельянова — Властопуло.

Съ цѣлью ознакомленія съ краемъ, я охотно принялъ предложеніе одного молодого товарища соц.-демократа, случайно попавшаго на крайній востокъ, заѣхать къ нему въ г. Никольскъ-Уссурійскій. Послѣдній всего за годъ передъ тѣмъ былъ переименованъ изъ деревни въ городъ. Какъ и другія населенныя мѣста этого края, г. Никольскъ Уссурійскій кишѣлъ военными, что отчасти объяснялось захватомъ Манчжуріи и дѣлавшимися уже тогда приготовленіями къ войнѣ съ Японіей. Наше правительство заранѣе стягивало туда массу войскъ и превращало этотъ край какъ бы въ военный лагерь.

Проживъ сутки въ г. Никольскъ-Уссурійскѣ, и затерѣвши, такимъ образомъ, слѣды, я отправился во Владивостокъ по желѣзной дорогѣ, въ сопровожденіи знакомаго военнаго, ѣхавшаго вмѣстѣ со своимъ деньщикомъ. Такая компанія была, конечно, очень выгодна для меня. Мы также вмѣстѣ остановились въ гостинницѣ, гдѣ, понятно, въ виду погоновъ моего компаніона, не требовали, чтобы я прописался.

Владивостокъ — прелестный портовый городокъ съ трид-

цатью тысячами жителей, которому многіе тогда предсказывали блестящую будущность, что послѣ настоящей войны съ Японіей едва ли оправдается. Мѣстоположеніе его прекрасное, а по благоустройству онъ превосходилъ не только сибирскіе, но и многіе русскіе города.

Я прожилъ во Владивостокѣ три дня, пока налаживалось дѣло съ моимъ отъѣздомъ; само собою разумѣется, что я не могу здѣсь дать подробнаго описанія, какъ мнѣ это удалось. Но вотъ наступила послѣдняя ночь моего пребыванія въ Сибири. Я провелъ ее почти совсѣмъ безъ сна: къ мысли о предстоявшей утромъ разлукѣ со всѣмъ, къ чему я уже успѣлъ привыкнуть за многіе годы пребыванія въ ссылкѣ, присоединялось вполнѣ естественное опасеніе относительно исхода предпринятаго мною бѣгства. Въ моей жизни всякія случайности и неожиданности столько разъ жестоко разбивали мои планы и надежды, что и въ данномъ случаѣ я не могъ быть увѣреннымъ въ благополучномъ исходѣ задуманнаго побѣга, а вновь очутиться, вмѣсто свободныхъ странъ, въ ссылкѣ, мнѣ, конечно, вовсе не хотѣлось.

Все, однако, сошло вполнѣ удачно, и утромъ я сѣлъ на японское судно, уходившее въ Нагассаки. Но, странная вещь! Лишь только, снявъ якорь, пароходъ сталъ отчаливать, и мнѣ не утрожала болѣе никакая опасность, какъ я почувствовалъ неимовѣрную грусть,—словно я покидалъ не мѣсто ссылки и страданій, а родной край: человѣкъ, дѣйствительно, ко всему привыкаетъ, даже къ кандаламъ и къ неволѣ...

Былъ очень пасмурный день. Небо совсѣмъ заволокло тучами; шелъ частый дождь. Пароходъ нашъ бросало изъ стороны въ сторону; на палубу нельзя было показаться; многихъ пассажировъ мучила морская болѣзнь, но я не страдалъ ею, чему я былъ очень радъ, въ виду предстоявшихъ мнѣ продолжительныхъ путешествій по океанамъ.

Огибая Корею, пароходъ нашъ останавливался въ двухъ портахъ — Гензанѣ и Фузанѣ, по дню въ каждомъ. Сходя вмѣстѣ съ другими пассажирами на берегъ, я осматривалъ эти корейскіе города: во многомъ они напоминаютъ японскіе,—тотъ же типъ построекъ, такое же обиліе магазиновъ и лавочекъ. Уже тогда японцы являлись тамъ господствующимъ элементомъ; ихъ вліяніе видно было на каждомъ шагу и во всемъ.

Мнѣ удалось также осмотрѣть лежащую вблизи Гензана корейскую деревню и поразившую меня своимъ первобытнымъ характеромъ: сколоченные изъ тонкихъ досокъ небольшіе шалаши, покрытые соломой, не имѣли ни оконъ, ни дверей, — то и другое замѣняли раздвижныя перегородки; населеніе, по

видимому, проводитъ все время на улицѣ у своихъ шалашей, — здѣсь совершаются всѣ работы, готовится пища и пр.

Спустя пять дней, послѣ выѣзда изъ Владивостока, пароходъ нашъ бросилъ якорь въ Нагасаки. Сѣвъ въ одну изъ подъѣхавшихъ шлюпокъ, я отправился въ расположенную вблизи набережной гостинницу, которую мнѣ заранѣе рекомендовали. Сравнительно съ нашими, она оказалась недорогой и удобной; къ тому же прислуга въ ней кое-какъ могла объясняться по-русски. Вообще, въ отношеніи языка, пребываніе въ Нагасаки не представляло никакихъ затрудненій, — въ магазинахъ, ресторанахъ и т. п. возможно было объясниться по русски. Паспорта, конечно, также нигдѣ не спрашивали.

Въ Нагасаки мнѣ нужно было выбрать направленіе, по которому мнѣ наиболѣе удобно было ѣхать въ Западную Европу: я могъ отправиться туда кругомъ южной Азіи и по Суезскому каналу, что было-бы относительно дешевле и скорѣе другого направленія — черезъ С.-Америку. Но мнѣ хотѣлось воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы побывать въ Новомъ Свѣтѣ и, такимъ образомъ, завершить давно уже начатое мною, хотя и помимо собственнаго желанія, кругосвѣтное путешествіе. По наведеннымъ мною справкамъ оказалось, что ближайшее судно уйдетъ въ С.-Франциско только черезъ 9 дней. Это время я рѣшилъ посвятить ознакомленію съ Нагасаки и его окрестностями.

Нагасаки — довольно большой городъ, со ста тысячнымъ населеніемъ — расположенъ на нѣсколькихъ невысокихъ холмахъ, окружающихъ чрезвычайно удобную бухту. За исключеніемъ набережной, всѣ улицы до того узки, что ѣзда на нихъ совершенно невозможна; лошадей въ Нагасаки замѣняютъ люди, везущіе пассажировъ на небольшихъ двухколесныхъ телѣжкахъ. Число этихъ извощиковъ до того велико, что они буквально попадаются у каждаго дома: десятками стоятъ они на всѣхъ углахъ улицъ, около магазиновъ, гостинницъ и т. п. Они обступаютъ каждаго появляющагося на улицѣ иностранца, наперерывъ предлагая ему свои услуги. За ничтожную плату въ 10 центовъ (около 10 коп.) въ конецъ или 20 центовъ — за часъ; „курмъ“ — такъ называются эти извощики — везетъ сѣдока въ гору и подъ гору съ быстротой лошади. При этомъ можно нерѣдко видѣть, какъ цивилизованный европеецъ подталкиваетъ зонтикомъ или палкой несчастнаго, обливающагося потомъ, человѣка, замѣняющаго животное. Изъ скудной дневной выручки „курмъ“ долженъ чуть-ли не половину внести хозяину за телѣжку, а также уплатить городу за право зарабатывать этимъ тяжелымъ трудомъ себѣ и семьѣ на существованіе. Пища этихъ несчастныхъ труженниковъ состоитъ изъ риса и какой-то дешевой мѣстной рыбы.

Большинство домовъ въ Нагасаки деревянные, двухэтажные,

при чемъ нижній обязательно занятъ магазинами, ресторанами или какой-нибудь мастерской. Проходя по улицамъ, я рѣдко замѣчалъ заходившаго въ лавку покупателя, а если онъ гдѣ появлялся, то его обступали со всѣхъ сторонъ. У каждаго, думаю, иностранца, обратившаго на это обстоятельство вниманіе, естественно долженъ былъ возникать вопросъ, чѣмъ поддерживается существованіе такого обильнаго количества магазиновъ?

Постройка домовъ въ Нагасаки какая то особенно легкая, воздушная, — словно эти жилища наскоро сколочены только для лѣтняго въ нихъ пребыванія. Чистота повсюду образцовая, улицы всюду прекрасно вымощены, убираются и поливаются они каждымъ владѣльцемъ около его дома. Пыли въ городѣ почти никакой, воздухъ удивительно чистый, мягкій, и чувствуешь тамъ, что легко дышешь полной грудью. Не даромъ многіе иностранцы пріѣзжали тогда въ Нагасаки, какъ въ курортъ.

Европейская часть города, расположенная вдоль набережной, переполнена гостинницами, ресторанами, банками и разными конторами. Здѣсь улицы нѣсколько шире и дома болѣе солидной постройки, нижніе этажи каменные; многіе изъ нихъ снабжены верандами, палисадниками и пр. Жизнь въ Нагасаки была довольно дешева, но за то и крайне однообразна, особенно для иностранца, незнавшаго мѣстнаго языка. Достопримѣчательностей почти никакихъ: два-три будійскихъ храма съ огромными фигурами Сакья-Муни, промышленный музей съ образчиками произведеній мѣстнаго производства, да знаменитыя японскія чайныя, — вотъ, въ сущности, почти все, что пріѣзжему иностранцу предлагали посѣтить.

Но особенно красивы окрестности. Тамъ на каждомъ шагу приходится удивляться заботливости трудолюбиваго японца, чтобы ни единый вершокъ земли не оставался втунѣ, — все, за исключеніемъ вершинъ скалистыхъ горъ, тщательно воздѣлывается. Не смотря на огромный трудъ, положенный японцемъ въ свою землю, его существованіе казалось какимъ-то воздушнымъ или сказочнымъ. Въ этой чрезвычайно оригинальной странѣ многое производило на меня такое впечатлѣніе, словно все окружавшее меня я видѣлъ не въ дѣйствительности, а лишь на экранѣ кинемотографа; даже цвѣтомъ лицъ, какъ мужчины, такъ, въ особенности, молодыя японки очень напоминаютъ фигуры, представляемыя этимъ аппаратомъ.

Успѣхъ, совершенный Японіею въ теченіи второй половины прошлаго столѣтія, несомнѣнно очень значителенъ. Но все же многіе европейцы, а въ особенности сами японцы, нѣсколько преувеличиваютъ его: цивилизація коснулась лишь ничтожной части населенія, — только верхняго слоя жителей портовыхъ городовъ, остальная же часть его едва лишь задѣта европейской культурой. Не только религія, нравы и обычаи,

но рѣшительно весь обиходъ жителей даже большихъ городовъ остался такимъ же, какимъ онъ былъ съ незапамятныхъ временъ. Первобытностью нравовъ японцевъ объясняется ихъ честность въ обыденной жизни: еще и теперь въ Японіи дома и магазины ночью не запираются на замки; никто не трогаетъ чужой вещи, и всякій возвращаетъ случайно найденное. Но въ портовыхъ городахъ начало уже проявляться вліяніе европейской цивилизаціи и, можно съ увѣренностью сказать, что въ скоромъ времени японцы усвоятъ всѣ наши понятія, въ томъ числѣ и о „честности".

Изъ Нагасаки я отплылъ на огромномъ тихо-океанскомъ пароходѣ „China", принадлежащемъ американской компаніи. За билетъ, въ такъ называемомъ „Europeen Steerage" — среднее между нашимъ 2-мъ и 3-мъ классомъ — пришлось заплатить цѣлыхъ 180 іенъ, т. е. около 175 рублей. Не смотря на столь высокую плату за проѣздъ, — помѣщеніе и пища были отвратительны. Что-либо худшее, чѣмъ условія на этомъ, считающемся самымъ лучшимъ тихо-океанскимъ пароходомъ, трудно себѣ представить даже въ Россіи: пища, скверно приготовленная, подавалась до того неряшливо, что непріятно было прикоснуться къ ней; въ крошечныхъ каютахъ, имѣвшихъ по три яруса, помѣщалось по шести человѣкъ; въ нихъ было тѣсно, грязно и неудобно; спеціальнаго мѣста для прогулокъ для лицъ нашего класса не было и пр. Въ этихъ условіяхъ нужно было пробыть цѣлыхъ 21 день!

Воспользовавшись двухдневной остановкой „China" въ Іокагамѣ, я побывалъ, какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ столицѣ Японіи — Токіо, до которой по желѣзной дорогѣ всего минутъ 20 ѣзды.

Описывать эти города я не буду, такъ какъ едва успѣлъ ихъ осмотрѣть. Скажу лишь, что, какъ и Нагасаки, они не похожи на европейскіе города и очень оригинальны.

Втеченіе первыхъ пяти дней моего путешествія я не могъ объясняться ни съ кѣмъ изъ пассажировъ, вслѣдствіе незнанія мною англійскаго языка, и мнѣ было, поэтому, довольно тоскливо. Но въ Іокагамѣ на нашъ пароходъ сѣли французъ, нѣмецъ и одинъ японецъ, говорившій немного по-нѣмецки. У насъ, такимъ образомъ, составилась небезъинтересная интернаціональная компанія, державшаяся вмѣстѣ. Разговоры, шутки и анекдоты заполняли наше время, тянущееся безконечно долго при морскомъ плаваніи.

На 16-й день пароходъ нашъ присталъ въ Гонолуло, главномъ городѣ Гавайскихъ или Сандвичевыхъ острововъ, гдѣ мы должны были пробыть сутки. Будучи еще въ Благовѣщенскѣ, я случайно узналъ, что одинъ мой хорошій знакомый, онъ Судзиловскій

же д-ръ Россель, живетъ на одномъ изъ этихъ острововъ. Его я встрѣчалъ въ началѣ 80-хъ годовъ въ Швейцаріи, — фамилію „Россель“ онъ принялъ лишь за-границей, сдѣлавшись американскимъ гражданиномъ. Участникъ революціоннаго движенія началъ 70-хъ годовъ, онъ, ставъ нелегальнымъ, бѣжалъ за-границу, гдѣ проживалъ въ разныхъ странахъ, начиная съ Сѣв.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и кончая Румыніей и Болгаріей. Россель всюду умѣлъ скоро освоиться съ мѣстными условіями и, быстро ознакомившись съ языкомъ данной страны, войти въ ея интересы и нужды.[1])

Очутившись совершенно неожиданно на Сандвичевыхъ островахъ, я рѣшилъ воспользоваться остановкой парохода, что-бы розыскать д-ра Росселя. При содѣйствіи пассажира-француза, мнѣ лишь къ вечеру удалось узнать, что мой старый знакомый живетъ на другомъ островѣ этого архипелага, но, по счастью, въ данное время находится какъ разъ въ г. Гонолуло. Послѣ довольно продолжительныхъ поисковъ, мы нашли его квартиру, но не застали его дома. Тогда я оставилъ ему записку, въ которой сообщилъ, что одинъ старый его товарищъ, ѣдущій изъ Сибири въ Западную Европу, хотѣлъ бы повидаться съ нимъ, почему я и предложилъ ему придти утромъ на пароходъ „China“ и спросить „русскаго пассажира“, — фамилію свою я умышленно подписалъ неразборчиво, желая убѣдиться, узнаетъ ли онъ меня: мы не видались ровно 20 лѣтъ.

Прогуливаясь рано утромъ по палубѣ, я увидѣлъ вошедшаго на бортъ парохода совершенно сѣдого господина, одѣтаго въ бѣлое лѣтнее платье. Я пошелъ къ нему на встрѣчу, хотя онъ нисколько не походилъ на моего стараго товарища. Услыхавъ, что онъ розыскиваетъ „русскаго“, я назвалъ его по фамиліи и предложилъ ему отгадать мою. Долго всматривался онъ въ меня, но рѣшительно не могъ признать, такъ что я долженъ былъ самъ назвать себя.

— Дейчъ? Какими судьбами? — воскликнулъ онъ, цѣлуясь со мною.

Въ немногихъ словахъ я сообщилъ ему о своемъ побѣгѣ изъ Сибири и о дальнѣйшемъ путешествіи.

— Такъ вы думаете сегодня же уѣхать? Ни въ какомъ случаѣ: вы должны у меня здѣсь погостить, пока я окончу свои дѣла въ Гонолуло, а затѣмъ поѣдете со мной на нашу ферму.

Предложеніе это сдѣлано было столь радушнымъ тономъ, что я готовъ былъ немедленно согласиться, но въ этомъ случаѣ пропадала уплоченная мною за проѣздъ отъ Гонолуло до С.-Фран-

---

[1]) О немъ разсказываетъ Дебагорій-Мокріевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ, а Е Лазаревъ посвятилъ ему цѣлый очеркъ, озаглавленный „Гавайскій сенаторъ.“

ціско сравнительно большая сумма — 50 долларовъ (около 100 р.) Когда я высказалъ д-ру Росселю это соображеніе, онъ сказалъ:

— Пустяки! Не стоитъ этимъ смущаться, — я берусь это устроить.

Забравъ багажъ, мы затѣмъ сошли вмѣстѣ на берегъ, и я поселился у него на квартирѣ.

Какъ это водится при встрѣчахъ, послѣ долгой разлуки, у насъ пошли длиннѣйшіе разсказы о прошломъ, объ общихъ знакомыхъ, споры о судьбахъ Россіи и пр. Я узналъ, какимъ образомъ д-ръ Россель изъ Болгаріи переѣхалъ въ С.-Франциско, гдѣ онъ занимался частной практикой; затѣмъ, вслѣдствіе столкновенія съ мѣстнымъ русскимъ архіереемъ, онъ долженъ былъ переѣхать на одинъ изъ Гавайскихъ острововъ, въ качествѣ врача на сахарной плантаціи. Впослѣдствіи ему удалось пріобрѣсти собственную ферму на о-вѣ Гавайѣ, а въ описываемое мною время онъ, будучи избранъ въ сенаторы, пріѣхалъ въ Гонолуло на засѣданія законодательной сессіи, которая должна была окончиться черезъ нѣсколько дней.

Я успѣлъ вдоволь налюбоваться этимъ прелестнымъ и чрезвычайно оригинальнымъ городомъ, имѣвшимъ 40 тысячъ жителей, осмотрѣть всѣ его достопримѣчательности и кое-что узнать о его прошломъ и настоящемъ. Затѣмъ, когда д-ръ Россель освободился отъ своихъ сенаторскихъ обязанностей, мы отправились съ нимъ на о-въ Гавайю, отстоящій отъ г. Гонолуло на разстояніи часовъ 30-ти ѣзды на пароходѣ. По пути мы останавливались въ нѣсколькихъ мѣстахъ, при чемъ сходя съ д-ромъ Росселемъ на берегъ, я, благодаря его разсказамъ и объясненіямъ, знакомился съ мѣстными особенностями.

На фермѣ оставалась жена его, также врачъ, урожденная Шебеко, которая въ концѣ 70-хъ годовъ окончила берискій университетъ. Она встрѣтила меня также привѣтливо, какъ и ея мужъ. Я съ удовольствіемъ поселился у нихъ и прожилъ около пяти недѣль. Изъ разсказовъ супруговъ Россель и ихъ знакомыхъ, а также путемъ личныхъ наблюденій и отчасти изъ книгъ, я за это время успѣлъ кое-что узнать объ этихъ чудныхъ островахъ. Многое чрезвычайно оригинально и вмѣстѣ крайне трагично въ жизни туземнаго населенія. Но мои записки черезчуръ растянулись бы, если бы я задумалъ передать все мною тамъ узнанное. Скажу лишь, что, вслѣдствіе ужасно жестокихъ и хищническихъ пріемовъ насажденія „цивилизаціи“ и „культуры“ выходцами изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ среди канаковъ — такъ зовутъ туземцевъ, — они неимовѣрно быстро вымираютъ. Изъ здороваго, крѣпкаго народа, достигавшаго до 400 тысячъ человѣкъ во время открытія этого архипелага, въ концѣ 18-го вѣка, знаменитымъ путешественникомъ Кукомъ, съ небольшимъ черезъ одно столѣтіе на

всѣхъ островахъ осталось только около 20-ти тысячъ, да и эти немногіе уцѣлѣвшіе туземцы надѣлены теперь всевозможными болѣзнями, каковыхъ они не знали до прихода цивилизаторовъ. Особенно сильныя опустошенія среди канаковъ производитъ проказа: зараженныхъ ею изолируютъ на отдѣльный островъ, гдѣ эти несчастные остаются навсегда, порвавъ всякія связи съ близкими и со всѣмъ остальнымъ міромъ.

Рядомъ съ полнымъ раззореніемъ туземцевъ, потомки бостонскихъ миссіонеровъ, явившихся первыми проповѣдниками христіанства на этихъ островахъ, путемъ всякаго рода обмановъ и насилій сдѣлались собственниками наибольшей и лучшей части этой дивной страны и загребаютъ теперь милліоны на мѣстныхъ сахарныхъ плантаціяхъ.

Пребываніе на фермѣ супруговъ Россель доставило мнѣ большое наслажденіе. Мы предпринимали сообща прогулки, осматривали сахарныя и кофейныя плантаціи, жилища туземцевъ и пр.; мы посѣтили также знаменитый вулканъ Килауэа. Въ бесѣдахъ съ д-ромъ Россель мы нерѣдко возвращались къ темѣ о странности нашей съ нимъ встрѣчи на этихъ уединенныхъ островахъ Тихаго океана.

— И куда только судьба не закинетъ человѣка! — говорили мы: — надо же такъ случиться, чтобы одинъ пріѣхалъ сюда въ качествѣ эмигранта-врача, а другой очутился здѣсь во время побѣга изъ Сибири!

Мы все какъ-бы не вѣрили своимъ глазамъ, вспоминая наше прошлое и сопоставляя его съ обстановкой, среди которой мы вели наши бесѣды въ данное время.

Распростившись съ супругами Россель, я въ концѣ іюля (н. с.) отправился въ дальнѣйшій путь, избравъ на этотъ разъ парусное судно. Вѣтеръ большею частью не былъ попутнымъ, поэтому на переѣздъ, который пароходъ дѣлаетъ въ четыре дня, мнѣ пришлось употребить цѣлыхъ 26 сутокъ. Хотя все время погода стояла прекрасная, но подъ конецъ такое продолжительное пребываніе на океанѣ своимъ однообразіемъ вызывало довольно тоскливое настроеніе и въ сильной степени надоѣло мнѣ. Я, поэтому чрезвычайно обрадовался, когда вечеромъ 25 августа мы, наконецъ, добрались до С.Франциско.

Супруги Россель снабдили меня рекомендательными письмами къ своимъ знакомымъ, жившимъ въ этомъ городѣ. Среди нихъ оказалась Ольга Палицина, съ которой въ концѣ 70-хъ годовъ я встрѣчался въ Швейцаріи. Какъ и д-ръ Россель, она также не узнала меня; когда же я назвалъ себя, она, отрицательно покачавъ головой, воскликнула:

— Этого быть не можетъ: Дейча и Стефановича давно уже повѣсили!

Я, конечно, постарался убѣдить ее, что полученныя ею свѣдѣнія не совсѣмъ точны. При ея помощи, а также и другихъ вновь пріобрѣтенныхъ тамъ знакомыхъ, мнѣ, въ сравнительно короткое время, удалось многое узнать и увидѣть въ С.Франциско. Какъ самъ городъ, съ его прекраснымъ мѣстоположеніемъ и великолѣпными постройками, такъ чудесный климатъ и жители Калифорніи произвели на меня самое лучшее впечатлѣніе. Мнѣ удалось также отчасти познакомиться съ мѣстнымъ соціалистическимъ движеніемъ, главными піонерами котораго были выходцы изъ Германіи, да и въ описываемое время нѣмцы играли тамъ руководящую роль. Пробывъ десять дней въ С.-Франциско, я отправился затѣмъ въ Чикаго.

Благодаря имѣвшейся у меня рекомендаціи, я предварительно списался, почему и былъ встрѣченъ на вокзалѣ двумя жившими тамъ польскими соціалистами изъ партіи П. П. С. Въ Чикаго я видѣлъ сравнительно большую колонію, состоявшую изъ эмигрантовъ изъ Царства Польскаго и имѣвшую свой клубъ и свою довольно распространенную газету „Rabotnik“. Къ сожалѣнію, я не могъ долго оставаться тамъ, между прочимъ потому, что какъ разъ наканунѣ моего туда пріѣзда былъ убитъ полякомъ президентъ Макъ Кинлей, и американцы совсѣмъ потеряли головы: они набрасывались на вполнѣ мирныхъ польскихъ соціалистовъ, обвиняя ихъ въ анархизмѣ, и мнѣ, вращавшемуся среди нихъ, было поэтому не совсѣмъ безопасно оставаться тамъ. Два дня спустя я отправился далѣе на западъ.

Въ Нью-Іоркѣ меня также встрѣтилъ на вокзалѣ старый пріятель моихъ швейцарскихъ друзей —д-ръ Ингерманъ, пригласившій меня поселиться у него. Я охотно принялъ это предложеніе и остался очень доволенъ четырехъ недѣльнымъ пребываніемъ въ этомъ городѣ. Въ Нью-Іоркѣ оказалась громадная русская колонія, состоявшая главнымъ образомъ изъ эмигрировавшей въ 80-хъ годахъ изъ Россіи еврейской учащейся молодежи, задумавшей тогда основать въ С. Амер. Соед. Штатахъ земледѣльческія колоніи. Какъ и большинство аналогичныхъ предпріятій, планы молодыхъ энтузіастовъ не осуществились, и сами они почти всѣ очутились вскорѣ въ Нью Іоркѣ. Здѣсь многіе изъ нихъ оказали огромное вліяніе на развитіе соціалистическаго движенія среди обширнаго, чуть-ли не полу-милліонаго еврейскаго населенія, главнымъ контингентомъ котораго являются гонимые и преслѣдуемые несчастные уроженцы такъ называемой у насъ „черты осѣдлости“. Благодаря усиліямъ д-ра Ингермана, его жены, также врача — и ихъ товарищей, — въ Нью-Іоркѣ, втеченіе многихъ уже лѣтъ, существуетъ и русская соціаль-демократическая группа, задающаяся цѣлью, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать, путемъ пропаганды и соби-

раніемъ матеріальныхъ средствъ, освободительному движенію на ихъ отдаленной родинѣ.

Хотя въ Нью-Іоркѣ я пробылъ, сравнительно, дольше, чѣмъ въ двухъ другихъ упомянутыхъ городахъ, но, вслѣдствіе обилія въ немъ русскихъ, мнѣ очень немногое удалось въ немъ увидѣть изъ мѣстныхъ достопримѣчательностей. Разставаясь съ С. Америкой, я вынесъ изъ нея не совсѣмъ отрадное о ней впечатлѣніе, —духъ, характеръ этой страны, на сколько, конечно, я могъ уловить это за столь короткое время моего тамъ пребыванія, — мнѣ показались чуждыми нашимъ привычкамъ и понятіямъ. Интересы и взгляды гражданъ Новаго Свѣта кажутся очень односторонними, узкими, ограниченными тѣснымъ кругомъ.

Попрощавшись съ нѣсколькими товарищами, пришедшими проводить меня, я въ началѣ октября сѣлъ на прекрасный англійскій пароходъ, уходившій въ Ливерпуль. Пяти дневнаго переѣзда черезъ Атлантическій океанъ я почти не замѣтилъ, благодаря обильному запасу новой для меня русской соціаль-демократической литературы, которую я, впервые увидѣвъ у Ингермана, захватилъ съ собою на дорогу.

Изъ Ливерпуля уже ждавшій у пристани спеціальный поѣздъ-экспрессъ помчалъ насъ, прибывшихъ съ пароходомъ пассажировъ, въ Лондонъ. Въ тотъ-же день я разыскалъ эмигранта Гольденберга, затѣмъ Чайковскаго, Кропоткина и другихъ старыхъ моихъ знакомыхъ. Въ Лондонѣ я былъ тогда впервые; поэтому я остановился въ немъ на нѣсколько дней, чтобы хоть немного познакомиться съ этимъ колоссальнымъ городомъ. Оттуда я отправился въ Парижъ, гдѣ также нашелъ кое-кого изъ старыхъ и довольно много новыхъ знакомыхъ. Повсюду — какъ мнѣ казалось — нѣкоторые смотрѣли на меня, какъ на человѣка, явившагося чуть-ли не съ того свѣта.

Въ началѣ ноября я пріѣхалъ въ Цюрихъ, откуда семнадцать съ чѣмъ-то лѣтъ предъ тѣмъ началось мое невольное путешествіе вокругъ свѣта.

— Смотри! Онъ совсѣмъ мало измѣнился! — воскликнулъ мой старый другъ П Аксельродъ, обратившись къ своей женѣ, когда я вышелъ изъ вагона на платформу.

На этомъ закончу настоящія записки. О томъ, какія перемѣны я нашелъ за-границей и въ Россіи, по сравненію съ тѣмъ, что было въ началѣ 80-хъ годовъ, — я изложу, если обстоятельства позволятъ, въ отдѣльной брошюрѣ.

Приложенія.

I.

Политическіе каторжане, бывшіе на Карѣ.

1) *Агаповъ* Степанъ, кр. Моск. губ., родился въ 52 г., ткачъ, учился въ фабр. уч., арест. въ 75 г., судился особ. прис. сената по д. 50-ти въ февралѣ 77 г, осужденъ на 3 г. 8 м. каторги; за попытку къ побѣгу прибавленъ еще 1 годъ каторги. Манифестъ 83 г. примѣненъ. Вышелъ на поселеніе въ 80 г. въ Баргузинъ (Забайк. обл.); тамъ женился на крестьянкѣ, затѣмъ поселенъ въ Зап. Сибири. (стр. 106—7) [1]).

2) *Александровъ* Діомедъ, род. въ 49 г., выросъ въ воспитательномъ домѣ (незаконор.), причисленъ къ мѣщ. г. Петербурга; ткачъ; ар. въ 75 г. (янв.), судился особ. прис. сената въ іюлѣ 75 г. по дѣлу Дьякова и Сѣрякова; осужд. на 9 лѣтъ кат.; отправленъ въ Борисоглѣбскую центр. тюрьму (подъ Харьковомъ); прибылъ на Кару въ 82 г. Изъ манифеста изъятъ. Въ 83 году ушелъ на поселеніе въ Якутскую область.

3) *Алексѣевъ*, Петръ, кр. Сычевск. у., Смол. губ., ткачъ, род. въ 49 г., арест. въ 75 г. (апр.); судился въ 77 г. ос. прис. с. по д. 50-ти—10 л. каторги. Прибылъ на Кару въ 82 г., передъ тѣмъ сидѣлъ въ Борисоглѣбской центр. тюрьмѣ; отъ манифеста изъятъ. Съ 84 г. вышелъ на поселеніе въ Якутск. обл., гдѣ былъ убитъ якутами съ цѣлью грабежа въ 91 г.

4) *Андрусскій*, Андрей, двор. Пирят. у. (Полтавск. губ.), род. въ 57 г., былъ въ полтавск. гимназіи и юнкер. учил. (не оконч.), ар. въ апр. 79 г., осужд. кіевск. военно-окружн. судомъ 25 февраля 80 г. на 4 г. кат.; прибылъ на Кару въ 80 г.; отъ манифеста изъятъ; ушелъ съ Кары въ 83 г. на посел. въ Александр. заводъ (въ Забайк. обл.).

5) *Ананьина*, Марья Александровна, р. въ 49 г.; акушерка-фельдшер., арест. въ С.-П.-Б. въ 87 г.; осужд. петерб. военно-суд. въ 87 г. по дѣлу 1 марта 87 г. на 20 л. кат.; прибыла на Кару въ янв. 88 г.; изъята изъ маниф., вышла въ вольную ком. въ ноябрѣ 92 г. Переведена въ Акатуй въ 98 г., гдѣ умерла въ янв. 99 г. (208, 265, 274).

---

[1]) Цифры въ скобкахъ обозначаютъ стр. книги, на которыхъ упоминаются названныя лица.

6) *Армфельдъ*, Наталья, род. въ 50 г.; дочь извѣстнаго моск. проф.; воспитыв. въ институтѣ; арест. въ Кіевѣ въ февр. 79 г. при вооружен. сопр. въ домѣ Коссаровскаго; осужд. кіевскимъ воен.-окр. суд. въ 79 г. на 14 *л.* 10 м. кат.; приб. на Кару 80 г., вышла въ вольн. ком. въ 85; отъ маниф. изъята. Вышла замужъ за Комова. Умерла на Карѣ въ 87 г. оть бугорчатки. (126).

7) *Багряновскій*, Корнелій, двор. Волынск. губ., полякъ, род. въ 60 г., образов. домашн., почт. чиновникъ, арест. въ 79 г. въ Житомирѣ. Кіевск. в. окр. суд. въ іюлѣ 79 г. осужд. на 6л 8м. кат. (по д. Горскаго, Бильч. и др.); прибылъ на Кару въ 80 г., въ 84—вышелъ на поселеніе, пытался бѣжать съ Цобелемъ изъ Якутска, переведенъ въ Верхоянскъ, гдѣ застрѣлился въ 97 г.

8) *Баламезъ*, Андрей, болгаринъ, род. въ Кишиневѣ въ 60 г., сынъ купца, уч. недолго въ Од. реальн. уч., арест. въ авг. 78 г.; одес. в. окр. суд. въ іюлѣ 79 г. (по д. Чубарова, Лизогуба и др.) осужд. на 20 л. кат.; прибылъ на Кару въ 80 г.; за побѣгъ съ Кары въ 82 г. (съ Мышкинымъ и др.) было прибавлено ему 10 л.; отъ манифеста изъятъ. Выдалъ Чубарова и др. на допросѣ; на судѣ каялся въ этомъ; въ 88 г. подалъ прошеніе о помилованіи; уѣхалъ въ Болгарію. (147, 223—6.)

9) *Батаговъ*, Галактіонъ, мѣщ., столяръ, род. въ Кременчугѣ въ 52 г., ар. въ Харьковѣ въ окт. 81 г.; од. в.-окр. суд. 5 апр. 83 г. осужд. на 15 л. каторги (по процессу Дзвонкевича); приб. въ 84 г., сокращеніе по манифесту; вышелъ въ вольн. ком. въ 90 г. Съ 92 г. на поселеніе въ г. Читѣ. (162, 166).

10) *Бердниковъ*, Леонтій Ѳедоровичъ, мѣщ. Невьянск. зав. Перм. губ., род. въ 52 г., кончилъ петерб. технолог. инст., былъ заграницей для практич. усовершенствованія, ар. въ окт. 78 г., петерб. окружн. суд. въ маѣ 80 г. (по проц. Веймара, Сабурова и др.) осужд. на 8 л. кат.; прибылъ въ 81 г., ушелъ въ 85 г. Изъятъ. На поселеніи въ Забайкальи устроилъ мыловаренный заводъ, но дѣло не пошло; затѣмъ занимался землед. и служилъ на жел. дор.

11)* *Бобоховъ*, Сергѣй Николаевичъ; двор., отецъ служилъ въ Саратовѣ; род. въ 58 г., былъ въ петерб. ветеринарномъ инст., исключенъ за исторію по д. проф. Ціона; былъ сосланъ въ Арханг. г., откуда бѣжалъ, былъ пойманъ, причемъ стрѣлялъ изъ рев. не въ жанд., а въ воздухъ въ дек. 78 г.; Арх. в. окр. суд. осужд. въ мартѣ 79 г. на 20 л. кат.; 14 ноября 89 г. отравился вмѣстѣ съ другими лицами, умеръ 16 ноября. (190, 245—8, 250, 253).

12) *Богдановъ*, Степанъ; крест. Порховск. у., род. въ 52 г., военный писарь; оконч. приходск. уч., арест. въ Петерб. въ авг. 75 г. ос. прис. сен. въ окт. 75 г. (по д. Семяновскаго) осужд. на 11 л. кат.; приб. въ 77 г., вышелъ въ вольн. ком. въ 79 г., возвращенъ въ тюрьму въ 81 г.; вышелъ на поселеніе въ 83 г. Человѣкъ довольно интеллигентный; въ Читѣ на поселен. рабо-

талъ въ устроен. товарищами артельной столярной мастерской; потомъ служилъ на пріискахъ на Амурѣ; въ 98 г. ѣздилъ въ Россію на родину, откуда добровольно вернулся въ Сибирь.

13) *Богдановъ*, Захаръ; р. въ 46 г., кр. Новгор. губ., солдатъ, грам. науч. на военной службѣ; судился в.-окр. суд. въ петерб. въ 76 г. по процессу Семяновскаго на 6 л. кат.; приб. въ 77 г.; умеръ на поселеніи въ 80 гг.

14) *Богомолецъ*, (ур. Присѣцкая) Софья Николаевна; род. въ 56 г.; ар. въ 80 г. въ Кіевѣ по д. Южно-Русскаго Раб. Союза; кіевск. в.-окр. суд. въ 80 г.—на 10 кат.; бѣжала изъ Иркутской тюрьмы въ 81 г. съ Ковальской, была поймана, за что прибавлено ей 5 л. кат.; приб. въ 82 г.; увезена въ Иркутскъ зимой 83 г. За бунтъ въ Ирк. тюрьмѣ прибавленъ 1 г. съ переводомъ въ разрядъ испытуемыхъ на весь срокъ; прибыла снова на Кару въ 87 г. Умерла на Карѣ 10 января 92 г. отъ бугорч. (111, 112, 114, 115, 205, 206, 231, 273).

15) *Биберіалъ*, Александръ; мѣщ., еврей, род. въ Ялтѣ 20 апр. 54 г., былъ въ Пет. ветеринарн. институт., арест. 6 декабря 76 г. (по дѣлу демонстраціи на Казанск. площ.); судился особ. прис. сен. въ 77 г.; на 15 л. кат.; примѣненъ коронац. маниф. въ исключ. мѣрѣ. На Кару прибылъ въ 77 г. Вышелъ на поселеніе 84 г., служилъ на пріискахъ на Амурѣ, затѣмъ въ Благовѣщенскѣ.

16) *Богдановичъ*, Флоріонъ; род. въ 42 г., двор. Варш. губ., прив.-доцентъ Львовск. унив. по химіи; р. въ Варшавѣ, кончилъ образов. въ Цюрихск. политехник. Ар. въ 76 г., выпущенъ на поруки въ 78, снова ар. въ авг. 78 г. въ Кіевѣ; К. в.-окр. с. въ іюлѣ 79 г. на 4 г. кат.; прибылъ на Кару въ 80 г.; вышелъ на посел. въ 83 г.; по маниф. и по просьбѣ родныхъ отпущенъ въ Австрію. Составилъ о жизни на каторгѣ записки, напечатанныя заграницей по-польски.

17) *Бойченко* (нелег. фам.), настоящая—Филатовъ; кр. Яросл. губ., слесарь, р. въ 52 г., ар. 11 окт. 79 г. въ Кіевѣ; Кіевск. в.-окр. суд. въ іюлѣ 80 г.—на 15 л. кат.; прибылъ на Кару въ 81 г., вышелъ на пос. въ 91 г. Маниф. 91 г. примѣненъ; сбавлена треть; отпр. на пос. въ Як. обл., гдѣ занимался слесарн. маст. (163, 164, 261).

18) *Бухъ*, Николай; двор., р. въ 53 г. въ Калугѣ; былъ въ медиц.-акад., ар. на Саперной ул. въ С.-П.-Б. въ янв. 80 г. при вооружен. сопротивленіи въ типографіи „Нар. В.“; С.-П.-Б. в.-окр. суд. въ окт. 80 г. — на 15 л. кат.; приб. въ 82 г.; подалъ прошеніе въ 90 г.—ему разрѣшили поѣхать въ Зап. Сибирь на 1 г., а затѣмъ въ Петерб. (227—8).

19) *Буцинскій*, Дмитрій; сынъ свящ. Курск. губ., р. въ 52 г. Харьк. мед. фак., ар. въ Кіевѣ въ 79 г.; Кіевск. в.-окр. суд. въ іюлѣ 80 г. — на 20 л. кат.; въ 82 г. увез. съ Кары въ Петро-

павловскую крѣпость, а потомъ въ Шлиссерб., гдѣ и умеръ отъ чахотки въ 90 г.

20) *Бѣлоцвѣтовъ*, Владимиръ, сынъ свящ. Влад. губ. р. въ 52 г., уч. Яросл. Демид. лицея (не оконч.), ар. въ мартѣ 77 г., Моск. в.-окр. суд. въ апр. 80 г. — на 4 г. кат.; прибылъ въ 80 г., вышелъ на поселен. въ 83 г., получилъ право поѣхать въ Минусинскъ, гдѣ женился и служилъ дѣлопроизводителемъ городской управы.

21) *Брешковская*, Екатерина Константиновна, р. въ 45 г., двор. Черниг. г., ар. въ Кіевѣ 74 г., судилась въ 78 г. по дѣлу 193 хъ, на 4 г. кат., прибыла въ 78 г., ушла въ 79 на посел. въ Баргузинъ (Забайк. обл.), откуда бѣжала въ 81 г. съ Тютчевымъ и Линевымъ, но неудачно, за что приговорена вновь на 4 г. кат., приб. на Кару въ 82 г., ушла въ 84, по ман. сбавлена треть; получила право верн. въ Рос., гдѣ долго жила не-легально; нынѣ за-границей.

22) *Быдаринъ*, Алексѣй, р. въ 59 г., сынъ чиновн., сельск. учитель, ар. въ 74, осужд. въ сент. 76 г. на 11 л. кат.; сид. въ Борисогл. центр. тюрьмѣ, приб. въ 82 г., ушелъ въ 83, подалъ прош. о помил., возвращенъ въ Россію.

23) *Властопуло*, Николай, род. въ 58 г., двор., восп. въ юнкерск. одеск. уч., былъ наборщик., поступилъ въ кач. вольноопр. въ воен. службу, былъ произвед. въ офицеры, ар. въ Кишиневѣ въ 79 г.. Од. в.-окр. суд. (вмѣстѣ съ Геллисомъ) въ 80 г. осужденъ — 15 л. кат., изъятъ изъ подъ дѣйствія манифеста, подалъ прошеніе въ 88 г., вышелъ на поселеніе, служилъ управл. у виннаго зав д Пьянкова, пріобр. больш. сост. въ г. Николаевскѣ на Амурѣ. (103, 199 200, 220, 222, 227, 290).

24) *Власовъ*, Семенъ, р. въ 65 г. сынъ донск. каз., воспит. въ Новочерк. казач. юнк. уч.; ар. въ 83 г., судился (несоверш.) Новочерк. в.-окр. суд. въ 84 г. — на 6 л. 8 м. кат., прибылъ въ 85 г., вышелъ въ вольную команду въ 86 г., ушелъ на пос. въ 88 г. въ Якутск. обл.

25) *Веймаръ*, Орестъ Эдуардовичъ, лютер., род. въ декабрѣ 45 г., сынъ германск. поддан., пот. поч. гражд., кончилъ мед. акад., врачъ, ар. въ апр. 79 г., в.-окр. суд. въ маѣ 80 г. — 10 л. кат., прибылъ въ 85 г., вышелъ въ вольн. ком. въ 85 г., гдѣ вскорѣ умеръ (196, 197).

26) *Валуевъ*, Петръ (унтеръ-офицеръ), одесск. мѣщ., маляръ, р. въ 55 г., оконч. од. сиротск. уч. ар.; въ янв. 83 г.; одесск. в.-окр. суд. въ апр. 83 г. — на 4 г. кат., (по д. Дзвонкевича и др.); примѣненъ манифестъ, прибылъ въ 83 г.; ушелъ въ 84 г. на пос. въ г. Читу (Забайк. обл.).

27) *Волошенко*, Иннокентій, сынъ оберъ-офицера, р. въ 48 г., учился въ одесск. унив., (не оконч.); ар. 24 янв. 79 г. въ Кіевѣ, суд. тамъ-же вмѣстѣ съ Оссипскимъ и Соф. Лешернъ — на 10 л.

кат. въ маѣ 79 г.; за побѣгъ изъ иркутск. тюрьмы прибавлено 11 л., прибылъ на Кару въ 80 г., увезенъ въ Петроп. крѣп. въ 82 г.,, привезенъ обратно въ 84 г., по манифесту 91 г.—сбавлена треть, выпущенъ въ вольн. ком. въ 90 г. и остался тамъ послѣ срока добровольно, какъ мужъ Ивановской; ушелъ затѣмъ въ Акатуй за женой; на поселѣ. въ Селенгинскѣ (112, 131, 261).

28) *Войнаральскій*, Порфирій Ивановичъ, р. 15 авг. 44 г., двор. Пенз. губ., мировой судья и предс. мир. съѣзда въ Сарат. губ., оконч. Моск. унив.; ар. въ 74 г.; суд. Ос. Прис. Сената въ янв. 77 г. по проц. 193-хъ, — на 10 л. кат.; отвезенъ въ центр. кат. тюрьму подъ Харьков.; на Кару прибылъ въ мартѣ 82 г., въ 84—85 г. ушелъ на поселеніе въ Верхоянскъ, гдѣ женился на якуткѣ и занимался торговлей, начавъ ее съ цѣлью образованія фонда для побѣговъ; въ 97 г. вернулся въ Россію, гдѣ вскорѣ и умеръ — въ 98 г. (192).

29) *Виташевскій*, Ник. Алексѣев., двор., род. въ Од. въ 57 г.; оконч. реальн. уч.; сотрудничалъ въ одес. газетахъ; ар. въ янв. 78 г. въ Од.; од. воен.-окр. суд. въ іюлѣ 78 г. (по процессу Ив. Ковальскаго) на 4 г. кат.; сидѣлъ въ Борисогл. (подъ Харьковомъ) центр. тюрьмѣ; на Кару приб. въ 82 г.. вышелъ на поселеніе въ 83 г., былъ раненъ при вооружен. сопротивленіи во время ареста; на поселеніи въ Як. обл. занимался хозяйствомъ, но неудачно, работалъ по вольному найму въ статист. комит., фактически былъ его завѣдующимъ. Участвовалъ въ Сибиряковской экспедиціи по изслѣдованію быта якутовъ, въ серединѣ 90-хъ гг., а затѣмъ въ Алданской — по изслѣдованію золотыхъ пріисковъ, возвратился въ Россію—въ Херсонъ.

30) *Геллисъ*, Мейеръ, род. 52 г., од. мѣщ., еврей, наборщикъ, воспитывался въ гимназ. или въ коммер. уч., не окончилъ, ар. въ 79 г., Од. в.-окр. суд. 1 апр. 80 г. пригов. къ см. казни, замѣн. кат. безъ срока (по д. Минакова, Властопуло и др.), приб. на Кару въ 80 г., увезенъ въ Петроп. крѣп. въ 82 г., а оттуда въ Шлиссельб., гдѣ и умеръ.

31) *Геккеръ*, Наумъ Леонтьевичъ, мѣщ., еврей, р. въ 61 г. въ Бахмутѣ, Екатер. г., оконч. бердянск. гимн., ар. въ апр. 81 г., Од. в.-окр. суд. въ ноябрѣ 82 г. на 10 л. кат.; приб. въ 84 г., въ вольн. ком. въ 88 г., стрѣлялъ въ себя въ ноябрѣ 89 г., послѣ тѣл. наказанія Сигиды; ушелъ на поселеніе въ 91 году, участвовалъ въ Сибиряковск. экспедиціи и получилъ Уваровскую премію (1 тыс. руб.) отъ общества любителей естествознанія за антропометрическую работу; теперь живетъ въ Одессѣ, очень боленъ. (249).

32) *Герасимовъ*, Василій, р. въ 52 г. въ С.-ПБ. (незаконор.), выросъ въ С.-П.-Б. воспитательномъ домѣ, ткачъ, арест. въ апр. 75 г., судился Сенатомъ въ іюнѣ 75 г. (по дѣлу Дьякова и Сѣрякова) на 9 л. кат., сидѣлъ въ Борисогл. центр. тюрьмѣ, при-

былъ въ 82 г. на Кару, ушелъ въ 83 г. поселенъ въ Якутск. обл., занимался торг. въ 80 гг.

33) *Гомиковъ*, Вас., род. въ 42 г., мѣщ. Смоленск. губ., восп. въ Рославл. у. уч., подрядчикъ по постр. дом.; ар. въ іюлѣ 81 г., Од. в. окр. суд. въ апрѣлѣ 83 г. — 4 г. кат., приб. въ 84 г., ушелъ въ 84 г. по маниф., на поселеніе въ Читу, потомъ приписался къ мѣщ. общ. г. Читы; служилъ въ банѣ (продав. бил.), занимался также производствомъ кефира, вернулся въ Россію, въ Симферополь.

34) *Горинович*, Вас. Елисѣевичъ, род. въ 58 г., воспитыв. въ учител. сем., ар. въ Москвѣ 82 г., в.-окр. судъ 83 г.—8 л. кат., прибылъ въ 85 г., вышелъ въ вольн. ком. въ 86, ушелъ въ 88 г. въ Як. обл., гдѣ добровольно остается по наст. вр.

35) *Давиденко*. Давидъ Яковлевичъ, род. въ 60 г., кіевск. мѣщ., уч. (не к.) въ Кіевск. фельдш. уч., арест. въ апр. 79 г., Кіевск. в.-окр. суд. въ іюлѣ 79 г. (по д. Горскаго) на 12 лѣтъ; за поддѣлку докум. для одного изъ бѣжавшихъ изъ Ирк. тюрьмы прибавлено 3 г. каторги и 10 плетей (послѣднее не приведено въ исполненіе), прибылъ на Кару въ 80 г., вышелъ въ в. ком. въ 88 г., изъятъ изъ подъ дѣйствія манифеста, на поселеніе ушелъ въ 93 г. въ Як. обл., служилъ у прокурора и состоялъ консерваторомъ музея, затѣмъ уѣхалъ въ Заб. обл. (141).

36) *Даниловъ*, Викторъ Александровичъ, р. въ 51 г., двор., учился въ Харьк. унив. (по другимъ даннымъ въ Цюрихскомъ политехникумѣ), служилъ въ аптекѣ, былъ арест. и суд. Сенатомъ въ 78 г. по д. 193-хъ, былъ оправданъ, вновь арест. въ 79 г., суд. Харьк. в.-окр. суд. по проц. Селянко въ 79 г., опять оправданъ, въ 3-й р. былъ ар. въ февр. 82 г. и Харьк. в.-окр. осужд. въ 82 г. на 4 г. кат., на Кару прибылъ 83, ушелъ 85, изъятъ отъ маниф., въ 86 г. бѣжалъ съ поселенія, ар. въ Москвѣ въ 86 г. и возвращенъ въ Сибирь; за бунтъ въ Ирк. тюрьмѣ пригов. къ 1 г. кат., отбывалъ срокъ въ александровск. центр. тюрьмѣ (возлѣ Ирк.), на посел. въ Якутск. обл. вышелъ въ 88 г.

37) *Джабодари*, Иванъ, род. 52 г., двор., воспитыв. въ мед. акад. (не конч.), ар. въ Москвѣ въ 75 г., судился Сенатомъ въ 77 г. (д. 50 ти), на 5 л. кат., сидѣлъ въ Борисогл. ц. т., на Кару прибылъ въ 82, ушелъ на пос. въ 83, по манифесту приписанъ въ крестьяне, женился на Ольгѣ Любатовичъ, жив. на Кавказѣ, заним. виногр. дѣломъ.

38) *Дзвонкевичъ*, Николай, род. въ 42 г., двор.-землевл., не конч. Кіевск. унив., сельскій хоз., волонтеръ въ сербск. войнѣ, суд. приставъ въ Симферополѣ, арест. въ 81 г., Од. в.-окр. суд. въ 83 г. на безсрочн. кат., по дорогѣ на Кару сдѣл. попытку бѣжать, но былъ простр̀ѣл. и жестоко избитъ солдатами, изъятъ изъ маниф., подалъ заявленіе о переводѣ въ Шлиссельбургъ въ

90 г., отказано, переведенъ въ Акатуй, потомъ въ Зерентуй. Изъ Зерентуя въ 92 г. перевед. на поселеніе въ Минусинскъ. (183, 252, 264).

39) *Диковскій*, Моисей Андр., род. въ 57 г., сынъ священ., воспит. въ Од. дух. семин. (не к.), нар. учитель, ар. въ Кіевѣ въ 79 г., Кіев. в.-окр. суд. въ 80 г. на 15 л. кат., (проц. Попова, Юрковскаго и др.), приб. въ 81 г., за побѣгъ въ 82 г. съ Кары прибавлено 10 л., изъятъ изъ 1 маниф. Александра III, второй манифестъ 91 г. примѣн. — сбавлена треть, выпущ. въ вольн. ком. въ ноябрѣ 91 г. Женился на Якимовой (Кобозевой), добровольно пошелъ за женой въ Акатуй, оттуда вышли вмѣстѣ на поселеніе въ 1899 г. въ г. Читу. (141, 147, 173, 264).

40) *Диковскій*, Сергѣй Дорофеевичъ, род. въ 57 г., сынъ свящ., воспит. въ Симфероп. семин. и Од. унив. (не к.), ар. въ 80 г., Кіевск. в. суд. въ 80 г. на 20 л. кат., изъятъ изъ 1 ман., второй (91 г.) примѣн.—треть скидки, на посел. въ маѣ 92 г. въ Як. обл., уѣхалъ изъ Як. обл. въ Тунку подъ Ирк. въ 98 г.. Жилъ уроками. (261).

41) *Долгушинъ*, Александръ Вас., род. въ 48 г., двор., сынъ прокурора, учился въ С. ПБ. унив., ар. въ 73 г., суд. Сенат. въ 74 г. на 10 л. кат., сидѣлъ въ Борисогл. центр. т. до 81 г., прибылъ на Кару въ 82 г., за пособіе побѣгу Малавскаго приб. 15 лѣтъ, за пощечину, данную имъ исправнику, производившему слѣдствіе о побѣгѣ, увезенъ въ Петропавл. крѣп. въ 83 г., вскорѣ послѣ того умеръ въ Алексѣевск. равелинѣ.

42) *Дулембо*, Генрихъ, род. въ 48 г., двор., рабочій мыловареннаго завода, прошелъ 2 класса гимназіи, ар. въ Варшавѣ въ 79 г., выпущенъ въ 81 г., ар. вновь въ 84 г., суд. Варш. воен. суд. въ 85 г. (проц. Куницкаго, Варынскаго и др.), на 13 лѣтъ кат., прибылъ въ 85 г., переведенъ въ Акатуй въ сент. 90 г., въ вольн. ком. вышелъ въ мартѣ 91 г., по маниф. 91 г. сбавлена треть, ушелъ на посел. въ Якут. обл., гдѣ занимался столярнымъ маст., въ 99 г. получ. право вернуться въ Россію. (186).

43) *Дубровинъ*, Андрей Ив., род. въ 44 г., сынъ дьякона, уч. въ дух. семин. (не конч.), вольноопредѣл., былъ волостн. писар. и сельск. учит., ар. въ 76 г. въ обл. В. Донск., осужд. Харьк. суд. пал. въ 79 г. на 4 г. кат. (дѣло Зубрилова — пропаганда среди крест.), былъ на поселеніи въ Забайк. обл., косилъ по найму сѣно, получ. всѣ права и вернулся въ Россію.

44) *Дубровинъ*, Евген. Алекс., род. въ 56 г., сарат. мѣщ., былъ на 5 курсѣ медиц. акад., ар. въ 82 г., С.-ПБ. воен. суд. въ 82 г. по проц. Нечаевскихъ солдатъ, на 4 г. каг., приб. въ 83, ушелъ въ 85, изъятъ изъ маниф., былъ на пос. въ Баргузинѣ, Забайк., занимался медиц. практикой, впослѣдствіи получилъ разрѣш. оконч. въ Казани мед. фак.

45) *Дрей*, Мих. Ив., род. въ 60 г., сынъ доктора, еврей, не конч. Од. унив., ар. въ 81 г., воен. судъ въ 83 г. на 15 лѣтъ. Прибылъ въ 84 г., по маниф. 83 г. на 6 лѣтъ, выш. въ вольн. ком. въ 86 г., ушелъ въ 88 г. въ Читу, въ 95 г. получ. право вернуться въ Россію, уѣхалъ за-границу.

46) *Дейчъ*, Лев. Григор. р. въ 55. Купеч. сынъ, евр.; воспит. въ Кіев. гимн. и базел. ун. (н. к.), вольноопред., ар. въ 76 г., бѣжалъ изъ воен. гауптвахты; арест. втор. въ 77 г. въ Полтав. губ. по чигирин. д., бѣж изъ Кіев. тюр. замка въ маѣ 1878 г.; арест. во Фрейбургѣ Баденскомъ въ 84 г., выданъ русск. правительству подъ условіемъ судить его, какъ угол., за покушеніе на убійство Гориновича, одес. воен. судъ пригов. въ 84 г. на 13 л. 4 м. кат., прибылъ въ 85 г., изъятъ отъ маниф. 91 г., въ вол. ком. вышелъ въ сент. 90 г., на посел. въ 97 г. въ Стрѣтенскъ, бѣжалъ изъ г. Благовѣщенска въ апр. 1901 г., послѣ кругосвѣтнаго путешествія черезъ С.-Америку прибылъ въ Западн. Евр. въ ноябрѣ того же года.

47) *Добрускина*, Генріета, род. въ 62 г. Рогачевск. мѣщанка еврейка, уч. на Бестуж. курсахъ (н. к.), ар. въ Ростовѣ на. Д. въ 84, пригов. въ 87 г. по проц. Лопатина на 8 л. кат., прибыла въ 88 г., въ вольн. ком. въ сент. 90 г., замужемъ за Адр. Михайловымъ, по маниф. 91 г. сбавлена треть, вышла на поселеніе въ 95 г. въ Забайкальск. Обл., имѣетъ много дѣтей (231, 233, 264).

48) *Евсѣевъ*, Ник., р. въ 57 г. С.-ПБ. мѣщ., токарь по металлу, ар. въ 81 г., суд. С.-ПБ. воен. суд. въ 82 г., смертная казнь замѣн. безсрочн. каторгой за убійство шпіона-предателя Прейна, въ Москвѣ, прибылъ въ 82 г., изъ маниф. былъ изъятъ, подалъ прош. о помилов., жилъ потомъ на золот. пріискахъ по Амуру (191, 222).

49) *Емельяновъ*, Иванъ Пантелѣевичъ, р. въ 60 г. въ Бессарабіи, сынъ причетника (псаломщикъ при посольской церкви въ Парижѣ), столяръ, воспит. пет. ремесл. уч. Цесар. Ник., кончилъ, ар. въ 81 г., суд. сенатомъ въ февр. 82 г. (по проц. 20-ти Ал. Михайлова и др.), смерт. казнь замѣнена была безср. кат., сидѣлъ въ крѣпости до конца 83 г., прибылъ въ 84 г., былъ изъ маниф. изъятъ, подалъ прошеніе въ маѣ 89 г., метальщикъ 1 марта 81 г., человѣкъ интеллиг. Будучи въ вольн. командѣ былъ нарядчикомъ (на Карѣ) на пріискахъ, управл. винокур. завод. въ Хабаровскѣ (198-99, 225-26, 290).

50) *Ефремовъ*, Вас. Степан. род. въ 54 г. въ Курскѣ, сынъ дьякона, воспит. въ Харьк. ветер. институтѣ (не к.), ар. въ 78, суд. Харьк. воен. суд. въ 79 г., смертная казнь, замѣн. безср. кат., прибылъ въ 80 г., по маниф. сокр. срокъ на 12 л., выпущенъ въ вольн. ком. въ 88 г., на посел. въ 89 г. въ Якутскую

обл., приписанъ въ крестьян., поселился въ городѣ Иркутскѣ (193-4).

51) *Жуковъ*, Влад. Иван., р. въ 59 г., двор. Полтавск. губ., воспит. въ Харьк. ветер. инст. (не к.), ар. въ 80 г. въ Измаилѣ, суд. Кіевск. воен. суд. въ 80 г., на 7 л. (по дѣлу Попова и Юрковскаго), умеръ отъ бугорчатки (воспаленіе лимфат. железъ) въ 84 г. на Карѣ въ тюрьмѣ.

52) *Зайднеръ*, Александръ, род. въ 59 г. въ Мелитополѣ, купеч. внукъ, еврей, воспит. въ Никол. реальн. учил. (не к.), ар. въ 78 г., одесск. военный судъ (по дѣлу Чубарова и др.) на 10 л., прибылъ въ 80 г., ушелъ на пос. въ 85 г. въ Забайкальскую обл., по маниф. сбавлена треть, устроилъ тамъ публичн. библіотеку на средства дѣда банкира, умеръ тамъ же въ 92 г.

53. *Зановичъ*, Георгій Феликсовичъ, р. въ 55 г., двор. Имерет. обл.—Осетинъ, воспит. въ Моск. унив. (не к.), ар. въ 75 г. Ос. Прис. Сен. по дѣлу 50-ти на 6 лѣтъ 8 м. кат., сидѣлъ въ Борисоглѣб. центр. тюрьмѣ до 81 г., прибылъ въ 82 г., по маниф. сбавл. треть, ушелъ на посел. въ Верхоленскъ (Ирк. губ.), затѣмъ, получивъ право, уѣхалъ на Кавказъ.

54) *Златопольскій*, Левъ Соломонов., р. въ 48 г., Елизавет. мѣш., учил. въ С.-ПБ. Технол. Инст. (не к.), ар. въ 81 г., суд. Сенатомъ въ 82 г. (по дѣлу 22 хъ) на 20 л. кат. Обвинялся въ участіи въ подкопѣ въ Одессѣ (готовилось покушеніе на Ал. II), Сидѣлъ въ Петроп крѣп. до 83 г., прибылъ въ 84 г., изъятъ изъ маниф., въ в. ком. выш. въ сент. 90 г., изъятъ изъ ман. 91 г. Во время заключ, въ Д. Предв. Закл. при переѣздѣ изъ крѣп. на Кару подалъ въ Деп. Полиціи проэктъ мирнаго преобразованія всего соц. строя и осуществленія соціализма, вышелъ на посел. въ г. Читу въ 98 г. (187-9, 261).

55) *Зубковскій*, Афанасій, род. въ 55 г., сынъ протоіерея, студ. мед. фак. Кіевск. унив. (не к.), ар. въ 79 г., суд. С.-БП. воен. суд. въ 80 г. (по дѣлу 16 ти) на 15 л. кат. (обвинялся въ участіи въ убійствѣ Крапоткина), прибылъ въ 82 г., изъятъ изъ манифеста, подалъ прошеніе о помилованіи, ушелъ на посел. въ 86 г. въ Тобольскъ, былъ редакторомъ (неоффиц.) „Сибирск. Листка“ (въ Тоб.), теперь въ Россіи.

56) *Зубржицкій*, Янъ, род. въ 61 г., жмудинъ, крест. (Сувалк. губ.) г. Кальваріи, смазчикъ жел. дор., ар. въ 78 г. въ Житомирѣ, суд. Кіев. воен. судъ въ 79 г. (по д. Бильчанскаго), (обвинялся въ ограбленіи почты и въ вооруж. сопрот.) на 20 л., прибылъ въ 80 г., выдавалъ себя за самаго яраго революціон., террор. и народовольца, товарищи же считали его несерьезн. челов., хотя и способн., изъятъ, выш. въ вольн. ком. въ 88 г., по маниф. 91 г. сбавлена треть, на посел. ушелъ въ октябрѣ 92 г. въ Якут. обл., занимается подрядами по постройкамъ, водится съ мѣстнымъ высшимъ обществомъ, очень плохо разсчи-

тывается съ рабочими: по этому поводу было даже одно дѣло въ судѣ. Въ вольной ком. онъ вышелъ изъ артели, занимался подрядами и поставками въ горное вѣдомство и былъ исключенъ изъ товарищ. среды за предосудительн. отношенія къ властямъ[1]) (145, 166, 182).

57) *Зубриловъ*, Вас., р. въ 52 г., двор., студ. Петров. Разум. Ак., ар. въ 76 г., суд. воен. суд. въ Урюпинской станицѣ въ 79 г., обвинялся въ распространеніи книгъ, приг. на 4 г., прибылъ въ 80 г., ушелъ въ 83 г. на посел. въ Якутскую обл., въ 97 г. уѣхалъ въ Россію. Морфинистъ—испортившій морф. свое здоровье.

58) *Зунделевичъ*, Аронъ, р. въ 54 г., еврей, мѣщ. Виленск. губ., учился въ раввинск. виленск. учил., ар. въ 79 г., суд. С.-ПБ. воен. суд. въ 80 г. по дѣлу 16-ти на безсрочн. кат., сид. въ крѣп. до 81 г., приб. въ 82 г., изъятъ. Переведенъ въ Акатуй въ сент. 90 г., въ вольную ком. вышелъ въ янв. 91 г., изъятъ, по маниф. 95 г. на 20 л., ушелъ на посел. въ г. Читу въ 98 г., служ. на пост. жел. дор., живетъ въ Читѣ (128, 133-5, 182, 264, 266).

59) *Иванайнъ*, Карлъ, р. въ 54 г., финляндецъ, воспит. въ приходск. уч., слесарь, ар. въ 74 г. по дѣлу 193 хъ, выпущенъ, бѣжалъ заграницу, возвратился въ 76 г., арест. и высланъ въ Пудожъ (Олон. губ.), за столкновеніе съ исправникомъ высланъ въ 79 г. въ Вост. Сиб., возвращенъ съ дороги изъ Томска въ 80 г., ар. въ 81 г. въ Харьковѣ, бѣжалъ изъ полиц. участка, черезъ $1^1/_2$ мѣс. ар. въ Москвѣ, суд. Одесск. воен. суд. въ 83 г. на 15 л. кат., прибылъ въ 84 г., по маниф. сбавл. одна треть, въ вольн. ком. въ 86 г., утопился въ 87 г. на Нижней Карѣ. Одинъ изъ самыхъ интеллиг. рабочихъ, въ тюрьмѣ жилъ замкнуто, сильно тосковалъ, въ вольн. ком. запилъ, почему и кончилъ самоубійствомъ (162).

60) *Иванченко*, Григорій, р. въ 56 г., Херсон. мѣщ., рабоч.-модельщикъ., ар. въ 79 г., суд. Кіев. воен. суд. по д. о вооруж. сопрот. (въ домѣ Коссаровскаго Панък. ул.), при чемъ былъ раненъ въ голову; подъ именемъ „Неизвѣстнаго раненнаго въ голову“ осужденъ на 14 л. 10 м. кат., за побѣгъ изъ Ирк. тюрьмы прибавлено 15 л. 2 мѣс., прибылъ въ 80 г., изъятъ изъ маниф.,

---

[1]) Зубржицкому, Бызову (Нечаевскій содатъ) и Овчинникову по манифесту 96 г. не только сроки не сокращены, а напротивъ увеличены, а именно: считать срокъ поселенія не въ 10, а въ 20 лѣтъ, со времени маниф. — небывалый случай, Это не вслѣдствіе политической „неблагонадежности“, а потому что указанныя лица плохо зарекомендовали себя въ нравственномъ отношеніи.

подалъ прошеніе въ февр. 89 г. (изъ старыхъ 1876 г. нелегальныхъ рабочихъ кружка Заславскаго (112, 164-5, 191, 222).

61) *Ивановъ*, Игнатій, р. въ 59 г., сынъ священ., студ. Кіев. унив., ар. въ 80 г., суд. Кіев. воен. суд., смертн. казнь, замѣн. безсрочн. кат., прибылъ въ 81 г., въ 82 г. увезенъ въ Петроп. и въ Шлиссельбургъ, сошелъ съ ума и перевезенъ въ Казанск. больницу, гдѣ и умеръ. Очень энергичный человѣкъ, сотрудникъ рукописнаго журнала „Кара", (издававъ. заключенными въ началѣ 80-хъ годовъ).

62) *Ивановъ*, Павелъ Осип., р. въ 54 г., двор., студ. Кіевск. унив., ар. въ 86 г., суд. Кіев. воен. суд. (по дѣлу Щедрина) на 20 л., за побѣгъ изъ Красноярска еще 15 лѣтъ, за побѣгъ съ пути между Читой и Карой еще 20 л.—всего на 55 л., прибылъ въ 83 г., по манифесту 83 г. сбавл. треть съ первоначальнаго срока — 7 л., добавочные сроки оставлены безъ измѣненія, въ сент. 90 г. перев. въ Акатуй, по маниф 91 г. сбавленъ 1 годъ, умеръ въ вольн. командѣ въ с. Алгачи (142, 182, 264).

63) *Иванова*, Софья Андреевна, дочь офицера, ар. въ 74 г. по д. 193-хъ, выпущена на поруки, въ 76 г. ар. по д. казанск. демонстраціи, выслана на сѣверъ, бѣжала въ 79 г., ар. въ третій разъ въ 80 г. въ СПБ. по дѣлу о типогр. „Н. В.", осужд. в. суд. (дѣло 16 ти) въ 80 г. на 4 года, прибыла въ 82 г., ушла въ 85 г. въ Киренскъ (Ирк. губ.), гдѣ вышла замужъ за полит. посел. Борейшу (116).

64) *Ивановская*, Прасковья Семеновна, род. въ 53 г., дочь свящ., суд. по проц. Богдановича въ 83 г. сенатомъ на безсрочн. кат., прибыла въ 84 г., примѣн. перв. маниф. Ал. III (въ 83 г.) на 20 лѣтъ, въ вольн. команду въ сент. 90 г., по маниф. 91 г. сбавленъ 1 годъ, вышла замужъ за Волошенко, ушла въ Акатуй весной 98 г., на поселеніе въ Баргузинъ (Заб. обл.) зимой 1899 г. (203-4, 208, 213).

65) *Ильяшенко-Кущенко*, Севастьянъ, род. въ 49 г., кр. Полт. губ., кочегаръ на пароходѣ, ар. въ 80 г., суд. Кіевск. в. с. по проц. Игн. Иванова въ 80 г. на 15 л. кат., (перевозилъ нелегальную лит.), прибылъ въ 81 г., изъятъ, въ вольн. ком. вышелъ въ 87 г., посаженъ въ тюрьму обратно 89 г., умеръ на Карѣ 18 августа 89 г. отъ чахотки, умный, но совсѣмъ не интеллиг., одинъ-единственный изъ всѣхъ вольнокомандц. занимался скупкой хищническаго золота, за что осужденъ былъ товарищами.

66) *Іоновъ*, р. въ 55 г., сынъ чиновника, Моск. технич. уч. (н. к.), ар. въ 75 г., сенатомъ въ 77 г. приговоренъ на 5 л. кат., (суд. одинъ за пропаганду), приб. на Кару въ 82 г. (до того сидѣлъ въ Борисогл. ц. т.), ушелъ въ 83 г. въ Якутск. обл., гдѣ рѣшилъ остаться навсегда, участвов. въ Сибиряк. экспедиціи, — якутовѣдъ.

67) *Козакевичъ*, Конст., род. въ 39 г., офиц., кіевск. юнкер. учил., служилъ становымъ приставомъ въ Польшѣ, усмирялъ возстаніе, во вр. рус.-тур. войны снова поступилъ въ офицеры, ар. въ 79 г., Кіевск. в. с. (по д. Горскаго и Багрян. за покуш. на ограбл. полкового ящика, никакого отношенія къ революц. и соц. не имѣлъ) осужд. на 6 л. кат., прибылъ въ 80 г., въ вольн. ком. въ 81 г., посаженъ обратно въ тюрьму послѣ 11 мая 82 г., ушелъ 83 г., подалъ прошеніе, сейчасъ по приходѣ на Кару, оно оставлено было безъ послѣдствій, теперь живетъ добровольно въ Охотскѣ, получилъ права, всякими способ. наживаетъ капиталы.

68) *Казачковскій*, Евстафій, род. 53 г., сынъ свящ., воспит. въ подольск. сем. (н. к.), чин. губ. правл., ар. въ 79 г., Кіевск. воен. суд. по проц. Крыжановскаго на 10 лѣтъ кат., приб. въ 80 г., по манифесту сбавлена треть, ушелъ въ 84 г. на посел.

69) *Калькина*, Марья, род. въ 50 г., мѣщ. Темрюкская, уч. на акушерск. курс. въ Кіевѣ (не к.), привлекалась по д. 193-хъ въ 74 г., ар. нелегальной въ С.-ПБ. 79 г., Петерб. воен. суд. въ 80 г. по проц. Веймара на 10 л., приб. 81, изъята, ушла на пос. въ Ирк. губ. въ 86 г., вышла замужъ за Богородскаго, учительствуетъ въ Иркутскѣ.

70) *Калюжный*, Александръ, р. въ 57 г., воспит. въ Ник. Моск. уч., мичманъ, ар. въ С.-ПБ. 78 г., Одес. воен. суд. 79 г. по проц. Чубарова на 10 л., за побѣгъ изъ Ирк. тюрьмы прибавлено 10 л., прибылъ въ 80 г., по манифесту сбавлена треть всего срока, подалъ прошеніе въ 87 г., получилъ всѣ права, служилъ капитаномъ на пароходѣ, затѣмъ нач. дистанціи въ амур. водн. упр. (112, 162, 167, 222).

71) *Калюжный*, Александръ Мефодичъ, р. въ 53 г., сынъ офицера, уч. Харьк. ун. мед. фак. (не к.), ар. въ 76 г. по дѣлу Ястрембскаго — высланъ на сѣверъ, судился Харьк. воен. суд. въ 80 г., подалъ прошеніе, ушелъ на житье въ Тобольскую губ. въ 84 г.

72) *Калюжный*, Иванъ Вас., род. въ 58 г., мѣщ. Ахтырск. у. (Х. г.), студ. Харьк. ун., ар. въ 78 г. по студ. волненіямъ, высланъ въ Сольвычегодскъ, бѣжалъ въ 80 г., ар. въ 82 г. въ Москвѣ, суд. сенатомъ въ 83 г. по проц. Богдановича и др. на 15 л., приб. въ 84 г., отравился въ ноябрѣ послѣ тѣлеснаго наказанія Сигиды, умеръ 15 ноября. (141, 212 — 13; 216 — 17; 250, 253).

73) *Калюжная*, Марья Вас., р. 64 г., воспитыв. въ гимназ. (не к.), ар. въ 82 г. въ Од., выпущена въ 83 г., ар. въ 84 г., Од. в. с. на 20 л. кат. за покушеніе на жандарм. полк. Катанскаго (6 сент. 84 г.), приб. въ 85 г., отравилась 10 ноября 89 г.

послѣ наказанія Сигиды, умерла 12 ноября. (60, 96, 104, 116, 121, 123, 205—6; 208—209; 212, 219, 233, 244, 249).

74) *Конъ*, Феликсъ, род. 64 г., сынъ купца, евр., студентъ Варш. ун., ар. въ Варшавѣ 84 г., Варш. воен. суд. 85 г. на 8 л., прибылъ въ 86 г., ушелъ на пос. въ янв. 91 г. въ Якут. обл., гдѣ женился на Хр. Гринбергъ. (186, 190, 261).

75) *Кузнецовъ*, Алексѣи Кир., уч. въ Петр. Разум. ак. (н. к.), ар. въ 69 г., Петерб. суд. пал. (по д. Нечаева) на 9 л., во время слѣдствія и суда во всемъ покаялся и оговорилъ другихъ, вышелъ на поселеніе въ Нерчинскъ, затѣмъ въ Читу, гдѣ имѣетъ собственную типографію, извѣстенъ въ Забайкальѣ, какъ знатокъ края, большой распространитель культуры — музеевъ, общественныхъ библіотекъ и т. п., пользуется огромнымъ вліяніемъ во всѣхъ слояхъ, товарищи-полит. относятся къ нему съ уваженіемъ.

76) *Кардашевъ*, р. въ 53 г., дв. армянинъ, ар. въ 75 г., моск. студентъ, судился сенатомъ по проц. 50-ти въ 78 г. на 5 л. к., сидѣлъ въ Борисоглѣбск. центр. тюрьмѣ, приб. въ 82 г., ушелъ въ 83 г.

77) *Кашинцевъ*, Иванъ, р. въ 60 г., двор., студ. Харьковск. унив., ар. въ 80 г., Кіевск. в. с. по проц. Щедрина въ 81 г. на 10 л., приб. въ 82 г., ушелъ въ Якутскую обл. въ 85 г., по манифесту сбавлена треть, бѣжалъ изъ Якутск. обл. за-гран., живетъ въ Болгаріи. (118—19).

78) *Квятковскій*, Тимофей, р. въ 53 г., двор., студ. технол. инст., ар. въ 75 г. по д. 193 хъ, выпущенъ на поруки, ар. вновь въ 77 г., осужд. сенатомъ въ 78 г. по дѣлу 193-хъ на 9 л. кат., прибылъ въ 78 г., вышелъ въ вольн. ком., послѣ 11 мая снова возвр. въ тюрьму, ушелъ въ 83 г. на посел., получ. всѣ права, занялъ видн. постъ при постр. Сиб. ж. д., прерв. всѣ сношн. съ прежн. товарищ.

79) *Кленовъ*, Вас. Дмитр., р. въ 55 г., од., наборщикъ, ар. въ 78 г., одесск. в. с. по проц. Ив. Ковальскаго осужд. на 4 г., сидѣлъ въ Борисоглѣбск. центр. тюрьмѣ, приб. въ 32 г., ушелъ въ 83 г., на посел.

80) *Кобылянскій*, Владиславъ, р. въ 60 г., варш. мѣщ., слесарь, ар. въ Кіевѣ въ 79 г., петерб. в. с. по д. 16-ти въ 80 г. за участіе въ убійствѣ Крапоткина въ Харьковѣ пригов. на 20 л., сид. въ Петроп. крѣп. до 81 г., приб. въ 82 г., увезенъ въ Шлиссельбургъ. (42).

81) *Ковалевская*, Марья Павловна, р. въ 50 г., двор., восп. въ инст., ар. въ 79 г., Кіевск. в. с. въ 79 г. по проц. Брантнера и др. за вооруж. сопр. въ д. Косаровскаго осужд. на 14 л. 10 м. приб. въ 79 г., въ 81 г. увезена въ Минусинскъ, приб. обратно въ 82 г., увезена въ Ирк. въ 83 г., привезена снова въ 87 г., за борьбу съ тюремн. нач. должна была пробыть весь срокъ въ

разрядѣ испытуемыхъ, отравилась 11 ноября 89 г. послѣ накъ. Сигиды. (110—115, 118, 206, 208—9, 216, 218, 230, 233—8).

82) *Ковалевъ*, Павелъ, род. въ 50 г., сынъ купца Херс. губ., уч. въ Никол. и Крем. реал. уч. (не к.), ар. въ 78 г., Од. в. с. по проц. Чубарова въ 79 г. на 10 л. кат., приб. въ 80 г., въ в. к. въ 85 г., по маниф. скидки въ 3 г., ушелъ въ 85 г. въ Баргузинъ, возвращенъ въ Россію.

83) *Ковамикъ*, Сергѣй, род. въ 46 г., двор., кандид. правъ С.-ПБ. унив., математикъ, мировой судья, предсѣдат. съѣзда въ Мглинск. у. (Черниг. губ.), ар. въ 74 г. въ Саратовѣ, судился сенатомъ 78 г. по проц. 193 хъ на 10 л., сидѣлъ въ Андр. ц. т., прибылъ въ 82 г., ушелъ 83 г. въ Як. обл., тамъ женился, въ 98 г. вернулся въ Россію, служилъ по акцизному вѣдомству въ Могилевѣ. (192).

84) *Ковальская*, Елизавета. Никол., род. въ 52 г., учил. въ гимназ. въ Харьк., ар. въ 80 г., Кіевск. воен. суд. 81 г. на безсрочн. кат., за побѣгъ изъ Иркутской тюрьмы увеличенъ срокъ испытанія до 10 л., приб. на Кару въ 82 г., увезена въ Ирк. въ 83 г., за вторичный побѣгъ изъ Ирк. въ 84 г. счетъ срока съ 86 г., прибыла вновь на Кару въ 85 г., переведена въ 88 г. въ Верхнеудинскъ за столкн. съ ген.-губ. бар. Корфомъ, оттуда въ Зерентуй въ 90 г., маниф. 91 г. на 20 л., вышла въ в. к. замужъ за Маньковскаго, получила право съ мужемъ уѣхать за-границу, гдѣ и живетъ теперь (111—12, 117, 205—19, 223, 226—7, 230, 233, 241).

85) *Ковыревъ*, Алекс. Ник., род. въ 46 г., дьяконъ, студентъ Яросл. лицея, ар. въ Ярославлѣ въ 77 г., Моск. в. с. 80 г. на 10 л., за побѣгъ съ пути въ 80 г. приб. 7 л. съ переводомъ въ рудники, приб. въ 81 г., изъятъ, въ вольн. ком. въ сент. 90 г., по маниф. 91 г. — треть, ушелъ на пос. въ Як. обл. въ 91 г., получилъ право посел. въ Ирк., гдѣ вновь былъ арестованъ въ 900 г. за хран. шрифта, умеръ тамъ же. (103, 261).

86) *Колтановскій*, Алексѣй, р. въ 55 г., сынъ свящ. Кіевск. губ., студ. Од. ун., ар. въ Одессѣ въ 78 г., Од. в. с. въ 79 г. по проц. Чубарова на безср. кат., приб. въ 80 г., по маниф. на 20 лѣтъ, вышелъ въ в. к. въ 86 г., подалъ прошеніе, поселился въ Читѣ, имѣетъ большую семью, служитъ (276).

87) *Комовъ*, Алексѣй Ив., р. въ 53 г., крест. изъ кулаковъ Влад. г., конторщикъ при заводѣ въ Иваново-Вознесенскѣ, ар. въ 74 г., выпущенъ, снова ар. въ 77 г., Сенат. по проц. 193 хъ —оправданъ, ар. въ третій разъ въ 78 г., Од. в. с. по проц. Чубарова на 15 л., приб. въ 80 г., по маниф—4 г., в. к. съ 86 г., тамъ женился на Н. Аремфельдъ, ушелъ въ Як. обл. въ 89 г., оттуда въ Благовѣщ., служилъ въ думѣ, пилъ запоемъ, способн. и знающ. чел.

88) *Корба* (ур. Мейнгардтъ), Анна Павл., род. 50 г., жена швейц. гражд., сестра милосердія въ войну 77—78 г. въ Румыніи, ар. въ іюнѣ 82 г., Сенатъ въ 83 г. по д. Богдановича и др. на 20 л., приб. въ 84 г.. по манифесту 83 г. на 13 л. 4 мѣс., в. к. въ сент. 90 г., по ман. 91 г. скидка въ 1 г., на посел. въ сент. 92 г., вышла замужъ за Прибылева, жила въ Забайк., потомъ въ Благов., теперь въ Стрѣтенскѣ (203, 208, 264).

89) *Костецкій*, Владиславъ, р. въ 56 г., сынъ купца, австр. поддан., студ. Кіевск. унив., ар. въ 79 г., Кіев. в. с. въ 80 г. по проц. Ив. Иванова на 4 г., прибылъ въ 81 г., ушелъ въ 83 г.

90) *Костюринъ*, Викторъ Ѳедоров., род. 53 г., студ. Олесск. унив., вольноопр., бомбардиръ, ар. въ 77 г. въ Од., бѣжалъ изъ тюрьмы въ 77 г., вновь арест. въ Херсонѣ въ 79 г. по проц. 193-хъ на пос. и Од. в. с. по пр. Малинки и Дробязина на 10 л., приб. въ 80 г., ушелъ въ 85 г. въ Як. обл., изъятъ, женатъ на Емельяновой, изъ Як. пересел. въ г. Тобольскъ, служитъ при больницѣ, жена изд. „Сиб. Лист.“ (7, 125).

91) *Кравцовъ*, Василій, род. въ 48 г., сынъ крест., студ. Од. унив., служилъ въ Од. думѣ, ар. въ 78 г.. Од. в. с. по проц. Чубарова на безсрочн. кат., приб. въ 80 г., по маниф. 83 г. на 10 л. въ в. к. въ 86 г., ушелъ въ Якутск. обл. въ 88 г., пилъ запоемъ, умеръ въ Як. обл.

92) *Красовскій*, Владиславъ, род. 49 г., Варш. мѣщ., уч. въ воен. гимн. до 3 кл.. слесарь, ар. въ 79 г., суд. Кіевск. в. с. въ 79 г. по проц. Предтеченскаго—къ см. казни, замѣн. вѣчн. кат., приб. въ 80 г., по маниф. 83 г. на 20 л., въ в. к. въ 86 г., по ман. 91 г. скидка въ 1 г.

93) *Кривошеинъ*, Александръ, род. въ 59 г., сынъ свящ., уч. въ семин., ар. въ 79 г. въ Камен.-Подольскѣ, Кіевск. в. с.—къ см. казни, замѣн. 20 л. кат., за побѣгъ съ пути (съ Козыревымъ и Властопуло) безср. кат., приб. въ 81 г., бѣжалъ въ 82, приб. 1 годъ, увезенъ въ С.-ПБ. въ 83 г., въ 84 г. переселенъ на Сахалинъ.

94) *Кречетовичъ*, Илья, р. въ 47 г., двор., воен., въ Кіевск. юнк. уч., полиц. чин., ар. 79 г. въ Житомирѣ, Кіевск. воен. с. (по пр. Горскаго) на 4 г., приб. въ 80 г., ушелъ въ 83 г. въ Як. обл.

95) *Кравченко*, Ѳедоръ, р. въ 55 г., Од. мѣщ., кузнецъ, ар. въ 75 г., Сенатъ по проц. Заславскаго на 9 л., сид. въ Борис. ц. т., приб. въ 82 г., ушелъ въ 83 г. на пос.

96) *Круковская*, Юлія, род. въ 46 г., двор., надз. въ дѣтск. пріютѣ въ Кіевѣ, ар. въ 77 г., К. в. с. въ 79 г. по Чигиринск. дѣлу — на посел. въ Ирк. губ., по конфирм. Сената — на 13 л. 8 м. кат., приб. въ 82 г., изъята, въ в. к. въ 85 г., въ 88 г. вышла замужъ за Бубновскаго, ушла на пос. въ авг. 90 г. въ

Читу, открыла съ мужемъ мастерск. часовъ, пріобр. больш. средства, собств. д., съ товар. прерв. сношенія.

97) *Кузюкинъ*, Мих., р. въ 58 г., СПБ. мѣщ., токарь по металлу, ар. въ 81 г. въ СПБ., суд. СПБ. в. с. въ 82 г. (за убійство Прейма) на 4 г., приб. въ 83 г., по маниф. 83 г. скин. треть, ушелъ въ 84 г. въ Заб. Обл.

98) *Куртъевъ*, Конст., р. въ 53 г., сынъ интенд. чиновн., уч. въ гимназіи, учитель частной гимназіи въ Одессѣ, ар. въ 81 г., Од. в. с. въ 83 г. на 10 л., приб. въ 83 г.; по маниф. 83 г. треть скин. Въ вольную ком. 85 г. на посел., въ 87 г. въ Читу, отсюда въ Благов., сост. коррек. при мѣстн. газ. и писалъ въ нихъ небольш. обозр.

99) *Кутитонская*, Марья Игнат., р. въ 55 г., двор., восп. Од. инст., ар. въ 78 г. въ Одессѣ, выпущ. на поруки, снова ар. въ 79 г., в. с. въ 79 г. (процессъ Чубарова), на 4 г., приб. въ 79 г., ушла въ 82 г. За покушеніе на губернатора Ильяшевича — къ смертн. казни, замѣн. безср. каторг. и увезена въ Ирк., умерла тамъ же въ 87 г. (115).

100) *Лебедева*, Татьяна Иван., двор., восп. въ моск. инст., ар. въ 74 г., Сенатъ по дѣлу 193 хъ вмѣн. въ наказаніе предв. тюремн. заключ., снова ар. въ СПБ. въ 81 г., Сенат въ 82 г. по дѣлу 22-хъ за приготовленіе взрыва близъ Одессы и подкопа въ Кишиневѣ приг. къ смертн. казни, замѣн. безсрочн. каторг., сидѣла въ Петропавловск. крѣпости до 83 г., приб. въ 84 г., изъята, умерла въ 87 г. на Карѣ. (202).

101) *Левенсонъ*, Елена, жена кассира банка, ар. въ Кіевѣ въ 80 г., Кіевск. в. с. въ 80 г. (Проц. Игн. Иванова) на 6 л. Приб. въ 81 г., ушла 84, изъята, теперь въ Евр. Россіи.

102) *Левенталь*, Левъ, р. въ 56 г., мѣщ. Кальваріи (Сувалк. губ.), евр. студ. м. унив., ар. въ 78 г. въ СПБ., в. с. (проц. Веймара) на 6 л., приб. въ 81 г., изъятъ, ушелъ въ Як. обл. въ 84 г., лѣтомъ 98 г. получилъ право возвращ. въ Европейскую Россію.

103) *Лешернъ фонъ Герифельдъ*, Софья Александровна, дочь генер.-маіора, ар. въ 74 г. въ Саратовѣ, сенат. (проц. 193-хъ) на поселеніе; по ходатайству фрейл. императорицы помилована, ар. снова въ 79 г. въ Кіевѣ, в. с. 79 г., проц. Осинскаго, смертн. казнь (за попытку къ воор. сопротивл.), замѣн. безср. каторгой, приб. въ 79 г., изъята, въ в. к. въ сен. по манифесту 91 г. на 20 л., по манифесту 94 г. — на поселеніе въ Селенгинскъ, гдѣ умерла въ 98 г. (198-9, 225-6, 286).

104) *Лисовская*, Антонина Яковлевна, р. въ 59 г., двор., ар. въ 82 г., сенат, 83 г., по дѣлу Богдановича, обв. въ подкопѣ подъ Киш. казнач., приб. въ 84 г., въ в. к. въ 85 г., ум. въ 85 г. на Карѣ.

105) *Лобановъ-Лобанчукъ*, Павелъ р. въ 51 г., мѣщ.; жестяникъ, ар. въ 80 г. въ Харьковѣ, К. в. с. въ 81 г., на 6 л., ушелъ въ 85 г. въ Баргузинъ.

106) *Лозяновъ*, Павелъ Тимоф., род. въ 57 г., сынъ причетн. Таврич. губ., восп. въ семин. (не конч.), ар. въ 79 г. въ Кіевѣ, в. с въ 80 г., (пр. Игн. Иванова) на 13 л. 4 м., приб. въ 81 г., в. к. въ 80 г., изъятъ, уш. на посел. въ янв. 91 г. въ Як. обл., гдѣ заним. фотогр., тамъ жен., умеръ (214—16).

107) *Лукашевичъ*, Александръ, р. въ 53 г., австр. поддан.: восп. въ техн. инст., ар. въ 74 г., сенатъ, по дѣлу 50 ти, оправданъ, судился по д. 193 хъ, на посел. въ с. Тунку (Ирк. г.). За укрывательство бѣжав. изъ Иркутск. тюрьмы Волошенко, ар. въ 80 г., ушелъ въ 85 г. въ г. Минусинскъ (Енис. губ), изъятъ, раб. въ мѣстномъ музеѣ, затѣмъ возвр. въ Е. Р.

108) *Лури*, Александръ, р. въ 57 г., мѣщ., еврей, восп. въ Ник. реальн. уч. (не к.), переплетчикъ, ар. въ 78 г. въ Николаевѣ, од. в. с. въ 79 г. (проц. Чубарова) на 6 лѣтъ, приб. въ 80 г., ушелъ въ 83 г. въ Як. обл.

109) *Люстигъ*, Фердинандъ, род. въ 54 г., двор., техн. инст., артил. офиц., ар. въ 81 г., сенатъ въ 82 г.. по дѣлу 22-хъ, на 4 г., сид. въ крѣп. до 83 г., приб. въ 83 г., уш. въ 85 г. въ Ирк. губ., по манифесту — треть (116).

110) *Левченко*, Никита Васильев., р. въ 58 г., мѣщ., наборщ., ар. въ Кіевѣ въ 79 г., к. в. с. въ 80 г. (по дѣлу Игн. Иванова), на 15 лѣтъ, приб. въ 81 г., за побѣгъ въ 82 г. прибавлено 10 л., перевед. въ Акатуй, въ в. к. въ ноябрѣ 91 г., по манифесту 91 г. — треть, ушелъ въ Як. обл. въ 95 г. (147, 264).

111) *Люри*, Ник. Адольф., р. въ 57 г., куп. сынъ, уч. въ инжен. акад., инженеръ-капитанъ, ар. въ 84 г. въ Новогеоргіевскѣ, д. Варынскаго, см. казнь, замѣн. 20 лѣтъ, приб. въ 86 г., въ в. к. въ сент. 90 г., манифестъ 91 — треть (186, 190, 261).

112) *Маньковскій*, Мечиславъ, р. въ 62 г., австр. под., уч. нач. уч., столяръ, ар. въ 83 г., въ Варшавѣ, в. с. въ 85 г. на 16 лѣтъ, приб. въ 86 г., перев. въ Акатуй въ сент. 90 г., приб, 1 г. за оскорбл. нач. тюрьмы Архангельскаго, по манифесту 91 г. — треть, перев. въ Зерентуй въ іюнѣ 92 г., жен. на Е. Ковальской, нынѣ заграницей (186).

113) *Медвѣдевъ*, Алексѣй Ѳедоровъ, р. въ 52 г., мѣщ., уч. въ уѣздн. уч., почтальонъ, конторщикъ, ар. въ 78 г. въ Харьк., бѣжалъ изъ тюрьмы, ар., харьк. в. с. въ 79 г., смертн. казнь, замѣнена безсрочн. каторгой, сидѣлъ въ тобольск. и омск. центр. тюрьмахъ, затѣмъ переведенъ въ Петроп. крѣпость до 84 г., приб. на К. въ 85 г., въ в. к. въ 88 году, жен. на доч. тюремн., служ., по маниф. 91 г., на житье, переѣхалъ въ Читу, спился, остав. жену и трехъ дѣтей (136, 192, 194).

114) *Малавскій*, Владимиръ, р. въ 53 г., двор., студ. кіевск. ун., ар. въ 77 г., кіевск. в. с. (по Чигиринскому д.) на поселен., по конфирмаціи сената 81 г. на 20 л. кат.; за побѣгъ изъ Красноярска прибавл. 15 лѣтъ, приб. въ 84 г., увез. въ Петропавл. крѣп. въ 83 г., изъятъ, умеръ тамъ.

115) *Махтыновскій*, Сергѣй, р. въ 59 г., двор., уч. въ константиновскомъ межевомъ учил. (не конч.), ар. въ 79 г. въ СПБ., в. с. 80 г. (проц. Квятковскаго, Зунделевича и др.) на 15 л.; за побѣгъ съ пути приб. 6 л., въ в. к. вышелъ въ сент. 90 г., маниф. 91 г. — треть, ушелъ на посел. въ Заб. обл., служ. землем. по постройкѣ сиб. жел. дор., женился, возвратился въ Е. Р. (127, 137-8, 261).

116). *Матѣевичъ*, Никаноръ, род. въ 58 г., сынъ свящ., студ. Одеск. унив., ар. въ Од., в. с. въ 82 г., на 15 л., приб. въ 83 г., вольн. ком. въ 85 г., по маниф. сбавка на 6 л., ушелъ въ Як. обл. въ 88г.

117). *Медвѣдевъ*, Эмануилъ, р. 58 г., мѣщ., евр., восп. раввин. уч. ар. въ 78 г., Од. в. с. въ 79 г., обвин. за демонст. на Гулевой ул. на 20 л. Подалъ прошеніе въ 83 г., уш. на пос. въ ст. Стрѣтен. въ 84 г.; служилъ у мѣстн. купца; потерялъ связи съ тов.

118) *Майеръ*, Самуилъ, р. въ 57 г., Од. мѣщ., евр., уч. въ ком. уч., ар. на Румынской границѣ въ 80 г., Од. в. с. въ 83 г.,-безр. кат., приб. въ 83 г., по маниф. на 20 л. к., въ вольн. ком. въ сент. 90 г.; по ман. 91 г. сбавл. 1 г., пер. въ Акатуй въ 98 г., ушелъ на пос. въ 99 году въ Баргузинъ (Заб. обл.) (261).

119) *Мельниковъ*, Павелъ, мѣщ., уч. въ СПБ. комерч. уч. (не к.) ар. по угол. д., арест. вторично въ 81 г., в. с. за покушеніе на Черевина на—20 л. приб. въ 83 г. Подалъ прош. о помил, въ 87 г. (197, 200, 224).

120). *Минаковъ*, Егоръ, р. въ 54 г., сынъ инспект. гим., студ. Од. унив., ар. въ 78 г., Од. в. с. въ 79 г., (за покушеніе на уб. шп. Гоштофта)—на 12 л., судился вторично въ 80 г., пр. Геллисса на 8 л. Бѣжалъ съ пути, за что приговор. къ безср. кат. въ 81 г.; бѣжалъ въ 82 году, увезенъ въ Петропавл. крѣп. въ 83 г. (147).

121). *Мирскій*, Леонъ Филип., р. въ 58 г., двор., ст.—медикъ (не к.) ар. въ 78 г., выпущенъ. Ар. вновь въ 79 г., в. с. за покушеніе на шефа жанд. Дрентельна, см. казнь, зам. безср. кат. Сидѣлъ въ Петроп. кр. до 83 г., приб. въ 84 г., изъятъ; в. к. въ сент. 90 г., изъ маниф. 91 г.,—изъятъ, по маниф. 94 95 гг. на пос. въ Заб. обл.; служилъ на зав. (136-9, 250, 258-9, 261).

122). *Михайловъ*, Андріанъ Ѳедоров. р. въ 53 г.. сынъ чин. студ. моск. унив. ар. въ С-ПБ. въ 78 г., в. с. 80 г. убійство шеф. жанд. Мезенцева; см. казнь зам. 20 л. кат.; сид. въ Петроп. кр. до 81 г., приб. въ 82 г., изъятъ, въ в. к. въ сент. 90 г., изъ ман.

91 г.—изъятъ; по ман. 94-95 гг., на пос. въ Заб. обл., гдѣ занмед. практ.; жен. на Добрушкиной, им. больш. сем. (190,196,261).

183). *Мозговой*, Петръ, р. въ 51 г., двор., уч. Новочерк. гим. и Харьк. ветер. инст. (не. к.); ар. въ 76 г., в. с. въ Урюпинск. станицѣ въ 79 г., —на 4 г., приб. 82, ушелъ 83 г.

124). *Морейкисъ*, Фанни, р. въ 59 г., дочь Никол. купца, евр. ар. 81 г. въ Кіевѣ. Од. в. с. 81 на 4 г., приб. 83 г., по маниф. 83 г. поселеніе, ушла въ 84 г., на 6 л. въ Читу, гдѣ вышла за мужъ за мѣст. врача.

125). *Мышкинъ*, Ипполитъ, р. въ 48 г., сынъ солдата; уч. въ воен. топограф. уч., стенографъ; содержатель типограф. въ Москвѣ, ар. въ 76 г. близъ Вилюйска за попытку освоб. Чернышевскаго; стрѣлялъ въ сопров. его казаковъ; сенат. приг. по дѣл. 143 на 10 л.; сид. въ Борисогл. центр. тюр., побилъ смотрителя, переведенъ въ Андр. т. до 80 г., за рѣчь надъ гробомъ Дмоховскаго въ Иркут. тюр. церкви приб. 15 л.; приб. въ 82 г., бѣж. въ 82 г., пойманъ во Владивостокѣ, приб. 6 л. увезенъ въ Петропав. кр. въ 83 г., умеръ.; (147, 227).

126). *Надьевъ*, Николай, р. въ 60 г., мѣщ. Од., уч. въ уѣздн. уч.; ар. въ 80 г., по д. Геллиса на 6 мѣс.; втор. арест. въ 81 г., Од. в. с. въ 83 г. на 8 л.; приб. въ 84 г., по маниф. треть, въ в. к. въ 85 г., ушелъ; въ 86 г. въ Якут. обл.

127) *Нагорный*, Осипъ Иван., род. въ 57 г., сынъ казака-кулака Полт. губ., вольносл. Пет. унив., ар. въ 81 году СПБ воен. суд. за убійство Прейма — см. казнь, замѣн. безср. кат., сидѣлъ въ Петроп. крѣп. до 83 г., приб. въ 85 г., изъятъ, въ сент. 99 г. отпр. въ Акатуй, въ янв. 91 г. — въ Зерентуй, по ман. 91 г. 20 л., на пос. вышелъ въ 99 г. въ Забайк. обл. (158, 191, 264).

128) *Никитинъ*, Петръ, род. въ 48 г., сынъ дьячка, уч. въ дух. акад., матросъ, ар. въ Николаевѣ въ 78 г., Одес. в. с. въ 79 г. (по проц. Чубарова) на 8 л., приб. въ 80 г., подалъ прошеніе въ 83 г., ушелъ на пос. въ 84 г.

129) *Новицкій*, Митрофанъ, род. въ 54 г., дворян., уч. въ Харьк. гимназіи, арест. въ 75 г., выш. подъ надзоръ, ар. вновь въ 82 г. въ Москвѣ, бѣж. изъ Саратовск. тюр. замка при содѣйствіи Поливанова, Сарат. в. с. въ 82 г. на 12 л., приб. на Кару въ 83 г., по ман. — треть, вольн. ком. въ 85 г., за столкновеніе съ карауломъ посаженъ снова въ тюрьму въ 88 г. на 1 г., уш. на поселеніе въ февр. 88 г., затѣмъ возвращенъ въ Евр. Россію.

130) *Николаевъ*, Петръ Федор., по дѣлу Каракозова, когда прибылъ и ушелъ съ Кары нѣтъ данныхъ, съ посел. въ Якутск. области возвращенъ въ серед. 80-хъ гг. въ Евр. Россію, гдѣ занимался переводами и литер. трудомъ.

131) *Николаевъ*, (нечаевецъ), мѣщ., ар. въ 69 г. въ Петерб., СПБ. суд. пал. 4 г., приб. въ 72 г., друг. данныхъ нѣтъ.

132) *Обнорскій*, Викторъ, род. въ 54 г., крест. Вятской губ. уч. въ уѣзд. уч.. слесарь, арест. въ 79 г. въ Петерб., СПБ. в. с на 10 л., по дѣлу Сѣверн. раб. союза, приб. въ 81 г., по ман — треть, ушелъ въ 84 г. въ Читу.

133) *Овчинниковъ*, Александръ, род. въ 61 г., купеч. внукъ, уголовный, ар. въ Кіевѣ въ 79 г., Кіевск. в. с. въ 79 г. (дѣло Горскаго, Бильч.), обвинялся въ убійствѣ шпіоновъ Бориновскаго и Курилова, см. казнь, замѣнена 20 г. каторги, приб. въ 80 г., за сокрытіе слѣдовъ побѣга прибавл. 1 г., предложилъ себя въ шпіоны въ 89 г., увез. въ Алекс. цент. тюрьму, посел. въ Якут. обл., гдѣ ведетъ себя, какъ уголовный преступникъ (130).

134) *Опрыжко*, Григорій, род. въ 48 г., унт.-офиц., штунд., ар. въ Николаевѣ въ 78 г., Одес. в. с. въ 78 г. за распростр. революц. изд. на 10 л., сид. въ Андр. центр. тюрьмѣ до 79 г., подалъ прошеніе и перешелъ въ православіе въ 81 г., умеръ въ 82 году.

135) *Оссовскій*, Степанъ, род. въ 60 г., крест. Бессар. г., уч. въ уѣзд. уч., кузнецъ и землед., ар. въ Кіевѣ въ 83 году, в. с. на житье въ Томскую губ., арест. вторично, по конфирмаціи Сената на 6 л. каторги, за поб. изъ Ирк. приб. 1 г., приб. въ 88 г., под. прошеніе въ сент. 89 г., сталъ доносчикомъ (186, 224, 242, 254).

136) *Орловъ*, Павелъ, род. въ 56 г., дворян., уч. въ Оренб. гимн., ар. въ 74 г., суд. въ 78 г. (по проц. 193-хъ), оправданъ, высл. админ. въ Арханг. губ., бѣж. въ 78 г., арест. вновь въ Кіевѣ въ 79 г., Кіевск. в. с. на 8 л., за смѣнку и поб. съ пути приб. 5 л., приб. въ 81 г., увез. въ Петроп. крѣп. въ 82 г., привез. обратно въ 84 году, изъятъ, уш. въ 87 году, убитъ близъ Якутска въ 90 г. (138, 140, 141).

137) *Осиповъ*, Александръ, род. въ 51 г., крест. Петерб. губ., ткачъ, ар. въ 75 г., суд. Сенатомъ въ 76 г., на 9 л., сид. въ Борисогл. центр. тюрьмѣ до 80 г., приб. въ 82 г., уш. въ 83 г.,

138) *Осмоловскій*, Григорій Федоровъ, род. въ 57 г., сынъ чиновника, уч. въ Херсон. учит. сем., суфлеръ, ар. въ 79 г. въ Кишиневѣ, Одес. в. с. въ 80 г. (дѣло Геллиса) на 15 л., приб. въ 80 г., маниф. — скидка 3 года, вольн. ком. въ 88 г., уш. на поселеніе въ Якутск. обл. въ авг. 90 г., вернулся въ Евр. Россію (214 – 16).

139) *Позенъ*, Веньяминъ Павл., род. въ 60 г., купеч. сынъ, уч. въ Харьк. гимназіи, ар. въ 79 г., Кіевск. в. с. въ 80 г. на 7 л. (по дѣлу Попова и др.), приб. въ 81 г., под. прошеніе въ 83 г., возвратился въ Россію въ 84 г.

140) *Позенъ*, Николай Павл. (братъ Веньямина), род. въ 50 г., студентъ и сельскій учитель, ар. въ 79 году въ Кіевѣ, Кіевск. в. с. (по дѣлу Мокріевича и др.) на 14 л. 10 мѣс., за побѣгъ изъ Иркут. тюрьмы прибавлено 14 л. и 2 м., приб. въ 80 году,

изъятъ, под. прошеніе въ маѣ 90 года (112, 170—71, 182, 217, 225—26).

141) *Попко*, Григорій, род. въ 51 году, сынъ священника, уч. въ Одес. унив., студ. 4-го курса юрид. фак., ар. въ Одессѣ въ 78 году, Одес. в. с. въ 79 году безср. кат., за иркут. побѣгъ считать срокъ съ 80 года, 2 года испытанія и 3 года тачки, приб. въ 80 году, изъятъ, ум. въ 85 году на Карѣ, (112).

142) *Поповъ*, Моисей род. въ 55 г., турецкій подданный (изъ Болгаріи), рѣзчикъ по дереву, ар. въ Одес. 81 г., Одес. в. с 83 г., безср. каторга, приб. въ 83 г., по маниф. 91 года на 10 л., ушелъ на поселеніе въ Читу, откуда подалъ прошеніе (252, 261).

143) *Предтеченскій* (нелег. *Будковскій*), Николай Ник., род. въ 53 году, крестьян. Подольской губ., слесарь, ар. въ Кіевѣ въ 79 году, Кіевск. в. с. 89 г. (по дѣлу Гобста и др.) на 12 лѣтъ, изъятъ, въ вольн. ком. въ 88 годр, жен. на Крюковской, ушелъ въ августѣ 90 года въ Читу, открылъ часов. дѣлъ мастерскую, прервалъ сношенія съ товарищами, возвратился въ Евр. Россію (161, 166).

144) *Поповъ*, Михаилъ Род., род. въ 51 г., сынъ священника, студ. М.-Х. Академіи, арест. въ Кіевѣ въ 79 году, Кіевск. в. с. въ 80 см. казнь, замѣнена безсрочной каторгой; приб. въ 81 г., изъятъ, увезенъ въ Петроп. крѣпость въ 82 г., оттуда въ Шлис., гдѣ остается понынѣ.

145) *Преображенскій*, Алекс. Иван., род. въ 52 году, сынъ священника Курской губ., студ. Харьк. универ., арест. въ Кіевѣ 81 году, Кіевск. суд. пал. 81 года къ см. казни, замѣнена безср. каторгой, приб. въ 81 году, по маниф. на 20 л., въ вольн. ком. въ сент. 90 года, маниф. 91 года скинулъ 1 годъ, ушелъ на поселеніе въ Читу въ 96 году, служилъ на жел. дор., оттуда въ Иркутскъ, прервалъ сношенія съ товарищами (161).

146) *Прибылевъ*, Алекс. Васильев., род. въ 57 году, сынъ протоіерея Пермск. губ., ветеринарный врачъ, ар. въ Петербургѣ въ 82 году, сенатъ по дѣлу Богдановича въ 83 году на 15 л. приб. съ 85 году, маниф. 83 года — треть, ушелъ на поселеніе въ январѣ 92 года въ Читу, оттуда въ Благовѣщенскъ, нынѣ получилъ право вернуться въ Европ. Россію (157, 190—91, 251, 261).

147) *Прибылева*, Раиса (ур. Гроссманъ), род. въ 58 г., дочь врача, жена Алекс. Вас., уч. на медиц. курс., 5-го курса, ар. въ 82 г., Сенатъ въ 83 году (дѣло Богдановича) 4 года, приб. въ 84 г., въ вольн. ком. въ 85 г., ушла въ Якутск. обл. въ 85 году, вышла зам. за Тютчева, недавно умерла (126, 190).

258) *Пашковскій*, Титъ Ильичъ, дворян., аптек. учен., ар. въ Вильнѣ въ 87 году, Сенатъ (дѣло 1-го марта 87 года), 10 лѣтъ, приб. въ 88 году, вольн. ком. въ сент. 90 года, изъ маниф. 91 г.

изъятъ, уш. въ Якутск. обл. въ 93 году, тамъ кончилъ самоубійствомъ въ 94 году (186, 261).

149) *Петровъ*, Николай, род. въ 51 г., дворян., уч. въ Кіевск. гимн. (не конч.), хористъ, ар. въ 80 г. въ Харьковѣ, Кіевск. в. с. въ 80 году (дѣло Попова) 4 года, приб. въ 81 г., уш. въ Заб. область.

150) *Рехневскій*, Ѳалдей Юльев., род. въ 62 году, дворян., конч. юрид. факульт. Пет. универ., ар. въ Кіевѣ въ 84 г., Варш. в. с. въ 85 году на 14 л. к., приб. въ 86 г., въ вольн. ком. въ сент. 90 года, по маниф. 91 года — треть, уш. на поселеніе въ Заб. обл., служ. на жел. дор., недавно возвратился въ Европ. Россію (186, 261).

151) *Радіоновъ*, Иванъ, род. въ 61 года, сынъ солдата, уч. въ Кіевск. гимн. (не конч.), ар. въ 79 году, Кіевск. в. с. въ 80 году на 6 л., приб. въ 81 г., ушелъ въ 86 году, под. прошеніе, пошелъ изъ Якутска въ Россію 94 г.

152) *Рыбницкій*, Иванъ, род. въ 42 году, неизв. происхожд., жилъ по турецкому паспорту, литейщикъ, ар. въ 75 году въ Одессѣ, Сенатъ (проц. Заславскаго) въ 77 году на 5 л., сид. въ Борисогл. центр. тюр. до 80 года, приб. въ 83 году, уш. на пос. въ 83 году.

153) *Ровенскій*, Файвель, еврей, род. въ 50 г., Бердян. мѣщ., студ. Харьк. ветер. инст., ар. въ 78 году по студ. безпор., выслан. на родину, вновь арест. въ Харьковѣ 81 г., Одес. в. с. 83 года на 10 л., приб. въ 84 году, по маниф. — треть, въ вольн. ком. въ 86 году, ушелъ въ Якутск. обл. 87 году, оттуда въ Томск. губернію, а затѣмъ въ Харбинъ (167).

154) *Рогачевъ*, Дмитрій, род. въ 51 году, артил. офиц., ар. въ 73 году въ Тверск. губ., бѣжалъ отъ конвоя, ар. вторично въ 76 году, Сенатъ (по дѣлу 193) на 10 л., сид. въ Андр. центр. тюрьмѣ до 80 года, приб. въ 82 году, умеръ въ 84 г. на Карѣ.

155) *Родинъ*, Петръ, род. въ 59 году, крестьян., Сарат. губ., уч. въ Сарат. гимназіи (не конч.), ар. въ 76 году въ Казани, отданъ подъ надзоръ родителей, ар. въ 78 году въ Ростовѣ, Харьк. в. с. въ 79 году (дѣло Ефремова), безсроч. кат., приб. въ 80 году, отравился въ 81 году на Карѣ.

156) *Россикова*, Елена Ивановна, жена управляющ. имѣніемъ въ Херсон. губ., ар. въ 79 году, Одес. в. с. въ 80 году (по дѣлу объ ограбленіи Херсон. казнач.), безсроч. кат., приб. въ 80 г., увезена въ Иркутскъ въ 83 году, обратно — въ 85 году, изъ маниф. 83 и 91 гг. изъята, сошла съ ума, въ февралѣ 93 года переведена въ Иркутскую больницу, гдѣ умерла (111, 114, 205, 206, 231).

157) *Санковскій*, Николай, род. въ 51 г., уч. въ Бѣльск. гим. (не конч.), акцизный чиновн., ар. въ Петербургѣ въ 81 г. Пет.

в. с. за покушеніе на шефа жанд. Черевина — см. казнь, зам. бсзсроч. кат., приб. въ 89 году, изъятъ, отравился въ Акатуѣ въ ночь на 17 ноября 90 года (177, 197, 217, 230—31, 264).

158) *Сарандовичъ*, Екатерина, род. въ 58 году, дворянка, уч. Одесской гимназіи (не кончила), ар. въ 79 году, Кіевск. в. с. (вооружен. сопротивленіе въ домѣ Кос.) на 4 года, приб. въ 79 году, ушла въ 82 году.

159) *Сарычевъ*, Гордѣй, род. въ 51 году, солдатъ, городовой въ Одессѣ, ар. въ 77-78 гг., суд. в. с. по процессу Ѳомичева — ар. вновь въ 82 году въ Одессѣ, Одес. в. с. на 6 л., приб. въ 83 году, маниф. — треть, уш. въ 85 году въ Заб. область.

160) *Свитычъ*, Владиславъ, род. въ 52 году, дворян., уч. Могилев. гимн. (не конч.), вольноопредѣляющійся, ар. въ 78 году, Одес. в. с. въ 78 году (дѣло Ковальскаго) на 8 л., сидѣлъ въ Борисогл. центр. тюрьмѣ, приб. въ 82 году, изъятъ, ушелъ въ 84 году въ Якутскую область, оттуда въ Иркутскъ, затѣмъ во Владивостокъ, гдѣ сотрудничалъ въ мѣстныхъ газетахъ.

161) *Смирницкая*, Надежда, род. въ 52 г., дочь свящ., ар. въ 79 г. въ Кіевѣ, выслана администр. въ Сольвичегодскъ, бѣжала въ 80 г., ар. вторично въ Москвѣ въ 82 г., сенат. въ 83 г. (по д. Богдановича) на 15 лѣтъ, приб. въ 84 г., принимала участіе во всѣхъ протестахъ по поводу увоза Е. Ковальской и вмѣстѣ съ другими отравилась 12 ноября 89 г. (203 4, 208-9, 212, 219, 233, 244, 249).

162) *Старынкевичъ*, Ив. Юльичъ, сынъ ген.-маіора, студен. Моск. унив., ар. въ 81 г., суд. Моск. в. с. въ 81 г. на 20 лѣтъ, приб. въ 82 г., изъятъ въ в. к. въ сент. 90 г., по ман. 91 г. треть, вышелъ на поселеніе въ Заб. Обл. въ 94 г., служилъ земемѣромъ по постр. Сиб. жел. дор., вернулся Е. Рос., въ Саратовѣ былъ вновь аресг. и выпущенъ. (128, 137, 261).

163) *Стеблинъ-Каменскій*, Ростиславъ, р. въ 58 г., двор., студ. Харьк. ветер. инст., ар. въ Кіевѣ въ 79 г. (по д. Мокріевича и др.), Кіев. в. с. на 10 л., приб. въ 80 г., изъятъ, ушелъ на пос. въ 85 г. въ Як. об., оттуда въ Ирк., гдѣ покончилъ съ собою (118).

164) *Стефановичъ*, Яковъ, р. въ 53 г., сынъ свящ., Черн. г., студ. Кіев. унив., ар. въ 77 г, въ Полт. губ., бѣжалъ изъ Кіев. тюрьмы въ 78 г., ар. вторично въ 82 г. въ Москвѣ., суд. сенат. по проц. Богдановича на 8 л., прибылъ въ 83 г., по маниф. — треть съ перечисленіемъ въ крестьяне черезъ 4 г., ушелъ на пос. въ Як. Обл. въ нояб. 90 г. (26, 72, 130-1, 160-1, 183, 256, 263-68).

165) *Студзинскій*, Сигизмундъ, р. въ 53 г., двор., учил. въ Житом. гимн. (не к.), суффлеръ, ар. въ 78 г. въ Од., Од в. с. (д. Ковальскаго) въ 78 г. на 4 год., сидѣлъ въ Борисогл. ц. т.,

приб. въ 82 г., ушелъ въ 84 г. въ Як. Обл., получ. право верн. въ Евр. Рос.

166) *Сѣряковъ*, Алексѣй, р. въ 54 г., сынъ свящ., ар. въ 75 г. въ СПБ., сенат. въ 75 г. (д. Дьякова и Сѣр.) на 6 лѣтъ, сид. въ Борисогл. ц. т., приб. въ 82 г. уш. въ 83 г., сошелъ съума въ Якутскѣ въ 91 г.

167) *Союзовъ*, Иванъ, р. 52 г., солдатъ изъ крест., столяръ, ар. въ 76 г. въ Харьк., сенат. (д. 193) на 9 лѣтъ (съ зачетомъ предв. закл.), приб. въ 78 г., ушелъ въ 82 г. въ Заб. Обл.

168) *Спандони Басманджи*, Афанасій, род. въ 53 год., сынъ купца, грекъ, уч. въ од. гимн. (не к.), ар. въ 78 г. въ Од., высланъ въ Верхоянскъ въ 79 г., возвращ. въ 81 г., ар. вторично въ Од. въ 83 г., СПБ. в. с. въ 84 г. (д. Фигнеръ) на 15 л., приб. въ 86 г., перевез. въ Акатуй въ 90 г., въ в. к. въ ноябр. 91 г., ман. 91 г. — треть, на пос. въ 94 г. въ Заб. Обл., вернулся въ Евр. Рос. (76, 82, 88, 109, 186, 263).

169) *Салова*, Неонила Михайлов., р. въ 60 г., двор., уч. въ гимн., кончила Петер. Маріинскіе курсы, ар. въ 84 г. въ СПБ., СПБ. в. с. въ 87 г. въ маѣ (по д. Лопатина) на 20 л., приб. въ 88 г., ман. 91 г. — треть, въ в. к. въ сент. 92 г. (231, 233, 265).

170) *Сигида*, Над. Конст., р. въ 62 г., таган. мѣщ., уч. въ таг. гимн., учигельн. гор. уч-а, ар. въ 86 г., сенат. въ 87 г. на 8 лѣт., приб. въ янв. 89 г., въ сент. 89 г. дала ком. Мамюкову пощечину, по распоряженію ген.-губ. Корфа наказана 100 ударами розогъ 6 ноябр. 89 г., умерла въ ночь съ 8 на 9 ноября (231-33, 241 9, 254).

171) *Сухомлинъ*, Вас. Ив., р. въ 60 г. въ Од., сынъ помѣщ. Полт. г., уч. въ гимн. (к.), ар. въ дер. Полт. г. въ 84 г., СПБ. в. с. (по проце. Лопатина) пригов. на 15 л., приб. въ 89 г., въ в. к. въ сент. 90 г., ман. 91 г. — треть, на пос. въ Заб. Обл. въ 95 г., верн. въ Евр. Рос. (187, 261).

172) *Тарховъ*, Юр., р. въ 53 году, уч. въ Конст. в. уч. артилл. офицеръ, ар. въ 79 г., СПБ. в. с. въ 79 г. (д. Мирскаго) на 10 лѣтъ, приб. въ 80 г., ман. — треть, ушелъ въ 84 г. въ Заб. обл.

173) *Терентьевъ*, Мих., нар. учит., ар. въ 75 г. въ Од., сен. въ 76 г. на 9 л., приб. въ 77 г., въ в. к. въ 79 г., возвращ. въ тюрьму въ 81 г., ушелъ въ 81 г.

174) *Тефтулъ*, Ив., р. въ 51 г., од. мѣщ., зол. дѣлъ мастеръ, ар. въ 76 г. въ Од., сен. въ 76 г. (д. Терентьева) на 10 л., пр. въ 79 г., в. ком. въ 79 г., возвращ. въ тюрьму въ 81 г., ушелъ въ 83 г.

175) *Тихановъ*, Яковъ, р. 51 г., крест., ткачъ, смол. губ. ар. въ 79 г. близъ Александр. (подкопъ), СПБ. в. с. въ 80 г. (пр. 16) см. казнь, замѣн. безср. кат., сидѣлъ въ Петр. кр. до 81 г., приб. въ 82 г., умеръ въ 83 г. на Карѣ.

176) *Тищенко* (*Березнюкъ*), Ив. Ив., р. въ 45 г., кр. 1авр. г., матросъ, ар. въ Харьк. въ 78 г., х. в. с. въ 79 г. (д. Ефремова) по освобожденію Медвѣдева — безср. к., за побѣгъ изъ Ирк. т. — считать срокъ съ 80 го г., прибавл. 2 года въ разр. испыт. и 3 г. къ тачкѣ, приб. въ 80 г., изъятъ, переведенъ въ Акатуй въ сент. 90 г., ман. въ 91 г. — изъятъ, ман. 94 и 95 г. на пос. въ Заб. обл., гдѣ и понынѣ (112, 142).

177) *Трощанскій*, Вас., р. въ 45 г. сынъ чиновн., уч. Техн. Инст., высланъ на сѣверъ, бѣжалъ въ 78 г., ар. въ СПБ. въ 78 г., СПБ. в. с. въ 80 г. (д. Веймара) - на 10 л., приб. въ 82 г., в. ком. въ 85 г., ушелъ въ 86 г., изъятъ, умеръ въ 98 г. въ Якутскѣ.

178) *Турович*, Ив., р. въ 58 г., сынъ дьячка, уч. Подольск. семин., ар. въ 79 г. въ Каменецъ-Подольскѣ, Кіев. в. с. въ 79 г. (д. Крыжановскаго) - на 6 лѣтъ, прибл. въ 80 г., уш. въ 83 г.

179) *Тринитатская*. Екат., р. въ 53 г., дочь унт.-офицера, жена учителя, уч. въ Самар. гимн. и на медиц. курсахъ, фельдшерица, ар. въ Черниговѣ, вторично въ Таганрогѣ (д. Сигиды), въ 86 г., сенатъ въ 87 г., на 12 лѣтъ, приб. въ 89 г., въ в. к. 91 г., по ман. — 1/3, сошла съ ума и увезена въ Черниговъ. (231; 268).

180) *Успенскій*, Петръ, р. въ 43 г. двор., ар. въ 69 г., суд. палат. съ сосл. представителями въ **71** г. (д. Нечаева), на 15 л. до 76 г. сидѣлъ въ Александр. заводѣ (близъ Нерчинска), приб. въ 76 г., въ в. к. въ 77, возвр. въ т. въ 81 г., умеръ въ 82 г. на Карѣ.

181) *Семяновскій*, Евгеній, р. въ 50 г., сынъ доктора, кандидатъ правъ СПБ. ун., ар. въ СПБ. въ 75 г., сенатъ 77 г. на 12 лѣтъ. приб. въ 77 г., въ в. к. въ 79 году, застрѣлился въ 81 г. на Карѣ.

182) *Феохари*, Степанъ, р. въ 57 г., Од. мѣщ., грекъ, скульпторъ, ар. въ Кіевѣ въ 79 году, Кіев. в. с. (д. Мокріев.) 79 г., на 5 лѣтъ 4 мѣс., приб. въ 90 г., уш. въ 83 г., въ 90 г. вернулся на родину въ Грецію.

183) *Филиппов*, Александръ, р, въ 58 г., уч. Псков. воен. прогим., оберъ фейерверкеръ, ар. въ 82 г., СПБ. в. с. 72 г., (пр. Нечаев. солд.), на 5 лѣтъ, сидѣлъ въ Петроп. кр. до 83 г., приб. въ 83 г., изъятъ, ушелъ въ 86 году въ Як. обл.

184) *Фоминъ*, Алексѣй Александр. р. въ 58 г., уч. въ К. юнк. уч., офицеръ, ар. въ 79 г. за пропаг., бѣжалъ изъ Вильны въ 80 году загран., ар. въ СПБ. въ 82 году, СПБ. в. с. въ 83 году безср. к., замѣн. 20 л., приб. въ 84 г., изъятъ, в. к. въ сент. 90 г., ман. 91 г. — треть; вышелъ на поселеніе въ Заб. Обл.; служ. по ж. д. (167; 250; 261)

185) *Фомичевъ* Григорій, р. въ 54 г., сынъ дьячка, стул. Од. унив., ар. въ 77 г., Од. в. с. въ 78 г. оправданъ, ар. въ 78 г.,

Од. в. с. въ 79 г. (д. Чубар.) — безср. кат., за побѣгъ изъ Ирк. тюрьмы въ 79 г. срокъ считать съ 80 г. и прибавл. 2 г. испыт. таній и 3 года тачки, приб. въ 80 г., по маниф. на 20 л., пер въ Акатуй въ сент. 91 г., в. к. 92 г., ман. 91 г. 1 г., ушелъ на пос. въ Заб. обл. (112, 162, 167—70, 225, 259, 260, 261, 265).

186) *Фриденсонъ*, Григ. Мих., р. въ 54 г., куп. сынъ, евр. уч. Моск. технич. уч., ар. въ 81 г. сенатъ по процессу 20 въ 82 г. на 10 л., сид. въ Петроп. крѣп. до 83 г., приб. въ 84 г., по ман. — треть, въ в. ком. въ 86 г., на пос. зимой 86 г. въ Заб. Обл., служ. на жел. дор.

187) *Хохловъ*, Григорій, р. въ 57 г., мѣщ. Тамб. губ., слесарь, ар. въ 81 г. въ Пет., Пет. р. с. (за уб. шп. Прейна) на 20 лѣтъ, сид. въ Петр. Пав. кр. до 83 г., приб. въ 83 г., изъятъ, под. прош. о помил., на посел. въ Читу (163, 164, 191, 222).

188) *Хрущовъ*, Ник., р. въ 58 г., тамб. мѣщ., мѣдникъ, ар. въ Кіевѣ въ 79 г., К. в. с. въ 89 г. (д. Попова) на 12 л., приб. въ 82 г., за побѣгъ въ 82 г. (съ Мышкинымъ) прибавл. 12 л. изъятъ, подалъ прош. (147, 161, 164, 227).

189) *Шиціановъ*, Александръ, р. въ 50 г., грз. князь; студ. Моск. Унив., ар. въ Москвѣ въ 75 г., сенатъ въ 77 г. (по д. 50) на 10 лѣтъ, сидѣлъ въ Борисогл. ц. т., приб. въ 82 г., ушелъ въ 83 г., умеръ въ 85 г. въ Киренскѣ.

190) *Цукерманъ*, Лейзеръ, р. въ 52 году, купеческ. происхожденія, уч. въ еврейск. школѣ, евр. писарь и наборщикъ, ар. въ 80 году въ Петерб., в. с. въ 80 г., (пр. 16) на 8 лѣтъ, приб. въ 82 г., изъятъ, ушелъ въ 85 г. въ Якутск. обл., утопился въ 87 г. (123—4).

191) *Цыпловъ*, Ив. (Гарный), ар. въ 48 г., изъ уголовн. арестантовъ, ар. въ Тобольск. г. въ 81 г., суд. в. с. за вооруж. сопр. см. казнь, замѣн. 6 лѣтъ кат., за смѣнку въ пути, обнаруженную въ Красноярскѣ, прибавл. 5 л. и 100 розогъ, приб. въ 82 г., послѣ 11 мая 82 года наказанъ 100 ударами, въ 85 г. открылъ свое родословіе (Гарный) и подалъ прошеніе, переведенъ въ уголовн. тюрьму въ 86 г. (129; 130; 143; 198; 200; 224).

192) *Чарушинъ*, Алексѣй, р. въ 53 г., уч. въ Петерб. унив. (не к.), ар. въ 73 г., сенатъ (д. 193) - на 9 лѣтъ съ зачет. предв. заключенія, приб. въ 78 году, в. к. въ 79 г., возвращ. въ т. въ 81 году, ушелъ въ 81 году въ Нерч.; верн. въ Евр. Рос.

193) *Синегубъ*, р. въ 53 году, дв., студ. Петерб. унив., арест. въ 74 году, сенатъ въ 78 г. (д. 193), - на 8 лѣтъ, приб. въ 78 г.; въ в. к. въ 78 г., ушелъ въ 80 году въ Читу, служилъ на пріискахъ, сотрудн. въ мѣстн. газ.; им. больш. семью, живетъ въ Томскѣ.

194) *Атанедесъ*, Ханъ Магометъ, р. въ 50 г., туркменъ, ар. въ 79 году за возстаніе противъ русск. владычества, суд. в. с. въ 80 г., на 12 лѣтъ, приб. въ 80 г., умеръ въ 81 г. на Карѣ.

195) *Чернавскій*, Мих. Мих., р. въ 55 г., сынъ протодьякона, Смол. губ., студ. М. Х. Ак., ар. въ 76 г., сенатъ въ 77 г. (д. демонстраціи на Каз. пл.), на 15 л., сидѣлъ въ Борисогл. ц. т., приб. въ 82 г., по маниф. ушелъ на пос. въ 84 г., вер. въ Евр. Рос.

196) *Чикоидзе*, Мих. Ник., р. въ 52 г., груз. двор., уч. Мих. артилл. уч. (не к.), ар. въ 75 г. въ Москвѣ, сенатъ въ 77 г. (д. 50 ти) — на поселеніе, бѣжалъ изъ Киренска, ар. въ Москвѣ въ 82 г., суд. въ Киренскѣ окружн. суд. на 3 г. кат., приб. въ 84 г., ушелъ въ 85 г. въ Якутск. обл., оттуда уѣхалъ въ 95 г., умеръ въ 95 г. въ Кургапѣ (123-4).

197) *Чуйковъ*, Владим. Из., р. въ 57 г., двор., изъ 7-го кл. Житом. гим., ар. въ 77 г. въ Жит., выслапъ въ 78 г. въ Усть-сысольскъ, оттуда въ 79 г. въ Сиб., въ 80 возвращенъ, арест. вновь въ Харьк. въ 83 г., петерб. воен. суд. (д. Фигнеръ) въ 84 г. на 20 л., приб. въ 85 г., перев. въ Акатуй въ сент. 90 г., въ в. ком. въ 92 г., по маниф. 91 г. сбав. треть, ушелъ на посел. въ 95 г. въ Заб. обл., служ. на жел. дор., нынѣ въ Ирк. (76, 88, 116, 121, 126, 132, 158, 212, 264).

198) *Шефферъ*, Георгій, р. въ 58 г., сынъ чиновн., уч. Кіев. гим. (не к.), ар. въ 76 г., выпущенъ, ар. въ 77 г., кіев. суд. пал. въ 79 г. (Чигиринск. дѣло) на 4 г., по конфирмаціи сената сбавлена треть, приб. въ 82 г., ушелъ въ 83 г. въ Заб. обл.

199) *Шехтеръ*, Софья Наумовна, р. въ 56 г., од. мѣщ. уч. одес. гимн., ар. въ 80 г., кіев. воен. суд. (д. Попова) на 6 л., приб. въ 81 г., по маниф. сбавл. треть, ушла въ 84 г.

200) *Шишко*, род. въ 54 г., двор., уч. Мих. арт. уч., офицеръ, ар. въ 74 г., сенатъ въ 78 г. (д. 193-хъ) на 9 л. съ зачетомъ предв. заключ., приб. въ 78 г., въ вольн. ком. въ 79 г., возвращенъ въ тюрьму въ 81 г., ушелъ въ Заб. обл., въ 87 г. перетхалъ въ Томскъ, въ 89 г. бѣжалъ заграницу.

201) *Шпирканъ*, Маркелъ, р. въ 57 г., двор., уч. Каменецъ-Под. гимн., ар. въ Каменцѣ въ 79 г., кіев. воен. суд. (д. Крыжановскаго) въ 79 г. на 6 лѣтъ, прибылъ въ 80 году, ушелъ въ 83 г.

202) *Щедринъ*, Ник., р. въ 54 г., уч. въ омск. кад. корпусѣ и петерб. учит. семин. (не к.), былъ учит. въ петерб. колоніи для малолѣтнихъ преступн., ар. въ Кіевѣ въ 81 г., кіевск. в. с. (д. Преображенскаго) — см. казнь, замѣн. безсрочн. кат., въ Иркут. далъ пощечину чиновнику Соловьеву, за что снова приговоренъ къ см. казни, помилованъ, приб. въ 82 г., увезенъ въ 82 г. прикованнымъ къ тачкѣ (по дѣлу о Южно-Русск. Рабоч. Союзѣ) перев. въ Петропавл. кр., за тѣмъ въ Шлис., гдѣ сошелъ съ ума и умеръ (112).

203) *Щепанскій*, Іосифъ, р. въ 57 г., двор., уч. въ кіевск. гимн. (не к.), дом. учит., ар. въ 78 г., одесск. воен. с. (д. Чуба-

рова) на 4 г., приб. въ 80, ушелъ въ 83 г. въ Як. обл., гдѣ остает. добров. по нынѣ.

204) *Эйтнеръ*, М[illegible]., род. въ 54 г., двор., студ. 4 к. матем. фак. од. ун., учит. желѣзнодор. уч., ар. въ 78 г., од. воен. суд. въ 79 г. (д. Чубарова) на 15 л., приб. въ 80 г., подалъ прош. въ 80, ушелъ въ 84 г., давно верн. въ Евр. Рос.

205) *Юрковскій*, Федоръ, р. въ 52 г., двор., уч. Никол. морсковск. уч. (не к.), ар. въ 80 г. (по д. Херс. казн.), кіевк. воен. суд. въ 80 г. на 20 л., приб. въ 81 г., за побѣгъ въ 82 г. прибавл. 10 л., увезенъ въ Шлис. въ 83 г., гдѣ умеръ (147).

206) *Янковскій*, Конст., р. въ 59 г., сынъ свящ., уч. кіевск. гимн. (не к.), ар. въ 77 г., одесск. воен. суд. (Малинка. Дробязгинъ) на 10 л., приб. въ 80 г., изъятъ, въ в. к. въ 85, ушелъ въ 88 г. въ Як. обл. (7).

207) *Яцевичъ*, Ник. Вас., р. въ 61 г., сынъ протоіер., Полт. губ., уч. харьк. ветер. инст., ар. въ 78 г., харьк. воен. суд. въ 79 г. (дѣло Ефремова) на 15 л., за побѣгъ изъ Ирк. прибавл. 14 л., приб. въ 80 г., по маниф. сб. треть со всего срока, въ в. к. вышелъ въ 90, по маниф. 91 г. сб. 1 г., жен. на Саловой, остает. добров. въ Заб. по нынѣ (112, 136 7, 182, 213, 215).

208) *Ястрембскій*, Сергѣй, р. въ 57 г., двор., студ. харьк. ун., ар. въ 75 г., выпущенъ на поруки, бѣжалъ заграницу, вернулся въ 77 г., ар. и суд. харьк. в. с. въ 79 г. на 10 л., приб. въ 80, въ в. к. въ 85, ушелъ въ 86 г. въ Як. обл., вернулся въ Евр. Рос.

209) *Якубовичъ*, Петръ Филип., р. въ 60 г., двор. Новгор. г., конч. ист. филолог. фак., ар. въ 84 г. (по д. Лопатина), в. с. на 18 л., приб. въ 88 г., въ Акатуй въ сент. 90 г., по маниф. 91 г. сбавл. треть, ушелъ на поселеніе въ г. Курганъ, возвр. въ Пет. (186, 259, 264).

210) *Якимова*, Анна Васильевна, дочь свящ., Вят. губ., воспит. въ епарх. уч., (привл. по д. 193-хъ), участв. подъ имен. Кобозевой въ приг. подкопа изъ сырной лавки на М. Садов., суд. въ 1882 г. по проц. 20-ти — см. казнь, замѣн. безср. кат., въ 84 г. приб. на Кару, въ в. ком. въ 92, изъята изъ маниф., въ 94 г. примѣн. на 20 л., въ 98 перев. въ Акатуй, на посел. въ 99 г. въ Заб. обл. (204, 208, 254, 265).

211) *Франжоли*, Ник., род. въ 56 г., австр. под., уч. Херс. гимн. (не к.), ар. въ 79 г. въ Херс., Од. в. с. (д. Россиков.) въ 80 г. на 4 г., приб. въ 80 г., ушелъ въ 89 г. въ Заб. обл.

212) *Бычковъ*, Александръ, род. въ 62 г., сынъ инженера уч. въ Кіев. гим., арест. въ маѣ 81 г., кіев. воен. суд. въ 83 г. на посел. въ Верхол. (Ирк. губ.), въ 87 г. бѣжалъ, въ 88 вновь арест. въ Москвѣ, снова бѣжалъ и снова арестов. тамъ же, въ 91 г. петерб. окр. с. пригов. къ 3 г. кат. р. и къ 40 плетямъ, послѣдн. было отмѣн., приб. на Кару въ февр. 92 г., ушелъ въ

Якутск. обл. въ дек. того же года, изъ маниф. былъ изъятъ, нынѣ вернулся въ Евр. Рос.

213) *Крыжановскій*, сынъ свящ., род. въ Кам. Под. губ., въ 1856 г. уч. въ сем. (н. к.), ар. въ 1879 г., суд. Кіев. воен. суд. (за поп. рог. почты), безсроч. кат., бѣж. съ Кары въ 82 г. перев. въ Петр. Пав. крѣп, оттуда на Сахалинъ.

Кромѣ перечисленныхъ лицъ, на Карѣ недолгое время были также четыре участницы Якутской бойни 1889 г.: Болотина, Гассохъ, Гуревичъ Евгенія и Перли но о нихъ подробныхъ свѣдѣній не имѣется.

Такимъ образомъ, всего на Карѣ перебывало изъ участниковъ движенія 70-хъ и 80-хъ годовъ — 217 человѣкъ, изъ которыхъ значительнаго контингента теперь уже нѣтъ въ живыхъ, изъ остальныхъ большинство совсѣмъ отстало отъ современнаго движенія.

БИБЛІОТЕКА
АКАДЕМІИ.

Оглавленіе.

		стр.
Предисловіе		III
Глава I.	Поѣздка въ Германію. — Изъ революціоннаго прошлаго. — Причина ареста.	1
Глава II.	Тюремные порядки. — Надежда на скорое освобожденіе. — По Германіи.	16
Глава III.	Пріѣздъ въ Россію. — Въ петербургскихъ тюрьмахъ	35
Глава IV.	Въ одесскихъ тюрьмахъ. — Судъ. — На зимовкѣ	55
Глава V.	Въ Сибирь	87
Глава VI.	По этапамъ	97
Глава VII.	Отъ Иркутска до Кары	110
Глава VIII.	Первые дни на Карѣ. — Старые и новые товарищи	127
Глава IX.	Изъ исторіи Карійской тюрьмы. — Внутренняя организація	146
Глава X.	„Сенедріонъ". — Первая весна	160
Глава XI.	Тюремныя развлеченія. — Новые коменданты	175
Глава XII.	„Больница" — Участники крупныхъ процессовъ	186
Глава XIII.	Женская политическая тюрьма	202
Глава XIV.	Новые колонисты. — Продолженіе протестовъ	220
Глава XV.	Развязка. — Освобожденіе	240
Глава XVI.	Жизнь въ вольной командѣ	263
Глава XVII.	Отъѣздъ. — Побѣгъ	282
Приложенія:	I. Политическіе каторжане на Карѣ	301
	II. Лица, добровольно послѣдовавшія	330

II.

Лица, добровольно послѣдовавшія на Кару.

1). *Армфельдъ*, мать, приб. въ нач. 80 г., уѣхала въ концѣ 80, спять приб. въ 85 г., уѣхала въ 86 г.

2). *Барбашева*, (Петрова), приб. въ 81 г., какъ невѣста Петрова; уѣхала съ мужемъ въ Заб. Обл.

3). *Богомолецъ*, Александръ, врачъ, съ сынкомъ Александромъ; пріѣх. весной 92 г., уѣхалъ зимой.

4). *Геллисъ*, жена, пріѣхала вмѣстѣ съ мужемъ; выслана въ 82 г. въ Акшу (Заб обл.).

5). *Квятковская*, жена, пріѣхала съ мужемъ и уѣхала съ нимъ же въ Заб. обл.

6). *Люри*, Над. Дм. пріѣхала съ мужемъ въ 86 г., уѣхала въ 92 г.

7). *Мозговая*, пріѣхала и уѣхала съ мужемъ.

8). *Михайлова*, сестра, пріѣхала съ братомъ, уѣх. въ 84 г. въ Читу.

9). *Комаровская*, нев. Стеблинъ-Каменскаго, пріѣхала въ 85 г., вышла на Карѣ замужъ и уѣх. съ мужемъ въ Якут. обл.

10). *Новицкая*, приб. съ мужемъ, уѣхала въ 87 г. въ Евр. Рос

11). *Попова*, приб. съ мужемъ, уѣх въ 87 г. въ Евр. Рос.

12). *Рогачева*, Д. И. пріѣхала съ мужемъ, послѣ смерти его вышла за мужъ за Свитыча, уѣх. съ нимъ въ Якут. обл.

13). *Родина*, пріѣх. съ мужемъ, уѣх. послѣ его смерти въ 80 г.

14). *Снегубъ*, пріѣхала и уѣхала съ мужемъ.

15). *Стеблинъ-Каменская*, мать, пріѣх. съ сыномъ, выслана въ Россію въ 82 г.

16). *Успенская*, жена, прибыла съ мужемъ, уѣхала съ сынкомъ въ Россію въ 80 г.

17). *Чарушина*, пріѣхала и уѣхала съ мужемъ въ Заб. обл.

18). *Ястрембская*, пріѣхала и уѣхала съ мужемъ въ Як. об.

19). *Биберталь*, пріѣхала и уѣхала съ мужемъ въ Заб. обл.

20). *Горинович* Над. Ник. приб. съ муж. 84 г., умерла на Карѣ 88 г.

21). *Режневская*, Витольда Викентьевна приб. въ 89 г., уѣхала въ 92 г. заграницу.

22). *Сухомлина*, Анна Марковна пріѣхала и уѣхала съ муж. въ Заб. обл